
Симфония
по творениям
святителя
Иоанна
Златоуста
* *

СИМФОНИЯ

ПО ТВОРЕНИЯМ
СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА
ЗЛАТОУСТА

Издание 2-е

МОСКВА
2008

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:
Интернет-портал
«Православная книга России»
www.pravkniga.ru

Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста. Изд. 2-е. — М., ДАРЪ, 2008. — 576 с.

ISBN 978-5-485-00192-6

Святитель Иоанн (347–407) почитается всеми христианами как вселенский святитель и величайший учитель Церкви, великий писатель и проповедник. За необычайный дар слова он еще при жизни получил наименование «Златоуст». Наследие свт. Иоанна Златоуста составляет более 20 томов. Его поучения и слова, несмотря на то, что были произнесены и записаны 16 веков назад, не потеряли своей ценности и актуальности и в настоящее время. К сожалению, не каждый человек найдет время и возможность прочитать все творения свт. Иоанна. Поэтому и была собрана Симфония, в которой вы найдете подборку наставлений и высказываний свт. Иоанна об основах Православной веры и духовной жизни. Конечно, невозможно все поучения, толкования, слова свт. Иоанна Златоуста вместить в одну небольшую книгу, но мы постарались собрать все самое важное и необходимое для духовного возрастания.

ISBN 978-5-485-00192-6

АД (ГЕЕННА)

Если мы пребудем в ожесточении, подобно фараону, и не вразумимся наказаниями, то нас ожидает не потопление в Чермном море, но море огненное, с которым Чермное море ни по величине, ни по качеству сравниться не может, море несравненно обширнейшее и яростнейшее, волны которого все из огня необыкновенного и ужасного. Там зияет великая пропасть, пышущая лютейшим пламенем. Там повсюду увидишь пробегающий огонь, подобный какому-то свирепому зверю... Послушай, что говорят о дне суда пророки: *приходит день Господа лютый, с гневом и пылающею яростью* (Ис. 13, 9). Не найдешь тогда ни заступника, ни избавителя, не увидишь тогда кроткого и тихого лица Христова. Но как сосланные на рудокопные заводы отдаются под власть людей немилостивых и не могут видеть никого из своих домашних и друзей, а только видят своих надзирателей, так будет и тогда, и еще несравненно хуже. Потому что здесь еще можно прибегнуть к царю и умолить его и таким образом снять с осужденного оковы, а там это уже невозможно. Ибо из ада никого не выпускают, и заключенные там вечно горят в огне и претерпевают такое мучение, которого описать невозможно (1).

* * *

Некоторые говорят, что геенны не будет, потому что Бог человеколюбив. Но разве напрасно Господь сказал, что Он грешников пошлет *в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41)? Нет, говорят, но только для угрозы, чтобы мы вразумились. А если мы не вразумимся и останемся злыми, — скажи мне, — то Бог не пошлет наказания? И добрым не воздаст наград? Воздаст, говорят, потому что Ему свойственно оказывать благодеяния даже и выше заслуг. Итак, последнее истинно и непременно будет, а что касается до наказаний, то их не будет?

О великое коварство диавола, о бесчеловечное такое человеколюбие! Ибо ему принадлежит эта мысль, обещающая бесполезную милость и делающая людей беспечными. Так как он знает, что страх наказания, как некоторая узда, удерживает нашу душу и обуздывает пороки, то он делает все и принимает все меры, чтобы исторгнуть его с корнем, дабы потом мы безбоязненно неслись в пропасть. Как же мы преодолеем его? Из Писаний, что бы мы ни говорили, противники скажут, что это написано для угрозы. Но если они могут говорить так о будущем, хотя и весьма нечестиво, то о настоящем и уже исполнившемся — не могут. Итак, спросим их, слыхали ли вы о потопе и всеобщем тогдашнем истреблении? Для угрозы ли было сказано и это? Разве это не исполнилось и не произошло на самом деле? Не свидетельствуют ли об этом и горы Армении, где остановился ковчег? Остатки его не сохраняются ли там и доныне для нашего воспоминания? Подобным образом и тогда многие говорили в течение ста лет, когда ковчег строился и праведник возвещал, никто не верил этому, но так как не верили угрозе на словах, то внезапно подвергались наказанию на самом деле. А кто навел такое наказание на них, Тот не гораздо ли более наведет на нас? Ныне совершаемые злодеяния не меньше тогдашних... Если кто не верит геенне, то пусть вспомнит о Содоме, пусть подумает о Гоморре, о наказании, которое уже исполнилось и остается доныне. Изъясняя это, и Божественное Писание говорит о премудрости: *она во время погибели нечестивых спасла праведного, который избежал огня, нисшедшего на пять городов, от которых во свидетельство нечестия осталась дымящаяся пустая земля и растения, не в свое время приносящие плоды* (Прем. 10, 6–7). Нужно сказать и причину, за что они так пострадали. У них было одно преступление, тяжкое и заслуживающее проклятия, но только одно: они предавались неистовой страсти и за это сожжены огненным дождем. А теперь совершаются бесчисленные подобные и тягчайшие преступления, но такого сожжения не бывает. Почему? Потому что приготовлен другой огонь, никогда неугасаемый. Ибо Тот, Кто показал такой гнев за один грех, не принял ходатай-

ства Авраама и не был удержан жившим там Лотом, как пощадит нас, совершающих столько зла? Не может быть этого...

При этом нужно подумать и о том, что бывает в настоящей жизни, и мы не станем отвергать геенны. Если Бог праведен и нелицеприятен, а Он действительно таков, то почему здесь одни за убийство терпят наказание, а другие не терпят? Почему из прелюбодеев одни наказываются, а другие умирают не наказанными? Сколько гробокопателей избегли наказания, сколько разбойников, сколько корыстолюбцев, сколько грабителей? Если бы не было геенны, то где они понесут наказание? Убедим ли мы противоречащих, что учение о ней — не басня? Оно так истинно, что не мы только, но и стихотворцы, и философы, и баснописцы рассуждали о будущем воздаянии и утверждали, что нечестивые наказываются во аде... Итак, не будем отвергать геенны, чтобы нам не впасть в нее, ибо неверующий делается беспечным, а беспечный непременно попадет в нее, но будем несомненно верить и часто говорить о ней, и тогда мы нескоро станем грешить. Ибо память об этом, как некоторое горькое лекарство, может истребить всякий порок, если она будет постоянно жить в нашей душе (1).

АПОСТОЛЫ

Убедил Он идти путем тесным и скорбным... через одиннадцать человек неученых, простых, не знавших языков, незнатных, бедных, не имевших ни отечества, ни богатства, ни телесной силы, ни славы, ни знаменитости предков, ни силы слова, ни искусства красноречия, ни преимуществ учености, но рыбарей, скинотворцев*, говоривших на своем языке, не одинаковом с языком тех, кому проповедовали, но чуждом и отличном от всех прочих языков, т.е. еврейском, и через них Христос устроил Свою Церковь, простертую от концов до концов вселенной!

И не только это удивительно, но и то, что эти люди, простые, бедные, немногочисленные, незнатные, неученые, уничиженные, говорившие на чуждом языке и презираемые, избранные для исправления всей вселенной и получившие повеление обращать

* Скинотворец — изготовитель палаток, шатров. *(Примеч. ред.)*

ее к труднейшим делам, совершили это не во время мира, но при воздвигаемых против них отовсюду бесчисленных нападениях. В каждом народе и городе, — что я говорю: в народе и городе? — в каждом доме предстояла им борьба. Проповедуемое ими учение часто разлучало сына с отцом, невестку со свекровью, брата с братом, раба с господином, подчиненного с начальником, мужа с женой, жену с мужем, отца с детьми, потому что не все вдруг принимали его. Это подвергало их ежедневной вражде, непрерывной борьбе, тысяче смертей и располагало людей обращаться с ними как с общими врагами и неприятелями. Все гнали их: цари, правители, простолюдины, свободные, рабы, народы и города, да не их только, но и тех, которые приняли их учение, но еще не были крепки в вере. Была общая война и против учеников и против учителей, так как это учение казалось противным и царским постановлениям, и привычке, и отеческим обычаям. Они увещевали отвергнуть идолов, презреть жертвенники, которые чтимы были всеми отцами и предками, отказаться от нечистых верований, гнушаться празднеств и отвращаться от обрядов, к которым люди питали благоговение и страх и за которые они готовы были скорее отдать свою душу, нежели принять проповедуемое апостолами и веровать в Рожденного от Марии, осужденного игемоном*, поруганного, претерпевшего бесчисленные страдания и поносную смерть, погребенного и воскресшего. И то производило недоверчивость, что страдания Его были явны для всех: бичевания, удары по ланитам, оплевания в лицо, заушения, распятие на кресте, великое осмеяние, поругание от всех, погребение, дарованное в виде милости, — а обстоятельства воскресения еще не были известны, так как Он по воскресении Своем явился только ученикам. И однако такой проповедью они убедили и устроили Церковь (2).

---

* Игемон — наместник, подразумевается Пилат. *(Примеч. ред.)*

БДИТЕЛЬНОСТЬ

Если мы бдительны и не беспечны, то жизнь посреди злых людей не только не вредит нам, но и делает нас более тщательными в добродетели. Для того человеколюбивый Бог и устроил так, чтобы жили вместе и злые и добрые, чтобы от этого и нечестие злых ослаблялось, а добродетель добрых выказывалась блистательнее, и беспечные от обращения с ревностными (в добродетели) получали, если пожелают, величайшую пользу (8).

БЕДНОСТЬ

Сколько, слышу я, говорят: если бы не было бедности! Заградим уста тех, которые ропщут так, потому что говорить это – богохульство. Итак, скажем им: да не будет малодушия, а бедность вносит бесчисленные блага в жизнь нашу. Без бедности и богатство бесполезно. Не будем же обвинять ни этого, ни той: бедность и богатство суть оружия, и приведут оба к добродетели, если мы захотим. И как храбрый воин, какое бы ни взял оружие, выкажет свою силу, так слабый и робкий затрудняется со всяким. А чтобы узнать, что это правда, вспомни Иова, который был и богачом, и бедняком, владел тем и другим оружием и тем и другим победил. Когда он богат был, говорил: дверь моя открыта всякому приходящему; когда же стал беден, говорил: *Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось* (Иов 1, 21). Когда богат был, показал много страннолюбия, когда сделался бедным — много терпения... Ни богатство, ни бедность не есть сами по себе зло, но бывают оба таковыми по изволению пользующихся ими. Итак, приучим себя не иметь таких суждений о вещах и станем винить не дела Божии, но злую волю человеческую. Малодушному и богатство не может принести пользы, великодушному и бедность никогда не повредит (1).

* * *

Был некий богач, который каждодневно одевался в порфиру, а в душе был покрыт паутиной, дышал благовониями, а исполнен был смрада, предлагал роскошный стол, кормил тунеядцев и льстецов, утучнял рабыню — плоть, а госпоже — душе — попускал гибнуть с голоду (см.: Лк. 16, 19–26)...

Этот богач кормил тунеядцев и льстецов, обратил дом свой в театр, обливал вином всякого, жил в великом благоденствии, но другой некто Лазарь был покрыт ранами, сидел у ворот богача и желал крупиц. Возле источника он томился жаждой, подле изобилия голодал. И где он брошен был? Не на распутье... но в воротах богача, которыми этот должен был и входить и выходить, чтобы не говорил: я не видал, не приметил, мои глаза не досмотрели. При входе твоем лежит жемчужина в грязи, и ты не видишь! Врач у ворот, и ты не лечишься! Кормчий у пристани, и ты терпишь кораблекрушение! Кормишь тунеядцев, а бедных не питаешь!.. Для того и написано это, чтобы потомки научились из дел и не подверглись тому, чему подвергся богач. Итак, лежал в воротах бедный, бедный внешне, но богатый внутренне, лежал с ранами на теле, как сокровище, у которого наверху терние, а внизу жемчуг. Ибо какой ему вред от болезни тела, когда душа здорова? Пусть слышат это бедные и не задыхаются от уныния, пусть слышат богатые и отстанут от нечестия. Для того и предложены нам эти два образца, богатства и бедности, жестокости и мужества, любостяжательности и терпения, чтобы ты, когда увидишь бедного в ранах и пренебрежении, не называл его жалким, и когда увидишь богача в блеске, не считал его блаженным... Итак, Лазарь лежал в воротах, покрытый ранами, мучимый голодом. Псы, приходя, лизали раны его, псы были человечнее человека. Они лизали раны Лазаря, снимали и очищали гной. А он лежал, поверженный, как золото, в печи, оттого делаясь более блестящим. Не говорил, как говорят многие из бедных: это ли промысел! Неужели Бог презирает на дела человеческие? Я при праведности беден, а этот при неправде богат. — Ничего подобного он не помыслил, но предавался непостижимому человеколюбию Божию, очищая свою душу, перенося страдания, являя терпение, лежа телом, но бегая

умом, летая мыслию, восхищая награду, избавляясь зол и становясь очевидцем благ. Не говорил: тунеядцы наслаждаются до излишества, а я не удостаиваюсь и крупиц. Но что? Благодарил и прославлял Бога.

Умер богач, и был похоронен, отошел и Лазарь. Не скажу: умер, потому что смерть богача была точно смерть и заключение во гроб, но смерть бедного была отшествием и преставлением к лучшему, переходом с поприща борьбы к награде, из моря в пристань, от сражения к торжеству, от подвигов к венцу (1).

* * *

Добродетель гораздо удобнее совершается при бедности. А о богатстве говорит Христос: *удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие* (Мф. 19, 24). О бедности же ничего подобного не сказал, но говорит даже противное: *все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною* (Мк. 10, 21), так как от произволения зависит следование за ним.

Итак, не будем убегать бедности, как зла, потому что она есть залог Царствия, не будем также гоняться и за богатством, как за благом, потому что неблагоразумных оно губит (1).

* * *

Ничто столько не соблазняет и не смущает народ, как то, что богатые, живущие нечестиво, наслаждаются великим благоденствием, а праведники, живущие добродетельно, впадают в крайнюю бедность и терпят множество других бедствий, более тяжких, нежели бедность. Но эта притча [о богаче и Лазаре] может доставить врачевство, вразумляя богатых и утешая бедных, тех научая не превозноситься, а бедных утешая в настоящих бедствиях, тем внушая не восхищаться, когда порочные не терпят наказания здесь, так как они подвергнутся тягчайшей муке там, а бедных убеждая не смущаться при виде чужого благоденствия и не думать, будто нет о нас промысла, когда праведный здесь страдает, а порочный и нечестивый наслаждается постоянным благополучием. Тот и другой получат должное там: один — венцы за страдание и терпение, другой — наказание и мучение за нечестие. Эту притчу напишите и богатые и бедные: богатые — на стенах

домов ваших, а бедные — на стенах души, и если она когда-либо изгладится от забвения, опять начертайте через воспоминание (3).

* * *

И не богач только, но и бедный дает отчет — в бедности: благодушно и с благодарением ли перенес бедность, не впал ли в уныние, не подосадовал ли, не возроптал ли на Божий промысел, видя другого в роскоши и удовольствиях, а себя в нужде? Как у богача потребуют отчета в милостыне, так у бедного в терпении, или — лучше — не только в терпении, но и в самой милостыне, потому что бедность не мешает милостыне: свидетель — вдовица, положившая две лепты и этим малым вкладом превзошедшая тех, которые положили помногу (6).

* * *

Когда некто подошел и сказал: *учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную,* и когда Христос перечислил все заповеди закона, а тот, продолжая спрашивать, говорил: *все это сохранил я от юности моей; чего еще не достает мне,* — то Он сказал ему: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим... и следуй за Мною* (Мф. 19, 16–21). Если бы бедность была законом и повелением, то надлежало бы с самого начала сказать это и постановить законом и предписать в виде повеления, а не высказывать в виде совета и увещания. В самом деле, когда он говорит: *не берите с собой ни золота, ни серебра* (Мф. 10, 9) [обращаясь к апостолам], то говорит как повелевающий, а когда говорит: *если хочешь быть совершенным,* то говорит как советующий и увещевающий. А не одно и то же — советовать и давать закон. Кто дает закон, тот желает, чтобы предписанное непременно было исполняемо, а кто советует и увещевает и предоставляет на волю слушающего избрать то, о чем говорит, тот делает слушателя властным принять или не принять (6).

* * *

Бедность — безопасное прибежище, тихая пристань, всегдашнее спокойствие, неомрачаемая опасностями радость, чистое удовольствие, жизнь невозмутимая и безмятежная, благополучие ненарушимое, источник мудрости, узда надменности, свобода от наказания, корень смирения. Для

чего же, скажите мне, вы убегаете от этой бедности и гоняетесь за тем, что враждебно, убийственно, злее всякого зверя (7)?

БЕДСТВИЯ

Будем стараться приносить Богу благодарение за все и мужественно переносить все, случающееся с нами. Впадем ли в бедность или в болезнь — будем благодарить; злословят ли нас — будем благодарить, страдаем ли мы — будем благодарить. Это приближает нас к Богу, через это Бог делается должником нашим, а когда мы благоденствуем, тогда сами делаемся должниками и ответчиками перед Богом... Бедствия располагают к милосердию и человеколюбию, благоденствие доводит до высокомудрия, ввергает в беспечность, делает надменным и расслабляет нас. Поэтому и говорит пророк: *благо мне, что Ты смирил меня, чтобы я научился уставам Твоим* (Пс. 118, 71). Когда Езекия получал благодеяния и был свободен от бедствий, тогда сердце его возгордилось, а когда впал в болезнь, тогда он смирился, тогда стал близок к Богу. *Когда Он умерщвлял их*, говорит Писание об иудеях, *они искали его и скоро обращались к Богу* (Пс. 77, 34)... Господь познается тогда, когда творит суд. Великое дело — скорбь. Путь к Небу тесен, скорбь поставляет нас на этом тесном пути, а не терпящий скорби не может идти по нему. Кто предается скорби на этом тесном пути, тот получает и утешение, а кто любит широту, тот и не входит в него, или мучится, как бы вбиваемый насильно... Лишился ли ты имущества, — это много убавило широты пути твоего. Лишился ли славы, — она была также широтой. Подвергся ли клевете, верят ли тому, что наговорили на тебя, но чего сам ты не сознавал за собой, — радуйся и веселись. *Блаженны вы,* сказал Господь, *когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5. 11–12). Чему ты удивляешься, когда постигает тебя скорбь, и для чего желаешь освободиться от искушений?.. Итак, будем благодарить за все: и за утешение, и за скорбь, не станем роптать, не будем неблагодарными (1).

* * *

Почему мы оплакиваем наказываемых, а не согрешающих?

Не так тяжко наказание, как тяжек грех, потому что грех есть причина наказания. Итак, когда ты увидишь какого-нибудь человека, имеющего гнилую рану, у которого из тела выходят черви и гной и который оставляет без внимания эту язву и гниение, а — другого такого, который, страдая тем же, пользуется пособием врачей, допускает прижигания и отсечения и пьет горькие лекарства, то которого из них ты будешь оплакивать, скажи мне, — того ли, который болен и не лечится, или того, который болен и лечится?.. Перенесись мыслью от тел к душам, от болезней к грехам, от горечи лекарств к наказаниям и суду Божию, ибо наказание от Бога есть то же, что и лекарство от врача. Отсечение и прижигание, как огонь, через многократное прикосновение прижигает рану и останавливает ее развитие, как железо отсекает гнилость, причиняя боль, но доставляя пользу, так и голод, и моровые язвы, и все кажущиеся бедствия насылаются на душу вместо железа и огня, чтобы остановить, как это бывает с телами, развитие ее болезней и сделать ее лучшей (3).

* * *

Как художник золотых вещей, бросая в горнило золото, оставляет его плавиться в огне до тех пор, пока не увидит, что оно сделалось чистейшим, так точно и Бог попускает душам людей искушаться бедствиями до тех пор, пока не сделаются они чистыми и светлыми, пока от этого искушения не приобретут великой пользы. Так и это есть величайший вид благодеяния.

Итак, не будем смущаться и падать духом, когда постигают нас искушения. Если художник золотых вещей знает, сколько времени нужно держать золото в печи и когда вынимать его оттуда, и не допускает оставаться ему в огне до того, чтобы оно испортилось и перегорело, — тем более знает это Бог, и когда Он видит, что мы сделались более чистыми, то избавляет от искушений, чтобы от избытка бедствий мы не преткнулись и не пали. Не будем же роптать и малодушествовать, если случится что-нибудь неожиданное, но предоставим Знающему это с точностью очищать нашу душу, пока Он хочет, потому что Он делает это с пользой и ко благу искушаемых (6).

* * *

Хвалимся и скорбями, говорит он [апостол Павел], *зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает* (Рим. 5, 3–5)... Как из деревьев те, которые стоят в местах тенистых и безветренных, бывают хотя цветисты по виду, но изнежены и слабы и скоро повреждаются от всякого напора ветров, а те, которые стоят на высоких вершинах гор, колеблются многими и великими ветрами, переносят частые перемены воздуха, потрясаются жесточайшими бурями и засыпаются обильным снегом, бывают крепче всякого железа; подобно тому как тела, воспитываемые во многих и различных удовольствиях, украшаемые нежными одеждами, часто омываемые и намащаемые и с излишеством изнеживаемые разными родами пищи, делаются совершенно негодными к подвигам благочестия и к трудам и достойны величайшего наказания, — так точно и души: те, которые ведут жизнь, чуждую бедствий, наслаждаются удовольствиями, приятно занимаются настоящими предметами и жизнь беспечальную предпочитают терпению скорбей для Царства [Небесного] по примеру всех святых, бывают нежнее и слабее всякого воска и готовятся в пищу вечному огню, а те, которые подвергаются опасностям, трудам и бедствиям для Бога и воспитываются в них, бывают крепче самого железа или тверже адаманта*, от частого перенесения бедствий делаясь неодолимыми для нападающих и приобретая некоторый непобедимый навык к терпению и мужеству... Душа, претерпевшая много искушений и подвергающаяся великим скорбям, привыкнув к трудам и приобретя навык к терпению, бывает не боязлива, не робка и не смущается приключающимися скорбными обстоятельствами, но от постоянного упражнения в случайностях и частого испытания разных приключений делается способной переносит с великой легкостью все случающиеся бедствия (6).

* * *

Он [Господь], как премудрый и провидящий, не вначале и при

* Адамант — алмаз, бриллиант. *(Примеч. ред.)*

первом случае избавляет от бедствий, но когда усилятся все меры врагов и когда делами доказано будет терпение подвижников Его, тогда и являет собственную помощь, чтобы никто не мог говорить, будто они потому решаются на опасности, что уверены, что с ними не случится ничего неприятного. Поэтому Он некоторым и попускает терпеть бедствия по своей неизреченной премудрости, а некоторых избавляет от них, чтобы ты из всего познал чрезмерное человеколюбие Его и то, что Он, соблюдая для них большие награды, часто попускает усиливаться бедствиям... Мы можем получать пользу, не только находясь в благоприятных обстоятельствах, но и в скорбях, и тогда еще более, чем при благополучии, потому что благополучие, как бывает по большей части, делает людей беспечными, а скорбь, заставляя быть внимательными, делает достойными и вышней помощи, особенно когда мы в надежде на Бога оказываем терпение и твердость во всех приключающихся скорбях. Не будем же сетовать, когда постигают нас бедствия, но будем более радоваться, потому что это бывает поводом к нашей славе (6).

* * *

Мы не боимся никаких настоящих бедствий. И что составляет бедствие? Смерть? Она — не бедствие, потому что через нее мы скорее достигаем безмятежной пристани. Или лишение имущества? *Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь* (Иов. 1, 21). Или изгнание? *Господня — земля и что наполняет ее* (Пс. 23, 1). Или клевета? *Радуйтесь и веселитесь, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить... ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5, 11, 12). Я видел мечи и думал о небе, ожидал смерти и помышлял о воскресении, видел земные страдания и исчислял небесные награды, смотрел на козни и представлял себе небесный венец. Сама цель борьбы ободряла меня и утешала. Я был в опасности, но это не причинило мне вреда, потому что одно только вредно — грех. Хотя бы вся вселенная старалась вредить тебе, но если ты сам себе не будешь вредить, то не потерпишь вреда. Предательство только одно — от совести; не предавай своей совести, и никто не предаст тебя (7).

БЛАГА БУДУЩИЕ (ИСТИННЫЕ)

Будем же воспламенять в себе любовь к будущим благам. Великая слава ожидает праведников, такая, какой невозможно изобразить словом, ибо они, восприняв нетленные тела по воскресении, прославятся и будут царствовать вместе со Христом (1).

* * *

Если бы кто-нибудь тебя, постаревшего и живущего в бедности, обещал вдруг сделать молодым и привести в самый цветущий возраст, сделать весьма крепким и прекрасным и даровать тебе царствование над всей землей на тысячи лет, царствование, сопровождающееся глубочайшим миром, чего бы не решился ты за это обещание и сделать и претерпеть? Но вот Христос обещает не это, а гораздо больше этого, ибо не такова разница между старостью и юностью, как между тлением и нетлением, не такова — между царствованием и бедностью, как между славой настоящей и будущей, но — как между сновидениями и истиной... Нет слова, которое могло бы достаточно изобразить величину отличия благ будущих от настоящих. А в отношении к продолжительности невозможно и умом представить их различия. Ибо с чем настоящим можно сравнить жизнь, не имеющую конца? В отношении же к миру разность между ними такова, как между миром и войной; и в отношении к тлению и нетлению такова, насколько чистая жемчужина превосходит грязную глыбу. Или лучше, что бы кто ни сказал, ничем не в состоянии будет изобразить этого. Хотя бы даже я сравнил красоту тогдашних тел со светом солнечного луча, хотя бы с блистательнейшей молнией, — я еще не сказал бы ничего достойного той светлости. А за такие блага сколько можно отдать денег и тел? Или лучше, сколько можно отдать душ? Между тем если бы тебя кто-нибудь привел к царю и доставил тебе возможность в присутствии всех разговаривать с царем и вместе с ним кушать и жить, то ты назвал бы себя блаженнейшим из всех, а имея возможность взойти на небо, предстать самому Царю всего, блистать подобно Ангелам и наслаждаться тамошней неприступной славой,

ты недоумеваешь, можно ли жертвовать деньгами, тогда как следовало бы, хотя бы нужно было отдать и саму жизнь, веселиться, радоваться и восхищаться от удовольствия (1)?

* * *

Ничто не приводит в такое помешательство рассудок, как привязанность к предметам временным. Зная это, удаляйтесь, сколько возможно, от мира и воздерживайтесь от дел плотских; ибо от них происходит потеря не в случайных, а в самых высших благах (1).

* * *

Если все жалеют человека, изгнанного из отечества, если считают жалким потерявшего наследство, то какими слезами должно оплакивать того, кто лишается Неба и уготованных там благ? Но не оплакивать его только нужно. Оплакивают всякого, кто подвергся какому-либо несчастью не по собственной вине, но кто по собственной воле предается порокам, тот достоин скорби. Господь наш Иисус Христос скорбел и плакал об Иерусалиме, который был нечестив. Подлинно, мы достойны бесчисленных воздыханий, бесчисленных рыданий! Если бы вся вселенная возвысила голос свой: и камни, и дерева, и кустарники, и звери, и птицы, и рыбы, — словом, если бы вся вселенная, возвысив голос, стала оплакивать наше лишение этих благ, то и этого плача и рыдания будет недостаточно. Какое слово, какой ум может представить то блаженство, то добро, удовольствие, славу, радость, веселье, светлость: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Не сказано просто, что эти блага превосходны, но что никто никогда не может и представить себе того, *что приготовил Бог любящим Его*. В самом деле, каковы должны быть те блага, которые приготовил и устроил сам Бог? Если, сотворив нас, Он тотчас, когда мы еще ничего не сделали, столько даровал нам: и рай, и общение с Ним самим, обещал бессмертие, жизнь блаженную и свободную от забот, — то чего Он не дарует тем, которые столько делали, трудились и терпели для Него? Единородного своего Сына Он не пощадил для нас, истинного Сына своего предал за нас на смерть. Если же Он удостоил нас таких благ, когда мы были Его врагами,

то чего не удостоит, когда мы сделаемся Его друзьями?.. Он беспредельно богат и безгранично желает и старается сделать нас своими друзьями, но мы нисколько не стараемся об этом... Мы для собственной нашей пользы едва ли пожертвуем малой частью золота, а Он за нас отдал Сына своего. Будем же употреблять, как должно, любовь Божию, будем пользоваться дружеским Его расположением к нам (1).

* * *

Ныне многие из пристрастившихся к роскоши и пресыщению, когда хотят выразить весьма великое довольство, имеют обычай говорить: мы имеем много благ. Не называй, человек, только эти вещи благом, рассуждая так, что они даны от Владыки на то, чтобы мы, пользуясь ими с умеренностью, поддерживали жизнь и подкрепляли немощь тела, но есть другие, истинные блага. Ничто из здешнего не есть благо — ни веселье, ни богатство, ни драгоценная одежда, но все это имеет только название блага. Что я говорю: имеет только название блага? Часто эти предметы бывают еще причиной нашей погибели, когда мы будем пользоваться ими ненадлежащим образом. Так богатство тогда было бы благом для обладателя, когда бы он тратил его не на веселье только, не на пьянство и вредные удовольствия, но умеренно пользуясь весельем, остальное раздавал бы бедным на пропитание: тогда богатство — благо! Если же кто-то будет предаваться веселью и распутству, то богатство не только не принесет ему никакой пользы, но и низведет его в глубокую пропасть (3).

* * *

Поскольку многие люди предпочитали духовным благам чувственные, то в удел этим благам Он (Господь) назначил скоротечность и кратковременность, чтобы, отвлекая этим от настоящего, привязать людей крепкой любовью к будущим благам. А так как эти последние блага невидимы и духовны, существуют в вере и в надеждах, то смотри, что Он делает. Придя сюда, приняв нашу плоть и совершив чудное домостроительство, Он через это будущие блага полагает нам перед глазами и таким образом удостоверяет в их существовании грубые умы наши (6).

БЛАГА ЗЕМНЫЕ

Не будем считать блаженными тех, которые живут роскошно, но будем помышлять о кончине их: здесь плотяность и тучность, а там червь и огонь; также и хищников не будем считать блаженными, но смотреть, какова их кончина: здесь заботы и труды, а там неразрешимые узы и тьма кромешная; также и любящих славу, но смотреть, какова их кончина: здесь раболепство и притворство, а там великое страдание и постоянное горение в огне. Если мы таким образом будем рассуждать с самими собой и непрестанно повторять это и тому подобное при наших порочных пожеланиях, то скоро будем избегать пороков и исполнять добродетели, погасим любовь к благам настоящим и воспламеним любовь к благам будущим. Подлинно, что в настоящих благах есть прочного или необыкновенного и дивного, чтобы посвящать им все свои заботы (1)?

* * *

Бог здесь не дарует нам полного успокоения, но хоть отчасти и дарует, сполна сберегает его для будущей жизни... Праотцам нашим Бог говорил, что Он даст им блага настоящего времени, но так как видел, или лучше сказать, они сами показали себя достойными высших благ, то Он сподобил их получить не те блага, а эти высшие, дабы показать нам, что не прилепляющиеся к первым достойны последних (1).

* * *

Он [Господь] дал тебе руки? Для Него и употребляй их, а не для диавола, не на хищение и любостяжание, а на исполнение заповедей и благотворения, простирай их в продолжительных молитвах и на помощь падших. Он дал тебе уши? Для Него и употребляй их, а не для слушания шумных песен и срамных рассказов... Он дал тебе уста? Пусть же не произносят они ничего неблагоугодного Ему, но поют псалмы, гимны, духовные песни, *доставляя благодать слушающим* (Еф. 4, 29), в созидание, а не на разорение, на благохваление, а не на злоречие, не на клеветы, не на все противное. Он дал тебе ноги для того, чтобы ты спешил не ко злу, но к добру. Он дал тебе чрево не для того, чтобы ты слишком наполнял его, но чтобы жил воздержно. Он вложил вожделение для деторождения, а не для блуда и прелюбодейства. Дал ум

не для того, чтобы ты хулил, не для того, чтобы поносил Его, но чтобы хвалил. Дал и деньги, чтобы употребляли их как должно, дал и силу, дабы и ее употребляли как должно. Дал искусства для поддержания жизни, а не для того, чтобы мы уклонялись от духовных занятий, для того, чтобы изучали искусства не пустые, но необходимые, для того, чтобы друг другу служили, а не козни строили друг против друга. Дал кров, но для того, чтобы он защищал только от дождя, а не для того, чтобы был украшаем золотом, а бедняк погибал бы с голоду. Дал одежды для того, чтобы мы прикрывались ими, а не тщеславились, не для того, чтобы на них много было золота, а Христос умирал бы нагой. Дал дом не для того, чтобы ты жил в нем один, но чтобы принимал и других. Дал землю не для того, чтобы ты, отделив себе большую ее часть, блага Божии тратил на блудниц, плясунов, актеров, флейтщиков и арфистов, но на алчущих и нуждающихся. Дал тебе море, чтобы ты плавал, чтобы не утруждался от путешествия, а не для того, чтобы ты исследовал глубины его и извлекал оттуда камни и т.п. (1)

* * *

Чтобы усилить в нас любовь к благам духовным, Бог устроил так, чтобы мирские блага исчезали еще прежде смерти своего обладателя. В самом деле, не тогда, как скончается обладатель их, не тогда только и они кончаются, напротив, вянут и умирают еще при жизни его, чтобы скоротечность их отвела от этой страшной заразы и самых страстных и безумных искателей их, открывая природу этих благ и научая опытом, что они бессильнее тени, и через это искореняя в людях саму любовь к ним. Например, богатство не только исчезает с кончиной богатого, но оставляет его и при жизни, молодость убегает от обладающего ею не только тогда, когда он скончается, но и когда еще дышит: она кончается на пути зрелого возраста и уступает старости. Равно и красота и благообразие еще при жизни женщины кончается и переходит в безобразие, слава и могущество — тоже, почести и власть — однодневны и кратковременны, умирают скорее людей, обладающих ими, словом, мы видим, что и земные блага ежедневно гибнут так же, как и тела человеческие. А это для того,

чтобы мы, пренебрегая настоящим, прилеплялись к будущему и искали наслаждения в последнем, чтобы, ходя по земле, сердцем жили на небесах (6).

БЛАГОДАРЕНИЕ

Будем благодарить Бога во всех случаях, ибо в этом и состоит благодарение. Благодарить в счастье — легко, здесь сущность дела побуждает к тому, достойно удивления то, если мы благодарим, находясь в крайних обстоятельствах. Если мы за то благодарим, за что другие богохульствуют, от чего приходят в отчаяние, — смотри, какое здесь любомудрие: во-первых, ты возвеселил Бога, во-вторых, посрамил диавола, в-третьих, показал, что случившееся ничто. В то самое время, когда ты благодаришь, и Бог отъемлет печаль, и диавол отступает. Если ты приходишь в отчаяние, то диавол, как достигший того, чего хотел, стал возле тебя, а Бог, как оскорбленный хулой, оставляет тебя и увеличивает твое бедствие. Если же ты благодаришь, то диавол, как не получивший никакого успеха, отступает, а Бог, как принявший честь, в возмездие награждает тебя большей честью. И не может быть, чтобы человек, благодарящий в несчастье, страдал. Душа его радуется, делая благое, в то же время совесть веселится, — она услаждается своими похвалами, а душе веселящейся нельзя быть печальной... Нет ничего святее того языка, который в несчастьях благодарит Бога. Он поистине ничем не отличается от языка мучеников и получает такой же венец, как и те. Ибо и у него стоит палач, принуждающий отринуть Бога богохульством, стоит диавол, терзающий мучительными мыслями, помрачающий душу скорбью. Итак, кто перенес скорбь и благодарил Бога, тот получил венец мученический. Если, например, болеет дитя, а мать благодарит Бога, это венец ей. Не хуже ли всякой пытки скорбь ее? Однако же она не заставила ее сказать жестокое слово. Умирает дитя, — мать опять благодарит Бога. Она дщерью Авраама сделалась. Хотя она не заклала дитяти своей рукой, но радовалась над закланной жертвой, а это все равно: она не скорбела, когда брали у нее дар Божий (1).

* * *

Бог не требует от нас чего-нибудь тяжкого и трудного, но

только того, чтобы мы признавали Его благодеяния и возносили Ему благодарность за них, не потому, впрочем, чтобы Он нуждался в этом, — ибо Он ни в чем не имеет нужды, — а для того, чтобы мы научились через это привлекать к себе Подателя благ и не были непризнательны, но являли бы добродетель, достойную благодеяний и такой заботливости его о нас. Ибо этим-то мы и расположим его еще к большему о нас попечению. Не будем же беспечны, но каждый из вас ежечасно, сколько может, да размышляет не только об общих благодеяниях, но и о частных, ему самому оказанных Богом, не только об известных и явных всем, но и о ведомых ему одному и неизвестных другим. Через это он в состоянии будет возносить Господу непрестанное благодарение. Это самая великая жертва, это совершенное приношение, это будет для нас источником дерзновения перед Богом, и вот как. Кто постоянно содержит в уме и верно сознает свое ничтожество, а с другой стороны, помышляет о неизреченном и безмерном человеколюбии Божием, — как Он устрояет дела наши, взирая не на то, чего заслуживают наши грехи, но на свою благость, — тот смиряется душой (1).

* * *

Бог ежедневно устрояет для нашего спасения много такого, что известно Ему одному. Он благодетельствует роду нашему по благости Своей, не нуждаясь ни в прославлении от нас, ни в каком-нибудь другом возмездии, и поэтому очень многое оставляет скрытым от нас, а если иногда и открывает, то и это делает для нас, чтобы мы, проникнувшись чувством благодарности, сподобились еще большей помощи Его. Будем же благодарить Его не только за то, что знаем, но и за то, чего не знаем, потому что Он благодетельствует нам не только когда мы желаем того, но и когда не желаем. Зная это, и Павел внушал благодарить всегда и за все (см.: Еф. 5, 20) (2).

* * *

Мы, хотя бы умерли тысячу раз, хотя бы совершили всякую добродетель, и тогда не воздали бы должного Богу за дарованные нам от Него блага. Посмотри: не имея никакой нужды в нас, но будучи самодоволен, Он привел нас из небытия в бытие, вдохнул [в нас] душу, какой [не дал]

ни одному из животных земных, насадил рай, распростер небо, под ним положил землю, зажег блестящие светила, землю украсил озерами, источниками, реками, цветами и растениями, а на небе поставил хор разнообразных звезд; сделал для нас ночь полезной не меньше дня... Представь себе только разные роды растений плодоносных, бесплодных, растущих в пустынях, в местах обитаемых, на горах, на равнинах; посмотри на разнообразие в семенах, в травах, в цветах, в животных земных, в земноводных, в морских; вспомни, что все видимое создано для нас — небо, земля, море и все, что в них. Как если бы кто построил себе блестящий дворец, украшенный множеством золота и сияющий ярким блеском камней, так и Бог, создав мир, ввел в него человека, чтобы он царствовал над всем. И еще более удивительно то, что кровлю этого здания [Бог] устроил не из камней, но составил ее из другого драгоценнейшего вещества, и зажег огонь не на золотом светильнике, но, спустив светила сверху, повелел им протекать по кровле этого здания, чтобы мы получали не только пользу, но и великое удовольствие, а землю распростер в виде богатой трапезы. Все это Бог дал человеку, еще не сделавшему ничего доброго. Хотя человек после такого дара оказался неблагодарным своему Благодетелю, однако Бог не лишил его чести, а только изгнал из рая и этим наказал, чтобы воспрепятствовать дальнейшему возрастанию неблагодарности и удержать его от стремления к худшему (2).

* * *

Бог не требует от нас чего-нибудь тяжкого и трудного, но только того, чтобы признавали Его благодеяния и возносили Ему благодарность за них, не потому, впрочем, чтобы Он нуждался в этом, — ибо Он ни в чем не имеет нужды, а для того, чтобы мы научились через это привлекать к себе Подателя благ и не были непризнательны, но являли бы добродетель, достойную благодеяний и такой заботливости Его о нас. Ибо этим-то мы и расположим Его к еще большему о нас попечению (2).

* * *

Таков обычай у Бога. Если мы со своей стороны сделаем что-либо (доброе), хоть малое и незначительное, но лишь только сделаем, Он всегда дарует нам богатые

милости. А чтобы удостовериться в крайней скудости (приношений) человеческих и в щедродательности Господа твоего, подумай вот о чем. Пусть мы решимся что-либо принести Ему, но что можем представить, кроме словесной благодарности? А Его милости к нам совершаются на деле. Как же сравнивать дела со словами? Господь наш, не имея ни в чем нужды, не требует ничего нашего, кроме только слов, да и словесной благодарности требует не потому, чтобы Сам нуждался в ней, но чтобы научить нас быть признательными к Подателю благ. Вот почему и Павел говорил: *благодарни бывайте** (Кол. 3, 15). Ничего, в самом деле, так не требует от нас Господь, как этой добродетели. Не будем же непризнательны и, получая благодеяния на деле, не поленимся возносить Господу благодарение на словах, потому что польза от этого обращается к нам же. Если мы бываем благодарны за прежние (милости Божии), то этим приобретаем себе надежное средство получить еще большие. Только, прошу, будем, если возможно, каждый день и час размышлять не об общих только благодеяниях, которые Создатель всяческих явил всему роду человеческому, но и о частных, оказываемых каждому из нас.

Мы должны благодарить и за те благодеяния, которые получаем, сами того не ведая. Заботясь о нашем спасении, Господь являет нам много таких благодеяний, о которых мы и не знаем, — часто избавляет нас и от опасностей, и оказывает нам другие милости. Он — источник человеколюбия, никогда не перестающий изливать Свои потоки на род человеческий. Итак, если мы будем размышлять об этом и постараемся возносить к Господу благодарения за прежние милости, и располагать себя к признательности за последующие, чтобы не оказаться недостойными благодеяний Его, то будем в состоянии и жизнь вести лучшую, и уберечься от греха. Память о милостях Божиих будет для нас достаточным наставником добродетельной жизни и не позволит нам впасть в беспечность и самозабвение и предаться греху. Действительно, внимательная и бдительная душа выказывает признательность не только тогда, когда дела текут благоприятно, нет, пусть последует

* В синодальном переводе: будьте дружелюбны.

и неблагоприятная перемена обстоятельств, и тогда она возносит к Богу такую же благодарность. От этой перемены она не ослабевает, но тем более укрепляется, помышляя о неизреченной попечительности Господа и о том, что Он, будучи пребогат и всесилен, может явить Свою (о нас) заботливость даже и в неблагоприятных обстоятельствах, хотя мы и не в состоянии ясно понять это.

Итак, предоставляя всем обстоятельствам, касающимся нас, идти как угодно, станем со своей стороны заботиться только о том, чтобы непрестанно благодарить Бога за все. Мы для того ведь и созданы разумными и столь возвышены над бессловесными, чтобы возносили к Создателю всяческих непрестанные хвалы и славословия. Он для того вдохнул в нас душу и даровал нам язык, чтобы мы, чувствуя Его благодеяния к нам, и признавали власть Его над нами, и выказывали свою признательность, и, по силам своим, возносили к Господу благодарность. Если подобные нам люди, оказав нам какое-нибудь, часто и маловажное, благодеяние, требуют за это от нас благодарности, не ради нашей, впрочем, признательности, но чтобы и самим прославиться через это, то тем более мы должны так поступать по отношению к человеколюбивому Богу, Который хочет этого единственно для нашей пользы. Благодарность, приносимая людям за их благодеяния, умножает славу самих благодетелей, но когда мы возносим благодарность к человеколюбивому Богу, то умножаем свою собственную славу, потому что Он требует от нас благодарности не потому, чтобы нуждался в нашем прославлении, но чтобы вся польза обратилась на нас же и мы сделались достойными бóльших милостей Его. Правда, мы не в состоянии достойно возблагодарить Его: да и как бы мы могли, имея такую слабую природу? И что я говорю о человеческой природе? Даже бестелесные и невидимые силы — и Начала, и Власти, и Херувимы, и Серафимы не могут достойно возблагодарить и прославить Его. Однако же наш долг приносить посильную благодарность и непрестанно прославлять Господа нашего и словами, и добродетельной жизнью. Это-то и есть самое лучшее прославление, когда мы возносим славословие бесчисленными устами (8).

БЛАГОДАТЬ

Ты при крещении получил благодать Божию и стал причастником Духа, если и не столько, чтобы творить чудеса, то сколько нужно иметь для правильной и благоустроенной жизни. Таким образом, наше развращение происходит единственно от нашей беспечности...

Итак, хотя благодать ныне сократилась, однако это нисколько не может повредить нам, но не послужит и к нашему оправданию, когда мы будем давать отчет в делах... Если апостолы сделались столь дивными не по собственному своему изволению, а только по благодати Христовой, то что препятствует и всем сделаться такими же? Благодать, если бы наперед не требовала зависящего от нас, вдруг излилась бы в души всех, потому что у Бога нет лицеприятия, а так как она требует и зависящего от нас, то за одними следует и пребывает в них, от других удаляется, к иным же и вовсе не приходит. А что еще прежде, нежели блаженный [Павел] совершил что-либо дивное, Бог, узнав сначала его расположение, уже дал ему благодать, узнай из того, что Он говорит об нем: *он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми* (Деян. 9, 15)... Другого Павла, по благодати и чудесам, конечно, уже не будет никогда, но по строгой жизни может быть таким каждый желающий, а если нет таких, то единственно потому, что не хотят (2).

* * *

Предстоит священник, низводя не огонь, но Святого Духа, совершает продолжительное моление не о том, чтобы огонь ниспал свыше и попалил предложенное, но чтобы благодать, низойдя на Жертву, воспламенила через нее души всех и сделала их светлейшими очищенного огнем серебра. Кто же, кроме человека совершенно исступленного или безумного, может презирать такое страшнейшее Таинство [Причащение]? Или ты не знаешь, что души человеческие никогда не могли бы перенести огня этой Жертвы, но все совершенно погибли бы, если бы не было великой помощи Божественной благодати (2).

* * *

Все, прибегающие [к Спасителю], пользуются даром и

спасаются благодатью, а те, которые хотят оправдаться законом, лишаются и благодати. Стараясь спастись собственными силами, они не могут и воспользоваться царским человеколюбием, и привлекают на себя проклятие закона, *ибо делами закона не оправдается никакая плоть* (Гал. 2, 16)... ибо усиливающийся спастись делами закона не имеет никакого общения с благодатью. То же самое разумел Павел, когда говорил: *если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело* (Рим. 11, 6). И опять: *если законом оправдание, то Христос напрасно умер* (Гал. 2, 21). И еще: *вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати* (Гал. 5, 4). Ты умер для закона, сделался мертвым и уже не находишься под игом и неволей его (2).

* * *

Но как мы можем привлечь к себе помощь Духа и расположить Его пребывать в нас? Добрыми делами и хорошей жизнью. Как свет светильника поддерживается елеем, с уничтожением которого и он прекращается и исчезает, так точно и благодать Духа: когда есть у нас добрые дела и душа орошается великой милостыней, пребывает в нас, как огонь, поддерживаемый елеем, а без нее отступает и удаляется — как это и случилось с пятью девами (6).

БЛАГОДЕНСТВИЕ

Из грешников, которые не терпят здесь никакого бедствия, более несчастными я считаю тех, которые кроме того, что не наказываются здесь, наслаждаются еще весельем и счастьем. Как то, что грешники не несут наказания за грехи здесь, приготовляет им тягчайшее наказание там, так то, что они еще наслаждаются благополучием, весельем и богатством, бывает для них поводом и причиной большего наказания и мучения там. Когда мы, несмотря на грехи наши, пользуемся милостью от Бога, то это самое наиболее может ввергнуть нас в сильнейший огонь. Если испытывающий на себе только долготерпение [Божие], но не воспользовавшийся им как должно подвергнется тягчайшему наказанию, то кто избавит его от такого наказания, если он, несмотря на это, пребудет в нечес-

тии? А что пользующиеся здесь долготерпением [Божиим] собирают себе полное наказание там, если не покаются, об этом послушай, что говорит Павел: *неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и (сам) делая то же? Или пренебрегаешь богатство благости, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благость Божия ведет тебя к покаянию? Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога* (Рим. 2, 3–5). Итак, когда мы увидим, что некоторые обладают богатством, живут в роскоши, намащаются благовониями, проводят дни в пьянстве, пользуются великой властью и славой, великим блеском и знатностью и, несмотря на грехи свои, не терпят никакого бедствия, то будем плакать и сожалеть о них особенно потому самому, что они, согрешая, не наказываются. Как, видя кого-нибудь одержимым водяной болезнью или расстройством печени или страждущим какой-либо заразой и со всех сторон множеством ран и при всем том предающимся пьянству и веселью и таким образом усиливающим свою болезнь, ты не только не удивляешься ему и не считаешь его счастливым от веселья, но по этому самому особенно и называешь его несчастным, так рассуждай и о душе. Когда ты увидишь, что человек живет в нечестии и, однако, наслаждается великим благоденствием и не терпит никакого бедствия, то потому более и пожалей его, что он, подвергшись болезни и самой тяжкой заразе, усиливает болезнь, от веселья и неумеренности делаясь худшим, ибо не наказание есть зло, но грех. Он удаляет нас от Бога, а наказание приводит к Богу и прекращает гнев Его (3).

* * *

Кто, живя в благоденствии, всегда готов быть бедным, тот не скоро сделается бедным, а в чем не хотел ты вразумиться ожиданием, то хорошо узнаешь на опыте. Итак, живя в богатстве — ожидай бедности, наслаждаясь благоденствием — жди голода, пользуясь славой — жди бесславия, наслаждаясь здоровьем — жди болезни... Если ты будешь держаться таких мыслей, то ни блага не могут произвести в тебе надменности, ни скорби — унизить тебя. Если ты не очень

будешь занят настоящими благами, то не станешь огорчаться и лишением их. Если ты приучишь душу свою к ожиданию противного, то противное большей частью и не случится с тобой, а если и случится, то не сильно тронет тебя (7).

* * *

Тот, кто делает здесь что-либо худое, да сверх того еще не потерпел за это наказания, наслаждается и честью со стороны людей, отойдет (отсюда), имея почесть величайшим отягчающим наказание обстоятельством. Вот почему и тот богач был жестоко палим огнем, терпя наказания не из-за одной только жестокости, которую он проявил в отношении к Лазарю, но и из-за благоденствия, постоянно наслаждаясь которым, при столь великой жестокости, он, однако, и благодаря ему не сделался лучшим (7).

БЛАГОРАЗУМИЕ

Душа благоразумная видит, что до́лжно делать, не имея нужды во многих пособиях, а неразумная и бесчувственная, хотя бы имела множество руководителей, предавшись страстям, остается слепой. Это можно видеть везде, не только в настоящем деле [веры], но и в других. Сколько таких людей, которые не слыхали о законах и, однако, проводили жизнь, сообразную с ними? А другие от первого возраста до глубокой старости изучали законы и, однако, непрестанно нарушали их. Так бывало и в древности. Иудеи, видевшие множество знамений и чудес, не сделались лучшими. А ниневитяне, услышав только воззвание, переменились и воздержались от пороков. Это можно видеть не только на людях высших, но и на низших. Какого учения не удостоился Иуда? И однако сделался предателем. Какое наставление слышал разбойник? И однако на кресте исповедал Господа и провозвестил Царство Его (2).

БЛИЖНИЙ

Для чего совершилось явление Сына Божия во плоти? Для того ли, чтобы мы терзали и снедали друг друга? Заповеди Христовы, которые во всем совершеннее повелений закона, особенно требуют от нас любви. В законе говорится: *люби ближнего твоего, как самого себя* (Лев. 19, 18), а в Новом Завете повелевается и умирать за ближнего. Послушай,

что говорит сам Христос: *некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же* (Лк. 10, 30–37). О чудо! Не священника, не левита назвал Он ближним, но того, кто, по учению, был отвержен от иудеев, т.е. самарянина, чуждого, во многом богохульствовавшего, этого одного Он назвал ближним, потому что он оказался милостивым. Таковы слова Сына Божия, то же показал Он и делами Своими, когда пришел в мир и принял смерть не за друзей только и близких к Себе, но и за врагов, за мучителей, за обманщиков, за ненавидевших, за распявших Его, о которых Он прежде сотворения мира знал, что они будут такими, и которых предвидя сотворил, победив предведение благостью, и за них Он пролил собственную кровь, за них принял смерть (2).

БЛУД

Блуд и прелюбодеяние оттого и происходит, что юношам дают свободу. Если бы он имел разумную жену, то стал бы заботиться о доме, о славе и чести (1).

* * *

Как свинья, извалявшаяся в грязи, куда бы ни вошла, все исполняет зловония и чувство обоняния поражает отвратительным запахом, так и блуд, ибо зло это омывается с трудом. Когда же творят это некоторые, имеющие жен, — то как велико бывает распутство? Апостол Павел говорит: *воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда; чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в*

святости и чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога; чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво (1 Фес. 4, 3–6)... Не узнавший блуда, не будет знать и прелюбодейства, а осквернившийся с блудницами скоро дойдет и до этого и будет творить блуд если не с замужними женами, то с отпущенными* (1).

* * *

Одежду, которую носит раб, конечно, ты не согласишься когда-либо надеть, гнушаясь ею по причине нечистоты, но лучше согласишься быть нагим, нежели употреблять ее, а тело нечистое и скверное, которым пользуется не только раб твой, но и другие без числа, ты будешь употреблять во зло и не будешь им гнушаться? Вам стыдно стало слышать это. Стыдитесь дел, а не слов. Я умалчиваю о всем прочем, о развращении и нечистоте нравов и о прочем, что есть рабского и низкого в жизни. Скажи мне, не к одной ли и той же ходишь и ты, и раб твой? И если бы только раб! Но — и палач. Ты не решился бы взять палача за руку, между тем ту, которая была с ним одно тело, обнимаешь и лобызаешь, — и не трепещешь? Не боишься? Не стыдишься? Не краснеешь? Не смущаешься? Говорил я вашим отцам, что скорее надобно вас женить, впрочем, и вы не изъяты от наказания. Ибо если бы не было много других юношей, целомудренно живущих и прежде и ныне, то, может быть, нашлось бы для вас какое-нибудь оправдание, но так как они существуют, то как можете сказать, что мы не были в силах подавить пламя вожделения? Видишь, что другие всю жизнь хранят целомудрие и живут в чистоте, а ты до юношеских лет не хочешь потерпеть? Видишь, что другие тысячекратно побеждали похоть, а ты и однажды не устоял?.. Не молодость тому причиной, ибо тогда все юноши были бы невоздержанны, но мы сами себя повергаем на костер (1).

* * *

Упоение есть не что иное, как потеря здравых понятий, умоисступление, расстройство душевного здоровья. Итак, не только о том, кто выпил много вина, но

* Отпущенная — жена, получившая разводное письмо и отпущенная мужем, — разведенная. *(Примеч. ред.)*

и о том, кто питает в душе другую страсть, можно сказать, что он сильно опьянен. Опьянен, например, тот, кто любит чужую жену и живет с блудницами. Как выпивший много вина и обессиленный им произносит неприличные слова и видит одно вместо другого, так и объятый нечистой похотью, как бы вином каким, не произносит ни одного здравого слова, а [говорит] только срамные, развратные, низкие и смеха достойные [слова] и видит одно вместо другого: слеп ко всему, что перед глазами, а везде только и видит ту, к которой питает страсть, и подобно помешанному и безумному в собраниях и на пиршествах, во всякое время, на всяком месте, о чем бы кто ни говорил ему, не слышит, кажется, ничего, но о ней только и думает, о грехе только и мечтает, все подозревает, всего боится и ничем не лучше какого-нибудь животного, пораженного стрелой (2).

БОГАТСТВО

Любовь к богатству превратила и ниспровергла все и истребила истинный страх Божий. Как тиран разрушает крепость, так и она ниспровергла души людей. И потому мы не печемся ни о спасении детей, ни о своем собственном, заботясь только о том, чтобы сделаться богатыми и оставить богатство своим наследникам, а они своим, и так далее, и таким образом мы только передаем свое имущество другим, а не обладаем им сами. Отсюда происходит безумие, от этого люди свободные делаются хуже рабов (1).

* * *

Человек, слишком занятый делами настоящей жизни, не может надлежащим образом усвоять предметов небесных, но по необходимости заботясь о тех, лишается этих. *Не можете*, сказано, *служить Богу и маммоне* (Лк. 16, 13). Следуя одному, по необходимости надо оставить другого... Те, которые посмеваются над страстью к богатству, те-то наиболее и любят Бога, как должно. Напротив, те, которые высоко ценят богатство как первое благо, слабейшую имеют любовь к Богу. Ибо душа, быв однажды пленена любостяжанием, уже не легко и не удобно может удерживаться, чтобы не сделать или не сказать чего-либо такого, что прогневляет Бога, так как она делается уже рабой другого

господина, и притом такого, который повелевает ей все, противное Богу. Итак, вострезвитесь и пробудитесь и, размыслив о том, какого господина мы рабы, возлюбим только Его власть; возрыдаем и оплачем прежнее время, в которое мы работали маммоне; свергнем однажды навсегда ее тяжкое, несносное иго и будем постоянно носить иго Христово, легкое и отрадное, ибо Христос не повелевает ничего такого, что внушает маммона. Она повелевает быть врагами всем, а Христос, напротив, всех ласкать и любить. Она, привязав нас к праху и пыли (таково — золото), не дает нисколько, даже ночью, вздохнуть свободно, а Христос освобождает нас от этой излишней и неразумной заботы, повелевает собирать сокровища на небесах, — не неправдой в отношении к другим, а собственной правдой. Маммона после стольких трудов и скорбей не может даже остаться с нами, когда мы там будем терпеть наказания и злострадать за исполнение ее внушений, она даже увеличит для нас пламя, а Христос, даже когда повелевает дать ближнему чашу холодной воды, не попустит нас и за то лишиться награды и возмездия, но воздаст с великой щедростью... Весьма многие из тех, которые там будут наказаны, будут терпеть наказание именно за то, что служили деньгам, любили золото и не помогали нуждающимся. Чтобы не потерпеть и нам того же, будем расточать сокровища бедным, освободим свою душу и от здешних зловредных попечений, и от будущих, за то уготованных мучений (1).

* * *

Если гордящийся действительными преимуществами жалок и несчастен и теряет награду за все свои совершенства, то не смешнее ли всех надмевающийся ничтожными благами, тенью и цветом травы (такова слава этого века), — так как он поступает подобно тому, как если бы бедняк, нищий, постоянно удручаемый голодом, случайно в одну ночь увидел приятный сон и тем стал бы тщеславиться. Жалкий и несчастный! Душу твою снедает жесточайшая болезнь, и ты, убогий крайним убожеством, мечтаешь, что у тебя столько и столько-то талантов золота и множество прислуги? Да это — не твое. А если не веришь моим словам, то убедись опытами бывших прежде богачей. Если же ты

так упоен, что не вразумляешься приключениями других, то подожди немного, — и ты узнаешь собственным опытом, что нет для тебя никакой пользы от этих благ, когда при последнем издыхании, не будучи властен ни в одном часе, ни в одной минуте, ты невольно оставишь их окружающим тебя людям и, что нередко случается, людям таким, которым ты и не хотел бы оставить. Многие даже не имели возможности распорядиться о них, а отходили нечаянно, еще желая наслаждаться ими, но им уже не было это позволено и, быв увлекаемы, отходя из мира невольно, по необходимости оставляли свои блага тем, кому бы и не хотели. Чтобы и с нами того не случилось, мы, пока живы и здоровы, предпошлем их в свой (небесный) град. Только таким образом мы будем иметь возможность насладиться ими, а иначе никак; таким образом мы положим их в надежном и безопасном месте. Ничто, ничто не может их отсюда исхитить: ни смерть, ни доверительные свидетельства, ни наследники, ни клеветы и наветы. Но кто сколько принес с собой, отходя отсюда, тем всем и будет наслаждаться непрерывно. А найдется ли такой несчастный, который бы не захотел вечно утешаться своим стяжанием? Перенесем же свое богатство и положим его там. Для этого перенесения нам не нужно ни ослов, ни верблюдов, ни колесниц, ни кораблей: и от этих хлопот избавил нас Бог, — а нужны будут нам только бедные, хромые, слепые, недужные. Им-то поручен этот перевоз, они-то пересылают богатство на небо, они-то владетелей богатства вводят в наследие вечных благ, которого да достигнем и все мы (1).

* * *

Богатством мы тогда особенно обилуем, когда презираем его и ищем богатства только от Бога... Когда уже безопасны будут для нас и богатство и слава, тогда Бог и подаст нам их в изобилии. Но этот дар бывает безопасен тогда, когда не овладевает нами, не покоряет нас себе, не обладает нами, как рабами, но остается в нашей власти, как у господ и свободных. Для того-то Бог и не позволяет нам любить богатство и славу, чтобы они не овладевали нами. А когда мы достигнем такого совершенства, то Он и подаст нам их с великой щедростью... Кто счастливее того, кто ничего не имеет и всем

владеет? Ибо когда мы... не будем покоряться владычеству их [богатства и славы], тогда и будем ими обладать, тогда их и получим (1).

* * *

Если бы кто построил тебе дом там, где тебе не жить, — то не счел ли бы ты этого бесполезным? Как же ты желаешь быть богатым здесь, откуда еще до наступающего вечера можешь не один раз отойти? Разве не знаешь, что мы подобно странникам и пришельцам пребываем здесь на чужой стороне? Разве не знаешь, что пришельцев изгоняют, когда они не ждут того и не надеются? Такой участи подлежим и все мы на земле, поэтому что ни приготовляем здесь, здесь же и оставляем. Господь не позволяет нам при отшествии отсюда брать с собой: настроим ли домов или накупим полей, рабов, сосудов, или чего другого тому подобного. И не только не позволяет, отходя отсюда, брать это с собой, но не дает за то и платы. Ибо наперед сказал тебе: не собирай и не трать чужого, но собирай и трать только свое. Для чего же ты, оставив свое, трудишься над чужим и тратишь чужое, чтобы погубить и труд и награду и после подвергнуться вечному наказанию? Не делай этого... Но поскольку мы пришельцы по естеству, то будем пришельцами и по произволению, чтобы там не быть пришельцами презренными и отверженными. Если пожелаем сделаться здешними гражданами, то не будем гражданами ни здесь, ни там. Если же здесь останемся пришельцами и будем жить, как свойственно жить пришельцам, то получим права граждан и здесь и там. Ибо праведник, даже ничего не имея, и здесь располагает всем как своим и, перейдя на небо, узрит вечные свои кровы; здесь не потерпит он никакой неприятности, ибо кто может сделать странником того, для кого вся земля отечество, а достигнув своего отечества, он получит истинное богатство. Итак, чтобы нам воспользоваться и теми и другими благами — как настоящими, так и будущими, будем употреблять настоящие как должно и таким образом будем и гражданами небесными, и получим великую свободу (1).

* * *

Презрение богатства делает людей искусными, ведет к прославлению Бога, воспламеняет

любовь, делает нас великодушными, поставляет иереями на священство, приносящее великую награду (1).

* * *

Хотя бы велики и драгоценны были богатства, но если человек не способен распоряжаться ими добродетельно, то все погибнет и исчезнет вместе с ним и причинит владельцу крайний вред, а если душа его будет благородна и любомудра, то хотя бы у него не было собрано ничего, он будет в состоянии свободно распоряжаться имуществом всех (1).

* * *

Если будем переносить все с благодарностью, то получим то же, [что и Иов]; а если не получим, то нас ожидает бо́льшая награда. Так было с этим адамантовым мужем. Когда он мужественно перенес все, тогда Бог дал ему и богатство. Когда он доказал диаволу, что не из-за этого он служит Богу, тогда Бог дал ему и это. Так поступает Бог: когда видит, что мы не привязываемся к благам житейским, тогда и дает их нам; когда видит, что мы предпочитаем им блага духовные, тогда и дает нам и блага вещественные, впрочем, не прежде дает их, чтобы мы не забыли о духовных. Таким образом, Он, щадя нас, не дает нам благ вещественных, чтобы хоть против воли отклонить нас от них. Нет, скажешь, напротив, когда я получу их, тогда удовлетворюсь и тем более стану благодарить Бога. Лжешь ты, человек. Тогда особенно ты и будешь лениться. Почему же, скажешь, Он многим дает. Но откуда видно, что Он дает? Кто же, скажешь, дает другой? Собственное их любостяжание, грабительство. А почему Он попускает это? Потому же, почему попускает убийство, воровство, насилие. А что, скажешь, думать о тех, кто получает наследство от родителей, несмотря на то что они сами исполнены бесчисленных пороков? Как Бог попускает им пользоваться богатством? Так же, как Он попускает ворам, убийцам и другим злодеям. Ныне время не суда, а благоустроения жизни... Они подвергнутся большему наказанию, если, наслаждаясь всеми благами, не сделаются от этого лучше. Не все будут наказаны одинаково, но оставшиеся злыми, несмотря на благодеяния, будут мучиться больше, а жившие в бедности — меньше... Итак, когда ты увидишь, что молодой

человек без трудов получил отцовское наследство и остался злым, то будь уверен, что ему готовится наказание сильнейшее и мучение жесточайшее (1).

* * *

Все здешнее нисколько не лучше сновидений. Ибо как работающие в рудокопнях или несущие какое-либо другое, еще тягчайшее наказание, когда, уснув после многих трудов и самой горькой жизни, во сне увидят себя в удовольствии и богатстве, проснувшись, нисколько не рады бывают своим снам, так то же самое было и с тем богачом, который, пользуясь богатством в настоящей жизни как бы во сне, по отшествии отсюда потерпел тяжкое наказание (2).

* * *

Если ты желаешь, чтобы имущество твое было в безопасности и даже умножилось, я покажу тебе и способ к этому и место, куда невозможно проникнуть никому из людей злонамеренных. Какое же это место? Небо... Если ты сложишь это имущество там, то получишь от него большую прибыль, ибо все насаждаемое нами на Небесах, приносит бо́льший и лучший плод, такой, какой свойственно приносить растениям небесным... Пока ты будешь держать имущество при себе, то, может быть, найдутся люди, которые присвоят его себе, а если переложишь его на Небо, то будешь вести жизнь безопасную, спокойную и безмятежную, наслаждаясь благодушием вместе с благочестием. Подлинно, весьма безрассудно, что желая купить поле, ищут земли плодоносной, а когда предлагается вместо земли Небо и можно приобрести место там, остаются на земле и терпят на ней горести, потому что надежды [земные] часто обманывают нас (2).

* * *

Кто владеет богатством, тому нелегко вырваться из оков его: такое множество недугов объемлет его душу, т.е. страстей, которые, как густое и темное облако заграждая взоры ума, не попускают взирать на небо, но заставляют преклоняться вниз и смотреть в землю. Нет, нет ничего другого, что столь препятствовало бы шествию на небеса, как богатство и происходящие от богатства беды. Не мое это слово, но приговор, произнесенный Самим Христом, Который сказал: *удобнее верблюду пройти сквозь*

игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие (Мф. 19, 24) (3).

* * *

Презирай имеющееся богатство, чтобы, если некогда оно и отойдет, тебе не предаваться скорби. Трать его на нужное, когда имеешь его, чтобы когда лишишься, тебе иметь двоякую пользу, — уготованную тебе награду за прекрасную трату и происходящее от презрения любомудрие, которое бывает полезно во время лишения богатства. Для того оно и называется имуществом, чтобы мы употребляли его на нужное, а не зарывали, для того оно называется стяжанием, чтобы мы владели им, а не были его владением. Ты — господин большого богатства? Не будь же рабом того, чего владыкой сделал тебя Бог, а не бываешь рабом тогда, когда тратишь его на должное, а не зарываешь. Нет ничего непостояннее богатства, нет ничего изменчивее благосостояния. Итак, поскольку обладание им непрочно и часто оно улетает от нас быстрее всякой птицы и убегает неблагодарнее всякого беглого раба, то чтобы нам, приобретя на непрочное богатство прочные блага, наследовать уготованное на небесах сокровище, которого да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа (5).

* * *

Если ты богат, — подумай, что отдашь отчет: на блудниц истратил ты деньги или на бедных, на тунеядцев и льстецов или на нуждающихся, на распутство или на человеколюбие, на удовольствие, лакомство и пьянство или на вспоможение несчастным? И не в одной только трате потребуют у тебя отчета, но и в приобретении имущества: праведными ли трудами собрал ты его или хищением и лихоимством, получив ли родительское наследство или разорил дома сирот и расхитил имущества вдовиц? Как мы у своих слуг требуем отчета не только в расходе денег, но и в приходе, допрашивая: откуда, и от кого, и как, и сколько получили они денег, — так и Бог требует от нас отчета не только в употреблении, но и в приобретении (6).

* * *

Чем ты превозносишься? Богатством? Шелковыми одеждами? А того не подумаешь, что

они — пряди червей и изобретения иноплеменников, что их употребляют и блудницы, и развратники, и расхитители гробниц, и разбойники? Познай истинное богатство и оставь эту надменную и пустую гордость... Я говорю это для обвинения не богатых, а худо пользующихся богатством. Богатство не зло, если мы захотим пользоваться им как должно, а зло — гордость и тщеславие. Если бы богатство было злом, то мы все не молились бы войти в недра Авраама, который имел триста восемнадцать рабов, рожденных в его доме. Богатство, следовательно, — не зло, а зло — беззаконное употребление его. Как прежде, говоря о пьянстве, я не вино осуждал, потому что *всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением* (1 Тим. 4, 4), — так и теперь я не богатых обвиняю и не богатство осуждаю, а худое употребление богатства, исстрачиваемого на распутство. Потому оно и называется богатством, чтобы мы распоряжались им, а не оно нами, потому оно и называется стяжанием, чтобы мы владели им, а не оно нами. Для чего же раба ты делаешь своим господином (6)?

* * *

Ни богатство — не зло, но зло — худое употребление богатства, ни бедность — не добро, но доброе пользование бедностью — добро. Богач, живший при Лазаре, наказан не за то, что был богат, но за то, что был жесток и бесчеловечен... Если ты употребляешь богатство на дела человеколюбия, то этот предмет послужил для тебя поводом к добру, а если — на хищение, любостяжание и обиды, то ты обратил употребление его к противному, но не богатство причина этого, а тот, кто употребил богатство в обиду ближним... Богатство хорошо, но не вообще, а для того, кому оно не служит в грех (6).

* * *

Богатство — беглый раб, переходящий от одного к другому. И если бы оно только переходило, но не убивало, если бы перебегало, но не губило! А оно и оставляет без своего заступления, и предает мечу, и ввергает в пропасть, как злой предатель, причем и враждует особенно против тех, которые любят его. [Богатство] — это неблагодарный раб, неутолимый человекоубийца, неукротимый зверь, скала обрыви-

стая со всех сторон, подводный камень, непрерывно обуреваемый волнами, море, вздымаемое бесчисленными ветрами, свирепый тиран, властелин жесточе всякого варвара, враг непримиримый, неприятель неумолимый, не прекращающий никогда своей вражды к тем, которые владеют им (7).

* * *

[Перед плаванием] когда ты соберешь богатства больше потребности, то и слабый напор ветра, и случайное стечение неожиданных обстоятельств потопляет корабль вместе с людьми, если же ты будешь собирать столько, сколько требует нужда, то, хотя бы восстала сильная буря, ты удобно пройдешь через волны. Итак, не желай большего, чтобы не лишиться всего, и не собирай больше нужного, чтобы не потерять и нужного. Не преступай установленных пределов, чтобы вместе с тем не остаться без всякого имущества, но отсекай излишнее, чтобы тебе быть богатым в необходимом. Не видишь ли, что и земледельцы обрезают виноград, чтобы вся сила растения обнаруживалась не в листьях и ветвях, а в корне? То же делай и ты: отсекай листья и все попечение направляй к принесению плодов. Если же ты пренебрегаешь этим во время благоденствия, то ожидай несчастья, во время тишины жди бури, во время здоровья ожидай болезни, во время богатства думай о бедности и нищете. *Во время сытости,* сказано в Писании, *вспоминай о времени голода, и во дни богатства — о бедности и нужде* (Сир. 18, 25). Если ты будешь так настроен, то и богатством станешь распоряжаться со здравой рассудительностью, и приключившуюся бедность будешь переносить с непоколебимым мужеством. Зло, неожиданно случившееся, возмущает и тревожит нас, а ожидаемое, случившись, причиняет невеликое смущение. Таким образом, ты получишь два блага: во-первых, ты не опьянеешь и не обезумеешь от благоденствия, и, во-вторых, не будешь смущаться и тревожиться при перемене на противное, особенно если всегда будешь ожидать противного. Здесь ожидание заменит опыт. Например, ты богат? Каждый день жди бедности. Для чего и почему? Потому что это ожидание может быть для тебя особенно полезно. Кто ожидает бедности, тот и при богатстве не надмевается, не предается

изнеженности и рассеянности, не домогается чужого, потому что страх ожидания, как бы некоторый наставник, вразумляет, удерживает помыслы и не позволяется развиваться худым росткам от сребролюбия, страхом противного, как будто серпом, останавливая их и отсекая (7).

* * *

А почему, скажи мне, вожделенно богатство? Потому что оно для многих, зараженных этой жестокой болезнью, кажется драгоценнее и здоровья, и жизни, и народной похвалы, и доброго мнения, и отечества, и домашних, и друзей, и родных, и всего прочего. До самых облаков достигает пламя этого костра, и сушу и море обнял огонь этой печи. Никто не тушит этого пламени, а раздувают все, как те, которые уже пленены, так и те, которые еще не пленены, чтобы быть плененными. Каждый может видеть, как все: и мужчина и женщина, и раб и свободный, и богатый и бедный, — каждый по своим силам день и ночь несут бремя, доставляющее великую пищу этому огню, бремя не дров и хвороста (не таков этот пламень), но душ и тел, неправды и беззакония. Именно этим обыкновенно поддерживается такой пламень. Богатые никогда не оставляют этой безумной страсти, хотя бы овладели всей вселенной. И бедные стараются сравняться с ними, и какое-то неисцелимое соревнование, необузданное бешенство и неизлечимая болезнь объемлет души всех. Всякую другую любовь преодолела эта любовь и изгнала вон из души. Несмотря ни на дружбу, ни на родство, — что я говорю: дружбу и родство? — даже на жену и детей, любезнее которых ничего не может быть для мужей, но все брошено и попрано, потому что эта жестокая и бесчеловечная владычица овладела душами всех плененных. Подлинно она, как бесчеловечная владычица, как жестокая госпожа, как свирепый варвар, как всенародная и жадная блудница, срамит, терзает и бесчисленным подвергает опасностям и мучениям тех, которые отдались ей в рабство (7).

* * *

Но богатство, скажешь, доставляет уважение имеющим его и удобство мстить врагам. Итак, потому богатство кажется любезным и вожделенным для вас, что оно питает в нас сильнейшие страсти, приводит в действие

гнев, поднимает славолюбие до высочайшей степени, надмевает и доводит до безумия? Но потому особенно и нужно, не оглядываясь, бежать от него, что оно вселяет в ум наш некоторых диких и свирепых зверей, лишает истинного уважения у всех, а доставляет обманутым иного рода уважение, подкрашенное только его красками, и заставляет считать это уважение истинным. Хотя оно по свойству своему не таково, а только по виду кажется таким... Ты хочешь отомстить оскорбившим тебя? Но поэтому особенно и нужно избегать богатства. Оно обыкновенно заставляет тебя поднимать меч против себя самого, подвергает тебя строжайшему суду в будущем и приготовляет невыносимое наказание. Мщение есть столь великое зло, что и Божие человеколюбие прекращалось от него и уже данное прощение в бесчисленных грехах через него отменялось. Так, тот, которому прощено было десять тысяч талантов и за простую просьбу дарована была столь великая милость, когда стал требовать от подобного себе раба сто динариев, т.е. стал требовать наказания за проступки в отношении к нему, то жестокостью к своему товарищу произнес приговор против себя самого (7).

* * *

Как бывает с волнами морскими, что они то поднимаются на несказанную высоту, то вдруг опять падают, так точно мы видим, что люди, нерадящие о добродетели и преданные пороку, то высоко умствуют, поднимают брови и успевают в делах настоящей жизни, то вдруг уничижаются и приходят в крайнюю бедность. На них-то указывая, и блаженный пророк Давид говорил: *не бойся, когда разбогатеет человек, или когда увеличится слава дома его, — ибо при смерти он ничего не возьмет и не сойдет с ним слава его* (Пс. 48, 17–18). И хорошо сказал: *не бойся*. Пусть, говорит, не смущают тебя избыток его богатства и блеск славы. Спустя немного ты увидишь его лежащим на земле, неподвижным, мертвым трупом, сделавшимся пищей червей, лишенным всего этого (богатства и славы) и не могущим ничего взять с собой, но все оставившим здесь. Не смущайся же, смотря на настоящее, и не ублажай того, кто в скором времени должен лишиться всего этого. Таково ведь настоящее счастье и таково свойство

богатства: оно не сопутствует отходящим отсюда; оставив здесь все свое богатство, отходят они нагими и ничего неимущими, неся с собой одно нечестье и скопленное ими из-за богатства бремя грехов (8).

БОГОХУЛЬСТВО

Ничто так не оскорбляет Бога, как то, когда хулится имя Его. И иудеев Он за это непрестанно обличал: *яко Мое имя оскверняется* (Ис. 48, 11); и еще: *вы хулите его* (Мал. 1, 12); и еще: *всякий день имя Мое бесславится* (Ис. 52, 5); и таково было Его попечение, чтобы этого не было, что Он часто спасал и недостойных, чтобы того не случилось. *Я поступил,* говорит Он, *ради имени Моего, чтоб оно не хулилось пред народами* (Иез. 20, 9); и еще: *не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святого имени Моего, которое вы обесславили у народов, куда пришли* (Иез. 36, 22). И Павел желал быть отлученным [от Христа] для славы Божией, и сам Моисей просил изгладить его из книги для славы имени Божия, а вы не только не хотите ничего потерпеть, чтобы отстранить богохульство, но делаете все, чем еще умножаете его и увеличиваете каждый день. Кто же оправдает вас? Кто простит вас? Никто. А такое попечение Бога и святых о том, чтобы не хулилось имя Его, оказывается не потому, чтобы Бог имел нужду в прославлении от нас (ибо Он вседоволен и совершен), но потому, что от такой хулы происходит великий вред для людей. Когда перед ними хулится имя Божие и слава Его, то оно уже не приносит им никакой пользы (2).

* * *

Богу никто не может ни порицанием повредить, ни славословием доставить большую славу, но Он всегда остается в своей славе, не возвеличиваясь от славословий и не умаляясь от хулений; и те из людей, которые прославляют Его по достоинству, — впрочем, никто не может прославлять Его по достоинству, а только по своей силе, — получают себе пользу от этого славословия. Те же, которые хулят и уничижают Его, вредят собственному спасению. Изречение: *кто бросает камень вверх, бросает его на свою голову* (Сир. 27, 28), сказано о богохульниках (2).

* * *

Сколько огорчений встречается каждый день! Какова же должна быть душа, чтобы не роптать и не унывать, но благодарить, прославлять и почитать поклонением Того, Кто попускает такие искушения? Сколько неожиданностей, сколько стеснительных обстоятельств! Между тем надо подавлять лукавые помыслы и не позволять языку произносить что-нибудь неуместное, как и блаженный Иов, претерпевая бесчисленные скорби, не переставал благодарить Бога. А есть такие, которые если потерпят в чем-нибудь неудачу, или услышат злословие от кого-либо, или подвергнутся болезни, например, ног или головы, или какой-нибудь другой, тотчас начинают богохульствовать и таким образом тяжесть болезни несут, а пользы от нее лишаются. Что делаешь ты, человек, произнося хулу на своего Благодетеля, Спасителя, Заступника и Промыслителя? Или не чувствуешь, что ты несешься к пропасти и ввергаешь себя в бездну крайней погибели? Неужели ты облегчишь свое страдание, если будешь богохульствовать? Нет, ты только увеличиваешь его и делаешь свое мучение более тяжким. Для того диавол и наводит бесчисленные бедствия, чтобы низринуть тебя в эту бездну, и если видит, что ты богохульствуешь, то немедленно умножает и усиливает горести, чтобы мучимый ими, ты опять возроптал. А если видит, что ты переносишь мужественно, и чем более усиливается страдание, тем более благодаришь Бога, то он тотчас отступает, как уже нападающий тщетно и напрасно. Как пес, стоя у стола и видя, что человек, вкушающий пищу, часто бросает ему что-нибудь из лежащего на столе, остается тут безотлучно, если же, постояв раз и два, не получит ничего, то отходит прочь, как пристававший тщетно и напрасно, так и диавол постоянно стоит перед нами с открытой пастью: если бросишь ему, как псу, богохульное слово, то он, схватив его, опять приступит. Если же всегда будешь благодарить Бога, то уморишь его голодом и скоро отгонишь и заставишь отбежать. Но ты не можешь молчать, страдая от горести? И я не запрещаю тебе говорить, но вместо хулы — благодарение, вместо ропота — благословение. Исповедуйся Господу, громко восклицай — молясь, громко восклицай — прославляя Бога.

От этого у тебя и страдание облегчится, так как диавол отбежит вследствие благодарения, а помощь Божия приблизится. Если ты будешь богохульствовать, то и помощь Божию отстранишь, и диавола усилишь против себя, и себя подвергнешь большим страданиям. Если же будешь благодарить, то и козни лукавого демона отразишь, и привлечешь к себе помощь Бога-промыслителя. Часто язык по привычке порывается произнести худое слово, но когда он будет порываться, то прежде нежели он произнесет такое слово, прикуси его крепко зубами. Лучше ему теперь истечь кровью, нежели тогда, почувствовав нужду в капле воды, не получить этого утешения, лучше ему потерпеть временную боль, нежели тогда подвергнуться наказанию вечным мучением, подобно как и язык того богача, опаляемый огнем, не получил никакой прохлады. Бог заповедал тебе любить твоих врагов, а ты отвращаешься и от любящего тебя Бога? Заповедал превозносить поносящих, благословлять клянущих, а ты злословишь Благодетеля и Покровителя, не потерпев ничего худого? Разве Он не мог отвратить искушения? Но он попустил для того, чтобы ты сделался опытнее. Но вот, говоришь ты, я падаю и гибну. Не от свойства искушения, а от собственной твоей беспечности. Что легче, скажи мне, хула или благодарение? Та не делает ли слышащих ее врагами тебе и неприятелями, не ввергает ли в уныние и не причиняет ли потом великой скорби? А это не доставляет ли тебе бесчисленных венцов за любомудрие, бесчисленных знаков удивления от всех и великих наград от Бога? Почему же ты, оставляя полезное, удобное и приятное, вместо этого гонишься за тем, что вредит, печалит и мучит? Кроме того, если бы причиной богохульства была тяжесть искушения и бедности, то всем бедным надлежало бы богохульствовать, а между тем многие из живущих в крайней бедности постоянно благодарят Бога, а другие, наслаждаясь богатством и весельем, не перестают богохульствовать. Таким образом, не существо вещей, а наше произволение бывает виной того и другого (3).

БОДРСТВОВАНИЕ

Плывущим на корабле не угрожает никакая опасность, хотя бы они все спали, а бодрствовал

только один кормчий, так как его бодрствование и искусство без всего прочего достаточны для безопасности плавания. Здесь же не так, но хотя бы проповедующий непрестанно бодрствовал, если слушающие не окажут такого же бодрствования, то наша речь как бы погрузится в море и погибнет, не встретив души, которая приняла бы ее. Будем же бодрствовать, будем внимательны: наше плавание имеет в виду важнейшие предметы, мы плывем не за золотом, серебром и другими погибающими вещами, но за будущей жизнью и небесными сокровищами, и здесь гораздо больше путей, нежели на море и на земле, так что если кто-то не умеет верно находить их, он подвергнется жесточайшему кораблекрушению. Итак, все вы, плывущие с нами, оказывайте не беспечность сидящих на корабле, но неусыпность и заботливость кормчих... Если же они, плавая за земными вещами по вещественному морю, постоянно сохраняют такую бодрость души, то тем более нам нужно находиться в таком настроении, потому что здесь и больше опасности для беспечных, и больше безопасности для бодрствующих. Ладья у нас построена не из досок, но составлена из Божественных Писаний, не звезды сверху руководят ею, но Солнце правды направляет наше плавание, и мы сидим при руле, ожидая не дуновений ветра, но тихого веяния Духа (2).

* * *

Человеку бодрствующему, внимательному и имеющему пламенную любовь к Богу ничто никогда не может препятствовать беседовать с Господом... Где душа бодрствующая, там ум окрыляется и освобождается, так сказать, от уз тела, взлетает к предмету любви и, презирая землю и становясь выше всего видимого, стремится к Нему (6).

БОЛЕЗНИ

Если ты, возлюбленный, подвергнешься болезни, горячке или ранам и боль будет заставлять тебя сказать какую-нибудь хулу, но ты воздержишься, будешь благодарить и славить Бога, то получишь награду. И для чего роптать, скажи мне, и произносить богохульные слова? Разве боль сделается от этого легче для тебя? Даже если бы она и делалась легче, и тогда не следовало бы решаться на это и терять спасение души, заботясь доставить

облегчение своему телу. Между тем боль от этого не только не облегчается, но еще становится тяжелее. Ибо диавол, видя, что он получил некоторый успех, доведя тебя до ропота, разжигает болезнь, чтобы ты исполнил его желание. Таким образом, если бы даже, как я сказал, боль и облегчилась, не до́лжно делать этого. Если же ты не получаешь никакой пользы, то для чего губишь сам себя? Но ты не можешь молчать? В таком случае благодари Бога, прославляй Того, Который искушает тебя. Вместо ропота произноси славословие. Тогда и награда твоя великая, и боль сделается легче...

Итак, мужественно переноси все случающееся, это для тебя — мученический подвиг. Ибо не только то составляет мученичество, когда кто получает приказание принести жертву и не приносит ее, и даже решается лучше подвергнутся терзаниям, нежели исполнить это, но и то делает мучеником, когда кто-либо, несмотря на боль, принуждающую роптать, решается терпеть и не говорить ничего непристойного. Так Иов не за то увенчан, что получил повеление принести жертву и не принес ее, но за то, что мужественно перенес скорби (1).

* * *

Если [Христос] прославляет тех, которые напоили Его, одели и напитали, тем более тех, которые ради Него решили потерпеть мучения. Не все равно, дать ли хлеб и одежду или вытерпеть продолжительную болезнь? Нет, последнее гораздо труднее первого, а чем больше труд, тем блистательнее будет и венец. Об этом-то будем и сами размышлять, и здоровые и больные, и с другими говорить, и как увидим себя когда-либо в тяжкой горячке, скажем себе вот что: «А что если бы кто взвел на нас обвинение, затем повлекли бы нас в суд, а там схватили бы и начали бить по бокам, не пришлось ли бы нам и поневоле вытерпеть все, и притом без всякой пользы и награды?» Так будем рассуждать и теперь, будем притом представлять себе и награду за терпение, которая может ободрить и впавшую [в уныние] душу. Но если горячка жестока? Так сопоставь с этой горячкой огонь геенский, которого ты, наверно, избегнешь, если решишь терпеливо вынести эту болезнь. Вспомни об апостолах, сколько они страдали, вспомни о праведниках, как они постоянно были в скорбях. Вспомни о блаженном Тимофее, — он

никогда не имел покоя от болезни, но жил в постоянном недуге. На это-то указывая, Павел говорил: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). Если же такой праведник и святой, которому вверено было управление вселенной, который воскрешал мертвых, изгонял демонов и исцелял других от бесчисленных болезней, если он страдал так тяжко, то какое извинение будешь иметь ты, который и в кратковременных болезнях смущаешься и ропщешь? Не слышал ли ты, как Писание говорит, что *Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6)? Как многие и сколько раз хотели получить мученический венец? Вот это [терпение в болезни] настоящий мученический венец! Мучеником бывает не тот только, кто, получив повеление [от мучителя] принести жертву [языческим богам], порешил лучше умереть, чем принести эту жертву, нет, мученичество, очевидно, есть и то, когда человек вообще соблюдает [ради Христа] что-либо такое, чем может навлечь на себя смерть... Если отвергнешь волхования, чары и ворожбы и умрешь от болезни, будешь совершенный мученик, потому что, когда обещали тебе выздоровление посредством нечестия, ты порешил лучше умереть с благочестием... Это сказано нами к тем, которые хвалятся и говорят, что демоны исцеляют (2).

* * *

Для стяжания славы нет ничего равного терпению, проявляющемуся при болезнях. Подлинно, эта добродетель — царица благ по преимуществу и вершина венцов. Подобно тому как оно царствует над остальными добродетелями, так точно и в нем самом в особенности этот вид блистательнее прочих... Ни потеря имущества, — даже если бы кто-нибудь лишился всего, что имел, — ни лишение чести, ни изгнание из отечества и отведение в чужую страну, ни мучение трудом и работой, ни жизнь в темнице, ни пребывание в узах, ни порицания, бранные речи и насмешки, — не сочти, в самом деле, мужественного перенесения всего этого даже и за малый вид терпения, а что это так, показывает Иеремия, столь великий и славный муж, который немало был

смущаем этим искушением (см.: Иер. 15), — ни это все, ни потеря детей, даже если бы они были похищены все разом, ни непрерывно наступающие враги, никакое другое подобного рода бедствие, даже и самая вершина того, что считается печальным, — смерть, до такой степени страшная и ужасная, — не так тяжела, как телесный недуг... Чем больше усиливаются мучения, тем больше увеличиваются и венцы; чем больше обжигают золото, тем чище оно становится... Для тех, кто благородно переносит что-нибудь, это, действительно, столь великое благо, что Бог, если найдет кого согрешившим весьма тяжко, освобождает от тяжелого бремени грехов, а если найдет украшенного добродетелями и праведного, то и для того делается прибавка не малого, но даже и очень великого дерзновения перед Ним. Так страдания плоти служат и блестящим венцом для праведных, сияющим гораздо светлее солнца, и величайшей очистительной жертвой для согрешивших... Не желай смерти и не пренебрегай заботами о своем теле, потому что и это не безопасно. Потому и Павел советует Тимофею тщательно заботиться о себе (7).

БРАК

Апостол Павел, предписывая коринфянам закон о браке, присовокупил: *жене муж должную любовь да воздает* (1 Кор. 7, 3). Что хочет он выразить этими словами? Неужели то, чтобы он сберегал ей денежные доходы, чтобы хранил в целости приданое, чтобы доставлял драгоценные одежды, или роскошнейший стол, или блистательные издержки, или большой ряд слуг?.. Нет, говорит апостол, ничего такого я не разумею, но говорю о целомудрии и чистоте. Тело мужа уже не принадлежит мужу, но жене. Пусть же он хранит в целости собственность ее, пусть не уменьшает и не повреждает ее, ибо и из слуг тот называется преданным, который, приняв имущество господ, ничего не тратит из него. Поэтому, так как тело мужа есть собственность жены, то пусть муж будет верен в отношении к этому залогу. А то, что он действительно разумел это, когда сказал: *любовь да воздает*, для того он присовокупил: *жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена* (1 Кор. 7, 4). Итак, когда ты видишь блудницу, соблазняющую,

увлекающую, жаждущую твоего тела, то скажи ей: это тело не мое, но принадлежит моей жене, я не смею злоупотреблять им и отдать его другой женщине. Так пусть поступает и жена. В этом между ними совершенное равенство, хотя в других отношениях Павел отдает большое преимущество мужу и говорит так: *так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа* (Еф. 5, 33); и еще: *муж есть глава жены*; и еще: *жены, повинуйтесь своим мужьям* (Еф. 5, 23, 22); также в Ветхом Завете сказано: *к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою* (Быт. 3, 16). Как же здесь он [Павел] определил равную взаимность подчинения и господства? Ибо сказать: *жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена*, значит определить некоторое полное равенство. Как муж есть господин ее тела, так и жена — госпожа его тела. Почему же он определил такое равенство? Потому что когда дело идет о целомудрии и чистоте, то муж не имеет никакого преимущества перед женой, но подобно ей наказывается, если нарушает законы брака, и весьма справедливо. Ибо не для того пришла к тебе жена, оставила отца и мать и весь дом, чтобы подвергаться оскорблению, чтобы ты принимал вместо нее низкую служанку, чтобы делал ей множество неприятностей; ты взял в ней спутницу, подругу жизни, свободную и равночестную. Подлинно, не безрассудно ли, получив приданое, показывать всю благорасположенность и нисколько не уменьшать его, а то, что драгоценнее всякого приданного, целомудрие и чистоту и тело свое, которое есть собственность жены, растлевать и осквернять? Если ты истратишь приданое, то отвечаешь перед тестем, а если потеряешь целомудрие, то дашь отчет Богу, который установил брак и вручил тебе жену (1).

* * *

Чтобы отсечь самые корни зла, пусть те, которые имеют детей, находящихся в юношеском возрасте, и намереваются ввести их в мирскую жизнь, скорее соединяют их узами брака, потому что еще в юности возмущают их страстные желания. До времени брака воздерживайте их увещаниями, угрозами, страхом, обещаниями и другими бесчисленными

средствами, а когда наступит пора брака, пусть никто не медлит связывать детей своих узами брака... Итак, когда сын возрастет, то прежде чем вступить в воинское звание или другой род жизни, позаботься об его супружестве. И если он будет знать, что ты скоро приведешь ему невесту и что уже немного остается времени до брака, то в состоянии будет терпеливо переносить пламя страсти... И так как никто не заботится о том, каким бы образом сына сделать целомудренным и скромным, а все с неистовством прилепляются к золоту, ради которого никто и не имеет попечения о целомудрии, то умоляю вас прежде всего заботиться об их душах. Если вступит в брак с невестой непорочной, если будет знать только ее тело, то и любовь будет пламеннее, и больше будет страха Божия, и брак будет подлинно честный, связывая тела чистые и нескверные, и рождаемые будут исполнены всякого благословения. И будут угождать друг другу жених и невеста, ибо будут незнакомы с привычками посторонних людей, будут взаимно подчиняться друг другу. А кто с юных лет начал вести жизнь распутную и ознакомился с обычаями блудниц, тот в первый и второй вечер будет любоваться своею женою, а после скоро обратится к прежнему распутству, к чрезмерному и бесчинному смеху, будет искать речей, исполненных бесстыдства, телодвижений страстных и всякой другой мерзости, о которой нам и говорить неприлично. Жена же благородная не допустит этого и не позволит осквернять себя. Она вышла замуж для сожительства и для деторождения, а не для распутства и смеха, для того, чтобы беречь дом, научить и мужа быть честным, а не для того, чтобы воспламенять в нем сладострастие (1).

* * *

У нас жена справедливо подчинена мужу потому, что равночестие могло бы произвести вражду, и потому, что вначале от жены произошло обольщение. Она подчинена не тотчас по сотворении. Когда Бог привел ее к мужу, она не слышала от Бога ничего такого, и муж ничего подобного не выразил ей, а сказал, что она кость от костей его и плоть от плоти его, а о власти же и подчинении ничего не говорил. Но когда она злоупотребила своей властью, сделавшись из помощницы обольстительницей, и по-

губила все, тогда справедливо услышала слова: *к мужу твоему влечение твое* (Быт. 3, 16). Так как этот грех мог возбудить вражду в нашем роде, ибо после такого события не послужило бы к миру то, что жена произошла от мужа, напротив, то самое, что, произойдя от него, она не пощадила собственного члена, еще более раздражало бы мужа, — то Бог, видя злобу диавола, оградил их этим словом как бы стеной, уничтожил таким определением вражду, которая должна была произойти после обольщения, поставив как бы оплот против естественной страсти — происходящего от греха злопамятства... Следовательно, власть мужа над женой естественна... Ты, жена, не ожидай доброты от мужа, чтобы после того показать и свою: в этом не будет ничего важного. И ты, муж, не ожидай благонравия от жены, чтобы после того и самому быть любомудрым: это уже не будет подвигом, но каждый пусть первый исполняет свои обязанности... Купец не спускает в море корабля и не принимается за торговлю прежде, нежели заключит со своим товарищем условий, которые обеспечили бы взаимное их спокойствие. Так и мы будем принимать все меры, чтобы внутри своего корабля сохранять мир с сообщницей нашего житейского поприща, тогда и все прочее будет у нас спокойно и мы безопасно переплывем море настоящей жизни. Об этом мы должны печься более, нежели о доме, рабах, деньгах, полях и даже делах гражданских. Всего драгоценнее должно быть для нас то, чтобы не иметь вражды и распри со своей сожительницей, ибо и все прочее пойдет у нас хорошо, и в делах духовных мы будем иметь благоуспешность, когда станем с единомыслием нести бремя настоящей жизни в браке (1).

* * *

Брак считается делом честным и у нас, и у язычников; и действительно, он есть дело честное. Но сколько к нему примешалось злоупотребления по неразумию людей, и при совершении браков делается так много смешного. Многие, следуя обычаю и жертвуя ему умом своим, даже не замечают нелепости всего этого, но еще обращаются к другим за наставлениями... Так как брак есть дело честное, служащее к продолжению человеческого рода и доставляющее много благ, то лукавый, снедаясь

завистью и зная, что брак предохраняет от прелюбодеяния, водит другими путями то же прелюбодеяние (1).

* * *

Нет, поистине нет ничего драгоценнее, как быть любимым женой и любить. *Жена и муж, согласно живущие между собою* (Сир. 25, 2), говорит премудрый, поставляя это в число блаженств, ибо в этом все богатство, все счастье жизни, а без этого все прочее бесполезно в браке, все неустроенно и исполнено неприятностей и огорчений (1).

* * *

Девство я считаю гораздо досточтимее брака, и однако через это я не поставляю брака в числе худых дел, но даже очень хвалю его. Он есть пристань целомудрия для желающих хорошо пользоваться им, не позволяя неистовствовать природе. Выставляя законное совокупление как оплот и таким образом удерживая волны похоти, он поставляет и сохраняет нас в великом спокойствии... Запрещаю я блуд и прелюбодеяние, но брак никогда. И дерзающих на первое я наказываю и отлучаю от церковного общества, а избравших последнее, если они соблюдают целомудрие, я непрестанно хвалю (2).

* * *

Брак есть добро, потому что сохраняет мужа в целомудрии и не допускает погибнуть уклоняющемуся в прелюбодеяние. Поэтому не охуждай брака. Он приносит большую пользу, не дозволяя членам Христовым сделаться членами блудницы, не попуская святому храму быть оскверненным и нечистым. Он есть добро, потому что укрепляет и исправляет готового пасть. Но на что он тому, кто стоит твердо и не нуждается в его помощи? Здесь он уже не полезен и не необходим, но даже служит препятствием для добродетели не только тем, что причиняет много неудобств, но и тем, что уменьшает большую часть похвал (2).

* * *

Заслуживает исследования и следующее: если *брак честен и ложе непорочно* (Евр. 13, 4), то почему [апостол] не допускает их во время поста и молитвы? Потому, что весьма странно было бы: если даже иудеи, у которых все имело отпечаток плотский, которым позволялось даже иметь

по две жены, одних изгонять, а других брать, так предохраняли себя в этом деле, что, приготовляясь слушать Слово Божие, воздерживались от законного соития, притом не один день, и не два, а несколько дней (см.: Исх. 19), то было бы странно, если бы мы, получившие такую благодать, принявшие Духа, умершие и спогребшиеся Христу, удостоившиеся усыновления, возведенные в такую почесть, после столь многих и столь великих благ не прилагали усердия одинакового с этими детьми. Если же кто-то стал бы опять спрашивать, почему сам Моисей отклонял иудеев от брачного общения, я сказал бы, что брак хотя и честен, но может достигать только того, что не оскверняет живущего в нем, а сообщать еще святость один он не в состоянии, — это уже дело не его силы, но девства... Тот, кто молится и постится как следует, должен отказаться от всякой житейской похоти, от всякой заботы и рассеянности и, вполне сосредоточившись в самом себе во всех отношениях, в таком состоянии приступать к Богу. Поэтому пост и есть добро, что он устраняет заботы души и, прекращая угнетающую ум дремоту, обращает все помыслы к ней самой. На это и Павел намекает, когда отклоняет от совокупления, и употребляет выражение весьма точное. Он не сказал: да не оскверняетесь, но: *для упражнения в посте и молитве* (1 Кор. 7, 5); так как сообщение с женой ведет не к нечистоте, но к неупражнению [в посте и молитве].

Если теперь после такой предосторожности диавол старается препятствовать нам во время молитвы, то, застигнув душу расслабленной и изнеженной от пристрастия к жене, чего не сделает он, развлекая туда и сюда наши мысленные очи? Чтобы нам не потерпеть этого и не обращаться к Богу с напрасной молитвой, особенно когда мы стараемся преклонить Его на милость к нам, апостол и повелевает удаляться тогда от [брачного] ложа.

...Ни слуга не станет раздражать господина, ни подданный царя так, как мы ежедневно прогневляем Бога. Объясняя это, и Христос назвал грехи по отношению к ближнему динариями, а грехи по отношению к Богу — *десятью тысячами талантов* (Мф. 18, 23–35). Потому, когда мы в молитвах прибегаем к Нему с намерением утишить такой гнев и умилостивить его, так

прогневляемого нами каждый день, [апостол] справедливо отклоняет нас от упомянутого наслаждения и как бы так говорит: «Возлюбленные, речь идет у нас о душе, опасность предстоит крайняя, нужно трепетать, страшиться и сокрушаться; мы приступаем к грозному Владыке, многократно оскорбленному нами, имеющему против нас великие обвинения и за великие грехи. Теперь не время объятий или наслаждений, но слез и горьких стенаний, коленопреклонения, тщательного исповедания, прилежного сокрушения, многих молитв». Благо будет тому, кто, с таким усердием приступив и припадя к Богу, смягчит гнев Его не потому, что Господь наш жесток и непреклонен, — напротив, Он очень кроток и человеколюбив, — но чрезмерность наших грехов не попускает даже и благому, кроткому и многомилостивому скоро прощать нас. Поэтому и говорит [апостол]: *упражняйтесь в посте и молитве* (2).

* * *

Если же кто-то хочет яснее знать, что значит, *имея жену, не иметь ее,* то пусть посмотрит на неимеющих ничего и распявшихся [для мира], как они живут. Как же они живут? Они не нуждаются покупать ни множества служанок, ни золотых вещей и ожерелий, ни светлых и больших домов, ни такого-то и такого-то количества десятин земли, но, оставив все это, заботятся только об одной одежде и пище своей. И имеющий жену может вести себя согласно такому любомудрию. *Не уклоняйтесь друг от друга* (1 Кор. 7, 5) сказано только о совокуплении. В этом он [апостол Павел] повелевает следовать друг за другом и не оставляет им власти над собой, а в чем должно держаться другого любомудрия, — например, в одежде, в пище и во всем прочем, — в том один не подчинен другому, но мужьям можно, — хотя бы жена и не хотела, — отказаться от всякой роскоши и удручающего множества забот. И жене также нет никакой необходимости против воли украшаться и заботиться об излишнем. Это и справедливо, потому что та похоть естественна и поэтому простительна и один [из супругов] не властен лишать в этом другого без его воли, а страсть к роскоши, расточительности и бесполезным заботам не зависит от природы, но проис-

ходит от беспечности и высокомерия. Поэтому [апостол] и не повелевает вступившим в брак подчиняться друг другу в этих делах, как в тех. Таким образом, *имея жену, не иметь ее*, означает то, чтобы мы не принимали на себя излишних забот, происходящих от капризов и изнеженности жен, но прилагали столько забот, сколько требуется для одной преданной нам души и притом расположенной жить в браке любомудро и скромно (2).

* * *

Брак называется браком не по [телесному] соитию — иначе и прелюбодеяние было бы браком, — но потому, что вступающая в брак привязывается к одному мужу и этим благородная и целомудренная женщина отличается от распутной. Если она постоянно будет довольствоваться одним мужем, то брак справедливо будет называться этим именем, но если она вместо одного вводит многих мужей в дом свой, то хотя и не смею назвать это прелюбодеянием, однако сказал бы, что она много уступает той, которая кроме одного не знала другого мужа. Та вняла словам Господа: *оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью* (Мф. 19, 5); прилепилась к мужу, как к собственной своей плоти, и не забыла однажды данной ей главы. А эта не считает собственной плотью ни первого, ни второго мужа, ибо первый изгнан вторым, а второй первым; и она уже не может хорошо помнить первого мужа, привязавшись после него к другому, и на последнего не может смотреть с надлежащей любовью, так как ум ее обращается и к покойному* (2).

* * *

Когда мы в брак вступаем, то и это должны делать для Бога, имея в виду не то, чтобы получить богатое имение, но чтобы найти в жене благородство души, не множество денег и знаменитость предков, но добродетель и кротость нравов. Мы должны брать спутницу в жизни, а не участницу в пиршествах (2).

* * *

А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа

* Здесь речь идет о вдовах.

(1 Кор. 7, 1, 2). Павел преподает закон о браках, и не стыдится, не уклоняется — и совершенно справедливо. Если Господь его почтил брак и не постыдился, но украсил это дело и присутствием своим и даром — ведь Он принес и дары больше всех, превратив воду в вино, — то как стал бы стыдиться раб, преподавая закон о браке? Не брак — порочное дело, но порочно прелюбодеяние, порочное дело — блуд, а брак есть врачество, истребляющее блуд. Не будем же бесчестить его диавольскими торжествами, но как поступили жители Каны Галилейской, так пусть поступают и ныне вступающие в брак: пусть они имеют среди себя Христа...

Две цели, для которых установлен брак: чтобы мы жили целомудренно и чтобы делались отцами, — но главнейшая их этих двух целей — целомудрие. После того как появилась похоть, введен и брак, пресекающий неумеренность и побуждающий довольствоваться одной женой. А рождение детей, конечно, происходит не от брака, но от слов, сказанных Богом: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю* (Быт. 1, 28). Это доказывают те, которые, вступив в брак, не делались отцами. Таким образом, главная цель брака — целомудрие, особенно теперь, когда вся вселенная наполнилась нашим родом. Вначале желательно было иметь детей, чтобы каждому оставить память и остаток после своей жизни. Когда еще не было надежды на воскресение, но господствовала смерть, и умиравшие думали, что после здешней жизни они погибают, тогда Бог давал утешение в детях, чтобы оставались одушевленные образы отошедших, чтобы сохранился род наш и умиравшие и близкие к ним имели величайшее утешение в их потомках... Когда же наконец воскресение стало при дверях и нет никакого страха смерти, но мы идем к другой жизни лучшей, нежели настоящая, то и забота о том сделалась излишней. Если же ты желаешь детей, то можешь приобрести лучших и полезнейших теперь, когда введено некоторое духовное чревоношение, лучшее рождение и полезнейшие питатели старости. Следовательно, некоторым образом — одна цель брака, чтобы не предаваться блудодеянию, и для этого введено такое врачество. Если же ты намереваешься и в браке предаваться блудодеянию, то

излишне было тебе и вступать в брак, бесполезно и напрасно, и не только напрасно и бесполезно, но и вредно, потому что не одинаковое дело — предаваться блуду, не имя жены, или в браке опять делать то же самое. Последнее уже не блуд, а прелюбодеяние (6).

* * *

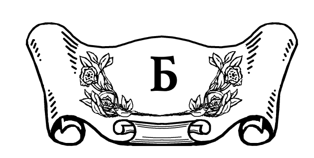
Немаловажное дело — брак благоустроенный; равно как для тех, которые живут в нем ненадлежащим образом, он бывает причиной множества несчастий. Жена как бывает помощницей, так часто бывает и вредительницей. Брак есть как пристань, так и кораблекрушение не по своему свойству, но по расположению худо живущих в нем. Кто соблюдает его должным образом по законам, тот после дел на торжище и всех разнообразных зол находит некоторое утешение и отраду в своем доме и в своей жене, а кто принимает на себя это дело необдуманно и как случилось, тот хотя бы на торжище наслаждался великим миром, по прибытии домой встречает скалы и подводные камни. Поэтому... необходимо со вниманием слушать сказанное и, кто намеревается вступить в брак, делать это согласно с законами Павла, или, лучше, с законами Христа (6).

БРАТЬЯ

Не хочу оставить вас, братья (1 Кор. 10, 1). Учеников он [апостол Павел] назвал братьями, не по достоинству их, но по любви к ним называя их этим именем. Он знал, хорошо знал, что нет ничего равного ей [любви] и что высочайший вид достоинства есть тот, который выражает любовь. Этому прежде всего будем подражать и мы. Хотя бы иные были гораздо ниже нас, будем называть их почтительным именем — не только свободных, но и рабов, не только богатых, но и бедных. И Павел почтил таким названием не только богатых между коринфянами, не только свободных, знатных и славных, но и простых людей, и рабов, и всех вообще, потому что *нет раба, ни свободного... во Христе Иисусе*, нет ни варвара, ни скифа, ни мудрого, ни немудрого, но уничтожено всякое неравенство житейского достоинства (Гал. 3, 28). И что удивительного, если Павел так называет подобных себе рабов, когда и Владыка его так назвал род наш, сказав:

возвещу имя Твое братьям моим, среди церкви воспою Тебя (Пс. 21, 23). И не только назвал Он нас братьями, но и Сам благоволил сделаться нашим братом, облекшись нашей плотью и сделавшись причастником одного с нами естества. Этому самому удивляясь, Павел говорил: *не Ангелов восприемлет Он, но восприемлет семя Авраамово. Посему Он должен был во всем уподобиться братиям;* и еще: *как дети причастны плоти и крови, то и Он также восприял оные* (Евр. 2, 14, 16–17).

Слыша все это, исторгнем из души нашей высокомерие, гордость и всякую надменность и с великим тщанием будем стараться называть ближних именами почтительными и уважительными. Хотя это дело кажется маловажным и ничтожным, однако оно бывает причиной многих благ, равно как противное тому часто производило много несогласий, ссор и вражды (6).

ВДОВА

Если все мы почитаем и уважаем тех жен, которые живут воздержанно еще при жизни своих мужей, то как не почитать и не хвалить тех, которые и по смерти своих мужей оказывают прежнее к ним благорасположение (2)?

* * *

Ты, вдова, может быть, хочешь слышать слова [умершего] мужа и наслаждаться дружбой с ним, желаешь по-прежнему общаться с ним и пользоваться бывшей при нем славой, блеском, почетом и спокойствием, и потеря всего этого смущает и омрачает тебя? Любовь к нему ты можешь сохранять и теперь так же, как и прежде. Сила любви такова, что она объемлет, совокупляет и соединяет не только тех, которые находятся при нас или близко к нам и которых мы видим, но и тех, которые удалены от нас. Ни продолжительность времени, ни дальность расстояния и ничто другое не может прервать и прекратить душевную дружбу. Если же ты желаешь и видеть его лицом к лицу... то соблюди ложе его недоступным для другого мужа, постарайся сравняться с ним по жизни, и ты, конечно, отойдешь отсюда в один и тот же с ним лик и будешь жить вместе с ним не пять лет, не двадцать или сто, как здесь, даже не тысячу или две, не десять тысяч или несколько десятитысячелетий, но беспредельные и бесконечные века. Наследование теми местами упокоения получается не по телесному родству, но по одинаковому образу жизни (2).

* * *

Вдова, только поначалу став ниже девственницы, при конце опять равняется и делается одинаковой с нею, а второй брак ниже девства с той и другой стороны. Кроме того, та, которая легко переносит вдовство, конечно, часто воздерживается и при жизни мужа, а та, которая считает это состояние невыносимым,

готова жить не только с двумя или тремя, но и с гораздо большим числом мужей, и только с наступлением старости едва делается воздержанной. Поэтому как первый брак есть доказательство великой честности и целомудрия, так второй есть знак — не скажу сладострастия, нет, — но души слабой и весьма плотской, привязанной к земле и неспособной никогда помыслить ничего великого и высокого. Если же кто-то скажет, что доброе дело остается добрым, случится ли оно однажды или дважды или несколько раз (ибо оно будет одинаково добрым, а кто часто делает добро, тот по справедливости более восхваляется, так что если и брак есть дело доброе, то часто пользующийся им похвальнее и почтеннее того, кто пользуется им редко), то мы ответим, что такое умствование может увлечь простодушных, но рассудительные легко могут понять его лживость. Брак называется браком не по [телесному] соитию — иначе и прелюбодеяние было бы браком, — но потому, что вступающая в брак привязывается к одному мужу, и этим благородная и целомудренная женщина отличается от распутной. Если она постоянно будет довольствоваться одним мужем, то брак справедливо будет называться этим именем, но если она вместо одного вводит многих мужей в дом свой, то хотя и не смею назвать это прелюбодеянием, однако сказал бы, что она много уступает той, которая кроме одного не знала другого мужа (2).

* * *

Жена связана законом, доколе жив муж ее (1 Кор. 7, 39). И *кто женится на разведенной, тот прелюбодействует* (Мф. 5, 32). Когда же, скажешь, можно будет ей вступить во второй брак? Когда она освободится от цепей, когда умрет муж. Объясняя это, апостол не прибавил так: когда *скончается* муж ее, она свободна выйти за кого захочет, но: *если же муж ее умрет* (χοιμηθῄ, упокоится), — как бы утешая ее во вдовстве и внушая оставаться при прежнем и не соединяться со вторым супругом. Не умер муж твой, а спит. Кто не ожидает спящего? Поэтому он и говорит: *если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет* (1 Кор. 7, 39), не сказал: пусть вступает в брак, чтобы не показалось, будто он заставляет и принуждает; он и не препятствует желающей вступить во второй брак, и не застав-

ляет нежелающую, но сказал закон такой: *свободна выйти, за кого хочет* (6).

* * *

Название вдовства, по-видимому, есть название несчастья, но на самом деле оно не таково, а есть достоинство, честь и величайшая слава, — не позор, а венец. Хотя вдова не имеет сожителем своим мужа, но она имеет Христа, отстраняющего все приходящие бедствия. При случающихся обидах вдове достаточно войти, преклонить колено, тяжко вздохнуть и пролить слезы, чтобы отстранить всякий навет обидчиков. Оружие вдовы — это слезы, воздыхания и непрестанные молитвы, этим она может отразить не только обиду человеческую, но и нападения бесовские. Вдова освободилась от дел житейских и уже идет к небу, и то усердие и служение, которое она оказывала мужу, может употребить на дела духовные. Если же скажешь, что в древности вдовство было несчастьем, я скажу на это, что и смерть была проклятьем, но стала честью и достоинством для тех, которые переносят пришествие ее благородно.

Ты желаешь знать, что такое вдова? Как она почтенна перед Богом и угодна Ему, и есть величайшая защитница, как она, появившись, избавляет и примиряет с Богом осужденных, отвергнутых, не имеющих дерзновения, ненавистных Ему и лишенных всякого оправдания, и не только приносит им прощение и избавление от наказания, но и великое дерзновение и блеск, и делает их чище солнечных лучей, хотя бы они были отверженнее всех людей? Послушай самого Бога, который говорит иудеям: *когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови* (Ис. 1, 15). И однако с этими преступными, человекоубийцами, непрямодушными, бесчестными Он обещает примириться, если они станут помогать переносящим несправедливость вдовицам. После того как сказал: *закрываю очи Мои* и *не слышу*, Он говорит: *защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — и рассудим... Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 17–18). Видишь, какую силу имеет вдовица, где она оказывает свое заступление не перед начальником и царем земным, но перед самим Царем небесным?

Какой она может прекратить гнев, — примирить Владыку с неизлечимо больными, избавить от невыносимого наказания, душу, покрытую грязью грехов, омыть от этой нечистоты и довести до высшей чистоты? Поэтому не будем презирать вдовствующей жены, но будем оказывать ей всякое попечение. Истинная вдовица есть наша заступница (6).

* * *

Павел предоставил второй брак, сказав так: *Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так* (1 Кор. 7, 39–40). Как прекрасен брак, а лучше девство, так прекрасен и второй брак, а лучше его первый и единственный. Итак, мы не отвергаем второго брака и не законополагаем этого, но увещеваем, если кто может быть целомудренным, оставаться при первом. Увещеваем и советуем это и для самой безопасности дома; второй брак часто бывает началом и предлогом раздора и ежедневных суматох. Часто муж, сидя за столом и вспомнив о первой жене при второй, тихо прослезится; а эта тотчас свирепеет и приступает. Подобно дикому зверю требует от него удовлетворения за нежность к той; и если он захочет хвалить скончавшуюся, то основание похвал делается предлогом для суматохи и раздора. Мы и с врагами скончавшимися примиряемся, и после их жизни прекращаем вражду к ним, а у женщин все напротив. Ту, которой она не видала, которой не слыхала, от которой не потерпела ничего ужасного, она ненавидит и отвращается, и сама смерть не погашает ненависти.

Но беда не ограничивается этим, а хотя бы родились дети от второй жены хотя бы нет, опять суматоха и раздор. Если они не родились, то она больше мучается и за это смотрит на детей первой жены, как на врагов, причинивших ей величайшую несправедливость, при жизни их яснее чувствуя собственное бездетство. Если же они рождаются, то опять не меньше беда. Часто муж, нежно расположенный к отошедшей, обнимает ее детей, любя и вместе сожалея о сиротстве их; а эта всюду желает отдать предпочтение своим детям, а тех не желает поставить даже в ряд братьев, но отверженных домочадцев; все это может низвратить дом и сде-

лать для женившегося жизнь не в жизнь (6).

ВЕЛИКОДУШИЕ

Малодушному и богатство не может принести пользы, великодушному и бедность никогда не повредит (1).

* * *

Великодушный и богатый душевным расположением, хотя бы он был беднее всех людей деньгами, может всех превзойти и страннолюбием, и милостыней, и остальным всяким благорасположением, а мелочный и бедный душевным расположением и пресмыкающийся по земле, хотя бы он был достаточнее всех, бывает беднее и недостаточнее всех, поэтому он и медлит и уклоняется от всего такого. Как бедному бедность не может быть препятствием к милостыне по причине его душевного богатства, так богатому достаток нисколько не может содействовать благорасположению по причине его душевной бедности (6).

ВЕРА

Правая вера при порочной жизни не принесет нам никакой пользы. Это показывают и Христос, и Павел, которые преимущественно заботились о доброй жизни. Христос учит: *не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное*, и далее: *многие рекут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали?.. И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7, 21–23). В самом деле, люди невнимательные к себе самим легко впадают в пороки, хотя веру имеют правую. А Павел в своем Послании к Евреям так говорит и убеждает: *старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14) (1).

* * *

Почему же они [иудеи] не веруют, имея у себя эти книги [священные книги]? Потому же, почему они не веровали, видя чудеса Его. Но это вина не того, кому не веруют, а тех, которые среди дня ничего не видят. Так Бог создал и видимый мир, этот прекрасно настроенный орга́н, повсюду провозглашающий и прославляющий Создателя, однако есть люди, из которых одни считают все образовавшимся

само собой, другие считают все видимое существующим от вечности, иные приписывают сотворение и сохранение его демонам, или случаю и судьбе, естественному развитию, влиянию звезд и т.п. Но в этом не виновен Создатель, а достойны осуждения те, которые при таких врачествах страждут крайними болезнями. Душа благоразумная видит, что должно делать, не имея нужды во многих пособиях, а неразумная и бесчувственная, хотя бы имела множество руководителей, предавшись страстям, остается слепой. Это можно видеть везде, не только в настоящем деле [веры], но и в других (2).

* * *

Он [богатый] просит послать Лазаря в дом отца его, где открыто было ему место подвигов и поприще добродетелей, пусть, говорит, увидят Лазаря увенчанным те, которые видели его подвизавшимся, свидетели его бедности, голода и множества бедствий, пусть будут теперь свидетелями происшедшей с ним перемены, его чести и славы, дабы они, вразумившись тем и другим и узнав, что дела наши не окончатся с настоящей жизнью, приготовились так, чтобы могли избежать будущего наказания и мучений. Что же Авраам? *У них есть Моисей и пророки,* говорит он, *пусть слушают их* (Лк. 16, 29). Ты, говорит, не столько печешься о своих братьях, сколько создавший их Бог, он приставил к ним множество учителей, которые убеждают, советуют, внушают. Что же опять богатый? *Нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним,* поверят ему (Лк. 16, 30). Это — слова народной толпы. Где теперь те, которые говорят: кто приходил оттуда? Кто воскресал из мертвых? Кто сказал о том, что в аде? Сколько такого и тому подобного говорил самому себе богач, когда веселился. Не без причины он просил, чтобы восстал кто-либо из мертвых, но потому, что сам, слушая Писания, пренебрегал ими, насмехался и считал сказанное в них баснями, и как сам относился к ним, так думал и о братьях. И они, говорит он, рассуждают так же. Но если кто из мертвых придет, они не будут не веровать ему, не станут насмехаться, но скорее внемлют словам его. Что же Авраам? *Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят* (Лк. 16, 31). А истину того, что не слуша-

ющий Писаний не послушает и воскресших из мертвых, доказали иудеи: так как они не слушали Моисея и пророков, то не уверовали и тогда, когда видели мертвых воскресшими, но то искали убить Лазаря, то нападали на апостолов, хотя многие воскресли из мертвых во время крестной смерти [Христовой] (3).

* * *

Павел сказал, что Бог *поставил одних Апостолами, других пророками... к совершению святых... доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия... дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения* (Еф. 4, 11–14). Видишь действие веры, как она, как некоторый надежный якорь, устраняет колебание? Об этом он же пишет в Послании к Евреям, выражаясь о вере так: *которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий и входит во внутреннейшее за завесу* (Евр. 6, 19). Дабы ты, услышав об якоре, не подумал, что он влечет вниз, апостол показывает, что необыкновенное свойство этого якоря то, что он влечет не вниз, но возносит ум вверх, поднимает к небу и вводит *во внутреннейшее за завесу*. Завесой он назвал здесь небо. Почему и для чего? Потому что как завеса отделяла святое святых от внешней части скинии, так точно и это небо, подобно завесе распростертое среди создания, отделяет от внешней части скинии, т.е. от этого видимого мира, святое святых, т.е. горнее и высшее, *куда предтечею за нас вошел Иисус* (Евр. 6, 20).

Смысл слов его следующий: вера, говорит он, возвышает нашу душу туда, не допуская ее угнетаться никаким из настоящих бедствий, но облегчая труды надеждой будущего. Подлинно, кто взирает на будущее, надеется на небесное и устремляет туда умственные очи, тот не чувствует скорби от настоящих бедствий, как не чувствовал и Павел и, объясняя причину такого любомудрия, говорил: *ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу* (2 Кор. 4, 17). Как и каким образом? *Когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое* очами веры (2 Кор. 4, 18). Как очи телесные не видят ничего умственного, так очи веры не видят ничего чувственного. Но о какой вере говорит здесь Павел? Название веры имеет двоякое значение. Верой

называется та, которой некогда апостолы совершали знамения и о которой Христос сказал: *если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет* (Мф. 17, 20). Также, когда ученики не могли избавить лунатика от беса и хотели узнать причину этого, то Он указывает им ее в недостатке веры, сказав: *по неверию вашему* (Мф. 17, 20) И Павел об этой же вере говорит: *если имею... всю веру, так что могу и горы переставлять* (1 Кор. 13, 2). Равным образом, когда Петр, идя пешим по морю, начал утопать, то Христос укорил его за недостаток этой же веры, сказав: *маловерный! зачем ты усомнился* (Мф. 14, 31)? Итак, верой называется та, которая совершает знамения и чудеса. Верой же называется и та, которая руководит к познанию Бога, по которой каждый из нас есть верный. О ней говорит апостол в Послании к Римлянам: *благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире* (Рим. 1, 8); также к Фессалоникийцам: *от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла слава о вере вашей к Богу* (1 Фес. 1, 8).

На какую веру он указывает здесь? Очевидно, на веру познавательную, как показывают дальнейшие слова: *веруем, потому и говорим.* Чему веруем? *Что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас* силой своею (2 Кор. 4, 13–14). Но почему он называет ее *духом веры* и включает в число дарований? Если вера есть дарование и только дар Духа, а не наша заслуга, то и неверующие не будут наказаны и верующие не удостоятся похвалы, потому что таково свойство дарований: за них не получают венцов и наград, так как дарование не есть заслуга получивших его, а дар щедрости подателя. Поэтому Господь повелел и ученикам не радоваться тому, что они изгоняли бесов, и лишил Царства Небесного тех, которые Его именем *пророчествовали... и многие чудеса творили* (Мф. 7, 22), так как собственными заслугами они не могли похвалиться, а хотели спастись одними только дарованиями.

Итак, если и вера есть нечто такое, если в ней мы ничего не привносим от себя, но все принадлежит благодати Духа, которая и внедряет ее в наши души, и мы не получим за это никакой награды, то как же апостол

говорит: *сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10, 10). Значит, вера есть также доброе дело уверовавшего. Как и в другом месте он выражает то же самое, когда говорит: *а не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность* (Рим. 4, 4), если все принадлежит благодати Духа. Как и патриарха Авраама он увенчал за нее бесчисленными похвалами, — за то, что тот, презрев все настоящее, поверил с надеждой сверх надежды (см.: Рим. 4, 18). Итак, для чего же апостол называет ее Духом веры? Он хочет показать, что вначале уверовать и покориться призыву зависит от нашего благорасположения, а после того, как вера уже внедрена, мы имеем нужду в помощи Святого Духа для того, чтобы она пребывала постоянно непоколебимой и неизменной. Ни Бог, ни благодать Духа не предваряет нашего расположения, но хотя призывает, однако ожидает, чтобы мы пришли добровольно и по собственному желанию, а потом, когда мы уже пришли, тогда подает от Себя всякую помощь. Так как диавол после того, как мы приступили к вере, тотчас приходит, желая вырвать этот добрый корень и спеша посеять плевелы и повредить истинные и чистые семена, то мы имеем тогда нужду в помощи Духа, чтобы Он своим великим попечением и промышлением со всех сторон ограждал новонасажденное растение веры. Поэтому апостол в Послании к Фессалоникийцам говорит: *Духа не угашайте* (1 Фес. 5, 19), внушая, что по пришествии благодати Духа мы будем недоступными для лукавого беса и всех ухищрений его, потому что... никто не может соблюсти веру свою безопасной и твердой, как только Духом Святым **(6)**.

* * *

Будем удерживать в себе огонь Духа щедродательностью и обильной милостыней, дабы нам не потерпеть кораблекрушения в вере. Вера имеет нужду в помощи и присутствии Духа, чтобы ей оставаться непоколебимой, а помощь Духа обыкновенно подается за чистую жизнь и доброе поведение. Поэтому, если мы желаем иметь твердую веру, то должны вести чистую жизнь, которая и располагает Духа пребывать в нас и поддерживать силу веры. Невозможно, подлинно

невозможно, чтобы проводящий нечистую жизнь не колебался в вере (6).

ВЕСЕЛЬЕ

[Господь] не только увещевает и советует воздерживаться от веселья, но и наказывает и карает живущего в веселье, ибо повествование о богатом и Лазаре и о судьбе того и другого указывает не на что иное, как именно на это... Некоторый человек, говорит Он, был богат, жил весьма порочно, не испытывал никакого несчастья, но все притекало к нему, как бы из источников. Что с ним не случалось ничего неожиданного, никакого повода к унынию, никакой житейской неприятности, на это указывают слова: *каждый день пиршествовал блистательно* (Лк. 16, 19). А что он жил порочно, это видно и из постигшей его кончины и еще прежде кончины из оказанного им презрения к бедному... Итак, первый порок богатого — жестокость и бесчеловечие в высшей степени. Ибо не все равно — не помогать нуждающимся тому, кто живет в бедности, или пренебрегать другими, измождаемыми голодом, тому, кто наслаждается таким весельем... Хочешь ли, я покажу тебе, в чем состоял и другой порок его? В том, что он каждый день веселился без опасения. Ибо и это крайнее зло, не только теперь, когда требуется от нас такое любомудрие, но и прежде — в Ветхом Завете, когда такое любомудрие еще не было открыто. Послушай, что говорит пророк. Горе вам, потому что *лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища, поете под звуки гуслей, думая, что владеете музыкальным орудием, как Давид, пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастями* (Ам. 6, 4–6) (3).

ВЗГЛЯД

Глаз для того и создан, чтобы мы, видя им творения Божии, прославляли их Создателя. Следовательно, дело глаза — видеть, а видеть худо зависит от управляющего им разума. Господь устроил члены (нашего тела) так, чтобы они были полезны нам к деланию добра, а управление ими предоставил бестелесному существу, то есть душе. Итак, когда душа предается нерадению и ослабит бразды, то, как возница,

не умеющий сдерживать беспорядочные порывы коней, опустив бразды, подвергает опасности и коней, везущих колесницу, и самого себя, так и воля наша, когда не умеет по надлежащему пользоваться членами, дав свободу беспорядочным вожделениям, губит сама себя. Поэтому-то Господь наш Иисус Христос, зная слабость нашей природы и беспечность воли, дал закон, запрещающий и возбраняющий излишние взгляды, чтобы издали еще погасить загорающийся в нас пламень, и сказал: *всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Для того, говорит, запрещаю необузданный взгляд, чтобы предохранить от беззаконного дела. Не думай, что только совокупление составляет грех, осуждению подлежит сама мысль (8).

ВЛАСТЬ

Будем заботиться не о том, чтобы достигнуть могущества, почестей и власти, но о том, чтобы отличиться добродетелью и любомудрием. Ибо власть побуждает делать многое, Богу неугодное, и надобно иметь душу самую мужественную, чтобы пользоваться властью как следует. Тот, кто лишен власти, волей-неволей любомудрствует, а обличенный ею терпит то же, что и человек, который, живя с хорошей и красивой девицей, обязался никогда не посмотреть на нее с вожделением. Такова власть! Она многих сделала обидчиками даже против воли их, у многих возбудила гнев, сняла узду с языка и отворила двери уст, как бы ветром раздувая душу и как ладью погружая ее в самую глубину зол. Итак, что же ты дивишься человеку, находящемуся в такой опасности, и называешь его счастливым? Какое безумие! Вместе со сказанным ранее представь еще и то, сколько врагов и клеветников, сколько ласкателей как бы держат его в осаде. Такое ли состояние, скажи мне, назвать блаженным? И кто назовет! Но такой человек в славе у народа, скажешь ты. Что ж? Народ не Бог, которому он должен дать отчет. Поэтому, говоря о народе, ты упоминаешь только о новых отмелях, подводных камнях, скалах и утесах. Ибо уважение народное чем более знаменитым делает, тем с большими соединено опасностями, заботами и печалями. Такой человек, имея столь жестокого господина [народ],

отнюдь не может отдохнуть или приостановиться... Такой, имея тысячи заслуг, с трудом входит в Царство. Ибо ничто столько не унижает, как слава народная, делающая боязливыми, подлыми льстецами и лицемерами... Ничто, истинно ничто так не делает людей законопреступными и несмысленными, как желание славы народной. Равно ничто так не делает славными и мужественными, как презрение к ней. Потому надо иметь чрезвычайно мужественную душу тому, кто хочет противостоять такой буре и силе ветра. Ибо любящий славу во время благоденствия поставляет себя выше всех, во время злополучия желает сам себя зарыть в землю (1).

* * *

Не говори мне, что такой-то восседает на колеснице, высоко поднимает брови и окружен толпой телохранителей... Нет, покажи мне отличие начальника не в этом, но в его состоянии по душе, то есть управляет ли он своими страстями, побеждает ли недуги [сердца]: например, обуздывает ли пристрастие к деньгам, укрощает ли ненасытимую любовь плотскую, не сохнет ли от зависти, не возмущается ли сильной страстью тщеславия, не боится ли и не трепещет ли бедности или неблагоприятной перемены, не умирает ли от этого страха. Такого покажи мне начальника: вот это — власть. Но если он, управляя людьми, сам раболепствует страстям, о таком я скажу, что это раб больше всех людей... А кто сбросил с себя эту власть, не увлекается злыми пожеланиями и не страшится, не трепещет безрассудно нищеты и бесславия и прочих неприятностей настоящей жизни, того, хоть он одет в рубище, сидит в тюрьме и закован в цепи, назову начальником, и свободным, и царственнее царей.

Такая власть не покупается за деньги и не имеет завистников, ее не знают ни язык злоречивого, ни глаз зложелателя, ни ухищрения коварных, нет, живя как бы в неприступном убежище любомудрия, она всегда остается неодолимой и не уступает не только другим обстоятельствам, но и самой смерти. Это доказывают мученики: тела их разрушились и обратились в прах и пыль, но власть каждый день живет и действует: прогоняет демонов, искореняет недуги, возбуждает целые города и ведет сюда [в церковь] народ. Сила этой власти

не только при жизни обладающих ею, но и по смерти такова, что не по принуждению, а по доброй воле и с охотой все идут сюда и нисколько не утомляются продолжительностью (путешествия и службы)* (1).

* * *

Когда кто-то сделает нас властными над кем-либо, то этой честью он налагает на нас сильнейшее обязательство заботиться о нем [подчиненном]; потому что одно то, что вся судьба того человека находится в наших руках, достаточно для нашего предостережения, и мы нескоро решились бы покинуть того, кто вверен нам. Если же он [облекший нас властью] потом станет еще гневаться и негодовать более самих обижаемых и являться строгим карателем, то этим еще более побудит нас [к исполнению долга]. То же сделал и Бог (2).

Поистине царь есть тот, кто побеждает гнев и зависть и сладострастие, подчиняет все законам Божиим, сохраняет ум свой свободным и не позволяет возобладать душой страсти к удовольствиям. Такого мужа я желал бы видеть начальствующим над народами, и землей, и морем, и городами, и областями, и войсками, потому что тот, кто подчинил душевные страсти разуму, тот легко управлял бы и людьми согласно с божественными законами, так что он был бы вместо отца для подчиненных, обращаясь с городами со всякой кротостью. А кто по-видимому начальствует над людьми, но раболепствует гневу, и честолюбию, и удовольствиям, тот, во-первых, может быть смешным для подчиненных, потому что хотя носит венец, украшенный драгоценными камнями и золотом, но сам не увенчан смиренномудрием, и хотя все тело его блестит багряницей*, но душа его остается неукрашенной. Потом он не будет знать, как распорядиться с властью, потому что неспособный управлять самим собой как может подчинять законам других (2)?

ВОЗДАЯНИЕ

Не будем думать, будто дела наши ограничиваются пределами настоящей жизни, но станем

* Здесь речь идет о поклонении мощам святых. *(Примеч. ред.)*

* Багряница — порфира, багряный широкий плащ владетельных особ. *(Примеч. ред.)*

верить, что будет непременно суд и воздаяние за все, что мы здесь делаем. Это так ясно и очевидно для всех, что и иудеи, и язычники, и еретики, и все вообще люди согласны в этом. Ибо хотя и не все мыслят как должно о воскресении, но что касается до суда, наказания и тамошних судилищ, все согласны в том, что есть там воздаяние за здешние дела. Если бы этого не было, то для чего бы Бог распростер столь великое небо, подостлал землю, расширил море, разлил воздух, явил такую промыслительность, если бы Он не до конца хотел иметь о нас попечение? — Не видишь ли, сколь многие из живых добродетельно претерпели многочисленные бедствия и отошли, не получив ничего доброго, а другие, напротив, жили весьма нечестиво, похищали чужое имущество, грабили и притесняли вдов и сирот, наслаждались богатством, роскошью и бесчисленными благами и отошли, не потерпев ни малейшего зла? Итак, когда же и первые получат награду за добродетель и последние понесут наказание за нечестие, если дела наши оканчиваются со здешней жизнью? Если Бог существует, как и действительно существует, то всякий скажет, что Он праведен, если же праведен, то надобно согласиться, что тем и другим воздаст по достоинству. Если же Бог имеет воздать тем и другим по достоинству, а здесь никто из них не получил: тот — наказания за грехи, а этот — награды за добродетель, то ясно, что будет еще время, когда и тот и другой получат должное воздаяние (1).

* * *

Поскольку за все есть воздаяние, за все есть возмездие, хотя бы кто был убийца, хотя бы нечестивец, хотя бы корыстолюбец, но сделал что-нибудь доброе, будет ему воздаяние за это доброе. Из-за грехов, которые он сделал, доброе не останется без награды. И опять, хотя бы кто-то совершил тысячу добрых дел, но сделал также что-нибудь худое, будет ему воздаяние за это худое. Удержи это, соблюди твердо и непоколебимо: нет и праведника без греха, нет и грешника без добродетели... Грешник получает за добрые свои дела соответствующее воздаяние, как бы ни было маловажно его добро, и праведник восприемлет за грех свой соразмерное осуждение, хотя бы сделал он и неважное зло. Что же бывает и что делает Бог? Он

определил страдать за грех либо в настоящей жизни, либо в будущем веке. Итак, если кто-то праведен, но сделает что-нибудь худое и за это будет страдать здесь и подвергнется наказанию, ты не смущайся, но подумай про себя и скажи: праведник этот, видно, когда-нибудь сделал какой-либо малый грех и восприемлет здесь, чтобы там не быть наказанным. Опять, если увидишь грешника, грабителя, корыстолюбца, делающего множество зла и, однако, благоденствующего, подумай, что, видно, он сделал когда-нибудь нечто доброе и восприемлет здесь добро, чтобы там не требовал награды... Итак, когда увидишь, что праведник наказывается здесь, почитай его блаженным и говори: этот праведник или сделал грех и наказывается за него и отходит туда чистым, или наказывается сверх меры грехов его, и это вменяется ему в прибавок к праведности (1).

* * *

Великое воздаяние уготовано делающим добро, но оно бывает больше и обильнее, когда делающие это добро подвергаются еще опасностям и великому бесчестию. Пусть доброе дело будет одинаково как у того, кто сделал его без труда, так и у того, кто совершил его с трудами, но почесть и венцы будут не одинаковы (2).

* * *

После того как нам открыто Царствие Небесное и обещано воздаяние в будущей жизни, уже непристойно исследовать, почему [на земле] праведные живут в скорбях, а порочные в спокойствии. Если там каждого ожидает воздаяние по заслугам, то для чего возмущаться здешними обстоятельствами, счастливыми или несчастными? Здешними бедствиями Бог укрепляет покорных Ему, как мужественных борцов, а более слабых, нерадивых и неспособных переносить ничего тяжелого предварительно располагает к готовности на добрые дела. Часто случается и обратное этому: то, что многие праведные живут в спокойствии и чести, а порочные в бесчестии и крайних бедствиях. Этим для нас прежде всего опровергается предшествующее положение, что праведные терпят бедствия, а нечестивые блаженствуют. Если же оно еще нуждается в объяснении, то скажу, что Бог устрояет наше благо не одинаковым

образом, но, как неистощимый в средствах, пролагает нам многие пути ко спасению. Так как многие не хотят принять учения в будущей жизни и воскресении, то Он еще здесь являет в малом виде образ [будущего] суда, когда наказывает злых и награждает добрых. Вполне это совершится на том суде, но отчасти совершается ныне и здесь, чтобы те, которые ввиду такой отдаленности суда предались греху, вразумились по крайней мере событиями настоящего времени. Если бы здесь вовсе никто из злых не наказывался и никто из добрых не получал награды, то многие из неверующих учению о воскресении уклонялись бы от добродетели, как от причины зла, а ко греху прилеплялись бы, как к причине добра; с другой стороны, если бы здесь все получали воздаяние по заслугам, то некоторые подумали бы, что учение о суде излишне и ложно. Итак, чтобы это учение не подверглось сомнению и чтобы большинство невежественного народа по беспечности не сделалось хуже, Бог еще здесь наказывает многих из грешников и награждает некоторых из праведников. Тем, что Он поступает так не со всеми, Он подтверждает учение о суде, а тем, что наказывает некоторых еще прежде суда, пробуждает спящих глубоким сном. В виду наказания порочных многие исправляются, боясь, чтобы и им не потерпеть того же самого, а вследствие того, что здесь не все получают воздаяние по заслугам, многие невольно приходят к мысли, что оно отложено до некоторого другого времени. Правосудный Бог, конечно, не допустил бы, чтобы столь многие злые умирали не наказанными, а добрые терпели бесчисленные бедствия, если бы Он не приготовил для тех и других иного состояния в будущем веке. Поэтому Он и наказывает и награждает не всех, а только некоторых. Как, например, царя персидского и Езекию, хотя много было таких нечестивых, как тот ассириянин, и добродетельных, подобно Езекии, но Бог не со всеми поступил так, как с ними. Причина в том, как я сказал, что еще не пришло время суда. И что это учение не мое, послушай самого Того, Кто будет нас судить. Когда пришли к Нему и рассказали о смерти задавленных башней и о безумии Пилата, которое он выказал в отношении к умершим, смешав кровь их с жертвами, тогда что Христос

говорит? *Думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете* (Лк. 13, 2–5). В этом причина замедления. Бог для того не вдруг наказывает всех, достойных наказания, чтобы через несчастья одних все прочие сделались лучшими (2).

* * *

Так бывает, что иной невоздержан, но иногда милостив, или бесчеловечен, но целомудрен, или же невоздержан и жесток, однако сделал когда-нибудь в жизни хоть одно доброе дело. То же, наоборот, надо думать и о людях добрых. Как самые нечестивые иногда делают что-нибудь доброе, так и честные и добродетельные нередко в чем-нибудь погрешают, ибо *кто может сказать,* говорит премудрый: *«я очистил мое сердце, я чист от греха моего?»* (Притч. 20, 9). Поэтому, так как вероятно, что и богач, хотя дошел до крайнего нечестия, делал что-нибудь доброе, и Лазарь, хотя достиг верха добродетели, погрешал в чем-нибудь неважном, то посмотри, как на то и другое указал патриарх [Авраам] словами: *ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое* (Лк. 16, 25). Смысл слов такой: если ты сделал что-нибудь доброе и тебе за это следовала награда, то ты все уже получил в том мире, живя в веселье и в богатстве, наслаждаясь великим благоденствием и благополучием. И Лазарь, если делал что-нибудь худое, то получил все, пострадав от бедности, голода и крайних бедствий, и каждый из вас пришел сюда обнаженным — он от грехов, а ты от дел правды, поэтому здесь он имеет чистое утешение, а ты терпишь безотрадную муку. Подлинно, если добрые дела наши малочисленны и незначительны, а грехов великое и невыразимое бремя и при этом еще будем здесь наслаждаться благополучием и не потерпим никакого бедствия, то отойдем отсюда совершенно обнаженными и отчужденными от награды и за добрые дела, как уже восприявшие все здесь. Равно как если наши добродетели велики и многочисленны, а грехи

малочисленны и незначительны, между тем мы потерпим какое-либо бедствие, то, сложив с себя здесь и эти немногие грехи, мы там получим чистое и совершенное воздаяние за добрые дела. Итак, когда ты увидишь, что кто-либо, проводя жизнь в нечестии, не терпит здесь никакого бедствия, не ублажай его, но плачь и сожалей о нем как о человеке, который там подвергнется всем бедствиям, как и этот богач. Напротив, когда увидишь, что кто-либо печется о добродетели и терпит бесчисленные искушения, ублажи его и подражай ему, потому что ему и здесь разрешаются все грехи, и там уготовляются многие награды за терпение, как было и с этим Лазарем (3).

ВОЗДЕРЖАНИЕ

Христос повелел через Павла, чтобы жена не отлучалась мужа и чтобы не лишали друг друга, разве по согласию. Но некоторые по любви к воздержанию оставили мужей своих, как будто бы это было дело благочестия, ввергли себя в прелюбодеяние. Итак, подумай, какое это несчастье, что столько труда понесшие обвиняются, как будто учинившие великое зло и как сами подвергаются крайнему наказанию, так и сожительствовавших с ними повергают в бездну погибели. А иные, воздерживаясь по заповеди поста от пищи, мало-помалу дошли до того, что гнушаются пищей, а это готовит им тяжкую казнь (1).

ВОСКРЕСЕНИЕ

Частое собеседование и непрестанное памятование о воскресении и суде приносят нам великую пользу. Захотим ли мы неправедно обогатиться или похитить что-нибудь или сделать другой какой бесчестный поступок, тотчас приведем себе на мысль тот день, вообразим то судилище, и эта мысль сильнее всякой узды сдержит дурное наше стремление. Будем постоянно говорить и себе и другим: есть воскресение, и страшное судилище ожидает нас. Если кого-либо увидим тщеславящимся и надмевающимся настоящими благами, скажем ему то же самое и объявим, что все это останется здесь. Если опять увидим другого удрученным скорбями и унывающим, выскажем и ему то же самое, указывая на то, что скорбям будет конец... И подлинно, есть

воскресение, и воскресение у дверей, не далеко, но близко. *Еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит* (Евр. 10, 37)... Не будем же прогневлять Бога сверх худых дел еще и неверием слову воскресения. Как во всем прочем Христос был начатком для нас, так и в этом. Потому Он называется и перворожденным из мертвых. А если бы не было воскресения, то как бы Он мог быть перворожденным, когда Никто из мертвых не последует за Ним? Если бы не было воскресения, то как бы могла сохраниться правда Божия, когда столько злых людей благоденствуют и столько добрых страдают и в страдании оканчивают жизнь? Где все эти люди получают по своим достоинствам, если нет воскресения? Никто из живущих праведно не сомневается в воскресении, но все они каждый день молятся, произнося это святое изречение: *да приидет Царствие Твое*. Кто же не верует в воскресение? — Люди, идущие оскверненными путями и проводящие нечистую жизнь, как говорит пророк: *во всякое время пути его нечисты, отстраняются суды Твои от лица его* (Пс. 9, 26). Ибо подлинно, невозможно человеку вести жизнь чистую, когда он не верует в воскресение. А кто не знает за собой ничего худого, те и говорят, и желают, и веруют, что получат воздаяние (1).

* * *

Многие мертвые воскресали и прежде Христа. Но так, как Он, не воскрес ни один. Все другие воскресавшие опять возвращались в землю и, освободившись на время от владычества смерти, опять подвергались ее власти. А тело Господа по воскресении не возвратилось в землю, но вознеслось на небеса, разрушило всю власть врага, воскресило вместе с собой всю вселенную и ныне сидит на царском престоле. Представляя все это и объясняя, что никакой ум не может постигнуть столь многих и столь великих чудес, а одна только вера может познать и ясно представить их, Павел сказал: *через веру... познать Его, и силу воскресения Его* (Фил. 3, 10). Если ум не может постигнуть и простого воскресения (так как оно выше человеческой природы и порядка вещей), то какой ум в состоянии будет постигнуть воскресение, столь отличающееся от других воскресений? Никакой, но нам нужна одна вера, которой

мы могли бы убедиться, что умершее тело и воскресло, и перешло в жизнь бессмертную, не имеющую ни предела, ни конца (2).

* * *

Обещал Он воскресение тел, нетление, сретение Его на воздухе, восхищение на облаках, и это доказал на деле. Как и каким способом? Тем, что, умерев, воскрес, для того и был Он вместе с ними (учениками) в продолжение сорока дней, чтобы удостоверить их и вразумить, каковы будут наши тела по воскресении. Опять, сказав через Павла: *восхищены будем на облаках в сретение* Его *на воздухе* (1 Фес. 4, 17), он и это доказал делами. По воскресении, когда благоволил взойти на небо, Он в присутствии учеников *поднялся в глазах их, и облако взяло Его* (Деян. 1, 9). Значит, и наше тело будет сообразно Его телу, потому что из одного с ним вещества, так как что с главою. То и с телом, что с началом, то и с концом. Это желая показать яснее, и Павел сказал: *уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его* (Флп. 3, 21). Итак, если наше тело будет сообразно (телу Иисуса Христа), то и пойдет тем же путем, и так же поднимется на облаках. Этого ожидай и ты в воскресение. Так как слово о царствии было темно для слушавших Его тогда, потому Он, взойдя на гору, преобразился перед учениками Своими (см. Мф. 17, 1–2), чтобы открыть им будущую славу и как бы в зеркале и хоть неясно показать, каково будет наше тело. Но тогда явилось (тело) в одеждах, а в воскресение не так. Тело наше уже не будет нуждаться ни в одеждах, ни в покрове, ни в доме, ни в другом чем-либо подобном. Если Адам до преступления не стыдился своей наготы, потому что облечен был славой, — тем более наши тела, перейдя в высшее и лучшее состояние, не будут ни в чем этом нуждаться. Поэтому-то и сам Господь, когда воскрес, то тело воскресил нагим, окруженным несказанной славой и блаженством (6).

ВОСПИТАНИЕ

Если бы отцы тщательно воспитывали детей своих, то не нужно было бы ни законов, ни судилищ, ни наказаний, ни мучений и публичных убийств. *Закон*, говорит апостол, *положен не для праведника* (1 Тим. 1, 9). Но так

как мы не заботимся о них, то и подвергаем их великим бедствиям, и предаем в руки палачей, и часто ввергаем в пропасть. *Поблажающий сыну* своему *будет перевязывать раны его* (Сир. 30, 7). Что значит *поблажающий*? Милующий, жалеющий, услуживающий чрезмерно. А он имеет нужду в строгости, наблюдении и страхе. Говорю это не с тем, чтобы мы были жестокими к детям, но чтобы мы не казались им презренными. Если жена должна бояться мужа, то гораздо более сын — отца. Не говори мне, что невозможно обуздать юность. Если Павел требует этого от вдовой женщины, то гораздо больше от мужей... Но все пороки происходят от нашей беспечности, оттого что мы не с самого начала и не с раннего возраста руководим детей к благочестию. О том, чтобы они получили внешнее образование, мы заботимся, тратим деньги, просим друзей и много ходим туда и сюда. О том же, чтобы они были угодны Царю Ангелов — не оказываем никакого попечения. На зрелища ходить мы часто им позволяем, а в церковь — не заставляем никогда; если же однажды или дважды дитя придет туда, то остается там напрасно, без пользы и для забавы. Нет, не так должно быть. Как, посылая в училище, мы требуем от них отчета в науках, так и в церковь посылая или, лучше, приводя их, ибо не другим вверять их, но самим с ними надобно приходить сюда и требовать, чтобы они помнили слышанное и преподаваемое здесь. Таким образом для нас было бы легко и удобно исправление детей. Если бы и дома они постоянно слышали от нас беседы о любомудрии и советы о том, что до́лжно делать, и здешнее присоединилось бы у них к тамошнему, тогда скоро они явили бы нам зрелые плоды добрых семян... Однако, зная это, мы о маловажном много заботимся, а на важнейшее не хотим обратить внимания... Следовало бы [видя согрешающего сына] сокрушаться и плакать, или лучше не плакать только, но и удерживать, обуздывать, советовать, убеждать, устрашать, укорять, прогонять эту болезнь всеми способами врачевания и подражать той вдове, о которой говорил Павел: *если она воспитала детей* (1 Тим. 5, 10). Ибо не к ней только, но и ко всем он обращает эти слова и всех увещевает так: *воспитывайте* детей *в учении и наставлении Господнем* (Еф. 6, 4).

Это первое и величайшее из благ (1).

* * *

Излишне было бы убеждать вас к внимательному слушанию Слова, а нужно только внушить вам, чтобы вы всегда сохраняли в себе такое усердие и не только бы здесь его показывали, но чтобы и дома находясь, муж с женой, отец с детьми беседовали об этом... Никто не говори мне, что нам не нужно занимать этим детей. Не только до́лжно этим занимать, но об этом только одном и надобно бы вам заботиться. Однако, ради немощи вашей, я уже не говорю этого, я не отвожу детей от посторонних занятий, так же как и вас не отвлекаю от общественных дел. Я считаю только справедливым, чтобы из семи дней один посвящен был общему нашему Господу... Ибо как это несообразно — рабам своим приказывать, чтобы они все время служили нам, а нам самим не уделить и малейшего времени для Господа, и притом тогда как наше служение не приносит Ему ничего (ибо Бог ни в чем не нуждается), и только нам же самим обращается в пользу! Когда вы водите детей на зрелища, то не находите препятствия к этому ни в науках, ни в другом чем-нибудь. А когда надобно собрать и получить какую-нибудь духовную пользу, вы это дело называете бездельным. Как же вы не прогневаете Бога, когда во всем другом упражняете своих детей и на то находите время, а занимать их делом Божиим считаете тягостным и неблаговременным для детей. Нет, не так, братия! Этот-то возраст преимущественно и нуждается в таких уроках. Возраст нежный, — он скоро усвояет себе то, что ему говорят, и как печать на воске, в душе детей отпечатлевается то, что они слышат. А между тем и жизнь их тогда уже начинает склоняться или к пороку или к добродетели. Поэтому, если в самом начале и, так сказать, в преддверии отклонить их от порока и направить на лучший путь, то на будущее время это уже обратится им в навык и как бы в природу, и они уже не так удобно по своему произволу будут уклоняться к худшему, потому что навык будет привлекать их к делам добрым. Тогда и для нас они будут достопочтеннее самих стариков, и для гражданских дел будут полезнее, обнаруживая в юности свойства старцев (1).

* * *

Наставляйте детей своих в наставлении и поучении Господнем с великим тщанием. Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких условиях возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, то же самое есть и юность. Поэтому если вначале и с первого возраста поставим для нее надлежащие пределы, то впоследствии не будем иметь нужды в великих усилиях. Напротив, потом привычка обратится для них в закон. Не позволим им делать того, что приятно и вместе вредно, не будем угождать им, потому что они дети, но преимущественно будем их сохранять в целомудрии... Нам вверен важный залог — дети. Будем поэтому заботиться о них и употребим все меры, чтобы лукавый не похитил их у нас. Между тем теперь у нас все происходит наоборот... И погонщика ослов и мулов, и надзирателя, и поверенного мы отыскиваем самого искусного, но на то, что для нас всего дороже, именно на то, чтобы поручить сына человеку, который бы мог сохранить его в целомудрии, не обращаем внимания, несмотря на то что это стяжание ценнее всех прочих и ради него приходят остальные блага. Об имуществе для них [детей] мы заботимся, а о них самих — нет. Видишь, какое безумие овладело нами? Прежде образуй душу сына твоего, а стяжания он уже после получит. Если душа у него нехороша, то он не будет иметь ни малейшей пользы от денег, и наоборот, если ей дано правильное образование, то бедность нисколько не повредит ему. Хочешь ли оставить его богатым? Научи его быть добродетельным. Ибо таким образом он может и состояние умножить, если же и не умножит, то, по крайней мере, он ничем не будет хуже людей зажиточных. Между тем, ежели он будет злой, то хотя бы ему были оставлены тобой бесчисленные сокровища, ты не оставил хранителя им, а сделал его несчастнее тех, которые впали в самую крайнюю бедность. Ибо для детей, не получивших правильного образования, бедность лучше богатства, потому что первая, даже помимо их воли, удерживает их в пределах добродетели, между тем последнее, хотя бы даже кто и желал этого, не позволяет вести жизни целомудренной, но увлекает,

ниспровергает и вводит в бесчисленное множество преступлений. Вы, матери, больше всего смотрите за дочерьми: попечение это для вас не трудно. Наблюдайте за тем, чтобы они сидели дома, а прежде всего учите их быть благочестивыми, скромными, презирать деньги и не слишком заботиться о нарядах (1).

* * *

Нерадение о детях больше всех грехов и доходит до самого верха нечестия... Был у иудеев один священник, человек скромный и кроткий, имя ему было Илий. Этот Илий делается отцом двух сыновей. Видя, что они предаются нечестию, он не удерживал их и не останавливал, или вернее — он удерживал и останавливал, но делал это не с надлежащим усердием. А проступки этих сыновей состояли в любодеянии и чревоугодии. Они, говорится [в Писании], ели священные мяса прежде их освящения, прежде возношения жертвы Богу (см.: 1 Цар. 2, 15–16). Слыша об этом, отец не наказывал их, а пытался словом и убеждением отклонить их от этого нечестия и постоянно говорил им такие слова: *Нет, дети мои, нехороша молва, которую я слышу о вас, не делайте так, ибо не хороша молва, которую я слышу; вы развращаете народ Господень; если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу; если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем* (1 Цар. 2, 24–25)? Очень сильные и поразительные слова, достаточные для вразумления того, у кого есть ум! Он выставлял на вид грех, показывал его ужас, объявлял и угрожающее за него тяжкое и страшное осуждение; однако же, так как не все сделал, что следовало, то и сам погиб вместе с ними. Следовало бы и усилить угрозы, и прогнать их с глаз своих, и наказать бичами, и быть гораздо более строгим и суровым. А так как он ничего этого не сделал, то разгневал Бога и против себя и против них, и, оказав неуместное снисхождение к своим детям, вместе с детьми погубил и свое спасение... Что же Он говорит Самуилу? (Илий) *знал, как сыновья его нечествуют, и не обуздывал их* (1 Цар. 3, 13); не то, чтобы не вразумлял: он и вразумлял, но Бог говорит, что это еще не вразумление, и отверг его, потому что оно было без силы и настойчивости. Так, если и мы хоть печемся о детях, но не

столько, сколько нужно, то и наше попечение не есть попечение, как и Илиево вразумление. Сказав о преступлении, [Господь] с великим гневом налагает и наказание: *клянусь дому Илии, что вина дома Илиева не загладится ни жертвами, ни приношениями хлебными вовек* (1 Цар. 3, 14). Видишь, какое сильное негодование и наказание без надежды на пощаду? Неизбежно, говорит, до́лжно ему погибнуть, и не только ему и сыновьям его, но вместе с ним и всему дому, и не будет никакого врачества, которое бы исцелило эту рану. Между тем Бог ни за что другое, кроме беспечности о детях, не мог тогда винить этого старца, дивного во всем другом, которого все любомудрие можно видеть не только из других, но и из обстоятельств угрожавшего ему несчастья. Так, во-первых, когда он услышал обо всем этом и увидел себя на пути к крайнему наказанию, то не стал роптать и негодовать, не сказал ничего такого, что обыкновенно говорят люди: «Разве я властен в чужой воле? За свои грехи я должен нести наказание, а дети сами в возрасте, сами только и должны бы быть наказаны». Ничего такого он и не сказал, и не подумал, но, как благонамеренный раб, только то и знающий, чтобы благодушно переносить все от господина, хотя бы и неприятное, произнес такие, преисполненные любомудрия, слова: *Он — Господь; что Ему угодно, то да сотворит* (1 Цар. 3, 18)... Если же священника, — престарелого, знаменитого, двадцать лет безукоризненно начальствовавшего над еврейским народом, жившего во времена, не требовавшие великой строгости, ни одно из этих обстоятельств не могло извинить, но он погиб ужасно и бедственно за то, что не заботился о детях с полным вниманием, и грех этой слабости, как сильная и великая волна, превысил все прочее и закрыл все добрые дела его, то какое осуждение постигнет нас, которые живем во времена, требующие гораздо большего любомудрия, но не имеем и его добродетели, и не только сами не имеем попечения о детях, но и против желающих делать это строим козни и восстаем, и относимся к детям своим хуже всякого варвара?.. Ибо жестокость варваров доводит только до рабства, до опустошения и пленения отечества, и вообще до бедствий телесных, а вы порабощаете саму душу и,

связав ее, как какую-нибудь пленницу, передаете таким образом лукавым и свирепым демонам, их страстям. Именно это, а не другое что делаете вы, когда и сами не внушаете [детям] ничего духовного, и другим делать это не позволяете. Пусть никто не говорит мне, что многие, больше Илия нерадевшие о своих детях, не потерпели ничего такого, что Илий: нет, многократно терпели, и многие, и более того тяжко, и за такой же грех. Ибо откуда преждевременные смерти? Откуда тяжкие и продолжительные болезни и у нас, и у наших детей? Откуда потери, откуда несчастья, откуда огорчения, откуда бесчисленное множество зол? Не от небрежения ли о порочных детях? Что это не вымысел, достаточно могут свидетельствовать и бедствия этого старца, но я скажу вам еще слово об этом одного из наших мудрецов. Он, рассуждая о детях, говорит так: *не желай множества негодных детей и не радуйся о сыновьях нечестивых. Когда они умножаются, не радуйся о них, если нет в них страха Господня. Не надейся на их жизнь и не опирайся на их множество* (Сир. 16, 1), ты зарыдаешь плачем преждевременным, и неожиданно узнаешь о их погибели (2).

* * *

Нельзя сказать и того, будто у Него немного попечения об этом деле: нет, Он имеет великое промышление о воспитании детей. Для того Он и вложил такое влечение в природу родителей, чтобы поставить их как бы в неизбежную необходимость заботиться о детях. А впоследствии в своих изречениях Он преподал нам и законы касательно попечения о них и, учреждая праздники, повелел объяснять детям причину их. Так, сказав о Пасхе, Он присовокупил: *и объяви в день тот сыну твоему, говоря: это ради того, что Господь (Бог) сделал со мною, когда я вышел из Египта* (Исх. 13, 8). То же самое и в законе, потому что, сказав о перворожденных, опять присовокупляет: *и когда после спросит тебя сын твой, говоря: что это? то скажи ему: рукою крепкою вывел нас Господь из Египта, из дома рабства, ибо когда фараон упорствовал отпустить нас, Господь умертвил всех первенцев в земле Египетской...* (Исх. 13, 14–15). Всем этим он внушает вести детей к богопознанию. И самим детям

он заповедует многое относительно их родителей, награждая послушных, а неблагодарных наказывая, и таким образом делая их еще более любезными для родителей (2).

* * *

Дабы родители, получив повеление воспитывать детей, не пренебрегали Его повелениями, Он присоединил естественную необходимость. А чтобы эта связь не была ослабляема оскорблениями со стороны детей и не расторглась, Он оградил ее наказаниями и от Себя и от самих родителей, таким образом и детей весьма строго подчиняя [родителям], и в родителях возбуждая любовь [к детям]... Он не только детей злых в отношении к родителям наказывает, а к добрым благоволит, но точно так же поступает и с родителями, тяжко наказывая нерадящих о детях, а попечительных удостаивая почестей и похвал (2).

* * *

Горе, сказано [в Писании], *вам, смеющиеся ныне* (Лк. 6, 25), — а вы подаете детям множество поводов к смеху. *Горе вам, богатые* (Лк. 6, 24), — а вы предпринимаете все меры, чтобы они разбогатели. *Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо* (Лк. 6, 26), — а вы часто тратите целые имущества для людской славы. Еще: поносящий брата своего *подлежит геенне огненной* (Мф. 5, 22), — а вы считаете слабыми и трусливыми тех, кто молчаливо переносит обиды от других. Христос повелевает воздерживаться от ссоры и тяжбы, а вы постоянно занимаете детей этими злыми делами. Он повелел во многих случаях вырывать око, если оно причиняет вред (см.: Мф. 5, 29), а вы с теми особенно и вступаете в дружбу, кто может дать денег, хотя бы учил крайнему разврату. Он не позволил отвергать жену, кроме одной только вины — прелюбодеяния (см.: Мф. 5, 32), а вы, когда можно получить деньги, позволяете пренебрегать и этой заповедью. Клятву Он запретил совершенно (см. Мф. 5, 34), а вы даже смеетесь, когда видите, что это соблюдается. *Любящий душу свою,* говорит [Господь], *погубит ее* (Ин. 12, 25), а вы всячески вовлекаете их в эту любовь. *Если не будете,* говорит Он, *прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 15), а вы даже укоряете детей, когда они

не хотят мстить обидевшим и стараетесь скорее доставить им возможность сделать это. Христос сказал, что любящие славу, постятся ли, молятся ли, подают ли милостыню, все это делают без пользы (см.: Мф. 6, 1), а вы всячески стараетесь, чтобы ваши дети достигли ее. Но для чего перечислять все, если уже и сказанные пороки, не только все вместе, но и каждый сам по себе, достаточны для приготовления тысячи геенн? А вы, собрав их все вместе и возложив [на детей] эту невыносимую тяжесть грехов, с ней ведете их в огненную реку; как же они могут спастись, принося столько пищи для огня? И не только то ужасно, что вы внушаете противное заповедям Христовым, но и то еще, что прикрываете порочность благозвучными наименованиями, называя постоянное пребывание на конских ристалищах и в театрах светскостью, обладание богатством свободой, славолюбие великодушием, дерзость откровенностью, расточительность человеколюбием, несправедливость мужеством. Потом, как будто мало этого обмана, вы и добродетели называете противоположными наименованиями: скромность неучтивостью, кротость трусостью, справедливость слабостью, смирение раболепством, незлобие бессилием, как будто опасаясь, чтобы дети, услышав от других истинное название этих [добродетелей и пороков], не удалились от заразы. Ибо название пороков прямыми и подлинными их наименованиями немало способствует к отвращению от них: оно может так сильно поражать грешников, что часто многие, отличающиеся бесчестнейшими делами, не переносят равнодушно, когда их называют тем, что они есть на самом деле, но приходят в сильный гнев и зверское раздражение, как будто терпят что-нибудь ужасное (2).

* * *

Часто многие из отцов делают все и принимают все меры, чтобы у сына был хороший конь, великолепный дом или дорогое поместье, а о том, чтобы у него была хорошая душа и благочестивое настроение, нисколько не заботятся. Это и расстраивает всю вселенную, — то, что мы нерадим о своих детях, заботимся об их богатстве, а душой их пренебрегаем, допуская крайне безумное дело. Хотя бы велики и драгоценны были богатства, но если человек не способен распоря-

жаться ими добродетельно, то все погибнет и исчезнет вместе с ним и причинит владельцу крайний вред, а если душа его будет благородна и любомудра, то хотя бы у него не было собрано ничего, он будет в состоянии свободно распоряжаться имуществом всех, итак, нужно смотреть не на то, чтобы сделать детей богатыми серебром и золотом и тому подобным, но чтобы они были богатее всех благочестием, любомудрием и другими добродетелями, чтобы они не нуждались во многом, чтобы не увлекались житейскими предметами и пожеланиями. Нужно тщательно смотреть и за входами их и выходами, и за поведением и знакомствами, в той уверенности, что за небрежение об этом мы не получим прощения от Бога. Если мы отдадим отчет в попечении о других, так как *никто*, говорит апостол, *не ищи своего, но каждый пользы другого* (1 Кор. 10, 24); — но не тем ли более в попечении о детях? Не поселил ли Я, скажет Бог, сына твоего с тобой с самого начала? Не приставил ли тебя к нему учителем, руководителем, попечителем и начальником? Не отдал ли в твои руки всю власть над ним? В нежном возрасте образовывать его и настраивать повелел Я, какое же ты можешь иметь оправдание, если пренебрегаешь его неповиновением? Что скажешь ты? То ли, что он необуздан и упрям? Но это надлежало предвидеть вначале, когда он был способен к обузданию и весьма молод, и обуздывать его тщательно, приучать к должному, исправлять, наказывать душевные болезни его. Когда возделывание более удобно, тогда и нужно исторгать терние, когда при нежности возраста оно легче может быть вырвано, когда страсти, составленные в пренебрежении и возросшие, не сделались неудобоисправимыми. Потому и говорит премудрый: *с юности нагибай шею их* (Сир. 7, 25), когда воспитание может быть удобнее. И не только Бог повелевает, но и Сам содействует тебе в этом деле. Как и каким образом? *Кто злословит отца своего, или свою мать*, говорит Он, *того должно предать смерти* (Исх. 21, 17). Видишь, какой внушил Он детям страх? Каким оградил опасением? Как сделал твою власть сильной? Какое же можем мы сказать оправдание, если Он сам не щадит даже их жизни, когда они оскорбляют нас, а мы даже не хотим выразить им неудовольствия, когда

они оскорбляют Бога?.. Ты видишь, что он оскорбляет Создателя, и не негодуешь, и не устрашаешь, и не наказываешь, притом зная, что Бог запретил это не потому, будто бы Ему был какой-нибудь вред от оскорбления, — так как Божество недоступно для вреда, — но для спасения его же самого? Ибо кто неблагодарен и бесчувствен по отношению к Богу, тот гораздо более неистовым может быть в отношении к родителю и к собственной своей душе.

...Дети, хорошо настроенные в отношении к Богу, будут честными и отличными и в отношении к настоящей жизни. Человека, живущего добродетельно и скромно, все уважают и почитают, хотя бы он был беднее всех, а порочного и развратного все отвращаются и ненавидят, хотя бы он владел великим богатством. И не только от других людей такой сын будет пользоваться уважением, но и для тебя — родителя — будет более любезным, представляя кроме природы еще другое, не меньшее побуждение к любви — добродетель; и не только более любезным, но и более полезным для тебя, угождая тебе, услуживая, поддерживая в старости. Как неблагодарные в отношении к Богу презирают и родителей, так благоговейные перед Создателем оказывают и родителям великое почтение... Что действительно нерадящие о детях, хотя бы они во всем другом были исправны и умеренны, за этот грех подвергнутся крайнему наказанию, в доказательство я расскажу тебе одно древнее событие. У иудеев был один священник, во всем прочем исправный и умеренный, по имени Илий. У этого Илия были два сына, предававшиеся крайнему нечестию. Он не удерживал и не останавливал их, или лучше, хотя и удерживал и останавливал, но не с надлежащей тщательностью и силой. Тогда как следовало сечь их, выгонять их из отеческого дома, употреблять все способы исправления, он только увещевал и советовал, говоря так: *нет, дети мои... не делайте так, ибо не хороша молва, которую я слышу* (1 Цар. 2, 24). Что говоришь ты? Они оскорбили Господа, а ты называешь их чадами? Они не признают Создателя, а ты признаешь родство с ними? Потому и говорится, что он не вразумлял их, ибо вразумление состоит в том, если мы не просто советуем, но если наносим рану сильную, решительную

и такую, какой требует болезненная гнилость. Недостаточно только сказать или предложить увещание, но надо внушить и великий страх, чтобы пресечь беспечность юности. Итак, когда он хотя увещевал, но не вразумлял, как должно было, Бог предал их врагам, во время сражения они пали, и сам он, не перенеся вести об этом, упав, разбился и умер. Видишь ли, как справедливо я сказал, что отцы бывают и детоубийцами, не принимая сильных мер в отношении к беспечным детям своим и не требуя от них благоговения к Богу? Таким образом Илий сделался детоубийцей. Ибо хотя сыновей его умертвили враги, но виновником убийства был он, лишивший их помощи Божией своим нерадением о них и оставивший их беззащитными и открытыми для желающих умертвить их. И не только их, но вместе с ними он погубил и себя самого.

...Прошу и умоляю иметь великое попечение о своих детях и постоянно заботиться о спасении души их. Ты — учитель всего дома, и тебе Бог непрестанно представляет и жену и сыновей... Представляй, что у тебя в доме золотые статуи — дети, каждый день исправляй и осматривай их тщательно, и всеми мерами украшай и устрояй их душу, подражай блаженному Иову, который, опасаясь даже за мысленные грехи их, приносил за них жертвы и великое имел о них попечение (Иов 1, 5) (6).

ВРАГИ

Если я скажу, что они [святые] любили ближних, то не скажу ничего важного, они любили врагов так, как другой не мог бы любить близких к себе. Кто из нас решился бы идти в геенну за близких к себе, имея возможность войти в Царство? Никто. Но Павел решился на это за врагов, бросавших в него камнями и бичевавших его... И еще прежде него блаженный Моисей за врагов, хотевших побить его камнями, желал быть изглажденным из книги Божией (см.: Исх. 32, 32). Также Давид, видя гибель врагов своих, говорил: *вот, я согрешил, я (пастырь) поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они* (2 Цар. 24, 17)? И имея Саула в руках своих, не хотел умертвить его, но оставил в живых, тогда как сам подвергался опасности. Если же так было в Ветхом Завете, то можем ли получить прощение мы, живущие

в Новом, и не достигшие даже той меры любви, какой достигли они?.. *Любите*, — говорит Господь, — *врагов ваших,* и будете подобными Отцу вашему, который на небесах (Мф. 5, 44, 48). Люби же врага, не ему ты через это благодетельствуешь, а себе самому. Как? Делая это, ты уподобляешься Богу. Тот, если будет любим тобою, получит небольшую пользу, — он будет любим подобным себе рабом, а ты, если будешь любить подобного себе раба, то получишь великую пользу, — ты сделаешься подобным Богу... Но что, скажешь, если он зол? Тем большая готовится тебе награда, и за самую злость его ты должен быть благодарным, если он, несмотря на множество благодеяний, остается злым; ибо если бы он не был весьма злым, то тебе не была бы уготована великая награда. Таким образом, сама причина нелюбви, возражение твое, что он зол, должно быть побуждением к любви. Если не будет противника, то не будет и случая к получению венцов (1).

* * *

Будем кроткими к нашим врагам. Не будем ни говорить, ни делать худого врагам, но будем даже благодетельствовать им по силам. Через это мы сделаем больше добра самим себе, нежели им. *Ибо если вы будете прощать людям согрешения их,* — сказал Господь, — *то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14). Прости грехи раба, чтобы тебе получить прощение грехов от Господа. Если он сильно оскорбил тебя, то чем больше ты простишь, тем большее и сам получишь прощение. Потому мы и научены говорить: *остави нам, яко и мы оставляем* (Мф. 6, 12), чтобы мы знали, что мера прощения первоначально зависит от нас. Таким образом, чем больше зла сделает нам враг, тем больше окажет благодеяний. Поспешим же и постараемся примириться с обидевшими нас, справедливо ли или несправедливо они гневаются. Если ты примиришься здесь, то избавишься от суда там, если же вражда останется, между тем наступившая смерть прекратит ненависть, то там необходимо постигнет тебя суд. Как многие из людей, ссорящихся друг с другом, если решают ссору между собой дружелюбно вне судилища, то избавляются от убытка, страха и многих опасностей, полагая конец ссоре по желанию обеих сторон, если же обращаются к судье, то бывает

часто и трата денег, и наказание, и нескончаемая остается вражда, так точно и здесь, если мы прекратим вражду в настоящей жизни, то избавимся от всякого наказания, если же, оставшись врагами, придем на то страшное судилище, то непременно подвергнемся крайнему осуждению по определению Судии и получим неизбежное наказание оба, и несправедливо гневающийся — за то, что несправедливо гневается, и справедливо гневающийся — за то, что злопамятствовал, хотя и по справедливости. Ибо, хотя бы мы и несправедливо терпели зло, нужно давать прощение обидевшим. Посмотри, как Господь располагает и побуждает несправедливо обидевших мириться с обиженными. *Если*, — говорит Он, — *ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим* (Мф. 5, 23–24)... Чего другие едва достигают посредством поста, воздыханий, молитв, вретища, пепла и многократного раскаяния, т.е. заглаждения грехов своих, того нам можно легко достигнуть без вретища, пепла и поста, если только мы истребим из души гнев и будем искренно прощать обидевших нас (1).

* * *

Какого прощения достойны будем мы, которые во вражде и ссорах бываем подобны диким зверям, называем врагов наших злодеями, проклятыми? Простительно ли даже, что имеем врагов? Разве ты не знаешь, что воздающий честь другому воздает честь самому себе? А мы бесчестим самих себя. Ты обвиняешь другого, что он оскорбил тебя, но для чего сам предаешься обвинению? Для чего сам наносишь себе рану? Будь бесстрастен, будь неуязвим, желая уязвить другого, не причиняй зла самому себе... Но как можно, скажешь, терпеть, когда меня оскорбляют? Как невозможно, скажи мне. Разве слова наносят вам раны? Или делают шрамы на теле? Какой же нам от них вред? Нет, если захотим, мы можем терпеть. Положим себе законом не оскорблять, и перенесем. Скажем самим себе: это происходит не от вражды, а от немощи, и точно это происходит от немощи, когда нет мысли о вражде или злонамеренности, тогда оскорбляемый хотя бы потерпел

тысячи оскорблений, может удержаться. Если мы будем представлять только это, т.е. что это происходит от немощи, то перенесем все, оскорбителю простим и сами постараемся не предаваться тому же... Оскорбляющий наносит тебе оскорбления невольно и не по своему желанию, но по принуждению страсти, удержись же. Не видишь ли беснующихся? Как они подвергаются этому не столько от вражды, сколько от немощи, так и в нас огорчение происходит не столько от свойства оскорблений, сколько от нас самих. Ибо почему мы переносим те же самые оскорбления от беснующихся? Мы переносим также, когда оскорбляющие суть или наши друзья, или высшие. Не безрассудно ли в этих трех случаях, т.е. от друзей, от беснующихся и от высших, переносить оскорбления, а от равных и низших не переносить? Я многократно говорил, что это лишь мгновенный порыв: воздержимся немного, и пройдет все. Чем кто более оскорбляет, тот тем более слаб. Знаешь ли, когда надобно оскорбляться? Когда оскорбляемый нами молчит, ибо тогда он силен, а мы слабы. Если же бывает наоборот, то нужно даже радоваться, тогда ты достоин венца, достоин провозглашения. Не выходя на место борьбы, не подвергаясь неприятным действиям солнца, жара и пыли, не сходясь и не схватываясь с противником, но только пожелав, сидя или стоя, ты можешь получить великий венец и не просто великий, но гораздо больший, чем те борцы, ибо не все равно — низвергнуть противоборствующего врага или притупить стрелы гнева. Ты победил, не схватываясь с противником, низложил возбуждающуюся в тебе страсть, умертвил свирепого зверя, обуздал неистовый порыв, как доблестный пастырь, тогда как предстояла тебе внутренняя брань, домашняя война. Как враги, обложившие город и осаждающие его извне, когда возбуждают в нем междоусобную брань, тогда и одерживают победу, так и оскорбляющий, если не возбудит в нас самих страсти, не в состоянии будет преодолеть нас, если мы сами не воспламенимся, то он не будет иметь никакой силы (1).

* * *

Христос заповедал не то, чтобы не иметь врагов, — это не в нашей власти, — но не ненавидеть их; в этом мы властны...

Быть ненавидимыми напрасно — зависит не от нашей воли, но от ненавидящих. Так, злые люди обыкновенно ненавидят добрых без причины и напрасно. Так и Христа ненавидели напрасно, как Он Сам говорил: *возненавидели Меня напрасно* (Ин. 15, 25). И апостолы имели врагов — лжеапостолов, и пророки — лжепророков. Не о том нужно заботиться, чтобы не иметь врагов, но чтобы не иметь их справедливо или по своей воле, чтобы нам, хотя бы мы тысячекратно были ненавидимы, самим не ненавидеть и не отвращаться от других; ибо в этом и состоит вражда — в ненависти и отвращении. Когда я бываю ненавидим, а сам не ненавижу, тогда другой имеет меня врагом, а не я его. Если я молюсь за него, если желаю благодетельствовать ему, то как я могу считать его врагом? Потому и Павел говорит: *если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12, 18)...

Что же нужно с нашей стороны? Например, тебя такой-то ненавидит и обижает? Ты люби его и благодетельствуй ему. Тебя он бесчестит и поносит? Ты благословляй и хвали его. Но он и после этого не прекращает вражды своей? В таком случае он доставляет тебе большую награду. Ибо злые люди чем упорнее продолжают вражду, несмотря на наше расположение к ним, тем славнейшие награды приготовляют нам и тем слабейшими делают самих себя. Кто ненавидит и не прекращает вражды, тот мучится, истощается, проводит жизнь в постоянной войне, а кто выше этих стрел, тот стоит вдали от треволнений, доставляет себе, а не врагу величайшую пользу и, старясь примириться с ним и не враждовать, избавляет себя от войны и ссоры. Итак, будем избегать вражды с другими и исторгнем корень ее — тщеславие и сребролюбие. Ибо всякая вражда происходит или из пристрастия к деньгам, или из тщеславия. Если же будем выше этих страстей, то будем выше и вражды. Оскорбил ли тебя кто-нибудь, переноси мужественно: не тебя он оскорбил, а самого себя. Ударил ли тебя кто-нибудь, не простирай на него десницы своей: он в то же время ударил себя самого, поразив тебя рукой, а себя гневом Божиим (1).

* * *

Кроткое обращение наше с врагом может сделать его из волка овцой, печь гнева его обильно

наполнить росой, бурю превратить в тишину и совершенно погасить пламя ярости. Кроткие слова наши, проникая в душу его, не только изгонят гнев, но расположат принять в себя благодушие и сострадательность. Как ночью мы часто не узнаем и друга даже вблизи, а днем узнаем его и издали, так бывает обыкновенно и во вражде. Пока есть между нами неприязнь, то и голос слышится нам иначе, и на лицо смотрим мы с расстроенной мыслью; а как отложим гнев, то и голос, прежде ненавистный и противный, кажется нам мягким и весьма приятным, и лицо, противное и неприятное, является милым и любезным. То же бывает и в непогоду. Сгущение облаков не дает открываться красоте неба, и тогда, хотя бы зрение у нас было самое острое, мы не можем усмотреть горней светлости. Когда же теплота лучей солнечных, проникнув сквозь облака и расторгнув их, покажет солнце, тогда выказывает она снова и красоту неба. Так бывает и с нами в минуты гнева: вражда, как густое облако, став у нас перед глазами и ушами, делает то, что иными кажутся нам и голоса, и лица, но когда кто по любомудрию отложит вражду и рассеет облако скорби, то и видеть, и слушать все будет беспристрастно.

Итак, когда ты будешь иметь врага у себя в руках, не о том заботься, как бы отомстить ему и, осыпав бесчисленными ругательствами, выставить его на позор, но о том, как бы уврачевать его, как бы возвратить к кротости, и до тех пор не переставай делать и говорить все, пока не победишь кротостью жестокость его. Ибо ничего нет могущественнее кротости. Указывая на это, некто сказал: *мягкий язык переламывает кость* (Притч. 25, 16). Что тверже кости? Однако же, хотя бы кто был также тверд и жесток, и его легко победит тот, кто будет обращаться с ним кротко... Отсюда ясно, что ты более, чем сам враг твой, властен и раздражить, и укротить его. В самом деле, от нас, а не от тех, кто гневается на нас, зависит и погасить пламень их гнева, и раздуть его сильнее... *Если подуешь на искру* огня, сказано, *она разгорится* в пламень, *а если плюнешь на нее, угаснет:* то и другое в твоей власти, *то и другое выходит из уст твоих* (Сир. 28, 14). Так и с враждой ближнего, если ты будешь говорить с ним дерзко и надменно, то зажжешь в нем огонь,

раздуешь угли, а если кротко и ласково, то потушишь весь гнев прежде, чем поднимется пламя... Когда увидишь врага или придет тебе на ум, сколько ты слышал или потерпел неприятностей, старайся забыть все это; если же и вспомнишь, приписывай это диаволу, а сам припоминай то, что (враг) сказал или сделал тебе когда-нибудь доброго. Если на этом будешь останавливаться воспоминанием, то скоро прекратишь вражду. А если вознамеришься и обличить врага, и рассчитаться с ним, так наперед выбрось страсть и погаси (свой) гнев, а потом уже рассчитывайся и обличай: тогда легко можешь победить его. Ибо в гневе мы не можем ни сказать, ни выслушать что-нибудь здравое, а освободясь от этой страсти, и сами не выпустим обидного слова, и не послышится нам, будто другие говорят что-нибудь такое; потому что обыкновенно раздражаемся мы не от самих слов, но оттого, что уже объяты мы враждой. Так часто, когда те же самые оскорбительные слова говорят нам или друзья в шутку и в веселом расположении духа, или малые дети, мы не только не чувствуем ничего неприятного и не сердимся, но еще улыбаемся и заливаемся смехом: это оттого, что мы слушаем не с расстроенным духом, не с объятой гневом душой. Стало быть, и в отношении к врагам: если ты погасишь гнев, если отбросишь вражду, то ни одно из слов не может огорчить тебя. И что говорю: ни одно из слов? Ни одно из дел (1).

* * *

Если кто-либо впадет в страсть гнева, тому апостол предлагает врачество: *гневаясь,* говорит*, не согрешайте* на долгое время: *солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26). Ты не можешь удержаться от гнева? Гневайся час, два, три, но да не зайдет солнце, оставив нас врагами... Ибо когда ты не обуздывал своей вражды в первый и в последующий день, то часто продолжал ее целый год, и наконец она сама собой усиливалась так, что уже не нуждалась ни в чьем возбуждении. Она заставляет слова, которые говорятся в одном смысле, принимать в другом, заставляет подозревать движения и все, что ни есть, перетолковывать в худую сторону: и тем ожесточает и раздражает человека, делая его хуже бесноватых, так что он не хочет ни назвать, ни слышать имени того, против кого

враждует, но всегда называет его бранными словами. Как же мы смягчим свой гнев? Как погасим этот пламень? Если помыслим о своих собственных грехах и о том, насколько мы виновны перед Богом; если помыслим, что мы мстим не врагу, но самим себе; если помыслим, что враждой мы доставляем радость диаволу, этому врагу, этому истинному врагу нашему, ради которого мы наносим обиду своему ближнему. Ты не можешь не злопамятствовать, не враждовать? Будь врагом, но враждуй против диавола, а не против своего ближнего. Для того и дал нам Бог в оружие гнев, чтобы мы не собственные тела поражали мечом, но чтобы вонзали его острие в грудь диавола (1).

ВРЕД

Если кто терпит вред и обиды, тот непременно терпит сам от себя, а не от других, хотя бы много было людей, обижающих и притесняющих его. А если кто не терпит сам от себя, то хотя бы нападали на него вообще жители всей земли и моря, они не могут причинить ни малого вреда бдительному о Господе и внимательному. Будем же, увещеваю вас, бдеть и бодрствовать всегда и станем мужественно переносить все скорби, дабы получить нам вечные и нетленные блага во Христе Иисусе (7).

ВЫСОКОМЕРИЕ

Как морские разбойники, когда увидят корабль, наполненный многими товарами и везущий несказанное богатство, тогда-то особенно и употребляют всю хитрость, чтобы потопить весь груз и пловцов лишить всего и сделать нищими, так точно и диавол, когда увидит, что собрано много духовного богатства, что [у человека] усердие пламенно, ум бодр и богатство увеличивается с каждым днем, мучится и скрежещет зубами и, подобно разбойнику, ходит взад и вперед, выдумывая тысячу хитростей, чтобы как-нибудь подступить к нам, обнажить и ограбить нас и похитить все наше духовное богатство. Это лукавое существо употребляет многоразличные козни: когда не может прямо увлечь нас ко злу и уловить обманом, — он ведь не делает насилия, не принуждает, нет, а только обольщает, и как увидит, что мы беспечны, то и полагает нам претыкания, — так, когда не ус-

пеет он явно грехами повредить нашему спасению, тогда часто самими добродетелями, какие мы совершаем, тайно обольстив нас, погубляет все наше богатство... Когда увидит он, что мы, например, убегаем невоздержания и любим целомудрие, также отвращаемся корыстолюбия, ненавидим неправду, пренебрегаем удовольствиями, а посвятили себя посту и молитвам и заботимся о милостыне, тогда уже вымышляет другую хитрость, посредством которой он мог бы погубить все наше богатство и сделать бесплодными столь многочисленные добродетели наши. Тем, которые с великим трудом успели уже преодолеть его козни, он внушает высоко думать о своих добродетелях и искать славы у людей, чтобы через это лишить их истинной славы. Ибо кто совершает духовные подвиги и ищет человеческой славы, тот уже получает себе награду и в Боге уже не имеет должника. Получив похвалу от тех, от кого искал он славы, он лишил уже себя похвалы, обещанной Господом, так как временную славу от подобных ему людей предпочел похвале от Творца Вселенной. И Сам Господь прежде всего так учил и о молитве, и о милостыне, и о посте: *а ты, когда постишься*, говорит Он, *помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6, 17–18). И еще: *когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою* (Мф. 6, 2). Видишь, как ищущий здешней славы лишается тамошней и как, напротив, творящий добродетель по этой заповеди и старающийся скрывать ее от людей, явно получит от Господа награду в тот страшный день. Ибо *Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно*, то есть не думай о том, что ни один человек не похвалил тебя и что ты тайно творишь добродетель. Нет, размышляй о том, что немного спустя щедрость Господа будет так велика, что Он прославит, и увенчает, и наградит тебя за подвиги добродетели не тайно, не сокровенно, но перед всем человеческим родом, начиная от Адама до скончания мира. Какого же извинения будут заслуживать те, которые хотя и подъяли

труд добродетели, но из-за временной, ничтожной и суетной славы от подобных себе людей лишили себя славы небесной?

Итак, будем осторожны и, если успеем совершить какое-либо духовное дело, постараемся всячески скрывать его от всех в клети души нашей, чтобы получить нам похвалу от неусыпающего Ока и чтобы из-за славы человеческой и из-за похвал, часто льстивых, не сделаться недостойными славы от Господа. Ибо равно пагубно и вредно для нашего спасения как совершение дел духовных ради славы человеческой, так и высокое мнение о совершенных нами добродетелях. Поэтому надобно быть бдительным и осторожным и постоянно пользоваться пособиями Божественного Писания, чтобы не отдаться в плен этим пагубным страстям (славолюбию и высокомерию). Ибо пусть кто-либо совершит бесчисленные подвиги и сотворит всякую добродетель, но если он станет высоко думать о себе, то будет самый жалкий и несчастный человек. Это известно нам из того, что случилось с фарисеем, который так величался перед мытарем и вдруг стал ниже мытаря, который, своим языком рассыпав все богатство своих добродетелей, сам обнажил себя и лишил всего и потерпел странное и необычайное кораблекрушение: войдя уже в саму пристань, он потопил весь груз свой... Потому-то и Христос такую дал заповедь ученикам своим: *когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие* (Лк. 17, 10), дабы через это предохранить их и удалить от этой пагубной страсти... Верующему, сказано, *похвала не от людей, но от Бога* (Рим. 2, 29). И чем больше станем мы преуспевать в добродетели, тем более постараемся смирить себя и быть скромными. Ибо, хотя бы мы взошли на самый верх добродетелей, но если добросовестно сравним свои добрые дела с благодеяниями Божьими, то ясно увидим, что наши добродетели не равняются и малейшей части того, что сделано для нас Богом. Этим-то и прославился каждый из святых... Послушай учителя вселенной, как он, по совершении таких добродетелей, после такого о нем свидетельства свыше: *он есть*, сказано, *Мой избранный сосуд* (Деян. 9, 15), — не забывает о своих согрешениях, но постоянно носит их в уме, как он не позволяет себе забывать даже и о том, в чем, как

он совершенно был уверен, получил уже прощение в крещении, но вопиет и говорит: *я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом* (1 Кор. 15, 9). Потом, чтобы мы познали всю глубину его смиренномудрия, присовокупил: *потому что гнал церковь Божию*. Что делаешь, Павел? Господь по своему милосердию простил и загладил все грехи твои, а ты еще помнишь о них? Так, говорит, я знаю и уверен, что Господь разрешил меня (от грехов), но когда подумаю о делах своих и посмотрю на бездну человеколюбия Божия, тогда вполне удостоверяюсь, что благодатью и человеколюбием Его я то, что есть. Ибо, сказав: *недостоин называться Апостолом, потому что гнал Церковь Божию*, он присовокупил: *благодатию Божиею есмь то, что есмь* (1 Кор. 15, 10). То есть хотя я со своей стороны выказал так много злости, но его неизреченная благость и милосердие даровали мне прощение. Видел ты душу, сокрушенную и постоянно памятующую о своих грехах, содеянных еще до крещения? Этому-то станем и мы подражать и, ежедневно припоминая о грехах, сделанных нами после крещения, будем постоянно содержать их в уме и никогда не попустим себе забыть о них. Это будет довольно сильной уздой, чтобы смирить и укротить нас. И что говорю я о Павле, столь великом и высоком муже? Хочешь ли видеть, как и ветхозаветные более всего прославились этим же самым, тем то есть, что по совершении бесчисленных подвигов и имея уже неизреченное дерзновение (перед Богом) они смирялись? Послушай, как патриарх уже после собеседования с Богом, после данного ему обетования говорил о себе: *я прах и пепел* (Быт. 18, 27) (1).

* * *

Нет ничего хуже высокомерия. Оно лишает нас самого обыкновенного благоразумия, выставляет глупцами и совсем делает безумными. Ибо если бы кто, будучи не выше трех локтей, усиливался быть выше гор и считал бы себя таковым, если бы он стал вытягиваться, как будто бы был выше вершин холмов, то мы не стали бы искать другого доказательства в подтверждение его безумия. Так, когда ты увидишь надменного человека, который считает себя лучшим всех и за бесчестие ставит жить вместе с

простыми людьми, не ищи другого доказательства в подтверждение его безумия. Такой более достоин посмеяния, нежели глупые от природы, потому что сам добровольно навлек на себя болезнь эту. И не потому только он достоин сожаления, но и потому, что впадает в бездну зла, не чувствуя того. Ибо как может он сознать грехи свои должным образом? Как почувствует свои преступления? Диавол, связав его, как непотребного раба и пленника, носится с ним, мучает его всячески и подвергает бесчисленным поруганиям. Он до такого безумия доводит таких людей, что, следуя его внушениям, они начинают гордиться перед детьми и женами своими, даже перед предками или же, напротив, надмеваться знаменитостью этих последних. А что может быть безумнее, когда гордятся совсем противными вещами: одни тем, что имели бедных отцов, дедов и прадедов, а другие тем, что имели славных и знаменитых предков?..

Мы не должны этим гордиться. Ибо, скажи мне, что такое род? Не что другое, как одно пустое имя: вы это узнаете в последний день (1).

* * *

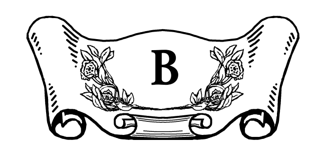
Представь в уме две колесницы, из которых в одну запряги праведность и высокомерие, а в другую грех со смиренномудрием, и ты увидишь, что колесница греха опередит праведность, не собственной силой, но силой, сопряженного с ним смиренномудрия, а колесница праведности отстанет, не по немощи праведности, но по тяжести и громадности высокомерия. Как смиренномудрие своей превосходной высотой преодолевает тяжесть греха и быстро восходит на небо, так высокомерие по своей великой тяжести и громадности может пересилить и превыспреннюю праведность и легко увлечь ее вниз. А что первая колесница бывает быстрее последней, вспомни о фарисее и мытаре. Фарисей впряг вместе праведность и высокомерие и говорил так: *Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь* (Лк. 18, 11). О безумие! Его высокомерие не удовольствовалось сравнением со всем родом человеческим, но с великим неистовством напало и на близстоящего мытаря. Что же

тот? Он не восстал против поношения, не оскорбился укоризной, но великодушно перенес сказанное, и стрела врага сделалась для него врачевством и исцелением, поношение — похвалой, укоризна — венцом. Так велико благо — смиренномудрие, так полезно — не оскорбляться злословиями других и не раздражаться обидами ближних! Можно и от них получить себе великое и важное благо, как и было с мытарем. Претерпев поношение, он очистился от грехов и, сказав: *будь милостив ко мне грешнику*, *пошел оправданным в дом свой более, нежели тот* (Лк. 18. 13–14). Слова оказались выше дел, изречениями побеждены деяния. Фарисей выставлял на вид праведность, пост и десятины, а мытарь произнес простые слова и избавился от грехов, потому что Бог не слова только слышал, но видел и душевное расположение, с которым они были произнесены, нашел его уничиженным и сокрушенным и помиловал по Своему человеколюбию. Впрочем, это я говорю не для того, чтобы мы грешили, но чтобы были смиренномудрыми (2).

ВЫСОКОУМИЕ

Быть глупым по природе не составляет вины, а сделаться глупым от злоупотребления ума — неизвинительно и влечет за собой большое наказание. Таковы те, которые по причине своей мудрости много о себе думают и впадают в крайнее высокоумие. Ибо ничто не делает столь глупым, как высокоумие. За это и пророк называет варвара глупцом... А чтобы ты мог заключить об его глупости из собственных речей его, послушай, что говорит он: *выше звезд Божиих вознесу престол мой... буду подобен Всевышнему* (Ис. 14, 13–14)... Высокоумие, которое не наблюдает умеренности и состоит в превозношении ума (почему и называется высокоумием), делает и глупцами и тщеславными. И если начало премудрости есть страх Господень, то начало глупости есть неведение Господа. Итак, если ве́дение Бога есть мудрость, а неведение — глупость, — неведение же происходит от гордости, так как начало гордости есть неведение Господа, — то следует, что гордость есть крайняя глупость... Как скоро человек

потеряет меру благоразумия, по причине душевного расслабления делается он вместе и робким и дерзким. Как тело, по нарушении в нем равновесия жизненных соков сделавшись расстроенным, подвергается всяким болезням, так и душа, когда утратит свою возвышенность и смиренномудрие, приобретя некоторый навык, приходит в болезненное состояние, делается и робкой и дерзкой и безумной, даже перестает узнавать сама себя. А кто не знает себя, как может знать, что выше? Как одержимый помешательством ума, когда не узнает себя, не знает и того, что у него под ногами, и как глаз, когда сам слеп, омрачает все тело, так бывает и с высокоумием. Поэтому высокоумные несчастнее и помешанных в уме, и глупых по природе. Они возбуждают смех, подобно последним, и отвратительны, подобно первым. И хотя столь же расстроены в уме, как помешанные, однако не возбуждают столько сожаления (1).

ГЛУПОСТЬ

И смиренномудрие, и милостыня, и все подобное есть мудрость. Следовательно, противное этому будет глупость. А от глупости происходит жестокость. Отсюда часто всякий грех называется безумием. *Безумный сказал в сердце своем: «нет Бога»* (Пс. 13, 1). И опять: *воссмердели и согнили раны мои от безумия моего* (Пс. 37, 6). Скажи мне, что несмысленнее того человека, который возлагает на себя дорогие одежды, а братий своих, не имеющих одеяния, презирает; кормит собак, а на образ Божий в алчущем ближнем смотрит с презрением; совершенно убежден в ничтожестве земных вещей, а привязан к ним, будто к нетленным? Но как нет ничего несмысленнее этого человека, так нет ничего мудрее подвижника добродетели (1).

* * *

Быть глупым по природе не составляет вины, а сделаться глупым от злоупотребления ума — неизвинительно и влечет за собой большое наказание. Таковы те, которые по причине своей мудрости много о себе думают и впадают в крайнее высокоумие. Ибо ничто не делает столь глупым, как высокоумие... Высокоумие, которое не наблюдает умеренности и состоит в превозношении ума (почему и называется высокоумием), делает и глупцами и тщеславными. И если начало премудрости есть страх Господень, то начало глупости есть неведение Господа. Итак, если ведение Бога есть мудрость, а неведение — глупость, неведение же происходит от гордости, так как начало гордости есть неведение Господа, то следует, что гордость есть крайняя глупость (1).

ГНЕВ

Гнев есть зверь, зверь жестокий и лютый. Чтобы укротить его, будем припевать себе стихи из Божественного Писания и

говорить: *самое движение гнева есть падение для человека* (Сир. 1, 22); и еще: *муж ярый не благообразен* (Притч. 11, 25). Подлинно нет ничего безобразнее гневного лица, если же — лица, то тем более — души. Как тогда, когда разрывают грязь, обыкновенно бывает зловоние, так и тогда, когда душа возмущается гневом, появляется великое безобразие. Но не могу, скажешь, вынести поношения от врагов. Отчего же, скажи? Если враг сказал правду, то еще прежде его тебе самому следовало бы укорить себя, и ты должен благодарить его за обличение, если же ложь, то не обращай на то внимания. Он назвал тебя нищим, — посмейся этому. Назвал низким или бессмысленным, — пожалей о нем. Ибо кто скажет брату своему: *безумный, подлежит геенне огненной* (Мф. 5, 22). Итак, когда кто станет поносить тебя, помысли о том наказании, которому он подлежит, — и не только не будешь гневаться, но и прольешь слезы. Никто не сердится на одержимых лихорадкой или горячкой, но все жалеют о подобных людях и плачут. А такова и душа разгневанная. Если же хочешь и отомстить, смолчи, — и тем нанесешь врагу смертельный удар. Если же будешь отвечать на укоризну укоризной, то возгнетешь огонь. Но присутствующие, скажешь, будут обвинять в малодушии, если стану молчать. Не в малодушии будут обвинять, а подивятся любомудрию...

Между гневом и беснованием нет никакого различия: гнев есть то же беснование, только временное, или даже он хуже беснования. Бесноватый может еще получить прощение, а гневающийся подвергнется тысяче мучений, как добровольно стремящийся в бездну погибели. Да и прежде будущей геенны он уже здесь терпит наказание, так как во всю ночь и во весь день носит в помыслах души своей непрестанное смятение и незатихающую бурю. Итак, дабы избавиться от наказания в жизни настоящей и мучения в будущей, отринем эту страсть и будем выказывать всякую кротость и уступчивость (1).

* * *

Чем кто более оскорбляет, тот тем более слаб. Знаешь ли, когда надобно оскорбляться? Когда оскорбляемый нами молчит, ибо тогда он силен, а мы слабы. Если же бывает наоборот, то нужно

даже радоваться, тогда ты достоин венца, достоин провозглашения. Не выходя на место борьбы, не подвергаясь неприятным действиям солнца, жара и пыли, не сходясь и не схватываясь с противником, но только пожелав, сидя или стоя, ты можешь получить великий венец, и не просто великий, но гораздо больший, чем те борцы, ибо не все равно — низвергнуть противоборствующего врага или притупить стрелы гнева. Ты победил, не схватываясь с противником, низложил возбуждающуюся в тебе страсть, умертвил свирепого зверя, обуздал неистовый порыв, как доблестный пастырь, тогда как предстояла тебе внутренняя брань, домашняя война. Как враги, обложившие город и осаждающие его извне, когда возбуждают в нем междоусобную брань, тогда и одерживают победу, так и оскорбляющий, если не возбудит в нас самих страсти, не в состоянии будет преодолеть нас; если мы сами не воспламенимся, то он не будет иметь никакой силы. Пусть же искра гнева хранится в нас и воспламеняется лишь благовременно, не против нас самих, не для того, чтобы причинить нам множество зол. Не видите ли, как в домах огонь содержится в определенном месте и не разбрасывается везде, и на сене, и на одеждах, и где случится, чтобы он не воспламенился от дуновения ветра... Точно так же будем поступать и с гневом: пусть он не сопровождает все наши помыслы, но хранится в глубине души, чтобы не возбуждал его ветер от слов противника, но это возбуждение он получал от нас, а мы возбуждали бы его умеренно и безопасно. Когда он возбуждается извне, то не знает меры и может пожечь все... Будем же воспламенять его в нас только для того, чтобы он светил, — ибо гнев издает свет, если он возбуждается, когда следует, — будем употреблять этот светильник против тех, которые обижают других, и против диавола. Пусть не везде полагается и не везде разбрасывается эта искра, но хранится у нас под пеплом, будем содержать ее в помыслах смиренных. Не всегда она бывает нам нужна, а только тогда, когда надобно что-нибудь исправить и умягчить, когда надобно преодолеть упорство или вразумить чью-либо душу (1).

* * *

Итак, чем оправдаешься в том, что не владеешь природой?

Какое можешь представить благовидное извинение в том, что из льва делаешь человека, а о себе не заботишься, когда из человека делаешься львом, ему сообщаешь свойства выше его природы, а в себе не сохраняешь и естественных? Диких зверей стараешься довести до одинакового с нами благородства, а себя самого низвергаешь с царского престола и доходишь до зверского неистовства? Представь себе, что и гнев есть зверь, и сколько другие стараются над обучением львов, столько покажи старания над собой и необузданный гнев свой сделай тихим и кротким, ибо гнев имеет столь страшные зубы и когти, что истребит все, если не укротишь его. Даже лев и ехидна не могут терзать внутренностей с такой жестокостью, как гнев непрестанно терзает железными когтями. Он не только вредит телу, но расстраивает само душевное здоровье, поедая, терзая, раздробляя всю силу ее [души] и делая ее ни к чему не способной. У кого внутри завелись черви, тот не может дышать, когда все внутренности его изъедены. Как же мы можем породить что-нибудь благородное, нося внутри себя этого змия (я разумею гнев), снедающего внутренности наши? Каким образом избавимся от этой язвы? Если будем употреблять Питие, которое может умертвить внутренних червей и змей. Но какое питие, спросишь, имеет такую силу? Честная Кровь Христова, если с упованием приемлется. Она может уврачевать всякую болезнь. А вместе с этим внимательное слушание Божественных Писаний и присоединяемая к этому милостыня. Всеми этими средствами могут быть умерщвлены страсти, расслабляющие нашу душу. И тогда только будем жить, а теперь мы ничем не лучше мертвых (1).

***

Если кто-то терпит обиду от кого-нибудь, пусть не вечно гневается, а лучше пусть не гневается и временно. Ибо апостол не позволяет нам продолжать гнева более одного дня. *Солнце*, говорит он, *да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26). И справедливо, ибо надо желать, чтобы и в такое короткое время не случилось ничего неприятного. А если еще и ночь застигнет нас во гневе, то дело будет для нас еще хуже, потому что от одного воспоминания о нем возродится в нас безмерный огонь, и мы на свободе

с большим огорчением для себя будем размышлять о нем. Поэтому прежде, нежели к погибели нашей настанет покой ночи и мы возожжем в себе сильнейший огонь, апостол и повелевает предупреждать и отвращать опасность. Ибо страсть гнева сильна, сильнее всякого пламени. Потому и нужно с большой поспешностью предупреждать силу огня и не допускать его до воспламенения. А болезнь эта бывает причиной многих зол. Она ниспровергает целые дома, разрывает давнее содружество, в короткое и скорое время производит самые неутешительные случаи. *Движение гнева*, сказано, *есть падение для человека* (Сир. 1, 22). Итак, не оставим этого зверя без обуздания, но набросим на него со всех сторон крепкую узду — страх будущего суда. Если тебя оскорбит друг или огорчит кто-нибудь из ближних, помысли тогда о согрешениях своих против Бога и о том, что своей кротостью в отношении к ним ты умилостивишь для себя более и тот [будущий] суд, — сказано: *прощайте, и прощены будете* (Лук. 6, 37), и гнев тотчас отбежит от тебя. При этом обрати внимание также и на то, когда ты, придя в ярость, удерживал себя и когда был увлечен страстью. Сравни то и другое время, — получишь и отсюда значительное исправление. Скажи: когда ты хвалишь себя, тогда ли, когда был побежден гневом, или тогда, когда победил? Не тогда ли именно, когда побеждены мы и наиболее обвиняем себя и стыдимся, хотя бы и никто нас не обличал, и приходим к раскаянью в своих словах и делах? А когда преодолеваем гнев, не торжествуем ли тогда и не хвалимся ли, как победители? Ибо победа над гневом состоит не в том, чтобы воздавать за обиду тем же (это не победа, а совершенное поражение), но в том, чтобы с кротостью переносить оскорбления и поношения. Не делать, а терпеть зло — вот истинное преимущество. Итак, не говори во гневе: «Вот я восстану, вот и я нападу на него». Не сопротивляйся и тем, которые убеждают тебя укротить гнев, не говори им: «Не потерплю, чтобы такой-то насмехался надо мной». Да он никогда и не насмехается над тобой, разве когда ты сам на него вооружишься. А если он и тогда посмеется над тобой, то разве только в безумии сделает это. Ты же, побеждая, не ищи славы у безумных, но признавай

достаточным для себя иметь славу у людей разумных... Воззри тотчас к Богу, и Он тебя восхвалит...

Хочешь ли узнать, какое великое зло — гнев? Стань на площади, когда там ссорятся другие. В себе самом тебе нельзя так видеть это безобразие, потому что разум во гневе помрачается и сознание теряется, как у пьяных. Но когда ты очистишься от этой страсти, тогда наблюдай в других себя самого, так как в это время у тебя рассудок не поврежден. Итак, вот смотри на окружающие толпы, а среди них на бесчинствующих в раздражении людей, подобных беснующимся. Когда ярость, возгоревшись в груди, восстанет и ожесточится, тогда огнем дышат уста, огонь испускают глаза, все лицо вздувается, руки бесчинно протягиваются, смешно прыгают ноги и наскакивают на удерживающих. Ничем не отличаются раздраженные от сумасшедших, все делая без сознания, и даже не отличаются от диких ослов, когда бьют и кусают друг друга. Поистине, безобразен человек раздраженный. Потом, когда после этого, столь смешного зрелища, они возвратятся домой и придут в себя, то возымеют еще большую скорбь и страх, представляя себе, кто присутствовал при их ссоре. Ибо, как безумные, прежде не видя присутствующих, потом, когда приходят в сознание, рассуждают, друзья ли были зрителями их или враги и неприятели. Ибо равно боятся они тех и других: первых — потому что они будут укорять их и увеличат стыд, а вторых — потому что они будут радоваться их посрамлению. А если им случилось еще нанести друг другу раны, тогда тягчайший бывает страх, чтобы не случилось чего-нибудь еще хуже с раненым, чтобы, например, болезнь от ран не принесла ему смерти или чтобы поднявшаяся неизлечимая опухоль не подвергла его жизнь опасности. «И что мне была за надобность ссориться? Что за брань и ссоры? Пропадай они совсем». И вот они проклинают все те случайные обстоятельства, которые послужили поводом к ссоре. А глупейшие из них обвиняют в происшествии и лукавых демонов и злой час. Но не от злого часа это происходит, потому что и не бывает никогда злого часа, и не от злого демона это происходит, а от злобы увлеченных гневом. Они-то сами и демонов привлекают,

и всякое зло на себя наводят. Но сердце, скажет кто-нибудь, от оскорблений возмущается и терзается. Знаю это и я. Поэтому-то и превозношу тех, которые укрощают этого ужасного зверя. Ибо если желаем, то можем отразить от себя эту страсть. Почему мы не подвергаемся этой страсти, когда укоряют нас начальствующие? Не потому ли, что в нас возникает страх, равносильный этой страсти, который поражает нас и не допускает даже зародиться в нас гневу? Почему и рабы, получая от нас тысячи укоризн, все это переносят в молчании? Не потому ли, что и на них лежат те же узы? Так и ты помысли о страхе Божием, о том, что Сам Бог тогда уничижает тебя, повелевая тебе молчать, и ты все будешь переносить кротко. Скажи нападающему на тебя: что я могу тебе сделать? Некто иной удерживает мою руку и язык мой. И эта мысль побудит и тебя, и его к благоразумию (1).

* * *

Как болезнь желтуха не может обнаружиться, если желчь не разольется и не выступит из своих пределов, так и гнев не сделается неумеренным, если не разорвется сердце. И как ты, видя страждущего желтухой, хотя бы он сделал тебе тысячи зол, не пожелаешь взять на себя болезнь его, так поступай и с гневом. Не соревнуй, не подражай злобе, но жалей того, кто не обуздывает в себе этого зверя, и прежде всех повреждает и погубляет самого себя. А что действительно такие люди вредят самим себе, это можно слышать от многих, которые, стараясь прекратить вражду, убеждают враждующих так: пощади самого себя, ты вредишь самому себе. Такова злоба, она вредит только тому, кто питает ее, и низвращает все (1).

* * *

Если ты говоришь и правду, но с гневом, то все погубил, будешь ли ты обличать, или вразумлять, или делать что-нибудь другое. Будем чистыми от гнева. Дух Святой не обитает там, где гнев. Гневливый подлежит проклятию, и невозможно быть чему-нибудь доброму там, откуда происходит гнев... Если душа хочет сказать или принять что-нибудь любомудрое, то наперед должна быть в тихой пристани. Не замечаешь ли, как мы, когда хотим рассуждать о чем-нибудь

нужном, избираем места, удаленные от шума, где спокойствие и тишина, чтобы нам не развлекаться? Если же внешний шум развлекает нас, то тем более внутреннее смятение. Станет ли кто молиться, он молится напрасно, если делает это во гневе и раздражении; станет ли говорить, будет смешным; станет ли молчать, опять же; будет ли есть, и тогда повредит себе; будет ли сидеть или стоять, ходить или спать, ему и во сне представляется то же самое. И что у таких людей не беспорядочно? Глаза отвратительны, рот искривлен, члены тела напряжены и трясутся, язык не обуздан и не щадит никого, рассудок помешан, одежда в непристойном виде. Во всем великое безобразие!.. Правда, неистовствующий бывает одержим гневом на время. Но что может быть хуже этого? И еще не стыдятся оправдываться: я не сознавал, говорят, что сказал. Почему же не сознавал этого ты, существо разумное, имеющее рассудок? Почему ты действуешь подобно неразумным животным, как бы дикий конь, увлеченный гневом и яростью? Это оправдание достойно осуждения. Желательно, чтобы ты знал, что говорил. Это — слова гнева, скажешь, а не мои? Как — гнева? Гнев не имеет силы, если не получит ее от тебя...

Гнев не позволяет видеть, но будто во время ночной битвы, закрыв все: и глаза и уши, — ведет туда, куда хочет. Избавим же себя от этого демона, сокрушим его, когда он нападет на нас, положим на перси* знамение креста, как бы узду на него. Гнев есть бесстыдный пес, но пусть он научится слушать закон (1).

* * *

Что значит изречение: *гневающийся на брата своего напрасно* (Мф. 5, 22)? То же, что и: не мсти за себя и не воздавай злом за зло. Если видишь другого погибающим, подай ему руку помощи; гнев не будет иметь места, когда ты будешь свободен от пристрастия к себе самому... Умоляю, будем употреблять это орудие [гнев] в свое время. Для гнева не время, когда мы должны помочь самим себе, а тогда в особенности должно употреблять его, чтобы спасти других (1).

---

* Перси — грудь, передняя часть тела от шеи до живота. *(Примеч. ред.)*

* * *

Если кто-либо впадет в страсть гнева, тому апостол предлагает врачевство: *гневаясь,* говорит, *не согрешайте*, не на долгое время: *солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26). Ты не можешь удержаться от гнева? Гневайся час, два, три, но да не зайдет солнце, оставив нас врагами... Как же мы смягчим свой гнев? Как погасим этот пламень? Если помыслим о своих собственных грехах и о том, сколь мы виновны перед Богом; если помыслим, что мы мстим не врагу, но самим себе; если помыслим, что враждой мы доставляем радость диаволу, этому врагу, этому истинному врагу нашему, ради которого мы наносим обиду своему ближнему. Ты не можешь не злопамятствовать, не враждовать? Будь врагом, но враждуй против диавола, а не против своего ближнего. Для того и дал нам Бог в оружие гнев, чтобы мы не собственные тела поражали мечом, но чтобы вонзали его острие в грудь диавола (1).

* * *

Не гневайся, говорит Он, на брата твоего напрасно. А это гораздо легче, нежели терпеть напрасный гнев от другого. Там уже готово вещество для огня, а здесь ты сам зажигаешь пламя, когда нет и вещества для него. Между тем не все равно — терпеть ли и не воспламеняться, когда другой подносит свечу, или оставаться спокойным и невозмутимым, когда никто не возмущает. Кто вытерпит в первом случае, тот представит доказательство величайшего любомудрия, но кто сделает последнее, тот заслужит удивления... Кто же может сказать о своей жизни, что она чиста от безрассудного и напрасного злоречия и гнева (2)

* * *

Ничто так не помрачает чистоту души и ясность мыслей, как гнев необузданный и выражающийся с великой силой. *Гнев губит и разумных*, говорит Премудрый (Притч. 15, 1). Помраченное им око души, как бы в ночном сражении, не может отличать друзей от неприятелей и честных от бесчестных, но относится ко всем одинаково, и хотя бы предстояло потерпеть какой-нибудь вред, скоро решается на все, чтобы доставить удовольствие душе, ибо пылкость гнева заключает в себе некоторое

удовольствие и даже сильнее всякого удовольствия овладевает душой, извращая все ее здравое состояние. Он производит гордость, несправедливые вражды, безрассудную ненависть, часто принуждает без разбора и без причины наносить оскорбления и заставляет говорить и делать много другого подобного, так как душа увлекается сильным напором страсти и не может собраться со своими силами, чтобы противостоять стремлению (2).

* * *

Сильна эта страсть [гнев], часто даже внимательных увлекает в самую бездну погибели (6).

ГНЕВ БОЖИЙ

Удостоившись быть сынами, братьями и сонаследниками Божьими, мы ничем не отличаемся от врагов Его, оскорбляющих Его. Какое после этого будет нам утешение? Он призвал нас на небо, а мы сами себя ввергли в геенну. Клятва и ложь, воровство и прелюбодеяние распространились на земле. Одни убийство присоединяют к убийству, другие делают дела хуже кровопролития... Будем плакать теперь и мы о себе самих... Но, может быть, некоторые отворачиваются и смеются. Поэтому еще более и нужно усилить плачь: мы так безумны и бесчувственны, что не понимаем своего безумия и смеемся над тем, о чем следует рыдать. *Открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков* (Рим. 1, 18). *Бог явно придет... огонь пред Ним возгорится и вокруг Его сильная буря* (Пс. 49, 3). *Огонь пред Ним пройдет и попалит вокруг врагов Его* (Пс. 96, 3)... Но никто не думает об этом. Хуже басней считают и презирают столь страшные и ужасные предметы... Вокруг нас ежедневные войны, потопления, бесчисленные несчастья, и гнев Божий со всех сторон окружает нас. А мы остаемся так спокойны, как будто мы делаем угодное Богу: все мы простираем руки на любостяжание, и никто на помощь ближним; все на хищение, и никто на помощь; каждый старается увеличить свое состояние, и никто помочь нуждающемуся; каждый всячески заботится, как собрать больше денег, и никто, как бы спасти свою душу; все боятся одного, как бы не сделаться бедными, а как бы не попасть в геенну, о том никто не беспокоится (1).

ГОРДОСТЬ

Один мудрый муж сказал: *начало гордости — удаление человека от Господа* (Сир. 10, 14). Диавол, не бывший прежде диаволом, не был бы низвержен и не стал бы диаволом, если бы не заболел этой самой болезнью. Она лишила его прежнего достоинства, она низвела его в геенну, она послужила для него причиной всех зол. Порок этот может сам по себе повредить всякую добродетель души — милостыню ли, молитву ли, пост или что-либо другое. Ибо сказано, что высокое у людей не чисто пред Господом. Не блуд только и не прелюбодеяние оскверняет тех, которые предаются ему, но и гордость, и даже гораздо больше. Почему? Потому что блуд хотя и не простительное зло, по крайней мере, иной человек может сослаться на пожелание, а высокомерие не имеет никакой причины, никакого предлога, под которым заслуживало бы хоть тень извинения; оно есть не что иное, как развращение души и самая тяжкая болезнь, происходящая не от чего другого, как только от безрассудства. Подлинно, нет безрассуднее человека высокомерного, хотя бы получил он обширное внешнее образование, хотя бы поставлен был на высшей ступени власти, хотя бы имел у себя все, что для людей кажется завидным. Ибо если гордящийся действительными преимуществами жалок и несчастен и теряет награду за все свои совершенства, то не смешнее ли всех надмевающийся ничтожными благами, тенью и цветом травы (такова слава этого века), — так как он поступает подобно тому, как если бы бедняк, нищий, постоянно удручаемый голодом, случайно в одну ночь увидел приятный сон и тем стал бы тщеславиться? Жалкий и несчастный! Душу твою снедает жесточайшая болезнь, и ты, убогий крайним убожеством, мечтаешь, что у тебя столько и столько-то талантов золота и множество прислуги? Да это — не твое. А если не веришь моим словам, то убедись опытами бывших прежде богачей. Если же ты так споен, что не вразумляешься приключениями других, то подожди немного, — и ты узнаешь собственным опытом, что нет для тебя никакой пользы от этих благ, когда, при последнем издыхании, не будучи властен ни в одном часе, ни в одной минуте,

ты невольно оставишь их окружающим тебя людям, и, что нередко случается, людям таким, которым ты и не хотел бы оставить (1).

* * *

Через гордость первозданный человек лишился блаженного состояния, через нее и обольстивший его диавол ниспал с высоты своего достоинства. Это гнусное существо, узнав, что грех этот может низвергнуть и с самых небес, избрало этот путь, чтобы лишить Адама столь великой чести, надмив его обещанием равенства с Богом, он таким образом ниспроверг и низринул Адама в самую глубину ада. Подлинно, ничто так не отчуждает от человеколюбия Божия и не подвергает огню геенскому, как преобладание высокомерия. Когда оно в нас есть, то вся наша жизнь делается нечистой, хотя бы мы подвизались в целомудрии, девстве, постничестве, молитвах, милостыне и других добродетелях. *Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем* (Притч. 16, 5). Итак, если хотим быть чистыми и свободными от наказания, уготованного диаволу, обуздаем в себе надменность духа, отсечем высокомерие. А что гордые необходимо подвергнутся одному наказанию с диаволом, послушайте, что говорит об этом Павел: *не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом* (1 Тим. 3, 6)... Избежим [мы беды этой], если будем размышлять о своей природе, о множестве согрешений, о великости будущих мучений, о том, что все кажущееся здесь блистательным — временно, ничем не лучше травы и увядает скорее весенних цветов (1).

* * *

Хотя бы мы взошли на самую вершину добродетели, будем считать себя последними из всех, научившись, что гордость может низвергнуть невнимательного и с самих небес, а смиренномудрие может из самой бездны грехов поднять на высоту умеющего быть умеренным. Это [смирение] поставило мытаря впереди фарисея, а та — говорю о безумии и гордости — превзошла силу бестелесного диавола. Смиренномудрие же и сознание собственных грехов ввело в рай разбойника прежде апостолов. Если же признающие свои грехи доставляют себе

такое дерзновение, то сознающие в себе много доброго и, однако, смиряющие свою душу каких не приготовят себе венцов? Если грех, будучи соединен со смиренномудрием, совершает течение с такой легкостью, что превосходит и упреждает праведность, соединенную с гордостью, то, если ты свяжешь его с праведностью, куда не достигнет он, сколько не пройдет небес? Он конечно предстанет пред самый престол Божий, среди Ангелов, с великим дерзновением. Опять, если гордость, будучи сопряжена с праведностью, избытком и тяжестью своего зла была в состоянии низложить ее дерзновение, то, будучи соединена с грехом, в какую геенну не может она низвергнуть одержимого ею?

Говорю это не для того, чтобы мы не заботились о праведности, но чтобы избегали гордости; не для того, чтобы мы грешили, но чтобы были умеренны (6).

ГРЕХ

Частое воспоминание грехов и обвинение себя в них немало способствуют к уменьшению великости их. Есть и другой путь, еще более верный, когда мы не помним зла ни о ком, кто согрешил против нас, когда прощаем всякому сделанные против нас проступки. Хочешь ли знать еще и третий путь? Послушай, что говорит Даниил: *искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным* (Дан. 4, 24). Есть и еще кроме этого путь — частое упражнение в молитвах, постоянное прилежание в молениях к Богу. Приносит нам немало утешения и оставление грехов также и пост; когда он соединяется с любовью к ближним, угашает и силу гнева Божия. *Вода угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи* (Сир. 3, 30). Итак, будем ходить по всем этим путям. Если будем всегда держаться их и на них обращать свое внимание, то не только очистим прошедшие преступления, но и на будущее время много приобретем для себя пользы: не дадим диаволу возможности нападать на нас, да и сами не впадем в беспечность житейскую (1).

* * *

Грех есть великий бес. Бесноватый возбуждает сострадание, а грешник — ненависть; тот заслуживает прощение, а этот не имеет оправдания (1).

* * *

Итак, надобно отражать зло вначале, даже если первые преступления на себе только и останавливались, и тогда нельзя пренебрегать ими, но в самом деле они доходят до большего, когда душа вознерадит. Потому все надлежит употреблять для того, чтобы истреблять грехи в самом начале. Несмотри на то что грех в самом себе мал, но помни, что он бывает корнем великого зла, когда вознерадят о нем... Не столько требуют тщания и трудов большие грехи, сколько малые и незначительные. Ибо тех отвращаться заставляет само свойство греха, а малые, потому что малы, располагают нас к лености, не попускают мужественно восстать на истребление их. Поэтому они скоро делаются великими, коли мы спим... Так в Иуде родилось великое зло. Если бы он не думал, что неважное дело — красть имущество бедных, то не впал бы и в грех предательства. Так же, если бы иудеям не представлялось маловажным то, что они пленены тщеславием, то, конечно, не дошли бы они до убийства Христа. И всякое зло так обыкновенно совершается. Всякий не скоро и не вдруг впадает в нечестие. Ибо есть в душе нашей некоторый стыд греха, одолеть который, чтобы вдруг дойти до бесстыдства, нельзя... Так взошло и идолопоклонство, когда люди стали выше меры чтить живых и умерших. Так стали поклоняться изваянным. Так усилилось блудодейство и другие пороки. Смотри: один безвременно посмеялся, другой укорил, иной отринул страх, говоря, что в этом нет ничего страшного. Ибо что за важное дело посмеяться? Что от этого может произойти? А от этого происходит пустая говорливость, отсюда срамословие и бесчестные поступки. Еще на иного жалуются, что он поносит ближнего, насмехается, злословит. Но тот презирает это и говорит, что злословить другого ничего еще не значит. Напротив, от этого родилась ненависть безмерная, непримиримая вражда, бесконечные укоризны, а от укоризн драки, а от драк часто и убийство.

Итак, от малого лукавый демон доводит до большого, а от великого доводит до отчаяния, изобретая таким образом другой способ, не менее пагубный. Ибо не столько погубляет грех, сколько отчаяние (1).

* * *

Грех есть варвар, который, пленив душу однажды, не щадит ее, но мучит ее на погибель подпавших власти его. Подлинно, ничто так не безрассудно, ничто так не бессмысленно, глупо и нагло, как грех. Куда он ни вторгается, все извращает, расстраивает и губит. Он безобразен на вид, несносен и отвратителен. Если бы какой-либо живописец захотел изобразить его, то, мне кажется, не погрешил бы, изобразив его в виде жены звероподобной, варварской, дышащей огнем, безобразной и черной, как внешние поэты изображают Сцилл*. Ибо грех тысячью рук обхватывает наши мысли, вторгается неожиданно и терзает все подобно псам, кусающим внезапно. Впрочем, для чего нам живописное изображение, когда мы может представить самих людей, подобных ему (1)?

* * *

Когда мы помыслим о множестве прежних грехов своих, тогда познаем чрезмерность милости Божией, тогда преклоним голову, тогда смиримся, потому что чем более тяжки грехи, в которых мы виновны, тем более мы будем сокрушаться. Так Павел вспоминал и о прежних грехах своих, а мы не хотим вспоминать и о сделанных нами после крещения, угрожающих опасностью и подвергающих нас ответственности за них. Но если когда и придет у нас мысль о каком-либо таком грехе, мы тотчас устраняем ее и не хотим опечалить душу воспоминанием [о нем] и на краткое время. А от этой бесполезной нежности происходит для нас множество зол, потому что, находясь в таком состоянии самодовольства и изнеженности, мы не можем и исповедаться в прежних грехах своих (как это возможно, когда мы приучаем себя не допускать и воспоминания о них?), и легко впадаем в последующие. Если у нас всегда живо это памятование и душу беспокоит страх, то с удобством можно искоренить изнеженность ее и беспечность (2).

* * *

Почему мы оплакиваем наказываемых, а не согрешающих?

* Внешние поэты — поэты светские, нецерковные. Сцилла и Харибда — в греческой мифологии два чудовища, жившие по обеим сторонам узкого пролива и губившие проплывающих между ними мореходов. *(Примеч. ред.)*

Не так тяжко наказание, как тяжек грех, потому что грех есть причина наказания. Итак, когда ты увидишь какого-нибудь человека, имеющего гнилую рану, у которого из тела выходят черви и гной и который оставляет без внимания эту язву и гниение, а — другого такого, который, страдая тем же, пользуется пособием врачей, допускает прижигания и отсечения и пьет горькие лекарства, то которого из них ты будешь оплакивать, скажи мне, — того ли, который болен и не лечится, или того, который болен и лечится?.. Перенесись мыслью от тел к душам, от болезней к грехам, от горечи лекарств к наказаниям и суду Божию, ибо наказание от Бога есть то же, что и лекарство от врача. Отсечение и прижигание, как огонь, через многократное прикосновение прижигают рану и останавливают ее развитие, как железо, отсекают гнилость, причиняя боль, но доставляя пользу. Так и голод, и моровые язвы, и все кажущиеся бедствия насылаются на душу вместо железа и огня, чтобы остановить, как это бывает с телами, развитие ее болезней и сделать ее лучшей (3).

* * *

Всегда говорю и не перестану повторять, что весьма полезно и нужно нам постоянно помнить все наши поступки. Ничто не может сделать душу такой любомудрой, и смиренной, и кроткой, как постоянное памятование о грехах. Поэтому и Павел помнил грехи, сделанные им не только после купели, но и до крещения, хотя они и были уже изглажены совершенно. Если же он помнил грехи, сделанные до крещения, тем более нам должно помнить сделанные нами после крещения. Памятуя об них, мы не только изгладим их, но и будем ко всем людям снисходительнее, а Богу послужим с бо́льшим усердием, из памятования о грехах познавая несказанное Его человеколюбие (6).

* * *

Гораздо лучше вовсе не грешить, но немаловажно для спасения и то, чтобы согрешивший сокрушался, осуждал душу свою и с великим тщанием наказывал совесть свою; такое осуждение есть часть оправдания и конечно ведет к тому, чтобы боль-

ше не грешить. Поэтому и Павел, произведя печаль в грешниках, радовался: не тому, что опечалил их, но что посредством печали исправил их. *Радуюсь не потому,* говорил он, *что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию... Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению* (2 Кор. 7, 9–10). Поэтому о своих ли или о чужих грехах вы скорбели тогда, вы достойны бесчисленных похвал. Кто скорбит о чужих, тот показывает апостольское сострадание и подражает тому святому, который говорит: *кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся* (2 Кор. 11. 29)? А кто терзается за свои грехи, тот избавляется от наказания за дела, уже совершенные, и в будущем становится безопаснее посредством этой скорби. Вот почему и я, видя поникших головой, воздыхающих и ударяющих себя по лицу, радовался, представляя плоды этой печали (6).

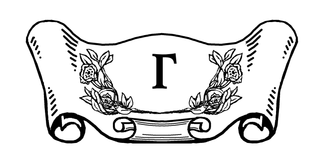
* * *

Признание в грехах весьма много способствует их исправлению, равно отрицание греха после совершения его составляет тягчайший из грехов...

Таков грех: пока он еще не совершен и не приведен в дело, он помрачает мысль и обольщает разум, а когда будет совершен, то открывает нам свою гнусность, и вот кратковременное и безрассудное удовольствие причиняет нам постоянную скорбь, лишает спокойствия совести и покрывает своего пленника стыдом. Человеколюбивый Господь поставил над нами такого судию с тем, чтобы он никогда не молчал, но будучи неразлучен с нами, непрестанно вопиял и наказывал за преступления. В этом всякий может убедиться опытом. Так блудник, или прелюбодей, или другой подобный грешник не может быть спокойным, хотя бы от всех скрыл (свое преступление). Имея такого строго судию, пугается и намеков, трепещет самой тени, боится и знающих и незнающих (о его поступке), и таким образом носит у себя в душе постоянную бурю и непрерывное волнение. У такого человека и сон не сладок, но полон страха и боязни, ему и пища не вкусна, и сообщество друзей не может развлечь его и освободить от внутренней борьбы. Нося в себе

как будто палача, который терзает и бичует его непрестанно, так он ходит после такого худого дела, терпя, хотя этого никто не знает, невыносимые муки и будучи сам своим судьей и обвинителем.

Но если сделавший такой грех решится как следует воспользоваться помощью совести, принести раскаяние в своих делах и показать рану Врачу, который исцеляет не укоряя, принять от него врачество и наедине, без всяких свидетелей открыть Ему и исповедать все подробно, то он скоро исправит грехи свои, потому что признание в грехах заглаждает их (8).

ДАРЫ БОГУ

Будем заботиться не о том одном, чтобы принести в дар золотые сосуды, но о том, чтобы принести от праведных трудов. Ибо дороже золота приобретенное без любостяжательности. Церковь не на то, чтобы в ней плавить золото, ковать серебро, она есть торжественное собрание Ангелов. Поэтому мы требуем в дар ваши души, ибо для душ принимает Бог и прочие дары. Не серебряная была тогда трапеза, и не из золотого сосуда Христос давал пить Кровь Свою ученикам. Однако же там все было драгоценно, все возбуждало благоговение, потому что все исполнено было Духа. Хочешь ли почтить Тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим. И что пользы, если здесь почтишь Его шелковыми покровами, а вне храма оставишь терпеть и холод и наготу? Изрекший: *сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26), и утвердивший это словом, сказал также: вы видели Меня алчущего и не напитали; и далее: *так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне* (Мф. 25, 45). Для этого таинственного Тела нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть нищие, имеют великую нужду в нашем попечении. Научимся быть любомудрыми и почитать Христа, как Сам Он того хочет. Почитаемому приятнее всего та честь, которой он сам желает, а не та, которую мы признаем лучшей. И Петр думал почтить Господа, не допуская Его умыть ноги, однако же это было не почтение, а нечто тому противное. Поэтому и ты почитай Его той честью, какую Сам Он заповедал, то есть истощай богатство свое на бедных. Богу нужны не золотые сосуды, но золотые души.

Говоря это, не запрещаю делать богатые вклады, требую только, чтобы вы вместе с вкладами и даже прежде них творили милостыню. Хотя Бог приемлет и вклады, но гораздо лучше милостыню. Там один приносящий получает пользу, а здесь и приемлющий.

Там дар бывает иногда поводом к тщеславию, а здесь все делается по одному милосердию и человеколюбию. Что пользы, если трапеза Христова полна золотых сосудов, а Сам Христос томится голодом? Сперва напитай Его алчущего, а потом остальное употреби на украшение трапезы Его. Ты делаешь золотую чашу и не даешь чаши студеной воды! Что пользы устроить для трапезы златотканые покровы, а Христу не дать и нужного для прикрытия? Какой плод от этого? Скажи, например, ты видишь человека, не имеющего у себя необходимой пищи, и вместо того, чтобы утолить его голод, только стол обкладываешь серебром, поблагодарит ли он тебя за это или, скорее, огорчится? И еще, ты видишь человека, покрытого рубищем и окостеневшего от холода, и вместо того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что делаешь это в честь его. Не скажет ли он, что над ним насмехаешься, и не почтет ли этого крайней обидой? То же представь и о Христе, когда Он, как бесприютный странник, ходит и просит крова, а ты вместо того, чтобы принять Его, украшаешь пол, стены, верхи столбов, привязываешь к лампадам серебряные цепи, а на Христа, связанного в темнице, и взглянуть не хочешь. Говоря это, не запрещаю и в том быть щедрым, но советую также не оставлять другого или даже предпочитать последнее. За неисполнение первого никто никогда не был осужден, а за неисполнение последнего угрожает геенна, и огонь неугасимый, и мучение вместе с демонами. Итак, украшая дом Божий, не презирай скорбящего брата, ибо сей храм превосходнее первого. Те утвари могут похитить и неверные цари, и тираны, и разбойники, а что сделаешь для брата алчущего и странного и нагого, того похитить не может сам диавол, оно сбережется в неприступном хранилище.

Поэтому, прочитав все узаконения о милостыне, данные и в Новом и в Ветхом Завете, употребим все старание на исполнение их. Это и грехи очищает, ибо сказано: *подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41). Это важнее жертв: *милости хочу, а не жертвы* (Ос. 6, 6). Это отверзает небеса: *молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом* (Деян. 10, 4). Это нужнее девства.

Как одни были изгнаны из брачного чертога, так другие введены были в него! Зная все это, будем сеять щедро, дабы с большим изобилием пожать и получить будущие блага (1).

ДЕВСТВО

Будем же заботиться о той красоте [душевной], а не об этой [внешней], будем ее приобретать, чтобы нам войти в брачный чертог с горящими светильниками. Не девам только это заповедано, но душам девственным, ибо если бы это было заповедано просто девам, то другие пять не были бы отвергнуты. Следовательно, это относится ко всем, кто девствен душой, кто чужд житейских попечений, ибо эти попечения развращают души. Потому, если мы останемся чистыми, то войдем туда и будем приняты. *Потому что я обручил вас*, говорит апостол, *единому мужу, чтобы представить Христу чистой девой* (2 Кор. 11, 2). Не девам сказал он это, а целому обществу Церкви. Нерастленная душой есть дева, хотя бы она и имела мужа, она девственна истинной, чудной девственностью, ибо само телесное девство есть последствие и тень этой девственности, а она есть истинное девство. Будем же приобретать ее, и мы тогда будем в состоянии взирать на Жениха со светлым лицом, войти с горящими светильниками, если у нас не оскудеет этот елей... а этот елей есть человеколюбие (1).

* * *

Предложил [Господь] совет и о девстве, говоря: *кто может вместить, да вместит* (Мф. 19, 12). Так как оно после преслушания [первозданных] отлетело и удалилось из рая, то Он, сойдя с неба, опять приводит его, возвращая, как будто беглеца, в прежнее отечество, и освобождая из дальней ссылки. Придя [на землю], Он сам родился от Девы и переменил законы природы, таким образом в самом начале [своей земной жизни] почтил девство, являя Матерь свою Девой (1).

* * *

Если бы само сожительство женщин с мужчинами и мужчин с женщинами освобождало от забот, то Павел, призывая к воздержанию, не сказал бы: *я хочу, чтобы вы были без забот*

(1 Кор. 7, 32), как бы желая и этим побудить нас к тому. Чего хотите вы, говорит он, — спокойствия и свободы? А разве вы не видите, что от сожительства с мужчинами происходит противное, — рабство, и труды, и многие беды? Поэтому многие, лишившись мужей, часто и не вступали снова в брак, чтобы не быть опять под игом рабства. Вообще, хотя бы тебе пришлось жить в бедности и оставаться без всяких покровителей, ты веди жизнь добродетельную и не имей ничего общего с мужчиной, но входи в общение с женщинами, живущими благопристойно, и не потеряешь венца своего и будешь наслаждаться полной безопасностью* (2).

* * *

Красоту девства иудеи презирают, и это нисколько не удивительно, если они не почтили Самого Христа, родившегося от Девы, а язычники восхищаются и поражаются ею, но ревнует о ней одна только Церковь Божия (2).

* В этой беседе Иоанн Златоуст обращается к вдовам. *(Примеч. ред.)*

* * *

Но может быть, кто-нибудь скажет: если *хорошо человеку не касаться женщины* (1 Кор. 7, 1), то для чего установился в жизни брак? Какая будет нам нужда в женщине, если она не будет приносить нам пользы ни в браке, ни в деторождении? И что воспрепятствует уничтожению всего рода человеческого, когда смерть каждодневно убавляет и поражает его, а это учение не позволяет восстановлять других на место падших? Если бы мы все стали ревновать об этом благе и не прикасались бы к женщинам, то исчезло бы все: и города и дома, и нивы и искусства, и животные и растения, — как с падением военачальника необходимо расстраивается весь порядок войска, так и с уничтожением от безбрачия царствующего над всем земным человека ничто остальное не останется в прежнем устройстве и порядке, и таким образом эта добрая заповедь исполнит вселенную бесчисленных зол. Если бы так говорили только враги и неверные, то я признал бы слова их маловажными, но так как и многие, с виду принадлежащие к Церкви, говорят это, с од-

ной стороны, по слабости воли оставив девственные подвиги, а с другой — желая охуждением и пренебрежением девства прикрыть свое нерадение, чтобы иметь повод уклоняться от этих подвигов не по небрежности, а по здравому суждению ума, то мы теперь, оставив врагов (*Душевный человек не принимает того, что от Духа Божии, потому что почитает это безумием* (1 Кор. 2, 14).), научим выдающих себя за наших тому и другому, т.е. что девство не только не излишне, но и очень полезно и необходимо, и что такое суждение не останется для них безнаказанным, но навлечет на них столько бед, сколько подвизающиеся в девстве получат наград и похвал. Когда сотворен был весь этот мир и устроено все необходимое для нашего наслаждения и употребления, то Бог создал человека, для которого и сотворил мир. Первозданный [человек] жил в раю, а о браке и речи не было. Понадобился ему помощник, — и он явился, и при этом брак еще не представлялся необходимым. Его не было бы и до сих пор, и люди оставались бы без него, живя в раю, как на небе, и наслаждаясь беседой с Богом. Плотская похоть, зачатие, болезни чадородия и всякая вообще тленность не имели бы доступа к их душе, но, подобно светлому ручью, текущему из чистого источника, люди пребывали бы в том жилище, украшаясь девством. На всей земле не было тогда людей, чего теперь боятся те попечители вселенной, которые тщательно заботятся о чужих делах, а не хотят помышлять о своих, которые опасаются, как бы не прекратился весь род человеческий, а нерадят каждый о собственной душе так, как бы о чужой, хотя о ней потребуется от них точный отчет даже в малейших предметах, между тем как за уменьшение людей они не будут подлежать ни малейшей ответственности. Не было тогда ни городов, ни искусств, ни домов, о чем вы также немало заботитесь; не было тогда ничего этого, однако ничто не возмущало и не извращало той жизни блаженной и гораздо лучшей, чем настоящая. Когда же [первозданные люди] преслушались Бога и сделались золой и пеплом, то вместе с той блаженной жизнью утратили и красоту девства; и оно, вместе с Богом, оставило их и удалилось. Пока они не были уловлены диаволом и

почитали своего Владыку, до тех пор и девство продолжало украшать их более, нежели царей украшают диадема и золотые одежды; а когда они, сделавшись пленниками, сняли с себя это царское одеяние и сложили это небесное украшение и приняли смертное тление, проклятие, скорбь и многотрудную жизнь, тогда вместе с этим произошел и брак — эта смертная и рабская одежда. *Женатый*, говорит [апостол], *заботится о мирском* (1 Кор. 7, 33). Видишь ли, откуда получил свое начало брак и отчего он оказался необходимым? От преслушания, от проклятия, от смерти. Где смерть, там и брак; не будь первой, не было бы и последнего. Но девство не имеет такой связи [со смертью], оно всегда полезно, всегда прекрасно и блаженно, и прежде смерти и после смерти, и прежде брака и после брака. Какой брак, скажи мне, породил Адама, какие болезни чадородия произвели Еву? Ты ничего не можешь сказать на это. Для чего же напрасно боишься и опасаешься, как бы с прекращением брака не прекратился и род человеческий? Тьмы тем Ангелов служат Богу и тысячи тысяч Архангелов предстоят Ему, и ни один из них не произошел по преемству, от родов, болезней чадородия и зачатия. Таким образом, Бог тем более мог бы без брака создать людей, как создал Он и первых, от которых произошли все люди (2).

* * *

Ты слышал, что девство есть название многих трудов и подвигов, но не бойся, оно не есть повеление и не вводится как обязательная заповедь, но тем, которые принимают его на себя добровольно и по избранию, оно воздает собственными благами, возлагая на голову их блестящий и доброцветный венец. Тех же, которые отказываются и не желают принять его, оно не наказывает и не принуждает к тому против воли (2).

* * *

Девство — дело доброе и вышеестественное, но и это доброе, великое и вышеестественное дело, не будучи соединено с человеколюбием, не может ввести даже в преддверье брачного чертога. Посмотри на могущество человеколюбия и силу милостыни. Девство без милосты-

ни не могло довести даже до преддверия брачного чертога, а милостыня без девства привела питомцев своих с великой славой в царство, уготованное *прежде сложения мира*. Те за то, что не оказывали щедрой милостыни, услышали: *уйдите от меня, не знаю вас* (Мф. 25, 12, 41); а эти, напоившие жаждущего и напитавшие алчущего Христа, хотя и не отличались девством, услышали: *приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34), и весьма справедливо, потому что девственник и постник полезен только себе самому, а милостивый есть общая пристань обуреваемых, избавляет ближних от бедности и удовлетворяет нуждам других. Из добрых же дел те обыкновенно ценятся выше, которые служат на пользу другим.

Дабы ты убедился, что этого рода заповеди преимущественно перед всеми другими угодны Богу, Христос, беседуя о посте и девстве, упомянул о Царстве Небесном, а заповедуя о милостыне и человеколюбии и о том, чтобы мы питали в себе милосердие, указал на награду гораздо выше Царства Небесного: *да будете сынами Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 45). В самом деле, те заповеди особенно делают людей подобными Богу, — насколько людям возможно быть подобными Богу, — которые служат к общей пользе... Велико достоинство девства, и поэтому я желаю, чтобы оно было соблюдаемо, но достоинство девства состоит не только в воздержании от брака, а в человеколюбии, братолюбии и сострадании. Что пользы в девстве с жестокостью? Что пользы в целомудрии с бесчеловечием? Ты не увлеклась телесной похотью, но увлеклась страстью к деньгам; ты не прельстилась наружностью человека, но прельстилась красотой золота; ты победила сильнейшего противника, но меньший и слабейший преодолел тебя и победил. Поэтому твое поражение сделалось постыднейшим, поэтому ты и не получила прощения, как преодолевшая такое насилие и укротившая саму природу, но предавшаяся сребролюбию, которое часто и рабы и варвары могли побеждать без труда (6).

* * *

Адам познал Еву, жену свою (Быт. 4, 1). Замечай, когда это случилось. После преслушания,

после изгнания из рая, — тогда начинается супружеское житие. До преслушания (первые люди) жили, как ангелы, и не было (речи о) сожитии. И как это могло быть, когда они свободны были от телесных потребностей? Таким образом, вначале жизнь была девственная. Когда же по беспечности (первых людей) явилось преслушание и вошел (в мир) грех, девство отлетело от них, так как они сделались недостойными столь великого блага, а вместо того вступил в силу закон супружества. Подумай же, как велико достоинство девства, как высоко и важно это состояние, как оно превышает человеческую природу и требует помощи свыше. Что решившиеся избрать девство и будучи в теле живут подобно бестелесным силам, послушай слова Христа, сказанные саддукеям. Возбудив вопрос о воскресении и желая знать (мнение Иисуса Христа), они сказали: «Учитель! Было у нас семь братьев: первый, женившись, умер бездетным и оставил жену свою брату своему, и второй умер и, не имея семени, оставил жену свою брату своему, подобно и третий, и четвертый, и пятый, и шестой, и седьмой. Итак, в воскресении которого из семи будет она женой! Ведь все имели ее» (Мф. 22, 24-28. Мк. 12, 19–23. Лк. 20, 28–33)? Что же отвечал им Христос? *Заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией, ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии*. Видишь, как избравшие из любви ко Христу жребий девства, живя на земле и будучи облечены телом, подражают ангельской жизни? Поэтому сколько велик и высок этот подвиг, столько же велики и даже еще более велики венцы, и награды, и блага, обещанные тем, кто вместе с девством подвизается и в прочих добродетелях (8).

ДЕЛА

Разве не помните, что нам до́лжно отдать отчет в словах и помышления, а мы не заботимся даже о делах! *Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею* (Мф. 5, 28); а люди, которые должны отдать отчет за каждый нескромный взгляд, не сомневаются согнивать в самом этом грехе. *Кто же скажет брату своему: ...безумный, подлежит геенне огненной* (Мф. 5, 22); а мы не перестаем срамить братьев своих

бесчисленными оскорблениями и различными клеветами. Любящий любящего ничем не лучше язычника (см.: Мф. 5, 46–47), а мы ненавидим и любящих. Как же мы получим прощение, когда, будучи обязаны превышать пределы, предписанные древним, проводим свою жизнь даже ниже этих пределов?.. С воплями и рыданиями, скрежеща зубами и терзаясь, мы неизбежно будем ввергнуты в непроницаемую тьму, в место неотвратимых мучений и невыносимых казней... никто тогда не избавит тебя от мучений, заслуженных собственными твоими делами. Таково тамошнее судилище: оно судит по одним делам, а иначе спастись там невозможно... Говорю это для того, чтобы мы, питая в себе тщетные и холодные надежды и надеясь на того или другого, не стали нерадеть о собственной добродетели (1).

* * *

Молитва есть великое и спасительное благо и ограждение душ наших, но она бывает великим благом тогда, когда мы делаем достойное ее, когда не делаем самих себя недостойными ее. Поэтому, когда ты придешь к священнику и он скажет тебе: да помилует тебя Бог, чадо, — ты не полагайся только на слова, но приложи и дела, совершай и дела, достойные милости. Бог благословит тебя, чадо, если ты будешь делать достойное благословения, благословит, если ты будешь милостив к ближнему, ибо чего мы хотим получить от Бога, то должны прежде дать ближнему, а если мы лишаем этого ближних, то как хотим получить то же от Бога? *Блаженны милостивые,* говорит Он, *ибо они помилованы будут* (Мф. 5, 7), ибо если таких людей милуют и люди, то тем более — Бог, а немилосердных не помилует: *суд без милости не оказавшему милости* (Иак. 2, 13). Милосердие есть доброе дело, почему же ты не оказываешь его другому? Ты хочешь получить прощение во грехах своих, почему же сам не прощаешь согрешившему? Ты приступаешь к Богу, испрашивая Царствия Небесного, а сам не подаешь серебра просящему! Потому мы и не получаем милости, что сами не милуем (1).

* * *

Добрые дела суть как бы крепкие латы, которые не попускают

острой и губительной стреле сделать свое дело, но, будучи сами рассечены ею, защищают тело от великой опасности. Поэтому отходящий туда со множеством и добрых и злых дел получит некоторое облегчение и в наказании и тамошних муках, а кто, не имея добрых дел, принесет только злые, тот и сказать нельзя, сколько пострадает, подвергшись вечному наказанию. Там будут сопоставлены злые дела с добрыми, и если последние перетянут на весах, то совершившему их немало послужат ко спасению, и вред от совершения злых дел не будет иметь такой силы, чтобы сдвинуть его с прежнего места; но если первые перевесят, то увлекут его в гееннский огонь, потому что добрые дела не так многочисленны, чтобы могли устоять против сильного перевеса злых. И это внушает нам не только наше рассуждение, но и Слово Божие. Ибо сам [Господь] говорит: *воздаст каждому по делам его* (Мф. 16, 27). Не только в геенне, но и в самом Царстве находится множество различий: *в доме Отца Моего,* говорит Господь*, обителей много* (Ин. 14, 2); и: *иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд* (1 Кор. 15, 41). И удивительно ли, что (апостол), сделав различие между этими (светилами), говорит, что и там будет такое же различие, как между одной звездой и другой? Зная все это, не перестанем совершать добрые дела, не откажемся от трудов, и если не будем в состоянии стать наряду с солнцем или луной, то не будем пренебрегать местом со звездами. Если мы по крайней мере такую покажем добродетель, то и тогда можем быть на небе. Если не будем ни золотом, ни драгоценным камнем, то, по крайней мере, удержим качество серебра, и останемся на своем основании. Только бы нам опять не дойти до качества того вещества, которое легко сжигает огонь, и чтобы, не будучи в состоянии совершить великих дел, мы не оказались и без малых: это — крайнее безумие, чего да не будет с нами. Как вещественное богатство умножается тем, что любители его не пренебрегают и малейшими прибылями, так же и с духовным. Нелепо было бы ввиду того, что Судия не оставляет без награды и чаши холодной воды, нам потому только, что не имеем весьма великих дел, не заботиться и о совершении малых.

Напротив, кто не пренебрегает меньшими делами, тот покажет великую ревность и о величайших, а кто пренебрегает первыми, тот оставит и последние. Чтобы не было этого, Христос и за первые назначил великие награды. Что может быть легче, чем посещать болящих? Однако и за это Он воздаст великую награду (2).

* * *

Одно слушание без исполнения на деле не принесет никакой пользы, об этом послушай блаженного Павла, который говорит: *не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут* (Рим. 2, 13). И Христос в своей проповеди сказал: *Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного* (Мф. 7, 21). Итак, возлюбленные, зная, что нам не будет никакой пользы от слушания, если не последует за ним исполнение на деле, будем не только слушателями, но и исполнителями, чтобы дела, соответствующие словам, послужили основанием одушевленного слова (8).

* * *

Богу угодно, чтобы христианин не о себе только заботился, но и назидал других, не только учением, но и жизнью и обхождением. Ничто так не приводит на путь истины, как непорочная жизнь, потому что люди смотрят не столько на слова, сколько на дела наши. И чтобы тебе увериться, что это так (Ведь сколько бы мы ни любомудствовали на словах и разглагольствовали о терпении, но если, когда наступит время, не покажем терпения на деле, не столько принесет пользы слово, сколько повредит дело. Напротив, если и прежде и после слов представим доказательство на деле, то явимся достойными веры, внушая другим то, что сами исполняем на деле, — как и Христос таковых ублажил, говоря: *блажен... кто сотворит и научит* (Мф. 5, 19).), — смотри, как Он поставил наперед дело, а потом — учение. Если предшествует дело, то хотя за ним и не следует учение, сами дела гораздо яснее слов поучают тех, кто смотрит на нас. Итак, будем всегда стараться учить прежде делами, а потом уже словами, чтобы и нам не услышать от Павла: *как же ты,*

уча другого, не учишь себя самого (Рим. 2, 21)? И когда желаем внушить кому, чтобы он сделал что-либо необходимое, прежде постараемся сами сделать это, чтобы смелее преподавать учение (8).

ДЕНЬГИ

Расточительный не есть человек великодушный. Почему? Потому что кто предан тысяче страстей, тот может ли быть велик душою? Он таков не оттого, что презирает деньги, но оттого, что покоряется другим страстям, подобно как человек, принужденный разбойниками повиноваться им, не может быть свободным. Не от презрения к деньгам происходит расточительность, но от неуменья распоряжаться ими. Ибо если бы можно было и удержать их, и предаваться удовольствиям, то он, конечно, сделал бы это. Кто употребляет деньги на что следует, тот великодушен: поистине велика душа та, которая и не раболепствует страсти, и почитает деньги за ничто. Также бережливость есть добродетель; эта добродетель свойственна тому, кто употребляет деньги на что следует, а не просто без разбора. Скупость же — не добродетель. Тот издерживает все на нужное, а этот и при самой настоящей нужде не касается своего имущества. Бережливый — брат великодушного. Таким образом, поставим вместе великодушного с бережливым, а расточительного со скупым, ибо последние оба страдают малодушием, а первые оба отличаются великодушием. Подлинно, великодушным мы должны назвать не того, кто тратит деньги безрассудно, но кто употребляет их на нужное; равно как скупым и сребролюбивым — не бережливого, но того, кто не употребляет денег и на нужное. Сколько имущества расточал богач, облачавшийся в порфиру и виссон*? Но он не был великодушен, потому что душа его была одержима жестокостью и тысячами вожделений, а такая душа может ли быть великой? Великодушен был Авраам, который на принятие странников употреблял все свое имущество, закалал тельцов и, когда нужно было, не щадил не только имущества, но и самой души своей.

* Порфира — пурпурная мантия монарха. Виссон — вид ткани, тонкий лен восточного происхождения. *(Примеч. ред.)*

Итак, если мы видим, что кто-нибудь приготовляет роскошную трапезу, насыщает блудниц и тунеядцев, то не будем называть его великодушным, но весьма малодушным... ибо чем больше он тратит, тем больше показывает владычество над ним страстей. Если бы они не столько имели над ним силы, то он не столько бы и тратил. Напротив, если мы видим, что кто-нибудь никому из подобных людей ничего не уделяет, но питает бедных и помогает нуждающимся, и сам довольствуется трапезой нероскошной, того мы должны назвать великодушным, ибо поистине великой душе свойственно не думать о собственном удовольствии, а заботиться о других (1).

* * *

Будем презирать деньги и славу. Освободившийся от этих страстей свободнее всех людей и богаче самого облеченного в багряницу. Не видишь ли, сколько бывает зла из-за денег? Не говорю, сколько от любостяжания, а сколько от пристрастия к деньгам? Так, например, кто-нибудь потерял деньги, — и вот он живет жизнью, которая несноснее самой смерти. О чем, человек, скорбишь ты? О чем плачешь? О том ли, что Бог освободил тебя от лишней заботы (1)?

ДЕРЗНОВЕНИЕ

Ничто так не отгоняет беспечности и рассеянности, как скорбь и печаль; она отовсюду сосредоточивает душу и обращает ее к самой себе. Кто так скорбит и молится, тот после молитвы может испытать в своей душе великое удовольствие. Как сгустившиеся облака сначала делают воздух мрачным, а, испустив обильный дождь и излив всю влагу, оставляют воздух чистым и светлым, так точно и печаль, пока скопляется внутри, помрачает наш ум, а когда разрешится словами молитвы и соединенными с ней слезами и выйдет изнутри вон, то оставляет в душе великую ясность, так как в душу молящегося входит, как некоторый луч, помощь Божия. Между тем какая у многих холодная отговорка? Я не имею дерзновения, говорят они, я стыжусь и не могу открыть уста. Это — сатанинская стыдливость, это — прикрытие беспечности. Этим диавол хочет затворить для тебя двери, ведущие

к Богу. Ты не имеешь дерзновения? Но великое дерзновение, великая польза в том и состоит, чтобы считать себя не имеющим дерзновения, равно как стыд и крайняя опасность — считать себя имеющим дерзновение. Если ты имеешь много заслуг и не знаешь за собой ничего худого, но считаешь себя имеющим дерзновение, то всегда молитва твоя не действительна. Если же ты носишь в совести великое бремя грехов и при этом признаешь себя последним из всех, то ты будешь иметь великое дерзновение перед Богом, хотя еще нет смиренномудрия в том, чтобы грешник считал себя грешником. Смиренномудрие состоит в том, чтобы, сознавая за собой много великого, ничего великого о себе не думать (2).

* * *

Кто думает, что он имеет дерзновение, тот потерял дерзновение подобно фарисею, а кто считает себя отверженным и презренным, тот особенно и будет услышан подобно мытарю. Посмотри, сколько ты имеешь примеров: хананеянку, мытаря, разбойника на кресте, упомянутого в притче друга, просившего трех хлебов и получившего не столько за дружбу, сколько за неотступную просьбу. Если бы каждый из них сказал: я грешник, я стыжусь, и потому я не должен приступать, то не имел бы никакого успеха. Но так как каждый из них взирал не на множество грехов своих, но на богатство Божия человеколюбия, то получил дерзновение, осмелился и, будучи грешником, просил не по достоинству своему, и каждый успел в том, чего желал (6).

ДИАВОЛ

Если же кто скажет: почему Бог не уничтожил древнего искусителя, то и здесь Он поступил так, заботясь о нас. Если бы лукавый овладевал нами насильно, то этот вопрос имел бы некоторую основательность. Но так как он не имеет такой силы, а только старается склонить нас (между тем как мы можем и не склоняться), то для чего же устранять повод к заслугам и отвергать средство к достижению венцов? Притом, если бы Бог, зная, что диавол неодолим и может всех покорить себе, оставил его в мире, и тогда не следовало бы предлагать подобного вопро-

са: и тогда мы сами были бы виновны, если бы он одолевал и побеждал тех, которые не противятся ему, но подчиняются добровольно. Однако сказанного было бы недостаточно для тех, кто не хочет вразумиться. А если много есть таких, которые уже преодолели силу диавола, и много еще будет таких, которые преодолеют, — для чего же имеющих прославиться и одержать блистательную победу лишать этой чести? Бог для того оставил диавола, чтобы и те, которые уже побеждены были им, низложили его самого, а это для диавола тяжелее всякого наказания и может довести его до конечного осуждения. Но, скажет кто-нибудь, не все могут преодолеть его. Что же из этого? Гораздо справедливее, чтобы доблестные имели повод к обнаружению своей доброй воли, а недоблесные наказывались за собственное нерадение, нежели чтобы первые терпели вред за вторых. Теперь порочный если и терпит вред, то потому, что его побеждает не враг, а его собственное нерадение, как это доказывается тем, что многие побеждают диавола. Тогда же добродетельные потерпели бы вред за порочных, потому что из-за них не имели бы повода показать свое мужество... Диавол зол для себя, а не для нас. Мы же, если захотим, можем приобрести через него много и добра, конечно, против его воли и желания; в этом и открывается особенное чудо и превосходство человеколюбия Божия. То, что люди делаются лучшими, само по себе уже терзает и мучит диавола, а когда мы будем достигать этого через него же, то он не в состоянии будет и перенести такого посрамления. Но как это достигается через него? Когда мы, страшась его жестокости, постоянных наветов и непрерывных козней, будем отгонять от себя тяжкий сон, бодрствовать и всегда помнить о Господе... Кто видит наступающего врага, тот скорее прибегает и прилепляется к мо́гущему помочь... Когда лукавый устрашает и смущает нас, тогда мы вразумляемся, тогда познаем самих себя, тогда с великим усердием прибегаем к Богу (2).

* * *

Вор не приходит туда, где хворост, сено и дрова, но туда, где лежит золото, или серебро, или жемчуг. Так и диавол не

входит туда, где прелюбодей, или богохульник, или хищник, или корыстолюбец, но туда, где провождающие пустынную жизнь (7).

* * *

Много у него (диавола) козней, т.е. способов, которыми он старается уловлять беспечных, поэтому надо тщательно узнавать их, чтобы избегнуть сетей его и не дать ему никакого (к нам) доступа, нужно тщательно оберегать и язык, и охранять глаза, и соблюдать мысль в чистоте, и постоянно быть готовыми к борьбе, как будто бы нападал на нас какой-нибудь дикий зверь и угрожал нам погибелью (8).

ДОБРО

Как поношение ближних обращается наперед на самих поносителей, так и добро, сделанное ближним, доставляет наперед радость самим делающим. Делающий добро и зло непременно сам первый испытывает то и другое: как вода, истекающая из источника, горькая и вкусная, и наполняет сосуды приходящих, и не уменьшает производящего ее источника, так точно зло и добро, от кого происходит, того и радует или губит. Это бывает здесь, а какое будет там добро или зло, кто может выразить словом (1).

* * *

В нас лежит естественный закон знания добра и зла. Что Бог при самом сотворении человека создал его знающим то и другое, это показывают люди. Так, все мы, когда грешим, стыдимся и подчиненных. Часто господин, идя к развратной женщине и увидев кого-нибудь из скромных слуг, застыдившись, сходит с этой негодной дороги. Опять, когда другие бранят нас худыми словами, мы называем это обидой и сделавших ее влечем в суд, хотя и сами терпим от этого неприятности. Так знаем мы, что такое порок и что — добродетель. Это самое и Христос, показывая и объясняя, что Он заповедует не что-либо новое или превышающее нашу природу, но то, что искони уже вложил в нашу совесть по изречении многих тех блаженств сказал так: *как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7, 12). Не

нужно, говорит, множества слов, ни пространных законов, ни разнообразного наставления: воля твоя да будет законом. Хочешь получать благодеяния? Облагодетельствуй другого. Хочешь, чтобы тебя миловали? Помилуй ближнего. Хочешь, чтобы тебя хвалили? Похвали другого. Хочешь, чтобы тебя любили? Полюби сам. Хочешь пользоваться первенством? Уступи его прежде другому. Сам будь судьей, будь законодателем твоей жизни. И опять: *что ненавистно тебе самому, того не делай никому* (Тов. 4, 15). Не любишь терпеть обиды? Не обижай другого. Не любишь, чтобы тебе завидовали? И сам не завидуй другому. Не любишь, чтобы тебя обманывали? И сам не обманывай другого. Да и во всех вообще случаях станем только держаться этих двух изречений и не будем иметь нужды еще в другом наставлении. Ибо знание добродетели вложил Бог в нашу природу, но приведение в дело и исполнение предоставил нашей свободе (1).

* * *

Надо воздавать похвалу и удивляться тем, которые преуспевают в добре, а не тем, которые [только] избегают зла; для последних довольно и той чести, если они не терпят ничего худого. Поэтому и Господь наш угрожал геенной тому, кто без причины и напрасно будет гневаться на брата своего и назовет его уродом (см.: Мф. 5, 22), но не обещал Царствия Небесного тем, которые не гневаются напрасно и воздерживаются от злословия, а потребовал еще другого, большего и важнейшего, сказав: *любите врагов ваших* (Мф. 5, 44). И желая показать, как маловажно, незначительно и недостойно никакой чести только воздерживаться от ненависти к братьям, Он, заповедав нечто гораздо большее, т.е. любить их и быть в дружестве с ними, сказал, что и этого недостаточно для того, чтобы нам удостоиться какой-нибудь чести, ибо как это возможно, когда мы в этом отношении нисколько не превосходим язычников? Поэтому у нас должно быть приложено к этому нечто другое, более важное, если мы желаем требовать награды. Если, говорит [Христос], Я не осуждаю на геенну тебя, воздерживающегося от злословия и гнева на брата, то по одному этому ты не

считай себя достойным венцов, потому что Я требую не такой только меры благорасположения, но, хотя бы ты к незлословию прибавил, что и любишь его, ты еще вращаешься долу и ставишь себя в ряду мытарей. Если же ты желаешь быть совершенным и достойным небес, то не останавливайся только на этом, но взойди выше и усвой себе помысел, превосходящий саму природу, то есть — любовь к врагам (2).

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Добродетельный, будет ли он раб или господин, блаженнее всех. Никто не сделает ему зла, хотя бы со всей вселенной стекались все для того, чтобы вооружиться и воевать против него. Лукавый и злой человек хотя бы был царем и украшен бесчисленными венцами, может потерпеть от всякого величайшие несчастья. Так бессильна злоба! Так сильна добродетель (1)!

* * *

Я не предлагаю вам ничего неудобоисполнимого. Не говорю — не женись, не говорю — оставь город и устранись от дел общественных, но увещеваю, чтобы ты, оставаясь при них, украшался добродетелью. Я желал бы даже, чтобы живущие в городах больше отличались доброй жизнью, нежели удалившиеся в горы. Почему? Потому что из этого произошла бы весьма великая польза. *Зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике* (Мф. 5, 15). Потому-то желал бы я, чтобы все свечи поставлены были на подсвечниках, чтобы разливался от них великий свет. Зажжем и мы огонь этого света и сделаем так, чтобы сидящие во тьме избавились от заблуждения. Не говори мне: я имею жену и детей, управляю домом и не могу этого исполнить. Если бы ты ничего этого не имел, но оставался беспечным, то никакой не получил бы от того пользы, а если и при всем этом будешь тщателен, то обогатишься добродетелью. Ибо всего нужнее одно: утверждение духа в добрых расположениях, тогда ни возраст, ни бедность, ни богатство, ни множество дел и ничто другое не может быть нам препятствием. Потому что и старики, и юноши, и женатые, и обязанные воспитывать детей, и ремесленники,

и воины успевали исполнять все повеленное. Даниил был юноша, Иосиф был рабом, Акила был ремесленником... другой был стражем темничным, иной сотником, как Корнилий, другой имел слабое здоровье, как Тимофей, иной даже бежал от господина, как Онисим, — и однако же никто из них не был удержан никаким препятствием, но все они вели достославную жизнь: и мужи и жены, и юноши и старики, и рабы и свободные, и воины и простолюдины. Итак, не будем прикрываться бесполезными и пустыми извинениями, но утвердим в себе доброе намерение. Тогда, какое бы ни было наше звание, мы, без сомнения, сохраним добродетель и сподобимся грядущих благ (1).

* * *

Великое дело — жизнь добродетельная. Как бы кто ни был груб, хотя бы не хотел явно согласиться с учением, но и он склонится на вашу сторону, похвалит и подивится. А каким образом, спросишь, достигнуть превосходной жизни? Не иначе как силой Божией. Отчего же и язычники бывают такими [добродетельными]? Если и бывают такими, то одни по природе, другие из тщеславия. Хотите ли знать, как важна жизнь [добродетельная] и какую она заключает в себе силу убеждения? Многие из еретиков, хоть и поддерживали самое нелепое учение, имели такую силу, что многие люди из благоговения к их жизни даже и не исследовали их учения, а другие, и осуждая их учение, уважали их за жизнь... То и ослабляет важность нашей веры, то и извращает все, что никто нисколько не думает о жизни. Это унижает веру. Мы говорим, что Христос есть Бог, предлагаем множество и других догматов, между прочим, говорим и то, что Он заповедал всем жить праведно, но на самом деле это у немногих. Порочная жизнь унижает догматы о воскресении, о бессмертии души, о суде и принимает много противного, судьбу, необходимость, неверие в промысел (1).

* * *

Это со стороны Бога величайшее благодеяние, что Он нашу совесть и волю расположил любить добродетель, а против греха враждовать еще до совершения его на деле. Знание о том и о

другом положено в совести всех людей, и мы не нуждаемся ни в каком учителе, чтобы узнать о них, но само исполнение предоставлено уже свободе, старательности и трудам нашим (1).

* * *

Я утверждаю, что все способны к добродетели, ибо кто чего не может сделать, тот не может и в случае необходимости, если же кто в случае необходимости может, а без нее не делает, тот не делает по произволению. Например, летать и подниматься к небу человеческому телу трудно и даже невозможно, поэтому если бы какой-нибудь царь повелел делать это, угрожал смертью и говорил: тех, которые не летают, повелеваю сечь, жечь или подвергать чему-нибудь подобному, то послушался ли бы кто его? Нет, потому что это невозможно для нашей природы. А если бы то же сделано было касательно целомудрия и приказано было невоздержных наказывать, жечь, сечь, подвергать бесчисленным мучениям, то не стали ли бы повиноваться приказаниям многие? Нет, скажешь, потому что и теперь существует закон, повелевающий не прелюбодействовать, но не все повинуются. Не потому, что закон бессилен, но потому, что многие надеются укрыться. Если бы при том, кто покушается на прелюбодеяние, присутствовали законодатель и судья, то страх был бы в силах прогнать похоть... Итак, не будем говорить, что такой-то добр по природе, а такой-то зол по природе. Ибо если бы кто-то был добр по природе, то никогда не мог бы сделаться злым, а если бы был зол по природе, то никогда не сделался бы добрым. Между тем мы видим быстрые перемены: люди впадают то в то, то в другое и переходят от одного к другому. Это можно видеть не только в Писаниях, где, например, мытари становятся апостолами, ученики предателями, блудницы целомудренными, разбойники добрыми, волхвы поклонниками, нечестивые благочестивыми, как в Новом, так и в Ветхом Завете, но и каждый день можно видеть множество подобных случаев... Итак, из того, что мы делаем между собой и что делают с нами судьи, из того, что мы написали законы и осуждаем сами себя, хотя бы не было против нас никакого обвинителя, из того, что от нераде-

ния становимся хуже, а от страха лучше, из того, что видим других добродетельными и восходящими на высоту любомудрия, очевидно, что в нас находится возможность добродетели (1).

* * *

Добродетель прежде получения наград бывает себе самой наградой. Подобно тому, как бывает в теле... что тот, кто здоров, обладает крепким телом и свободен от всякой болезни, в силу этого и без веселья уже веселится, в здоровье находя радость, и ни перемены в воздухе, ни зной, ни холод, ни скудость стола, ни что-нибудь другое в этом роде не может опечалить его, так как здоровье в состоянии отстранить от него происходящий от всего этого вред, так точно случается обыкновенно и в отношении к душе... Не только в Царстве Небесном назначена награда за добродетель, но и в самом страдании, потому что и потерпеть что-нибудь за истину величайшая награда (7).

* * *

Ничего нет равного добродетели! Она и в будущем веке исхитит нас из геенны и откроет путь в Царство Небесное, и в настоящей жизни ставит выше всех, всуе и напрасно злоумышляющих на нас, делает сильнее не только людей, но и самих демонов и врага нашего спасения, то есть диавола. Итак, что может сравниться с нею, когда она исполнителей своих делает выше не только злокозненных людей, но и демонов? А добродетель состоит в том, чтобы презирать все людское, ежечасно помышлять о будущем, не прилепляться ни к чему настоящему, но знать, что все человеческое есть тень и сон и даже ничтожнее этого. Добродетель состоит в том, чтобы по отношению к вещам этой жизни быть как бы мертвым, также и по отношению к вредному для спасения души быть бездейственным, как бы мертвым, но жить и действовать только для духовного, как и Павел сказал: *и уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Поэтому и мы станем делать все так, как прилично облекшимся во Христа, и не будем оскорблять Духа Святого. Когда возмутит нас страсть, или нечистая похоть, или гнев, или ярость, или зависть, тогда подумаем, кто живет в нас, и прогоним

далеко всякий такой помысел. Устыдимся преизобильной благодати, данной нам от Бога, и обуздаем все плотские страсти, чтоб после надлежащих подвигов в краткой и скоротечной этой жизни удостоиться нам великих венцов (8).

ДОГМАТЫ

Будем стараться хранить в душах своих здравые догматы, а вместе с тем и вести правильную жизнь, чтобы и жизнь свидетельствовала о догматах, и догматы сообщали жизни твердость. Как в том случае, если мы, содержа правые догматы, станем жить небрежно, не будет нам пользы, так и тогда, когда, живя хорошо, будем нерадеть о правых догматах, не можем ничего приобрести для своего спасения. Если хотим мы избавиться и геенны и получить царство, то должны украшаться тем и другим — и правотой догматов, и строгостью жизни. В самом деле, что пользы, скажи мне, если дерево и поднялось высоко, и покрылось листьями, но плода не приносит? Так и христианину не принесут никакой пользы правые догматы, если он небрежет о своей жизни (8).

ДРУЗЬЯ

Как тела часто погибают от заразы испорченного воздуха, так точно и душа часто терпит вред от общения с людьми порочными; и как здоровый глаз, взирая на больного, поражается, и страждущий чесоткой сообщает свою болезнь и здоровым, так точно случается часто и с душой от общения с людьми порочными. Потому и Христос заповедал не только избегать таких людей, но и отвергать их: *Если же*, — говорит Он, — *правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя* (Мф. 5, 29), — разумея в этой заповеди не глаз, — ибо что худого может сделать глаз, когда душа находится в здоровом состоянии? — но друзей, близких к нам и сделавшихся как бы нашими членами, повелевая не дорожить и их дружбой, чтобы безопасней совершать свое спасение. Потому и пророк говорит: *Не сидел я в собрании суетном и к нарушителям закона не войду* (Пс. 25, 4). И Иеремия ублажает того, кто *сидит уединенно и молчит* (Пл. Иер. 3, 28). Также и в Притчах много говорится об этом и убедительно внушается всем, что нужно не

только уклоняться, но и бежать от людей, советующих злое, и не общаться с ними. Ибо если предметы вещественные часто повреждаются у нас от прикосновения к чему-нибудь худому, то не тем ли более существа свободные?.. Поэтому не будем считать маловажным вредом общение с вредными людьми, но прежде всего другого станем избегать таких людей, хотя бы это были жены, хотя бы друзья, и кто бы то ни был. Оно погубляло и великих мужей, каковы Соломон и Самсон, оно развратило и целый народ иудейский. Обыкновенно не столько причиняют вред дикие звери, сколько порочные люди. Те явно производят свои ядовитые действия, а эти нечувствительно и неслышно каждый день распространяют заразу, мало-помалу ослабляя силу добродетели... А ты, когда намереваешься поселиться в городе, то стараешься узнать все о тамошнем климате, не вреден ли, не сыр ли, не сух ли он. Когда же дело касается души, то нисколько не стараешься узнать тех, которые войдут в общение с ней, но просто и без разбора вверяешь ее всем. Какое же, скажи мне, можешь ты получить прощение, оказывая такое к ней презрение? Почему, думаешь ты, сделались дивными и славными мужи, обитающие в пустынях? Не потому ли, что они убегают от шума и торжищ и поселились вдали от дыма, поднимающегося среди хлопот житейских? Подражай им и ты, стараясь найти пустыню среди города. А каким образом это возможно? Если ты будешь убегать людей порочных, если будешь следовать добродетельным. Таким образом ты достигнешь большей безопасности, нежели обитающие в пустынях, не только в удалении от людей вредных, но и в общении с полезными. Ибо если ты будешь убегать людей порочных и следовать добродетельным, то приобретешь двоякую пользу: и умножишь дела добродетельные, и сократишь дела порочные (1).

* * *

Если дружба с кем-нибудь вредит и влечет к участию в нечестии, то хотя бы то были родители, удались от них, хотя бы то был глаз, исторгни его. *Если,* говорит Господь, *глаз твой соблазняет тебя, вырви его* (Мф. 5, 29). Он говорит не о теле: как это может быть? Если бы Он говорил о телесной природе, то вина

падала бы на Создателя природы, притом надо было бы исторгнуть не один глаз, потому что если останется левый, то он также может соблазнять владеющего им. Но чтобы ты знал, что здесь речь не о глазе, Господь прибавил: *правый*, указывая на то, что хотя бы кто был для тебя так дорог, как правый глаз, вырви его и расторгни свою дружбу с ним, если он соблазняет тебя. Что пользы иметь глаз, если погибнет целое тело? Итак, если дружба, как я сказал, причиняет вред, то будем избегать ее и удаляться, а если она нисколько не вредит нашему благочестию, то будем привлекать и привязывать к себе друзей. Если же сам ты не приносишь пользы другу, а от него получаешь вред, то предпочитай оставаться невредимым в разлуке с ним и избегай дружеских связей. Если они вредят, — только избегай, а не ссорься и не враждуй. Так увещевает и Павел следующими словами: *если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12, 18) (2).

* * *

Не столько умножение имущества, не столько оружие и стены, окопы и другие бесчисленные средства могут обезопасить нас, сколько искренняя дружба. Это — стена, это — крепость, это — богатство, это — утешение, это будет способствовать нам и настоящую жизнь проводить в душевном спокойствии, и доставит будущую жизнь. Итак... будем делать все и принимать все меры, чтобы нам примириться с настоящими врагами и не приобретать новых врагов, а друзей настоящих сделать более надежными. Начало и конец всякой добродетели — любовь (2).

* * *

Нужно ли приобрести друзей? Приобретай для Бога. Нужно приобрести врагов? Приобретай для Бога. Но как можно приобретать друзей и врагов для Бога? Если будем искать дружбы не с тем, чтобы достать денег, участвовать в трапезе, найти покровительство человеческое, но будем искать и делать своими друзьями таких людей, которые могут всегда вразумлять нашу душу, давать надлежащие советы, укорять за грехи, обличать за проступки, восстановлять после падения и при помощи советов

и молитв приводить нас к Богу. Также можно и врагов приобретать для Бога. Если ты видишь человека распутного, негодного, порочного, зараженного нечистыми мнениями, угрожающего причинить тебе падение и вред, то отойди, отбеги от него, как повелел и Христос, сказав: *если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя* (Мф. 5, 29), повелевая и таких друзей, которые дороги для нас, как глаза, и необходимы в делах житейских, устранять и отвергать, если они вредят спасению нашей души (2).

ДУХОВНЫЕ БЛАГА

Блага мирские имеют много завистников, а духовные чем большему числу людей достаются, тем обильнее оказываются. В этом можно убедиться и из настоящего слова. Если это слово, которое передаю всем, удержу я у себя, то буду беднее, а когда сообщаю всем, то, как бы бросая семена в чистую землю, умножаю тем свое достояние, увеличиваю богатство: вас всех делаю богаче, да и сам от этого не делаюсь беднее, напротив, еще гораздо богаче. Не так с деньгами, а совершенно наоборот. Если бы у меня в кладовой было золото и я захотел раздавать его всем, мое богатство, умаляясь через эту раздачу, не могло бы оставаться в прежнем своем количестве.

Итак, когда духовные блага так превосходны, когда получить их весьма легко, так как они желающим даются даром, то возлюбим их более, а тени бросим и не будем бежать к стремнинам и подводным камням. Чтобы усилить в нас эту любовь [к благам духовным], Бог устроил так, чтобы мирские блага исчезали еще прежде смерти своего обладателя (1).

* * *

Что для тела пища, то для души изучение божественных вещаний, ибо *не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4, 4). Поэтому те, которые не участвуют в этой трапезе, обыкновенно испытывают голод. Послушай, как Бог угрожает этим голодом и ставит наряду с наказанием и мучением: *пошлю на землю голод,* говорит Он, *не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних* (Ам. 8, 11). Не безумно

ли для избежания телесного голода делать все и принимать все меры, а душевный голод добровольно навлекать на себя, тогда как он тем тяжелее, чем больший от него бывает вред? Нет, прошу и убеждаю вас, не будем так худо относиться к самим себе, но будем предпочитать пребывание здесь [в храме] всем занятиям и заботам. Столько ли, скажи мне, ты приобретешь, оставляя собрание, сколько потеряешь и для себя и для всего дома? Хотя бы ты мог найти целое сокровище золотое и ради него оставил это собрание, и тогда ты потеряешь больше, и настолько больше, насколько духовные блага выше вещественных. Последние, хотя бы они были многочисленны и стекались со всех сторон, не будут сопровождать нас в будущую жизнь, не переселятся с нами на небо и не предстанут перед страшным престолом, но часто еще прежде нашей смерти оставляют нас и исчезают, если же и останутся до конца, то при смерти непременно отнимутся. А духовное сокровище есть приобретение необъемлемое, оно повсюду следует за нами и на пути и при отшествии нашем и доставляет нам великое дерзновение перед престолом Божиим (2).

* * *

Когда духовные блага так превосходны, когда получить их весьма легко, так как они желающим сообщаются даром, то возлюбим их более всего, а тени бросим, и не будем бежать к стремнинам и подводным камням. Чтобы усилить в нас эту любовь к благам духовным, Бог устроил так, чтобы мирские блага исчезали еще прежде смерти своего обладателя (6).

* * *

Таково духовное: будучи раздаваемо, оно еще более умножается, и чем большему числу сообщается, тем более оно увеличивается, так что и отдающий не чувствует никакой утраты, напротив, у него еще умножается имущество, и получающие становятся более богатыми (8).

ДУША

Мы много заботимся о теле, а о душе нисколько. Мы поступаем подобно человеку, который, видя, что дом его обветшал и стены готовы разрушиться, вместо того, чтоб поддержать их, обносит кругом его большую ограду;

или подобно тому, кто, не заботясь об исцелении своего больного тела, готовит для него дорогие одежды; или во время болезни госпожи заботится о рабынях, о их занятии, о сосудах и о прочих домашних принадлежностях, оставив ее страдать и плакать... А душа наша страждет от жестокой болезни, предается гневу, злословию, безрассудным желаниям, тщеславию, возмущению, прилеплена к земле и терзается столь многими зверями, а мы, не заботясь об избавлении ее от страстей, печемся о доме и о рабах. Если откуда-то тайно убежит медведица, то мы запираем дома, прячемся, чтобы не встретиться с ней, а теперь несмотря на то, что не один зверь, но многие, т.е. нечистые помыслы, терзают душу нашу, мы даже и не чувствуем этого... И в душу — это место совета, эти царские чертоги, это судилище — вторгаются звери и производят крик и шум около самого ума и престола царского. От этого все приходит в беспорядок, повсюду возмущение, и внутри и вне нас, так что мы ничем не отличаемся от города, который привели в возмущение нашедшие на него варвары (1).

* * *

Не только телесные, но и душевные раны, будучи оставлены без внимания, причиняют смерть. Между тем мы дошли до такого безумия, что о первых очень заботимся, а этими пренебрегаем. И хотя многие телесные раны часто бывают неизлечимы, однако мы не отчаиваемся и, слыша часто от врачей, что такую-то болезнь невозможно истребить лекарствами, мы настойчиво просим придумать хоть малое какое-либо облегчение, а о душах, в которых нет никакой неизлечимой болезни — так как они не подлежат естественной необходимости, — о них так нерадим и отчаиваемся, как будто болезни их — чужие для нас. Где само свойство болезни должно бы повергать нас в безнадежность, там мы, как имеющие большие надежды, заботимся о здоровье, а где нет ничего, почему бы следовало отчаиваться, там, как отчаявшиеся, отступаем и предаемся беспечности. Настолько-то более мы заботимся о теле, нежели о душе! Поэтому и тела сохранить не можем. Ведь кто нерадит о главном, а всю заботу обращает на низшее, тот разрушает и губит то и другое, а

кто соблюдает порядок, охраняя и сберегая главнейшее, тот, хотя бы не заботился о второстепенном, спасает и это через хранение первого, что и Христос объяснил нам словами: *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28) (2).

* * *

То, что душа существует в нашем теле, мы знаем, а как она существует, этого не знаем. Познание о ней Бог скрыл от нас для того, чтобы сильнее заградить нам уста, удержать нас и заставить оставаться внизу, а не любопытствовать и не исследовать того, что выше нас (2).

* * *

Все идут широким путем, все увлекаются настоящими предметами и нисколько не думают о будущих, непрестанно стремятся к телесным удовольствиям, а ду́ши свои оставляют истощаться голодом и, получая каждый день бесчисленное множество ран, нисколько не чувствуют бедственного состояния, в каком они находятся. В случае телесных болезней ходят к врачам и приглашают их к себе в дом, дают им весьма большие награды, показывают великое терпение и переносят болезненное врачевание, чтобы возвратить здоровье телу, а когда страдает душа, то совершенно не заботятся и не стараются возвратить ей вожделенное здоровье, хотя хорошо знают, что тело смертно и тленно и подобно весенним цветам, — потому что оно, подобно им, увядает, засыхает и предается тлению, — между тем как о душе знают, что она почтена бессмертием и сотворена по образу Божию и что ей вверены бразды управления этим животным [телом]. Подлинно, что возница для колесницы, или кормчий для корабля, или музыкант для музыкального орудия — тем же Создатель поставил душу для этого земного сосуда. Она держит бразды, движет рулем, ударяет в струны, и когда делает это хорошо, что производит согласнейшие звуки добродетели, а когда или слишком ослабляет звуки, или напрягает их больше надлежащего, то нарушает и искусство и благозвучие. Такой-то душой пренебрегают многие из

людей, не удостаивая ее даже и малейшего попечения, а все время своей жизни тратят на заботы о теле (6).

* * *

Как тело ежедневно нуждается в телесной пище, чтобы не впасть в совершенное расслабление и бездеятельность, так и душа требует духовной пищи и наилучшего управления, чтобы, утвердившись в навыке к добру, ей быть наконец неуловимой кознями лукавого. Итак, будем ежедневно исследовать силу ее (души), и не перестанем испытывать самих себя, будем требовать у себя отчета и в том, что в нас входит, и в том, что выходит, — что мы сказали полезного, и какое произнесли слово праздное, а также что полезного ввели в душу через слух и что внесли в нее, могущее повредить ей (8).

* * *

Кто действительно смиряет себя, тот никогда не допустит себя до раздражения, не разгневается на ближнего, потому что душа его смирилась и занята тем, что касается ее самой. Что может быть блаженнее души, настроенной таким образом! Такой (человек) всегда сидит в пристани, безопасной от всякой бури, и наслаждается тишиной мыслей. Поэтому и Христос сказал: *найдете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Но как укротивший эти страсти наслаждается великим спокойствием, так, напротив, ленивый и беспечный, не умеющий надлежащим образом обуздывать рождающиеся в нем страсти, находится в постоянном волнении, ведет домашнюю брань, и хотя нет никого, возмущается и терпит великую бурю. Когда же поднимутся волны и наступит буря злых духов, часто погружается в бездну, потому что корабль его тонет от неопытности кормчего. Поэтому нужно бодрствовать, трезвиться и иметь непрестанное и неусыпное попечение о спасении души (8).

* * *

И создал, сказано, *Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни; и стал человек душою живою* (Быт. 2, 7)... Человеколюбию Божию угодно было этого, созданного из земли, сделать причастным

разумного существа души, через что животное это явилось превосходным и совершенным. *И дунул,* говорит, *в лицо его дыхание жизни*, то есть вдуновение сообщило созданному из земли жизненную силу, и так образовалось существо души. Поэтому (Моисей) и прибавил: *и стал человек душою живою*; созданный из персти*, приняв вдуновение дыхания жизни, *стал душою живою*. Что значит: *душою живою*? Душой действующей, которая имеет члены тела, как орудия своих действий, покорные ее воле. Не знаю, как мы извратили порядок, и зло усилилось до того, что мы заставляем душу следовать пожеланиям плоти, и ту, которая, как госпожа, должна и председательствовать и повелевать, низведя с престола, принуждаем повиноваться прихотям плоти, забывая ее благородство и преимущество (перед плотью). В самом деле, подумай о порядке создания (человека) и размысли, что такое был он прежде вдуновения Господня, которое стало для него дыханием жизни, — *и стал душою живою*? Он был просто истуканом бездушным, бездейственным и ни к чему не годным, так что все столько возвышающее его преимущество состоит в том Божьем в него дуновении. Чтобы ты уразумел это не из того, что совершилось тогда, а из того, что и ныне происходит каждый день, подумай, каким некрасивым и неприятным является это тело по исходе из него души. И что говорю: некрасивым и неприятным? Как оно страшно, зловонно и безобразно, между тем как прежде, когда управляла им душа, было светло, приятно, весьма благообразно, проникнуто было разумом и обладало большой способностью к деланию добрых дел. Размышляя обо всем этом и представляя благородство нашей души, не будем делать ничего, не достойного ее, не будем осквернять ее непристойными делами, порабощая ее плоти и оказываясь столь бесчувственными и несправедливыми в отношении к той, которая имеет такое благородство и удостоена такого преимущества. Через ее существо мы, облеченные плотью, если захотим, можем при содействии Божией благодати, соревновать бестелесным силам и, находясь на земле, жить и действовать как бы на небе и до-

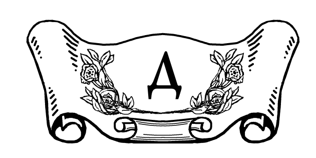
* Персть — земля, прах. *(Примеч. ред.)*

стигнуть не меньшего сравнительно с ними, а может быть, в чем-либо и большего (8).

* * *

Для чего не столько же, как о теле видимом, заботимся и о душе бестелесной и невидимой, тогда как попечение о ней не только удобно и легко, но и не требует издержек и никакого труда? Так, что касается попечений о теле и врачевания болезней телесных, то здесь необходимо тратить много и денег — частью на врачей, частью на все другие потребности, то есть на пищу и одежду, — не говорю уже о том, что очень многие с великой неумеренностью издерживают их и сверх нужды. А по отношению к душе ничего такого не нужно, но если, как телу каждый день доставляешь пищу и тратишь на него деньги, захочешь не попускать и душе гибнуть от голода, а будешь давать ей соответствующую пищу, то есть наставление из Писания и из духовного поучения (*Не хлебом одним,* сказано*, будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4, 4).), — то распорядишься наилучшим образом и окажешь должное внимание к тому, что есть у нас драгоценнейшего. Поэтому как телу ты доставляешь различные одежды, соображаясь с различными временами года и разнообразием одежд, так не попускай и душе ходить нагой, без добрых дел, одень и ее приличной одеждой: через это тотчас восстановишь ее и приведешь опять в естественное состояние здоровья. Что же это за одежда души? Милостыня и щедрость к бедным — вот прекраснейшее одеяние души, вот светлая одежда ее. А если хочешь не только доставить ей одеяние, но и украсить ее, подобно телу, то присоедини пособие, состоящее в молитве и исповедании грехов и не переставай омывать лицо ее непрерывными слезами. Как лицо телесное ты каждодневно омываешь со всем тщанием, чтобы не видно было на нем никакой обезображивающей его нечистоты, так же старайся поступать и с душой: и ее каждый день омывай, проливая горячие слезы. Этой (слезной) водой смывая с себя нечистоту, душа становится все светлее. И так как весьма многие жены, по великой изнеженности пренебрегая заповедь апостольскую, повелевающую не украшать себя ни плетением

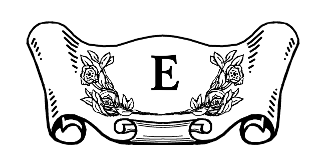
(волос), ни золотом, ни жемчугом, ни многоценной одеждой (см. 1 Тим. 2, 9), украшаются с великой роскошью, да и не одни жены, но и изнеженные мужи доводят себя до слабости жен, надевая на руки перстни и украшаясь множеством дорогих каменьев, чего надлежало бы им стыдиться и краснеть, то пусть и эти, и те, послушав наши слова, обратят лучше эти драгоценности, приносящие много вреда и мужам и женам, на украшение души и ее ими украсят. Надетые на тело, даже красивое, они делают его безобразным; напротив, возложенные на душу, даже безобразную, доставляют ей великую красоту. Но как, скажешь, возможно возложить эти драгоценности на душу? Опять руками бедных. Они, принимая (подаяния), сообщают душе (подающего) красоту. Им отдай свои драгоценности и рассыпь в их утробы, а они доставят такую красоту твоей душе, что ты видом своим привлечешь к себе самого истинного Жениха и приобретешь бесчисленные блага: привлекая к себе Господа этой красотой, будешь иметь источник всех благ и обладать несказанным богатством. Итак, если мы хотим быть любезными Господу, то, оставив попечение об украшении тела, будем каждый день заботиться о красоте души (8).

ЕРЕТИКИ

Итак, не будем сердиться и гневно относиться к ним [еретикам], но будем кротко беседовать с ними, ибо нет ничего сильнее скромности и кротости. Поэтому и Павел повелел тщательно придерживаться этого, сказав: *рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников* (2 Тим. 2, 24). Не сказал: к братьям только, но: *ко всем.* И еще: *кротость ваша да будет известна*, — не сказал: братьям, но — *всем человекам* (Флп. 4, 5). Ибо что пользы, говорит [Господь], *если вы будете любить любящих вас* (Мф. 5, 46) (2).

ЖЕЛАНИЯ

Из пожеланий одни необходимы, другие естественны, а иные ни то, ни другое. Так, все те желания, от неудовлетворения которых гибнет животное, естественны и необходимы, как, например, желание пищи, питья и сна. Вожделение плотское естественно, но не необходимо, так как многие преодолели его и, однако же, не погибли. А желание богатства не естественно, не необходимо, а излишне: если мы захотим, то и не подчинимся ему. Ведь Христос, беседуя о девстве, сказал: *кто может вместить, да вместит* (Мф. 19, 12), а о богатстве говорит не так: *кто не отречется от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 33). Что легко, к тому увещевает, а что превосходит силы многих, то оставляет на произвол... Кто пленен страстью особенно сильной, тот понесет не столь большое наказание, а кто уловлен страстью слабой, тот лишится всякого оправдания. И в самом деле, что мы будем отвечать, когда Господь скажет: вы видели Меня алчущим и не напитали (см.: Мф. 25, 42)? Какое будем иметь оправдание? Сошлемся, конечно, на бедность? Но мы не беднее той вдовицы, которая, положив две лепты, превзошла всех (1).

* * *

[Господь] говорит: *Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 27–28); т.е. кто привык засматриваться на телесную красоту, уловлять прелестные взоры, этим зрелищем питать свою душу и не сводить глаз с миловидных лиц, тот уже *прелюбодействует*. Иисус Христос пришел избавить от злых дел не только тело, но еще более душу. Ибо так как благодать Духа Святого мы принимаем в сердце, то Спаситель его сперва

и очищает. Скажешь, как возможно освободиться от пожелания? Если только захотим, то очень возможно даже умертвить его и сделать недействительным. Притом Иисус запрещает здесь не всякое пожелание, но пожелание, рождающееся в нас от воззрения на женщин. Ибо любящий смотреть на красивые лица преимущественно этим разжигает в себе пламя страсти и душу делает пленницей, а после этого скоро приступает и к совершению пожелания... т.е. сам воспламенит в себе пожелание [тот], кто без всякого принуждения вовлечет этого зверя в спокойное свое сердце, это уже происходит не от природы, но от нерадения.

...Но великий ли грех, скажешь ты, если я посмотрю и пожелаю, но ничего худого не сделаю? Через это-то ты и сравняешься с прелюбодеями. Так определил Законодатель, и ты не должен более любопытствовать. Когда однажды, дважды или трижды посмотришь так, как говоришь, то, быть может, еще в состоянии будешь преодолеть страсть, но если непрестанно будешь это делать и зажжешь пламень, то непременно будешь побежден. Ибо ты не выше природы человеческой (1).

ЖЕНА

Всякий человек обыкновенно гордится перед теми, которые нуждаются в нем, а когда видит не имеющих в нем нужды, тогда умеряет гордость свою и говорит с ними, как с равными. Так и муж, если увидит, что ты ничего не требуешь от него, что ты не дорожишь его подарками, то, хотя бы он был крайне высокомерен, будет уважать тебя гораздо более, нежели видя тебя одетую в золотые одежды, и ты уже не будешь больше его рабой. Ибо в ком мы имеем нужду, тому по необходимости подчиняемся, если же воздержим себя, то будем не подвластны ему, но он поймет, что мы по страху Божию оказываем ему некоторое повиновение, а не за подарки его. Между тем теперь он поступает как оказавший нам великие благодеяния и, какой бы чести ни удостаивался от нас, думает, что еще не вся честь воздана ему, а тогда, если он удостоится хоть малой чести, будет благодарен, не станет упрекать и сам не будет вынужден предаваться любостяжанию для тебя. Что может быть безрассуднее, чем собирать золотые украшения для того, чтобы показывать их?..

Жене мужа богатого мы не столько удивляемся тогда, когда она одета в золотые и шелковые одежды, — это обыкновенно для всех, — сколько тогда, когда она будет одета в одежду простую и неизысканную... Тогда она превзойдет всех, и даже саму жену царскую, ибо она одна при великом богатстве изберет свойственное бедным. Но, скажешь, я не буду нравиться мужу? Не мужу ты хочешь нравиться, а множеству беднейших жен, или лучше сказать, не нравиться, а унижать их и оскорблять и тем увеличивать бедность их... ибо как только ты переступаешь порог спальни, тотчас снимаешь все: и одежды, и золотые украшения, и драгоценные камни, — и дома, конечно, не носишь их. Если же в самом деле ты хочешь нравиться мужу, то можешь нравиться скромностью, кротостью, честностью. И поверь мне, жена, как бы муж твой ни был низок и невоздержан, гораздо более удержит его твоя скромность, честность, простота, бережливость, умеренность. Мужа развратного не удержишь, хоть бы ты придумывала тысячи подобных украшений, это знают те, которые имели таких мужей. И как бы ты ни наряжала себя, твой развратный муж уйдет к другой, а целомудренному и скромному угодишь не этим, но совершенно противным, этим только оскорбишь его, внушив ему подозрение своей привязанностью к нарядам. Если муж по скромности и благоразумию и не скажет этого, то осудит тебя тайно и от огорчения и досады не удержится. Таким образом, не лишаешь ли ты себя всякого удовольствия, возбуждая против себя ненависть?..

Я говорю это... чтобы вы поступали так добровольно для вас самих, а не для них [мужей], не с тем, чтобы их избавить от досады, но чтобы вас отклонить от житейских прихотей. Ты желаешь казаться красивой? И я желаю этого, но только той красотой, которой желает Царь Небесный. Кого ты желаешь иметь любящим тебя — Бога или людей?.. Любящими тебя будут развратные люди, ибо не добрый человек тот, кто любит замужнюю женщину (1).

* * *

У нас жена справедливо подчинена мужу потому, что равночестие могло бы произвести вражду, и потому, что вначале от жены

произошло обольщение. Она подчинена не тотчас по сотворении, когда Бог привел ее к мужу, она не слышала от Бога ничего такого, и муж ничего подобного не выразил ей, а сказал, что она кость от костей его и плоть от плоти его, а о власти же и подчинении ничего не говорил, но когда она злоупотребила своею властью, сделавшись из помощницы обольстительницей, и погубила все, тогда справедливо услышала слова: *к мужу твоему влечение твое* (Быт. 3, 16). Так как этот грех мог возбудить вражду в нашем роде, ибо после такого события не послужило бы к миру то, что жена произошла от мужа, напротив, то самое, что, произойдя от него, она не пощадила собственного члена, еще более раздражало бы мужа, — то Бог, видя злобу диавола, оградил их этим словом как бы стеной, уничтожил таким определением вражду, которая должна была произойти после обольщения, поставив как бы оплот против естественной страсти — происходящего от греха злопамятства... Следовательно, власть мужа над женой естественна. И прежние жены называли мужей своих господами и уступали им первенство... Постарайся со всяким благоразумием исполнять свои обязанности в отношении к мужу. И мужу твоему, когда увещеваю его любить и уважать тебя, я не дозволяю указывать на заповедь, данную жене, а требую от него исполнения предписанного ему. Потому и ты старайся исполнять свои обязанности и оказывай покорность своему мужу. Если хочешь повиноваться мужу для Бога, то не представляй мне его обязанностей, но тщательно исполняй те, которые Законодатель возложил на тебя. В том особенно и состоит повиновение Богу, чтобы не нарушать закона даже в том случае, если сама ты терпишь противное. Кто любит любящего его, тот не делает ничего важного, а кто любит ненавидящего его, тот преимущественно достоин венцов. Так размышляй и ты, если будешь сносить жестокость мужа, то получишь светлый венец, а если имеешь тихого и кроткого, то за что Бог будет награждать тебя? Говорю это не для того, чтобы подать мужьям повод к жестокостям, но чтобы убедить жен сносить и жестоких мужей... Так, когда жена бывает готова сносить гневливого мужа, тогда и муж не станет оскорблять гневливой жены, тогда во

всем будет у них мир, подобный пристани, не возмущаемой волнами. Так и было у древних: каждый исполнял свое, не указывая на обязанности ближнего. Смотри: Авраам... велел жене идти в дальний путь, и она не воспротивилась этому, но повиновалась. Потом, после многочисленных бедствий, усилий и трудов, сделавшись господином всего, он уступил первенство Лоту, и Сарра не только не огорчилась этим, но даже не открыла уст и не сказала ничего такого, что многие жены говорят ныне, когда видят, что мужья их при подобных разделах получают меньше других, особенно низших себя; порицают их, называют и глупыми, и несмысленными, и робкими, и беспечными, и ленивыми. Она же не сказала и не подумала ничего такого, но осталась довольна всем, что он сделал... Затем, оставаясь неплодной, она не скорбит и не плачет, подобно другим таким женам, но проливает слезы он, — впрочем, не перед женой, а перед Богом. И затем, что оба они соблюдают должное, он не презирает Сарры за ее неплодство и не укоряет ее, и она со своей стороны старается найти для него некоторое утешение в бесчадии посредством рабыни... ныне это не дозволяется, а тогда не запрещалось. Поэтому, когда жена предложила это, он послушался и поступил так из угождения ей. А посмотри, скажешь, как он потом по ее же требованию изгнал служанку. Но этим я и хочу доказать, что как он во всем слушался ее, так и она его...

Поэтому ты, жена, не ожидай доброты от мужа, чтобы после того показать и свою: в этом не будет ничего важного. И ты, муж, не ожидай благонравия от жены, чтобы после того и самому быть любомудрым: это уже не будет подвигом, но каждый, как я сказал, пусть первый исполняет свои обязанности. Ибо если и посторонним, ударяющим по одной ланите, нужно обращать другую, то тем более до́лжно сносить жестокость мужа. Говорю это не для того, чтобы муж бил жену, — нет, это крайнее унижение не для той, которую бьют, а для того, кто бьет, — но если по каким-нибудь обстоятельствам ты, жена, сочеталась с таким мужем, то не предавайся скорби, представляя ожидающую тебя за это награду и добрую славу еще в настоящей жизни (1).

* * *

Жена благочестивая и разумная, скорее всего может образовать мужа и настроить его душу по своему желанию. Ибо ни друзей, ни учителей, ни начальников не послушает он так, как свою супругу, когда она увещевает и дает советы. Это увещание доставляет ему и некоторое удовольствие, потому что он очень любит эту советницу. И я мог бы указать на многих суровых и неукротимых мужей, которые смягчены таким образом. Ибо жена участвует с мужем и в трапезе, и в ложе, и в рождении детей, и в делах явных и тайных... она во всем ему предана и соединена с ним так, как тело соединено с головой. И если она будет разумна и рачительна, то всех других превзойдет и победит в попечении о своем супруге.

Поэтому убеждаю вас, жены, считайте это обязанностью и давайте мужьям надлежащие советы. Женщина имеет великую силу как для добродетели, так и для порока. Она погубила Авессалома, она погубила Амнона, она намеревалась погубить Иова, но она же избавила Навала от смерти, она спасла целый народ. Так, Деввора и Юдифь выказали доблести мужей-военачальников. Таковы же были и многие другие жены. Поэтому и Павел говорит: *почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа* (1 Кор. 7, 16)? И мы знаем, что в те времена Персида, Мариам и Прискилла приняли на себя подвиги апостольские. Этим-то женам и вы должны ревностно подражать и не словами только, но и делами наставлять своего супруга. Как же мы можем учить его делами? Ты научишь его, когда он увидит, что ты не злонравна, не роскошна, не любишь украшений, не требуешь излишних денежных доходов, но довольствуешься тем, что есть, потому что в этом случае он непременно послушает и твоих советов. Если же ты на словах будешь любомудрствовать, а на деле станешь поступать напротив, то он обвинит тебя в великом пустословии. А когда вместе со словами ты представишь ему наставление и делами, тогда он и похвалит тебя и скорее послушает. Так будет, например, когда ты не станешь искать ни золота, ни жемчуга, ни драгоценных одежд, но вместо этого будешь искать скромности, целомудрия, любезности и, поступая так сама,

будешь требовать того же и от него. Если же надо что-нибудь делать для угождения мужу, то нужно душу украшать, а не тело наряжать и погублять. Не столько золото, которым ты украшаешься, сделает тебя любезной и приятной для него, сколько целомудрие и ласковость к нему, и готовность умереть за своего супруга. Это по преимуществу пленяет мужей... То украшение [внешнее] неприятно мужу, потому что приводит в стесненное положение его имение и требует больших издержек и забот, а это, о котором сказано выше, привяжет мужа к жене. Ибо ласковость, дружба и любовь ни забот не приносят, ни издержек не требуют, но доставляют все противоположное. Притом тот наряд от привычки делается приторным, а украшение души цветет каждый день и возжигает сильнейший пламень любви. Итак, если хочешь нравиться мужу, украшай душу целомудрием, благочестием, попечением о доме. Эта красота и более пленяет, и никогда не прекращается. Ни старость не разрушает этой красоты, ни болезнь не уничтожает. Красоту телесную и время продолжительное разрушает, и болезнь истребляет, и губит многое другое, а что украшает душу, то выше всего этого. Кроме того, та красота и зависть возбуждает, и ревность разжигает, а эта чиста от такой болезни и свободна от всякого тщеславия. Таким образом, и в доме все будет идти лучше, и доходы будут изобильнее, когда золото не будет лежать вокруг твоего тела, не будет связывать твоих рук, но будет употребляться на необходимые нужды, как, например, на содержание слуг, на необходимое попечение о детях и на другие действительные потребности. Но если ты будешь поступать не так, если тело будет украшено золотом, а необходимые нужды будут со всех сторон перед глазами и стеснять сердце, то какая тебе прибыль? Какая польза? Печаль сердца не позволяет замечать того, чем обыкновенно пленяются глаза... Если бы кто увидел женщину, даже лучше всех украшенную, он не может находить в этом удовольствия, когда у него душа болезнует. Ибо кто хочет находить удовольствие, тому наперед нужно быть веселым и иметь расположение к радости. Между тем если золото все растрачено на украшение женина тела, а в доме обитает скудость,

то для супруга нет никакого удовольствия. Итак, если желаете нравиться мужьям, приводите их в приятное расположение духа, а приведет их в это расположение, когда отвергнете наряды и украшения. Все это, по-видимому, имеет для него некоторую приятность во время брачного торжества, но в последствии, с течением времени, теряет свою цену... Или ты хочешь нравиться лицам посторонним и от них получать похвалы (1)?

* * *

Апостол Павел говорит, что жена *спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием* (1 Тим. 2, 15). Он говорит о воспитании, что отцы и матери могут пожать плоды добродетели своих детей, когда хорошо воспитают их. В том немалая, но весьма великая будет состоять для них награда, что они воспитали ратоборцев Христу. Впрочем, каким образом спасется жена, если она сама будет бесчестна и исполнена бесчисленных пороков? Неужели воспитание детей принесет ей какую-либо пользу? Не будет ли вероятным, что она воспитает их подобными себе? О добродетельной матери говорит он это, а не о всякой, что она получит великую награду и воздаяние (1).

* * *

Что домашние бедствия суть плоды грехов и что исполнителями наказания грешнику Бог назначает домашних его, об этом свидетельствует Божественное Писание, которого нет ничего достовернее. С тобой ведет войну жена, при входе твоем встречает тебя, как дикий зверь, изощряет язык свой, как меч? Прискорбно, что помощница сделалась противницей, но исследуй самого себя, не замышлял ли ты в юности чего-нибудь против какой-нибудь женщины, и вот оскорбление женщины отмщается женщиной и чужую рану врачует собственная жена твоя. Хотя сама действующая не знает этого, но знает врач — Бог. Он действует на тебя ею, как железом, и как железо не знает того, что делает, но врач знает совершаемое железом врачевание, так и здесь, хотя жена поражающая и муж поражаемый не знают причины поражения, но Бог, как врач, знает, что полезно.

А что злая жена есть бич за грехи, об этом свидетельствует Божественное Писание: оно говорит, что злая жена дается грешному мужу (см.: Сир. 26, 3). Она дается ему, как горькое лекарство, истребляющее греховные соки (1).

* * *

Не будем искать брачного союза с богатыми, чтобы множество богатства не породило в жене высокомерия, чтобы высокомерие не было причиной развращения. Не видишь ли, что сотворил Бог, как он подчинил жену мужу?.. Надо искать не богатой жены, а того, чтобы иметь в ней сообщницу жизни для рождения детей. Не для того Бог даровал человеку жену, чтобы она принесла деньги, но чтобы была ему помощницей. Жена, приносящая деньги, бывает коварна, становится госпожой вместо жены (1).

* * *

Так, если кто имеет жену неверующую... то не принуждается прогонять ее. *Если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее* (1 Кор. 7, 12), а если — распутную и прелюбодейку, то ему не возбраняется прогнать ее: *кто разводится,* говорит Иисус Христос, *с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать* (Мф. 5, 32). Следовательно, за любодеяние можно отпускать жену. Видишь человеколюбие и попечительность Божию? Если, говорит, жена твоя неверующая, не прогоняй, а если прелюбодейка, то не возбраняю сделать это. Если она, говорит, оскорбит Меня, не прогоняй, а если обесчестит тебя, никто не мешает прогнать. Такой-то Бог удостоил нас чести, а мы неужели не почтим Его и столько же [сколько Он почтил нас], но дозволим своим женам оскорблять Его, зная притом, что нас постигнет величайшее мучение и казнь, если пренебрежем спасением жен? Для того-то Он и сделал тебя главой жены, для того-то и Павел повелел: *если же они* [жены] *хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих* (1 Кор. 14. 35), чтобы ты, как учитель, попечитель, предстоятель, возбуждал ее к благочестию. А вы, когда время собрания призывает в церковь, не

пробуждаете [жен] от беспечности (2).

* * *

Поэтому и теперь я буду беседовать с вами о том же предмете, чтобы желающие вступить в брак приступали к этому делу с великой осмотрительностью. Если мы, намереваясь купить дом или рабов, исследуем и разведываем и о продавцах, и о прежних владельцах, так и касательно самих продаваемых — об устройстве одних, о телесном состоянии и душевном настроении других, — то гораздо больше намеревающимся выбрать жен до́лжно иметь такую же и еще большую осмотрительность. Ведь худой дом можно опять продать, и раба, оказавшегося негодным, можно опять отдать продавшему, а взявшему жену нельзя опять отдать ее давшим, но совершенно необходимо иметь ее при себе до конца или, отвергнув ее за пороки, сделаться виновным в прелюбодеянии по законам Божиим. Итак, когда ты намереваешься взять жену, то прочитай не внешние только законы, но еще прежде них законы, находящиеся у нас, потому что по этим, а не по тем будет судить тебя Бог... Поэтому увещеваю и советую тем, которые намереваются взять жен, обратиться к блаженному Павлу, прочитать написанные им законы о браках и, узнав наперед, что повелевает он делать, когда случится жена злобная, коварная, преданная пьянству, злословная, безумная или имеющая какой-нибудь другой подобный недостаток, потом и рассуждать о браке. Если ты увидишь, что он предоставляет тебе власть отвергать одну жену, когда найдешь в ней один из этих недостатков, и брать другую, то благодушествуй, избавившись от всякой опасности; а если он не позволяет этого, не повелевает жену, имеющую все прочие недостатки, кроме прелюбодеяния, любить и держать в своем доме, то охрани себя так, чтобы быть готовым переносить всю злобу жены. Если же это тяжело и трудно, то сделай все и прими все меры, чтобы взять жену добрую, благонравную и послушную. Зная, что должно быть одно из двух: или, взяв дурную жену, переносить ее злобу, или, не желая этого и отвергнув ее, быть виновным в прелюбодеянии. *Кто разводится с женою своею,* говорит

Господь, *кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует* (Мф. 5, 32). Обсудив это хорошо прежде брака и узнав эти законы, будем всячески стараться, чтобы вначале брать жену с добрым настроением и соответствующую нашим нравам; взяв такую, мы получим не только ту пользу, что никогда не отвергнем ее, но и будем любить ее с великой силой — так, как повелел Павел. Он, сказав: *мужья, любите своих жен,* не остановился только на этом, но показал нам и меру любви: *как и Христос возлюбил Церковь* (Еф. 5, 25). А как, скажи мне, Христос возлюбил Церковь? Так, что предал Себя за нее. Поэтому, хотя бы надлежало умереть за жену, не отказывайся. Если Господь так возлюбил рабу, что предал за нее Себя самого, то тем более тебе должно так любить подобную тебе рабу...

Как в телах наших, когда случится болезнь, мы не отсекаем члена, но истребляем болезнь, так будем поступать и с женой. Если будет в ней какой-нибудь порок, то не жену отвергай, но истребляй этот порок. Жену можно исправить, а поврежденный член часто невозможно излечить; и однако мы, зная, что повреждение его неисцельно, несмотря на то не отсекаем его. Часто многие, имея кривую голень, хромую ногу, сухую омертвевшую руку или ослепший глаз, ни глаза не вырывают, ни ноги не отсекают, ни руки не отрезают, но, видя, что для тела нет от них никакой пользы, а, напротив, причиняется великое безобразие для прочих членов, продолжают иметь их по связи с прочими членами. Поэтому не безрассудно ли: там, где исправление невозможно и пользы нет никакой, оказывать такую попечительность, а где добрые надежды и удобное исправление, там не употреблять врачевания? Поврежденное от природы восстановить невозможно, а волю развращенную исправить можно. Если же скажешь, что жена твоя больна неисцельно и, несмотря на великую попечительность твою, не оставляет своего нрава, и тогда не должно отвергать ее, потому что и член больной неисцельно не отсекается. А она — член твой: *будут,* сказал Господь, *два одна плоть* (Быт. 2, 24). Притом от попечения о члене нам не будет ника-

кой пользы, если он останется больным неисцельно, а за жену, если она остается неисцельно больной, предстоит нам великая награда за то, что мы учим, руководим ее. Хотя бы она не получила никакой пользы от нашего наставления, мы получим от Бога великую награду за терпение, за то, что по страху перед Ним мы оказывали такое терпение, кротко переносили злобу ее и держали ее, как член свой. Жена — необходимый член наш, и потому особенно должно любить ее. Этому научая, и Павел говорил: *так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и* Христос *Церковь, потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 28-30) (6).

* * *

Так как наша жизнь состоит из дел двоякого рода, общественных и частных, то Бог, отделив одни от других, предоставил жене попечение о доме, а мужьям — все дела гражданские, дела на площади, судебные, совещательные, военные и все прочие. Жена не может ни бросать копье, ни пускать стрелу, но может взять прялку, ткать по основе и все прочие домашние дела хорошо исправлять. Она не может подавать мнение в совете, но может подавать мнение дома, и часто те из домашних дел, о которых рассуждает муж, она понимает лучше его. Она не может хорошо исправлять общественные дела, но может хорошо воспитывать детей, а это — главное из приобретений, может замечать худые дела служанок, доставлять все прочие удобства супругу и освобождать его от всякой подобной заботы в доме: о сокровищах, о шерстяных изделиях, о приготовлении обеда, о благообразии одежд, — заботясь обо всем таком, за что приниматься мужу и неприлично, и неудобно, хотя бы он употреблял много усилий. Подлинно, и то — дело промышления и премудрости Божией, что полезный в важнейших делах бывает несведущим и бесполезным в менее важных, чтобы необходимо было и занятие жены. Если бы Он создал мужа способным к тому и другому, то женский пол был бы в презрении, с другой стороны, если бы жене предоставил

большее и полезнейшее, то жены стали бы надмеваться великой гордостью. Поэтому Он и не дал того и другого одному, чтобы другой пол не был унижен и не казался лишним, и не предоставил того и другого обоим равно, чтобы опять от равенства не произошло какой-нибудь борьбы и состязания, когда жены стали бы домогаться одинаковой чести с мужьями, но, промышляя о мире и вместе соблюдая свойственное каждому достоинство, Он разделил нашу жизнь на две части так, что необходимейшее и полезнейшее предоставил мужу, а меньшее и низшее — жене (6).

ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ

Ныне живем мы в этом мире, как дитя в утробе, терпя стеснение и не будучи в состоянии видеть блеск и свободу грядущего века; когда же наступит время рождения и настоящая жизнь всех воспринятых ею людей изведет на день суда, тогда недоношенные существа из мрака перейдут в мрак и из скорби в тягчайшую скорбь, а совершенные и сохранившие черты царского образа предстанут Царю и вступят в то служение, которым служат Богу всех Ангелы и Архангелы (2).

* * *

Что в мире представляется тебе всего блаженнее и вожделеннее? Конечно, скажешь ты, власть, богатство, слава у людей. Но что жальче этого, если сравнить со свободой христиан? Властитель находится в зависимости от ярости народной и бессмысленных прихотей толпы, также страха со стороны сильнейших властителей и забот о подчиненных. Притом, вчера он властитель, а сегодня простолюдин, так как настоящая жизнь нисколько не отличается от сцены. Как здесь один исполняет роль царя, другой — полководца, иной — воина, а по наступлении вечера — и царь не царь, и властитель не властитель, и полководец не полководец, так и в тот день не по лицу, а по делам каждый получит достойное воздаяние. Но разве драгоценна слава, которая пропадает, как цвет травный? Так же и богатство, которого владельцы называются жалкими (2).

* * *

Вся настоящая жизнь поистине есть время плача и слез. Такое несчастье постигло всю вселенную, такие бедствия объяли всех людей, что если кто-то захочет распознать их в точности, если только возможна такая точность, то не перестанет скорбеть и плакать: так все извратилось и расстроилось, а добродетели и следа нет нигде! А еще тяжелее то, что мы и сами не чувствуем и другим не даем чувствовать постигших нас бедствий, но стали похожи на человека, тело которого извне цветет, а внутри разрушается сильным огнем. И по этой бесчувственности мы нисколько не отличаемся от умалишенных, которые без опасения и говорят и делают много опасного и непристойного, и не только не стыдятся, но еще хвалятся этим и считают себя здоровее здоровых. Так и мы, делая все, свойственное больным, не знаем и того, что мы больны. Между тем, если в теле нашем случится хоть малая болезнь, мы и приглашаем врачей, и тратим деньги, и обнаруживаем терпение, и не перестаем делать все, пока не прекратим болезнь, а о душе, которая плотскими страстями ежедневно поражается, терзается, сжигается, низвергается в пропасть и всячески губится, нисколько не заботимся. Причина же этого то, что болезнь объяла всех. Поэтому как больные телом, если не случится быть при них кому-либо из здоровых, беспрепятственно могут все подвергнуться крайней опасности оттого, что некому отклонить их от безрассудных желаний, так и у нас, оттого что нет никого совершенно здорового в вере, но все больны, — одни больше, другие меньше, — никто не в состоянии пособить лежащим. Так, если бы кто со стороны пришел к нам и хорошо узнал и заповеди Христовы, и расстройство нашей жизни, то не знаю, каких бы еще мог он представить себе других врагов Христа хуже нас, потому что мы идем такой дорогой, как будто решились идти против заповедей Его (2).

* * *

Кто прельщается настоящим, тот никогда не удостоится созерцать будущее, а кто пренебрегает здешним и считает его не лучше тени и сновидения, тот скоро получит великие и духовные

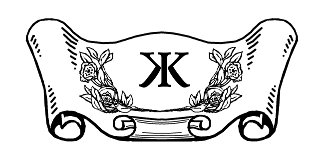
блага... Душа, не приучившаяся пренебрегать маловажным и житейским, не в состоянии будет созерцать небесное, равно как и созерцающая последнее не может не посмеиваться первому (2).

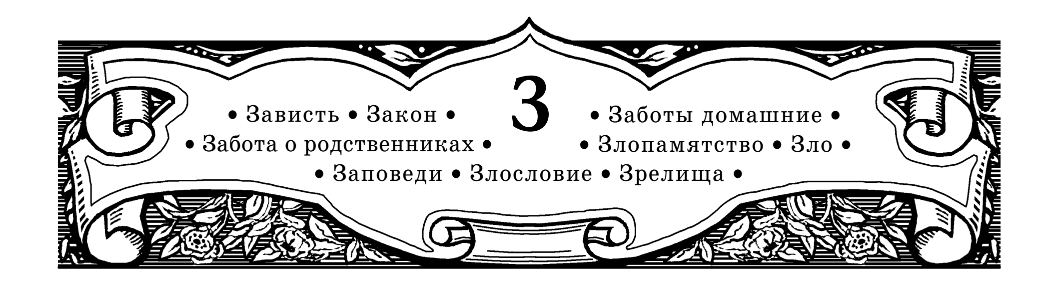
* * *

Бог создал два века, один настоящий, другой будущий, один чувственный, другой духовный, один доставляющий телесное успокоение, другой — не телесное, один на опыте, другой в надеждах, одному повелел быть поприщем, другому — местом награды, первому в удел назначил борьбу, труды и подвиги, другому — венцы, награды и воздаяния, один сделал морем, другой пристанью, один — кратким, другой — нестареющим и бесконечным (6).

* * *

Все в этой жизни — и радостное, и печальное — есть только путь, и то и другое одинаково проходит, ничего нет в ней твердого и постоянного, но, подобно всему в природе, и радости ее и горе являются и исчезают. Как странники или путешественники, идут ли луговой поляной или дикими пропастями, ни там не закрепляют себе навек радости, ни отсюда не выносят на всю жизнь печали, потому что они странники, а не местные жители, они только проходят через то и через другое и стремятся к своему отечеству, — так прошу и вас ни светлой стороной настоящей жизни не увлекаться, ни в горестях ее не погружаться с головой, а смотреть всегда на то только, каким бы образом с полным дерзновением явиться в общее всем нам отечество (7).

ЗАБОТА О РОДСТВЕННИКАХ

Блаженный Павел... говорит: *если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры* (1 Тим. 5, 8). Промышление [попечение] разумеется всякое: и о душе, и о теле, ибо последнее есть тоже промышление. Тот, кто не печется о своих, *особенно о домашних*, то есть принадлежащих к его роду, *хуже неверного* (1 Тм. 5, 8). Это говорит и Исаия, глава пророков: *от единокровного твоего не укрывайся* (Ис. 58, 7). Каким образом может быть милостивым к посторонним тот, кто презирает людей одного с собой рода и свойственников своих? Разве не называют все тщеславием то, когда кто-то, благодетельствуя чужим, презирает и не щадит своих? Или, с другой стороны, если, наставляя первых, он оставляет в заблуждении последних, несмотря на то что благотворить последним было бы для него и удобнее и справедливее? Без сомнения. Ибо разве не скажут тогда, что можно ли назвать милостивыми христиан, когда презирают они своих. И неверного такой, говорит апостол, *горший есть*. Почему? Потому что этот последний, если презирает чужих, то по крайней мере не презирает близких себе. Сказанное апостолом имеет такой смысл: кто нерадит о своих, тот нарушает и закон Божий, и закон природы. Если же непекущийся о присных отказался от веры и стал хуже неверного, то куда должен быть отнесен и где займет место тот, кто обижает присных* своих? Но каким образом он отказался от веры? *Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются* (Тит. 1, 16). Между тем что заповедует Бог, в которого веруют? Не презирать тех, которые связаны с нами племенным родством. Каким же образом может веровать отрицающий это? Подумаем, сколько нас таких, которые,

* Присный — всегдашный, вечный, сущий. *(Примеч. ред.)*

сберегая деньги, презирают ближних. Бог для того и учредил родственные связи, чтобы мы имели больше случаев благотворить друг другу (1).

ЗАБОТЫ ДОМАШНИЕ

Хочешь, я изображу домашние заботы: о жене, о детях, о слугах? Худо взять бедную жену, худо и богатую: первое вредит имуществу, а последнее — власти и свободе мужа. Прискорбно иметь детей, а еще прискорбнее — не иметь: если последнее, то напрасно было жениться, а если первое, то подвергнешься горькой неволе. Заболело дитя — страх немалый, умерло преждевременно — плач неутешный, и во всяком возрасте о них различные заботы, и страхи, и многие труды. Нужно ли говорить о неисправности слуг (2)?

ЗАВИСТЬ

Лукавый демон и враг рода нашего, как увидел, что первозданный [человек] проводит в раю безболезненную жизнь и, обличенный плотью, живет на земле, как Ангел, решил соблазнить и увлечь его к падению обещанием еще больших благ, а таким образом лишил его и того, чем он уже обладал. Вот что значит не оставаться в своих пределах, но искать бо́льшего. На это-то указывая, премудрый и сказал: *завистью диавола вошла в мир смерть* (Прем. 2, 24).

* * *

Нет зла хуже зависти! Завистливый мучит и терзает себя прежде того, кому завидует, и никогда не оставляет своего греха, но всегда остается в нем... Завистливый радуется злу ближнего. Когда случится с ближним что-либо неприятное, тогда он покоен и весел, почитая чужие несчастья своим счастьем, а благополучие других своим злополучием, и ищет не того, что ему могло бы быть приятно, но того, что ближнего может опечалить. Такие люди не достойны ли того, чтобы побить их камнями и замучить, как бешеных собак, как злобных демонов, как фурий? Как жуки питаются навозом, так и они, будучи некоторым образом общими врагами и противниками природы, находят для себя пищу в несчастьях других. Другие жалеют и бессловесных закалаемых, а ты

неистовствуешь, дрожишь и бледнеешь, видя человека благополучным. Есть ли что хуже этого бешенства! Блудники и мытари (уверовав в Спасителя) могли войти в Царствие Божие, а завистники, находившиеся внутри его, выгнаны... Первые, освободившись от своего зла получили то, чего никогда и не ожидали, последние лишились и тех благ, какие имели. Да и совершенно справедливо. Ибо зависть человека превращает в диавола и делает его лютым демоном. От нее произошло первое убийство, от нее презрена природа, от нее осквернена земля. От нее после разверзшейся землей поглощены живые Дафан, Корей и Авирон и погиб весь тот народ. Но, может быть, кто-нибудь скажет: легко порицать зависть. Надо сказать, как избавиться от этой болезни, как же мы можем освободиться от этого порока? Когда помыслим, что входить в Царствие Небесное не позволено как блуднику, так и завистнику, и притом гораздо более последнему, нежели первому. А ныне зависть не считают и пороком, потому и не заботятся избавиться от нее. Но если откроется, что она зло, то скорее оставим ее. Итак, плачь и стенай, рыдай и моли Бога, знай, что ты в тяжком грехе, и покайся. Если так поступишь, то вскоре исцелишься от недуга. Кто же не знает, скажет иной, что зависть есть порок? Правда, всякий знает это, но не всякий эту страсть ставит наряду с блудом и прелюбодеянием. Осуждал ли кто себя когда-нибудь за то, что предавался жестокой зависти, умолял ли когда Бога, чтобы Он помиловал за этот недуг? Никто никогда. Напротив, обладающий гнуснейшей из всех страстью если постился и дал нищему мелкую монету, то думает, что он ничего худого не сделал, хотя бы тысячекратно завидовал. От чего сделался таким преступником Каин, от чего Исав, от чего дети Лавановы, от чего сыны Иакова, от чего Корей, Дафан и Авирон с соумышленниками, от чего Мариам, от чего Аарон, от чего сам диавол?

Вместе с тем представь и то, что ты не тому наносишь вред, кому завидуешь, но себя поражаешь мечом. Ибо какое зло причинил Авелю Каин? Ускорил ему против воли вход в Царствие, а себя подверг бесчисленным бедствиям. Какой вред нанес

Иакову Исав? Тот не обогатился ли и не наслаждался ли бесчисленными благами, а этот после злоумышления своего не принужден ли выйти из дома родительского и скитаться в стране чужой? Что худого сделали Иосифу сыновья Иакова, хотя едва не пролили крови? Не претерпели ли они голода и не были в крайнем бедствии тогда, как он сделался царем всего Египта? Чем более завидуешь, тем большие блага доставляешь тому, кому завидуешь. Ибо Бог за всем смотрит и когда видит обиженным необижающего, то его более возвышает и прославляет, а тебя наказывает. Если Он не оставляет без наказания тех, кто радуется несчастью своих врагов, ибо сказано: *не радуйся, когда упадет враг твой, и да не веселится сердце твое, когда он споткнется. Иначе увидит Господь, и неугодно будет это в очах Его* (Притч. 24, 17); то тем более не оставит без наказания завидующих не причинившим им никакого вреда. Итак, отсечем от себя зверя многоглавого, ибо много видов зависти. Если любящий любящего его не имеет никакого преимущества перед мытарем, то где станет ненавидящий ничем не обидевшего его (1)?

* * *

Ничто так не разделяет и не расторгает тела Церкви, как ненависть и зависть, эта тяжкая болезнь, недостойная прощения и в некотором отношении худшая самого корня зол. Сребролюбец радуется тогда, когда сам получает, а завистливый радуется не тогда, когда сам получает, а когда не получает другой, считает благополучием для себя не собственное благоденствие, а несчастье других, есть как бы общий враг человеческой природы и мучитель Христовых членов. Что же может быть безумнее? Бес завидует людям, а отнюдь не другому бесу, а ты, человек, завидуешь человеку, восстаешь против единоплеменного и однородного тебе, чего не делает и бес! Какое будет прощение, какое оправдание, когда ты, видя брата своего благоденствующим, дрожишь и бледнеешь, тогда как надлежало бы хвалиться, радоваться и восхищаться? Если же ты хочешь соревновать ему, я не запрещаю, соревнуй, но так, чтобы тебе сделаться подобным ему в доброй славе, не с тем, чтобы унизить его, но чтобы и тебе достигнуть той же высоты и явить такие же добродетели. Вот доб-

рое соревнование: подражать, а не враждовать, не скорбеть о совершенствах другого, а сокрушаться о собственных недостатках. Но зависть поступает наоборот: не заботясь о своих недостатках, она мучится совершенствами других. Не столько бедный огорчается своей бедностью, сколько завистливый благополучием ближнего — что может быть гнуснее этого? Потому он, как я выше сказал, гнуснее корыстолюбивого. Этот радуется, когда сам получает, а тот веселится, когда другой не получает. Итак, увещеваю вас, оставьте этот злой путь и обратитесь к ревности доброй... Кто ревнует такой ревностью... тот сокрушается не тогда, когда видит другого приобретшим добрую славу, но когда видит собственные недостатки. А завистливый не так, он сокрушается, когда видит преуспеяние другого, и подобно какому-нибудь трутню, повреждающему чужие труды, сам отнюдь не старается встать, а огорчается, когда видит другого стоящим, и употребляет все меры к тому, чтобы низвергнуть и его. Чему же можно уподобить эту страсть? Она, мне кажется, подобна ленивому и утучневшему ослу, который, будучи запряжен вместе с быстрым конем, и сам не хочет встать, и коня тяжестью своего тела старается повергнуть. Так и завистливый нисколько не думает и не старается о том, чтобы восстать от этого глубокого сна, а употребляет все меры к тому, чтобы запнуть и низвергнуть другого, парящего к небу, делаясь верным подражателем диавола. Ибо и диавол, видя человека в раю, старался не себя исправить, а его лишить рая, и после, видя его, пребывающим на небе, и других, стремящихся туда же, он также старается низвергнуть тех, которые спешат туда и таким образом уготовляет себе самому жесточайшую пещь. Так бывает и всегда: кому завидуют, тот, если будет бдителен, еще более прославится, а завидующий навлекает на себя самого больше зол. Так прославился Иосиф; так Аарон священник: козни завидующих произвели то, что Сам Бог раз и два изрек о нем определение свое и прозяб* жезл его; так Иаков достиг великого благоденствия и всего прочего. Так завистники сами себя подвергали бесчисленным

* Прозябать — здесь: расти, прорастать. *(Примеч. ред.)*

бедствиям! Зная все это, будем избегать зависти. И чему, скажи мне, ты завидуешь? Тому ли, что брат твой получил духовное дарование? Но от кого он получил, скажи мне, не от Бога ли? Значит, ты враждуешь против Того, Кто даровал ему... Будем же избегать этой страсти, не станем завидовать, но будем молиться о самих завидующих и употреблять все меры к тому, чтобы истребить в них эту страсть. Не станем поступать подобно тем неразумным, которые, желая наказать других, употребляют к тому все меры и возжигают пламень в самих себе. Напротив, будем проливать слезы и оплакивать их. Они вредят сами себе, нося в себе червя, который непрестанно пожирает их сердце, и открывая источник яда, горчайший всякой желчи (1).

* * *

Если видя, что другой благоденствует, не позавидуешь ему, но за это, как бы за собственное благо, возблагодаришь Бога, сделавшего брата твоего столь славным, то за эту радость ты получишь великую награду. Что может быть, скажи мне, горестнее состояния завистливых людей, которые, имея возможность радоваться и получать возмездие за свою радость, вместо этого предаются скорби о благополучии других и с такой скорбью еще навлекают на себя наказание от Бога и невыносимые мучения (2)?

* * *

Плакать с плачущими не трудно, а радоваться с радующимися не очень легко: мы легче сострадаем находящимся в несчастьях, нежели сорадуемся благоденствующим. Там само свойство несчастья достаточно для того, чтобы подвинуть к состраданию и камень, а здесь, при благосостоянии, зависть и недоброжелательство не дозволяют не очень любомудрому быть участником в удовольствии. Подлинно, как любовь соединяет и связывает разделенное, так зависть разделяет соединенное. Поэтому, прошу, будем стараться сорадоваться благоденствующим, чтобы очистить свою душу от зависти и недоброжелательства, — ничто так не отгоняет эту тяжкую и трудно излечимую болезнь, как сорадование живущим добродетельно. Послушай, как Па-

вел высок в том и другом отношении: *кто изнемогает,* говорит он, *с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся* (2 Кор. 11, 29)? Не сказал: и я не печалюсь, но и я *не изнемогал*, желая словом *изнемогать* представить нам напряженность своей скорби. И еще в другом Послании: *вы стали царствовать без нас,* говорит. *О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать* (1 Кор. 4, 8). И еще: *теперь мы живы, когда вы стоите в Господе* (1 Фес. 3, 8). Смотри, как вожделенно было для него благоденствие братий: он даже не считал себя живущим, если они не спасаются (5).

ЗАКОН

Все, прибегающие [к Спасителю], пользуются даром и спасаются благодатью, а те, которые хотят оправдаться законом, лишаются и благодати. Стараясь спастись собственными силами, они не могут и воспользоваться царским человеколюбием, и привлекают на себя проклятие закона, *ибо делами закона не оправдается никакая плоть* (Гал. 2, 16)... ибо усиливающийся спастись делами закона не имеет никакого общения с благодатью. То же самое разумел Павел, когда говорил: *если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело* (Рим. 11, 6). И опять: *если законом оправдание, то Христос напрасно умер* (Гал. 2, 21). И еще: *вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати* (Гал. 5, 4). Ты умер для закона, сделался мертвым, и уже не находишься под игом и неволей его... Мы говорим это не с тем, чтобы обвинять закон, нет, но чтобы показать преизобильное богатство благодати Христовой. Закон не противоречит Христу, да и как это может быть, когда он дан Им и к Нему руководит нас? Но говорить обо всем этом мы вынуждаемся неуместной ревностью тех, которые пользуются законом не так, как должно. Они-то и оскорбляют закон, когда то́ повелевают отстать от него и приступить ко Христу, то́ снова держатся его. Согласен и я и никогда не буду отрицать, что закон принесет очень много пользы нашему роду, но ты, держась его не вовремя, не даешь обнаружиться его

великой пользе. Как для воспитателя самой великой похвалой бывает то, что воспитанный им юноша уже не имеет нужды в его надзоре для сохранения целомудрия, потому что уже довольно укрепился в этой добродетели, так и для закона величайшей похвалой является то, что мы уже не имеем нужды в его помощи. Ибо этим-то самым мы и обязаны закону, что душа наша сделалась довольно способной к принятию высшего любомудрия. Значит, кто доселе остается при законе и ничего не может видеть больше того, что там написано, тот не получил от него большой пользы, а я, который оставил его и возвысился до высочайших догматов Христовых, могу восхвалять его особенно за то, что он сделал меня способным возвыситься над мелочностью написанного в нем и взойти на высоту учения, преподанного нам Христом. Закон много принес пользы нашей природе, если только приблизил нас ко Христу, а если нет, то повредил еще тем, что, привязав нас к меньшему, лишил большего и доселе держит в бесчисленных греховных ранах (2).

ЗАПОВЕДИ

Скажем о важности заповедей, о том, какой высокий полет Он указал нам, как, выводя почти из пределов природы человеческой, повелел всем переселиться на небо. В самом деле, тогда как закон повелевает *глаз за глаз* (Исх. 21, 24), Он говорит: *кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* (Мф. 5, 39). Не сказал: только перенеси обиду благодушно и с кротостью, но поди еще дальше в любомудрии, будь готов терпеть больше, нежели сколько хочется обидчику. Великостью своего терпения победи дерзкую наглость его, пусть он удивится необычайной кротости твоей и с тем отойдет прочь. И далее говорит: *молитесь за обижающих вас и гонящих вас,* молитесь за врагов ваших, *благотворите ненавидящим вас* (см.: Мф. 5, 44). Предложил совет и о девстве, говоря: *кто может вместить, да вместит* (Мф. 19, 12)... Итак, поскольку Он, придя, предписывал такие заповеди и требовал высокой жизни, то и награды давал соразмерные трудам и даже большие и высшие. Но и эти награды были невидимы,

только в надеждах, в вере и ожидании будущего. Итак, поскольку заповеди трудны и возвышенны, воздаяния и награды — в вере, смотри, что Он делает, как облегчает подвиг, как помогает в борьбе... Во-первых, тем, что Сам исполнил заповеди, а во-вторых, тем, что показал и положил перед глазами награды. Ибо одну часть Его учения составляли заповеди, а другую — награды. Заповедь: *молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. 5, 44), а награда: *да будете сынами Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 45). Опять: *блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5, 11-12). Видишь, одно — заповедь, а другое — награда. Опять: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах* (Мф. 19, 21). Видишь иную заповедь и награду? Одно повелел им делать, а другое сам приготовил, и это было наградой и возмездием. И опять: *всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер* — это заповедь; *получит во сто крат и наследует жизнь вечную* (Мф. 19, 29), — это награда и венец.

Итак, поскольку заповеди были важны, а награды за них невидимы, вот что Он сделал: Сам выполнил их на деле и венцы полагает нам перед глазами. Кому велят идти по непроложенной дороге, тот скорее и охотнее пойдет по ней, если увидит, что кто-нибудь пошел впереди его. Так и в отношении к заповедям: легко следуют им те, которые видят идущих впереди них. Итак, чтобы природе нашей легче было следовать, Он, приняв нашу плоть и природу, таким образом, пошел в ней и выполнил заповеди на деле. Ибо заповедь *кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* Он сам исполнил, когда служитель архиерейский ударил Его по щеке. Он не отомстил ему, но перенес с такой кротостью, что сказал: *если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня* (Ин. 18, 23)?.. Когда Он хотел научит нестяжательности, смотри, как Сам показывает ее на деле, говоря: *лисицы имеют норы и птицы небесные —*

гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову (Мф. 8, 20). Видишь, какая крайняя нестяжательность? Не было у Него ни стола, ни светильника, ни дома, ни стула, ни другого чего такого.

Учил Он благодушно переносить злословие, и показал это на деле. Так, когда называли Его бесноватым и самарянином, Он, хоть и мог погубить и отомстить им за обиду, не сделал, однако же, этого, Он еще оказал им добро и изгнал из них демонов. Сказав: *молитесь за обижающих вас*, Сам исполнил это, когда взошел на крест. Ибо когда Его распяли и пригвоздили, Он, вися на кресте, сказал: *прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34). Говорил же это не потому, чтобы Сам не мог отпустить, но чтобы научить нас молиться за врагов... Он хотел учить, а учащий вводит свое учение не только словами, но и делами своими... Так, Он умыл ноги ученикам не потому, чтобы был меньше их, нет, Он, будучи Бог и Господь, только снизошел до такого смирения. Поэтому и говорил: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29) (1).

* * *

Есть люди, которые... обвиняют Бога и говорят: для чего Он дал людям заповедь, когда знал, что они согрешат? И это — слова диавола и измышления ума нечестивого. Бог, дав заповедь, показал большее попечение [о людях], нежели когда бы Он не дал ее. Это видно из следующего. Положим, что Адам, воля которого была так беспечна, как показали последствия, не получил бы никакой заповеди и продолжал наслаждаться блаженством: к худшему или к лучшему повела бы его беспечность и изнеженность от этих наслаждений? Для всякого очевидно, что он, ничем не озабоченный, дошел бы до крайней степени зла. Если он, еще неуверенный в бессмертии, только с сомнительной надеждой на него, дошел до такой гордости и безумия, что надеялся сделаться богом, хотя и видел, что обещавший ему это ни в каком отношении не заслуживает доверия, то до какого безумия не дошел бы он, если бы несомненно обладал бессмертием? Какого бы не сделал греха? Стал ли бы когда-нибудь повиноваться Богу?.. Если

бы к человеку, не получившему заповеди, диавол приступил с советом отступить от Бога, то легко склонил бы его в этом, потому что кто по получении заповеди презрел Давшего ее, тот, если вовсе ничего не слыхал от Него, скоро позабыл бы даже то, что он находится под властью Господа. Поэтому Бог своей заповедью заранее научил его, что он имеет Господа, Которому во всем должен повиноваться. Но, скажут, какая польза произошла от этого? Если бы даже никакой пользы не было, и это следовало бы ставить в вину не Богу, преподавшему наставление, а человеку, который не внял этому прекрасному внушению. Между тем дарование заповеди не осталось бесполезным и после ее нарушения: и то, что первые люди скрылись, и исповедали грех, и старались сложить вину преступления муж на жену, а жена на змия, — все это показывает, что они убоялись, вострепетали и признали над собой власть Божию. А как полезно было от сатанинской надежды быть богами перейти к такому страху, это понятно для всякого. Тот, кто мечтал о равенстве с Богом, так смирил и уничижил себя, что боится наказания и мучения и признается в грехе своем! Не бессознательно грешить, а скоро замечать и сознавать грех свой есть дело весьма важное, — начало и путь, ведущий к исправлению и перемене к лучшему (2).

* * *

Поскольку заповеди были важны, а награды за исполнение их невидимы, — вот что Он делает: Сам выполняет их на деле и венцы полагает нам перед глазами. Кому велят идти по непробитой дороге, тот скорее и охотнее пойдет по ней, если увидит, что кто-нибудь пошел впереди его. Так и в отношении заповедей, легко следуют те, которые видят идущих впереди их. Итак, чтобы природе нашей легче было следовать, Он, приняв нашу плоть и природу, пошел в ней и выполнил заповеди на деле (6).

ЗЛО

Нет, истинно нет ни одного зла, которое останавливалось бы на одном претерпевающем, а не обращалось и на причиняющего

зло. Так, например, завистливый строит козни другому, но наперед сам вкушает плоды злобы, терзаясь, изнуряясь и подвергаясь всеобщей ненависти. Любостяжательный лишает имущества других, но вместе с тем лишает и себя самого любви, или лучше, заслуживает всеобщее порицание. Хорошая слава гораздо лучше богатства, ее лишиться нелегко, а потерять богатство легко, или лучше сказать, когда его нет, то неимущий не терпит никакого вреда, а когда ее [любви] нет, то человек подвергается осуждению и осмеянию, делается врагом и ненавистным для всех. Также гневливый наперед наказывает себя, терзаясь в себе самом, а потом уже того [терзая], на кого гневается. Подобным образом и злоречивый наперед посрамляет себя самого, а потом уже того, о ком говорит худо, или даже не может сделать с ним и этого, но сам заслуживает название человека дурного и ненавистного, а того делает еще более любимым. Ибо если тот, о ком он говорит худо, не воздает ему тем же, но хвалит и превозносит его, то воздает похвалу не ему, а себе самому (1).

* * *

В нас лежит естественный закон знания добра и зла. Что Бог при самом сотворении человека создал его знающим то и другое, это показывают люди. Так, все мы, когда грешим, стыдимся и подчиненных. Часто господин, идучи к развратной женщине и увидев кого-нибудь из скромных слуг, застыдившись, сходит с этой негодной дороги. Опять, когда другие бранят нас худыми словами, мы называем это обидой и сделавших ее влечем в суд, хотя и сами терпим от этого неприятности. Так знаем мы, что такое порок и что — добродетель... *Что ненавистно тебе самому, того не делай никому* (Тов. 4, 15). Не любишь терпеть обиды? Не обижай другого. Не любишь, чтобы тебе завидовали? И сам не завидуй другому. Не любишь, чтобы тебя обманывали? И сам не обманывай другого (1).

* * *

Никто не соблазняется тем, что такой-то любомудрствует и презирает настоящее, но тем, что такой-то богатеет, роскоше-

ствует, предан корыстолюбию и хищничеству, что он при своей злобе и бесчисленных пороках блистает и благоденствует. На это ропщут и жалуются неверующие в Бога, этим многие соблазняются, тогда как по поводу живущих скромно не только не скажут ни одного такого слова, но и стали бы осуждать самих себя, если бы склонялись роптать на промысел Божий. Если бы все или хотя бы большая часть людей захотели так жить, то никто и не подумал бы о подобных речах и не возникло бы главнейшего из этих зол — исследования о том, откуда зло. Если бы зло не существовало и не обнаруживалось, то кто стал бы отыскивать причину зла и этим изысканием производить бесчисленные ереси? Так и Маркион, и Манес, и Валентин, и большая часть язычников отсюда получили начало. Но если бы все любомудствовали, то не было бы такого изыскания, напротив, если не из чего другого, то из этого наилучшего образа жизни все узнали бы, что мы живем под властью Царя — Бога — и что Он распоряжается и управляет нашими делами по Своей премудрости и разуму, это, конечно, совершается и теперь, но нелегко усматривается вследствие великой мглы, которая распространилась по всей вселенной, а если бы этого не было, то промысел Божий открылся бы перед всеми, как в светлый полдень и в ясную погоду (2).

ЗЛОПАМЯТСТВО

Бог ничего, ничего так не ненавидит и не отвращается, как человека злопамятного и постоянно питающего в душе своей вражду к ближним. Так гибелен этот грех, что отвращает от нас и Божие человеколюбие!.. Господь сказал: *если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14)... Не будем никогда злопамятствовать и питать вражду к тем, кто сделал нам неприятность или другую какую-нибудь обиду, но, представляя себе, какое благодеяние и дерзновение перед Господом они доставляют нам, а больше всего то, что примирение с оскорбившими нас заглаждает наши грехи, поспешим и не замедлим [примириться с врагами] и, размышляя о происходящей от этого пользе, покажем

такое благорасположение к врагам, как если бы они были истинными нашими благодетелями... Итак, содержа это в своих мыслях, будем побеждать привычку [помнить зло] и с благоговейным расположением исполнять заповеди Иисуса Христа (1).

* * *

Не погрешит, кто назовет этот грех [злопамятство] тягчайшим всякого греха: другие грехи все были прощены, а этот не только не мог быть прощен, но возобновил опять и другие грехи, которые были уже изглажены совсем (см.: Мф. 18, 23-35). Таким образом, злопамятство есть двойное зло, потому что никакого не имеет извинения перед Богом, да и другие грехи наши, хоть они и прощены будут, опять возобновляет и ставит против нас. Ничего так не ненавидит и не отвращается Бог, как человека злопамятного и закосневшего в гневе (6).

* * *

Взирай на учителя твоего, блаженного Павла, который... взывает посредством посланий, когда видит одержимых гневом и злопамятством и терзаемых какой-нибудь страстью: *если враг твой голоден, накорми его* (Рим. 12, 20). И как учитель говорит юноше: если сделаешь то и то, тогда одолеешь противника, — так и он прибавляет: *делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья*. Но между тем, как я читаю эту заповедь, представляется вопрос, который, по-видимому, рождается из нее и многим подает повод говорить против Павла, который я и хочу предложить вам сегодня... Павел, говорят, отклоняя от гнева и убеждая быть кроткими и добрыми к ближним, еще более раздражает их и располагает к гневу. В самом деле, в словах: *если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его*, содержится заповедь прекрасная, исполненная любомудрия и полезная как для делающего, так и для получающего это, но следующие затем слова приводят в великое недоумение и, по-видимому, не согласны с мыслью, выраженной в первых. В чем же это? В том, что он говорит: *делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья*. Этими словами, говорят, он причиняет вред и делающему, и получаю-

щему благодеяние, обжигая голову последнего и налагая на нее горящих угольев. В самом деле, может ли быть столько добра от напитания и напоения, сколько зла от наложения кучи угольев? Таким образом и получающему благодеяние, говорят, он делает зло, подвергая его бо́льшему наказанию, а с другой стороны, и оказывающему благодеяние причиняет вред, потому что и последний какую может получить пользу от благодеяния врагам, если будет делать это в надежде навлечь на них наказание? Кто питает и поит врага для того, чтобы собрать горящие уголья на голову его, тот не может быть человеколюбивым и добрым, но бесчеловечен и жесток, — посредством малого благодеяния причиняя невыразимое мучение. Что, в самом деле, может быть жесточе питающего для того, чтобы собрать горящие уголья на голову питаемого? Таково возражение. Теперь надо предложить и разрешение...

Хорошо знал этот великий и доблестный муж, что тяжелое и трудное дело — скоро примириться с врагом, тяжелое и трудное не по своему свойству, но по нашему нерадению. Притом он заповедал не только примириться, но и напитать, что гораздо тяжелее первого: если некоторые, только видя своих оскорбителей, ожесточаются, то как они решились бы напитать их алчущих? Но что я говорю: видя? Если кто-то напомнит о них и произнесет одно только имя их, то растравляет рану в душе нашей и усиливает раздражение. Поэтому-то Павел, зная все это и желая неудобоисполнимое и трудное сделать удобным и легким, расположить того, кто не хочет даже видеть своего врага, сделать его благодетелем, прибавил *горящие уголья*, чтобы он, побуждаясь надеждой наказания, решился на благодеяние оскорбившему его. Как рыбак, закрыв уду со всех сторон приманкой, бросает ее рыбам, чтобы они, прибегая к обычной пище, удобнее были пойманы и удержаны, так точно и Павел, желая расположить обиженного делать благодеяние обидевшему, предлагает не пустую уду любомудрия, но, закрыв ее горячими угольями, как бы некоторой приманкой, надеждой наказания склоняет оскорбленного к благодеянию оскорбителю. А когда тот уже склонился, то удерживает его и не допускает удалиться.

Так как само свойство дела привязывает его к врагу и как бы так говорит ему: если ты не желаешь по благочестию напитать обидчика, то напитай по крайней мере в надежде наказания. Он знает, что если тот приступит к такому благодеянию, то будет начат и продолжится путь к примирению. Никто, ведь никто не может иметь врагом того, которого он питает и поит, хотя бы вначале он и делал это в надежде наказания. Время в своем течении ослабляет и силу гнева. И как если бы рыбак пустую уду бросил, не поймал бы рыбы, но, закрыв ее, незаметным образом внедряет уду в уста приближающегося животного, так и Павел, если бы не предложил надежду наказания, не убедил бы обиженных приступить к благодеянию обидевшим. Поэтому, желая тех самых, которые уклоняются, негодуют и раздражаются при одном взгляде на врагов склонить к величайшим благодеяниям для них, он предложил *горящие уголья* — не для того, чтобы подвергнуть тех неизбежному наказанию, но чтобы, убедив обиженных надеждой наказания, оказывать благодеяния врагам, убедить их с течением времени оставить и весь своей гнев.

Так он утишил оскорбленного. Посмотри же, как он примиряет и оскорбившего с обиженным. Во-первых, самим способом благодеяния, потому что никто не может быть так низок и бесчувствен, чтобы, получая питье и пищу, не захотел быть рабом и другом того, кто делает это для него, а во-вторых, — страхом наказания. С виду только к питающему обращает он слова: *делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья*, — но преимущественно они направлены против оскорбителя, чтобы по страху наказания он не остался навсегда врагом, но зная, что пища и питье весьма много могут повредить ему, если он останется постоянно при своей вражде, прекратил бы гнев. Таким образом, он в состоянии будет погасить горящие уголья. Так наказание и предстоящее мучение располагают оскорбленного благотворить оскорбившему и оскорбителя устрашают, исправляют и заставляют примириться с тем, кто питает и поит его. Следовательно, двойными узами он соединяет обоих их между собой, — узами благодеяния и наказания. Трудно начать и сделать приступ к примирению, а когда он сделан каким бы то

ни было образом, тогда все последующее будет легко и удобно. Хотя бы оскорбленный сначала питал своего врага в надежде наказания ему, но через само питание сделавшись его другом, он может отвергнуть желание наказания, потому что, сделавшись другом, он уже не станет питать примирившегося с ним в таком ожидании. Также и обидчик, видя, что обиженный вознамерился питать и поить его, поэтому самому и по страху предстоящего ему наказания оставит всякую вражду, хотя бы он был тысячекратно жесток, как железо и адамант, стыдясь благорасположенности питающего и опасаясь предстоящего ему наказания, если и по принятии пищи он останется врагом.

Поэтому-то апостол и не остановился здесь в своем увещании, но когда уничтожил гнев того и другого, тогда исправляет и расположение их и говорит: *не будь побежден злом* (Рим. 12, 21). Если, говорит, ты остаешься злопамятным и мстительным, то по виду ты побеждаешь его, а между тем сам побеждаешься злом, т.е. гневом, так что если хочешь победить, то примирись и не мсти. Блистательная победа та, когда ты побеждаешь зло добром, т.е. незлопамятством, оставив гнев и злопамятство (6).

ЗЛОСЛОВИЕ

Научим свой язык носить узду и не произносить просто все, что есть в душе, не порицать братьев, не угрызать и не пожирать друг друга. Гораздо хуже кусающих тело те, которые делают это словами. Первые кусают зубами тело, а последний угрызает словами душу, наносит рану неисцельную... Язык есть меч изощренный, но им мы не должны ранить других, а должны вырезывать собственные гнилые язвы... Когда нужно было ему [апостолу Павлу] порицать самого себя, он порицал беспощадно, когда видел, что кто-нибудь осуждал чужие пороки, то смотри, с какой строгостью заграждал ему уста: *не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения* (1 Кор. 4, 5). Предоставь суд Тому, Кто знает тайны сердечные. Хотя бы ты, по твоему мнению, точно знал дела ближнего, суд твой ошибочен: *кто из человеков знает,* говорит апостол,

что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем (1 Кор. 2, 11)? Сколь многие из презираемых и неважных просияют светлее солнца? Сколь многие из великих и славных окажутся прахом и гробом повапленным*?.. Порицающий других оскорбляет Господа, а порицающий самого себя умилостивляет Его и располагает к себе: это порицание делает праведника еще праведнее, а грешника избавляет от осуждения, делает достойным прощения. Зная это, будем заботиться не о чужих, а о своих пороках; будем испытывать свою совесть, вспоминать всю свою жизнь, исследовать каждый из наших грехов и не будем не только порицать других, но и слушать порицающих. Ибо и за это положено осуждение и величайшее наказание. *Не внимай,* говорит Писание, *пустому слуху* (Исх. 23, 1). Не сказано: слуху пустому не верь, но и *не внимай* ему, загради свои уши, прегради вход порицанию, покажи, что и ты не меньше чувствуешь неприязни и отвращения к порицателю, как и тот, кого он порицает. Подражай пророку, который говорит: *тайно клевещущего на ближнего своего, сего я изгонял* (Пс. 100, 5). Не сказал: я не верил, или не принимал слов его, но и прогонял его как врага и противника.

Но есть люди, которые, утешая себя суетным утешением, говорят: «Господи! Не поставь мне этого в грех, потому что я должен отвечать на слышанное». К чему это оправдание? К чему такое извинение? Молчи, и ты будешь избавлен от обвинений, не говори ничего, и ты будешь свободен от опасения... Не за слышание только ты будешь отвечать, но и порицание вменится тебе, ибо если ты, услышав, не молчишь, то будешь отвечать не за слышание только, но и за порицание. *От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 37). Я говорю и объявляю это, боясь не за тех, которых порицают, а за тех, которые порицают. Ибо тот, кого порицают, не терпит никакого оскорбления или вреда, напротив, если ложно то, что говорят о нем, он получит еще награду, а если справедливо, и тогда он не терпит никакого вреда от твоего порицания. Там Судия произнесет ему приговор не по тво-

* Повапленный — раскрашенный снаружи. *(Примеч. ред.)*

ему пустословию. И, если можно сказать нечто удивительное, великодушно переносящий порицание получит даже величайшую пользу, подобно как и мытарь, а порицающий, хотя бы и справедливо порицал ближнего, весьма много вредит себе. Не нужно и доказывать того, что он погиб, если клевещет, но совершенно очевидно и то, что, хотя бы он говорил и правду, он сам себе приготовляет строжайший суд, разглашая несчастья ближнего, делаясь причиной соблазнов, открывая всем то, что надлежало бы скрывать, и проповедуя о грехах ближнего. Ибо если соблазнивший одного понесет неизбежное наказание, то соблазняющий многих худой молвой какому не подвергнется наказанию? И фарисей не лгал, а говорил правду, называя мытаря мытарем, однако был осужден. Итак, зная это, возлюбленные, будем избегать порицания. Нет греха тяжелее, а вместе и легче этого греха, потому что он совершается быстрее всякого беззакония и скоро увлекает человека невнимательного. Другие грехи требуют и времени, и издержек, и ожидания, и помощников, и часто от продолжительности времени не исполняются. Например, решился ли кто убить, решился ли похитить или отнять, ему предстоит много хлопот, и от медленности часто он теряет свой гнев, отказывается от порочного стремления, оставляет гибельную мысль, не прибавляет к своему желанию самого дела. А при порицании не так, но если мы не очень бдительны, то легко увлекаемся. Не нужно нам ни времени, ни ожидания, ни издержек и никаких хлопот, чтобы сказать худое; довольно только решиться, и желание тотчас переходит в дело, потому что здесь требуется к услугам только язык... Будем с великим тщанием избегать этой болезни, будем прикрывать чужие пороки, а не разглашать, будем увещевать согрешающих, как и Господь говорит: *если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобой и им одним* (Мф. 18, 15). Негласность обличений делает более легким врачевание. Не будем терзать, не будем разъедать чужих ран, не будем подражать мухам, но будем соревновать пчелам. Мухи садятся на раны и разъедают их, а пчелы летают по цветам... Будем же заставлять свою душу летать по лугу добродетелей святых и непрестанно

распространять благоухание их подвигов, а ран ближнего не будем разъедать. И если увидим людей, делающих это, будем заграждать им уста, удерживая их страхом наказания и напоминая им о сродстве их с братьями (1).

* * *

И малые грехи суть нечистота и скверна, как, например, злословие, поношение, ложь, — или лучше сказать, и эти грехи не малы, но весьма велики, — так велики, что они лишают Царствия Небесного. Как и каким образом? *Кто же скажет брату своему*, говорит Господь, *безумный, подлежит геенне огненной* (Мф. 5, 22). Если же так виновен называющий брата своего безумным, — что кажется незначительнее всего и свойственно детской беседе, — то называющий его злонравным, злодеем, завистником и осыпающий другими бесчисленными злословиями, какому не предан будет суду и наказанию? Что может быть ужаснее этого? Но внимайте, прошу вас, словам моим. Если сделавший это *одному из сих братьев меньших*, сделал самому Господу, и не сделавший *одному из сих меньших*, не сделал Ему самому (см.: Мф. 25, 40, 45), то не то же ли самое бывает и со злословием и поношением? Злословящий брата своего злословит Бога, и воздающий честь брату воздает честь Богу.

Будем же приучать язык свой говорить доброе: *удержи,* говорит псалмопевец, *язык твой от зла и уста твои от лукавых слов* (Пс. 33, 14). Бог не для того нам дал его, чтобы мы злословили, чтобы поносили, чтобы клеветали друг на друга, но чтобы прославляли Бога, чтобы говорили то, что дает благодать слушающим, что служит к назиданию, к пользе. Ты сказал о ком-либо что-нибудь худое, какую же ты получаешь пользу, причиняя вред вместе с ним и себе самому? Ибо ты заслуживаешь название поносителя. Нет, истинно нет ни одного зла, которое останавливалось бы на одном претерпевающем, а не обращалось и на причиняющего зло... Злоречивый наперед посрамляет себя самого, а потом уже того, о ком говорит худо, или даже не может сделать с ним и этого, но сам заслуживает название человека дурного и нена-

вистного, а того делает еще более любимым. Ибо если тот, о ком он говорит худо, не воздает ему тем же, но хвалит и превозносит его, то воздает похвалу не ему, а себе самому. Как поношение ближних обращается наперед, как я прежде сказал, на самих поносителей, так и добро, сделанное ближним, доставляет наперед радость самим делающим (1).

* * *

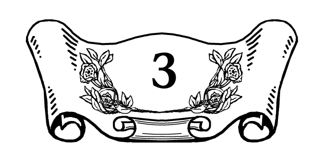
Не говори: неважно, если я произнесу дурное слово, если оскорблю того или другого. Потому-то это и великое зло, что ты почитаешь его ничтожным. Ибо зло, которое почитают ничтожным, легко оставляют в пренебрежении. А оставленное в пренебрежении, оно усилится, усилившись же, становится неизлечимым... Когда ты называешь Бога Отцом, то имей в мысли не только то, что, оскорбляя брата, ты поступаешь не достойно этого благородства, но и то, что ты имеешь это благородство по благости Божией. Не посрамляй же своего благородства, которое сам ты получил по милость, жестоким обращением со своими братьями. Называешь Бога своим Отцом и оскорбляешь своего ближнего? Это не свойственно сыну Божию!..

Помысли, какие слова произносили уста твои, какой они удостаиваются Трапезы: помысли, к чему они прикасаются, что вкушают, какую принимают пищу. Ты думаешь, что, злословя своего брата, ты не делаешь важного преступления? Как же в таком случае ты называешь его братом? А если он тебе — не брат, то как же ты говоришь: Отче наш (1)?

ЗРЕЛИЩА

Наслаждающемуся слушанием Священного Писания не должно приобщаться трапезы бесовской... Ты стоял здесь [в храме], слушая и внимая учению Духа, и после этого идешь слушать блудных женщин, произносящих речи постыдные, а еще постыднейшие дела представляющих на зрелище... Как же ты можешь вполне очиститься, оскверняемый такой грязью? Но для чего изображать по частям весь срам, какой там бывает. Все там — смех, все — стыд, там ругательство, насмешки,

выходки, все — разврат, все — пагуба... Никто из наслаждающихся здешней трапезой да не растлевает души своей теми пагубными зрелищами. Все, что там ни говорится и ни делается, есть сатанинская гордыня... К нам пришел посланник с неба, посланный от самого Бога для того, чтобы сказать нам о некоторых необходимых предметах. А вы, оставив слушать то, что он хочет нам передать и для чего уполномочен к нам, сидите, слушая лицедеев. Каких достойно это молний, каких громов! Но как не до́лжно приобщаться трапезе бесовской, так не до́лжно принимать участия в слушании бесовском (1).

ИМЯ БОЖИЕ

Ешь ли, пьешь ли, женишься ли, отправляешься ли в путь, — все делай во имя Божие, т.е. призывая Бога на помощь. Берись за дело, прежде всего помолившись Богу. Хочешь ли что произнести? Предпоставь это… ибо где имя Господа, там все благополучно… Да не будет ничего мирского, ничего житейского; все совершай во имя Господне, и все у тебя будет благоуспешно. Что ни запечатлеешь именем Божиим, все выйдет счастливо. Если оно изгоняет демонов, устраняет болезни, то тем более облегчает совершение дел… кто делает это, тот помощником имеет Бога, без которого не дерзал ничего делать: так как чествуемый призыванием Бог воздает честь дарованием благополучного хода делам. Призывай Сына, благодари Отца; ибо, призывая Сына, ты призываешь и Отца и, благодаря Отца, благодаришь и Сына. Будем учиться исполнять это не одними словами, но и делами. Этому имени нет ничего равного, оно всегда дивно. *Имя твое,* — говорит, — *как разлитое миро* (Песн. 1, 2). И кто произносит его, тот вдруг исполняется благоухания. *Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Столь многое совершается этим именем! Если слова: во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, ты произнес с верой, то ты все совершил… Если бы ты пел это с верой, то прогонял бы и болезни, и демонов. А если бы и не прогнал болезни, то не оттого, что оно слабо, а оттого, что болезнь полезна. Этим именем превращена вселенная, разрушено тиранство, попран диавол, отверзлись небеса. Но что я говорю — небеса? Этим именем возрождены мы и, если не оставляем его, то просияем. Оно рождает и мучеников и исповедников. Его должны мы держать, как великий дар, чтобы жить в славе, благоугождать Богу и сподобиться благ, обетованных любящим Его (1).

* * *

Мы презрели Бога, возненавидели благое Имя, попрали Христа, оставили стыд, — никто не вспоминает с уважением имени Божия. Ведь если ты кого любишь, ты встаешь при его имени, а Бога часто призываешь так, как бы он был ничто. Призывай Его, когда благотворишь врагу, призывай Его для спасения твоей души. Тогда Он приблизится к тебе, тогда ты возвеселишь Его, а теперь ты прогневляешь его. Призывай Его, как призывал Стефан. Что говорил он? *Господи! не вмени им греха сего* (Деян. 7, 60). Призывай Его, как призывала жена Елканова, со слезами, с плачем, с молитвою. Этого я не запрещаю, напротив, к этому особенно побуждаю. Призывай Его, как призывал Моисей, когда взывал, молясь за тех, которые гнали его. Ведь если бы ты безрассудно стал упоминать о каком-нибудь почтенном человеке, это было бы для него поношением, а упоминая в своих речах о Боге не только безрассудно, но и неуместно, считаешь это за ничто? Какого же не достоин ты наказания! Я не запрещаю иметь Бога непрестанно в мыслях, — напротив, об этом и прошу, и этого желаю, но не против воли Его, а для того, чтобы хвалить и почитать Его. Это доставило бы нам великие блага, если бы мы призывали Его только тогда, когда нужно, и в тех обстоятельствах, в которых нужно. Почему, скажи мне, при апостолах было столько чудес, а в наше время их нет, хотя Бог тот же и имя Его то же?

Это потому, что оно не одинаково употребляется нами... Они призывали его только в тех случаях, о которых я сказал, а мы призываем не в этих, но в других (1).

ИСКУССТВО

Господь дал искусства для поддержания жизни, а не для того, чтобы мы уклонялись от духовных занятий; для того, чтобы изучали искусства не пустые, но необходимые, для того, чтобы друг другу служили, а не козни строили друг против друга (1).

ИСКУШЕНИЕ

Хорошо говорил этот блаженный [апостол Павел] в Послании: *любящим Бога... все содействует ко благу* (Рим. 8, 28). Это изречение будем и мы, увещеваю

вас, иметь начертанным в душе нашей и не будем сетовать, когда подвергнемся в этой жизни каким-нибудь прискорбным обстоятельствам, или телесным болезням, или каким-либо другим печальным случаям, но, руководясь великим любомудрием, будем противиться всякому искушению, зная, что если мы будем внимательны, то можем получать пользу от всего и еще больше от искушений, чем от благоприятных обстоятельств. Не будем никогда падать духом, представляя, сколько пользы от терпения, равно не будем питать ненависти и к тем, которые подвергают нас искушениям, потому что хотя они делают это, имея собственную цель, но общий Владыка попускает это, желая, чтобы мы и через это приобретали духовные блага и получили награду за терпение. Итак, если мы будем в состоянии с благодарностью переносить приключающиеся бедствия, то изгладим немалую часть грехов наших (6).

* * *

Как художник золотых вещей, бросая в горнило золото, оставляет его плавиться в огне до тех пор, пока не увидит, что оно сделалось чистейшим, так точно и Бог попускает душам людей искушаться бедствиями до тех пор, пока не сделаются они чистыми и светлыми, пока от этого искушения не приобретут великой пользы. Так и это есть величайший вид благодеяния.

Итак, не будем смущаться и падать духом, когда постигают нас искушения. Если художник золотых вещей знает, сколько времени нужно держать золото в печи и когда вынимать его оттуда, и не допускает оставаться ему в огне до того, чтобы оно испортилось и перегорело, — тем более знает это Бог, и когда Он видит, что мы сделались более чистыми, то избавляет от искушений, чтобы от избытка бедствий мы не преткнулись и не пали. Не будем же роптать и малодушествовать, если случится что-нибудь неожиданное, но предоставим Знающему это с точностью очищать нашу душу, пока Он хочет, потому что Он делает это с пользой и ко благу искушаемых (6).

ИСПОВЕДЬ

Почему, скажи мне, ты стыдишься и краснеешь сказать грехи? Разве ты сказываешь человеку, который станет упрекать

тебя? Разве исповедуешься перед сорабом, который разгласит твои дела? Господу, промыслителю, человеколюбцу, врачу показываешь ты рану. Разве Он, который знает наши дела еще до совершения их, не будет знать, если ты не скажешь? Разве грех от обличения его делается тяжелее? Напротив, легче. И Бог требует от тебя признания не для того, чтобы наказать, но чтобы простить, не для того, чтобы Ему узнать грех твой: разве Он и без этого не знает? — но для того, чтобы ты узнал, какой долг Он прощает тебе. Хочет Он показать тебе великость своей благости для того, чтобы ты непрестанно благодарил Его, чтобы был медлительнее на грех, ревностнее к добродетели. Если же ты не скажешь о великости долга, то не узнаешь и превосходства благодати. Я не заставляю тебя, говорит Он, выйти на середину зрелища и окружить себя множеством свидетелей. Мне одному, наедине, скажи грех, чтобы Я уврачевал рану и избавил тебя от болезни (1).

* * *

Объявляй грех свой не только как осуждающий самого себя, но и как долженствующий оправдаться посредством покаяния. Тогда ты и будешь в состоянии побудить исповедующуюся душу не впадать более в те же грехи. Ибо сильно осуждать себя и называть грешником есть дело общее, так сказать и неверным. Многие и из действующих на сцене, как мужчины, так и женщины, наиболее отличающиеся бесстыдством, называют себя окаянными, хоть не с надлежащей целью. Поэтому я и не назову это исповеданием, потому что они объявляют грехи свои не с душевным сокрушением, не с горьким плачем и не с переменой жизни (2).

* * *

Если мытарь, человек отличавшийся крайним нечестием, приобрел такое благоволение Божие не смиренномудрием, а только раскаянием, объявлением грехов своих и исповеданием того, чем он был, то какую великую помощь получат от Бога те, которые совершили много добрых дел и ничего великого о себе не думают? Поэтому прошу, убеждаю и умоляю вас — непрестанно исповедовать свои грехи перед Богом. Я не выставляю

тебя на вид перед подобными тебе рабами и не принуждаю открывать грехи людям; раскрой совесть свою перед Богом, покажи Ему свои раны и проси у Него врачевства, покажи Тому, Который не укоряет, а врачует. Он видит все, хотя бы ты и умолчал. Скажи же, чтобы тебе получить пользу, скажи, чтобы, сложив с себя здесь все грехи, отойти туда чистым и безгрешным и избавиться от будущего невыносимого их обнаружения (2).

* * *

Мы имеем человеколюбивого, кроткого и попечительного Владыку, Который, зная немощь нашей природы, когда мы, по беспечности преткнувшись, впадем в какой-нибудь грех, требует от нас только того, чтобы мы не отчаивались, но отстали от греха и поспешили к исповеданию. И если мы сделаем это, он обещает нам скорое помилование, ибо Сам Он говорит: *разве упавши не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются* (Иер. 8, 4)? Итак, зная это, не будем невнимательными к человеколюбивому Владыке, но преодолеем вредные привычки и не будем ходить пространными вратами и широким путем (3).

* * *

Быть может, ты стыдишься и краснеешь перед мыслью высказать прегрешения? Но если бы даже надлежало говорить об этом и обнаруживать при людях, то и при таких условиях не до́лжно было бы стыдиться: впадать в грех — стыд, а не признаться в допущенном грехе. Теперь же и нет надобности исповедоваться в присутствии свидетелей. Перед размышлениями совести пусть происходит исследование содеянных грехов, судилище пусть будет без свидетелей. Бог один только да видит тебя — исповедующегося, — Бог, не порицающий грехи, но разрешающий их изза исповедания. Но даже и при таких условиях ты медлишь и отговариваешься? Знаю и я, что совесть не выносит воспоминания о собственных прегрешениях, так что если только придем к воспоминанию о допущенных нами прегрешениях, то ум прыгает, как какой-то неукротимый молодой и непокорный конь. Но удержи его, обуздай, погладь

рукой, сделай его кротким, убеди, что если теперь он не исповедуется, то будет исповедоваться там, где — большее наказание, где — большее бесчестие. Здесь судилище без свидетелей, и ты — согрешивший — ведешь суд с собой самим, там же все грехи будут приведены в середину зрелища вселенной, если наперед не изгладим их здесь. Ты стыдишься сознаться в прегрешениях? Стыдись делать грехи. Мы же всякий раз, как делаем их, отваживаемся безрассудно и бесстыдно, а когда нужно бывает сознаться, тогда стыдимся и медлим, между тем как до́лжно было бы делать это с готовностью. Порицать за грехи не стыд, но — справедливость и добродетель, если бы не было справедливостью и добродетелью, то Бог не назначил бы за это награды (5).

* * *

Во внешних судилищах за сознанием следует наказание. Поэтому и псалом, предусматривая это самое, чтобы кто-либо, боясь наказания после исповедания, не стал отрицать своих грехов, говорит: *исповедайтесь Господу, ибо Он благ, ибо во век милость Его** (Пс. 105, 1). Ужели Он не знает твоих прегрешений, если ты не сознаешься? Итак, какого ты достигаешь успеха через то, что не исповедуешься? Ужели ты можешь остаться скрытым? Хотя бы ты не сказал, Он знает, если же ты скажешь, Он забывает, потому что вот Я — Бог, *изглаживаю преступления твои... и грехов твоих не помяну* (Ис. 43, 25). Видишь ли? Я *не помяну*, говорит, так как это свойственно человеколюбию, ты же вспомни, чтобы получить случай к исправлению. Услышав это, Павел сам непрерывно вспоминал о тех грехах, о которых Бог не помнил, — вспоминал, так именно говоря: ...*Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый*** (1 Тим. 1, 15). Не сказал: *был*, но: *есмь*. Возымело место прощение грехов от Бога, а воспоминание о прощенных грехах не помрачалось у Павла. Что Господь изгладил, это он сам обнаруживал. Вы слышали

* Исповедайтеся Господеви, яко благ, яко в век милость Его (церковнослав.).

** Христос прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз (церковнослав.)

пророка, говорящего: *не помяну*. Ты же — помни. Бог называет его *сосудом избранным* (Деян. 9, 15), а он называет себя первым из грешников. Если же он не забывал о прощенных прегрешениях, то поразмысли, как он помнил о Божиих благодеяниях. И зачем я говорю о том, что память о грехах не посрамляет? Не столько славными делает нас память о добрых поступках, как воспоминание о грехах; лучше же сказать, воспоминание о добрых поступках не только не делает славными, но даже исполняет стыда и осуждения, память же о грехах преисполняет нас дерзновением и великой праведностью. Кто говорит это? Фарисей и мытарь. Один, объявив добрые поступки, возвратился, став ниже мытаря. Видишь, какой вред — вспоминать о добрых поступках, и какая польза не предать забвению прегрешения? И весьма естественно, потому что кто помнит о добрых поступках, тот увлекается высокомерием, презирает остальных людей, что именно и случилось с фарисеем, который не дошел бы до столь великого тщеславия, не сказал бы: *я не таков, как прочие люди* (Лк. 18, 11), если бы не помнил о своем посте и десятине. Память же о грехах укрощает ум, убеждает быть смиренномудрым и через смиренномудрие привлекает Божие благоволение (5).

* * *

Тотчас после того, как встали с постели, прежде чем пойдем на рынок или займемся каким-либо частным или общественным делом, призвав слугу, требуем отчет в истраченном, чтобы знать, что истрачено дурно, а что на должное и как много осталось. И если мы узнаем, что оставшегося — немного, то всячески придумываем средства к доходам, чтобы не быть незаметно истребленными голодом. Итак, станем делать это и в отношении к нашим делам. Призвав нашу совесть, дадим ей отчет в словах, делах, в помышлениях, исследуем, что истрачено на должное, а что — к нашему вреду, какое слово истрачено дурно, на поношения, на сквернословие, на оскорбления, какая мысль побудила глаз к распутству, какой помысел ко вреду нашему перешел в дело, осуществленный или с помощью рук, или — языка, или — глаз, и постараемся отстать от неуместной траты, а вместо того,

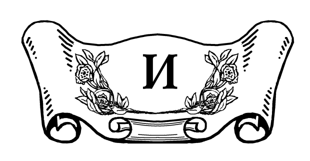
что однажды истрачено дурно, постараемся сберечь другие доходы. Вместо слов, произнесенных безрассудно, будем произносить молитвы, вместо взоров, ставших нецеломудренными, прибегнем к милостыням, постам. Если мы намерены тратить неразумно, ничего не сберегая, не собирая себе добра, то, впав в крайнюю бедность, незаметно стяжаем себе наказание вечным огнем. Итак, мы имеем обыкновение давать отчет в деньгах около рассвета. А в делах, в том, что совершено нами после того, как настал день, и во всем сказанном потребуем от себя отчетов после ужина и после наступления вечера, лежа на постели, когда никто не беспокоит, когда никто не тревожит. И если увидим, что в чем-либо согрешили, то накажем совесть, сделаем выговор уму, уязвим рассудок так сильно, чтобы более мы уже не дерзнули, встав, привести себя к той же самой бездне греха, помня о вечерней ране.

...Многое по наступлении дня делаем не так, как желаем: и друзья раздражают, и слуги приводят в неистовство, и жена огорчает, и дитя опечаливает, и множество житейских и общественных дел окружает нас, — и не можем тогда понимать даже и того, каким образом обманываем себя. Но, освободившись от всего этого, и вечером оставшись наедине с самими собой, и наслаждаясь большим спокойствием, устроим на ложе судилище, чтобы с помощью такового суда умилостивлять Бога. Если же ежедневно будем грешить и ранить нашу душу, никогда не вникая в это, то подобно тому, как получающие непрерывные раны, а потом не радеющие о них, приобретают себе лихорадки и навлекают невыносимую смерть, — так, конечно, и мы вследствие этого непрерывного бесчувствия навлекаем на себя неминуемое наказание. Я знаю, что сказанное — тягостно, но оно приносит большую выгоду... Итак, зная, что Бог все движет и делает, чтобы освободить нас от наказания и мучения, будем доставлять Ему многочисленные случаи к этому: исповедуясь, раскаиваясь, плача, молясь, прекращая гнев на ближних, улучшая бедность близких, бодрствуя в молитвах, обнаруживая смиренномудрие, непрестанно помня о грехах.

Не достаточно сказать, что я — грешник, но до́лжно вспомнить о самих грехах, о каждом в отдельности. Подобно тому как огонь, попавший в терновник, легко уничтожает его, так помышление, постоянно направленное на допущенные грехи, легко уничтожает их и потопляет (5).

* * *

Если мы в настоящей жизни успеем омыть грехи исповедью и получить прощение от Господа, то отойдем туда чистыми от грехов и найдем себе великое дерзновение. Но невозможно найти на том свете какое-либо утешение тому, кто в настоящей жизни не омыл грехов, потому что *в аду*, сказано, *кто исповедает Тебя* (Пс. 6, 6)? И справедливо: здешняя жизнь есть время подвигов, трудов и борьбы, а та — время венцов, наград и воздаяний (8).

КЛЕВЕТА

Не клевещи, чтобы тебе не осквернить самого себя. Не примешивай навоза с грязью и глиной, но сплетай венцы из роз, фиалок и других цветов. Не носи помета во рту, подобно жукам, — ибо так делают клеветники, сами первые испытывая зловоние, — но держись цветов, подобно пчелам, и составляй соты, как они, и будь со всеми дружелюбен. От клеветника все отвращаются как от издающего зловоние и питающегося бедствиями других, как пиявка кровью и жук навозом, а человека, имеющего уста доброречивые, все принимают как общего сочлена, как родного брата, как сына, как отца. Но что я говорю о настоящем и о мнениях людей? Представь тот страшный день, неподкупный суд и то, что, говоря ложь, ты прибавляешь новые грехи к грехам своим (1).

КЛЯТВА

Христос положил закон, чтобы никто не клялся... И в самом деле, как не стыдно, что христиане только еще учатся тому, что не должно клясться! Подчинимся, однако, этой необходимости, чтобы не подвергнуться еще большему стыду. Так станем же сегодня говорить вам из Ветхого Завета. Что же говорит он? — *Не приучай уст твоих к клятве и не обращай в привычку употреблять в клятве имя Святого. Ибо как раб, постоянно подвергающийся наказанию, не избавляется от ран, так и клянущийся* (Сир. 23, 8-10).

Заметь благоразумие этого мудреца. Не сказал он: заклинаю, не обучай мысли своей, но уст своих, — ибо он знал, что здесь все зависит от уст и что это зло легко исправляется. Это наконец обращается в невольную привычку... так точно и уста говорят не от души, но по привыч-

ке, и все зло заключается в языке... Не клятвопреступление осуждается здесь, но клятва, и за нее полагается наказание. Следовательно, клясться — грех. Такова поистине душа клянущегося: много на ней ран, много язв... Мы презрели Бога, возненавидели благое Имя, попрали Христа, оставили стыд — никто не вспоминает с уважением имени Божия. Ведь если ты кого любишь, ты встаешь при его имени, а Бога часто призываешь так, как бы Он был ничто. Призывай Его, когда благотворишь врагу, призывай Его для спасения твоей души. Тогда Он приблизится к тебе, тогда ты возвеселишь Его, а теперь ты прогневляешь Его. Призывай Его, как призывал Стефан. Что говорил он? *Господи! не вмени им греха сего...* (Деян. 7, 60)

Если же тебе не верят и ты поэтому клянешься, то скажи: поверь, и даже, если хочешь, клянись самим собой. Я говорю это не потому, чтобы хотел давать законы, противные закону Христову, — отнюдь нет, ибо сказано: *да будет слово ваше: да, да; нет, нет* (Мф. 5, 37); но по снисхождению к вам, чтобы больше побудить вас к этому и отвлечь от той ужасной привычки. Сколько людей, снискавших себе славу в других делах, погибло от этой привычки! Хотите ли знать, почему древним позволялось клясться? (Нарушать клятву и им было не позволено.) Это потому, что они клялись идолами. Не стыдно ли вам оставаться при тех же законах, какими водились люди немощные?.. Если так велика сила привычки, то перемени эту привычку на другую... Пусть многие следят за нашими словами, пусть исследуют и исправляют их. Нет стыда в том, когда нас другие исправляют, напротив, стыдно удалять от себя тех, кто исправляет нас, и делать это во вред собственному спасению. Ведь если ты наденешь платье наизнанку, ты позволяешь и слуге поправить его и не стыдишься того, что он учит тебя, хотя это и очень стыдно, а здесь ты причиняешь вред душе своей и стыдишься (1).

КОРЫСТОЛЮБИЕ

Кого же наперед изобразить нам? Не корыстолюбца ли и грабителя? Подлинно, что может быть бесстыднее глаз его? Кто

бессовестнее его и подобнее псам? Не так нагло приступает пес, как он, когда похищает имущество других. Что сквернее рук его? Что гнуснее уст его, которые пожирают все и не насыщаются? Не принимай лица и глаз его за человеческие, не так смотрят человеческие глаза. Он не смотрит на людей как на людей, не смотрит на небо как на небо, не устремляет взоров ко Господу, но во всем видит деньги. Человеческие глаза, видя удрученных бедностью, обыкновенно проливают слезы, а глаза грабителя, видя бедных, выражают зверство. Человеческие глаза не смотрят на чужое как на свое, но и на свое смотрят как на чужое, не желают принадлежащего другим, но еще другим раздают свое, а глаза корыстолюбца не успокаиваются до тех пор, пока не похитят у других всего. Человеческие глаза не могут видеть своего тела обнаженным, ибо оно для них свое и тогда, когда принадлежит другим; а глаза корыстолюбца не насыщаются, пока не обнажат кого-либо совершенно и скроют всего у себя дома, или, лучше сказать, не насыщаются никогда. Поэтому руки таких людей можно назвать не только зверскими, но еще гораздо свирепейшими и опаснейшими, чем у зверей. Медведи и волки, насытившись, отступают от пищи, а те не насыщаются никогда. Между тем Бог дал нам руки для того, чтобы мы помогали другим, а не вредили им. У людей корыстолюбивых и уста суть уста зверские или еще хуже их: они произносят слова, которые своей ядовитостью гораздо скорее, нежели зубы зверей, причиняют смерть. И если бы исчислять все, то ясно видно было бы, как бесчеловечие делает людей зверями. А кто посмотрит на душу таких людей, тот назовет их не только зверями, но даже демонами. Ибо они исполнены крайней жестокости и вражды к ближним: нет в них ни желания Царствия, ни страха геенны, ни стыда перед людьми, ни милосердия, ни сострадания, но бесстыдство, наглость и презрение ко всему будущему. Обещания Божии о будущих мучениях кажутся им басней, угрозы — посмешищем. Такова душа корыстолюбца!.. Притом демон враждует против человека, а не против подобных ему демонов, а корыстолюбец старается всячески причинить зло и ближнему, и родному, не

стыдясь самой природы... Постараемся же быть людьми. Будем взирать на небо, *облекшись в образ Создавшего* нас (Кол. 3, 10) (1).

КРАСОТА

От чего же рождается эта [плотская] любовь? От красоты лица, скажешь ты, то есть когда красива и благовидна будет та, которая уязвляет тебя. Но если бы красота лица привлекала к любви, то такую-то девицу любили бы все. Если же не все любят ее, то и любовь эта зависит не от естества и не от красоты лица, а от бесстыдных глаз. Ибо когда ты, пристально смотря на нее, чрезмерно удивляешься ей и разжигаешься в сердце своем, то ты уже уязвлен. Да кто может, ты скажешь, при взгляде на красивую женщину не похвалить ее? Ибо не в нашей воле состоит удивляться чему-либо, а потому любовь не от нас зависит. Не спеши, человек. Для чего ты все смешиваешь и, обходя по распутьям, не хочешь узнать настоящего корня этого зла? Я много знаю таких, которые удивляются и хвалят, а между тем не любят. Как же возможно удивляться красоте и не любить? Не возмущайся, я об этом и хочу теперь говорить; потерпи и послушай, как Моисей удивляется сыну Иаковлеву, говоря: *Иосиф же был красив станом и красив лицем* (Быт. 39, 6). Но неужели говоривший так вместе с тем и любил? Совсем нет... Страсть эта происходит не просто от красоты только телесной и благовидности, а от расслабления и заблуждения души. Много было и таких, которые, пройдя мимо славящихся красотой женщин, предавались безобразным. Отсюда ясно, что любовь зависит не от красоты лица. В противном случае они избрали бы красивых, а не безобразных... Если ты при взгляде на благовидную женщину, почувствуешь страсть к ней, то больше не смотри на нее — и освободишься от страсти. Да я не могу, ты скажешь, не смотреть на нее, будучи влеком страстью. Займись другими полезными предметами, занимающими душу: читай книги, заботься о своих нуждах, ходатайствуй, защищай обижаемых, молись, размышляй о будущем веке, — к этим предметам устремляй душу твою... Кроме этого представляй себе и то, что видимое тобой есть не более, как влага, кровь и гной

согнившей пищи. А светлый цвет лица, скажешь ты? Правда. Но нет ничего светлее цветов земных, а и они увядают и согнивают. Потому и здесь смотри не на цвет, но далее проникай мыслью и, оставив без внимания красоту кожи, размышляй о том, что под кожей кроется. И у страждущих водяной болезнью тело светло и снаружи не имеет ничего безобразного, но, отвращаясь внутри его скрывающейся гнилости, мы не можем обольщаться красотой лица таких людей. А нежный и резвый глаз, красиво расположенная бровь, черные ресницы, кроткая зеница ока, веселый взгляд? Но знай опять, что и это все не что иное, как нервы, жилы, перепонки и артерии. И на этот красивый глаз смотри как на больной, состарившийся, иссохший от печали или пылающий гневом, тогда он представится тебе безобразным. Вся прелесть его пропадет для тебя и тотчас исчезнет. Вместо этого устремляй лучше мысль твою к истинной красоте. Но я не вижу, скажешь ты, красоты душевной? Напрасно. Если захочешь, увидишь... Можно тебе видеть красоту душевную без помощи глаз. Не воображал ли ты себе какого-нибудь красивого лица и не ощущал ли от этого в душе движение? Таким же образом воображай себе и красоту души и наслаждайся ее благообразием. Ты скажешь, я не могу видеть бесплотного. Но умом мы еще лучше созерцаем бесплотное, нежели тела. Таким образом мы удивляемся и Ангелам, и Архангелам, хотя их и не видим, также и добрым нравам, и душевным добродетелям. Итак, когда увидишь кроткого и благоустроенного человека, то подивись лучше ему, нежели красивому лицом, и если заметишь, что кто-нибудь без огорчения переносит напрасные обиды, то с удивлением вместе и возлюби его, хотя бы он был и старец. Ибо красота души такого свойства, что и в старости имеет многих любителей, потому что никогда не увядает и всегда цветет. Итак, чтобы и нам стяжать такую красоту, станем ловить и любить тех, которые имеют ее (1).

* * *

Ты желаешь казаться красивой? И я желаю этого, но только той красотой, которой желает Царь Небесный. Кого ты желаешь иметь любящим тебя — Бо-

га или людей? Если ты будешь прекрасна этой красотой, то Бог *возжелает красоты твоей* (Пс. 44, 12), а если — тою без этой, то Он отвратится от тебя, а любящими тебя будут развратные люди, ибо не добрый человек тот, кто любит замужнюю женщину. Так рассуждай и о внешних украшениях. То украшение, украшение душевное, привлекает Бога, а это, украшение телесное, — людей развратных. Я забочусь о вас, о том, чтобы вы были прекрасными, истинно прекрасными и истинно славными... Красота телесная от всего повреждается, и если даже хорошо сохраняется, если ни болезнь, ни заботы не искажают ее, — что, впрочем, невозможно, — и тогда она не сохраняется и двадцати лет. А красота душевная всегда цветет, никогда не увядает, она не боится никакой перемены, ни наступившая старость не наводит морщин, ни приключившаяся болезнь не заставляет увядать, ни беспокойная забота не вредит ей, но она выше этого. Напротив, красота телесная не успеет появиться, как уже исчезает... Люди благонравные не удивляются ей, а удивляются только невоздержные. Будем же заботиться о той красоте, а не об этой; будем ее приобретать, чтобы нам войти в брачный чертог с горящими светильниками (1).

* * *

Облекись в целомудрие, в смирение. Все это дороже золота, все это и красивую делает еще благообразнее, и некрасивую благообразной; ибо кто взглянет в лицо, выражающее доброту, тот произнесет свое мнение от любви, а злое, хотя бы оно было и красиво, никто не может назвать прекрасным (1).

* * *

Телесную красоту Бог заключил в пределах природы, но красота души как несравненно лучшая телесного благообразия свободна от такой необходимости и подчиненности и вполне зависит от нас и от воли Божией. Человеколюбивый Владыка наш и тем особенно почтил род наш, что менее важное и мало полезное для нас, потеря чего безразлична, подчинил естественной необходимости, а распорядителями истинно доброго сделал нас самих. Если бы Он сделал нас властными и в телесной красоте,

то мы и лишнюю заботу получили бы, и все время тратили бы на бесполезное и весьма вознерадели бы о душе. Если и теперь, когда не дано нам такой власти, мы делаем все и употребляем все усилия к тому и, не имея силы на самом деле, позволяем украшать себя цветами, красками, укладкой волос, убранством одежд, расписыванием глаз и множеством других хитростей придумываем себе такую красоту, то стали ли бы мы прилагать какое-нибудь попечение о душе и о высоких предметах, когда бы имели возможность придавать телу действительно прекрасный вид? Может быть, если бы это было нашим делом, у нас и не было бы никакого другого дела, но все время мы проводили бы в том, чтобы рабу украшать бесчисленными прикрасами, а госпожу ее, хуже всякого невольника, оставлять в безобразии и пренебрежении. Поэтому Бог, освободив нас от этой пагубной заботы, вложил в нас способность к лучшему делу, так что не имеющий возможности сделать тело из безобразного красивым может душу свою, хотя бы она низошла до крайнего безобразия, возвести на самый верх красоты и таким образом сделать ее достолюбезной и привлекательной, вожделенной не только для добрых людей, но и для Самого Царя и Бога всех (2).

* * *

Пребывание здесь [в храме] есть источник всех благ. Выходя отсюда, и муж для жены кажется почтеннее, и жена для мужа милее, так как жену делает любезной не благообразие тела, но добродетель души, не притиранья и подкрашиванья, не золото и драгоценные одежды, но целомудрие, кротость и постоянный страх Божий. Эта духовная красота нигде так успешно не развивается, как в этом дивном и божественном месте, где апостолы и пророки смывают, исправляют, стирают старость греха, наводят цвет юности, уничтожают всякое пятно, всякий порок, всякую скверну нашей души. Постараемся же, и мужи, и жены, вселить в себя эту красоту. Телесную красоту и болезнь сушит, и продолжительность времени портит, и старость погашает, а наступившая смерть совершенно уничтожает. Напротив, душевную красоту не может разрушить ни время, ни болезнь, ни старость, ни смерть, и

ничто подобное, но она постоянно остается цветущей. Красота телесная часто возбуждает невоздержание в тех, кто взирает на нее, а красота душевная располагает Самого Бога любить ее (2).

* * *

Есть душа, есть тело, — две сущности: есть красота телесная и есть красота душевная. Что такое красота телесная? Густые брови, веселый взгляд, румяные щеки, розовые губы, высокая шея, волнистые волосы, длинные пальцы, стройный рост, цветущая белизна. Эта телесная красота бывает от природы или от воли? Известно, что от природы. Послушай мнений философов: эта красота, красота лица, глаз, волос, чела, бывает от природы или от воли? Очевидно, от природы. Безобразная, хотя бы и употребляла бесчисленное множество украшений, не может сделаться красивой телом, потому что природные свойства постоянны, определенны, неизменны. Красивая всегда остается красивой, хотя бы и не употребляла никакого украшения, а безобразная не может сделать себя красивой, равно как красивая — безобразной. Почему? Потому что эти свойства от природы. Видишь ли телесную красоту? Обратимся внутрь души. Перед ней тело — раба перед госпожой. Посмотри на эту красоту или, лучше, послушай о ней. Потому что ты не можешь видеть ее — она невидима. Послушай же об этой красоте. Итак, что такое красота душевная? Целомудрие, скромность, милосердие, любовь, дружелюбие, доброжелательство, повиновение Богу, исполнение закона, правда, сокрушение сердца. Это — красоты души. Они — не от природы, а от воли. Неимеющий их может приобрести, а имеющий, если будет нерадив, теряет их. Как о теле я говорил, что безобразная не может сделаться красивой, так о душе скажу противное: безобразная душа может сделаться благообразной (7).

КРЕСТ

Никто не стыдись достопоклоняемых знаков нашего спасения, которыми мы живем, и начала всех благ, которыми существуем. Но как венец будем носить крест Христов, ибо через него совершается все, что для нас нужно: нужно ли родиться — предлагается нам крест; хотим

ли напитаться таинственной этой пищей, нужно ли принять рукоположение или другое что сделать — везде предстоит нам этот знак победы. Потому-то мы начертываем его и на домах, и на стенах, и на дверях, и на челе, и на сердце. Ибо крест есть знамение нашего спасения, общей свободы и милосердия нашего Владыки, Который *как овца, веден был на заклание* (Ис. 53, 7). Поэтому когда знаменуешься крестом, то представляй всю знаменательность креста, погашай гнев и все прочие страсти. Когда знаменуешься крестом, пусть на челе твоем выражается живое упование, а душа твоя делается свободной. Без сомнения, вам известно, что доставляет нам свободу. Потому апостол Павел, склоняя нас к этому, — я разумею свободу нам приличную, — упомянув о Кресте и Крови Господней, убеждает такими словами: *вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков* (1 Кор. 7, 23). Помышляй, говорит, о дорогой цене, какая заплачена за тебя, и не будешь рабом ни одного человека, а под дорогой ценой он разумеет крест. И не просто перстом до́лжно его изображать, но должны этому предшествовать сердечное расположение и полная вера. Если так изобразишь его на лице твоем, то ни один из нечистых духов не сможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, видя то оружие, от которого получил смертельную рану. Если и мы с трепетом взираем на те места, где казнят преступников, то представь, как ужасаются диавол и демоны, видя оружие, которым Христос разрушил всю силу их и отсек главу змия. Итак, не стыдись столь великого блага, да не постыдит и тебя Христос, когда придет во Славе своей, и когда это знамение явится перед Ним светлейшим самих лучей солнечных, тогда крест этот самим явлением своим как бы скажет в оправдание Господа перед целой вселенной и во свидетельство, что с его стороны все сделано, что только было нужно. Это знамение и в прежние, и в нынешние времена отверзало двери запертые, отнимало силу у вредоносных веществ, делало недействительным яд и врачевало смертоносные раны от зверей. Ибо если оно отверзло врата адовы, отворило твердь небесную, вновь открыло вход в рай и сокрушило крепость диавола, то что удивительного, если оно по-

беждает силу ядовитых веществ, зверей и всего тому подобного?

Итак, напечатлей крест в уме твоем и обыми спасительное знамение душ наших. Этот самый крест и преобразовал вселенную, изгнал заблуждение, ввел истину, землю обратил в небо, людей сделал Ангелами. Когда при нас крест, тогда демоны уже не страшны и не опасны; смерть уже не смерть, а сон. Крестом все враждебное нам низложено и попрано (1).

* * *

В древности иных преступников сжигали, других побивали камнями, иных другим какимлибо способом наказания лишали жизни, но распятый и повешенный на древе [креста] страдал не только оттого, что наказывался с таким мучением, но и оттого, что подвергался проклятию: *ибо проклят пред Богом всякий повешенный на дереве* (Втор. 21, 23). Но этот проклятый, поносный знак крайнего мучения ныне стал вожделенным и достолюбезным. Не столько царский венец украшает голову, сколько крест, драгоценнейший всего мира. Изображение креста, некогда для всех страшное, теперь столь любезно всем, что найдешь его везде: у начальников и подчиненных, у жен и мужей, у дев и замужних, у рабов и свободных, — все непрестанно полагают знамение креста на благороднейшей части своего тела и носят каждодневно это знамение изображенным на челе своем, как на столпе. Оно блистает на священной трапезе, при рукоположении священников и вместе с Телом Христовым на Тайной вечери, всюду можно видеть его возносящимся: на домах, на торжищах, в пустынях, на дорогах, на горах, в пещерах, на холмах, на море, на кораблях, на островах, на ложах, на одеждах, на оружии, в чертогах, на пиршествах, на золотых и серебряных сосудах, на драгоценных камнях, на стенных картинах, на теле больных животных, на теле одержимых демонами, на войне, в мире, днем и ночью, в пиршественных собраниях и в кельях подвижников. Так для всех стал вожделенен этот дивных дар, исполненный неизреченной благодати! Уже никто не стыдится и не закрывается при мысли, что крест есть знак проклятой смерти. Напротив, все мы почитаем его украшением для себя более венцов и диадем и

многих ожерелий из драгоценных камней. Так он стал не только не страшен, но и вожделенен, любезен и досточтим для всех и блистает изображаемый повсюду: на стенах домов, на кровлях, на книгах, в городах, в селах, в необитаемых и обитаемых местах (2).

КРЕЩЕНИЕ

Как скоро мы крещаемся, то душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца, и мы не только бываем способны смотреть на славу Божию, но еще и сами получаем от нее некоторое сияние. Как чистое серебро, лежащее против солнечных лучей, и само испускает лучи не только от собственного естества, но и от блеска солнечного, так и душа, очищенная Духом Божиим и сделавшаяся блистательнее серебра, и в себя принимает луч от славы Духа, и от себя отражает луч той же славы...

Но мы слишком скоро погубляем в себе все духовное и привязываемся к одному чувственному. Эта неизреченная страшная слава остается в нас не более, как на один или два дня, а потом мы опять погашаем ее, обуреваясь житейскими делами и густотой страстных облаков затеняя это сияние. Ибо житейские дела действительно суть бури и еще жесточе самих бурь (1).

КРОТОСТЬ

Кротость есть признак великой силы. Чтобы быть кротким, для этого нужно иметь благородную, мужественную и весьма высокую душу. Неужели ты думаешь, что мало нужно силы [душевной], чтобы получать оскорбления и не возмущаться? Не погрешит тот, кто назовет такое расположение к ближним даже мужеством, ибо кто был столь силен, что преодолел и другую (т.е. здесь две страсти: страх и гнев), если ты победишь гнев, то, без сомнения, преодолеешь и страх, гнев же ты победишь, если будешь кроток, а если преодолеешь страх, то окажешь мужество (1).

* * *

Научимся уступчивости и кротости у Спасителя: *научитесь от Меня*, — говорит Он, — *ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29), — и отвергнем всякую гневливость. Восстанет ли кто против нас — мы да будем

смиренны. Станет ли кто поступать с нами нагло — мы да будем услужливы. Будет ли кто язвить и терзать нас насмешками и ругательствами — не будем отвечать тем же, чтобы мщением за себя не погубить себя (1).

* * *

Итак, когда ты будешь иметь врага у себя в руках, не о том заботься, как бы отомстить ему и, осыпав бесчисленными ругательствами, выставить его на позор, но о том, как бы уврачевать его, как бы возвратить к кротости, и до тех пор не переставай делать и говорить все, пока не победишь кротостью жестокость его. Ибо ничего нет могущественнее кротости. Указывая на это, некто сказал: *мягкий язык переламывает кость* (Притч. 25, 16). Что тверже кости? Однако же, хотя бы кто был также тверд и жесток, и его легко победит тот, кто будет обращаться с ним кротко (1).

* * *

Пусть не истощается кротость твоя, но сам гнев пусть хранит и питает ее, а он сохранит и в совершенной безопасности будет пасти ее тогда, когда будет истреблять нечистые и порочные помыслы, когда будет отовсюду отгонять диавола. Так кротость соблюдается тогда, когда мы не помышляем ничего худого против ближнего, так мы делаемся достойными уважения, когда не позволяем себе поступать бесстыдно... Хочешь ли знать, когда истощается кротость? Когда сокрушают ее порочные помыслы (1).

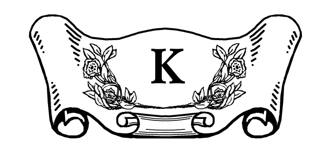
* * *

Раб Христов более познается по кротости своего нрава, нежели по имени, которое дали ему родители. Бог любит род человеческий не столько за девство, за пост, за презрение богатства, за готовность простирать руку помощи нуждающимся, сколько за кротость и скромность нравов, так как и сама готовность помогать нуждающимся происходит во всех, любящих Христа, не от чего иного, как от их доброты. И как потоки из родников, так попечительность о бедных проистекает из кротости нравов. Ибо всякий смиренный и кроткий легко склоняется к человеколюбию и не может

оставить без внимания находящихся в бедности, считая бедность других собственным несчастьем. Зависть хуже всего, а человек добрый и кроткий не допускает в душу свою этой злой болезни, но, видя своих братьев благоденствующими, он сорадуется и соутешается, считая благоденствие других собственным благоденствием, и, почитая все общим у друзей, сорадуется им в счастье и сострадает в несчастьях. Таковы дары кротости, такова жизнь живущих в смирении. Кроткий есть отец сирот, защитник вдовиц, покровитель бедности, помощник притесняемых, всегда защищающий справедливое. И для сына бывает достопочтенным отец, ведущий жизнь кроткую, и сын для отца, и раб для господина, и господин не другим чем-нибудь приобретает себе благорасположение слуг своих. Ибо когда они видят, что он находит удовольствие в смирении и со всеми обращается кротко, то весьма уважают его и удивляются ему, считая владельца своего более отцом, нежели господином. Кроткий любезен тем, которые видят его, любезен и тем, которые знают о нем по слуху, и нет никого, кто, слушая похвалы кроткому человеку, не пожелал бы видеть его, приветствовать и непрестанно смотреть на него, считая как бы выгодой для себя его дружбу. И если какие-нибудь люди ссорятся между собой за имущество, то прибегают к человеку доброму и кроткому в надежде, что всякая ссора и несогласие тотчас прекратятся от его доброты. Подлинно, когда случится людям враждовать между собой, то кротость судьи располагает быть кроткими и тех, которые легко приходят в негодование и гнев. Другие же, стараясь явиться примирителями враждующих, не могут внушить к себе такого уважения. Так, по моему мнению, в каждом деле убедительный советник есть тот, кто первый исполняет действия, которые он советует. Поэтому когда учитель кротости первый является исполняющим свои советы, то он, как только явится, тотчас укрощает неистовых, и не нужно ему ни убеждений, ни слов, но еще прежде произнесения каких-нибудь выражений он уже водворяет мир. Как луч солнца, являясь, тотчас прогоняет тьму, так и человек добрый и кроткий скоро превращает смятение и ссору в мир и тишину (1).

* * *

Нет ничего сильнее скромности и кротости. Поэтому и Павел повелел тщательно придерживаться этого, сказав: *рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников* (2 Тим. 2, 24). Не сказал «к братьям только», но *ко всем.* И еще: *кротость ваша да будет известна*, — не сказал «братьям», но — *всем человекам* (Флп. 4, 5). Ибо что пользы, говорит [Господь], *если вы будете любить любящих вас* (Мф. 5, 46) (2).

ЛЕНОСТЬ

Кто хочет ничего не делать, а всегда спать, тому, конечно, кажется трудным и есть и пить. Напротив, люди бдительные и бодрые не уклоняются и от весьма дивных и трудных дел, но приступают к ним с большей смелостью, чем беспечные и сонливые к весьма легким. Нет, точно нет ничего легкого, чего бы великая леность не представила нам весьма тяжелым и трудным, равно как нет ничего трудного и тяжкого, чего бы усердие и ревность не сделали весьма легким (2).

ЛИХОИМСТВО

Выражение «лихоимец есть идолослужитель» не преувеличено... Лихоимец отдаляется от Бога подобно идолослужителю. И чтобы ты не подумал, что это сказано просто, — есть Христово изречение, которое говорит: *не можете служить Богу и маммоне* (Мф. 6, 24). Те, которые работают маммоне, удалили себя от служения Богу, те же, которые отреклись Его владычества и служат бездушному золоту, явно суть идолослужители. Но я не делал, говорит [лихоимец], идола, не ставил жертвенника, не приносил в жертву овец, не возливал вина, но ходил в церковь, и руки воздевал к Единородному Сыну Божию, и в Таинствах участвую, и имею общение в молитве и во всем другом, что прилично христианину. Каким же образом я поклоняюсь, говорит, идолам? Это-то и удивительно, что ты, испытав и вкусив Божия человеколюбия и увидев, что благ Господь, оставил Благого и принял на себя владычество жестокого тирана. Говоришь, будто не работаешь ему, а на самом деле подверг самого себя жестокому и невыносимому игу сребролюбия. Но лихоимец не есть, говорят, идолослужитель. А что такое идолослужитель? Разве не тот, кто поклоняется страстям вместо того, чтобы владеть страстью?.. Не поклоняюсь, говоришь. Поче-

му? Потому что себя не сгибаешь? Но ты гораздо более воздаешь поклонения делами и поступками, потому что такое поклонение важное... Ты не закалаешь овец, но зато — людей и души разумные, иные — голодом, другие — клеветой. Ничего нет неистовее подобной жертвы. Кто видел, чтобы души закалались когда? Проклят жертвенник любостяжания! Если придешь к жертвеннику идолов, заметишь от него запах крови козьей и крови быков; если же подойдешь к жертвеннику любостяжания, заметишь тяжелый запах человеческой крови (1).

ЛИЦЕМЕРИЕ

Мы и не помышляем внимательно о грехах своих, и не исследуем благодеяний Божиих, и не смотрим на совершивших величайшие подвиги. Мы потому забываем о добрых делах, что и благополучием пользуемся неумеренно и, называя себя часто грешниками, говорим это неискренне. Это видно из того, что, когда услышим такое название от других, мы сердимся и раздражаемся и называем это обидой. Так во всем у нас лицемерие, и мы не подражаем мытарю, который, когда другой укорял его во множестве грехов, перенес эти укоризны и получил плод от дел своих — *пошел оправданным более* фарисея (Лк. 18, 14), а мы не знаем даже, что такое исповедание, хотя исполнены бесчисленных грехов (2).

ЛУКАВСТВО

Кто проще Давида? Кто лукавее Саула? А между тем, кто остался победителем? Что же сказать об Иосифе? Не в простоте ли сердца пришел он к госпоже своей, а та не имела ли коварного намерения? И, однако, скажи мне, потерпел ли он какой-либо вред? Кто проще Авеля? Кто коварнее Каина?.. Таким образом, если простой человек и получит рану, то получит не от себя, а от другого, лукавый же наносит удар прежде всего себе и больше никому, так что он враг самому себе. Душа такого человека всегда исполнена печали, мысли его всегда угрюмы. Если он должен выслушать или сказать что-нибудь, то все делает с нареканиями, все обвиняет. Дружба и согласие далеки от таких людей, у них ссоры, вражда и неприятности, такие люди и себя подозревают. Им

даже сон неприятен, равно как и ничто другое. Если же они имеют жену — о! тогда они всем враги и неприятели: бесконечная ревность, постоянный страх (1)!

ЛЮБОВЬ

Нет блага, которое не происходило бы от любви. Будем же укреплять любовь друг к другу, ибо *любовь есть исполнение закона* (Рим. 13, 10). Не нужно нам ни трудов, ни подвигов, если мы любим друг друга, это путь, который сам собой ведет к добродетели. Как на большой дороге: кто найдет ее начало, тот идет по ней, не нуждаясь в проводнике, — так и в любви: улови только ее начало, и тогда она поведет и направит тебя. *Любовь*, — говорит апостол, — *долготерпит, милосердствует, не мыслит зла* (1 Кор. 13, 4) (1).

* * *

Любовь есть глава, корень, источник и мать всех благ... без нее все прочее не приносит нам никакой пользы, она есть знак учеников Господа, отличительное свойство рабов Божиих, признак апостолов. *По тому узнают все*, — говорит Господь, — *что вы мои ученики* (Ин. 13, 35). Что же, скажи мне, значит *по тому*? По воскрешению ли мертвых, или по очищению прокаженных, или по изгнанию бесов? Нет, говорит Он и, умалчивая обо всем этом, присовокупляет: *по тому узнаю все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собою*. Такие дела суть дары одной вышней благодати, а любовь есть добродетель, зависящая и от человеческого усердия. Человека доблестного обыкновенно отличают не столько дары, посылаемые свыше, сколько заслуги собственных его трудов. Поэтому Христос и говорит, что Его ученики узнаются не по знамениям, а по любви. Когда есть любовь, то стяжавший ее не имеет недостатка ни в какой части любомудрия, но обладает всецелой, всесовершенной и полной добродетелью, равно как без нее он лишается всех благ. Поэтому и Павел восхваляет и превозносит ее, или, вернее сказать, сколько бы он ни говорил, никогда не в состоянии вполне выразить ее достоинства.

Что может сравниться с той, которая заключает в себе проро-

ков и весь закон и без которой ни вера, ни знание, ни ведение Тайн, ни само мученичество и ничто другое не может спасти того, кто достиг всего этого? *Если,* — говорит апостол, — *отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13, 3). И еще в другом месте объясняя, что любовь больше всего и есть глава всех благ, он сказал: *хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше* (1 Кор. 13, 8, 13) (2).

* * *

Знаешь ли ты, какова сила любви? Христос, не упоминая о всех чудесах, которые были совершены апостолами, сказал: *по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35), а Павел говорит, что *любовь есть исполнение закона* (Рим. 13, 19) и что без нее и дарования не приносят никакой пользы (1 Кор. 13, 1–2). Это-то превосходное сокровище — отличительное свойство учеников Христовых (2).

* * *

Ничто не больше любви и не равно ей, даже само мученичество, которое есть верховное из всех благ, а каким образом, послушай. Любовь и без мученичества делает учениками Христа, а мученичество без любви не могло бы сделать этого. Откуда это видно? Из самих слов Христа. Он говорил ученикам: *по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35). Вот, любовь без мученичества делает учениками. А что мученичество без любви не только не делает учениками, но и не приносит никакой пользы тому, кто терпит, послушай Павла, который говорит: *если отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13, 3) (5).

* * *

Питомец любви Павел сказал: *не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви* (Рим. 13, 8). Этот только долг всегда дается и никогда не выплачивается. Здесь постоянно быть в долгу хорошо и достохвально. В рассуждении долга мы хвалим тех, кто ничего не

должен, а в отношении к любви одобряем и почитаем всегдашних должников, и что там служит признаком бессовестности, то здесь — признак добросовестности, то есть никогда не выплачивать долга любви (6).

ЛЮБОВЬ БОЖИЯ К ЛЮДЯМ

Какое слово, какой ум может представить то блаженство [после смерти], то добро, удовольствие, славу, радость, веселье, светлость: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Не сказано просто, что эти блага превосходны, но что никто никогда не может и представить себе того, *что приготовил Бог любящим Его*. В самом деле, каковы должны быть те блага, которые приготовил и устроил сам Бог? Если, сотворив нас, Он тотчас, когда мы еще ничего не сделали, столько даровал нам: и рай, и общение с Ним Самим, обещал бессмертие, жизнь блаженную и свободную от забот, — то чего Он не дарует тем, которые столько делали, трудились и терпели для Него? Единородного Своего Сына Он не пощадил для нас, Истинного Сына Своего предал за нас на смерть. Если же Он удостоил нас таких благ, когда мы были Его врагами, то чего не удостоит, когда мы сделаемся Его друзьями?.. Он беспредельно богат и безгранично желает и старается сделать нас Своими друзьями, но мы нисколько не стараемся об этом... Мы для собственной нашей пользы едва ли пожертвуем малой частью золота, а Он за нас отдал Сына Своего. Будем же употреблять, как должно, любовь Божию, будем пользоваться дружеским Его расположением к нам (1).

* * *

Господь по человеколюбию Своему не одинаковой степени добродетели требует от нас, но и первых приемлет, и вторых не отвергает, и третьим дает место. По милосердию Своему Он не один только указал путь и не сказал, что тот будет отчужден, кто не принесет сторичного плода, но спасется и тот, кто принесет плод в шестьдесят крат, и даже кто в тридцать. Это для того он сказал, чтобы облегчить нам путь ко спасению. Итак, не можешь переносить трудного

состояния девства, вступи в брак и живи целомудренно. Не можешь совершенно расстаться с богатством, уделяй часть от имения твоего (1).

* * *

Многие говорят: если бы Бог любил бедных, то Он не попустил бы им быть бедными, — и другие, видя кого-нибудь страждущим продолжительной немощью и болезнью, говорят: где же милостыни Его, где добрые дела Его?.. Если и человек здравомыслящий не может ненавидеть добрых и любить злых, то как ты осмеливаешься говорить это о Господе, будто Бог ненавидит бедных, хотя бы они были добродетельными, и любит богатых, хотя бы они были порочными?.. Дабы тебе не грешить таким образом, узнай, что Бог любит и что ненавидит. Кого же любит Он? Того, кто исполняет заповеди Его. *И Я возлюблю его,* — говорит Он, — *и явлюсь ему Сам* (Ин. 14, 21), — не богатого, не здорового, но повинующегося Моим повелениям. А кого ненавидит Он и отвращается? Того, кто не исполняет заповедей Его. Итак, когда ты увидишь кого-нибудь, не исполняющего заповедей Его, то хотя бы он был здоровым, хотя бы окружен был богатством, полагай его в числе ненавидимых Богом. А добродетельного, хотя бы ты видел его в болезни или бедности, полагай в числе любимых Им. Ибо не к тем любовь Его, а к этим. Не видишь ли ты и в житейских делах, что любимые царями особенно и прежде всех подвергаются опасностям в сражениях, получают раны, посылаются в поход? Не слышал ли ты, что *Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6)? Но многие, скажешь, соблазняются, видя это. Так, но не по вине добродетельных, а по собственному невежеству. Не здесь воздание за труды наши, но здесь подвиги, а награды и венцы — после... Для чего Он установил таким образом? По снисхождению к роду человеческому. Труды Он назначил здесь, где жизнь краткая, а венцы сохранил для будущего, где жизнь нестареющая и бессмертная. Эти труды скоро оканчиваются и проходят, а то остается вечным и никогда не будет иметь конца. С другой стороны, через это Он упражняет души в любви к добродетели. Ибо когда душа избирает добродетель

несмотря на трудности и еще не получая награды, то оказывает расположение и великое усердие к ней; и когда она убегает порока несмотря на его удовольствия, еще не подвергаясь наказанию, то научается ненавидеть его и отвращаться (1).

* * *

Таково человеколюбие Божие! Никогда Он не отвергает искреннего раскаяния, но хотя бы кто дошел до самой крайней порочности, а потом решился бы возвратиться опять оттуда на путь добродетели, и такого Он принимает и приближает к Себе и делает все, чтобы привести его в прежнее состояние. И еще более человеколюбия вот в чем: если кто окажет не полное раскаянье, то и краткого и малого Он не отвергает, даже и за него назначает великую награду. Это видно из слов пророка Исайи, которые он сказал о народе иудейском: *за грех корыстолюбия его Я гневался и поражал его, скрывал лицо и негодовал; но он, отвратившись, пошел по пути своего сердца. Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его и утешать его* (Ис. 57, 17–18) (2).

* * *

Хотя бы мы тысячу раз согрешили и отступили от Него, Он никогда не перестанет устроять наше спасение, и если мы обратимся, то спасемся; если же будем упорствовать во зле, то по крайней мере ясно будет, что Бог делает все, от Него зависящее. Так и изгнание из рая, и удаление от древа жизни, и осуждение на смерть кажется делом наказующего и отмщающего, но на самом деле есть не меньше прежнего дело Промышляющего [о человеке] (2).

* * *

Всю благость Господа к нам ни познать, ни изъяснить невозможно; я же скажу главное из того, что мы знаем. После такого преслушания, после столь многих грехов, когда сила греха овладела всей вселенной, когда роду человеческому надлежало потерпеть самое жестокое наказание, совершенно погибнуть и самому имени его изгладиться, тогда Бог и оказал нам величайшее благодеяние: Он предал на смерть Единородного Своего Сына за врагов, отступивших, отвратившихся и ненавидевших Его, и через Него примирил нас

с Собой и обещал даровать нам Царство Небесное, жизнь вечную и бесчисленные блага... Что может сравниться с этой попечительностью, человеколюбием, благостью?.. И кротчайший Давид, рассуждая о человеколюбии Его, говорит: *сколь высоко небо над землею, (столь же великую) милость Свою Господь мощно явил на боящихся его. Насколько отстоит восток от запада, (настолько) Он удалил от нас беззакония наши. Как отец милует сынов, так Господь помиловал боящихся Его* (Пс. 102, 11–13), и даже еще больше, чем отец, но мы не знаем другого лучшего примера высочайшей любви. Выше этого пример представил Исайя, указав на мать, которая гораздо больше отца бывает привязана к детям. Он говорит так: *забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя,* — глаголет Господь (Ис. 49, 15), показывая этим, что милосердие Божие выше естественной привязанности... Это сказано применительно к твоему пониманию. Между тем, у Кого премудрость и благость беспредельны, у Того и человеколюбие таково же. Если же мы не замечаем Его человеколюбия в каждом событии, то и это знак Его беспредельности. Бог ежедневно устрояет для нашего спасения много такого, что известно Ему Одному. Он благодетельствует роду нашему по благости Своей, не нуждаясь ни в прославлении от нас, ни в каком-нибудь другом возмездии, и поэтому очень многое оставляет сокрытым от нас, а если иногда и открывает, то и это делает для нас, чтобы мы, проникнувшись чувством благодарности, сподобились еще большей помощи Его... А что Бог печется не только о всех вообще, но и о каждом в отдельности, это можно слышать от Него Самого, когда Он говорит так: *нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих* (Мф. 18, 14), разумея верующих в Него. Он желает, чтобы и неверующие в Него все спаслись, исправившись и уверовав в Него, как и Павел говорит: *хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4); и Сам Он говорил иудеям: *Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9, 13); и еще: *милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9, 13; Ос. 6, 6). Даже когда люди и

при такой попечительности о них не захотят исправиться и познать истину, и тогда Он не оставляет их, но так как они добровольно сами лишают себя небесной жизни, то Он доставляет им, по крайней мере, все необходимое для настоящей жизни: повелевает солнцу сиять на злых и добрых, посылает дождь на праведных и неправедных и подает все прочее для продолжения настоящей жизни. Если же Он так промышляет о врагах Своих, то оставит ли когда без попечения верующих в Него и угождающих Ему по силам своим? Нет, нет, о них Он более всех печется: *у вас и волосы,* — говорит Он, — *на голове все сочтены* (Лк. 7, 7) (2).

* * *

Ты не можешь и помыслить, сколько Он готов дать тебе. Не стыдись же, не красней или, лучше, стыдись грехов, только не отчаивайся, не оставляй молитвы, но, хоть ты и грешник, приступи, чтобы примирить с собой Владыку, чтобы дать Ему случай показать Свое человеколюбие в прощении твоих грехов. Стало быть, если побоишься приступить, помешаешь Его благости, преградишь путь щедротам Его милосердия, это зависит только от тебя (6).

* * *

Если Он (Господь) оказал такое человеколюбие ниневитянам за то, что они совершили трехдневное покаяние, тем более не презрит на нас, если только мы покажем искреннее раскаяние и, отстав от греха, вступим на путь добродетели. Так и о них, то есть ниневитянах, божественное Писание свидетельствует: увидел Бог, что обратился всякий от пути своего лукавого (см.: Иона 3, 10). Итак, если Он увидит, что и мы обратились к добродетели, и уклонились от греха, и ревнуем о совершении добрых дел, то примет и наше обращение и, освободив нас от бремени грехов, подаст нам дары Свои. Не столько мы сами желаем освобождения от грехов и ищем спасения, сколько Он спешит и ускоряет даровать нам и избавление от грехов, и блаженство спасения (8).

ЛЮБОВЬ К БЛИЖНИМ

Пусть каждый размыслит с самим собой, как он поступает в отношении к самому себе, также пусть поступает и в отношении

к ближнему. Никто не завидует себе, желает себе всех благ, предпочитает себя всему, старается делать все в свою пользу. Если таким же образом мы будем расположены и к другим, то прекратятся все бедствия, не будет ни вражды, ни любостяжания... Но возможно ли, скажешь, любить ближнего как себя самого? Если бы этого не исполняли другие, то ты справедливо мог бы думать, что это невозможно; если же исполняли, то очевидно, что у нас нет этого по нашему нерадению. С другой стороны, Христос не заповедует ничего невозможного, так что многие даже превзошли Его заповеди. Кто же исполнил это? Павел, Петр, весь сонм святых. Впрочем, если я скажу, что они любили ближних, то не скажу ничего важного, они любили врагов так, как другой не мог бы любить близких к себе. Кто из нас решился бы идти в геенну за близких к себе, имея возможность войти в Царство? Никто. Но Павел решился на это за врагов, бросавших в него камнями и бичевавших его... И еще прежде него блаженный Моисей за врагов, хотевших побить его камнями, желал быть изглажденным из книги Божией (см.: Исх. 32, 32). Также Давид, видя гибель врагов своих, говорил: *вот, я согрешил, я (пастырь) поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они* (2 Цар. 24, 17)? И, имея Саула в руках своих, не хотел умертвить его, но оставил в живых, тогда как сам подвергался опасности. Если же так было в Ветхом Завете, то можем ли получить прощение мы, живущие в Новом и не достигшие даже той меры любви, какой достигли они?.. *Любите*, — говорит Господь, — *врагов ваших,* и будете подобными Отцу вашему, Который на небесах (Мф. 5, 44, 48). Люби же врага, не ему ты через это благодетельствуешь, а себе самому. Как? Делая это, ты уподобляешься Богу. Тот, если будет любим тобою, получит небольшую пользу — он будет любим подобным себе рабом, а ты, если будешь любить подобного себе раба, то получишь великую пользу — ты сделаешься подобным Богу... Но что, скажешь, если он зол? Тем большая готовится тебе награда, и за самую злость его ты должен быть благодарным, если он, несмотря на множество благодеяний, остается злым; ибо если бы он не был весьма злым, то тебе не была бы

уготована великая награда. Таким образом, сама причина нелюбви, возражение твое, что он зол, должно быть побуждением к любви. Если не будет противника, то не будет и случая к получению венцов (1).

* * *

Мы должны славить Христа за первое основание любви к ближнему. Но мы видим, что многие имеют другие побуждения к любви: один любит потому, что его самого любят, другой — потому, что его уважают, иной — потому, что ближний в некотором житейском деле был для него полезен, а четвертый — почему-нибудь другому. Но трудно найти такого, который бы любил ближнего искренно и как должно — для Христа. Ибо многие соединены друг с другом только житейскими делами. Павел не так любил, он любил для Христа, и хотя не был любим так, как сам любил, не ослаблял любви своей, а дал ей укорениться в себе. Но нынешняя любовь не такова. Исследуя все, мы найдем у многих в любви более поэтического, нежели истинного... Весьма многие соединены между собой житейскими видами. Это открывается из причин, производящих вражду. Так как они соединены между собой преходящими выгодами, то поэтому любовь их не имеет ни пламенности, ни постоянства; напротив, каждая обида, или потеря денег, или зависть, или любовь к тщеславию, или что-нибудь другое подобное легко разрушает их любовь, ибо она не имеет духовного корня. Если бы был такой корень, то ничто бы житейское не могло разрушить духовного. Любовь, имеющая основанием Христа, тверда, постоянна, непобедима, ничто ее расторгнуть не может: ни клеветы, ни опасности, ни смерть, ни что-либо подобное. Кто таким образом любит, хотя бы претерпевал тысячи поражений за эту любовь, не оставит ее. Ибо кто любит за то, что его любят, тот — случись с ним неприятность — прервет любовь свою, а кто соединен той любовью, никогда не оставит ее. Поэтому Павел и сказал: *любовь никогда не перестает* (1 Кор. 13, 8). Что ты скажешь мне в защиту свою: тебя обидел тот, который был почтен тобою? Или облагодетельствованный тобой хотел убить тебя? Но если ты любишь для Христа, то и это располагает те-

бя к большей любви. Что у других служит к разрушению любви, здесь то же самое служит к утверждению ее. Почему же? Во-первых, потому, что таковой бывает для тебя виновником наград; во-вторых, потому что он имеет нужду в большей помощи и заботливости о нем. Потому, кто так любит, тот не разбирает ни рода, ни отечества, ни богатства, ни взаимной любви к себе, ни чего-либо другого, но, хотя бы его ненавидели, обижали, умерщвляли, не перестает любить, имея достаточную причину к любви — Христа. На Него неуклонно взирая, он пребывает тверд. Ибо и Христос таким же образом любил врагов неблагодарных, обидчиков, поносителей, ненавистников, не хотевших смотреть на Него, предпочитавших Ему дерево и камни, — любил их высочайшей любовью, подобной которой найти нельзя. Он говорит: *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Смотри, как Он заботится и о тех, которые распяли Его и которые столь неистовствовали над Ним! Так говорил Он к Отцу о них: *прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34), и после этого послал еще к ним учеников. Так поревнуем и мы этой любви и будем взирать на нее, чтобы сделаться подражателями Христу (1).

* * *

Мы дадим страшный ответ и в том, что теперь кажется маловажным, ибо Судия с одинаковой строгостью требует от нас [попечения о спасении] и нашем, и наших ближних. Поэтому Павел везде убеждает: *никто не ищи своего, но каждый пользы другого* (1 Кор. 10, 24); поэтому он и коринфян сильно порицает за то, что они не попеклись и не позаботились о впавшем в прелюбодеяние, но оставили без внимания опасную рану его (см.: 1 Кор. 5, 1–2); и в Послании к галатам говорит: *братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте таковою* (Гал. 6, 1). А еще прежде их он убеждает к тому же самому и фессалоникийцев, говоря: *увещавайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете* (1 Фес. 5, 11)... Чтобы кто-нибудь не сказал: «Что мне заботиться еще о других? — погибающий пусть погибает, а спасающийся пусть спасается. Это нисколько меня не касается, мне

повелено смотреть за собой», — чтобы кто-нибудь не сказал этого, Павел, желая истребить такую зверскую и бесчеловечную мысль, противопоставил ей такие законы, повелевая оставлять без внимания многое из своего, чтобы устраивать дела ближних, и требует во всем такой строгости жизни. Так и в Послании к Римлянам он заповедует иметь великое попечение об этом долге, поставляя сильных как бы отцами для немощных и убеждая заботиться об их спасении (см. Рим. 15, 1). Но здесь он говорит это в виде увещания и совета, а в другом месте потрясает души слушающих с великой силой, когда говорит, что нерадящие о спасении братий грешат против самого Христа и разрушают здание Божие (см. 1 Кор. 8, 12)... Таким образом, хотя бы у нас все было хорошо устроено в нашей жизни, нет нам никакой пользы, потому что и того греха довольно, чтобы ввергнуть нас в гееннскую пучину. Если и тех, которые не хотели помогать ближнему в телесных нуждах, не спасет никакое объяснение, так что, хотя бы они и подвиг девства совершили, будут все-таки извержены из брачного чертога, то опустивший гораздо важнейшее (потому что попечение о душе гораздо важнее) не потерпит ли по справедливости все бедствия? Бог создал человека не для того, чтобы он приносил пользу только себе самому, но и многим другим. Поэтому Павел и называет верующих *светилами* (Фил. 2, 15), выражая, что они должны быть полезны и другим, ибо светило не было бы и светилом, если бы освещало только себя. Поэтому он нерадящих о ближних называет худшими даже язычников в следующих словах: *если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного* (1 Тим. 5, 8) (2).

* * *

Блаженный Павел, выражая силу человеческой ревности и то, что мы можем достигать до самого неба... говорит: *подражайте Богу, как чада возлюбленные* (Еф. 5, 1). Потом, желая показать, что ничто столько не составляет этого подражания, как общеполезная жизнь и старание быть полезным для каждого, он присовокупляет: *живите в любви* (Еф. 5, 2)... Все прочие [добродетели] ниже ее, и все

имеют отношение к одному человеку, например, борьба с похотью, война с чревом, сопротивление сребролюбию, сражение с гневом, а любовь — это общее у нас с Богом. Поэтому и Христос говорил: *молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете* подобными Отцу вашему, *иже еси на небесех* (Мф. 5, 44). И Павел, признавая это главным из благ, совершал его с великим усердием. Подлинно, никто так не любил врагов, никто так не благодетельствовал строившим ему козни, никто так не страдал за оскорбителей своих (5).

* * *

В самом деле, можно дружески полюбить людей, которые далеко от нас и которых мы никогда не видали. Такова сила любви: она не задерживается дальностью расстояния, не слабеет от долговременности, не побеждается наведением искушений, но, побеждая все это, становится выше всего и востекает на высоту недосягаемую (7).

ЛЮБОВЬ К БОГУ

Люди не столько привлекаются благодеяниями, сколько вразумляются страхом. Но дивные и великие мужи и други Божии ни в чем этом не нуждаются. Таков, например, был Павел: он не думал ни о Царстве, ни о геенне. Вот это значит любить Христа, это значит не быть наемником, не смотреть на благочестивую жизнь как на промысел и на торговлю, а быть истинно добродетельным и делать все из одной любви к Богу. Каких же достойны мы слез, когда на нас лежит такой великий долг, а мы не стараемся и как купцы приобрести Царство Небесное (1)!

* * *

Если плотская любовь так порабощает душу, что отвлекает ее от всего и подчиняет влиянию одной возлюбленной, то чего не сделает любовь ко Христу и страх быть отлученным от Него?.. Если любовь человеческая часто побуждала решаться на смерть, то чего не сделает любовь Христова? Какой не облегчит трудности? Так и ему [Павлу] все было легко, потому что он взирал только на возлюбленного [Христа] и для Него все терпеть считал выше всякого удовольствия и наслаждения,

что и действительно так... И что я говорю о горестях настоящей жизни? Любовь Христова так одушевила его, что если бы ему предстояло терпеть для Христа и вечные наказания, он никогда не отказался бы и от этого, потому что он служил Христу не так, как мы, наемники, — страшась геенны и желая Царствия. Быв объят какой-то другой, несравненно лучшей и блаженнейшей любовью, он и терпел и делал все не для чего иного, как для того, чтобы только удовлетворить любви, которую питал ко Христу и которая так овладела умом его, что он охотно расстался бы и с тем, что для него было дороже всего, т.е. пребыванием со Христом, для чего он пренебрегал и геенной, и Царством Небесным. Решившись для Христа встретить и с великой готовностью принять как одно из вожделеннейших благ даже и это невыразимое отлучение [от Христа за израильтян. (Рим. 9, 3)]...

После речи о бедствиях в этом мире, сказав: *кто отлучит нас от любви* Христовой? *Скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч* (Рим. 8, 35), и, перечислив все, что на земле, он восходит на Небо и, желая показать, что пренебрегать для Христа здешними наказаниями не великое дело, прибавил: *ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 8, 38–39). Смысл слов его такой: не только люди не будут в состоянии отвлечь меня от этой любви, но и Ангелы, и даже если соберутся вместе все небесные силы, и они не будут в состоянии сделать этого. Что я говорю? Даже если бы надлежало для Христа лишиться Царствия или низринуться в геенну, и это мне не страшно... Так говорил он не потому, что Ангелы станут усиливаться отлучить его от Христа, но он на словах предполагает то, чего и быть никогда не может, чтобы изобразить и объяснить всем свою великую любовь. Таково свойство любящих: они не могут молчать о своей любви, но обнаруживают свой пламень перед всеми ближними, непрерывной беседой о превосходстве любви успокаивая свою душу. Так поступил и блаженный [Павел], обняв словом все, что есть и что будет, что случается и чего никогда не слу-

чится, видимое и невидимое. Всякое наказание и всякую отраду он, как будто этого ему было недостаточно для выражения своего чувства, предположив и выразив словом столько же других несуществующих предметов... таким образом показал, что из всего сказанного ничто не может отлучить его от *любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем.* На такую высоту поднял свою любовь [Павел], а мы, получившие повеление подражать ему, не переносим благодушно и здешних скорбей, но сетуем и ропщем не менее одержимых горячкой (2).

ЛЮБОПЫТСТВО

Пекущихся о вере и жизни найдется немного, а гораздо более таких, которые исследуют и изыскивают то, чего найти невозможно и изыскание чего оскорбляет Бога. Когда мы усиливаемся познать то, чего Бог не хотел открыть нам, то мы и не узнаем этого (ибо как можно узнать, если это не угодно Богу?) и за любопытство свое только подвергнемся опасности. Между тем и при таком положении дела кто со властью станет заграждать уста исследующим недоступные предметы, тот навлечет на себя упрек в гордости и невежестве (2).

ЛЮБОСТЯЖАНИЕ

Душа, быв однажды пленена любостяжанием, уже нелегко и неудобно может удерживаться, чтобы не сделать или не сказать чего-либо такого, что прогневляет Бога, так как она делается уже рабой другого господина, и притом такого, который повелевает ей все, противное Богу (1).

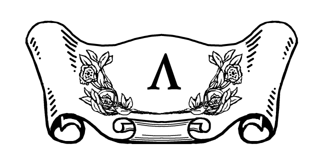
* * *

Любостяжание есть старая закваска, и куда оно ни попадет, в какой дом ни вторгнется, делает его нечистым. Хотя бы ты немного приобрел неправедно, заквасил этим все свое состояние. Поэтому часто немногое, приобретенное бесчестно, ниспровергало многое, накопленное честно. Ибо нет ничего опаснее любостяжания: хотя бы ты к своему казнохранилищу приделывал ключи, запоры, напрасно будешь делать все, если заключил внутри любостяжание, этого злейшего разбойника, который может отнять у тебя все. Как же, скажешь, многие

любостяжатели не подвергаются этому? Непременно подвергнуться, хоть и не вдруг, а если избегнут теперь, то тем страшнее будет тогда: они соблюдаются для большего наказания. Притом если они сами избегнут, то наследники их испытают заслуженное ими. Но, скажешь, справедливо ли это? Весьма справедливо. Получивший наследство, приобретенное неправедно, хоть сам и не похищал, но владеет чужой собственностью, знает это хорошо и потому справедливо может пострадать. Ибо если бы ты взял что-нибудь от грабителя, а потом ограбленный пришел бы к тебе и стал требовать свое обратно, то мог ли бы ты оправдываться тем, что не ты ограбил его? Отнюдь нет. Что отвечал бы ты, скажи мне, против обвинения? Что другой отнял? Но ты владеешь. Что другой ограбил? Но ты пользуешься. Это известно и из законов внешних, которые, не касаясь похитителей и грабителей, повелевают взыскивать с тех, у кого кто найдет свою собственность. Итак, если ты знаешь обиженных, то вознагради их и сделай так, как сделал Закхей, с великим избытком (см. Лк. 19, 8), а если не знаешь, то я укажу тебе другой путь и не лишу тебя врачевства: раздай все бедным и таким образом исправишь зло. Если же иные передали такое имущество детям и внукам, то они испытали вместо одного другое зло. Но что я говорю о том, что бывает здесь? Не будет ли говорено об этом в тот день, когда предстанут обнаженными те и другие, и ограбленные, и грабители, или, лучше сказать, неодинаково обнаженными. От имущества они будут одинаково обнажены, но одни из них будут покрыты грехами, нажитыми с имуществом... Что ты скажешь Судие? Теперь ты можешь обмануть суд человеческий, а тогда этого суда уже не будет. Или, лучше, не можешь и теперь, ибо и теперь тот суд в своей силе. Бог видит все совершающееся и *близок* к обиженным, даже и не *призывающим* Его (Пс. 144, 18). Обиженный, хотя бы он был и недостоин того, чтобы мстить за него, непременно имеет Бога мстителем за себя, потому что причиненное ему зло неугодно Богу. Как же, скажешь, такой-то нечестивец благоденствует? Но не надолго. Послушай, что говорит пророк: *не ревнуй лукавым... ибо они, как трава, скоро засохнут* (Пс. 36, 1–2) (1).

* * *

И что подлинно чудно и удивительно, некоторые [иудеи] в то время [в пустыне в Египте] старались собирать [манны] больше надлежащего, и такое любостяжание не приносило им никакой пользы. Пока они соблюдали надлежащую меру, манна оставалась манной, а когда старались собирать больше, то любостяжание обращало манну в червей; и хотя они делали это не в ущерб другим, — потому что, не похищая пищу у ближнего, они собирали больше, — однако были осуждены за то, что желали большего. Хотя они нисколько не вредили ближнему, но весьма много вредили себе самим, таким способом собирания приучаясь к любостяжанию (6).

МАЛОВЕРИЕ

Что же касается до заповеди *не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6, 34), то я не знаю никого, кто бы слушался и повиновался ей по маловерию нашему. Поэтому от стыда пройду молчанием эту заповедь. Хотя надлежало бы верить Христу и тогда, как Он просто объявляет, но теперь мы не верим Ему, когда Он представил и неопровержимые доказательства и привел примеры, именно: птиц и травы; напротив, подобно язычникам и даже с бо́льшим, нежели они, малодушием, терзаемся попечением [о земном], и о чем даже не получили повеления молиться, на то истощаем всю свою заботливость (2).

МАЛОДУШИЕ

Итак, что такое кротость и что малодушие? Когда мы, видя других оскорбленными, не защищаем их, а молчим, это — малодушие; когда же сами, получая оскорбления, терпим, это — кротость (1).

* * *

Малодушие бывает причиной погибели, подобно беспечности. Малодушен непереносящий обид, малодушен непереносящий искушений; именно он и есть посеянный на камне (1).

МАТЬ

Апостол Павел говорит, что жена *спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием* (1 Тим. 2, 15). Он говорит о воспитании, что отцы и матери могут пожать плоды добродетели своих детей, когда хорошо воспитают их. В том немалая, но весьма великая будет состоять для них награда, что они воспитали ратоборцев Христу. Впрочем, каким образом спасется жена, если она сама будет бесчестна и исполнена бесчисленных пороков? Неужели воспитание детей

принесет ей какую-либо пользу? Не будет ли вероятным, что она воспитает их подобными себе? О добродетельной матери говорит он это, а не о всякой, что она получит великую награду и воздаяние. Слушайте это, отцы и матери: воспитание детей для вас не останется без награды. Подлинно, немаловажное дело посвятить Богу детей, данных от Бога. Если они [родители] твердые опоры и основания положат под здание, то будут иметь великую награду, а за нерадение подвергнутся наказанию (1).

* * *

Не родить только дело матери: это зависит от природы, но воспитывать — дело матери, потому что это зависит от воли. А чтобы ты убедился, что не рождение делает матерью, но хорошее воспитание их [детей], послушай Павла, который удостаивает венца вдову не за рождение, а за воспитание детей. Сказав: *вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя... известная по добрым делам*, он указал потом на главное из добрых дел: *если она воспитала детей* (1 Тим. 5, 9–10). Не сказал: если она родила детей, но *если она воспитала детей* (5).

МЕСТЬ

Слез достойны не те, которые терпят обиду, но те, которые причиняют ее. Лихоимец, клеветник и всякий, делающий какое-либо другое зло, вредят гораздо больше самим себе, а нам приносят величайшую пользу, если мы не отмщаем за себя. Положим, например, такой-то ограбил тебя, а ты за обиду возблагодарил и прославил Бога. Через это благодарение ты приобрел себе бесчисленные награды, равно как тот приготовил себе неизреченный огонь. Если же кто скажет: что ж, если я не мог отомстить обидевшему меня, потому что я слабее его? — то я отвечу вот что: ты мог сердиться и гневаться, потому что это в нашей власти, мог желать зла опечалившему тебя, тысячекратно проклинать его и всюду бесславить. Следовательно, кто этого не сделал, тот получит награду и за то, что не мстил, ибо очевидно, он не стал бы мстить и в том случае, если бы мог это сделать. Ведь обиженный, если он малодушен, пользуется всяким оружием: мстит обидевшему

проклятиями, ругательствами, наветами. Итак, ты не только не делай этого, но и молись за него, а если ты не только не сделаешь этого, но и станешь молиться за него, то будешь подобен Богу. *Молитесь за обижающих вас... да будете сынами Отца вашего Небесного* (Мф. 5, 44). Видишь, какую великую пользу получаем мы от обид, причиняемых нам другими? Ничем так не услаждается Бог, как тем, когда мы не воздаем злом за зло... нам заповедано воздавать противным — благодеяниями, молитвами. Поэтому и Христос воздал Иуде, хотевшему предать Его, благодеяниями: умыл ему ноги, обличал его тайно, укорял с кротостью, служил, удостоил его трапезы и целования, — и хотя Иуда и от этого не сделался лучше, однако же Он не переставал делать свое (1).

* * *

Апостол говорит: *будьте долготерпеливы ко всем. Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем* (1 Фес. 5, 14-15). Если не до́лжно воздавать злом за зло, то тем более — злом за добро, тем более не воздавать злом, когда наперед не сделано зла. Но такой-то, говоришь, человек злой; он оскорбил меня и много причинил обид. — Ты хочешь мстить ему? Не мсти! Оставь его без наказания и делай ему добро. В том-то и состоит высшее любомудрие, чтобы не только не платить злом за зло, но добром! Ибо поистине это такое мщение, которое приносит и вред другому, и пользу тебе или даже великую пользу и ему, если он захочет. И не только платить добром за зло, но и радоваться в скорбях заповедует апостол: *всегда радуйтесь* (1 Фес. 5, 16)... Именно когда мы имеем такую душу, что никому не мстим, но всем благодетельствуем; тогда каким образом, скажи мне, может проникнуть в нее жало скорби? Каким образом вообще может быть опечален тот, кто столько радуется в злострадании, что причинившему зло платит благодеяниями? Но как это возможно, говорят? — Возможно, если захотим. Апостол показал далее и путь к этому: *непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия* (1 Фес. 5, 17). Всегда благодарить есть свойство души любомудрствующей. Ты потер-

пел какое-нибудь зло? Но если хочешь, оно вовсе не будет злом. Возблагодари Бога, и зло обратится в добро. Скажи и ты подобно Иову: *да будет имя Господне благословенно* (Иов 1, 21). Ибо скажи мне, что такое потерпел ты? Тебя постигла болезнь? Но в этом нет ничего необыкновенного, ибо тело наше смертно и подвержено болезням. У тебя случился недостаток в деньгах? Но их можно и приобрести и потерять, и они остаются здесь. Против тебя злоумышляют и клевещут враги? Но виновники этого не нам причиняют обиду, а самим себе. *Душа согрешающая,* сказано, *она умрет* (Иез. 18, 20). А согрешил не тот, кто потерпел зло, но тот, кто причинил зло. Следовательно, до́лжно не мстить умершему, а до́лжно молиться за него, чтобы исхитить его у смерти. Не видите ли, что пчела, ужалив, умирает? Через это насекомое Бог учит нас тому, чтобы мы не оскорбляли ближних, потому что в таком случае сами наперед подвергаемся смерти. Уязвляя их, мы, может быть, причиняем им некоторую боль, но сами, подобно этому насекомому, уже не останемся живы (1).

* * *

Мщение есть столь великое зло, что и Божие человеколюбие прекращалось от него и уже данное прощение в бесчисленных грехах через него отменялось. Так, тот, которому прощено было десять тысяч талантов и за простую просьбу дарована была столь великая милость, когда стал требовать от подобного себе раба сто динариев, т.е. стал требовать наказания за проступки в отношении к нему, то жестокостью к своему товарищу произнес приговор против себя самого, и не за другое что-нибудь, а только за это он и предан был мучителям, и был наказан, и должен был уплатить множество талантов, и никакого не получил прощения и оправдания, но потерпел жесточайшие мучения, и повелено было взыскать с него весь долг, который прежде человеколюбие Божие простило ему (7).

МИЛОСЕРДИЕ

Он [Господь] сделал тебя участником Своих благ, не только не получив ничего Сам от тебя, но еще предупредив тебя этим неизреченным благодеянием.

Итак, не великое ли безумие получать такие дары и между тем самому быть нечувствительным и не воздавать взаимно за благодеяние, и притом меньшим за большее? Он сделал тебя наследником Неба, а ты не хочешь пожертвовать для Него и земным. Он примирил тебя с Отцом несмотря на то, что ты не только не сделал ничего доброго, но даже был врагом, а ты не хочешь воздать другу и благодетелю, тогда как, не говоря о Царствии и о всем прочем, ты обязан воздать Ему благодарность за то самое, что можешь дать. Когда рабы приглашают господ на пир, делают это не с тем, чтобы доставить им удовольствие, но чтобы самим получать от них. Но здесь, напротив, не слуга пригласил своего господина, но Господь призвал слугу к трапезе Своей. А ты неужели не хочешь пригласить Его и после этого? Он прежде ввел тебя в дом Свой, а ты не хочешь сделать этого и после? Он прикрыл твою наготу, а ты и после этого не хочешь дать Ему приюта, как страннику? Он прежде утолил жажду твою из Своего сосуда, а ты не хочешь дать Ему и капли холодной воды? Он тебя напоил дарами Духа Святого, а ты не хочешь утолить и телесной Его жажды? Тебя напоил Духом тогда, как ты был достоин наказания, а ты презираешь Его, когда Он жаждет, хотя на все это ты должен был употребить Его же дары? Ужели ты почитаешь маловажным держать ту чашу, которую будет подносить к устам и из которой будет пить Христос? Ужели ты не знаешь, что один только Священник имеет право предлагать чашу крови? Но Я на это не смотрю строго, говорит Христос, а принимаю и у тебя, хотя бы ты был мирянин, Я не отвергну тебя и не требую того, что Я Сам тебе дал. Ибо Я требую не крови, но студеной воды. Представь, кому ты предлагаешь питье, представь и трепещи. Помысли, что ты сам делаешься священником Христа, когда руками своими подаешь не тело, но хлеб, не кровь, но чашу холодной воды. Он облек тебя одеждой спасения и облек Сам, и ты сделай то же, хотя через раба. Он прославил тебя на Небесах, а ты по крайней мере защити Его от страха, наготы и бесславия. Он удостоил тебя сожительства с Ангелами, а ты прими Его только под кров твой, по крайней мере, дай Ему приют как бы рабу своему. Я не пренебрегаю прию-

том этим, говорит Христос, хотя Сам Я отверз для тебя целое Небо. Я освободил тебя от тягчайшего плена, но не требую того же от тебя и не говорю: освободи Меня; для Моего утешения довольно, если ты только обратишь на Меня внимание тогда, как Я нахожусь в узах. Я воскресил тебя из мертвых и не требую, чтобы и ты сделал то же, но говорю: посети Меня только во время Моей болезни. Итак, каких адских мучений не достойны мы, если при столь великих благодеяниях, изливаемых на нас, и при столь легких требованиях от нас не исполняем последних? Будучи нечувствительнее камня, мы по всей справедливости пойдем в огонь, уготованный диаволу и ангелам его. Итак, зная, что мы получили, что надеемся получить и то, что требуется с нашей стороны, не будем привязываться к вещам временным. Будем снисходительны и милосердны, чтобы нам не подвергнуться тяжкому наказанию (1).

* * *

Христос не удовлетворился смертью и Крестом, но соблаговолил стать нищим, бесприютным, нагим, быть заключенным в темницу, терпеть болезни, только бы тебя через это привлечь к Себе. Ежели не вознаграждаешь Меня за то, что Я страдал за тебя, говорит Он, то сжалься над Моей нищетой. Если не хочешь сжалиться над нищетой, тронься Моей болезнью, умилосердись, видя узы. Если же и это не преклонит тебя к человеколюбию, обрати внимание на легкость просьбы. Прошу не чего-либо дорогого, но куска хлеба, приюта, одного утешительного слова. А если и при всем этом остаешься непреклонным, то сделайся добрее хоть ради Царства, ради наград, обещанных тебе Мною. Но ты и их не уважаешь? Так преклонись к жалости хоть по естественному чувству, видя Меня нагим, и вспомни о той наготе, какую Я терпел за тебя на Кресте... И тогда нуждался Я для тебя, и теперь для тебя же нуждаюсь, только бы ты, тронувшись тем или другим, захотел оказать какое-нибудь милосердие... Хоть ты обязан Мне воздаянием за бесчисленные благодеяния, но Я не прошу у тебя, как у должника, а венчаю тебя как за дар и за эти малости дарю тебе Царство. Не говорю: избавь Меня от нищеты или обогати

Меня, хотя и для тебя обнищал Я, но прошу хлеба, одежды, небольшого утешения в голоде. Когда нахожусь в темнице, не принуждаю снять с Меня узы, вывести Меня из темницы, но домогаюсь одного только, чтобы ты навестил связанного за тебя, и это принимаю за большую милость, за это одно дарю тебе Небо. Хотя Я избавил тебя от самых тяжких уз, но Сам довольствуюсь и тем, что захочешь посетить Меня связанного. Конечно, и без этого могу увенчать тебя, однако хочу быть должником твоим, хочу, чтобы венец доставил тебе и некоторое дерзновение. Поэтому хотя Сам Себя могу пропитать, однако хожу и прошу, стою у дверей твоих и простираю руку. Для тебя самого хочу, чтобы ты накормил Меня. Поскольку сильно люблю тебя, то и желаю вкусить что-нибудь с твоего стола, как водится у друзей. И хвалюсь тем перед лицом целой вселенной, во услышание всех, возвещаю о тебе каждый раз, всем показываю накормившего Меня (1).

* * *

Милосердие и сострадание — вот чем мы можем уподобиться Богу, а когда мы не имеем этого, то не имеем ничего. Не сказал Господь: если станете поститься, то будете подобны Отцу вашему. Не сказал: если станете соблюдать девство или если станете молиться, то будете подобны Отцу вашему. Все это не относится к Богу, и Бог не делает ничего такого. Но что? *Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6, 36). Это — дело Божие. Если же ты не имеешь этого, то что же и имеешь? *Милости хочу,* — говорит Он, — *а не жертвы* (Ос. 6, 6) (1).

* * *

Милосердие без девства возводило имеющих его на небо, а девство без милосердия не в силах было сделать это. Если же такова сила этой добродетели, то со всем усердием будем внимать беседе о ней (6).

МИЛОСТЫНЯ

Апостол Павел в Послании к Коринфянам, намереваясь излагать учение нравственное, переходит к главнейшему из благ, именно говорит о милостыне: *при сборе же для святых посту-*

пайте так, как я установил в церквах Галатийских. В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние (1 Кор. 16, 1–2). Не сказал: пусть приносят в церковь, дабы им не стыдно было приносить малое, но пусть, сберегая мало-помалу, увеличивает приношение и потом покажет его, когда я приду, а до того времени, говорит, отлагай у себя и дом свой делай церковью, ковчегом, сокровищницей, будь стражем священного имущества, самопоставленным домостроителем бедных: человеколюбие дает тебе это священное право...

Устроим в своем доме ковчежец для бедных, который пусть находится около того места, где ты становишься на молитву. И всякий раз, как приступаешь к молитве, наперед положи милостыню и потом воссылай молитву. Как ты не начинаешь молитвы, не умыв рук, также не начинай ее без милостыни. Положить милостыню не меньше значит, как повесить Евангелие близ своей кровати, ибо если ты, повесив Евангелие, сам ничего не будешь делать, то не получишь столько пользы, а устроив такой ковчежец, ты имеешь оружие против диавола, окрыляешь свою молитву, освящаешь свой дом, сохраняя в нем царское брашно. Пусть стоит этот ковчежец у твоей кровати, и ночь твоя будет без метаний, только не полагай в него ничего от неправедных стяжаний: дело твое есть милостыня, а милостыня не может происходить от жестокосердия. Хотите ли, я укажу вам и источники, откуда заимствовать такие приношения, дабы таким образом сделать их легкими? Ремесленник, — например, сапожник, кожевенник, медник или какой-нибудь иной художник, — продав что-нибудь из произведений своего искусства, пусть приносит начаток цены Богу. Пусть отлагает некоторую часть в тот ковчежец и этой малой частью поделится с Богом. Не большого требую, но столько, сколько приносили сыны иудейские, исполненные бесчисленных зол, столько же будем отлагать и мы, чающие неба. Впрочем, не поставляю этого законом, не запрещаю отлагать и больше, но только прошу отлагать не менее десятой части. То же самое делайте не только при продаже, но и при покупке... Не говорю о ростовщиках, равно и воинах, которые

притесняют других и обогащаются от чужих несчастий, а говорю о людях, собирающих имущество трудами праведными. Если мы утвердимся в такой привычке, то потом совесть будет укорять нас, как скоро мы не станем исполнять этого правила; сами испытаем, что это дело нетрудное, перейдем мало-помалу к высшим добродетелям и, научившись презирать богатство и исторгнув в себе корень зол, проведем спокойно жизнь настоящую и достигнем жизни будущей (1).

* * *

Нужно великое милосердие. Оно в особенности делает сильным врачевство покаяния. Как во врачебных средствах лекарство хотя много трав содержит в себе, но главную — одну, так и в покаянии подобной многоцелебной травой бывает милосердие, и даже от него зависит все. Ибо послушай, что говорит Божественное Писание: *подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41); и еще: *искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным* (Дан. 4, 24); и еще: *вода угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи* (Сир. 3, 30) (1).

* * *

Милостыня есть великое благо и Божий дар, и подаяние милостыни уподобляет нас по возможности Самому Богу. Это наипаче* и делает человека человеком. Потому некто, представляя образец человека, сказал между прочим: великое дело человек и драгоценное — человек милостивый. Благодать эта важнее дара воскрешать мертвых. Ибо напитать алчущего Христа гораздо важнее, чем именем Иисусовым воскрешать мертвых. Там ты благодетельствуешь Христу, а здесь — Он тебе. И награда тому, кто сам делает добро, а не тому, кто принимает от другого добро. При совершении чудес ты делаешься должником Богу, а в деле милостыни ты одолжаешь Бога. А творим мы милостыню, когда подаем ее охотно, щедро, когда думаем, что не даем, но сами принимаем, когда признаем ее для себя благодеянием и приобретением, а не потерей. Если же иначе подаем, то милостыня не благодать.

* Наипаче — особенно. *(Примеч. ред.)*

Оказывающий другому милость должен радоваться, а не печалиться. С чем сообразно, если, облегчая скорбь другого, сам скорбишь? Тогда твое подаяние уже не милостыня. Ибо если печалишься о том, что избавил другого от печали, то подаешь пример крайней жестокости и бесчеловечия. Лучше не подавать, нежели так подавать. И действительно — о чем ты печалишься? О том ли, что уменьшается у тебя золото? Если так рассуждаешь, то совершенно не давай. Если не веришь, что отлагается тебе на небе великое сокровище, то не уделяй. Но ты хочешь воздаяния здесь? Для чего? Пусть милостыня будет милостыней, а не куплей. Правда, многие получили воздание и здесь, но это не значит, что они будут иметь больше тех, кто здесь не получил. Напротив, некоторые из них получили вознаграждение здесь как немощнейшие, потому что еще несильно возжелали будущих благ. Как люди жадные, незнающие приличия и раболепствующие чреву, быв призваны на царскую трапезу и не дожидаясь надлежащего времени, подобно малым детям, лишают себя истинного удовольствия, когда хватают вперед и наполняют чрево худшими яствами, так и те, которые ищут награды здесь и получают ее, уменьшают будущую свою награду. Давая в заем, ты желаешь обратно получить отданное по прошествии долгого времени, а не вскоре, чтобы таким замедлением увеличилась лихва. А в деле милостыни тотчас требуешь воздаяния, и хотя знаешь, что не здесь, а там будешь жить вечно, что не здесь будешь судим, а там отдашь отчет. Если бы кто построил тебе дом там, где тебе не жить, то не счел ли бы ты этого бесполезным: как же ты желаешь быть богатым здесь, откуда еще до наступающего вечера можешь не один раз отойти? Разве не знаешь, что мы, подобно странникам и пришельцам, пребываем здесь на чужой стороне (1)?

* * *

Хочешь ли почтить Тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим. И что пользы, если здесь почтишь Его шелковыми покровами, а вне храма оставишь терпеть и холод, и наготу? Изрекший: *сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26), и утвердивший это словом, сказал также: вы видели Меня алчущего

и не напитали; и далее: *так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне* (Мф. 25, 45). Для этого таинственного Тела нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть нищие, имеют великую нужду в нашем попечении. Научимся быть любомудрыми и почитать Христа, как Сам Он того хочет. Почитаемому приятнее всего та честь, которой он сам желает, а не та, которую мы признаем лучшей. И Петр думал почтить Господа, не допуская Его умыть ноги, однако же это было не почтение, а нечто тому противное. Поэтому и ты почитай Его той честью, какую Сам Он заповедал, то есть истощай богатство свое на бедных. Богу нужны не золотые сосуды, но золотые души.

Говоря это, не запрещаю делать богатые вклады, требую только, чтобы вы вместе с вкладами и даже прежде них творили милостыню. Хотя Бог приемлет и вклады, но гораздо лучше милостыню. Там один приносящий получает пользу, а здесь и приемлющий. Там дар бывает иногда поводом к тщеславию, а здесь все делается по одному милосердию и человеколюбию. Что пользы, если трапеза Христова полна золотых сосудов, а Сам Христос томится голодом? Сперва напитай Его алчущего, а потом остальное употреби на украшение трапезы Его. Ты делаешь золотую чашу и не даешь чаши студеной воды! Что пользы устроить для трапезы златотканные покровы, а Христу не дать и нужного для прикрытия? Какой плод от этого? Скажи, например, ты видишь человека, не имеющего у себя необходимой пищи, и вместо того, чтобы утолить его голод, только стол обкладываешь серебром, поблагодарит ли он тебя за это или, скорее, огорчится? И еще, ты видишь человека, покрытого рубищем и окостеневшего от холода, и вместо того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что делаешь это в честь его. Не скажет ли он, что над ним насмехаешься, и не почтет ли этого крайней обидой? То же представь и о Христе, когда Он, как бесприютный странник, ходит и просит крова, а ты вместо того, чтобы принять Его, украшаешь пол, стены, верхи столбов, привязываешь к лампадам серебряные цепи, а на Христа, связанного в темнице, и взглянуть не хочешь. Говоря это, не запрещаю и в том быть щедрым, но

советую также не оставлять другого или даже и предпочитать последнее. За неисполнение первого никто никогда не был осужден, а за неисполнение последнего угрожает геенна, и огонь неугасимый, и мучение вместе с демонами. Итак, украшая дом Божий, не презирай скорбящего брата, ибо сей храм превосходнее первого. Те утвари могут похитить и неверные цари, и тираны, и разбойники, а что сделаешь для брата алчущего и странного и нагого, того похитить не может сам диавол, оно сбережется в неприступном хранилище.

Поэтому, прочитав все узаконения о милостыне, данные и в Новом, и в Ветхом Завете, употребим все старание на исполнение их. Это и грехи очищает, ибо сказано: *подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41). Это важнее жертв: *милости хочу, а не жертвы* (Ос. 6, 6). Это отверзает небеса: *молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом* (Деян. 10, 4). Это нужнее девства. Как одни были изгнаны из брачного чертога, так другие введены были в него! Зная все это, будем сеять щедро, дабы с большим изобилием пожать и получить будущие блага (1).

* * *

Апостол Павел, обличая коринфян, что они оставляют бедных голодными, когда сами приобщаются Святых Таин, стараясь пристыдить их и сделать кроткими, обращает речь к важнейшему предмету: *ибо я*, говорит, *от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание* (1 Кор. 11, 23–24)... Господь твой, говорит, удостоил всех одной и той же Трапезы, и притом самой страшной и много превосходящей достоинство всех, а ты считаешь других недостойными твоей трапезы, маловажной и незначительной, и тогда как они не получают от тебя ничего из благ духовных, отнимаешь у них и телесные, хотя и они не твои... Для чего он напоминает нам об этом времени, об этой вечери и предательстве? Не просто и не без причины, но дабы сильнее тронуть и самым временем. Ибо

всякий, хотя бы кто-либо был даже камнем, представив, как в эту ночь Господь скорбел с учениками, как был предан, связан, веден и осужден, как терпел все прочее, сделается мягче воска, отрешится от земли и всей здешней суеты. Для того апостол и напоминает нам обо всем этом, пристыжает нас... и говорит: Господь твой предал Себя Самого за тебя, а ты не хочешь уделить и хлеба брату для самого же себя (1)?

* * *

Для чего я напрасно предлагаю свои увещания людям, которые не хотят отказаться от привязанности к деньгам, считают их как бы бессмертными, и если подадут только малое из многого, то думают, что уже исполнили все? Нет, это не милостыня. Милостыня — подаяние той вдовы, которая пожертвовала *все пропитание свое* (Мк. 12, 44). Если же ты не хочешь подать столько, сколько эта вдова, то отдай, по крайней мере, все лишнее: пусть будет у тебя всего достаточно, но без излишества. Но никто не подает даже и лишнего, а пока ты имеешь множество слуг и шелковые одежды, то все это лишнее (1).

* * *

Милостивый не облекается в подир, не носит позвонков*, не возлагает на себя венца, но облечен в одежду человеколюбия, которая святее священнической одежды, помазан елеем, который составлен не из чувственного вещества, но возделан Духом Святым, имеет венец, сплетенный из щедрот, как сказано в Писании: *венчает тебя милостью и щедротами* (Пс. 102, 4)... Достойно удивления, что тогда двойные двери и покровы делали Святилище безлюдным, а ныне, принося жертву среди народа, можно приносить ее, как бы вступив во Святая Святых и еще более страшное Святилище. Если ты делаешь это не на показ людям, то хотя бы вся вселенная видела, никто не видал... Такая жертва человеколюбия превосходнее всех других. Итак, когда видишь кого-то из верных бедного, представляй, что видишь жертвенник. Когда видишь такого нищего, не

* Подир — риза ветхозаветных священников. Позвонки — колокольчики, которые носили ветхозаветные священники на своей одежде. *(Примеч. ред.)*

только не оскорбляй, но и почти, и если видишь, что другой его оскорбляет, останови, защити (1).

* * *

Бог воздаст каждому по делам его, и через них только можно и спастись, и подвергнуться мучению. *Приобретайте себе друзей богатством неправедным* (Лк. 16, 9). Будем же повиноваться, ибо это заповедь Господня, будем избытки богатства своего разделять нуждающимся, будем совершать милостыню, пока она в нашей власти, это и означает *приобретать друзей богатством*. Будем расточать богатство на бедных, дабы истощить тамошний огонь, дабы погасить его, дабы там иметь дерзновение. Там не они [друзья] примут нас, но дела наши. Не просто одно только приобретение друзей может спасти нас, как это видно из самого прибавления. Ибо почему Господь не сказал: приобретайте себе друзей, да примут вас в вечные кровы, — но присовокупил и то, каким образом сделать это. Сказав *богатством неправедным*, Он выразил, что надо приобретать друзей посредством имущества и внушил, что одна только дружба не защитит нас, если мы не будем иметь добрых дел, если не расточим праведно богатства, собранного неправедно. Такая заповедь о милостыне относится не только к богатым, но и к бедным, хотя бы кто питался, прося милостыни у других, и к нему относится эта заповедь. Ибо нет, истинно нет ни одного человека настолько бедного, хотя бы он был крайне беден, чтобы у него не нашлось даже *две лепты* (Мк. 12, 42). Следовательно, можно и дающему малое из малого превзойти имеющих много и дающих много, как и было с упомянутой вдовой. Ибо величие милостыни измеряется не мерой подаваемого, но произволением и усердием подающих. Так везде нужно произволение, везде нужна любовь к Богу. Если мы будем делать все по ее побуждению, то хотя бы мы давали немного, имея немного, — Бог не отвратит лица Своего, но примет и малое как великое и необыкновенное. Ибо Он смотрит на произволение, а не на то, что дается (1).

* * *

Милостыня есть превосходнейшая художница и покровительница упражняющихся в ней,

ибо она любезна Богу и находится близ Него, легко испрашивая милость тем, кому хочет, только бы мы не оскорбляли ее, а она оскорбляется тогда, когда мы делаем ее из похищенного имущества. Если же она чиста, то доставляет великое дерзновение воссылающим ее к Богу. Сила ее такова, что она умоляет даже за падших и согрешивших. Она разрешает узы, разгоняет мрак, погашает пламень, умерщвляет червя, избавляет от скрежета зубов. Для нее беспрепятственно отверзаются врата небесные... Когда мы подвергаемся суду, она внезапно прилетает, является, избавляет нас от наказания, осеняя своими крыльями. Богу она угодна больше жертвы, о ней Он часто беседует, так она любезна Ему!.. Ничто столько не отличает христианина, как милостыня, ничему столько не удивляются неверные и все, как делам милосердия... Послушай пророка, который говорит: *я же — как маслина плодовитая в доме Божием* (Пс. 51, 10). Будем подобны маслине, оградимся со всех сторон заповедями, ибо недостаточно быть только маслиной, но надобно быть и плодовитой. Есть люди, которые подают милостыню мало: или во весь год однажды, или один раз в каждую неделю, или только при случае. Они — маслины, но неплодовитые, и даже сухие. Как подающие милостыню, они — маслины, а как подающие нещедро, они — маслины неплодовитые. Будем же плодовитыми. Я часто говорил и теперь повторяю: важность милостыни измеряется не количеством подаваемого, но расположением подающего (1).

* * *

Кто постигнет его [нищего] бедствие, тот, конечно, тотчас окажет ему милость. Когда ты увидишь нищего, то не отвращайся от него, но тотчас помысли, каков был бы ты сам, если бы был на его месте. Чего хотел бы ты получить от всех?.. Представь, что и он свободен так же, как ты, имеет одинаковую с тобой благородную природу и все у него общее с тобой, и между тем его, который нисколько не хуже тебя, ты часто не равняешь даже со своими собаками: эти вполне насыщаются хлебом, а тот нередко засыпает голодным, так что свободный становится ниже твоих рабов... Вот сильная

стужа. Нищий лежит на помосте, одетый в рубище, умирая от холода, скрежеща зубами, и видом и одеждой возбуждая сострадание, но ты, одетый тепло и опьяневший, проходишь мимо, не обращая на него внимания. Как же ты желаешь, чтобы Бог избавил тебя, когда ты находишься в опасности?.. И вот что странно: нередко тело мертвое, безжизненное, уже не чувствующее почестей, ты прикрываешь множеством разнообразных и позлащенных одежд, а тело страждущее, болезненное, мучимое и изнуряемое голодом и стужей, ты презираешь, более угождая тщеславию, нежели страху Божию. И если бы только это! Но тотчас начинаются еще укоризны на подходящего бедняка. Почему, говоришь ты, он не работает? Зачем ест хлеб, не трудясь? Но ты сам, скажи мне, своими ли трудами приобрел то, что имеешь? Не отцовское ли получил наследство? А если бы ты и трудился, то неужели поэтому ты можешь укорять другого? Разве ты не слышал слов Павла? *Вы же,* — говорит он, — *не унывайте, делая добро*; и говорит это после того, как сказал: *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (1 Фес. 3, 13, 10).

Но он, говоришь ты, обманщик? Что говоришь ты, человек? Из-за одного хлеба и одежды ты называешь его обманщиком? Но он тотчас продаст ее [одежду], говоришь ты. А ты сам хорошо ли распоряжаешься всем своим имуществом? Как, неужели все нищие сделались такими от праздности? Неужели никто от кораблекрушений, никто от судилищ, никто от воров, никто от несчастий, никто от болезней, никто от каких-нибудь других обстоятельств? Между тем мы, слыша бедного, жалующегося на подобные несчастья, взывающего громким голосом, устремляющего взоры на небо, с открытой головой, с распущенными волосами, одетого в рубище, тотчас называем его обманщиком, плутом, лицемером. Не стыдно ли тебе? Кого ты называешь обманщиком? Если не хочешь ничего дать, то по крайней мере не поноси человека. Но, говоришь ты, он имеет средства и притворяется. Это служит к осуждению тебя, а не его. Он знает, что имеет дело с людьми жестокосердными, скорее со зверями, нежели с людьми, — что сколько бы он ни произносил жалобных воплей, никого не тронет, потому и принужден принимать

на себя вид, еще более жалкий, чтобы приклонить твою душу. Когда мы увидим, что какой-нибудь подходит к нам в опрятной одежде, то говорим: он обманщик, он подходит в таком виде, чтобы показать, что он из благородных, а когда увидим кого-нибудь в противной одежде, то укоряем и его. Что же им делать? О, жестокость! О, бесчувственность! Для чего, говоришь ты, они обнажают изувеченные члены? Для тебя. Если бы мы были сострадательны, то им не нужно было бы прибегать к таким средствам, если бы они могли трогать с первого взгляда, то не ухищрялись бы таким образом. Какой несчастный захотел бы так вопить, принимать на себя отвратительный вид, вместе с обнаженной женой рыдать перед всеми, вместе с детьми посыпать себя пеплом? Что может быть хуже такой крайности? Но и за это мы не только не оказываем им сострадания, но еще осуждаем их... Но, говоришь ты, я часто подавал. А ты разве не каждый день принимаешь пищу? Разве ты отталкиваешь своих детей, хотя они и часто просят тебя? О, бесстыдство! Ты называешь нищего бесстыдным? Сам, похищая чужое, ты не считаешь себя бесстыдным, а просящий хлеба бесстыден?.. Не видишь ли ты увечных старцев? Но — о, злословие! — этот, говорите вы, дает в долг по стольку-то червонцев, а тот по стольку-то и между тем просит милостыню. Вы рассказываете басни и сказки малых детей, которые они часто слышат от своих нянек; я не думаю, не верю, не может быть. Такой-то дает деньги в рост, а сам при своем достатке просит милостыню? Для чего же, скажи мне? Что может быть постыднее прошения милостыни? Лучше умереть, нежели просить милостыню. Но доколе мы будем жестокосердыми? Как, неужели все они дают деньги в рост? Неужели все обманщики? Неужели нет ни одного действительно нищего? Есть, говоришь ты, и много. Почему же ты не оказываешь помощи им, если ты точно знаешь жизнь их? Нет, это — предлог и отговорка. Всякому *просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся* (Мф. 5, 42)... Мы не поставлены быть судьями жизни других, иначе мы никому не подадим милостыни. Когда ты молишься Богу, то не говоришь ли: *не помяни грехов моих* (Пс. 24, 7)?

Так и о нищем, хотя бы он был великий грешник, думай то же и не поминай грехов его. Ныне время человеколюбия, а не строгость суда, милости, а не осуждения. Он хочет есть. Если желаешь — дай ему, если же не желаешь — откажи, не исследуя, почему он беден и несчастен. Для чего ты и сам не подаешь ему и желающих подать отклоняешь? Ибо когда кто-нибудь услышит от тебя, что этот нищий — обманщик, лицемер, ростовщик, то не подаст ни ему, ни другим, подумав, что они все таковы. Известно, как легко мы верим худому, и как нелегко — хорошему. Мы должны быть не просто милосердны, а *как Отец наш Небесный* (Мф. 5, 48). Он питает и блудников, и прелюбодеев, и обманщиков, и вообще всякого рода злодеев. В настоящем мире необходимо быть и такого рода многим. Он же всех питает, всех одевает, и никто никогда не умирал с голоду, разве только по собственной воле. Так и мы должны быть милосердны. Если кто просит у тебя и находится в нужде, помоги ему. Но мы ныне дошли до такого безумия, что поступаем так не только с нищими, ходящими по переулкам, но и с монашествующими: он, говорим, обманщик (1)!

* * *

Теперь у нас сугубый голод... [голод] насыщения посредством милостыни. Ныне и мы, и бедные терпим голод, они — нуждаясь в необходимой пище, а мы — лишаясь милости Божией. Не может быть ничего необходимее такого насыщения. Здесь не бывает зла, происходящего от пресыщения, здесь избыток пищи не выходит вон...

Итак, приведем в действие ныне все роды милостыни. Можешь деньгами? Не медли. Можешь ходатайствовать? Не говори, что у тебя нет денег, это ничего не значит. Весьма много значит и то, если только будешь расположен, как бы ты подавал деньги. Можешь услугой? Сделай и это. Например, ты врач по званию? Позаботься о больных, и это много значит. Можешь советом? Это гораздо важнее всего: совет тем лучше и выше всего, чем большую он приносит пользу. Ибо им ты избавляешь не от голода, но от лютой смерти. Им и апостолы были особенно богаты, поэтому раздаяние потребностей они вверили

низшим, а сами пребывали в служении слову (см. Деян. 6, 1-4). Или, думаешь ты, невелика будет милостыня, если душу, предавшуюся унынию, находящуюся в крайней опасности, одержимую пламенем страсти, освободишь от этой болезни? Например, ты видишь друга, одержимого сребролюбием? Окажи милость этому человеку. Он хочет удавиться? Угаси пламень его. А что, если он не послушается? Ты делай свое дело и не ленись. Видишь связанного узами? — Ибо сребролюбие поистине есть узы. — Приди к нему, посети его, утешь, постарайся освободить от уз. Если не согласится, сам будет виноват. Видишь нагого и странника? — Ибо поистине есть нагой и странник для неба непекущийся о добродетельной жизни. — Возьми его в дом свой, одень в одежды добродетели, сделай гражданином неба. А что, скажешь, если я сам наг? Одень наперед себя самого; если знаешь, что ты наг, то, конечно, знаешь и то, что ты должен одеться (1).

* * *

В притче о десяти девах... когда надлежало прийти жениху, то неразумные говорят мудрым: *дайте нам вашего масла,* а последние отвечают им: *чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе* (Мф. 25, 8–9). Не об елее и огне говорит здесь Писание, но о девстве и человеколюбии, означая девство под видом огня, а милостыню под видом елея и показывая, что девство имеет великую нужду в человеколюбии, без которого невозможно спастись. Кто же те, которые продают этот елей? Кто иной, как не бедные? Они не столько получают, сколько сами дают. Считай же милостыню не за расход, а за приход, не за ущерб, а за приобретение, потому что через нее ты больше получаешь, нежели даешь. Ты даешь хлеб, а получаешь жизнь вечную, даешь одежду, а получаешь одеяние бессмертия, даешь пристанище под своим кровом, а получаешь Царство Небесное, даешь блага погибающие, а получаешь блага постоянно пребывающие. Но, скажешь, как я могу подавать милостыню, когда я беден? Тогда особенно и можешь ты подавать милостыню, когда ты беден. Богатый, опьяненный обилием богатства, пламенеющий жесточайшей горячкой и одер-

жимый ненасытной страстью, желает увеличить свое имущество, а бедный, не зараженный этой болезнью и свободный от этого недуга, легче сделает подаяние из того, что у него есть. Милостыня зависит не от количества имущества, но от степени душевного расположения. Так, вдовица отдала две лепты и превзошла пресыщенных богатством, и другая вдовица, имевшая только горсть муки и немного елея, приняла к себе [пророка], имевшего небесную душу. Ни для одной из них бедность не была препятствием. Итак, не ссылайся на бесполезные и напрасные предлоги. Бог требует не изобилия приношения, но богатства душевного расположения, которое выражается не мерой подаваемого, но усердием подающих (2).

* * *

Не уделять из своего имущества есть также хищение... Я представлю вам из Божественных Писаний свидетельство о том, что не только похищать чужое, но и не уделять из своего другим означает хищение, и любостяжание, и отнятие. Какое же это свидетельство? Укоряя иудеев, Бог через пророка говорит: земля принесла плоды свои, и вы не внесли десятин, но похищенное у бедного в домах ваших (см. Мал. 3, 10). Так как вы, говорит, не дали обыкновенных приношений, то похитили собственность бедного. Этими словами Он внушает богатым, что они владеют собственностью бедных, хотя бы получили отцовское наследство, хотя бы собрали богатство каким-либо другим способом. И еще в другом месте говорит: *живота нищего не лиши** (Сир. 4, 1), а лишающий отнимает чужое, потому что отнятием называется то, когда мы берем и удерживаем у себя чужое. Итак, из этого мы научаемся, что когда мы не подаем милостыни, то будем наказаны наравне с похитителями. Это имущества Господни, откуда бы мы их ни собрали, и если мы уделим из них бедным, то приобретем великое богатство. Бог попустил тебе иметь больше других не для того, чтобы ты тратил на блудодеяние, и пьянство, и пресыщение, и дорогие одежды, и на другие предметы роскоши, но для того, чтобы ты

* В синодальном переводе: не отказывай в пропитании нищему.

уделял нуждающимся. Как казнохранитель, получивший царские деньги, если не раздаст их кому приказано, а истратит на собственную прихоть, подвергается наказанию и погибели, так и богач есть как бы приемщик денег, следующих к раздаче бедным, получивший повеление разделить их нуждающимся из его сослужителей, поэтому если он истратит на себя сколько-нибудь сверх необходимой нужды, то подвергнется там жесточайшей ответственности, потому что имущество его принадлежит не ему собственно, но его сослужителям.

Будем же беречь имущество как чужое, чтобы оно стало нашим. Как же нам сберечь его как чужое? Если будем тратить его не на излишние надобности и не на свои только, но и уделять в руки бедным, если ты богат, но тратишь сверх нужды, то ты дашь отчет во вверенных тебе деньгах. Это бывает и в домах вельмож: многие вверяют свои сокровища слугам своим, а получившие берегут вверенное им и не злоупотребляют сокровищами, но раздают их, кому и когда прикажет господин. Так поступай и ты, ибо не для того ты получил и принял больше других, чтобы исстрачивать одному, но чтобы и для других ты был хорошим домоправителем (3).

* * *

Авраам не расспрашивал проходивших, кто они и откуда, как мы ныне делаем, но просто принимал всех проходивших, потому что оказывающий благотворительность должен не жизнь бедного исследовать, но помочь бедности удовлетворить нужде. Одно оправдание у бедного — недостаток и нужда, ничего больше не спрашивай у него, но если он, хотя бы был порочнее всех, нуждается в необходимой пище, то утоли голод его. Так поступать повелел и Христос: *да будете*, — говорил Он, — *сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45). Милосердный есть пристань для нуждающихся, а пристань принимает всех, потерпевших кораблекрушение, и спасает от опасностей: злые ли, или добрые, или кто бы ни были те, которые находятся в опасности, — она принимает их в свои объятья. Так и ты, видя человека, под-

вергшегося на земле кораблекрушению бедности, не осуждай и не требуй отчета, но избавь от несчастья. Для чего ты навлекаешь на себя труды? Бог освободил тебя от всякой заботы и беспокойства. Сколько стали бы многие говорить и негодовать, если бы Бог повелел сперва с точностью разведывать жизнь, разузнавать поведение и поступки каждого и потом уже подавать милостыню? А теперь мы освобождены от всякого такого затруднения. Для чего же мы сами навлекаем на себе излишние заботы? Иное — судья, иное — податель милостыни. Милостыня потому так и называется, что мы подаем ее и недостойным. Так поступать увещевает и Павел: *делая добро, да не унываем... будем делать добро всем, а наипаче своим по вере* (Гал. 6, 9–10). Если мы станем расспрашивать и разведывать о недостойных, то и достойные не скоро попадутся нам, а если будем подавать и недостойным, то и достойные и подобные всем им попадут в наши руки, как и случилось с блаженным Авраамом, который, не расспрашивая и не разведывая о проходящих, сподобился принять некогда и Ангелов... Достоинство бедного составляет одна нужда, кто бы когда ни пришел к нам с ней, не станем ничего исследовать, потому что мы подаем не нраву, а человеку, и жалеем его не за добродетель, а за несчастье, чтобы и самим нам привлечь на себя великую милость от Господа, чтобы и самим нам, недостойным, сподобиться его человеколюбия (3).

* * *

[Апостол Павел] сказал: *при сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских* (1 Кор. 16, 1)... Смотри на мудрость апостола, как благовременно он коснулся этого предмета. Наперед напомнил о будущем суде и страшном том судилище, о славе, которой облекутся праведные, и о вечной жизни, а потом уже предлагает слово и о бедных, чтобы слушатель, одушевившись приятными надеждами и сделавшись благорасположеннее, принял это наставление с большим усердием, когда в нем будет жив страх суда и душа станет услаждаться ожиданием будущих благ. В самом деле, кто в состоянии любомудствовать о воскресении и весь перенесся

в будущую жизнь, тот почтет за ничто все настоящее: и богатство, и обилие, и золото, и серебро, и драгоценные одежды, и удовольствия, и роскошный стол, и все прочее, подобное этому, а кто считает все это за ничто, тот весьма легко примет на себя попечение о бедных. Поэтому и Павел, приготовив наперед ум коринфян рассуждением о воскресении, предложил потом и увещание.

И не сказал о милостыне к бедным или к нищим, но *для святых*, научая этим слушателей почитать и бедных, когда они благочестивы, и презирать богатых, когда они небрегут о добродетели... С этим он и коринфянам тайно внушал не высокомудрствовать и не гордиться получением такого повеления, как будто бы они подавали людям низким и презренным, но твердо знать и уверять себя, что, удостаиваясь иметь общение в скорбях бедных, они получают величайшую почесть (6).

* * *

Земледелец, когда бросает семена в землю и на это издерживает все свое достояние, не печалится, не скорбит и эту трату считает не потерей, но выгодой и прибылью, хотя надежда его и не несомненна. Не странно ли, что ты, который сеешь не с такой, но с гораздо более верной надеждой, и можешь вручить серебро самому Христу, — уклоняешься, медлишь и ссылаешься на бедность? Разве Бог не мог повелеть земле, чтобы она произрастила чистое золото? Кто сказал: *да произрастит земля зелень, траву сеющую семя* (Быт. 1. 11), и тотчас представил эту зелень во всей красе, тот мог повелеть, чтобы и источники и реки текли везде золотом. Но Он не хотел этого, а оставил многих жить в бедности: и для их, и для твоей пользы. Бедность более способствует добродетели, нежели богатство, и за кем есть грехи, те могут находить немалое утешение в пособии нуждающимся. Сам Бог так печется об этом, что когда Он пришел и облекся плотью и жил с людьми, то не отрекся и не почел за стыд Самому заботиться о бедных. Он умножал хлебы, одним повелением творил все, что хотел, мог и в одну минуту представить тысячи сокровищ и, однако, не сделал этого, но повелел ученикам своим иметь ящик, носить, что туда

опускали, и из этих денег помогать бедным. Когда Он прикровенно говорил Иуде о предательстве, ученики, не понимая, о чем шла речь, подумали, что Он велел Иуде подать что-нибудь бедным, потому что тот, сказано, *имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали* (Ин. 12, 6). Бог много печется об оказании милосердия не только с Его стороны нам, но и с нашей стороны подобным нам. Он и в Ветхом, и в Новом Завете дает множество законов об этом, повелевая быть милосердным всячески — и словами, и деньгами, и делами... Не будем же нерадеть об этом деле, потому что через него мы приносим величайшую пользу не бедным, а себе, и больше получаем, нежели даем (6).

* * *

Если мы станем исследовать образ жизни [нуждающихся], то не окажем милости ни одному человеку, но из-за такой неуместной пытливости останемся бесплодными, никому не подадим помощи и будем трудиться без всякой пользы и напрасно. Поэтому прошу вас, оставив неуместную пытливость, подавайте [милостыню] всем нуждающимся и делайте это с великой щедростью, чтобы и нам самим удостоиться в тот день [будущего суда] великой милости и снисхождения от Бога (6).

* * *

Будем прилагать великое усердие к милостыне, потому что иначе невозможно достигнуть Царства Небесного. Если девство без милостыни не могло привести в Царство, то какое другое доброе дело может или будет в состоянии сделать это без нее? Нет, никакое. Итак, всей душой и всеми силами будем подливать елея в светильники, и пусть это делается щедро и постоянно, чтобы свет всегда был ясный и обильный. Ты смотри не на бедного, который принимает, но на Бога, который воздает, не на того, кто получает серебро, но на того, кто делается должником твоим. Для того один принимает, а другой платит, чтобы, с одной стороны, бедность и несчастье принимающего расположили тебя к милости и состраданию, а с другой — богатство имеющего отдать, ручающегося за уплату с великой прибавкой, внушало надежду на некоторую выгоду и располагало

к милостыне с большей щедростью. Кто, скажи мне, имея в виду получить во сто раз более и будучи совершенно уверен в уплате, не отдаст всего?

Не будем же беречь деньги или, лучше, будем деньги беречь, потому что кто бережет свое имущество, тот полагает его в эту неприкосновенную сокровищницу, недоступную ни для разбойников, ни для слуг, ни для злых завистников и ни для каких козней. Если же ты, слыша и это, не решаешься отдать что-нибудь из своего имущества и ни стократное получение, ни несчастье бедного и ничто другое не может склонить тебя, то вспомни о своих грехах, войди в сознание своей греховности, исследуй всю свою жизнь, смотри тщательно все свои грехопадения, и тогда, хотя бы ты был бесчеловечнейшим из всех людей, постоянно чувствуя страх за свои согрешения и надеясь милостыней заслужить себе их прощение, ты отдашь и само тело твое, не только деньги. Если страдающие ранами, желая избавиться от болезней телесных, не жалеют никакого имущества и готовы отдать даже саму одежду, чтобы избавиться от своей болезни, то тем более мы, желая избавиться милостыней от болезни душевной и от тяжких ран греховных, должны оказывать ее со всем усердием. Притом в болезнях, бросая серебро, нельзя вдруг исцелиться от боли, но часто нужно испытать и рассечение, и прижигание, и горькие лекарства, и голод, и холод, и другие тягчайшие предписания, а здесь не так, но достаточно отдать серебро в руки бедных — и все грехи тотчас омоются без боли и труда. Врач, исцеляющий душу, не имеет нужды ни в приемах, ни в орудиях, ни в железе, ни в огне, но Ему довольно сделать только мановение — и все грехи исчезают из нашей души и обращаются в ничто.

Не видишь ли, какие суровые подвиги переносят монахи, возлюбившие уединенную жизнь и удалившиеся на вершины гор? Имея постелью землю, одеваясь во власяницу, облагая все тело веригами и заключив себя в хижине, они постоянно борются с голодом, живут в слезах и невыносимых бодрствованиях, чтобы омыть хоть малую часть своих прегрешений, а тебе можно без всяких подобных суровых подвигов этим легким и удобным способом доказать свое благоче-

стие. Что за труд, скажи мне, пользуясь имуществом, употреблять излишнее сверх нужды на бедных? Если бы даже не было положено награды, если бы даже не было назначено воздаяния, то само свойство дела не в состоянии ли убедить самых упорных употреблять избытки на утешение нуждающихся? А когда за милостыню есть такие венцы, такие награды, такое прощение грехов, то какое, скажи мне, будут иметь оправдание те, которые жалеют денег и потопляют душу свою во грехах? Если же тебя ничто другое не располагает и не побуждает к состраданию и милостыне, то вспомни о неизвестности кончины и представь, что если ты не дашь бедным, то с наступлением смерти невольно оставишь все другим, и потому будь человеколюбивым теперь. Подлинно, было бы крайне безумно не давать добровольно другим нуждающимся из того, чего мы должны будем лишиться невольно, тогда как притом мы можем получить такие блага за эту щедрость. *Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка,* — говорит апостол, — *а после их избыток в восполнение вашего недостатка* (2 Кор. 8, 14). Что значат эти слова? Ты получаешь больше, нежели даешь: даешь чувственное, а получаешь умственное и духовное; даешь серебро, а получаешь отпущение грехов; ты избавляешь бедного от голода, а он избавляет тебя от гнева Божия. Это — некоторая мена и торговля, приносящая прибыток гораздо больше расхода и выгоду значительнее. Расход состоит в деньгах, а прибыток не в деньгах только, но и в отпущении грехов, в дерзновении перед Богом, в Царстве Небесном и в наслаждении такими благами, что *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9). Поэтому не нелепо ли, — тогда как купцы не жалеют ничего из своего имущества, имея в виду не какую-нибудь необыкновенную прибыль, но подобную истраченной сумме, — мы, имея в виду за тленные и преходящие блага приобрести не преходящие и тленные, но нетленные и бессмертные, не оказываем такой же попечительности о своем имуществе, как и они (6)?

* * *

Когда творишь милостыню, не испытывай жизни бедного и

не требуй от него отчета в его нравах. Милостыня милостыней потому и называется, чтобы мы подавали и недостойным. Милующий не исправного, а согрешившего милует, исправный достоин похвал и венцов, а грешник — милости и снисхождения. Таким образом, мы и в этом будем подражать Богу, если будем подавать и порочным. Подумай, сколько живет во вселенной злословцев, преступников, волшебников, исполненных всякого зла, но и их Бог питает каждый день, научая нас простирать благотворительность на всех. А мы поступаем совершенно напротив. Мы отвращаемся не только от злых или дурных людей, но когда подойдет к нам человек здоровый, подвергшийся бедности или по справедливости, или по свободе, или, может быть, и по лености — допущу и это, — то мы, осыпав его порицаниями, бесчестиями и бесчисленными шутками, отсылаем его с пустыми руками, понося здоровье, укоряя леность, требуя отчета. Неужели на это ты поставлен, человек, чтобы необдуманно обвинять и укорять нуждающихся? Бог повелел миловать и исправлять их бедность, а не требовать отчета и презирать. Или ты хочешь исправить их образ жизни, отвлечь от лености и на дело подвигнуть ленивца? Ты наперед подай и тогда укоряй, чтобы строгость не навлекла на тебя подозрения в жестокости, но чтобы тебе получить славу человека попечительного. Кто не подает, а только укоряет, от того бедный отвращается, того ненавидит, на того даже смотреть не хотел бы, и весьма справедливо, так как он думает, что укоризны происходят не от попечительности, а от нежелания подать, как действительно и бывает. А кто укоряет после подаяния, тот делает свое увещание удобоприемлемым, потому что высказывает порицание не по бесчеловечию, а из попечительности (6).

* * *

Я, говорят, воспитываю детей, забочусь о доме, кормлю жену, имею много необходимых расходов, поэтому я не в состоянии подавать милостыню приходящим ко мне. Что говоришь ты? Ты воспитываешь детей и поэтому не подаешь милостыни приходящим к тебе? Но для них-то тебе и до́лжно подавать милостыню бедным, для этих самых

детей и для покровительства им, чтобы небольшими деньгами тебе умилостивить Бога, который дал их тебе, чтобы оставить им предстателя в Нем и после твоей смерти, чтобы привлечь на них благоволение свыше этими деньгами, издерживаемыми для Бога. Не видишь ли, как многие часто вносят в свои завещания людей богатых и сильных, не имеющих с ними никакого родства, и делают их сонаследниками своих детей единственно для того, чтобы пожертвованием небольших денег доставить своим детям обеспечение, и притом не зная, как после смерти их будут расположены сделавшиеся участниками в наследстве? А ты, зная человеколюбие, благость и справедливость своего Владыки, не сделаешь Его участником в твоем завещании? Не сделаешь Его сонаследником детей твоих?.. Это — величайшее наследство, это — богатство, это — обеспечение. Введи Его в участники наследства здесь, чтобы Он ввел тебя и твоих детей в наследство там. Вот наследник благородный, человеколюбивый, благой, сильный, богатый, так что ни в чем невозможно подозревать общение Его. Потому милостыня и называется сеянием, что она есть не расход, а прибыток (6).

* * *

Приобретайте себе друзей, говорит Он, *богатством неправедным* (Лк. 16, 9). Посмотри, каково человеколюбие Владыки, какова благость и справедливость. Он не напрасно высказал такое прибавление. Так как у многих богачей богатство собрано грабежом и жадностью, то Он говорит: это дурно, и не следовало тебе так собирать деньги, но так как ты уже собрал, то отстань от грабежа и жадности и воспользуйся для должного своими деньгами. Не то я говорю, чтобы ты, грабя, оказывал милостыню, но чтобы ты, прекратив жадность, воспользовался богатством для милостыни и человеколюбия. Кто не удерживается от грабежа, тот не может совершать и милостыни, но хотя бы он отдавал множество денег в руки нуждающихся, деньги других, грабя и жадничая, он будет сочтен Богом наравне с человекоубийцами. Поэтому нужно наперед отстать от жадности и тогда подавать милостыню бедным. Велика сила милостыни... Бедные — врачи наших душ,

благодетели, предстатели, потому что ты не столько даешь им, сколько получаешь: даешь серебро, а получаешь Царство Небесное, облегчаешь бедность и примиряешь себя с Владыкой. Видишь ли, что воздаяние неравномерно? То — на земле, а это — на небе, то гибнет, а это остается, то — тленное, а это — выше всякого тления. Для того отцы наши и поставили бедных перед дверями молитвенных домов, чтобы один вид бедных мог даже в самом нерадивом и бесчеловечном пробудить воспоминание о милостыне. Когда здесь стоит сонм стариков, согбенных, набросивших на себя рубища, иссохших, загрязненных, с палками, с трудом могущих держаться, часто и слепых, и изувеченных всем телом, то кто будет таким каменным, таким адамантовым, чтобы устоять против этой старости, немощи, увечья, бедности, жалкой одежды и вообще всего, преклоняющего его к состраданию, и остаться неподдающимся на все это? Поэтому они и стоят перед нашими дверями, видом своим сильнее всякого слова склоняя и призывая входящих к человеколюбию. Как в преддвериях молитвенных домов обыкновенно устаиваются умывальницы, чтобы идущие молиться Богу сначала омыли руки и тогда простирали их на молитву, так и бедных отцы поставили перед дверями подобно источникам и умывальницам, чтобы мы, как умываем руки водой, так, очистив наперед душу человеколюбием, потом приступали к молитве... Ты на торжище приобрел себе много дурного: враг огорчил тебя, судья принудил тебя сделать что-нибудь ненадлежащее, извергал часто неуместные слова, друг склонил тебя сделать что-нибудь греховное и ты во многом другом провинился, в чем легко провиниться человеку, обращающемуся на торжище, председающему в судилищах, участвующему в городских делах, — во всем этом ты приходишь просить у Бога прощения и защиты. Брось же серебро в руки бедных и оботри эти нечистоты, чтобы с дерзновением ты воззвал к Тому, кто может отпустить тебе грехи. Если ты поставишь себе в обычай никогда не приступать к этому священному преддверью без милостыни, то волею или неволею никогда не опустишь этого доброго дела: такова привычка! (6)

* * *

Будем прилагать великое усердие к милостыне и не станем говорить, что такой-то порочен и недостоин благодеяний, такой-то ничтожен, такой-то презренен. Ты смотри не на достоинство нуждающегося в помощи, а только на нужду. Хотя бы он был ничтожен, низок и презренен, Христос вменяет тебе это в награду так, как бы Он сам через него получал благодеяния...

Когда не подаем бедным, мы даем обманщикам. Часто воры или коварные слуги, взяв, уходят, или теряем по другим обстоятельствам, а если и избегнем всего этого, то пришедшая смерть уносит человека нагим. Итак, чтобы этого не было, будем как взявшие наперед давать просящему Христу и откладывать в нерасхищаемую сокровищницу, чтобы нам быть уверенными и в сбережении, и в доходе. Он не только тщательно сохраняет то, что взял, но и опять отдаст тебе это с очень многим прибавлением. Не будем думать, что у нас уменьшится имущество, когда мы подаем милостыню. Оно не уменьшается, но возрастает, не издерживается, но умножается. Происходящее есть некоторый оборот и сеяние, или — лучше — оно выгоднее и безопаснее того и другого. Торговля подвергается и ветрам, и морским волнам, и многим кораблекрушениям, а семена — и засухам, и проливным дождям, и другим неровностям воздуха. Деньги же, повергаемые в руки Христовы, выше всякого замысла. Никто не может исхитить из рук взявшего данное однажды, но оно там остается, производя многие и неизреченные плоды и принося нам в свое время богатую жатву (6).

* * *

Нам надлежало бы творить милостыню уже потому, что она — прекрасное дело, и из сострадания к нашим братьям, а не ради обещанных Владыкой наград. Но так как мы не в состоянии мыслить возвышенно, то будем творить милостыню хоть из-за награды, отнюдь, впрочем, не ища славы от людей, чтобы нам сверх растраты денег не лишиться и награды (8).

МИРОТВОРЦЫ

Если какие-нибудь люди ссорятся между собой за имущество, то прибегают к человеку доброму

и кроткому в надежде, что всякая ссора и несогласие тотчас прекратятся от его доброты. Подлинно, когда случится людям враждовать между собой, то кротость судьи располагает быть кроткими и тех, которые легко приходят в негодование и гнев. Другие же, стараясь явиться примирителями враждующих, не могут внушить к себе такого уважения. Так, по моему мнению, в каждом деле убедительный советник есть тот, кто первый исполняет действия, которые он советует. Поэтому когда учитель кротости первый является исполняющим свои советы, то он, как только явится, тотчас укрощает неистовых, и не нужно ему ни убеждений, ни слов, но еще прежде произнесения каких-нибудь выражений он уже водворяет мир. Как луч солнца, являясь, тотчас прогоняет тьму, так и человек добрый и кроткий скоро превращает смятение и ссору в мир и тишину. Здесь нужно заметить, что Христос об одних только мирных по образу жизни говорит, что они *будут наречены сынами Божиими* (Мф. 5, 9). Почему же одним миротворцам (кротким) Он усвоил свое собственное название? Потому, что один только тот, кто становится для других виновником дружбы и мира, по возможности подражает Сыну Божию. Ибо как Он, Бог и Господь всех, явившись нам в Божественной Своей плоти, примирил с людьми святых Ангелов, которые были как бы враждебны им, так и человек добрый братьев, родственников и близких, враждующих между собой, убеждает повиноваться законам Божьим и, оставив вражду, любить друг друга по заповеди Божьей (1).

МНОГОГЛАГОЛАНЬЕ

Запрещая многоглаголанье, Господь внушает то, что молящиеся не должны просить скоропреходящего и погибающего: ни красоты телесной, которая увядает от времени, изглаживается от болезни, исчезает при смерти, потому что такова телесная красота, она — кратковременный цвет, недолго являющийся весной юности и скоро увядающий от времени, а если кто захочет исследовать сам сущность ее, то будет в состоянии тем более презирать ее, так как она есть не что иное, как влага, кровь, сок и жидкость съеденной пищи, через которую и глаза, и ще-

ки, и нос, и брови, и уста, и все тело получает полноту, если же прекратится прилив этот, то совершенно исчезнет и благообразие лица; ни денежного богатства, которое, подобно речным водам, притекает и утекает, переходит то к одному, то к другому, убегает от тех, кто удерживает его, и не остается у тех, кто любит его, подвергается бесчисленному множеству бедствий от моли, от разбойников, от клеветников, от пожаров, от кораблекрушений, от нападений врагов, от восстаний народа, от злобы рабов, от потери записей, от приращений и умножений и от прочих зол, которые у любящих богатство происходят от любостяжания; ни почетной власти, которую также сопровождает множество скорбей, изнурительные заботы, частые бессонницы, козни завистников, враждебные замыслы ненавистников, красноречие риторов, благовидными словами утаивающее истину и подвергающее судей великой опасности. Есть, действительно есть многоглаголивые пустословы, которые просят у Всевышнего Бога таких и подобных предметов и нисколько не ценят благ истинных. Врача не учат больные употреблению лекарств, а только принимают предлагаемое им, хотя бы и болезнен был способ врачевания; и кормчему мореплаватели не приказывают держать руль и направлять судно именно так, а не иначе, но, сидя на скамьях, они доверяют его знанию не только во время благоприятного плавания, но и тогда, когда подвергаются крайней опасности. Одному Богу, Который точно знает, что можно дать нам с пользой, люди не здравомыслящие не хотят предать себя, но просят у Него вредного как полезного, поступая подобно тому больному, который просит врача дать ему не то, что искореняет болезнь, а то, чем питается вещество, производящее болезнь (6).

МНОГОЗАБОТЛИВОСТЬ (ЖИТЕЙСКИЕ ДЕЛА)

Разве вы не видите, какое расстояние между небом и землей, какая предстоит нам брань, как склонен человек ко злу, как окружает нас грех и какие расставляем сети? Для чего же мы навлекаем на себя столько забот, кроме естественных, причиняем себе так много беспокойств и возлагаем на себя столь великие бремена? Разве не довольно нам забот о чреве, об одежде и о доме?

Разве не довольно попечений о вещах необходимых? Между тем Христос удаляет от нас и эти заботы: *Не заботьтесь,* — говорит Он, — *для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться* (Мф. 6, 25). Если же не должно печься о необходимой пище и одежде и даже о наступающем дне, то будут ли когда-нибудь в состоянии воспрянуть те, которые налагают на себя столь великое бремя и под ним погребают себя? Разве вы не слышали, что говорит Павел: *Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику* (2 Тим. 2, 4)? А мы предаемся роскоши, объедению и пьянству, сильно трудимся над предметами посторонними, а касательно предметов небесных оказываемся слабыми (1).

* * *

Житейские дела суть бури, и еще жесточе самих бурь. Хотя от них не происходит ни стужи, ни дождя, ни грязи, ни глубокого озера, но зато, что всего хуже, от этих дел образуется геенна со всеми ее мучениями. И как во время сильной стужи все члены цепенеют и замирают, так и душа, оледеневшая от хлада греховного, не может отправлять дел своих, будучи скована, как морозом, совестью (1).

МОЛИТВА

Будем всегда молиться Богу. Будь ты хоть на торговой площади, можешь обратиться в себя и петь Богу, не будучи никем слышим, ибо и Моисей там молился и был услышан... Ибо не мешает и во время пути молиться сердцем... Если мы будем так поступать, то там, где призывается Христос, не найдется ничего мерзкого, ничего нечистого. Ешь ли, пьешь ли, женишься ли, отправляешься ли в путь — все делай во имя Божие, т.е. призывая Бога на помощь (1).

* * *

Великие блага происходят от двух добродетелей: от молитвы и поста. Ибо тот, кто молится как до́лжно, и притом постится, немногого требует, а кто требует немногого, тот не будет сребролюбив, а кто не сребролюбив, тот любит подавать милостыню... Кто молится с постом, тот имеет два крыла, легчайшие самого ветра. Ибо таковой не

дремлет, не говорит много, не зевает и не расслабевает на молитве, как это бывает со многими, но он быстрее огня и выше земли, потому-то таковой особенно является врагом и ратоборцем против демонов, так как нет сильнее человека, искренне молящегося. Если жена могла преклонить жестокого начальника, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, то тем более может преклонить Бога тот, кто непрестанно предстоит пред Ним, укрощает чрево и отвергает утехи. Если слабо у тебя тело, чтобы поститься беспрестанно, то оно неслабо для молитвы и для пренебрежения удовольствиями чрева (1).

* * *

Не для того дана ночь, чтобы мы во всю нее спали и бездействовали. Свидетели тому ремесленники, погонщики мулов, торговцы, Церковь Божия, восстающая среди ночи. Восстань и ты. Посмотри на хор звезд, на глубокую тишину, на великое безмолвие и удивляйся делам Господа твоего. Тогда душа бывает чище, легче и бодрее, бывает особенно способна воспарять и возвышаться. Сам мрак и совершенное безмолвие располагают к умилению. Если взглянешь на небо, испещренное звездами как бы бесчисленным множеством глаз, то получишь совершенное удовольствие, помыслив тотчас о Создателе...

Говорю это мужам и женам. Преклони колена, воздыхай, моли Господа твоего быть милостивым к тебе: Он особенно преклоняется на милость ночными молитвами, когда ты время отдохновения делаешь временем плача. Вспомни о царе, как он говорит: *утрудился я от воздыханий моих, каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими орошаю постель мою* (Пс. 6, 7). Какие бы ты ни имел удовольствия, не будешь иметь более, чем он, как бы ты ни был богат, не будешь богаче Давида. Но он же в другом месте говорит: *в полночь я вставал славить Тебя за праведные суды Твои* (Пс. 118, 62). Тогда не беспокоит тщеславие, ибо как это возможно, когда все спят и не видят? Тогда не нападают леность и беспечность, ибо как это возможно, когда столь многое возбуждает душу? После таких всенощных бдений бывают и сон приятный, и видения чудные. Это делай и ты, муж, а не одна только жена. Пусть дом

сделается Церковью, составленной из мужей и жен. Не считай препятствием этому то, что ты муж только один и что она жена только одна. *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). А где присутствует Христос, там великое множество. Где Христос, там необходимо бывают и Ангелы, и Архангелы, и прочие Силы. Потому вы не одни, когда с вами Господь всех... Если у тебя есть дети, то подними и детей, и пусть во время ночи весь дом сделается Церковью. Если же они малолетние и не могут переносить бодрствования, то пусть совершат или выслушают по крайней мере одну молитву или две и успокоятся; только ты встань, только ты себе обрати это в навык. Нет ничего прекраснее жилища, в котором совершаются такие молитвы. Послушай, что говорит пророк: *вспоминал я о Тебе на постели моей, в утренние часы размышлял о Тебе* (Пс. 62, 7). Но, скажешь, я утомился в продолжение дня и не могу. Это — отговорка и предлог, ибо сколько бы ты ни трудился, не потрудишься более ковача меди, который опускает столь тяжелый молот с великой высоты на уголья и по всему телу пропитывается дымом, и однако, проводит в этом бóльшую часть ночи. И вы, жены, знаете, когда вам бывает нужно идти в поле или придти в ночное собрание, как там проводят целую ночь без сна. Так и у тебя пусть будет духовная ковальня*, чтобы устроять не котлы и сковороды, но душу твою, которая лучше всякого произведения из меди и золота. Ее, устаревшую от грехов, ввергни в горнило покаяния, ударяй ее с великой высоты молотом, т.е. исповеданием грехов, воспламени огонь Духа. Твое художество гораздо лучше. Ты устрояешь не золотые сосуды, но душу, драгоценнейшую всего золота, подобно как ковач меди свое произведение. Ты не вещественный приготовляешь сосуд, но освобождаешь душу от всякого житейского попечения. Пусть предстоит пред тобой светильник, не этот сгорающий, но тот, который имел у себя пророк, как он говорит: *светильник ногам моим — закон Твой* (Пс. 118, 105). Воспламени душу молитвой. Если увидишь, что она имеет довольно огня, то вынь ее из этого горнила и устрой ее, как хочешь. По-

* Ковальня — кузница. *(Примеч. ред.)*

верь мне, не столько огонь истребляет ржавчину металла, сколько ночная молитва — ржавчину грехов наших (1).

* * *

Когда я говорю кому-нибудь: проси Бога, молись Ему, прибегай к Нему с молитвой, то мне отвечают: я просил однажды, дважды, трижды, десять, двадцать раз и еще не получил. Не переставай просить, пока не получишь, конец молитвы — получение просимого. Тогда перестань, когда получишь, или лучше и тогда не переставай, но и тогда пребывай в молитве. Если ты не получил, то молись, чтобы получить; если же ты получил, то благодари за то, что получил. Многие приходят в церковь, произносят тысячи стихов молитвы и выходят, не зная, что говорили они; уста их движутся, а слух не слышит. Ты сам не слышишь своей молитвы, как же хочешь, чтобы Бог услышал твою молитву? Ты говоришь: я преклонял колена, — но ум твой блуждал вне, тело твое было внутри церкви, а мысль твоя вне, уста произносили молитву, а ум исчислял доходы, договоры, условия, поля, владения, общества друзей. Диавол зол, он знает, что во время молитвы мы делаем великие успехи, потому тогда он и нападает на нас. Часто, лежа спокойно на постели, мы ни о чем не мыслим, а когда приходим молиться, то являются тысячи помыслов, чтобы мы вышли без пользы.

Итак... зная, что это бывает во время молитв, подражай хананеянке... Ты не имеешь бесноватой дочери, но ты имеешь грешную душу. Что сказала хананеянка? *Помилуй меня... дочь моя жестоко беснуется* (Мф. 15, 22). Так и ты скажи: *помилуй меня*, душа моя *жестоко беснуется*. Грех есть великий бес. Бесноватый возбуждает сострадание, а грешник — ненависть; тот заслуживает прощение, а этот не имеет оправдания. *Помилуй меня*: краткое слово, но оно нашло море человеколюбия, потому что где милость, там все блага. Даже когда ты будешь вне церкви, взывай и говори: *помилуй меня*; говори, хотя не двигая уст, но взывая умом: Бог слышит и тех, которые молчат. Для этого требуется не место, а прежде всего душевное настроение. Иеремия был в грязной яме и привлек к себе Бога, Даниил был во рве львином и благорасположил к

себе Бога, три отрока были в печи и, прославляя, умилостивили Бога, разбойник был пригвожден ко кресту, и крест не воспрепятствовал ему, но отверз рай, Иов сидел на гноище и пользовался милостью Божией, Иона был во чреве кита, и Бог внимал ему. Будешь ли ты в умывальнице — молись; будешь ли в дороге или на постели и где бы ты ни был — молись. Ты — храм Божий, не ищи же места, нужно только душевное расположение. Хотя бы стоял пред судией — молись, когда гневается судия — молись. Некогда впереди было море, позади египтяне, а посередине Моисей; великое было затруднение для молитвы, но велика была и широта молитвы. Сзади гнались египтяне, впереди было море, а посередине нужно было молиться. Моисей ничего не произносил, но Бог говорит ему: *что ты вопиешь ко Мне* (Исх. 14, 15)? Уста его не говорили, но ум взывал. Так и ты, когда стоишь пред судией гневным, беспощадным, угрожающим величайшими наказаниями, или перед другими палачами, делающими то же самое, то молись Богу; и в то время, когда ты будешь молиться, волны утихнут. Судия против тебя? Ты прибегай к Богу. Начальник нападает на тебя? Ты призывай Господа. Разве Он человек, чтобы тебе искать Его в каком-нибудь месте? Бог всегда близко. Если ты хочешь просить человека, то сначала спрашиваешь, что он делает, не спит ли, не занят ли, и слуга не отвечает тебе. А у Бога нет ничего такого. Куда бы ты ни ушел и стал призывать Его, Он слышит: ни занятия, ни посредник, ни слуга не отделяют Его от тебя. Скажи: *помилуй меня*, — и Бог тотчас делается присущим. *Тогда ты воззовешь*, — говорит пророк, — *и Он скажет: вот Я* (Ис. 58, 9). О слово, исполненное благости! Он не ожидает окончания молитвы, еще прежде нежели окончишь молитву, ты уже получаешь дар. *Помилуй меня.* Будем же подражать той хананеянке. *Помилуй меня... дочь моя жестоко беснуется,* — говорит она. Господь же говорит ей: *о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее.* Когда? *В тот час* (Мф. 15, 28); не в то время, когда мать ее пришла домой, но еще прежде, нежели пришла. Она пришла найти ее беснующейся и нашла здоровой, исцеленной (1).

* * *

Будем всегда прибегать к Богу и у Него просить всего. Ничего нет равного молитве: она и невозможное делает возможным, трудное — легким, неудобное — удобным. Ее совершал и блаженный Давид, потому и говорил: *семикратно днем я хвалил Тебя за праведные суды Твои* (Пс. 118, 164). Если же царь, обремененный бесчисленными заботами и развлекаемый со всех сторон, столько раз в день молился Богу, то какое оправдание или прощение можем получить мы, которые имеем столько праздного времени и не молимся Ему непрестанно, и притом тогда, как можем получить столь великую пользу? Ибо невозможно, чтобы человек, молящийся с должным усердием и призывающий Бога непрестанно, впал когда в грех... Кто воспламенил свой ум, возбудил душу, переселился на небо и таким образом Господа назвал своим. Кто, вспомнив о своих грехах, беседует с Ним о прощении их и молит Его быть милостивым и кротким, тот, упражняясь в такой беседе, отлагает всякое житейское попечение, окрыляется и становится выше страстей человеческих. Врага ли увидит он после молитвы, уже не будет смотреть на него как на врага; красивую ли женщину — не соблазнится при виде ее, потому что пламень, возожженный молитвой, еще остается внутри его и отгоняет всякую негодную мысль. Но поскольку нам как людям свойственно и впасть в беспечность, то, как пройдет час другой и третий после молитвы, и ты увидишь, что возбужденный в тебе жар готов мало-помалу охладеть, беги тотчас опять на молитву и согрей охладевшую свою душу. И если будешь делать это в продолжение всего дня, разогревая частым повторением молитв самые промежутки между ними, то не дашь диаволу доступа и входа к твоим мыслям. Как поступаем мы, готовясь обедать и пить, именно когда увидим, что нагретая вода остыла, то ставим ее опять на очаг, чтобы она поскорее нагрелась, так будем поступать и здесь: на молитву, как бы на горячие уголья, будем полагать уста свои и таким образом опять воспламенять душу свою к благоговению. Станем также подражать домостроителям. И они, когда надо строить здание из кирпича, по непрочности этого

материала связывают эту постройку длинными бревнами и кладут их не на большом, а на малом друг от друга расстоянии, чтобы от частой кладки этих бревен связность кирпичей сделать крепче. Это сделай и ты: перелагай все житейские дела свои частыми молитвами, как бы связями их бревен, и таким образом со всех сторон огради жизнь свою. Если будешь так поступать, то хотя бы подули бесчисленные ветры, хотя бы напали искушения, скорби, какие-либо горькие мысли или какое бы то ни было несчастье, не могут они уронить этого дома, скрепленного так частыми молитвами.

Но как возможно, скажешь, человеку светскому, привязанному к судилищу, молиться по три часа в день и приходить в церковь? Возможно, и весьма легко. Если же и нельзя придти в церковь, так можно и привязанному к судилищу помолиться, стоя там, перед дверями, потому что для этого не столько нужно слово, сколько мысль, не столько простирание рук, сколько напряжение души, не столько известное положение тела, сколько расположение духа. И Анна [матерь Самуила] была услышана не потому, что испускала громкий и сильный голос, но потому, что крепко вопияла внутренне, сердцем. *И не было слышно голоса ее*, — говорит Писание (1 Цар. 1, 13), но Бог услышал ее. Это часто делали и многие другие: тогда как начальник внутри [судилища] кричал, грозил, напрягался, бесновался, они, стоя перед дверьми, оградив себя [крестным знамением] и произнеся умом краткую молитву, входили в судилище и изменяли судию, укрощали его и из свирепого делали кротким. И ни место, ни время, ни молчание не было для них препятствием к такой молитве. Так и ты сделай: стенай горько, вспомни о грехах своих, воззри на небо, скажи умом: *помилуй мя, Боже*, — и кончена молитва твоя. Кто сказал *помилуй*, тот сделал исповедь и сознал грехи свои, потому что желать помилования свойственно согрешившим. Кто сказал *помилуй мя*, тот получил Царствие Небесное, потому что Бог кого помилует, того не только освобождает от наказания, но и удостаивает будущих благ. Не станем же говорить в свое оправдание, что дом молитвы не близко: благодать Духа нас самих сделала храмами Божьими, если только мы бдительны,

стало быть, [молиться] для нас по всему весьма легко. Наше богослужение не таково, каково было прежнее у иудеев, имевшее много чувственного и требовавшее множества обрядов. Там молящемуся надлежало и войти в храм, и купить горлицу, и принести дрова и огонь, и взять нож, и стать перед жертвенником, и исполнить множество других постановлений. Здесь же не нужно ничего такого, но где бы ты ни был, везде с тобой и жертвенник, и нож, и жертва, потому что ты сам и жрец, и жертвенник, и жертва. Где бы ты ни был, везде можешь поставить жертвенник, покажи только добрую волю, и не помешает тебе место, не воспрепятствует и время; нет, хоть ты и не преклонишь колен, не станешь бить себя в грудь и не прострешь рук к небу, а только покажешь горячую душу, так сделаешь все [нужное] для молитвы. Можно и жене, сидя за прялкой или занимаясь тканьем, воззреть умом на небо и призвать Бога пламенно, можно и мужу, выходя на площадь или идучи по делу, совершать усердные молитвы, другому, и сидя в мастерской и сшивая кожи, можно вознести душу к Господу; можно слуге, и покупая, и поднимаясь вверх, и сходя вниз, и занимаясь на кухне, совершать искреннюю и усердную молитву. Бог не гнушается местом, Он требует только одного пламенного сердца и целомудренной души. А чтобы увериться тебе, что для молитвы требуется не известное положение тела, место или время, но мысль доблестная и добрая, послушай, как Павел, лежа в темнице распростертый, а не стоя прямо (потому что не позволяла ему этого колода, в которую забиты были ноги его), как он, помолившись с усердием лежа, потряс темницу и поколебал ее основание, устрашил темничного стража и затем привел его к святому Таинству. Опять Езекия, не стоя прямо и не преклонив колена, но лежа на постели по причине болезни и обратившись к стене, как с жаром и целомудренной душей призвал Бога, так и отменил произнесенный уже приговор и привлек к себе великое благоволение Божие и получил прежнее здоровье. И это случалось не только со святыми и великими мужами, но и с порочными. Так разбойник, и не стоя в доме молитвы, ни преклонив колена, но распростерт будучи на кресте,

немногими словами приобрел Царствие Небесное. Иной в тине и во рве, другой во рве и со зверями, иной даже в чреве китовом, призвав Бога, прекращал все бедственные обстоятельства и привлекал к себе вышнее благоволение. Говорю это, чтобы убедить вас чаще приходить в церковь и дома молиться в тишине в свободное время, и преклоняя колена, и воздевая руки. Если же в какое-либо время или в каком-либо месте будете находиться среди множества других людей, и тогда не надобно оставлять обычных молитв, но таким же образом... молитесь и призывайте Бога в надежде получить не меньшую пользу и от такой молитвы (1).

* * *

Во время поста молитвы совершаются с особенным вниманием, потому что тогда душа бывает легче, ничем не отягчается и не подавляется гибельным бременем удовольствий. Молитва — великое оружие, великая защита, великое сокровище, великая пристань, безопасное убежище. Только бы мы приступали к Господу с бодрой душой и собранными мыслями, не давая никакого доступа врагу нашего спасения. Так как он знает, что в это время мы можем, беседуя о необходимом для нас и исповедуя свои грехи и показав раны Врачу, получить совершенное исцеление, то в это-то время особенно нападает и употребляет все усилия, чтобы низложить и повергнуть нас в беспечность... Постараемся особенно в это время отгонять его так, как будто бы мы видели его присутствующим и стоящим перед нашими глазами, постараемся удалить от себя всякий помысел, смущающий душу нашу, напрягать все свои силы и творить усердную молитву так, чтобы не только язык произносил слова, но и душа вместе со словами восходила к Богу. Ибо если язык и произносит слова, а душа скитается вне, помышляя о домашних делах, мечтая о том, что бывает на торжище, то нам не будет никакой пользы, а может быть, будет еще и большее осуждение... Поэтому и апостол Павел писал: *всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом* (Еф. 6, 18), то есть не только языком и с постоянным бдением, но и самой душой: *духом*. Ваши прошения, говорит, да бу-

дут духовны, да бодрствует ваш ум, ваша душа да внимает словам. Просите того, что прилично просить от Бога, чтобы получить вам и просимое. И при этом ведите себя внимательно, трезвясь и бодрствуя душой, не выказывая небрежности, не носясь умом туда и сюда...

Великое дело — молитва. Если кто-либо, разговаривая с добродетельным человеком, получает от того немалую пользу, то каких благ не получит удостоившийся беседовать с Богом? Потому что молитва есть беседа с Богом. И чтобы тебе удостовериться в этом, послушай, что говорит пророк: *да будет усладительна Ему молитвенная беседа моя* (Пс. 103, 34), то есть да будет приятна Богу беседа моя. Разве не может Он и прежде нашего прошения подать нам? Но Он потому ожидает [нашего прошения], чтобы иметь случай праведно удостоить нас Своего промышления. Итак, получим ли просимое или не получим, будем прилежать к молитве и благодарить не только тогда, когда получаем, но и когда не получаем, потому что и неполучение, когда бывает по воле Божией, не менее благотворно, чем получение. Ибо мы не знаем, что нам полезно в той мере, в какой Он это знает. Следовательно, получим или не получим, мы должны благодарить. И что удивляешься, что мы не знаем, что полезно для нас? И Павел, муж столь великий и высокий, удостоившийся таких неизреченных [откровений], не знал, что он просил неполезного ему. Видя себя окруженным бедствиями и непрестанными искушениями, он молился об избавлении от них, и не однажды, не дважды, но многократно: *трижды молил я Господа* (2 Кор. 12, 8), т.е. трижды он молил и не получил. Посмотрим же, как он это перенес. Возроптал ли, впал ли в уныние, отчаялся ли? Нет, но что он говорит? *Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»* (2 Кор. 12, 9). Бог не только не освободил его от постигших его бед, но и попустил ему оставаться в них. Пусть так. Но откуда известно, что он не роптал на это? Слушай, что сам Павел говорил, когда узнал, что так угодно Богу: *и потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами*; не только, говорит, не ищу уже освободиться от этих бед, но еще с великим удовольствием хвалюсь ими...

Послушай, что еще говорит он: *мы не знаем, о чем молиться, как должно* (Рим. 8, 26), то есть мы как люди не можем знать все обстоятельно. Итак, все нужно предоставить Создателю естества нашего и принимать с весельем и великой радостью все, что не определит Он, и смотреть не на то, чем кажутся нам происшествия, а на то, что так угодно Богу. Ибо Он, лучше нас зная, что нам полезно, знает и то, как устроить наше спасение.

Итак, единственным делом с нашей стороны да будет постоянно пребывать в молитве и не роптать на нескорое исполнение прошений, но показывать великое терпение. Бог медлит исполнить наши прошения не потому, чтобы отвергал их, но потому, что хочет научить нас усердию и постоянно привлекает нас к Себе... Зная это, не будем никогда отчаиваться и не перестанем приступать к Богу и возносить к Нему усердные молитвы. Ибо, если усердная просьба женщины подействовала на жестокого бесчеловечного и не боявшегося Бога судью и заставила его оказать ей защиту (см.: Лк. 18, 2–7), мы ли, если только захотим подражать этой женщине, не расположим оказать нам помощь нашего милосердого и человеколюбивого Господа, Который по благоутробию Своему хочет устроить наше спасение? Итак, научимся неотступно и постоянно прилежать к молитве, и днем и ночью, и особенно ночью, когда никто не смущает, когда ум спокоен, когда великая тишина и нет никакого волнения в доме, потому что никто не препятствует нам заняться молитвой и не отвлекает от нее, когда возбужденная душа может обстоятельно высказать все Врачу душ (1).

* * *

Хотя бы мы и ничего не получили от Него, одно продолжительное собеседование с Ним не следует ли считать стоящим бесчисленных благ? Но постоянная молитва, говоришь ты, трудное дело. А какое из добрых дел, скажи мне, не трудно (1)?

* * *

Постоянно будем прибегать в молитве к Богу и просить Его о помощи. Ибо часто, чего мы не можем исполнить собственными усилиями, того легко можем достигнуть посредством мо-

литв, молитв постоянных. Подлинно, нужно молиться всегда и непрестанно, и в скорби, и в радости, и в благоденствии: в радости и благоденствии о том, чтобы они оставались ненарушимыми и неизменными и никогда не прекращались, а в скорби и несчастии о том, чтобы увидеть какую-нибудь благоприятную перемену и чтобы они сменились утешительным спокойствием. Находишься ты в спокойствии? Тогда проси Бога, чтобы это спокойствие оставалось у тебя твердым. Видишь наступающую бурю? Усердно моли Бога пронести это волнение и водворить после бури тишину. Услышан ты? Благодари за то, что ты услышан. Не услышан? Имей терпение, чтобы ты был услышан. Хотя Бог иногда и медлит подаянием, но делает это не по ненависти и отвращению, а желая медленностью подаяния более удержать тебя при Себе, как поступают и чадолюбивые отцы: и они медленностью подаяния мудро стараются долее удержать при себе нерадивейших детей. Не нужно тебе ни посредников перед Богом, ни долгого странствования, ни угождения другим, но хотя бы ты был одиноким и беззащитным, ты сам собой, умоляя Бога, конечно, получишь просимое. Он обыкновенно склоняется не столько тогда, когда другие умоляют Его за нас, сколько тогда, как мы сами молимся, хотя бы мы обременены были множеством зол. Ибо если между людьми, когда мы сильно оскорбим кого-нибудь, но и утром, и в полдень, и вечером будем являться к оскорбленным нами, неотступностью и постоянным присутствием в глазах их легко можем прекратить их вражду, то тем более это может быть в отношении к Богу.

Но ты недостоин? Сделайся достойным посредством неотступности. А что действительно и недостойный может сделаться достойным посредством неотступности, что Бог скорее склоняется тогда, когда мы сами умоляем Его, нежели когда через других, и что часто Он медлит подаянием не для того, чтобы привести нас в отчаяние и отпустить с пустыми руками, а чтобы сделать виновником бóльших для нас благ: эти три истины я постараюсь объяснить вам. Подошла ко Христу хананеянка, умоляя его о своей бесноватой дочери и взывая с великой силой, говорила: *помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя*

жестоко беснуется (Мф. 15, 22). Вот — женщина иноплеменная, иноземная и не принадлежащая к иудейскому гражданству. Что она иное, как не пес, и не была ли недостойна получить просимое? *Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам* (Мф. 15, 26). Однако и она сделалась достойной посредством неотступности, ибо и ее, бывшую псом, Он не только возвел в благородство детей, но и отпустил со многими похвалами, сказав: *о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему* (Мф. 15, 28). Когда же Христос говорит: велика вера, то не ищи никакого другого доказательства величия души этой женщины. Видишь ли, как женщина недостойная сделалась достойной посредством неотступности? Хочешь ли знать и то, что мы более получаем успеха, умоляя Бога сами собой, нежели через других? Когда она взывала, ученики, подойдя, говорят: *отпусти ее, потому что кричит за нами*. Христос же говорит им: *Я послан только к погибшим овцам дома Израилева*. А когда она сама подошла, продолжая взывать, и сказала: *так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их*, то Он даровал ей благодать, сказав: *да будет тебе по желанию твоему*. Видишь ли, как Он тогда, как ученики просили, отказал, а когда она сама просила дара, взывая, то склонился на просьбу? Им Он говорит: *Я послан только к погибшим овцам дома Израилева;* а ей сказал: *велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему*. Также прежде, в начале прошения, Он ничего не отвечал, а после того, как она однажды, и дважды, и трижды приступила, Он даровал благодать, научая нас этим окончанием, что Он медлил подаянием не для того, чтобы отвергнуть ее, но чтобы показать всем нам терпение женщины. Если бы Он медлил для того, чтобы отвергнуть ее, то не дал бы и в последствии, а так как Он желал показать все ее любомудрие, то Он и молчал. Ибо если бы Он дал тотчас и в самом начале, то мы не узнали бы мужества этой женщины. *Отпусти ее, — говорят ученики, — потому что кричит за нами*. Что же Христос? Вы слышите голос, а Я вижу душу. Я знаю, что она имеет сказать. Я не хочу оставить неизвестным скрытое в ее душе сокровище, но ожидаю и молчу, чтобы открыть его, представить и сделать известным для всех.

Итак, зная все это, хотя бы мы были грешны и недостойны получения [просимого], не будем отчаиваться, будучи уверены, что посредством постоянства душевного мы можем сделаться достойными просимого. И хотя бы мы были беззащитны и одиноки, не будем унывать, зная, что великое ходатайство то, чтобы самому приступить к Богу с великим усердием. И если Он медлит и откладывает подаяние, не будем падать духом, будучи убеждены, что это промедление и отсрочка есть знак Его попечения и человеколюбия. Если с таким убеждением, с душой скорбящей и пламенной и с желанием добрым и таким, с каким приступила хананеянка, будем приступать к Нему и мы, то хотя бы мы были псами, хотя бы сделали что-нибудь дурное, мы очистимся от своих пороков и получим такое дерзновение, что в состоянии будем ходатайствовать и за других; подобно как и эта хананеянка не только сама получила дерзновение и много похвал, но могла и дочь свою избавить от невыносимых страданий. Ибо нет, подлинно нет ничего сильнее пламенной и искренней молитвы. Она освобождает и от настоящих бедствий, избавляет и от будущих мучений. Чтобы нам легко провести и настоящую жизнь, и в будущую отойти с дерзновением, будем непрестанно совершать молитву с великим усердием и ревностью (1).

* * *

Все мы молимся, но не все перед Богом. У кого в то время, как тело лежит на земле и уста бессмысленно произносят слова, душа блуждает везде: дома и на площади, — такой может ли сказать о себе, что молится перед Богом? Перед Господом молится тот, кто вполне собрал душу свою и не имеет ничего общего с землей, но переселился на само Небо и изгнал из души всякий человеческий помысел, как сделала Анна, о которой говорит Писание: *она долго молилась пред Господом, Илий смотрел на уста ее* (1 Цар. 1, 12). Здесь писатель показывает в этой жене две добродетели — постоянство в молитве и бдительность души: первое — словом *долго*, последнюю — прибавлением *пред Господом*. Ибо она, всю себя собрав и напрягая ум, призывала Бога скорбной душой. Как же говорит [Писание], что она

долго молилась, тогда как молитва ее была кратка? Ибо она не распространялась в словах и не долго продолжала молитву, но сказала немногие и простые слова: *Господи Всемогущий Боже Саваоф! если Ты призришь на скорбь рабы Твоей и вспомнишь обо мне, и не забудешь рабы Твоей и дашь рабе Твоей дитя мужеского пола, то я отдам его Господу в дар на все дни жизни его, и вина и сикера не будет он пить, и бритва не коснется головы его* (1 Цар. 1, 11). Какое тут множество слов? Что же писатель выразил словом *долго*? То, что она постоянно повторяла одно и то же и не переставала в течение долгого времени произносить одни и те же слова. Так молиться повелел и Христос в Евангелии, сказав ученикам своим, чтобы они не молились и не говорили лишнего, как язычники. Он показал нам и меру молитвы, внушая, что молящийся может быть услышан не за множество слов, но за бдительность души (см. Мф. 6). Но, скажет кто-нибудь, если должно молиться немного, то почему Он сказал им притчу, внушающую, что должно молиться непрестанно, — притчу о том, что была одна вдовица, которая частым приходом своим и непрестанным повторением просьбы преклонила на милость жестокого и бесчеловечного судью, не имевшего ни страха Божия, ни стыда человеческого (см.: Лк. 18, 3)? Почему и Павел увещевает... *непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17)? А говорить недолго и молиться непрестанно — это противоречит одно другому. Нисколько не противоречит, напротив, одно с другим весьма согласно. И Христос, и Павел заповедали творить краткие, но частые молитвы с небольшими промежутками. Если ты будешь распространяться в словах, то нередко станешь делать это без внимания и дашь диаволу большую свободу подойти к тебе, низложить и отвлечь мысль твою от того, что говорить. Но если будешь творить молитвы частые, таким учащением [молитв] занимая всякое время, легко можешь быть бдительным и сами молитвы станешь творить с полным вниманием (1).

* * *

Вы находитесь в беспрестанных заботах и развлекаетесь житейскими делами, потому вспо-

минайте о Боге по крайней мере на ложе, размышляйте о Нем в утреннее время. Если мы будем заниматься этим поутру, то без всякой опасности будем выходить на дела свои; если благоговением и молитвой наперед умилостивим Бога, то и после не встретим никакого врага, а если встретишь, то посмеешься ему, имея в защиту свою милостивого Бога. Торжище — это война, ежедневные дела — это сражение, волнение и буря. Потому нам нужно оружие, а молитва есть великое оружие; нужны попутные ветры, нужно быть сведущим во всем, дабы провести время дня без кораблекрушений и ран; много подводных камней встречается ежедневно, и часто наш корабль разбивается и утопает. Поэтому нам нужно молиться, особенно утром и ночью. Если тот, кто намеревается ратоборствовать перед людьми, много заботится о себе, то гораздо более следует постоянно печься и заботиться нам, которых вся жизнь есть борьба. Итак, пусть будет у нас каждая ночь всенощным бдением, будем стараться, чтобы нам, выйдя днем, не подвергнуться осмеянию (1).

* * *

Молитва есть оружие великое, сокровище неоскудевающее, богатство никогда неистощаемое, пристань безмятежная, основание спокойствия; молитва есть корень, источник и мать бесчисленных благ и могущественнее царской власти. Бывает иногда, что облеченный диадемой страдает горячкой и лежит на постели в воспалении, а около него стоят врачи, копьеносцы, слуги, военачальники. Но ни искусство врачей, ни присутствие друзей, ни услужливость рабов, ни множество лекарств, ни драгоценность убранства, ни изобилие богатства и ни что другое человеческое не может облегчить постигшей его болезни. Если же войдет кто-нибудь, имеющий дерзновение перед Богом, и только коснется его тела и вознесет о нем чистую молитву, то вся болезнь исчезает и таким образом, чего не могли сделать богатство, множество прислужников, опытное искусство и величие царской власти, то часто могла совершать молитва одного бедного и нищего. Впрочем, я говорю о молитве не пустой и рассеянной, но возносимой с усердием из души

скорбящей и сердца сокрушенного. Такая молитва восходит к небу, как вода: пока течет по ровной местности и имеет большой простор — не поднимается кверху, а когда руки водопроводчиков снизу задержат и стеснят ее, то она быстрее всякой стрелы устремляется в высоту. Так точно и душа человеческая: пока пользуется большой свободой — развлекается и рассеивается, а когда низменные обстоятельства стеснят ее, то она, выдержав хорошее испытание, возносит горé чистые и усердные молитвы. А чтобы тебе убедиться, что молитвы, совершаемые в скорби, скорее могут быть услышаны Богом, послушай, что говорит пророк: *ко Господу в скорби моей я воззвал, и Он услышал меня* (Пс. 119, 1). Возбудим же свою совесть, опечалим душу памятью о грехах, опечалим не для того, чтобы стеснить ее, а для содействия тому, чтобы она была услышана, чтобы она трезвилась, бодрствовала и достигала до самых небес. Ничто так не отгоняет беспечности и рассеянности, как скорбь и печаль; она отовсюду сосредоточивает душу и обращает ее к самой себе. Кто так скорбит и молится, тот после молитвы может испытать в своей душе великое удовольствие. Как сгустившиеся облака сначала делают воздух мрачным, а испустив обильный дождь и излив всю влагу, оставляют воздух чистым и светлым, так точно и печаль, пока скопляется внутри, помрачает наш ум, а когда разрешится словами молитвы и соединенными с ней слезами и выйдет изнутри вон, то оставляет в душе великую ясность, так как в душу молящегося входит, как некоторый луч, помощь Божия...

Сила молитвы погашала силу огня, обуздывала ярость львов, останавливала войны, прекращала сражения, утишала бури, прогоняла демонов, отверзала врата неба, расторгала узы смерти, отгоняла болезни, отражала злобу, укрепляла колеблющиеся города; и свыше посылаемые удары, и человеческие козни, и все вообще бедствия отклоняла молитва (2).

* * *

Нет ничего сильнее молитвы и даже ничего равного ей. Не столько блистателен царь, одетый в багряницу, сколько молящийся, украшающийся беседой

с Богом. Как тот, кто в присутствии войска и военачальников, многих вельмож и градоначальников, приблизившись к царю и вступив наедине в беседу с ним, обращает на себя взоры всех и от этого становится более досточтимым, так точно бывает и с молящимися. Подумай, сколь важное дела в присутствии Ангелов, Архангелов, Серафимов, Херувимов и всех прочих Сил простому человеку приступать с великим дерзновением и беседовать с Царем этих Сил, с какой это может сравниться честью? И не только честь, но и величайшую пользу доставляет нам молитва еще прежде, нежели мы получим то, чего просим. Как только кто-нибудь поднимет руки к небу и призовет Бога, он тотчас отрешается от всех дел человеческих и обращается мыслью к будущей жизни, представляет небесные блага и во время молитвы не думает о здешней жизни, если молится усердно. Воспламенится ли в нем гнев, он легко укрощается, возгорится ли похоть, она потухает, станет ли терзать его зависть, она весьма легко прогоняется, и в душе молящегося совершается то же, что, по словам пророка, бывает в природе при восходе солнца. Что же говорит он? *Ты простираешь тьму и настает ночь, во время коей ходят все звери лесные, молодые львы, рыкающие о добыче, чтобы выпросить у Бога пищи себе. Взошло солнце, и они собрались и легли в своих логовищах* (Пс. 103, 20–22). Как при появлении солнечных лучей все звери обращаются в бегство и прячутся в свои норы, так точно, когда молитва засияет, как луч, от наших уст и языка, ум наш просвещается, а все безумные и зверские страсти прогоняются, обращаются в бегство и скрываются в свои убежища, если только мы молимся усердно, с напряженной душой и бодрым умом. Хотя бы тогда присутствовал диавол, он обращается в бегство, хотя бы демон, он удаляется. Когда господин беседует с рабом, то никто из других рабов и даже никто из имеющих перед ним дерзновение не посмеет подойти и помешать их беседе, тем более демоны как оскорбившие Бога и не имеющие перед Ним дерзновения не могут беспокоить нас, беседующих с Богом с надлежащим усердием. Молитва есть пристань для обуреваемых, якорь для колеблемых волнами, трость немощных, сокровище бедных,

твердыня богатых, истребительница болезней, хранительница здоровья, молитва соблюдает наши блага неизменными и скоро устраняет всякое зло. Если нас постигнет искушение, она легко прогоняет его, если случится потеря имущества или что-нибудь другое, причиняющее скорбь нашей душе, она скоро устраняет все это. Молитва прогоняет всякую скорбь, доставляет благодушие, способствует постоянному удовольствию, она есть мать любомудрия. Кто может усердно молиться, тот богаче всех, хотя бы он был беднее всех, напротив, кто не прибегает к молитве, тот, хотя бы сидел на царском престоле, беднее всех (2).

* * *

Кому все изменило, того могла спасти сила молитвы. Так молитва, скажут, столько сильна, что может освободить от казни и мучения того, кто оскорбил Господа бесчисленными делами и поступками? Да, столько может она, человек! Впрочем, все это совершает она не одна, но имеет величайшего споборника и помощника в человеколюбии — Бога, приемлющего молитву (6).

* * *

Молитва есть огонь, особенно когда она воссылается трезвенной и бодрствующей душой, но этот огонь нуждается и в елее, чтобы достигнуть до самых небесных сводов, а елей для этого огня есть не что иное, как милостыня. Подливай же этот елей щедро, чтобы, ободряясь правым делом, ты мог совершать молитвы с большим дерзновением и большим усердием. Как незнающие за собой ничего доброго не могут и молиться с дерзновением, так сделавшие что-нибудь правое и после праведного дела приступающие к молитве, ободряясь воспоминанием о сделанном добре, возносят молитву с большим усердием. Поэтому, дабы наша молитва сделалась сильнее и от того, что наша душа во время молитвы будет ободряться воспоминанием о добрых делах, будем приходить на молитву с милостыней (6).

* * *

Часто чего мы не в силах совершить собственным старанием, легко можем исполнить посредством молитв, — молитв постоянных. Подлинно, нужно

молиться всегда и непрестанно: в скорби, в спокойствии, в бедствиях, в благах. В спокойствии и многих благах о том, чтобы они оставались неподвижными и неизменными и никогда не прекращались, а в скорби и во многих бедствиях о том, чтобы увидеть какую-нибудь полезную перемену и чтобы они сменились в тишину утешения. В тишине ты? Тогда проси Бога, чтобы эта тишина оставалась у тебя твердой. Наступившую бурю ты увидел? Напряженно проси Бога пронести это волнение и водворить после бури тишину. Услышан ты? Благодари за то, что ты услышан. Не услышан? Имей терпение, чтобы ты был услышан, потому что хотя Бог иногда и отсрочивает подаяние, но делает это не по ненависти и отвращению, а желая медленностью подаяния постоянно удерживать тебя при Себе... У тебя нет нужды в посредниках к Богу ни во многом обращении и в лести другим, но, хотя бы ты был одиноким и без предстателя, ты сам собой, призвав Бога, устроишь все вполне. Он обыкновенно склоняется не столько тогда, когда другие призывают Его за нас, сколько тогда, когда мы сами просим, хотя бы мы исполнены были множеством зол. Если между людьми, когда мы много оскорбим кого-нибудь, но и утром, и в полдень, и вечером будем являться к опечаленным нами, неотступностью и постоянным присутствием в глазах их легко прекращаем их вражду, то тем более это может быть в отношении к Богу (6).

* * *

Молитва, совершаемая с усердием, есть свет для ума и души, свет неугасаемый и постоянный. Поэтому диавол влагает тысячи нечистых помыслов в наши умы, и о чем мы никогда не думали, то, собрав, во время молитвы вливает в наши души... Пока диавол нападает извне, мы будем в состоянии противиться, когда же откроем ему двери души и примем врага внутрь, то уже не сможем нимало противиться ему, но со всех сторон помрачив нашу память, как бы дымящийся светильник, он оставит только уста — произносить пустые слова (6).

* * *

Многие, повергаясь ниц, ударяя челом в землю, проливая

горячие слезы, горько из глубины вздыхая, простирая руки и показывая всю ревность, употребляют эту горячность и усердие против собственного спасения. Они молят Бога не о своих грехах и просят не о прощении своих прегрешений, но всю эту ревность возбуждают в себе против врагов, делая то же, как если бы кто, изострив меч, не против неприятелей употребил это оружие, но поразил им собственную шею. Так и они возносят молитвы не об отпущении собственных грехов, а о наказании врагов. Это и значит направлять меч против самих себя (6).

* * *

Не переставай просить, брат, пока не получишь. Конец молитвы — получение просимого. Тогда перестань, когда получишь, или лучше и тогда не переставай, но и тогда пребывай в молитве. Если ты не получил, то молись, чтобы получить, если же ты получил, то благодари за то, что получил. Многие приходят в церковь, произносят тысячи стихов молитвы и выходят, не зная, что говорили они. Уста их движутся, а слух не слышит. Ты сам не слышишь своей молитвы, как же хочешь, чтобы Бог услышал твою молитву? Ты говоришь: я преклонял колена, — но ум твой блуждал вне, тело твое было внутри церкви, а мысль твоя вне, уста произносили молитву, а ум исчислял доходы, договоры, условия, поля, владения, собрания друзей. Диавол зол. Он знает, что во время молитвы мы делаем великие успехи, потому тогда он и нападает на нас. Часто, лежа спокойно в постели, мы ни о чем не мыслим, а когда приходим молиться, то являются тысячи помыслов, чтобы мы вышли без пользы... Даже когда ты будешь вне церкви, взывай и говори: *помилуй мя*. Говори, хотя не двигая уст, но взывая умом: Бог слышит и тех, которые молчат. Для этого требуется не место, а прежде всего настроение (7).

МОНАСТЫРИ

Что же, скажут, разве остающиеся дома не могут совершать те добродетели, неисполнение которых приносит наказание? Хотел бы и я не меньше, а гораздо больше вас, и часто молил, чтобы миновалась надобность в монастырях и такой бы настал

добрый порядок в городах, чтобы никому никогда не нужно было убегать в пустыню. Но так как все пошло вверх дном и города, где судилища и законы, полны великого беззакония и неправды, а пустыня произращает обильный плод любомудрия, то справедливость требует, чтобы вы винили не тех, которые желающих спастись исторгают из этой бури и волнения и руководят к тихой пристани, но тех, которые каждый город делают столь недоступным и непригодным для любомудрия, что желающие спастись принуждены бывают убегать в пустыни (2).

МОНАХ

Когда ты увидишь богатого, украшенного одеждой, убранного золотом, везомого на колесницах, выступающего в блистательных выходах, не ублажай этого человека, потому что богатство временно и кажущееся прекрасным истлевает с этой жизнью. А видя монаха, идущего одиноким, смиренным и кротким, спокойным и тихим, соревнуй этому мужу, окажись подражателем его любомудрия, молись о том, чтобы сделаться подобным праведнику, ибо *просите,* говорит Писание, *и дано будет вам* (Мф. 7, 7). Это поистине прекрасно, и спасительно, и благонадежно (2).

МОЩИ СВЯТЫХ

Каждый день будем приходить к нему [святому Игнатию Богоносцу, его мощам] для получения от него духовных плодов. Может, поистине может приходящий сюда с верой получить великие блага, потому что не только тела, но и сами гробницы святых исполнены духовной благодати. Если при Елисее случилось, что мертвый, прикоснувшись только к гробнице его, расторг узы смерти и снова возвратился к жизни, то гораздо более ныне, когда благодать обильнее, когда действие Духа сильнее, прикасающийся к этой гробнице с верой может получить от нее великую силу. Поэтому Бог и оставил нам мощи святых, желая привести нас к одинаковой с ними ревности и дать нам надежное прибежище и утешение в бедствиях, постоянно постигающих нас. Итак, убеждаю всех вас, находится ли кто в унынии, или в болезнях, или в скорбях, или в каком-нибудь другом

житейском несчастье, или в глубине грехов, пусть с верой приходит сюда, и он избавится от всего этого и возвратится с великой радостью, получив облегчение совести от одного созерцания. Или, лучше, не одним только находящимся в несчастьях необходимо приходить сюда, но хотя бы кто находился в радости, в славе, во власти или имел великое дерзновение перед Богом, и тот пусть не пренебрегает этой пользой. Он, придя сюда и увидев этого святого, сделает свои блага непоколебимыми, воспоминанием об его подвигах научив душу свою умерять себя и не допустив совести своей превозноситься своими делами. А немалое дело для находящихся в счастье не гордиться своим благоденствием, но уметь скромно пользоваться счастьем. Таким образом для всех это сокровище полезно, это прибежище благопотребно: для падших — чтобы им избавиться от искушений, для благоденствующих — чтобы блага их остались прочными, для недужных — чтобы им возвратить себе здоровье, и для здоровых — чтобы им не впасть в болезнь. Помышляя о всем этом, будем предпочитать пребывание здесь всякой радости и всякому удовольствию, чтобы, и радуясь и вместе получая пользу, мы смогли там сделаться сожителями и сообщниками этим святым (5).

* * *

Я называю тела святых источниками, и корнями, и миром духовным. Почему? Потому что каждый из упомянутых предметов не удерживает собственной доброты в себе только, но распространяет ее на далекое расстояние. Например, источники дают много воды и не удерживают ее в своих недрах, но, производя длинные реки, соединяются с морем, и длиной их, как протянутой рукой, берутся за морские воды. Также корень растения скрывается внизу, в недрах земли, но не удерживает всей силы своей в глубине, и особенно таково свойство виноградных лоз, вьющихся по деревьям. Когда они распространяют свои ветви по высоким стволам, то простирают вьющиеся по этим подпоркам отрасли на далекое расстояние, образуя густотой своих листьев какую-то длинную кровлю. Таково свойство и мира: часто оно лежит в

каморке, но благоухание его, распространяясь через окна на улицы, переулки и площади, и ходящим вне дает знать о скрывающийся внутри доброте ароматов. Если же источник, и корень, и растения, и ароматы по природе своей имеют такую силу, то гораздо более тела святых (5).

* * *

Свет святых мучеников озарил наш город блистательнее всякой молнии. Подлинно, они светлее тысячи солнц и блистательнее великих светил, от них земля сегодня великолепнее неба. Не говори мне о прахе, не представляй пепла и истлевших от времени костей их, но открой очи веры и посмотри на присущую им силу Божию, на облекшую их благодать Духа, на окружающую их славу небесного света. Не такие лучи падают на землю с солнечного круга, какое сияние и блеск исходит из этих тел, ослепляя даже взоры диавола. Как предводители разбойников и расхитители гробниц, увидев лежащее где-нибудь царское оружие: латы, щит и шлем, — все сияющее золотом, тотчас отскакивают прочь и не смеют ни приблизиться, ни прикоснуться к ним, имея в виду великую опасность, если осмелятся сделать что-нибудь подобное, так точно и бесы, эти истинные предводители разбойников, где увидят лежащие тела мучеников, тотчас отскакивают прочь и обращаются в бегство. Они смотрят не на смертную их природу, но на неизреченное величие Христа, Который действовал в них. Подлинно, в эти оружия облекался не Ангел, не Архангел и не другая какие-либо сотворенная сила, но Сам Владыка Ангелов. И как Павел восклицал: *вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне* (2 Кор. 13, 3), так и они могут восклицать и говорить: или ищете доказательства на то, что в нас подвизался Христос? Драгоценны эти тела, потому что они приняли раны за своего Господа, потому что они носят язвы за Христа. И как царский венец, украшенный со всех сторон различными камнями, производит разнообразный блеск, так точно и тела святых мучеников, усеянные язвами за Христа, как дорогими камнями, являются драгоценнее и великолепнее всякой царской диадемы (5).

МУДРОСТЬ

И смиренномудрие, и милостыня, и все подобное есть мудрость. Следовательно, противное этому будет глупость. А от глупости происходит жестокость. Отсюда часто всякий грех называется безумием. *Безумный сказал в сердце своем: «нет Бога»* (Пс. 13, 1). И опять: *воссмердели и согнили раны мои от безумия моего* (Пс. 37, 6). Скажи мне, что несмысленнее того человека, который возлагает на себя дорогие одежды, а братий своих, не имеющих одеяния, презирает; кормит собак, а на образ Божий в алчущем ближнем смотрит с презрением; совершенно убежден в ничтожестве земных вещей, а привязан к ним, будто к нетленным? Но как нет ничего несмысленнее этого человека, так нет ничего мудрее подвижника добродетели. Посмотри, как он мудр: уделяет из своего имущества, является милосердым, человеколюбивым; он уразумел общность естества, уразумел значение денег, то есть что они ничего не стоят, что более нужно беречь свои тела, чем деньги. Потому кто презирает почести, тот и любомудр, ибо он знает дела человеческие, а в знании-то дел божеских и человеческих и состоит любомудрие. Итак, зная, какие дела Божии, а какие — человеческие, он от одних воздерживается, а другие совершает. Знает он это и за все благодарит Бога: настоящую жизнь он вменяет ни во что и потому как не радуется в счастии, так не скорбит и в несчастии. И не ожидай другого учителя: есть у тебя Слово Божие, никто не научит тебя так, как оно (1).

* * *

Павел говорил: *я приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости* (1 Кор. 2, 1), и: *Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых* (1 Кор. 1, 27). Сказал не просто *немудрое*, но *немудрое мира*. А конечно, *немудрое мира* не есть немудрое и перед Богом, напротив, многие из кажущихся здесь [в мире] безумными перед Богом умнее всех других, точно так, как и многие из живущих здесь в бедности перед Богом богаче всех... Итак, немудрыми мира [Павел] называет тех, которые не имеют

изощренного языка, не обладают светской ученостью, лишены красноречия. И этих-то людей *Бог избрал*, говорит, *чтобы посрамить мудрых*... Чего эти мудрые по гордости и высокомерию не могли найти, потому что уклонились от учения Духа и совершенно предались своим умствованиям, то самые бедные и презренные люди, лишенные всякого мирского образования, узнали с совершенной точностью, потому что доверились небесному наставлению. Но [апостол] не останавливается на этом в осуждении мирской мудрости, нет, он прибавляет еще другое сильнейшее осуждение, говоря: *мудрость мира сего есть безумие пред Богом* (1 Кор. 3, 19). И, преподавая слушателям наставление, опять с совершенным презрением [к земной] мудрости и с силой говорил им: *если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым* (1 Кор. 3, 18), и опять: *ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну* (1 Кор. 1, 19), и опять: *Господь знает умствования мудрецов, что они суетны* (1 Кор. 3, 20) **(6)**.

МУЖ

Муж, не ожидай благонравия от жены, чтобы после того и самому быть любомудрым: это уже не будет подвигом... Вам, мужья, скажу: никакой проступок не должен вынуждать вас бить свою жену... Крайне беззаконно сообщницу жизни, издавна разделяющую твои нужды, позорить, как рабыню. Такой муж, если только можно назвать его мужем, а не зверем, по моему мнению, равен отцеубийце и матереубийце. Ибо если нам заповедано оставлять ради жены отца и мать, не в оскорбление им, но в исполнение закона Божия, и для самих родителей это столь вожделенно, что они, будучи оставляемы, радуются и совершают брачное соединение детей с великим усердием, то не крайнее ли безумие оскорблять ту, для которой Бог повелел оставлять родителей? И безумие ли только? А бесчестие? Кто, скажи мне, может перенести его? Какое слово может выразить его, когда крики и вопли разносятся по улицам, когда соседи и прохожие стекаются к дому совершающего столь гнусное дело, как будто какой-нибудь

зверь сокрушает все, находящееся внутри? Лучше если бы земля поглотила такого безумца, нежели после того ему опять показаться на торжище. Жена, скажешь ты, поступает дерзко? Но вспомни, что она — жена, слабый сосуд, а ты — муж. Ты для того и поставлен над нею начальником и главой, чтобы сносить слабость подчиненной. Старайся сделать свое правление славным, а славным оно будет тогда, когда ты не будешь бесчестить подчиненной... Подумай, что после Бога от нее ты получил детей, сделался отцом и потому будь кроток в отношении к ней.

Не видишь, как земледельцы удобряют всеми способами землю, принявшую семена, хотя бы она имела тысячи недостатков, хотя была бы, например, неплодоносна, произращала дурные травы, подвергалась наводнениям по свойству местоположения? Так же поступай и ты: тогда ты же первый насладишься и плодами, и спокойствием. Жена есть пристань и важнейшее врачевство от душевного расстройства. Если эту пристань ты будешь соблюдать свободной от ветров и волнения, то найдешь в ней великое спокойствие, возвратившись с торжища, а если будешь возмущать и волновать ее, то уготовляешь сам себе опаснейшее кораблекрушение... Если случится в доме что-нибудь прискорбное по ее вине, то утешай ее, а не увеличивай скорби. Хотя бы ты лишился всего имущества, это не будет прискорбнее неприязни с сожительницей. Какую бы ты ни представил вину, ничто не будет несноснее раздора с женой. Поэтому пусть любовь к ней будет для тебя драгоценнее всего. Если велено носить тяготы друг друга, то тем более сносить недостатки жены. Если она бедна — не укоряй ее; если неразумна — не осуждай ее, а лучше постарайся научить ее, ибо она — член твой, вы — одна плоть. Но, скажешь, она болтлива, склонна к пьянству, гневлива? В таком случае должно не гневаться, а скорбеть, молиться Богу, увещевать, вразумлять ее и делать все, чтобы истребить страсть ее. Если же будешь бить и мучить ее, то не исцелишь ее болезни. Грубость исправляется кротостью, а не ответной грубостью. Вместе с тем не забудь и о награде от Бога. Ибо если ты, имея возможность отвергнуть ее, не сделаешь этого по страху Божию, но станешь сносить недо-

статки ее из уважения к закону, возбранившему отвергать жену, то сколь ни велика была бы болезнь ее, ты получишь неизреченную награду и еще прежде награды получишь великую пользу, сделав ее более благопокорной и себя приучив к большей в отношении к ней кротости. Рассказывают, что один из философов [Сократ], имея жену злую, болтливую и склонную к пьянству, на вопрос, для чего он терпит ее, отвечал, что она служит для него домашним училищем и упражнением любомудрия. Упражняясь ежедневно с нею, я делаюсь более кротким и с другими. Вы пришли в восторг? А мне весьма прискорбно, что язычники превосходят любомудрием нас, которым заповедано подражать Ангелам или, лучше, заповедано подражать в кротости самому Богу. Названный философ по этой причине не изгонял своей злой жены, а некоторые говорят, что по этой причине он и женился на ней. Но так как многие из людей не столь благоразумны, то я советую наперед всячески стараться избирать жену благонравную и исполненную всякой добродетели. Если же случится сделать ошибку и ввести в дом свой невесту недобрую и даже негодную, тогда подражать этому философу, всеми мерами исправлять ее и считать это дело важнее всего. Купец не спускает в море корабля и не принимается за торговлю прежде, нежели заключит со своим товарищем условий, которые обеспечили бы взаимное их спокойствие. Так и мы будем принимать все меры, чтобы внутри своего корабля сохранять мир с сообщницей нашего житейского поприща, тогда и все прочее будет у нас спокойно и мы безопасно переплывем море настоящей жизни. Об этом мы должны печься более, нежели о доме, рабах, деньгах, полях и даже делах гражданских. Всего драгоценнее должно быть для нас то, чтобы не иметь вражды и распри со своей сожительницей, ибо и все прочее пойдет у нас хорошо и в делах духовных мы будем иметь благоуспешность, когда станем с единомыслием нести бремя настоящей жизни (1).

* * *

Пусть для жены не будет ничего драгоценнее ее мужа, а для мужа ничего вожделеннее его жены. В том состоит крепость жизни всех нас, чтобы жена была

единодушна с мужем. Этим поддерживается все в мире. Как при потрясении основания ниспровергается все здание, так и при супружеских раздорах разрушается вся наша жизнь. Смотри: мир состоит из городов, города — из домов, дома — из мужей и жен. Поэтому когда настает вражда между мужьями и женами, то входит война в дома, а когда они мятутся, тогда неспокойны бывают и города. Когда же города приходят в смятение, то по необходимости и вся вселенная наполняется смятением, войной и раздорами. Поэтому Бог особенно промышляет об этом, потому Он и не дозволяет отвергать жену, разве только в случае прелюбодеяния. А что, скажешь, если она сварлива, если небережлива и расточительна, если имеет и множество других недостатков? Переноси все мужественно и не отвергай ее за эти недостатки, но исправляй недостатки. Для того ты и занимаешь место головы, чтобы ты умел врачевать тело (6).

МУЗЫКА

От мирских песней может произойти вред, погибель и много других зол: ибо все то, что есть в них дурного и безнравственного, проникая в душу, расслабляет ее и развращает. Напротив, духовные песни доставляют великую пользу, великое назидание, великое освящение и служат руководством ко всякому любомудрию, потому что и слова их очищают душу, и Дух Святой скоро нисходит в душу, поющую эти песни. А что действительно поющие их с разумением призывают на себя благодать Духа, о том послушай, как говорить Павел: *не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу* (Еф. 5, 18–19) (1).

МУЧЕНИЧЕСТВО

Ты не имеешь ничего, совершенно беден, слаб телом и даже ходить не можешь? Переноси все это с благодарностью — и получишь великую награду. Такова была добродетель Лазаря. Он никому не помогал деньгами: как он мог делать это, не имея сам необходимой пищи? Он не ходил в темницу: как он мог делать это, будучи не в силах сам

подняться? Он не посещал больного: как он мог делать это, будучи сам облизываем псами? Но и без этого он приобрел награду за добродетель мужественным перенесением всего, — тем, что, видя жестокого и бесчеловечного в чести и роскоши, а себя в таких бедствиях, не произнес ни одного непристойного слова. Поэтому он и наследовал лоно Авраамово, хотя был ничем не лучше мертвого. Бездейственно лежа тогда пред вратами богача, увенчан вместе с Патриархом, совершившим так много добрых дел, прославлен и помещен в лоне Его тот, кто не раздавал милостыни, не подавал руки обижаемому, не принимал странников, не мог сделать ничего другого подобного, но только за все благодарил Бога и получил светлый венец терпения. Подлинно, великое дело — благодарность, любомудрие, терпение среди таких страданий, это — высшая добродетель... Немалое дело — обуздать страждущую душу так, чтобы она ни в чем не согрешила. Это равно мученичеству.

Так, если и ты, возлюбленный, подвергнешься болезни, горячке или ранам и боль будет заставлять тебя сказать какую-нибудь хулу, но ты воздержишься, будешь благодарить и славить Бога, то получишь такую же награду. И для чего роптать, скажи мне, и произносить богохульные слова? Разве боль сделается от этого легче для тебя? Даже если бы она и делалась легче, и тогда не следовало бы решаться на это и терять спасение души, заботясь доставить облегчение своему телу. Между тем боль от этого не только не облегчается, но еще становится тяжелее. Ибо диавол, видя, что он получил некоторый успех, доведя тебя до ропота, усиливает огонь печи, разжигает болезнь, чтобы ты исполнил его желание. Таким образом, если бы даже, как я сказал, боль и облегчилась, не должно делать этого. Если же ты не получаешь никакой пользы, то для чего губишь сам себя? Но ты не можешь молчать? В таком случае благодари Бога, прославляй Того, Который искушает тебя в этой печи. Вместо ропота произноси славословие. Тогда и награда твоя великая, и боль сделается легче...

Итак, мужественно переноси все случающееся, это для тебя мученический подвиг. Ибо не только то составляет мученичество, когда кто получает приказание принести жертву и не

приносит ее и даже решается лучше подвергнутся терзаниям, нежели исполнить это, но и то делает мучеником, когда кто, несмотря на боль, принуждающую роптать, решается терпеть и не говорить ничего непристойного. Так Иов не за то увенчан, что получил повеление принести жертву и не принес ее, но за то, что мужественно перенес скорби (1).

* * *

Не удивляйтесь, однако, что... я назвал этого святого [Евстафия] мучеником. Он своей смертью окончил жизнь, как же он мученик? Я часто говорил вашей любви, что мучеником делает не одна только смерть, но и душевное расположение. Не за конец дела, но и за намерение часто сплетается венец мученичества. И не я, но Павел дает такое определение мученичеству, говоря именно так: *я каждый день умираю* (1 Кор. 15, 31). Как ты умираешь каждый день? Как возможно одному смертному телу принять множество смертей? Расположением, говорит, и готовностью к смерти. Так судит и Бог, и Авраам не окровавил меча, не обагрил жертвенника, не заклал Исаака, однако совершил жертвоприношение. Кто говорит это? Сам принявший жертву: *не пожалел,* — говорит Он, — *сына твоего, единственного твоего, для Меня* (Быт. 22, 12). Между тем Авраам взял его живым и возвратил здоровым, как же *не пожалел*? А так, что о таких жертвах я сужу, говорит Господь, не по концу дел, но по расположению решающихся (5).

НАГРАДА

Когда злой навык или страсть к любостяжанию будет сильно обольщать тебя, вооружи себя против нее такой мыслью: презрев временное удовольствие, я получу великую награду. Скажи душе своей: ты скорбишь о том, что я лишаю тебя удовольствий, но радуйся, потому что этим я готовлю для тебя Небо; ты трудишься не для человека, но для Бога, потерпи же немного, и ты увидишь, сколь великая произойдет от этого польза, пребудь твердой в жизни настоящей, и ты получишь неизреченную свободу. Если таким образом будем беседовать с душой и представлять не одну тягость добродетели, но и венец ее, то скоро отвлечем ее от всякого зла. Диавол обещает нам удовольствие временное, а скорбь уготовляет нескончаемую и, несмотря на это, преодолевает нас и побеждает, а Бог, напротив, требует от нас труда временного и обещает сладость и пользу вечную. Вместо всех иных побуждений для нас и мысли о цели трудов довольно одной той твердой уверенности, что все это мы переносим для Бога. Если тот, кто имеет царя должником своим, почитает себя счастливым и безопасным на всю жизнь, то представь, сколь счастлив должен быть тот, кто своими добрыми делами, и малыми, и великими, сделал должником своим человеколюбивого Бога, всегда живущего (1)!

* * *

Смотри не на труд только, но и на награду. Многие добрые дела кажутся нам такими трудными потому, что, обращая постоянно внимание на трудность и тяжесть их, мы не представляем в уме уготованных за них наград. Не так до́лжно поступать, но принимать во внимание все вместе, с трудами и награды, и тогда труды покажутся нам легкими, как и действительно они легки (2).

* * *

Это лучший способ и удобнейший путь к добродетели — взирать не на труды только, но и на награды после трудов, впрочем, и не на них только самих по себе. Так, когда ты намереваешься подать милостыню, то обращай внимание не на издержки денежные, а на приобретение правды: *расточил: дал нищим, правда его пребывает в век века* (Пс. 111, 9). Не смотри на оскудение богатства, но взирай на умножение сокровища. Когда постишься, то думай не об изнурении от поста, но о легкости, происходящей от этого изнурения. Когда бодрствуешь в молитве, то помышляй не об усталости, причиняемой бодрствованием, а о дерзновении, доставляемом молитвой. Так делают и воины: они смотрят не на раны, а на награды, не на поражения, а на победы, не на падающих мертвыми, а на увенчиваемых героев. Так и кормчие прежде волн видят пристани, прежде кораблекрушений — торговые выгоды, прежде бедствий на море — благополучие после мореплавания. Так делай и ты: представь, сколь великое дело — среди глубокой ночи, когда спят все люди, звери и скот, когда господствует глубочайшая тишина, тебе одному бодрствовать и дерзновенно беседовать с общим всех Владыкой. Сладок сон? Но нет ничего слаще молитвы. Беседуя с Богом наедине, когда никто не беспокоит тебя и не отвлекает тебя от молитвы, ты можешь во многом иметь успех, само время — союзник твой для получения того, чего желаешь (5).

НАДЕЖДА

Диавол для того и ввергает нас в помыслы отчаянья, чтобы истребить надежду на Бога — этот безопасный якорь, эту опору нашей жизни, этого руководителя на пути, ведущем к Небу, это спасение погибающих душ. *Ибо мы*, — говорит [апостол], — *спасены в надежде* (Рим. 8, 24). Ибо она, как некая крепкая цепь, свешенная с Неба, поддерживает наши души, мало-помалу поднимая на высоту тех, которые крепко держатся за нее, и вознося нас превыше бури житейских зол. Поэтому, если кто-либо ослабевает и опустит из рук этот священный якорь, тот сейчас же упадет и погибнет в бездне порока. Зная это, лукавый, как только заметит, что

сами тяготимся сознанием злых дел, приходит и сам еще налагает на нас помысел отчаяния, который тяжелее свинца. И если мы примем его, то, увлекаемые тяжестью и оторванные от той цепи, неизбежно тотчас низринемся во глубину зол (2).

НАКАЗАНИЕ

Как же Бог благ, как человеколюбив, если Он наказывает?.. Бог остается благим и наказывая грешников... Он сотворил небо, землю, море и все существующее для нас. Не есть ли это, скажи мне, дело Его благости? Много можно было бы сказать об этом, но для краткости скажем, что Он *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45)... Так некогда спросил я одного маркионита: неужели это не дело благости? Он ответил мне: если бы Бог не требовал отчета за грехи, то это было бы делом благости, а так как Он требует отчета — то не дело благости... Я решительно доказываю, что если бы Бог не требовал отчета, то Он не был бы благ, и потому Он и требует отчета, что благ. Ибо, скажи мне, если бы Он не требовал от нас отчета, то могла ли бы продолжаться жизнь человеческая? Тогда не обратились ли бы мы в диких зверей? Если и теперь, когда тяготеют над нами страх суда и наказания, мы превзошли рыб, пожирая друг друга, и превзошли львов и волков, грабя друг друга, то какого смятения и расстройства не исполнилась бы жизнь наша, если бы Он не требовал от нас отчета и мы были бы убеждены в этом? Что был бы баснословный лабиринт в сравнении с беспорядками в нашем мире? Не увидел ли бы ты бесчисленного множества бесчинств и несправедливостей? Кто стал бы уважать отца? Кто не оскорблял бы своей матери? Кто не был бы предан всяким удовольствиям и всяким порокам?.. Если бы кто-то, имея сыновей, позволил им делать все и не наказывал их, то скажи мне, кого они не сделались бы хуже? Итак, если между людьми наказание есть дело благости, а безнаказанность — жестокости, то неужели не так у Бога? Следовательно, потому Он и уготовал геенну, что Он благ. Хотите ли, я покажу вам благость Божию и с другой стороны? Кроме всего сказанного, страх наказания не

позволяет и добрым сделаться злыми. Если бы все ожидали одного и того же, то все сделались бы злыми, а теперь добрые и в этом находят немалое утешение. Послушай, что говорит пророк: *возвеселится праведник, когда увидит отмщение; руки свои омоем в крови грешника* (Пс. 57, 11); не радуясь этому, нет, но страшась, чтобы самому не потерпеть того же, он будет заботиться о чистоте своей жизни. Таким образом, требование отчета есть дело великого попечения о нас Божия. Так, скажешь, но следовало бы только угрожать, а не наказывать. Нет, если и тогда, когда Он полагает наказание, ты говоришь, что это одна угроза, и потому становишься более беспечным, то до какой не дошел бы ты беспечности, если бы это действительно было бы только угрозой? Если бы ниневитяне знали, что назначенное им наказание было одной угрозой, то не раскаялись бы, но так как они раскаялись, то угроза и осталась только угрозой. Хочешь ли и ты, чтобы назначенные грешникам наказания были только угрозой? Это зависит от тебя самого: исправься — и они останутся только угрозой (1).

* * *

Не за все грехи одинаково наказывает Бог, но есть многие и различные наказания, смотря по времени, по лицам, по достоинствам, по разуму и по многим другим обстоятельствам. Чтобы яснее были слова мои, укажем здесь на один грех — блуд. Смотри, сколь многоразличные наказания представлю я не от себя самого, но из Божественных Писаний. Кто любодействовал прежде закона, тот иначе и наказывается. Это показывает Павел: *те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут* (Рим. 2, 12). Кто любодействовал после закона, тот жесточайшее потерпит наказание: *а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся.* Если кто сделал блуд, будучи священником, то этот самый сан увеличит жестокость его наказания. Потому-то другие девы за любодеяние были убиваемы, а дочери священников сжигались, чем законодатель весьма ясно показывает, какая казнь угрожает священнику за такой грех. Если дочь подвергается большему наказанию потому, что она дочь священника, то гораздо более сам священник. Если

какая-либо женщина сделала блуд по насилию, то она свободна от наказания. Если сделала блуд женщина богатая и женщина бедная, то и здесь опять различие. Совершил ли кто блуд по пришествии Христовом и умрет, не приняв крещения, жесточайшему тот подвергнется наказанию, нежели все прежде упомянутые. Сделал ли кто блуд после омытия Божественным крещением, здесь уже не остается никакого утешения во грехе. Показывая это самое, Павел сказал: *если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которой освящен, и Духа благодати оскорбляет* (Евр. 10, 28–29). Если сделал блуд какой-либо священник ныне, это особенно уже есть верх всех зол. Видишь ли, сколь различен один и тот же грех? Иное — грех, учиненный прежде закона, иное — после закона, иное — сделанный священником, иное — богатой и бедной женщиной, иное грех, учиненный оглашенной и верной, иное — женщиной из рода священнического. Также великое различие происходит и от знания: *тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много* (Лк. 12, 47). И грех, сделанный после таких и столь многих примеров, получит большее наказание... Также и те, которые грешат, живя в роскоши, получают жесточайшее наказание, как видно из истории о богаче и Лазаре. Увеличивается еще тяжесть греха и от места, на что Сам Христос указывает, говоря: *между храмом и жертвенником* (Мф. 23, 35). И от качества самих преступлений: *не спускают вору, если он крадет, чтобы насытить душу свою, когда он голоден* (Притч. 6, 30). И опять: *и взяла сыновей твоих и дочерей твоих, которых ты родила Мне, и приносила в жертву на съедение им. Мало ли тебе было блудодействовать* (Иез. 16, 20)? Также от лиц: *если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу, если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем* (1 Цар. 2, 25)?.. Видишь совершенную точность и то, что не все за одни и те же грехи получают равное наказание? И мы, если не воспользуемся

долготерпением Божиим, подвергнемся большему наказанию; это показывает Павел в следующих словах: *по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев* (Рим. 2, 5) (1).

* * *

Скажи мне, кто не называет брата глупцом? А это подвергает огню геенскому. Кто не смотрел на женщину похотливыми глазами? А это уже совершенное любодеяние, любодей же неизбежно впадает в ту же геенну. Кто не клялся? А это, конечно, от лукавого, а что от лукавого, то, несомненно, заслуживает наказания. Кто не завидовал когда-нибудь другу? А это делает нас худшими язычников и мытарей, а что худшим их не избежать наказания, это для всякого очевидно. Кто совсем изгнал из сердца гнев и простил грехи всем, против него погрешившим? А что непростивший будет неизбежно предан мучениям, этому не станет противоречить никто из слышавших Христа. Кто не служит маммоне? А кто стал служить ей, тот необходимо уже отказался от служения Христу, отрекшийся же от этого, необходимо отрекся и от собственного спасения. Кто не злословил тайно? А таких и Ветхий Завет повелевает убивать, лишать жизни. Чем же утешаемся мы в своем несчастном положении? Тем, что все, как бы по уговору какому, низринулись в бездну порока. Но это самое и есть важнейшее доказательство усиления болезни, когда нам доставляет утешение в несчастье то, что должно быть причиной большей скорби. Многочисленность сообщников в грехах, конечно, не освобождает нас от виновности и наказания. Если же кто пришел уже в отчаяние от сказанного, тот пусть подождет немного, и тогда впадет в большее отчаяние, когда мы скажем о гораздо более тяжком, например, о клятвопреступлениях. Поистине, если клясться — дело диавольское, то какому наказанию повергнет нас преступление клятв? Если название [брата] глупцом навлекает геенну, то чего не сделает опозорение брата, часто ничем не обидевшего нас, бесчисленными поносными речами? Если одно злопамятование достойно наказания, то какого мучения заслуживает мстительность (2)?

* * *

Почему же, скажут, не здесь все наказываются? Потому что Бог назначил день, в который будет Он судить вселенную, но этот день еще не пришел. С другой стороны, если бы было так, то весь род наш давно бы уже прекратился и исчез. Но чтобы и этого не случилось и от замедления суда многие не сделались беспечнее, Бог, избирая некоторых виновных во грехах и наказывая здесь, через них и прочим показывает меру угрожающих им наказаний, чтобы они знали, что если они здесь и не потерпят наказания, то, без сомнения, понесут более тяжкое по отшествии туда (2).

* * *

Чтобы в людях, проникнутых сокрушением по любви к Богу, истребить страх будущего наказания и сделать их менее тщательными в повиновении заповеди, [диавол] предложил успокоение в мысли о преувеличении, которая в настоящей жизни способна обмануть беспечные души, но будет изобличена в день Суда, когда от этого не будет никакой пользы. Что пользы, скажи мне, теперь обманутым узнать этот обман тогда, когда и покаяние нисколько не будет полезно, именно при воскресении? Не станем же тщетно обманывать себя, не будем лжеумствовать назло себе и навлекать на себя еще другое наказание — за неверие. Жесточайшему наказанию подвергает нас не только неисполнение заповедей Христовых, но и неверие им. А неверие происходит от нерадения об исполнении заповедей. Именно когда мы не хотим приобрести себе спокойствие повиновением [воле Божией] и исполнять заповеданное нам, то, стараясь отвлечь ум от страха за будущее и отогнать великий страх угрожающих наказаний, мы, подавляемые и терзаемые совестью, ввергаем себя в другую пропасть — не верим этим наказаниям. Как одержимые сильной горячкой, если и бросаются в холодную воду, не ослабляют удушающего их жара, но еще более прибавляют себе огня, так и мы, уязвляемые сознанием своих грехов, заставляем себя погружаться в бездну [мысли о] преувеличении, чтобы потом безбоязненно предаваться всем грехам (2).

* * *

Сетующему до́лжно сетовать не о том, что он наказывается, но о грехах, которыми он оскорбляет Бога. Грехи удаляют нас от Бога и делают врагами Его, наказания же примиряют Его с нами и делают милостивым и близким к нам (2).

* * *

Я могу указать на многих, дошедших до крайней степени зла, потому что на них было наложено наказание, соответствующее их грехам. Определять наказание по мере грехов должно не просто, но сообразуясь с расположением грешников, чтобы... стараясь поднять падшего, не причинить еще большего падения. Немощные и расслабленные и наиболее преданные удовольствиям мира, и притом превозносящиеся своим происхождением и властью, если будут отклоняемы от грехов своих постепенно и мало-помалу, могут хотя и не совершенно, то по крайней мере отчасти освободиться от обладающих ими пороков, а если кто-то вдруг предложит им вразумление, тот лишит их и малейшего исправления. Душа, если принуждением хоть раз будет приведена в стыд, впадает в нечувствительность и после того уже не слушается и кротких слов, не преклоняется и угрозами, не трогается и благодеяниями, но бывает гораздо хуже того города, о котором, порицая, пророк, говорил: *у тебя был лоб блудницы, — ты отбросила стыд* (Иер. 3, 3). Поэтому пастырю надо иметь много благоразумия и много очей, чтобы со всех сторон наблюдать состояние души. Как многие приходят в ожесточение и предаются отчаянию в своем спасении потому, что не могут переносить жестокого врачевания, так, напротив, есть и такие, которые, не получив наказания, соответственного грехам, предаются беспечности, становятся гораздо хуже и решаются грешить еще больше (2).

* * *

Почему, скажешь, одни наказываются здесь, другие там, а не все здесь? Потому что, если бы так было, мы все погибли бы, так как все мы подлежим наказанию. С другой стороны, если бы никто не наказывался здесь, очень многие сделались бы еще

небрежнее, а многие сказали бы, что нет и провидения, ибо если и теперь так многие богохульствуют, хотя и видят, что многие из порочных наказываются, то чего они не сказали бы, если бы и этого не было? До какого зла не дошли бы тогда? Поэтому Бог одних здесь наказывает, а других не наказывает, наказывает некоторых, отсекая их грехи и облегчая для них тамошнее наказание или совершенно освобождая их от него и наказанием их вразумляя живущих в нечестии, а других, напротив, не наказывает, чтобы они, если будут внимательны к самим себе, покаявшись и устыдившись долготерпения Божия, избавились и от здешнего наказания, и от тамошнего мучения, а если пребудут в нечестии, не вразумляясь долготерпением Божиим, то подверглись бы большему наказанию за свою крайнюю небрежность. Если же кто из считающих себя сведущими станет говорить, что наказываемые терпят несправедливость (потому что они могли бы покаяться), то мы скажем, что если бы Бог предвидел их раскаянье, то и не наказал бы их. Если Он терпит тех, о которых знает, что они останутся неисправимыми, то тем более тех, о которых бы знал, что они употребят во благо Его долготерпение, пощадил бы в настоящей жизни, чтобы они отсрочкой времени воспользовались для покаяния. Между тем, поражая их ранее, Он и для них облегчает тамошнее наказание, и других вразумляет их наказаниями. А для чего Он это делает не со всеми грешниками? Для того чтобы остающиеся [в живых] вразумились страхом и наказаниями других и, восхвалив долготерпение Божие и устыдившись Его снисхождения, оставили нечестие. Но они, скажешь, ничего такого не делают? В этом уже виновен не Бог, а беспечность тех, которые не захотели воспользоваться такими пособиями к своему спасению... Когда увидишь, что некоторые или погибли при кораблекрушении, или задавлены зданием, или истреблены пожаром, или потонули в реке, или другим каким-нибудь насильственным образом окончили жизнь, между тем как другие, грешившие подобно им или еще хуже, ничего такого не потерпели, не смущайся и не говори: почему согрешившие одинаково не пострадали одинаково? Но рассуждай так, что Бог одному

попустил быть убитым и задавленным, чтобы облегчить ему тамошнее наказание или совсем освободить от него, а другому не попустил потерпеть ничего такого, чтобы он, вразумившись наказанием первого, сделался благонравнее. Если же он будет оставаться в тех же грехах, то по собственно своей беспечности навлечет на себя неизменное наказание, и Бог не будет виной этого невыносимого мучения. Опять, если увидишь, что праведник скорбит или терпит все вышесказанное, не падай духом: эти бедствия служат ему к получению светлейших венцов. И вообще всякое наказание, если оно постигает грешников, облегчает тяжесть грехов, а если праведников, то делает душу их более светлой, и для тех и других бывает величайшая польза от скорби, только бы мы переносили ее с благодарностью, ибо это и требуется от нас (3).

* * *

Многие из людей не верят в геенну, не признают будущего наказания и думают, что Бог угрожает червем неумирающим, огнем неугасающим, тьмой кромешной только для страха и вразумления, но и они не могут не верить прошедшему. О бывшем кто может сказать, что его не было? Тому, что еще не открылось и не осуществилось на деле, многие не верят, но никто, даже самый недобросовестный и бесчестный, хотя бы и захотел, не может не верить тому, что уже было и исполнилось. Поэтому апостол [Павел] желает убедить их [коринфян] в правосудии Божием посредством того, что весьма известно, что уже исполнилось и от чего осталось много следов, и как бы так говорит: если ты думаешь, что нет ни геенны, ни наказания, ни мучений и что Бог только угрожает этим, то, размыслив о прошедшем, поверь и будущему. Если Один и тот же Бог управляет и прошедшим, и настоящим, и в Ветхом Завете, и при благодати, как и действительно Он Один и тот же, то на каком основании Он, подвергнув наказанию и мучению тех грешников, нас, согрешающих так же и еще гораздо хуже тех, оставит без наказания? Я спрашиваю: блудодействовали иудеи и не были ли наказаны? Роптали и не получали ли наказания? Совершенно необходимо признать это. Как же Наказавший тех оставит не на-

казанным тебя, дерзающего делать то же самое? Это было бы неосновательно. Но ты не подвергаешься наказанию здесь? Потому особенно и верь в геенну и будущее наказание, что ты не подвергаешься наказанию здесь. Если бы не имело быть никакого наказания после настоящей жизни, то ты, согрешивший одинаково с прежними, не оставался бы ненаказанным (6).

* * *

Будучи Создателем всего, Он и благость Свою простирает на все Свои создания, всячески показывая нам, сколь великое имеет Он попечение о человеческом роде и что искони и изначала все делал для нашего спасения. Итак, бьет ли Он, наказывает ли, то и другое делает по одной и той же благости. Наказания насылает Он не по страсти и гневу, но из желания пресечь нечестие, чтобы оно не распространилось очень далеко. Он навел потоп по заботливости о предавшихся столь великому нечестию. Какая же, скажешь, заботливость в том, что все погибли под водой? Не говори необдуманно, человек, но благопокорным умом принимай соделываемое Господом, и тогда познаешь, сколько попечительности даже и в этом. Отторгнуть от греха неисправимых грешников, каждодневно причиняющих себе новые раны и делающих язвы свои неисцельными, — не значило ли это показать величайшую попечительность? Да и сам образ наказания не преисполнен ли человеколюбия? В самом деле, люди, которым и без того надлежало бы отдать долг природе, лишаются жизни в наказание, но так легко, что и не чувствуют этого, и наказание терпят без боли и мук: какую это обнаруживает мудрость и благость! Притом если мы благочестивым умом рассмотрим последствия события, то есть что оно не только было благодетельно для наказанных, но и последующим поколениям принесло два величайших блага (внушив им не предаваться тем же беззакониям и, смотря на такой пример, сделаться целомудреннее), то какую благодарность мы должны воздавать Богу за то, что и потомки вразумлены наказанием этих людей и опасением подвергнуться той же участи, и закваска всякого нечестия и порока истреблена, и не осталось им (потомкам) ни

одного учителя на грех и зло? Видишь, как и сами наказания, Богом насылаемые, являются более благодеяниями и особенно доказывают Его попечительность о роде человеческом? И если кто захочет проследить этот предмет с самого начала (бытия человеческого), то найдет, что Бог с этой самой целью насылал на грешников все наказания. Так и Адама, когда он преступил, Бог изгнал из рая не для того только, чтобы наказать, но и чтобы сделать ему благодеяние. Какое же, скажешь, благодеяние — лишиться жизни райской? Не поверхностно смотри на события и не спешно суди о делах Божиих, но проникай в глубину великой благости Его и найдешь, что все делается Им для этой цели. Скажи мне, до чего не дошел бы Адам, если бы и по преступлении наслаждался теми же благами? Если уже он после столь многих обетований дозволил себе увлечься обманом змия и принял злой совет диавола, который надмил его надеждой быть равным Богу и повергнул в грех преслушания, то, когда бы он и по совершении этого греха остался в том же достоинстве и жилище, не тем ли более почел бы злого этого демона заслуживающим большей веры, нежели Создателя всяческих, и еще не более ли надлежащего возмечтал бы о себе самом? Такова уж человеческая природа: когда она, совершая грехи, не бывает обуздываема, но пользуется свободой, то идет все далее и низвергается в пропасть. Впрочем, могу и иначе доказать, что Бог и повелел Адаму выйти из рая и подвергнул его наказанию смерти, желая показать Свое человеколюбие. Изгнанием из рая и поселением вблизи его Он сделал его благоразумнее и осторожнее на будущее время, опытом убедив его в коварстве обольстителя. А наказанию смерти подвергнул его для того, чтобы он, сделавшись через преслушание повинным греху, не грешил в бесконечность (8).

НАСМЕШКИ

Многие беспечные люди, не перенося насмешек и поношения и предпочитая славу человеческую славе истинной и вечной, увлекаются и приобщаются нечестию других людей. Только душа доблестная и твердая умом может противостоять силящимся совратить ее и ничего не дать

в угодность людям, но устремлять взор к тому недремлющему Оку и от него только ожидать благоволения, а на людей не смотреть и не дорожить их похвалой и порицанием, но оставлять их без внимания, как тень и сновидение. И теперь часто многие, не перенося насмешек со стороны десяти, двадцати или меньше лиц, претыкаются и падают: *есть стыд, ведущий ко греху* (Сир. 4, 25). Немаловажное дело не обращать внимания на тех, которые злословят, насмехаются и издеваются...

Потому и Христос, научая нас не гоняться за славой человеческой, после многого другого сказал наконец и следующее: *горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо* (Лк. 6, 26)... Добродетельному человеку, идущему тесным и скорбным путем и исполняющему заповеди Христовы, невозможно заслужить от всех людей похвалу и удивление, потому что велика сила зла и вражда к добродетели. Поэтому Господь, зная, что человеку, строго подвизающемуся в добродетели и от Него Одного ожидающему похвалы, невозможно пользоваться похвалой и доброй славой от всех людей, называет несчастными тех, которые из-за похвалы людской небрегут о добродетели. Похвала от всех может служить величайшим доказательством того, что (хвалимые) не много заботятся о добродетели, да и как будут все хвалить добродетельного, если он станет исхищать обижаемых от обижающих, терпящих зло от желающих делать зло (8)?

НАСТАВЛЕНИЕ

Как те из одежд, которые были погружены в краску только однажды, имеют непрочный цвет, а те, которые красильщики неоднократно и часто погружали в краску, сохраняют свой цвет неизменным, так бывает и с нашими душами: если мы часто слышим одни и те же слова, то, приняв наставление, как бы какую окраску, не скоро забудем его. Не будем же слушать невнимательно (2).

НАЧАЛЬНИК

Не богатые только да бедные, но и начальники с судьями истязуются [перед Богом] с великой строгостью: не извратили ли они правду, не произнесли ли приговора над подсудимыми по пристрастию или по ненависти,

не дали, уступив лести, неправедного решения или по злопамятству не сделали ли зла невинным (6)?

* * *

Бывает у начальников ужасная болезнь — желание, чтобы преемники их власти были худыми и порочными. Если сами они были благородны, то думают сделаться более блестящими, если преемники их власти не будут такими же; а если они порочны и развратны, то думают, что зло последующего начальника будет защитой собственной их порочности (6).

* * *

Покажи мне отличие начальника в его состоянии по душе, то есть управляет ли он своими страстями, побеждает ли недуги сердца. Например, обуздывает ли пристрастие к деньгам, укрощает ли ненасытную любовь плотскую, не сохнет ли от зависти, не возмущается ли сильной страстью тщеславия, не боится ли и не трепещет ли бедности или неблагоприятной перемены, не умирает ли от этого страха. Такого покажи мне начальника; вот это — власть. Но если он, управляя людьми, сам раболепствует страстям, о таком я скажу, что это раб более всех людей. У кого внутри гнездится горячка, о том, хоть внешний вид тела и нисколько не показывает этой болезни, врачи, однако же, наверное говорят, что он одержим сильной горячкой, тогда как простые люди этого не знают. Так и я о человеке, у которого душа в рабстве и в плену у страстей, несмотря на то, что внешний вид его ничего такого не показывает, а показывает противное, скажу, что он более всех раб, потому что в нем глубоко гнездится греховная горячка и насильственная власть страстей утвердилась в самой душе. А кто сбросил с себя эту власть, не увлекается злыми пожеланиями и не страшится, не трепещет безрассудно нищеты и бесславия и прочих тягостей настоящей жизни, того, хоть он одет в рубище, сидит в тюрьме и закован в цепи, назову начальником, и свободным, и царственнее царей (6).

НЕНАВИСТЬ

Христос заповедал не то, чтобы не иметь врагов, — это не в

нашей власти — но не ненавидеть их; в этом мы властны... Быть ненавидимыми напрасно зависит не от нашей воли, но от ненавидящих. Так злые люди обыкновенно ненавидят добрых без причины и напрасно. Так и Христа ненавидели напрасно, как Он Сам говорил: *возненавидели Меня напрасно* (Ин. 15, 25). И апостолы имели врагов — лжеапостолов и пророки — лжепророков. Не о том нужно заботиться, чтобы не иметь врагов, но чтобы не иметь их справедливо или по своей воле, чтобы нам, хотя бы мы тысячекратно были ненавидимы, самим не ненавидеть и не отвращаться от других, ибо в этом и состоит вражда — в ненависти и отвращении. Когда я бываю ненавидим, а сам не ненавижу, тогда другой имеет меня врагом, а не я его. Если я молюсь за него, если желаю благодетельствовать ему, то как я могу считать его врагом? Потому и Павел говорит: *если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12, 18)...

Что же нужно с нашей стороны? Например, тебя такой-то ненавидит и обижает? Ты люби его и благодетельствуй ему. Тебя он бесчестит и поносит? Ты благословляй и хвали его. Но он и после этого не прекращает вражды своей? В таком случае он доставляет тебе большую награду. Ибо злые люди чем упорнее продолжают вражду, несмотря на наше расположение к ним, тем славшейшие награды приготовляют нам и тем слабейшими делают самих себя. Кто ненавидит и не прекращает вражды, тот мучится, истощается, проводит жизнь в постоянной войне, а кто выше этих стрел, тот стоит вдали от треволнений, доставляет себе, а не врагу, величайшую пользу и, стараясь примириться с ним и не враждовать, избавляет себя от войны и ссоры. Итак, будем избегать вражды с другими и исторгнем корень ее — тщеславие и сребролюбие. Ибо всякая вражда происходит или из пристрастия к деньгам, или из тщеславия. Если же будем выше этих страстей, то будем выше и вражды. Оскорбил ли тебя кто-нибудь, переноси мужественно: не тебя он оскорбил, а самого себя. Ударил ли тебя кто-нибудь, не простирай на него десницы своей: он в то же время ударил себя самого, поразив тебя рукой, а себя гневом Божиим (1).

* * *

Не испытавший в себе вражды, не испытывает и печали, но наслаждается радостью и другими бесчисленными благами. Ненавидя других, мы сами себя наказываем, равно как, любя других, благодетельствуем себе... Итак, не будем питать ненависти ни к кому, чтобы и самим заслужить любовь от Бога, и тогда, хотя бы мы десятью тысячами талантов были должны, Он умилосердится над нами и помилует нас (1).

НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ

Нестяжательность приближает к Небесам, освобождая нас не только от страха, забот и опасностей, но и от прочих неудобств. Тот, кто не имеет ничего, презирает все, как бы обладая всем, и имеет великое дерзновение перед начальствующими, властителями и даже самим украшенным диадемою*. Кто презирает богатство, тот, простираясь далее, будет легко презирать и смерть, а, став выше этого, он будет дерзновенно говорить со всеми, не опасаясь и не страшась никого. А тот, кто занят богатством, есть раб не только богатства, но и славы, и почестей настоящей жизни, и всего вообще житейского. Поэтому Павел и назвал сребролюбие корнем всех зол (см.: 1 Тим. 6, 10) (2).

НЕСЧАСТЬЯ

Таково свойство несчастий: они обыкновенно усиливают дружбу; это видно из того, что они легко могут прекращать и вражду. И нет человека столь жестокого и бесчувственного, который, видя врага своего в несчастье, мог бы еще питать к нему ненависть. Если же мы жалеем даже врагов и поступаем с ними как с друзьями, когда видим их претерпевающими какое-либо несчастье, то подумай, что должен был чувствовать я, видя в тяжких муках уныния того, кто для меня любезнее всех и кем я дорожу как своей головой... Многие из кажущихся несчастий представляются великими и невыносимыми, пока не будут хорошо рассмотрены, а кто рассмотрит их разумно, тот найдет, что они гораздо легче, чем о них думали (2).

* Здесь имеется в виду царь. *(Примеч. ред.)*

* * *

Почему же, скажешь ты, некоторые, прежде нежели достигнут того возраста, когда могут различать доброе от злого, уже несут наказание, как великие преступники? На это не одна причина, но много различных. Это может происходить и от невоздержанности родителей, и от нерадения воспитателей, и от перемен в воздухе, и от множества других подобных обстоятельств. Притом о многих из них Бог знает, что они будут порочными, и потому наперед связывает их наказаниями, как бы какими путами. Разве не видишь, что и из нищих многие, будучи сами в прискорбном положении, совершают множество преступлений не от горя и не от голода, но единственно по своей порочности? Однажды я слышал от некоторых людей, что нищие, схватив благородную и красивую женщину, обесчестили ее в пустынном месте. Какая нужда, какое горе побудило их к такому делу? Какого же преступления не совершили бы они, если бы несчастья не сдерживали их, как цепи? А кто мог бы переносить неистовство и необузданность заключенных в темнице? Не лучше их ведут себя и одержимые демоном. Не о том я говорю, что они делают во время припадков беснования, но о том, что бывает по прекращении этих припадков: они предаются обжорству, и воруют, и пьянствуют, и совершают еще гораздо гнуснейшие дела. Поэтому, как судья многих преступников оставляет на жительство в темнице на долгое время, — а часто они оканчивают там жизнь, — когда же захочет предостеречь народ, то берет одного или двух из них, садится на возвышенном месте и при всех предстоящих приказывает вести преступника на смерть, не считая нужным делать то же со всеми преступниками, для устрашения прочих. Так и для Бога, когда Он благоволит вразумлять нас, не нужны все злые, но Он берет некоторых из них, о которых знает, что они неисправимы, и над ними являет Свою силу и гнев и через это совершает много полезного. Этим он злых располагает оставить, если Они захотят, свое нечестие, и добрых делает более внимательными, и показывает Свое долготерпение, и для всех подтверждает, как я выше сказал,

учение о Воскресении. Но какая польза от этого, скажешь ты, тем, которые весь первый возраст свой провели в несчастьях и умерли прежде, нежели успели различать добро и зло? Но какой же и вред, скажи мне, терпят они, когда еще не сознают своего несчастья и не умеют ни печалиться, ни радоваться? И не только этим я разрешаю предложенный вопрос, но и тем, что подобными несчастьями вразумляются и родители, и братья, и родственники; и немалое бывает приобретение, если из того, от чего один не терпит никакого вреда, другой получает величайшую пользу. Впрочем, на это, может быть, есть и другая какая-нибудь тайная причина, известная одному только нашему Создателю (2).

* * *

Проходя и увидев одного слепого, Он сделал брение*, помазал этим брением слепые глаза и сказал ему: *пойди, умойся в купальне Силоам* (Ин. 9, 7)... О блаженная слепота! Глаза, которых слепой не получил от природы, он получил от благодати, и не столько потерпел вреда от промедления [в получении глаз], сколько получил пользы от способа создания их. Что может быть удивительнее тех глаз, которые создать удостоили непорочные и святые руки? И что случилось с бесплодной женой, то произошло и здесь. Как она не потерпела никакого вреда от долгого бесплодия, но сделалась более славной, получив сына не по законам природы, а по законам благодати (см.: Быт 16, 1; Лк. 1, 7), так точно и слепой не потерпел никакого вреда от предшествовавшей слепоты, но и получил отсюда величайшую пользу, удостоившись сначала узреть Солнце правды, а потом — солнце видимое.

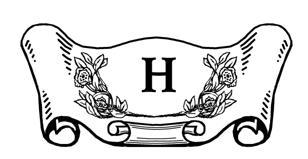
Это я говорю для того, чтобы мы не огорчались, когда увидим себя или других в несчастьях. Если мы будем с благодарностью и мужеством переносить все случающееся, то всякое несчастье непременно будет иметь благой для нас конец и сопровождаться многими благами (2).

---

* Брение — распущенная глина, грязь. Сделать брение означает взять сухую глину и увлажнить ее. *(Примеч. ред.)*

НОВЫЙ ГОД

Происходящие сегодня дьявольские всенощные гулянья, шутки, бранные крики, ночные пляски и смешные забавы хуже всякого неприятеля пленили наш город. И тогда, как должно было бы сокрушаться, плакать, стыдиться, как согрешившим, так и несогрешившим, одним — смотря на свои грех, а другим — смотря на бесчиние братий, наш город веселится, красуется, увенчивается, площадь, как любящая наряды и роскошная женщина, сегодня заботливо украшается, облекаясь в золотые и драгоценные одежды, обувь и прочее тому подобное. Всякий мастеровой, выставляя напоказ свои работы, старается перещеголять своего товарища... Если ты хочешь украшать, то украшай не мастерскую, но твою душу, не площадь, но ум, чтобы Ангелы дивились, и Архангелы одобряли твое дело, и Владыка Ангелов наградил тебя Своими дарами, а хвастовство, совершающееся ныне, возбуждает и смех, и зависть... А более всего прискорбны состязания, которые происходят в гостиницах и преисполнены распутства и великого нечестия: нечестия потому, что занимающиеся ими замечают дни, гадают и думают, что если первый день этого месяца они проведут в удовольствии и веселии, то и во весь год будет то же, а распутства потому, что на самом рассвете и женщины, и мужчины, наполнив стаканы и чаши вином, напиваются с великой неумеренностью... Крайне безумно по одному счастливому дню ожидать того же на весь год; и не только от безумия, но и от дьявольского влияния происходит та мысль, будто в делах нашей жизни надобно полагаться не на собственную ревность и деятельность, а на дневные обращения времени. Счастлив для тебя будет год во всем не тогда, как ты будешь пьянствовать в первый день, но если и в первый, и в каждый день будешь делать угодное Богу (2).

ОБИДЫ

Апостол говорит: *будьте долготерпеливы ко всем. Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем* (1 Фес. 5, 14–15). Если не должно воздавать злом за зло, то тем более — злом за добро, тем более не воздавать злом, когда наперед не сделано зла... *Душа согрешающая,* сказано, *она умрет* (Иез. 18,20)... Не видите ли, что пчела, ужалив, умирает? Через это насекомое Бог учит нас тому, чтобы мы не оскорбляли ближних, потому что в таком случае сами наперед повергаемся смерти. Уязвляя их, мы, может быть, причиняем им некоторую боль; но сами, подобно этому насекомому, уже не останемся живы...

Подлинно, одним только лютейшим зверям свойственно наперед наносить обиду, когда еще никто не обижал; или, вернее, это даже и зверям несвойственно, потому что и они, если ты позволишь им обитать в пустыне и нападением не доведешь их до крайности, никогда не причинят вреда, не придут, не укусят, но отойдут своим путем. А ты, будучи человеком, существом разумным, будучи почтен такой властью, честью и славой, даже зверям не подражаешь в обращении с соплеменными тебе, но обижаешь и снедаешь брата? Чем же ты можешь оправдаться? Не слышишь ли, что говорит Павел: *для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев* (1 Кор. 6, 7–8). Видишь ли, что злополучие состоит в делании зла, а благополучие — в перенесении зла (1)?

* * *

Ты обижен ближним? Будь снисходителен к нему, не питай ненависти, плачь и рыдай, а не презирай его, ибо не ты прогневал Бога, но он, а ты, перенеся обиду, поступишь добродетель-

но. Припомни, что и Христос, идя на крестную смерть, о Себе радовался, а о распинателях Своих плакал, подобным образом и нам надлежит поступать. Чем более нас обижают, тем более мы должны оплакивать обидевших нас, ибо для нас от этого происходит великое благо, для них же, напротив, великое зло. Но ближний тебя обидел при всех и даже ударил? Он при всех и обесчестил, и посрамил самого себя, и тысячу обвинителей вооружил против себя, тебе же, напротив, приготовил многие венцы. Но он оклеветал тебя перед другими? Что тебе и до этого, когда Сам Бог будет рассматривать твое дело, а не те, которые слышали клевету. Он сам сделался причиной своего наказания и подвергается ответственности не только за свои поступки, но и за то, что судил о тебе, оклеветав тебя перед людьми, сам он сделался виновным перед Богом. Если же это для тебя неудовлетворительно, то вспомни, что и Сам Бог был оклеветан и от сатаны, и от людей, и притом перед теми, которых Он наипаче любил. То же самое испытал и Единородный Сын Его... И не только оклеветал Его злой демон, но даже успел клевету свою выдать за истину, и оклеветал не в маловажном чем-нибудь, но в величайших преступлениях, ибо называл Его и беснующимся, и льстецом, и противником Богу. Но ты, оказав благодеяния ближнему, терпишь от него обиду? Тем более плачь и болезнуй о причинившем тебе зло, а о себе радуйся, ибо ты уподобился Богу, повелевающему *солнцу Своему восходить над злыми и добрыми* (Мф. 5, 45). Но если подражание Богу превосходит твои силы (хотя для ревностного и это нетрудно), то мы укажем тебе пример для подражания в подобных тебе рабах. Посмотри на Иосифа: он хотя претерпел бесчисленные бедствия от своих братьев, однако ж облагодетельствовал их; посмотри на Моисея, который после бесчисленных против него злоумышлений иудеев молился за них... посмотри на Стефана, который, будучи побиваем камнями, молился об отпущении греха этого убийцам (1).

* * *

Когда ты скорбишь и огорчаешься обидой, я желал бы показать тебе душу торжествующего победу обидчика: она подобна

пеплу! Таково свойство греха: пока он совершается, он доставляет некоторое удовольствие, а когда совершится, то легкое удовольствие проходит и наступает скорбь. То же испытываем и мы, когда наносим кому-нибудь обиду: после сами осуждаем себя. Когда мы удовлетворяем своему корыстолюбию, тогда радуемся, а после совесть угрызает нас... Не огорчайся, но еще молись за обидевшего тебя — это принесет пользу тебе самому. Он взял твое имущество, взял и грехи, как случилось с Нееманом и Гиезием (см. 4 Цар. 5, 27). Какого не отдал бы ты богатства, чтобы тебе отпущены были грехи? Это может быть и теперь: если будешь терпеть и не станешь проклинать, то получишь блистательный венец (1).

* * *

Господь говорит: *кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся* (Мф. 5, 39–42). Что можно сказать на это? Относительно всего здесь сказанного остается только плакать и закрываться [от стыда]: так мы уклонились в совершенно противоположную сторону, употребляя все время на суды и неприязни, на распри и ссоры, не перенося ни малейшего оскорбления ни на деле, ни на словах, но раздражаясь и за мелочи. Если бы ты мог указать на таких людей, которые, истратив много на бедных, после сами по бедности подвергаются презрению и терпят множество бедствий, то таких насчитал бы немного и даже весьма мало. Но и между ними ты не указал бы нам такого любомудрого, какой изображен здесь: эта последняя [предписываемая Христом] жизнь гораздо духовнее, чем первая, потому что не все равно дать ли добровольно, или перенести, когда все отнимают у тебя. Что говорю: перенести? Сказанное Христом заключает в себе гораздо больше этого. Слово Его так воспрещает обиженным гневаться на обидевших, что должно не только не скорбеть о том, что уже взято, но и отдавать добровольно то, что осталось, и показывать готовность терпеть зло более, нежели сколько есть страсти у вра-

гов делать нам зло. Так, когда желающий обижать найдет, что обижаемый готов потерпеть более, нежели сколько ему хотелось, и, удовлетворив своей страсти, увидит, что оскорбленный с преизбытком выказывает свое великодушие, то отойдет прочь, побежденный и посрамленный превосходством терпения. И хотя бы он был зверь и даже свирепее его, сделается потом скромнее, ясно увидев из сравнения и свою злость, и его добродетель (2).

ОБЛИЧЕНИЕ

Название пороков прямыми и подлинными их наименованиями немало способствует к отвращению от них: оно может так сильно поражать грешников, что часто многие, отличающиеся бесчестнейшими делами, не переносят равнодушно, когда их называют тем, что они есть на самом деле, но приходят в сильный гнев и зверское раздражение, как будто терпят что-нибудь ужасное (2).

Дорожа мнением многих, мы, будучи худыми, пока думаем, что нас не знают, стараемся быть лучшими, а когда сделаемся всем известными и потеряем одобрение, происходящее от неизвестности, то становимся более бесстыдными и нерадивыми. И как раны, открытые и часто подвергающиеся влиянию холодного воздуха, делаются более жесткими, так и душа согрешившая становится более бесстыдной, если перед многими обличается в том, в чем она согрешила... Без свидетелей пусть будет обличение, чтобы легко было изменение к лучшему. Таким образом, великое благо делать увещание не всенародное. Довольно совести, довольно этого неподкупного судии (6).

ОБРАЗОВАНИЕ

Когда отцы убеждают детей заниматься науками, то в их разговоре с детьми не слышно ничего другого, кроме таких слов: «Такой-то человек низкий и из низкого состояния, усовершившись в красноречии, получил весьма высокую должность, приобрел большое богатство, взял богатую жену, построил великолепный дом, стал для всех страшен и знаменит». Другой говорит: «Такой-то, изучив итальянский язык, блистает при дворе и всем там распоряжается». Иной опять указывает на другого, и все —

на прославившихся на земле, а о небесном никто ни разу не вспоминает, если же иной попытается напомнить, то он прогоняется как человек, который все расстраивает (2).

* * *

Если сила убеждения заключается в красноречии и, однако, философы не убеждают ни одного тирана, а люди некнижные и простые обращают всю вселенную, то, очевидно, торжество мудрости принадлежит простым и некнижным, а не изучившим то и другое искусство. Так, истинная мудрость и истинное образование есть не что иное, как страх Божий. И пусть никто не думает, будто я узаконяю, чтобы дети оставались невеждами, нет, если кто-то поручится насчет самого необходимого, я не стану препятствовать, чтобы у них было в избытке и это искусство. Как тогда, когда колеблются основания и весь дом со всем зданием находится в опасности упасть, было бы крайне бессмысленно и безумно бежать к красильщикам, а не к строителям, так и тогда, когда стены стоят твердо и крепко, было бы неуместным упрямством препятствовать желающему покрасить их...

Пусть будут нам предложены на выбор два дела: или пусть сын, посещая училища, старается изучать науки, или пусть в пустыне [печется] о душе. В чем лучше, скажи мне, успевать? Если бы возможно было в том и другом, то этого и я желаю, но если одно из двух останется недостижимым, то лучше избрать превосходнейшее (2).

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Не преданность любомудрию, а нелюбомудрие погубило и расстроило все. Кто, скажи мне, расстраивает настоящее положение дел: те ли, которые живут воздержанно и скромно, или те, которые выдумывают новые и беззаконные способы наслаждения? Те ли, которые стараются захватить себе все чужое, или те, которые довольствуются своим?.. Человеколюбивые и кроткие и не имущие похвалы от народа или те, которые требуют ее от единоплеменников более всего должного?.. Те ли, которые стараются повиноваться, или те, которые стремятся к власти или начальству и для этого готовы

сделать и перенести все? Те ли, которые считают себя лучше всех и поэтому думают, что им можно говорить и делать все, или те, которые ставят себя в числе последних и этим укрощают безумное своеволие страстей? Те ли, которые строят великолепные дома и предлагают роскошные трапезы, или те, которые не ищут ничего, кроме необходимого пропитания и жилища? Те ли, которые прирезывают себе тысячи десятин земли, или те, которые не считают для себя нужным приобретение и одного холма? Те ли, которые прилагают проценты к процентам и гоняются путем неправды за всяким прибытком, или те, которые раздирают неправедные записи и из своей собственности помогают нуждающимся? Те ли, которые признают немощь человеческой природы, или те, которые не хотят и знать этого, но от чрезмерной гордости даже перестали считать себя людьми? Те ли, которые питают блудниц и оскверняют чужие браки, или те, которые воздерживаются и от своей жены? Первые не то же ли в общественной жизни, что опухоли на теле и бурные ветры на море, своей невоздержанностью потопляющие тех, которые сами по себе могли бы спастись? А последние, как яркие светила среди глубокого мрака, не призывают ли бедствующих среди моря к своей безопасности и, возжегши вдали на высоте светильники любомудрия, не руководят ли таким образом желающих в спокойную пристань? Не от первых ли возмущения, и войны, и ссоры, и разрушения городов, и угнетения, и порабощения, и пленения, и убийства, и бесчисленные бедствия в жизни, не только наносимые людям от людей, но и все [посылаемые] с неба...

Так они извращают общественную жизнь и губят общее благо. Они причиняют бесчисленные бедствия и другим, беспокоя ищущих спокойствия, развлекая и возмущая их со всех сторон. Для них и суды, и законы, и взыскания, и различные роды наказаний. Как в доме, где много больных, а здоровых мало, можно найти много и лекарств, и приходящих врачей, так и во вселенной нет народа, нет города, где бы не было много и законов, много и начальников, много и наказаний, потому что лекарства сами по себе не могут восстановить больного, а нужны еще те, которые бы прилагали их: таковы судьи, заставляющие

этих больных волей или неволей принимать врачевание. Однако и при этом болезнь так усилилась, что превзошла само искусство врачей и вошла в самих судей, и теперь происходит то же, как если бы кто-то, страдая горячкой, водянкой и множеством других жесточайших болезней и не одолевая собственных недугов, стал усиливаться избавлять других, одержимых теми же недугами (2).

ОДЕЖДА

Одежды должны быть у нас необходимые, а не излишние... Блаженный Павел так увещевает жен украшать себя: *не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою* (1 Тим. 2, 9)... Одежда должна быть такова, чтобы только прикрывала, ибо для того Бог и дал нам ее, чтобы мы прикрывали наготу... Не к одним только женам я обращаю свое слово, но и к мужам. Все, что мы имеем кроме этого, есть лишнее. Одни только нищие не имеют лишнего, но и те, может быть, по необходимости, так что если бы можно было, то и они не отказались бы... Пусть наряжается актриса или танцовщица, ей хочется привлечь к себе всех. А посвятившая себя благочестию не так должна украшаться. У нее есть другое украшение, гораздо лучшее... Скажи мне, если бы блудница, оставив золотые украшения и одежды, смех, шуточные и непристойные выражения, оделась в простую одежду и украсила себя неизысканно, если бы она вышла и стала говорить благочестивые речи, беседовать о целомудрии и не произносить ничего непристойного, то не встали ли бы все, не нарушилось ли бы зрелище, не выгнали ли бы ее вон как неумеющую применяться к народу и говорящую о том, что чуждо этому сатанинскому зрелищу? Так если и ты, одевшись в свойственные ей одежды, войдешь на зрелище небесное, то зрители изгонят тебя вон. Там нужны не эти золотые одежды, а другие. Какие же? Те, о которых говорит пророк: *одета она золотою бахромою, преукрашенная* (Пс. 44, 14). Не тело нужно делать белым и блестящим, но украшать душу, ибо она подвизается и берется (1).

* * *

Когда у какой-либо жены есть одежда, исканная из золо-

та, то она часто вытрясает ее, завертывает в полотно, тщательно сохраняет, дрожит над нею и не пользуется ею. Можно подумать, что она умерла, или овдовела, или, если не случилось ничего такого, боится, чтобы от частого употребления не лишиться ее. Если другой не лишает, она сама лишает себя по скупости... Если бы кто-нибудь осмотрел дома, то нашел бы, что самые дорогие одежды и самые превосходнейшие вещи берегутся так, как будто бы они были живыми властителями. Жена не употребляет их часто, но боится и дрожит, предохраняет их от моли и других истачивающих платье насекомых, обкладывает бóльшую часть их миром и ароматами и не всех удостаивает взглянуть на них. Не справедливо ли, скажи мне, Павел назвал любостяжание идолослужением? Какую честь язычники оказывают идолам, такую же эти люди — одеждам и золотым вещам (1).

* * *

Одежды даны нам не для того, чтобы мы украшали себя, но чтобы прикрывали стыд наготы, не для того, чтобы мы облекались в то, что может посрамить нас хуже наготы. Поэтому и Бог одел Адама и жену его в *одежды кожаные* (Быт 3, 21), хотя Он мог бы, если бы хотел, одеть их в прекрасные одежды, но Он издревле и через это внушает нам, что теперь время не роскоши, а воздыхания и сокрушения. Если же сама нужда в одеянии есть стыд и срам и происходит от греха, то для чего ты увеличиваешь этот знак осуждения? Не достаточным ли доказательством нашего падения служит сама нужда в одеянии? Для чего же ты делаешь это унижение еще большим? Для чего увеличиваешь осуждение, умножая эту нужду? Следовало бы плакать и воздыхать и изнурять само тело, по учению Павла (см. 1 Кор. 9, 27), а мы стараемся украшать покровы его... Ты превосходишь и зрелищных женщин изысканностью одежд, прельщая ими рассеянных юношей. Не такого украшения и убранства твоего желает Жених, но Он заповедал, чтобы все прославление Его было в душе твоей, а ты, пренебрегая этим, разнообразно украшаешь грязь и пепел и привлекаешь невоздержанных любителей и, так сказать, делаешь прелюбодеями всех, взирающих на тебя (2).

* * *

Как можно смотреть и ходить для Бога? Когда ты не стремишься к нечестию, не занимаешься чужой красотой, когда, видя идущую навстречу женщину, удерживаешь свое зрение, ограждаешь лицо свое страхом Божиим, то ты сделаешь это для Бога. Также когда мы одеваемся не в дорогие и изнеживающие нас одежды, но в такие, которые могут только прикрыть нас. Можно распространить это правило и на обувь. Многие дошли до такой изнеженности и роскоши, что даже обувь свою украшают и всячески испещряют не менее, чем другие — лицо. Это — знак нечистой и развращенной души. Хотя это кажется маловажным, однако как в мужчинах, так и в женщинах это есть знак и доказательство великого невоздержания. Итак, и обувь можно употреблять для Бога, если всегда будем удовлетворять только нужде и ее ставить мерой при пользовании вещами. А что и походкой, и одеянием можно прославлять Бога, о том, послушай, что говорит мудрый муж: *одежда и осклабление зубов и походка человека показывают свойство его* (Сир. 19, 27). Если мы в одежде будем соблюдать приличие и степенность и во всем показывать великую скромность, то и неверный, и невоздержный, и буйный, как бы он ни был бесчувствен, при первой встрече с таким человеком будет удивляться ему (2).

* * *

Пусть об этом послушают богатые, которые украшаются тканями червей и одеваются в шелк, и пусть знают они, как человеколюбивый Владыка с самого начала вразумлял человеческую природу. Так как первозданный (человек) преступлением заповеди заслужил осуждение на смерть, между тем нужно было облечь его одеждой, которая бы прикрывала его стыд, то (Бог) сотворил им кожаные ризы, научая этим нас избегать изнеженной и роскошной жизни, не искать жизни праздной и беспечной, но более любить суровую. Но, может быть, богатые, негодуя на эти слова, скажут: так что же? Ты велишь нам одеваться в кожаные одежды? Не говорю этого, потому что и первые люди не навсегда получили те ризы; человеколюбивый Владыка к прежним благодеяниям

всегда прибавляет другие. Так как первые люди, лишившись бесстрастия и ангельской жизни, подвергли себя телесным нуждам, то Бог впоследствии устроил так, чтобы одежда для людей была приготовляема из овечьей шерсти, впрочем, не для чего иного, как только для того, чтобы она служила покровом и чтобы это разумное существо не жило, подобно бессловесным, в наготе и бесстыдстве. Итак, употребление одежд пусть непрестанно напоминает нам о потерянных благах и о том наказании, которое постигло человеческий род за преслушание. После этого пусть отвечают нам те, которые так увлеклись блеском, что даже и понятия не имеют об одеждах из овечьей шерсти, но облекаются в шелковые и дошли до такого безумия, что вплетают еще и золото в одежды, — особенно же такую роскошь видим мы у женского пола. Для чего ты, скажи мне, украшаешь тело и любуешься такой одеждой, а о том не думаешь, что этот покров изобретен вместо величайшего наказания за преступление? Почему не слушаешь блаженного Павла, который говорит: *имея пропитание и одежду, будем довольны тем* (1 Тим. 6, 8)? Видишь, что надо заботиться только о том, чтобы тело не было нагим, чтобы оно было только прикрыто, и отнюдь не заботиться о разнообразии одеяния (8).

ОСУЖДЕНИЕ

Никто не старается угождать Богу, а только злословим то того, то другого и говорим: такой-то не достоин быть в клире, такой-то живет нечестиво. Тогда как нам следовало бы оплакивать собственные пороки, мы осуждаем других, между тем как не должны делать этого и в том случае, если бы мы были чисты от грехов: *кто отличает тебя?* — говорит апостол. — *Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил* (1 Кор. 4, 7)? Как же ты осуждаешь брата своего, будучи сам исполнен бесчисленного множества зол? Когда ты скажешь: такой-то человек злой, вредный, порочный, — тогда обрати внимание на себя самого, разбери тщательно свои дела, и ты раскаешься в словах своих (1).

* * *

Не судите, да не судимы будете (Мф. 7, 1)... Если бы мы не

сделали даже никакого другого греха, то уже этот один может свести нас в преисподнюю геенну: так мы строго осуждаем чужие грехи, а у себя не видим бревен (см. Мф. 7, 3). Так мы тратим всю свою жизнь на разведывание и осуждение чужих дел! И не скоро найдешь и между мирянами, и между монахами, и клириками такого, кто был бы свободен от этого греха несмотря на относящуюся к нему такую угрозу: *каким судом судите, таким будете судимы* (Мф. 7, 2). И, однако, несмотря на то, что этот грех подвергает такому наказанию, а нисколько не доставляет удовольствия, мы все бежим на зло, как будто стараясь и соревнуя войти в геенскую пещь не одной, а многими дорогами. Мы одинаково грешим не только в отношении к более трудным, но и в отношении к легчайшим [заповедям], нарушая равно и эти и те, и преступлением легчайших доказываем, что мы и труднейших не исполняем по своему небрежению, а не по трудности самих заповедей. Так, скажи мне, какой труд в том, чтобы не разведывать о чужих делах и не осуждать грехов ближнего? Напротив, труд нужен на то, чтобы разведывать и судить о других. Кто же, услышав это, поверит когда-либо нам, что мы дошли до нарушения [заповедей] по беспечности, а не с намерением и не по желанию? Когда то, что [Господь] повелевает делать, легко и удобно для желающих [исполнять], напротив, то, что Он воспрещает, более тяжело и трудно, а мы, опуская повеленное, делаем запрещенное, не могут ли враги сказать, что мы грешим по желанию сопротивляться Ему (5)?

* * *

В тот день [будущего суда] Бог будет судить нас не только за то, в чем мы грешили, но и за то, в чем осуждали других, и часто грех, легкий по своему свойству, делается тяжким и непростительным оттого, что согрешающий осуждает другого. Согрешил кто-нибудь и строго осудил другого, совершившего тот же грех, за это в тот день он подвергнется наказанию не такому, какого требует свойство греха его, но больше, чем двойному и тройному, — потому что Бог назначит ему наказание не сообразно с тем, в чем он сам согрешил, но за то, что строго осудил другого, который согрешил в том же... Фарисей,

хотя сам ни в чем не согрешил, жил праведно и мог указать много своих добрых дел, когда осудил мытаря, хищника, корыстолюбца и беззаконнейшего человека, подвергся такому осуждению, что его ожидает наказание большее, чем какое следовало этому. Если же он, сам не согрешив ни в чем, но простым словом осудив другого грешника, который своими беззакониями был известен всем, подвергся такому наказанию, то мы, много согрешая каждый день и между тем осуждая жизнь других, которая притом никому неизвестна и не открыта, представь, какому подвергнемся наказанию, как лишимся всякого прощения. *Каким судом судите,* — сказал Господь, — *таким будете судимы* (Мф. 7, 2) (6).

ОТДЫХ

Как тело, изнуренное постом, нуждается в некотором отдыхе, чтобы могло потом с живой ревностью опять выступить на подвиги поста, так и душа требует отдохновения и успокоения. Не всегда нужно напрягать ее, не всегда и послаблять ей, но иногда делать одно, а иногда другое, и таким образом управлять и состоянием души, и вожделениями плоти. Всегдашний напряженный труд производит изнурение и изнеможение, а постоянное послабление ведет к беспечности. Это бывает, как всякому известно, и с душой, и с телом. Поэтому мера во всем — прекрасное дело. Этому учит нас Бог и Своими творениями, которые Он создал для нашего существования. Чтобы в этом увериться вам, возьмем в рассмотрение день и ночь, то есть свет и мрак. Назначив человеку день для делания, а мрак ночи для успокоения и отдохновения от трудов, (Бог) обоим им положил меру и пределы, чтобы все мы могли получать от них пользу (8).

ОТЕЦ

Родить сына мало для того, чтобы родивший уже и научил полезному рожденного им. Рождение, конечно, много содействует любви к рожденному, но чтобы точно знать, что полезно ему, для этого недостаточно только родить и любить. Если бы это так было, то ни один человек не должен бы видеть лучше отца, что полезно его сыну, так как никто другой не может любить сына больше отца. Между тем и сами отцы делами своими

показывают свое невежество в этом, когда сами ведут детей к учителям, поручают их воспитателям, со многими советуются, озабочиваясь избранием рода жизни, какому надобно посвятить сына. И удивительно еще не это, но то, что родители при таком совещании о своих детях часто отвергают свое собственное мнение и останавливаются на чужом (2).

* * *

Тот, кто в отношении к другим столь тих и кроток, что никому не подает повода к неудовольствию, тем более будет оказывать великое почтение отцу и станет угождать ему гораздо более теперь, чем когда бы достиг мирской власти. Облеченный великой властью, неизвестно, не стал ли бы он презирать и отца (2).

* * *

Так как мы бываем и худы и хороши по свободной воле, то какое благовидное оправдание может представить допустивший до развращения и порочности [сына], любимого им больше всего? То ли, что не хотел сделать его честным? Но ни один отец не скажет этого, потому что сама природа настоятельно и непрерывно побуждает его к тому. Или то, что не мог? Но и этого нельзя сказать, потому что многое — и то, что он взял сына [на свое попечение] еще в нежном возрасте, и то, что ему первому и одному только вручена власть над ним, и то, что он постоянно имел его при себе, — делает для него воспитание легким и очень удобным. Таким образом, развращение детей происходит не от чего другого, как от безумной привязанности [отцов] к житейскому: обращая внимание только на это одно и ничего не желая считать выше этого, они необходимо уже нерадят о детях с их душой. О таких отцах я сказал бы (и никто пусть не приписывает этих слов гневу), что они хуже даже детоубийц. Те отделяют тело от души, а эти то́ и другую вместе ввергают в огонь геенский; той смерти подвергнутся неизбежно по естественной необходимости, а этой можно было бы и избежать, если бы не довела до нее беспечность отцов. Притом смерть телесную сможет уничтожить воскресение,

как скоро наступит оно, а погибели души ничто уже не вознаградит; за ней следует уже не спасение, а необходимость вечно страдать... Не так жестоко изострить меч, взять его в правую руку и вонзить в самое горло сына, как погубить и развратить душу, потому что ничего равного ей нет у нас (2).

* * *

Может быть, вы хотите видеть детей от детей? Как же это, когда вы сами еще не сделались [истинными] отцами? Не рождение делает таким отцом: с этим согласятся и сами родители, которые, видя детей своих дошедшими до крайней порочности, отвергают и чуждаются их как бы не своих, и ни природа, ни рождение и ничто другое тому подобное не может удержать их от этого. Пусть же они и не считаются отцами тех, которые далеки от любомудрия, но когда родят их таким образом, тогда пусть и ожидают себе внуков, потому что тогда только и смогут они увидеть их. Дети их суть те, *которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились* (Ин. 1, 13) (2).

* * *

Если ты прекрасно возрастишь сына своего, то и он — своего собственного сына, а этот — своего сына; и как бы некоторая лента и ряд лучшей жизни все пойдет вперед, получив начало и корень от тебя и принося тебе плоды попечения о потомках. Если бы отцы тщательно воспитывали своих собственных детей, то не нужно было бы ни законов, ни судилищ, ни мщений и наказаний... Но так как мы не заботимся о них, то и подвергаем их бо́льшему злу, и предаем в руки палачей, и постоянно толкаем в пропасть (6).

ОТЧАЯНЬЕ

Не столько погубляет грех, сколько отчаянье. Согрешивший, если протрезвится, покаянием скоро исправляет свой проступок, а кто отчаивается и не кается, тот потому и остается без исправления, что не употребил врачевства покаяния (1).

* * *

Не отчаивайся в перемене на лучшее. Если диавол был силен настолько, что низринул тебя с

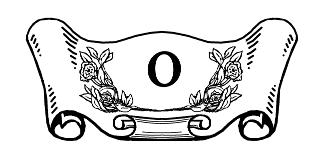
вершины и высоты добродетели до крайностей порока, то гораздо более силен будет Бог опять возвести тебя в прежнюю свободу и сделать не только таким же, но и гораздо блаженнейшим прежнего. Только не унывай, не теряй добрых надежд, не впадай в страсть нечестивых. В отчаянье обыкновенно ввергает не многочисленность грехов, но нечестивое состояние души... Только таким людям свойственна эта страсть, когда они приходят в глубину зол. Она-то не допускает их воспрянуть и опять взойти туда, откуда ниспали... Мужественной душе свойственно не упадать и не отчаиваться перед множеством постигающих бедствий и после многократных и безуспешных молитв не отступать, но ожидать *дондеже ущедрит ны*, как говорит блаженный Давид.

Диавол для того и ввергает нас в помыслы отчаянья, чтобы истребить надежду на Бога — этот безопасный якорь, эту опору нашей жизни, этого руководителя на пути, ведущем к Небу, это спасение погибающих душ. *Ибо мы*, — говорит [апостол], — *спасены в надежде* (Рим. 8, 24). Ибо она, как некая крепкая цепь, свешенная с Неба, поддерживает наши души, мало-помалу поднимая на высоту тех, которые крепко держатся за нее, и вознося нас превыше бури житейских зол. Поэтому, если кто-либо ослабевает и опустит из рук этот священный якорь, тот сейчас же упадет и погибнет в бездне порока. Зная это, лукавый, как только заметит, что мы сами тяготимся сознанием злых дел, приходит и сам еще налагает на нас помысел отчаяния, который тяжелее свинца. И если мы примем его, то, увлекаемые тяжестью и оторванные от той цепи, неизбежно тотчас низринемся во глубину зол...

Не говори мне, что так бывает лишь с невеликими грешниками; нет, пусть даже человек будет исполнен всякого порока и сделает все, что затворяет для него вход в Царствие, и притом не из неверных от начала, но из верных и благоугождавших прежде Богу, пусть такой сделается впоследствии блудником, прелюбодеем, сластолюбцем, хищником, пьяницей, мужеложником, сквернословцем и т. п., — и такого я не похвалю, если он будет отчаиваться в себе, хотя бы он до самой глубокой старости провел такую несказанно порочную жизнь (2).

* * *

Начнем же, наконец, возвращение, поспешим во град небесный, в котором мы вписаны, в котором и обитать надлежит нам. Отчаянье гибельно не только потому, что затворяет нам врата этого града и приводит к великой беспечности и небрежению, но и потому, что ввергает в сатанинское безумие, ибо и диавол сделался таким не от чего-либо другого, как от того, что сперва отчаялся, а потом от отчаяния впал в безумие. Так и душа, однажды отчаявшись в своем спасении, уже не чувствует потом, как она стремится в пропасть, решаясь и говорить, и делать все против своего спасения. Как сумасшедшие, раз лишившись здравого состояния, ничего не боятся и ничего не стыдятся, но безбоязненно отваживаются на все, хотя бы пришлось им попасть в огонь, или в море, или в пропасть, так и объятые безумием отчаяния неудержимо устремляются на всякое зло и, если смерть не постигнет их и не удержит от этого безумия и стремления, причиняют себе множество бед (2).

ПАДЕНИЕ

Нам всегда нужно иметь бодрость и великое усердие, и если так настроим совесть свою, что возненавидим прежнюю порочную жизнь и изберем противоположный путь с такой силой, какой хочет и требует Бог, то от времени ничего не потеряем, так как многие, бывшие последними, опередили первых. Тяжко не падение, а то, чтобы, упав, лежать и уже не вставать, то, чтобы, произвольно делая зло и пребывая в беспечности, помыслами отчаяния прикрывать слабость воли. Таким людям и пророк, недоумевая, говорит: *разве упавши не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются* (Иер. 8, 4)? Если же ты спросишь нас о тех, которые после уверования опять пали, то все сказанное относится и к ним, ибо кто пал, тот был прежде в числе стоявших, а не лежащих, иначе как бы он и пал? И еще будет сказано отчасти притчами, а отчасти яснейшими делами и словами. Так овца, которая отделилась от девяноста девяти и потом опять была приведена назад, изображает нам не иное что, как отпадение и возвращение верных, потому что она была овца, и притом не другого какого-нибудь стада, но из числа прочих овец, и прежде паслась пастырем и заблудилась не обычным образом, но в горах и стремнинах, т.е. на пути каком-то далеком и весьма уклонившемся от прямой дороги. Но пастырь оставил ли ее блуждать? Никак. Он привел ее назад, не пригнав и не бив, но взяв на рамена* свои. Ибо как лучшие врачи с великим попечением возвращают здоровье одержимым продолжительной болезнью, не только врачуя их по правилам врачевания, но иногда и доставляя им удовольствие, так и Бог весьма испорченных людей обращает к добродетели не вдруг и насильственно, но тихо и мало-помалу, и всегда по-

* Рамена — плечи. *(Примеч. ред.)*

могая им, чтобы не приключилось еще большего отчуждения и продолжительнейшего заблуждения. На это указывает притча о блудном сыне. Он также был не чужой, но сын и брат благонравного сына, и низринулся не в маловажный порок, а в самую, можно сказать, крайнюю порочность: богатый, свободный и благородный сделался несчастнее рабов и чужих людей и наемников. И, однако, он опять возвратился в первобытное состояние и получил прежнюю честь. А если бы он отчаялся в своей жизни и, пав духом от постигших его бед, остался на чужбине, то не получил бы того, что получил, а, изнуренный голодом, погиб бы самой жалкой смертью. А так как он раскаялся и не впал в отчаянье, то после такого растления опять является в прежнем благообразии, облекается в прекрасную одежду и получает больше непадшего брата... Такова была сила покаяния! (2)

* * *

Остается еще один вопрос: почему те, которые прежде искушения жили праведно, после искушений пали? Но кто верно знает живущих праведно, кроме того, *Кто создал особо сердца их и вникает во все дела их* (Пс. 32, 15)? Многие из тех, которые кажутся добродетельными, часто оказываются порочнее всех. Это обнаруживалось и в настоящей жизни, но только относительно некоторых, по какому-нибудь случаю и по какой-нибудь необходимости. Когда же сядет судить [Господь]... тогда всех увидишь открыто такими, каковы они действительно, и ни волка не скроет овечья кожа, ни окраска гроба внутренней его нечистоты, потому что *нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его* (Евр. 4, 13). Это и Павел, объясняя коринфянам, говорил: *не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения* (1 Кор. 4, 5). Впрочем, оставив лицемеров, скажем о живущих праведно. Откуда известно, что они, имея многие добродетели, не пренебрегли главной из них — смирением? Поэтому Бог и отступил от них, чтобы они знали, что добрые дела совершали они не собственной силой, но благодатью Божией. Если же кто-то скажет, что лучше гордиться делая

добро, нежели смиряться согрешая, тот совсем не понимает ни вреда от гордости, ни пользы от смирения... Делающий добро с гордостью, если только можно так делать добро, скоро дойдет до крайней погибели. Кто допустил себя до падения и падением научился смирению, тот скоро, если захочет, восстанет и исправится, но кто делает кажущееся добро с гордостью и не терпит ничего неприятного, тот никогда не почувствует своей греховности, но еще увеличит зло и незаметно для себя самого отойдет отсюда без добрых дел, как тот фарисей, который вошел в храм, думая о себе, что он богат всякой добродетелью, а вышел, узнав, что он беднее даже мытаря (Лк. 18, 10). Есть и другой вид зла, имеющий великую силу упразднять добро, собранное с великими усилиями и трудами, — это ветер тщеславия. Оно действительно, как ворвавшийся ветер, развевает все сокровища добродетели. Вот открылась нам и вторая причина падения живущих праведно, как ты сказал. Многие, кажущиеся нам перенесшими и переносящими великие труды для добродетели, за то, что делали все ради чести у людей, а не у Бога, и попущены впасть в искушение, чтобы они, лишившись людской славы, для которой терпели все лишения, и узнав, что она в сущности нисколько не лучше цвета травного, прилепились наконец к одному Богу и делали все для Него (2).

ПАМЯТЬ

Созидавшие вавилонский столб говорили: *построим себе город и башню... и сделаем себе имя* (Быт. 11, 4). Да заслужим, говорят, вечную память. Много и теперь есть таких, которые подражают этим людям и хотят такими же делами оставить по себе память. И если спросить кого бы то ни было из них, для чего он так трудится и беспокоится и тратит много денег попусту, они ничего не скажут, кроме следующих слов: чтобы всегда помнили о нас, чтобы говорили: это дом такого-то, это поле такого-то. Но это значит заслужить себе не память, а скорее осуждение, потому что к этим словам тотчас же прибавляются еще и другие, самые укоризненные слова: такого-то лихоимца, хищника, притеснителя вдов и сирот... Если

же ты подлинно ищешь памяти, так я покажу тебе путь, которым можешь ты достигнуть всегдашнего о тебе воспоминания... Если богатство свое раздашь в руки нищих... Такая память бессмертна, такая память будет для тебя виновницей тысячи сокровищ, такая память облегчит тебя от тяжести грехов (1).

ПЕЧАЛЬ

Ничто так не отгоняет беспечности и рассеянности, как скорбь и печаль; она отовсюду сосредоточивает душу и обращает ее к самой себе. Кто так скорбит и молится, тот после молитвы может испытать в своей душе великое удовольствие. Как сгустившиеся облака сначала делают воздух мрачным, а, испустив обильный дождь и излив всю влагу, оставляют воздух чистым и светлым, так точно и печаль, пока скопляется внутри, помрачает наш ум, а когда разрешится словами молитвы и соединенными с ней слезами и выйдет изнутри вон, то оставляет в душе великую ясность, так как в душу молящегося входит, как некоторый луч, помощь Божия (2).

ПИСАНИЕ СВЯЩЕННОЕ

От чтения Божественного Писания можно получать немалую и не незначительную пользу. Оно предлагается всем беспрепятственно, и всякий желающий может извлекать из него свойственное удручающей его страсти врачевство и получать скорое исцеление, только бы не отвергал целительного врачевства, но принимал с благодарностью (1).

* * *

Чаще приходите сюда [в храм], внимательно слушайте чтение Божественного Писания, и не только когда бываете здесь, но и дома берите в руки Священные Книги и с усердием извлекайте из них пользу для себя. Ибо великая происходит от них польза: во-первых, от чтения их образуется язык; потом и душа окрыляется и делается возвышенной, будучи озаряема светом Солнца правды, освобождаясь в это время от нечистоты порочных помыслов и наслаждаясь великим миром и спокойствием. Что телесная пища для поддержания наших сил, то же и

чтение Писания для души. Оно есть духовная пища, которая укрепляет ум и делает душу сильной, твердой и мудрой, не позволяет ей увлекаться неразумными страстями, напротив, еще облегчает полет ее и возносит ее, так сказать, на самое небо. Не будем же, прошу, не радеть о такой пользе, но станем и дома заниматься внимательным чтением Божественного Писания и, придя сюда, не тратить время на пустые и бесполезные разговоры, но для чего пришли, на то и обращать все наше внимание и слушать читаемое, чтобы выйти отсюда с каким-нибудь приобретением (1).

* * *

Послушайте все вы, люди мирские и пекущиеся о жене и детях, как и вам внушает апостол больше читать Писание, и не просто как случится, а с великим старанием: *Слово Христово,* — говорит он, — *да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу* (Кол. 3, 16). Как богатый деньгами может переносить убыток и неудачу, так и имеющий достаточные познания о догматах любомудрия легко перенесет не только бедность, но и все несчастья. И последний еще легче, чем первый, потому что там, когда оказывается убыток, богатый необходимо скудеет, и это делается известным для других, и если он терпит это часто, то уже нелегко ему бывает переносить свои потери, а здесь не так, ибо, когда нам случается переносить, чего бы мы и не хотели, мы не теряем здравого рассудка, но сохраняем его постоянно...

Не ожидай другого учителя: есть у тебя Слово Божие, никто не научит тебя так, как оно. Ведь другой учитель иногда многое скрывает то из тщеславия, то из зависти. Послушайте, прошу вас, все, привязанные к этой жизни, приобретайте книги — врачевство души. Если не хотите ничего другого, приобретите по крайней мере Новый Завет, Деяния апостолов, Евангелие — постоянных наших наставников. Постигнет ли тебя скорбь, приникай к ним, как к сосуду, наполненному целебным веществом. Случится ли утрата, смерть, потеря ближних — оттуда почерпай утеше-

ние в своем несчастии. Или лучше — не только приникай к ним, но принимай их внутрь и храни в своем уме. От незнания Писания — всякое зло. Мы выходим на войну без оружия — и как нам спастись? Легко спастись с Писаниями, а без них невозможно (1).

* * *

Если мы будем постоянно упражняться в чтении и слушании Священного Писания, то будем в состоянии достигнуть своего спасения, узнаем и правые догматы, и жизнь добродетельную. Хотя бы кто-то был крайне упрям, и непреклонен, и ленив, хотя бы прежде он не приобрел никакой выгоды [от чтения Священного Писания], при всем том в настоящее время соберет плод и получит какую-нибудь пользу, хотя и не такую, чтобы мог ее чувствовать, но все же получит. Если тот, кто приходит в мироварницу и сидит там, невольно проникается благоуханием, то гораздо более тот, кто ходит в церковь. Как от бездействия рождается леность, так и от упражнения появляется усердие. Поэтому хотя бы ты был исполнен бесчисленным множеством грехов, хотя бы ты был нечист, не убегай здешнего собрания. Но, скажешь, что же если я слушаю, но не исполняю? Немалое приобретение и признать себя достойным сожаления. Не бесполезен и этот страх, не бесплодна и эта боязнь. Если только будешь сокрушаться о том, что, слушая, не исполняешь, то непременно придешь когда-нибудь и к исполнению. Кто беседует с Богом и слушает беседу Божию, тому невозможно не получить никакой пользы. Ведь мы тотчас же поправляем на себе одежду и умываем руки, как только хотим взять Библию. Видишь, какое благоговение еще прежде чтения? Если же мы со вниманием и читать будем, то приобретем великую пользу. В самом деле, если бы это чтение не приводило душу в благоговение, мы не стали бы умывать рук... Потом, сев слушать, человек часто вздыхает и осуждает свою настоящую жизнь. Итак, будем внимать Писаниям... по крайней мере, Евангелие да будет для нас предметом особенного внимания, да будет всегда в наших руках. Ведь только откроешь эту книгу, тотчас увидишь перед глазами имя Христово (1).

* * *

Невозможно, чтобы наслаждающиеся слушанием Божественного Писания и внимающие такому поучению отходили отсюда [из церкви], не получив какого-либо истинного великого блага, будет ли участником в этой трапезе муж, или жена, или юноша. Если мы, приучая зверей к нашим словам, таким образом укрощаем их, то не гораздо ли более через это духовное учение мы можем исправлять людей, когда там и здесь есть великое различие и между врачевствами и между врачуемыми? Ибо и грубость в нас не такова, как в зверях: у них она зависит от природы, а у нас — от произвола; да и сила слов не одинакова: там она происходит от человеческой мысли, а здесь — от силы благодати Духа. Итак, кто отчаивается в себе самом, тот пусть помыслит об укрощенных зверях, и он никогда не впадет в отчаяние. Пусть всегда приходит он в эту врачебницу, пусть постоянно слушает законы Духа и, возвращаясь домой, слышанное записывает в своем уме. Таким образом он будет в доброй надежде и в безопасности, на самом опыте чувствуя успех. И диавол, как скоро увидит, что в душе [человека] написан закон Божий, а сердце сделалось скрижалями этого закона, уже не будет более приступать. Ибо, где будут царские письмена, не на столпе медном начертанные, но в боголюбивом сердце Духом Святым напечатленные и благодатью блистающие, туда он не сможет даже и заглянуть, а далеко отбежит. Для него и для помыслов, им влагаемых, ничто так не страшно, как мысль, занятая предметами божественными, душа, постоянно прилежащая к этому источнику. Такую-то душу не может ни опечалить что-либо в настоящем, хотя бы было что-нибудь и неприятное, ни возгордить и надмить что-либо благоприятное, но среди бурь и волнений она будет наслаждаться тишиной (1).

* * *

Я всегда внушаю и не перестану внушать, чтобы вы не только здесь внимали тому, что говорится, но и дома постоянно занимались чтением Божественных Писаний. Это я всегда внушал и тем, которые частным образом бывают вместе со мной. Никто пусть не говорит мне

этих холодных и достойных всякого осуждения слов: я привязан к судилищу, занимаюсь делами общественными, упражняюсь в ремесле, имею жену, воспитываю детей, управляю домом, я человек мирской — не мое дело читать Писания, но тех, которые отказались от мира, поселились на вершинах гор и ведут такую жизнь постоянно. Что говоришь ты, человек, будто не твое дело заниматься Писаниями, — вследствие того, что ты развлекаешься бесчисленными заботами? Нет, это твое дело больше, нежели их, потому что они не столько имеют нужду в помощи Божественных Писаний, сколько обращающиеся среди множества дел. Монахи, удалившись от торжища и от смятений торжища, устроив кельи в пустыне и не имея ни с кем никакого общения, но любомудрствуя беспрепятственно в своей мирной тишине, как бы сидя в пристани, наслаждаются великой безопасностью, а мы, волнующиеся как бы среди моря и впадающие во множество грехов, всегда нуждаемся в постоянном и непрерывном утешении от Писаний. Те сидят вдали от борьбы, отчего и немного получают ран, а ты постоянно находишься в боевом строе и получаешь непрерывные удары, поэтому и больше нуждаешься во врачевствах. И жена раздражает тебя, и сын огорчает, и слуга приводит в гнев, и враг строит козни, и друг завидует, и сосед клевещет, и сослуживец подставляет ногу, нередко и суд угрожает, и бедность опечаливает, и небрежность домочадцев заставляет плакать, и счастье надмевает, и несчастье повергает в уныние, и со всех сторон окружают нас многие случаи и поводы то ко гневу, то к заботам, то к унынию и печали, то к тщеславию и гордости, и отовсюду несутся бесчисленные стрелы. Поэтому нам постоянно нужно всеоружие Писаний... И много есть обстоятельств, которые осаждают нашу душу, поэтому нам нужны божественные врачевства, чтобы мы могли и врачевать раны, уже полученные, и предотвращать еще не полученные, но угрожающие, издали обессиливая и отражая дьявольские стрелы постоянным чтением Божественных Писаний. Ибо невозможно, невозможно спастись никому, кто не упражняется постоянно в духовном чтении, но и то еще хорошо, если мы, пользуясь непрестанно

этим врачевством, успеем спастись когда-нибудь. Если же, получая каждый день раны, мы не будем пользоваться никаким врачевством, то какая нам надежда на спасение...

Как хранящиеся где-нибудь царские оружия, хотя бы и никто не пользовался ими, доставляют великую защиту живущим в том месте, потому что ни разбойники, ни подкапыватели стен, ни другие какие-либо злодеи не осмеливаются напасть на этот дом, так, где есть духовные книги, оттуда прогоняется всякая сила диавольская и живущим там бывает великое назидание в добродетели. Даже один вид таких книг делает нас более воздержанными от греха. Если мы и дерзаем на что-нибудь запрещенное и сделаем себя нечистыми, то, возвратившись домой и взглянув на эти книги, мы более осуждаем себя в совести и делаемся менее склонными к повторению тех же грехов. А если, напротив, будем жить благочестиво, то получим оттуда еще бо́льшую пользу. Как только кто касается Евангелия, то тотчас благоустрояет ум свой и при одном только взгляде на него отрешается от житейского. Если же присоединится и внимательное чтение, то душа, как бы вступая в таинственное святилище, очищается и делается лучше, так как с ней беседует Бог через эти Писания. А что, скажут, если мы не понимаем содержащегося в них? Даже если ты и не понимаешь содержащегося в них, от самого чтения бывает великое освящение. Впрочем, невозможно, чтобы ты одинаково не понимал всего. Благодать Духа для того именно и устроила, что эти книги сложили мытари, рыбари, скинотворцы, пастыри овец и коз, люди простые и неученые, чтобы никто из простых людей не мог прибегать к такой отговорке, чтобы всем было удобопонятно то, что говорится, чтобы и ремесленник, и слуга, и вдовая женщина, и необразованнейший из всех людей получали пользу и назидание от слушания, ибо не для суетной славы, как внешние [мудрецы], но для спасения слушателей сложили все это те, которые в начале удостоились благодати Духа.

Внешние философы, и риторы, и писатели, искавшие не общей пользы, но имевшие в виду только возбудить удивление к самим себе, если и говорили что-нибудь полезное, прикрыва-

ли это как будто каким-то мраком, обычной неясностью. Но апостолы и пророки делали все напротив: они преподали учение ясное и понятное для всех, как общие учители вселенной, чтобы каждый и сам собой при одном чтении мог понять сказанное. Предвозвещая это, и пророк говорил: *все сыновья твои будут научены Господом* (Ис. 54, 13), *и уже не будут учить друг друга, брат — брата и говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого* (Иер. 31, 34)... И для кого неясно все, что заключается в Евангелиях? Кто, слыша, что *блаженны кроткие, блаженны милостивые, блаженны чистые сердцем* (Мф. 5, 5, 7, 8) и подобное этому, будет нуждаться в учителе, чтобы сколько-нибудь понять сказанное? А обстоятельства знамений и чудес и исторических повествований не всякому ли понятны и ясны? Вышесказанное есть только предлог, отговорка и прикрытие лености. Ты не понимаешь того, что содержится? Но как и понять тебе, когда ты не хочешь даже просто взглянуть в книгу? Возьми в руки книгу, прочитай всю историю, понятное удержи в памяти, а неясное и непонятное прочитай несколько раз. Если же и при частом чтении не в состоянии будешь понять того, о чем говорится, ступай к мудрейшему, поди к учителю, снесись с ним о сказанном, покажи великое усердие, и Бог, видя, что ты употребляешь такое старание, не презрит твоей неусыпной заботливости, если человек не изъяснит тебе искомого, то Он Сам, несомненно, откроет... Великая защита от грехов — чтение Писаний, а незнание Писаний — великая стремнина и глубокая пропасть, великая потеря для спасения — не знать ничего из божественных постановлений. Это незнание породило ереси, оно привело и к развратной жизни, оно перевернуло все вверх дном, ибо невозможно, невозможно, чтобы без плода остался тот, кто постоянно с усердием занимается чтением [Писаний] (3).

* * *

Виноградник, раз обобранный, остается без плода, с одними листьями, но не так бывает с духовным виноградником Божественных Писаний, но хотя бы мы взяли все, что видим, в нем остается еще больше... Никто не

будет в состоянии исчерпать все его богатство. Таково свойство этого богатства: чем более станешь проникать в глубину, тем более будут истекать божественные мысли, — это источник неиссякающий (3).

* * *

Не довольно того, чтобы только проследить Божественные слова, нет, требуется еще доказательство от дел. Как на арфе ударяет по струнам игрок искусный, ударяет и неискусный, но один наводит на слушателя скуку, другой увеселяет и восхищает его: пальцы одинаковы и струны одни, да не одно искусство, — так и в отношении к Божественному Писанию: многие, конечно, узнают Божии слова, но не все получают пользу, не все приносят плод. Причина в том, что они не углубляются в сказанное и без искусства касаются арфы. Действительно, что в игре на арфе искусство, то в отношении к Божиим законам доказательство от дел (6).

* * *

Приятен луг, приятен сад, но гораздо приятнее чтение Божественных Писаний. Там — увядающие цветы, а здесь — цветущие мысли. Там — дыхание зефира, а здесь — веяние Духа. Там служит оградой терновник, а здесь охраняет промысел Божий. Там — пение кузнечиков, а здесь — речи пророков. Там — удовольствие от зрения, а здесь — польза от чтения. Сад — в одном каком-либо месте, а Писания — по всей вселенной, сад подчинен переменам времен года, а Писания и зимой и летом украшены листьями, обременены плодами. Будем же прилежны в чтении Писаний. Если ты внимаешь Писанию, то оно удаляет от тебя уныние, доставляет удовольствие, истребляет злобу, укореняет добродетель, не допускает бедствовать в вихре забот, подобно обуреваемым волнами. Море бушует, а ты плывешь в тишине: у тебя кормчим чтение Писания, а этого каната не расторгает искушение обстоятельств (7).

ПИЩА

Ты же, возлюбленный, когда сядешь за трапезу, вспомни, что после трапезы тебе должно молиться, и затем умеренно наполняй чрево, чтобы, обременив се-

бя, не сделаться бессильным преклонить колено и помолиться Богу. Не видите ли, что подъяремные животные от яслей выступают в дорогу, несут тяжести и исполняют свою службу? А ты после трапезы бываешь неспособен и негоден ни к какому делу, не будешь ли ты хуже и самих ослов? Почему? Потому, что тогда особенно и должно не спать и бодрствовать, ибо время после трапезы есть время благодарения, а благодарящему должно не пьянствовать, но не спать и бодрствовать. Будем же от трапезы обращаться не на ложе, но на молитву, чтобы нам не быть бессмысленнее бессловесных...

Приучимся употреблять пищи столько, сколько необходимо только для поддержания жизни, а не для пресыщения и отягощения. Ибо мы не для того родились и живем, чтобы есть и пить, но для того едим, чтобы жить. Не жизнь для пищи, но пища для жизни дарована от начала. А мы как будто для ядения пришли в мир, так все проживаем на это (3).

* * *

Существам, происшедшим из нее [земли] и облеченным земным телом, нужна соответственная пища: *хлеб наш насущный даждь нам днесь* (Мф. 6, 11). Он повелел просить хлеба насущного не для объядения, а для питания, восполняющего истраченное в теле и отклоняющего смерть от голода, — не роскошных столов, не разнообразных яств, произведений поваров, изобретений хлебопеков, вкусных вин и прочего тому подобного, что услаждает язык, но обременяет желудок, помрачает ум, помогает телу восставать на душу и делает этого жеребенка непослушным возницей. Не этого просить научает нас заповедь, но хлеба насущного, т.е. обращающегося в существо тела и могущего поддержать его. Притом и его заповедано нам просить не на великое число лет, а столько, сколько нужно нам на настоящий день. *Не заботьтесь*, — говорит Господь, — *о завтрашнем дне* (Мф. 6, 34) (6).

* * *

Не для того мы явились в эту жизнь, чтобы только есть и пить. Не жизнь создана для пищи и питья, но для жизни пища и питье. Так не станем же извращать этого порядка и не будем

так угождать чреву и плотским удовольствиям, как будто бы мы для этого и созданы, но, размышляя о происходящем для нас вреде от этого угождения, станем укрощать движения плоти, не поленимся и не попустим ей восставать на душу (8).

ПОКАЯНИЕ

Мы не должны презирать никогда и никого из согрешающих. Равно и, согрешая, сами не должны предаваться отчаянью, но не должны оставаться и в беспечности, напротив, сердечно да сокрушаемся о своих беззакониях, не на словах только раскаиваясь в них. Ибо я знаю многих, которые хотя говорят, что они оплакивают свои грехи, а ничего важного не делают. Правда, они постятся и носят грубые одежды, но в то же время имеют жадность к деньгам гораздо большую, нежели корчемники, предаются сильнейшему гневу, нежели сами звери, более находят удовольствия в злословии, нежели другие в похвале. Это не составляет покаяния, это призрак только и тень покаяния, а не само покаяние. Потому и этим грешникам прилично сказать: смотрите, *чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы* (2 Кор. 2, 11). Ибо одних он погубляет через грехи, других через покаяние, и этих еще и другим образом, когда не дает им воспользоваться плодами покаяния. Когда сатана не находит случая открыто погубить кого-либо, он подходит к нему другим путем, побуждая человека усугубить труды, не давая ему воспользоваться плодами трудов своих и стараясь уверить его, что он все необходимое уже сделал и потому может себя освободить от всего другого... Женщины преимущественно подвержены этой болезни. Правда, нельзя осуждать того, что и они делают ныне, как то: постятся, повергаются на землю, посыпают пеплом главы свои. Но все эти дела не принесут никакой пользы, если при них не будет других, более важных. Бог показал, как Он прощает грехи. Для чего же вы, оставив указанный путь, пролагаете себе другой? Согрешили некогда ниневитяне и сделали то же, что и вы теперь делаете. Но посмотрим, что послужило к их спасению... На душевные язвы свои они возложили строгий пост, одежды из вретища посы-

пали пеплом, смочили горькими слезами, повергались на землю и вместе с этим переменили и образ своей жизни. Посмотрим же, какое из перечисленных лекарств уврачевало их... Узнаем об этом, ежели, придя к Врачу, спросим Его Самого... *Увидел Бог*, — говорит пророк, — *дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел* (Иона 3, 10). Не сказал: видел Бог пост ниневитян, вретища и пепел. Я говорю это не с тем, чтобы отвергать пост, — да не будет, — но чтобы убедить вас делать то, что лучше поста: воздерживаться от всякого зла. Согрешил также и Давид, но посмотрим, как и он каялся. Три дня он сидел во прахе. Впрочем, он сделал это не для заглаждения греха своего, но молясь о больном детище, не истрезвившись еще от упоения страстью. Грех же свой очистил он иначе, именно: самоуничижением, сокрушением сердечным, скорбью душевной, строгим воздержанием от подобных грехов, непрестанным памятованием сделанного греха, благодушным перенесением всех скорбей, пощадой своих недоброжелателей, наконец, тем, что не только сам не мстил врагам, поносившим его, но не позволял мстить и другим за него, когда они хотели... Это особенно очищало грехи его. Ибо в этом состоит исповедание, это есть покаяние. Напротив, если постимся только напоказ, то от этого не только не получим никакой пользы, но еще потерпим вред. Итак, смири сердце твое и ты, чтобы умилостивить к себе Бога. Ибо *близок Господь к сокрушенным сердцем* (Пс. 33, 19). Видишь, как жившие в светлых чертогах переносили бесчестие, как они, поносимые и от последних из рабов своих, не прекословили, но равнодушно терпели поношения за бесчестие, которым покрыл их грех. Так поступай и ты. Если поносит тебя кто — не ожесточайся, но плачь и стенай не о том, что тебя поносят, но о грехе, который подверг тебя такому бесчестию. Когда согрешишь, плачь и стенай не о том, что будешь наказан, ибо это ничего не значит, но о том, что ты оскорбил своего Владыку, Который столь кроток, столько тебя любит, столько заботится о твоем спасении, что и Сына Своего предал за тебя. Вот о чем ты должен плакать и стенать, и плакать

непрестанно. Ибо в этом состоит исповедание. Не будь же ныне весел, завтра печален, потом опять весел. Напротив, непрестанно плачь и сокрушайся. Ибо *блаженны*, — говорит Господь, — *плачущие* (Мф. 5, 4), — т.е. те, которые непрестанно это делают. Непрестанно и ты делай это, всегда внимай себе и сокрушай сердце твое, как бы кто сокрушался и скорбел о потере любимейшего сына своего... Прости обиды тем, которые погрешили против тебя. Ибо и за это также обещано прощение грехов... *прощайте, и прощены будете* (Лк. 6, 37). Есть еще и другой способ... осуждение себя в своих беззакониях: *говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26). Также благодарное чувство, с которым переносим скорби, заглаживает грехи наши, более же всего милостыня... Неотступным молением упоминаемая в Евангелии вдова умилостивила жестокого и немилосердного судью (см.: Лк. 18, 5). Ежели вдова умилостивила неправосудного Судью, то не тем ли легче тебе умилостивить судью кроткого и милосердного? Кроме этих способов... — заступление обидимых. Ибо Сам Господь говорит: *защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — и рассудим... Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 17–18) (1).

* * *

Покаяние имеет великую силу, оно может человека, сильно погрузившегося в грехи, если он захочет, освободить от бремени грехов и, когда он находится в опасности, поставить в безопасности, хотя бы он достиг самой глубины зла. Это можно видеть из многих мест Писания. *Разве упавши не встают*, — говорит пророк, — *и, совратившись с дороги, не возвращаются* (Иер. 8, 4)? Оно [покаяние] может, если мы захотим, опять изобразить в нас Христа, ибо послушай, что говорит Павел: *дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос* (Гал. 4, 19)! Только мы должны приступить к покаянию. Посмотри на человеколюбие Божие: нас следовало бы наказать всеми родами наказания еще с самого начала за то, что, приняв закон естественный и получив тысячи благ, мы не познали Господа и вели жизнь нечистую, но Он не только не наказал нас, а еще даро-

вал нам бесчисленные блага, как будто бы мы совершили великие подвиги. Потом опять мы отпали, но Он и после того не наказывает нас, а даровал врачевство покаяния, которое может уничтожить и изгладить все грехи наши, только если мы знаем, в чем состоит это врачевство и как им нужно пользоваться. В чем же состоит врачевство покаяния и как оно употребляется? Во-первых, оно состоит из сознания своих грехов и исповедания их. *Беззаконие мое,* — говорит пророк, — *я сознал и греха моего я не скрыл, сказал: «исповедуюсь Господу в беззаконии моем», и Ты простил нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5); и еще: *говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26)... Во-вторых, покаяние состоит из великого смиренномудрия, оно есть как бы золотая цепь, которая, если взять ее за начало, следует вся. Так точно если ты будешь исповедовать грехи, как должно исповедовать, то душа смирится, ибо совесть, терзая ее, делает смиренной. Со смиренномудрием должно соединиться и нечто другое, дабы оно было таково, о каком молится блаженный Давид, когда говорит: *сердце чистое создай во мне, Боже* (Пс. 50, 12); и еще: *сердца сокрушенного и смиренного Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Ибо сердце сокрушенное не возмущается, не оскорбляет других, но всегда готово терпеть страдания, а само не восстает ни на кого... После смиренномудрия нужны непрестанные молитвы и обильные слезы днем и ночью... После молитв столь усильных нужно великое милосердие. Оно в особенности делает сильным врачевство покаяния. Как во врачебных средствах, хотя лекарство много трав содержит в себе, но главную — одну, так и в покаянии подобной многоцелебной травой бывает милосердие, и даже от него зависит все. Ибо послушай, что говорит Божественное Писание: *подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто* (Лк. 11, 41); и еще: *искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным* (Дан. 4, 24); и еще: *вода угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи* (Сир. 3, 30). Далее, нужно не гневаться, не памятозлобствовать и прощать все грехи их [людей]; *человек питает гнев к человеку,* говорит премудрый, — *а у Господа просит прощения* (Сир. 28, 3); *если вы будете прощать*

людям согрешения их, — говорит Господь, — *то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14). Также нужно отклонять братию от заблуждений... Еще нужно искреннее обращение со священниками; *и если кто*, — говорит апостол, — *соделал грехи, простятся ему* (Иак. 5, 15). Нужно защищать обижаемых, не гневаться, переносить все кротко.

...Если бы мы исполняли это, то все было бы сделано. Как вошедший в дверь уже находится внутри, так точно и помышляющий о собственных согрешениях. Ибо кто ежедневно помышляет о них, тот непременно достигнет и до их исцеления, а кто только говорит: я грешен, но не представляет себе грехов своих порознь и не припоминает: в том-то и в том-то я согрешил, — тот никогда не перестанет грешить. Он часто будет исповедоваться, но никогда не будет думать о своем исправлении. Нужно только начать, а все прочее непременно последует за тем, если только будет сделан приступ; ибо во всем трудны только начало и приступ. Итак, положим основание, и все будет легко и удобно. Начнем покаяние, увещеваю вас, один с усильных молитв, другой с обильных слез, третий с сердечного сокрушения... Все же вообще начнем с милосердия, с оставления ближним согрешений их, с забвения обид, с воздержания от злопамятства и мстительности, смиряя таким образом души свои. Если бы мы постоянно вспоминали о грехах своих, тогда ничто из предметов внешних не могло бы возгордить нас: ни богатство, ни могущество, ни власть, ни слава, — но если бы даже мы сидели на царском седалище, и тогда плакали бы горько (1).

* * *

Не будем, братия, пренебрегать нашим спасением и отчаиваться, но обратимся к Врачу, Который может уврачевать нас одним хотением, ибо Он всемогущ. Смотри, как Он уврачевал Павла, как Матфея. Один из них был хулитель, а другой — мытарь. Но хулитель не остался хулителем, а сделался апостолом. И похититель не остался похитителем, а сделался евангелистом. Я упоминаю о прежних пороках их и о последующих добродетелях для того, чтобы ты знал, какова польза покая-

ния, дабы тебе никогда не отчаиваться в своем спасении. Учителя наши прежде известны были по грехам, а впоследствии прославились праведностью: мытарь и богохульник — крайние степени нечестия... Нет такого порока, который не изглаживался бы покаянием. Для того Христос и избрал крайние степени нечестия, чтобы никто при конце не мог чем-нибудь оправдываться.

Не говори мне: я погиб, что мне остается делать? Не говори мне: я согрешил, что мне делать? У тебя есть Врач, Который выше болезни; у тебя есть Врач, Который побеждает силу болезни; у тебя есть Врач, Который лечит одним мановением; у тебя есть Врач, Который исцеляет одним хотением, Который и может и хочет врачевать. Если Он произвел тебя из небытия, то тем более может исправить тебя, существующего и поврежденного... Ты не можешь сказать, каким образом ты создан? Точно так же не можешь сказать, каким образом истребляются грехи. Если огонь, падая в терние, истребляет его, то тем удобнее воля Божия истребляет и с корнем исторгает наши прегрешения и грешника делает подобным безгрешному. Не спрашивай, как это бывает, не исследуй, как это совершается, но веруй чуду. Ты скажешь: я согрешил много и грехи мои велики, — но кто же без греха? Ты скажешь: я согрешил тяжело, больше и хуже всех людей?.. Признайся, что ты согрешил, и это послужит началом твоего исправления. Сетуй, умились, проливай слезы. Разве что другое пролила блудница? Ничего другого, кроме слез раскаянья, и пришла к Источнику (1).

* * *

Много согрешили мы, знаю это и я. Все мы находимся в епитимиях, однако же не оставлены без надежды на помилование, не лишены покаяния, потому что стоим еще на поприще борьбы и находимся в подвигах покаяния. Старец ты и достиг крайнего предела жизни? Не думай, однако же, будто отнято у тебя покаяние, не отчаивайся в своем спасении, но подумай о разбойнике, который на кресте спасен. Что короче того часа, в который он получил венец? Однако же и этого часа достаточно было ему для спасения. Юноша ты? Не полагайся на юность и

не думай, что у тебя впереди довольно времени для жизни, ибо *день Господень так придет, как тать ночью* (1 Фес. 5, 2). Для того Бог и сделал неизвестной нашу кончину, чтобы мы сделали известной свою заботливость и осмотрительность. Не видишь ли, сколько каждый день похищается преждевременной смертью? Поэтому и увещевает некто: *не медли обратиться к Господу, и не откладывай со дня на день* (Сир. 5, 8), чтобы, когда будешь медлить, не погибнуть тебе. Старец да последует тому увещанию, а юноша этому внушению. Но ты в безопасности, ты богат и изобилуешь деньгами, с тобой не бывает никакой неприятности? Но послушай, что говорит Павел: *когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба* (1 Фес. 5, 3). Дела весьма переменчивы, мы не властны в смерти, будем властны в добродетели: человеколюбив Господь наш Христос!

Хотите, скажу и о путях покаяния? Они многочисленны, разнообразны и различны, и все ведут к Небу. Первый путь покаяния есть осуждение грехов: *говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 26). Поэтому и пророк говорил: *сказал: «исповедуюсь Господу в беззаконии моем», и Ты простил нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5). Итак, осуди и ты грехи свои: этого достаточно для Господа к твоему оправданию, потому что осудивший грехи свои не так скоро решится опять впасть в них. Пробуди внутри у себя обличителя — твою совесть, дабы там — на судилище Господнем — не иметь тебе обличителя. Вот один путь покаяния, прекраснейший! Есть и другой, не хуже этого, состоящий в том, чтобы не злопамятствовать на врагов, воздерживаться от гнева, прощать грехи сорабам, потому что в таком случае простятся и нам наши грехи против Господа. Вот и второе средство очиститься от грехов! *Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14). Хочешь знать и третий путь покаяния? Это пламенная и усердная молитва, возносимая притом от самой глубины сердца. Не видел ли ты, как та вдовица умилостивила жестокого судию (см. Лк., 18, 3)? А у тебя Владыка кроткий, снисходительный и человеколюбивый. Она просила на врагов, а ты просишь не на врагов, но о своем

спасении. Если же хочешь знать и четвертый путь, то назову милостыню: она имеет великую и несказанную силу. И Навуходоносору, который сделал всякого рода грех и совершил всякое нечестие, Даниил говорит: *царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным* (Дан. 4, 24). Что может сравниться с этим человеколюбием? После бесчисленных грехов, после стольких беззаконий грешнику обещается прощение, если он будет человеколюбив к своим сорабам. Также скромность и смиренномудрие не менее всех сказанных средств заглаживает грехи: свидетель тому мытарь, который не мог указать на свои добрые дела, но вместо всех выставляет смирение и слагает с себя тяжкое бремя грехов (см.: Лк. 18, 13) (1).

* * *

Геенна приготовлена не для нас, но для него [диавола] и ангелов его, а царство для нас уготовано еще до создания мира. Не сделаем же себя недостойными входа в чертог: пока мы пребываем здесь, то хотя бы совершили множество грехов, есть возможность омыть все, раскаявшись в грехах, но когда отойдем туда, то хотя бы оказали самое сильное раскаяние, никакой уже не будет пользы, и сколько бы ни скрежетали зубами, ни сокрушались и ни молились тысячекратно, никто и с конца перста не подаст капли нам, объятым пламенем, но мы услышим то же, что и известный богач: что *между нами и вами утверждена великая пропасть* (Лк. 16, 26). Покаемся же здесь, увещеваю, и познаем Господа своего, как познать надлежит. Тогда только до́лжно будет отринуть надежду на покаяние, когда мы будем во аде, потому что там только бессильно и бесполезно это врачевство, а пока мы здесь, оно, если и в самой старости будет употреблено, оказывает великую силу. Поэтому и диавол употребляет все усилия, чтобы вкоренить в нас помысел отчаяния, ибо знает, что, если мы и немного покаемся, это будет для нас не бесплодно. Но как подавшего чашу холодной воды ожидает воздаяние, так и покаявшийся в злых делах своих, хотя бы и не оказал покаяния, соразмерного с грехами, и за это получит воздаяние. Никакое

добро, хотя бы и маловажное, не будет пренебрежено Праведным Судией. Если грехи будут исследоваться с такой строгостью, что мы понесем наказание и за слова, и за желания, то гораздо более добрые дела, малы ли будут или велики, вменятся нам в то время (2).

* * *

Диавол, зная, что сделавшие много зла, когда начнут каяться, делают это с великой ревностью как сознающие свои согрешения, опасается и боится, чтобы они не начали этого дела, потому что, начав его, они бывают уже неудержимы и, воспламенившись покаянием, как бы огнем, делают свои души чище чистого золота, увлекаемые совестью и воспоминанием о прежних грехах, как бы сильным ветром, в пристань добродетели. И в этом-то их преимущество перед теми, которые никогда не падали, т.е. они проявляют сильнейшую ревность, если только, как я сказал, положат начало. Правда, трудно и тяжко сделать усилие, чтобы подойти ко входу и, достигнув преддверия покаяния, оттолкнуть и низринуть врага, который тут сильно дышит и налегает. А после того и он, будучи однажды побежден и пав там, где был силен, не оказывает такого неистовства, и мы, уже имея больше ревности, весьма удобно совершим этот добрый подвиг. Начнем же, наконец, возвращение, поспешим во град небесный, в котором мы вписаны, в котором и обитать надлежит нам. Отчаянье гибельно не только потому, что затворяет нам врата этого града и приводит к великой беспечности и небрежению, но и потому, что ввергает в сатанинское безумие, ибо и диавол сделался таким не от чего-либо другого, как от того, что сперва отчаялся, а потом от отчаяния впал в безумие. Так и душа, однажды отчаявшись в своем спасении, уже не чувствует потом, как она стремится в пропасть, решаясь и говорить, и делать все против своего спасения. Как сумасшедшие, раз лишившись здравого состояния, ничего не боятся и ничего не стыдятся, но безбоязненно отваживаются на все, хотя бы пришлось им попасть в огонь, или в море, или в пропасть, так и объятые безумием отчаяния неудержимо устремляются на всякое зло и, если смерть не постигнет их и не удержит от этого безу-

мия и стремления, причиняют себе множество бед. Поэтому умоляю, пока ты не слишком погрузился в это опьянение, отрезвись и пробудись, отстань от сатанинского упоения, если невозможно вдруг, то постепенно и понемногу. Мне кажется, что легче было бы, сразу оторвавшись от всех задерживающих путь, перейти в училище покаяния (2).

* * *

В тот страшный день и на том нелицеприятном судилище каждый из нас сознается в своих грехах, имея перед своими глазами те ужасные наказания и неизбежные муки, но не получит от того никакой пользы, пропустив время. Покаяние имеет место и несказанную силу, пока еще не определено наказание (на последнем Суде). Поэтому умоляю, пока это дивное лекарство может быть действительным, воспользуемся им, и пока мы еще в настоящей жизни, примем врачевство покаяния, зная наверное, что нам не будет никакой пользы от раскаяния тогда, как закроется зрелище и окончится время подвигов (8).

ПОКОЙ

От всех почти монахов, если пригласишь их на какое-либо дело, тотчас услышишь прежде всего вопросы в таких словах: можно ли им найти покой, может ли приглашающий успокоить их. Постоянно повторяется слово «покой». Что говоришь ты, человек? Тебе повелено идти тесным путем, а ты спрашиваешь о покое? Тебе заповедано входить узкими вратами, а ты ищешь широких?.. Расскажу о самом себе. Когда я недавно решился, оставив город, уйти в кельи монахов, то много раздумывал и беспокоился о том, откуда мне будет доставляемо необходимое и можно ли будет есть хлеб, испеченный в тот же день, не заставят ли меня употреблять одно и то же масло и в светильнике и в пище, не принудят ли питаться жалкими овощами, не отправят ли на тяжелую работу, приказав, например, рубить или носить дрова, таскать воду и исполнять все прочие такие службы? И вообще у меня было много заботы о [своем] покое. Между тем люди, принимающие на себя должности начальников и управление общественными делами, нисколько не заботятся

об этом [покое], но только о том, будет ли дело иметь пользу, пользу временную, и если могут надеяться на это, то уже не думают ни о трудах, ни об опасностях, ни о бесславии, ни об унизительных работах, ни о дальних путешествиях, ни о жизни на чужбине, ни об огорчениях, ни о муках, ни о перемене обстоятельств, ни о возможности совершенного неисполнения надежд, ни о безвременной смерти, ни о разлуке с родными, ни об одиночестве жены и детей, ни о другой какой неприятности, но, упоенные страстью к деньгам, переносят все, посредством чего только надеются удовлетворить ее. А мы, которым уготованы не деньги и не земля, но небеса и такие небесные блага, что *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2. 9), — мы спрашиваем о покое!.. Объятому желанием небесного не должно, не говорю искать покоя [телесного], но и наслаждаться им, когда он имеется (2).

ПОМОЩЬ БОЖИЯ

Не говори мне о тяжести трудов и подвигов. Бог облегчил для нас подвиг добродетели не одной только надеждой на будущие блага, но и другим способом, т.е. всегдашним Своим содействием и помощью. Тебе стоит только показать хоть малое усердие, и тогда все прочее последует само собой. Ибо Он для того требует от тебя хоть малых трудов, чтобы и тебе вменена была победа. Как царь повелевает сыну своему стоять в строю, пускать стрелы и быть на виду для того, чтобы ему приписать победу, а между тем сам управляет ходом сражения, так и Бог поступает в войне нашей против диавола. Он требует от тебя только того, чтобы ты решительно объявил себя врагом диавола, — и если ты это сделаешь, то всю войну Он Сам уже окончит. Воспламеняется ли в тебе гнев или ненасытное желание богатства, появляется ли другая какая-либо мучительная страсть, — Он, как скоро увидит тебя ополчающимся и готовым на брань, тотчас делает все легким и поставляет тебя выше этого пламени, подобно тому как и отроки в печи вавилонской, которые ничего более не показали, кроме готовности терпеть. Чтобы и нам здесь утушить горящую печь беспорядочного удовольствия, а там из-

бежать геенны, будем ежедневно того только желать, о том стараться и печься, чтобы усердием к добру и непрестанными молитвами привлечь к себе Божие благоволение. Таким образом, все то, что теперь кажется нам несносным, будет совершенно удобно, легко и вожделенно. Потому что пока мы увлекаемся страстями, добродетель почитаем трудной, неудобной и неприступной, а порок любезным и приятным, но как скоро хоть несколько станем избегать грехов, то порок будет нам казаться гнусным и безобразным, а добродетель легкой, удобной и любезной (1).

ПОМЫСЛЫ

Мы подлежим взысканию даже за помыслы. Это самое показывая, и Павел говорил: *не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения* (1 Кор. 4, 5)... Не коварно ли и злонамеренно говорил ты с братом, не хвалил ли его устами и языком, а в сердце не пожелал ли зла и не позавидовал ли ему? На это же самое указывая, т.е. что мы подвергнемся суду не за одни дела, но и за помыслы, Христос сказал: *всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Хотя грех не вышел еще в дело, а остается пока в сердце, но и при этом не может остаться без вины тот, кто смотрит на красоту женскую для того, чтобы возжечь похоть блудную (6).

ПОРИЦАНИЕ

Будешь ли хвалить кого-либо или порицать, делай то и другое согласно с волей Божией. Можно и порицать во славу Божию. Как? Мы часто досадуем на слуг наших, каким же образом можно порицать их для Бога? Если ты видишь, что слуга или друг или кто-то другой из близких к тебе пьянствует, крадет, ходит на зрелища, нерадит о своей душе, клянется, преступает клятвы, лжет, то вознегодуй, накажи, вразуми, исправь его — и все это ты сделаешь для Бога. А ныне многие поступают наоборот и с друзьями, и со слугами своими. Когда кто-то согрешит против них самих, тогда они делаются жестокими и неумолимыми судьями, а когда оскорбляет Бога и губит свою душу, то они не

обращают на это никакого внимания (2).

ПОРОК

Не будем, братия, пренебрегать нашим спасением и отчаиваться, но обратимся к Врачу, Который может уврачевать нас одним хотением, ибо Он всемогущ. Смотри, как Он уврачевал Павла, как Матфея. Один из них был хулитель, а другой — мытарь. Но хулитель не остался хулителем, а сделался апостолом. И похититель не остался похитителем, а сделался евангелистом. Я упоминаю о прежних пороках их и о последующих добродетелях для того, чтобы ты знал, какова польза покаяния, дабы тебе никогда не отчаиваться в своем спасении. Учителя наши прежде известны были по грехам, а впоследствии прославились праведностью: мытарь и богохульник — крайние степени нечестия... Что такое звание мытаря? Бесстыдный порок, ничем не оправдываемое воровство, хуже грабительства. Грабитель, по крайней мере, стыдится, когда ворует, а этот похищает с дерзостью. И такой мытарь вдруг сделался евангелистом... Он был во глубине нечестия и взошел на высоту добродетели. Итак, пусть никто не отчаивается в своем спасении. Порок не в нашей природе, мы награждены волей и свободой. Ты — мытарь? Можешь сделаться евангелистом. Ты — богохульник? Можешь сделаться апостолом. Ты — разбойник? Можешь приобрести рай. Ты — волхв? Можешь поклониться Владыке. Нет такого порока, который не изглаживался бы покаянием. Для того Христос и избрал крайние степени нечестия, чтобы никто при конце не мог чем-нибудь оправдываться (1).

* * *

Порочная жизнь унижает догматы о воскресении, о бессмертии души, о суде и принимает много противного: судьбу, необходимость, неверие в промысел. Душа, погрязшая в пороках, старается изобретать для себя подобного рода утешения, чтобы не скорбеть при мысли, что есть суд и что нас ожидает воздаяние за добро и зло. Такая жизнь производит бесчисленное множество зол, делает людей зверями и даже бессмысленнее зверей, ибо что есть в каждой породе зверей порознь, то она часто соединяет

в одном человеке... Для того диавол ввел судьбу, для того внушил, что мир существует без промысла, для того предположил, что существа бывают добры или злы по природе и что есть зло безначальное и вещественное, чтобы развратить нашу жизнь. Ибо кто таков по жизни, тот не может ни отказаться от неправого учения, ни пребывать в здравой вере, но принимает все это по необходимости. Я не думаю, чтобы можно было из живущих порочно найти хоть одного человека, который бы не держался сатанинских мыслей, что есть судьба, что все происходит случайно и устраивается без порядка и рассуждения. Потому, увещеваю вас, будем печься о добродетельной жизни, чтобы не принять и неправого учения. Каин в наказание должен был стенать и трястись (см.: Быт. 4, 12). Таковы все люди порочные, сознающие за собой множество зол: они часто пробуждаются от сна, с беспокойными мыслями, со смущенными глазами; все возбуждает в них подозрение, все приводит их в ужас. Душа их исполнена тяжкого предчувствия и боязни, смущается и изнывает от страха и ужаса. Ничего не может быть бессильнее, ничего безумнее такой души. Как беснующиеся неспособны владеть собой, так и она [душа] собой не владеет. Как она может придти в сознание, подвергшись такому омрачению, между тем как если бы она любила тишину и спокойствие, то могла бы познать свое благородство? Но когда ее возмущает и устрашает все: и сновидения, и слова, и действительные явления и подозрения, — то как она может придти в самосознание, находясь в таком неспокойном и расстроенном состоянии? Отвергнем же этот страх, расторгнем эти узы. Ибо если бы и не было в будущем никакого наказания, то не хуже ли это всякого наказания — постоянно находиться в страхе, никогда не иметь дерзновения, никогда не чувствовать отрады? Помня все это, верно будем сохранять спокойствие и печься о добродетели (1).

* * *

Чем бывает болезнь в теле, лихорадка или водянка или что-нибудь другое в этом роде, чем бывает ржавчина на железе, моль на шерсти, червь на дереве и черви на рогах, тем же является и порок в отношении к

душе. Он делает ее рабской и несвободной. Да что я говорю: рабской и несвободной? Он делает ее душой бессловесных, превращая одну душу в волка, другую в душу собаки, иную — змеи, иную — ехидны, иную в душу другого зверя. Это разъясняют пророки и всем поставляют в известность происходящую вследствие порока перемену: один из них говорил: *немые псы, не могущие лаять* (Ис. 56, 10), сравнивая испорченных и тайно злоумышляющих людей с бешеными собаками, потому что последние, когда приходят в бешенство, нападают не с лаем, а подступают молча, причиняя укушенным больше вреда, чем лающие. Другой опять называл известных людей воронами (Иер. 3, 2). Иной говорил: *человек, будучи в чести, не уразумел (сего), сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им* (Пс. 48, 13). Превосходнейший же из пророков, сын неплодной, стоя подле Иордана, некоторых назвал и змеями, и порождениями ехидн. Что же может быть равным этому наказанию, когда происшедший по образу Божию и вкусивший столь великой чести, когда разумное и кротчайшее животное впадает в такое зверство (7)?

ПОСТ

Посмотри теперь на благотворные действия поста. Великий Моисей, проведя сорок дней в посте, удостоился получить скрижали Закона; когда же, сойдя с горы, увидел он беззаконие народа, то бросил эти скрижали, полученные с таким усилием, и разбил, почитая несообразным сообщить заповеди Господни народу, пьянствующему и почитающему беззаконие. Потому чудный этот пророк должен был поститься еще сорок дней, чтобы удостоиться опять получить свыше и принести народу скрижали, разбитые за его беззаконие (см.: Исх. 24–34). И великий Илия постился столько же дней, и вот он избег владычества смерти, вознесся на огненной колеснице как бы на небо, а до ныне еще не испытал смерти (см.: 3 Цар. 19, 8). И муж желаний [Даниил] уже после того, как провел в посте много дней, удостоился чудного видения; он же укротил и ярость львов и превратил ее в кротость овец, не переменив, впрочем, природы их, но изменив расположение, между тем как зверскость их оставалась та же (см.; Дан. 10, 3). И ниневитяне постом отклонили опре-

деление Господне, заставив поститься вместе с людьми и бессловесных животных, и таким образом, отстав все от злых дел, расположили к человеколюбию Владыку вселенной (см.: Иона 3, 7–8). Но для чего мне еще обращаться к рабам (можем ведь насчитать множество и других, которые прославились постом и в Ветхом, и в Новом Завете), когда можно указать на всеобщего нашего Владыку? Ибо и Сам Господь наш Иисус Христос после уже сорокадневного поста вступил в борьбу с диаволом и собою подал всем нам пример, чтобы и мы вооружились постом и, укрепившись им, вступали в борьбу с диаволом (см.: Мф. 4, 2). Но здесь, может быть, кто-нибудь — человек с острым и живым умом — спросит: почему Владыка постится столько же дней, сколько и рабы, а не больше их? Это сделано не без причины и не без цели, но премудро и по неизреченному Его человеколюбию, чтобы не подумали, будто Он явился на земле призрачно и не принял на Себя плоти или не имел природы человеческой, для этого Он постился столько же дней, а не больше, и таким образом заграждает бесстыдные уста охотникам до споров...

Поэтому прошу... чтобы, зная пользу от поста, вы не лишились ее по нерадению и при его наступлении не печалились, но радовались и веселились: потому что, как говорит блаженный Павел, *если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4, 16). В самом деле, пост есть пища для души, и как телесная пища утучняет тело, так и пост укрепляет душу, сообщает ей легкий полет, делает ее способной подниматься на высоту и помышлять о горнем и поставляет выше удовольствий и приятностей настоящей жизни. Как легкие суда скорее переплывают моря, а обремененные большим грузом утопают, так и пост, делая ум наш более легким, способствует ему быстро переплывать море настоящей жизни, стремиться к небу и к предметам небесным и не уважать настоящее, но считать ничтожнее тени и сонных грез (1).

* * *

Великие блага происходят от двух добродетелей: от молитвы и поста. Ибо тот, кто молится как до́лжно, и притом постится, не многого требует, а кто требует

не многого, тот не будет сребролюбив, а кто не сребролюбив, тот любит подавать милостыню. Кто постится, тот становится легким и окрыляется и бодрым духом молится, угашает злые пожелания, умилостивляет Бога и смиряет надменный свой дух. Потому-то апостолы всегда почти постились. Кто молится с постом, тот имеет два крыла, легчайшие самого ветра. Ибо таковой не дремлет, не говорит много, не зевает и не расслабевает на молитве, как то со многими бывает, но он быстрее огня и выше земли, потому-то таковой особенно является врагом и ратоборцем против демонов, так как нет сильнее человека, искренне молящегося. Если жена могла преклонить жестокого начальника, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, то тем более может преклонить Бога тот, кто непрестанно предстоит пред Ним, укрощает чрево и отвергает утехи. Если слабо у тебя тело, чтобы поститься беспрестанно, то оно не слабо для молитвы и для пренебрежения удовольствиями чрева. Если ты не можешь поститься, то по крайней мере можешь не роскошествовать, а это не маловажно и не далеко от пощения и может укротить неистовство диавола. Ибо ничто так не любезно демону, как роскошь и пьянство — источники и мать всех зол (1).

* * *

Общий всех нас Господь, как чадолюбивый отец, желая очистить нас от грехов, сделанных нами в какое бы то ни было время, и даровал нам врачевство в святом посте. Итак, никто не скорби, никто не являйся печальным, но ликуй, радуйся и прославляй Попечителя душ наших, открывшего нам этот прекрасный путь, и с великим весельем принимай его наступление! Да постыдятся эллины, да посрамятся иудеи, видя, с какой радостной готовностью мы приветствуем его наступление, и да познают самим делом, какое различие между нами и ими. Пусть они называют праздниками и торжествами пьянство, всякого рода необузданность и бесстыдства, которые обыкновенно при этом они производят. Церковь же Божия вопреки им да называет праздником пост, презрение (удовольствий) чрева и следующие затем всякого рода добродетели. И это есть ис-

тинный праздник, где спасение душ, где мир и согласие, откуда изгнана всякая житейская пышность, где нет ни крика, ни шума, ни беганья поваров, ни заклания животных, но вместо всего этого господствует совершенное спокойствие, тишина, любовь, радость, мир, кротость и бесчисленные блага (8).

* * *

Желаю, чтобы вы, очистив свою душу и распростившись с забавами и всяким невоздержанием, приняли с распростертыми объятьями матерь всех благ и учительницу целомудрия и всякой добродетели, т.е. пост, — так, чтобы и вы наслаждались большим удовольствием, и он (пост) доставил вам надлежащее и соответственное вам врачевство. И врачи, когда намереваются дать лекарство желающим очистить у себя гнилые и испортившиеся соки, приказывают воздерживаться от обыкновенной пищи, чтобы она не помешала лекарству подействовать и оказать свою силу, тем более мы, готовясь принять это духовное врачество, т.е. пользу, происходящую от поста, должны воздержанием очистить свой ум и облегчить душу, чтобы она, погрязши в невоздержании, не сделала для нас пост бесполезным и бесплодным (8).

* * *

Как невоздержность в пище бывает причиной и источником бесчисленных зол для рода человеческого, так пост и презрение (удовольствий) чрева всегда были для нас причиной несказанных благ. Сотворив в начале человека и зная, что это врачевство весьма нужно ему для душевного спасения, Бог тотчас же и в самом начале дал первозданному следующую заповедь: *от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него* (Быт. 2, 16–17). Слова «это вкушай, а этого не вкушай» заключали некоторый вид поста. Но человек вместо того, чтобы соблюсти заповедь, преступил ее. Поддавшись чревоугодию, он оказал преслушание и осужден был на смерть (8).

* * *

Постящемуся более всего нужно обуздывать гнев, приучаться к кротости и снисходительности,

иметь сокрушенное сердце, изгонять нечистые пожелания представлением того неусыпающего огня и нелицеприятного суда, быть выше денежных расчетов, в милостыне показывать великую щедрость, изгонять из души всякую злобу на ближнего...

Видишь, в чем состоит истинный пост. Такой-то пост будем совершать, не полагая его, подобно многим, в том только, чтобы пробыть без пищи до вечера. Не это главное, но то, чтобы с воздержанием от брашен соединили мы и воздержание от вредного (для души) и показали великое попечение о совершении духовных дел. Постящемуся надлежит быть спокойным, тихим, кротким, смиренным, презирающим славу настоящей жизни. Как презрел он душу свою, так должен презреть и суетную славу и взирать только на Того, Кто испытует сердца и утробы, с великим усердием творить молитвы и исповедания пред Богом и, сколько возможно, помогать себе милостыней (8).

* * *

Кроме воздержания от пищи есть много путей, могущих отворять нам двери дерзновения пред Богом. Кто вкушает пищу и не может поститься, тот пусть подает обильнейшую милостыню, пусть творит усердные молитвы, пусть оказывает напряженную ревность к слушанию слова Божия — здесь нисколько не препятствует нам телесная слабость, — пусть примиряется с врагами, пусть изгоняет из души своей всякое памятозлобие. Если он будет исполнять это, то совершит истинный пост, такой, какого именно и требует от нас Господь. Ведь и само воздержание от пищи Он заповедует для того, чтобы мы, обуздывая вожделения плоти, делали ее послушной в исполнении заповедей. А если мы решимся не принимать помощи от поста из-за слабости телесной и будем предаваться большей беспечности, то, сами не ведая того, причиним себе величайший вред. Если и при посте оказывается у нас недостаток вышесказанных добрых дел, то тем более покажем мы нерадения, когда не будем пользоваться врачеством поста... Пост смиряет тело и обуздывает беспорядочные вожделения, душу же просветляет, окрыляет, делает легкой и парящей горé... Итак, и постящийся благодарит Бога за то, что имел

довольно сил понести постный труд, и ядущий также благодарит Бога, потому что это нисколько не повредит ему в спасении души, если он захочет. Человеколюбивый Бог открыл нам неисчислимое множество путей, которыми мы, если только захотим, можем достигнуть самого высокого дерзновения (перед Богом) (8).

ПОТЕРЯ ИМУЩЕСТВА

Неумеренность в скорби причиняет великий вред. О чем, например, скорбишь ты? О том, что потерял имущество? Но представь тех, которые не имеют даже насущного хлеба, и ты тотчас получишь утешение. И при каждом бедствии не печалься о том, что случилось, а благодари за то, чего не случилось. Ты владел имуществом и лишился его? Не плачь о потере, а благодари за то время, в которое пользовался им. Скажи с Иовом: *неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать* (Иов 2, 10)? Вместе с тем подумай и о том, что хотя ты потерял имущество, но тело твое пока еще здорово и при бедности ты еще не страдаешь расстройством тела. Или тело твое тоже потерпело расстройство? И это не край бедствий человеческих, но еще ты находишься пока в середине их. Многие при бедности и телесном расстройстве бывают еще одержимы бесом и скитаются в пустынях, иные терпят другие тягостнейшие бедствия. Не дай Бог нам терпеть все, что можно терпеть! Таким образом, помышляя всегда об этом, представляй тех, которые терпят тягчайшие бедствия, и не скорби ни о чем подобном. Когда согрешишь, тогда только сокрушайся, тогда плачь, этого я не запрещаю, а, напротив, требую; впрочем, и тогда с умеренностью, помня, что есть обращение, есть примирение. Но ты видишь других в роскоши, в светлых одеждах и в великолепии, а себя в бедности? Не на это только смотри, но и на происходящие от нее [роскоши] неприятности. Богатство имеет только наружность светлую, а внутри исполнено мрака, а бедность — напротив. Если бы открылась перед тобой совесть каждого, то в душе бедного ты увидел бы великое спокойствие и безопасность, а в душе богатого — смятение, смущение, волнение. Ты скорбишь, видя богатого, а

он гораздо больше тебя скорбит, видя того, кто богаче его; насколько ты боишься его, настолько же он боится другого, и в этом отношении он ничем не лучше тебя. Видя начальника, ты скорбишь, что ты человек частный и подчиненный? Но подумай о том дне, когда все переменится, и еще прежде того дня представь смятения, опасности, труды, ласкательства, бессонницы и все другие неприятности его. Впрочем, все это мы говорим тем, которые не знают любомудрия; если бы ты знал его, то мы могли бы утешить тебя другими высшими побуждениями, но теперь пока нужно представлять тебе побуждения низшие. Итак, когда ты видишь богатого, то представь и того, кто богаче его, и увидишь, что он в таком же положении, как и ты. Затем представь того, кто беднее тебя, и то, сколько людей засыпают голодными, теряют отеческие имения, живут в темнице и каждый день желают смерти. Ни бедность не рождает печали, ни богатство удовольствия, но то и другое зависит обыкновенно от нашего рассуждения. Начнем снизу и посмотрим. Мусорщик скорбит и сетует, что не свободен от своего, по-видимому, тягостного и бесчестного занятия, но если освободишь его от этого и доставишь ему достаток в предметах необходимых, он опять станет скорбеть о том, что не имеет более необходимого. Если доставишь ему больше, он захочет иметь вдвое и потому будет печалиться не менее прежнего. Если дашь ему вдвое или втрое, он опять будет скорбеть, что не имеет гражданского звания, если доставишь ему и это, он будет почитать себя несчастным, что не принадлежит к первым гражданам, получив и это достоинство, будет сетовать о том, что он не начальник. Когда сделается начальником — о том, что не над целым народом, когда над целым народом — о том, что не над многими народами, когда над многими народами — о том, что не над всеми, когда сделается главным правителем, станет опять скорбеть, что он не царь. Если сделается царем — о том, что не один, если будет один — о том, что он не царствует также над варварами и над всей вселенной, если бы над всей вселенной — о том, почему и не над другим миром? Таким образом, замыслы его, простираясь в бес-

конечность, никогда не позволят ему быть довольным.

Видишь ли, что, сделав даже царем человека низкого и бедного, не избавишь его от скорби, не исправишь наперед его души, преданной любостяжанию? Теперь изображу тебе противоположное и покажу, что благоразумный человек, хотя бы ты низверг его с высоты вниз, не предастся скорби и печали. Будем, если угодно, нисходить по той же лестнице. Низведи мысленно правителя с седалища и лиши его этого звания: он нисколько не будет скорбеть, если захочет представлять сказанное мной, потому что будет представлять не то, чего лишился, а то, что еще остается у него, именно: честь, свойственную власти. Если отнимешь и ее, он будет представлять себе людей частных, никогда не достигавших такой власти, и найдет достаточное утешение в своем богатстве. Если лишишь его и этого, он будет смотреть на тех, которые имеют немного, если отнимешь и немногое и оставишь ему только необходимое пропитание, он будет представлять себе тех, которые и того не имеют, но непрестанно терпят голод и живут в темнице. Если ввергнешь его и в это жилище, он будет представлять себе одержимых неэисцелимыми болезнями и невыносимыми страданиями и увидит, что он сам гораздо в лучшем состоянии. Как тот, занимающийся очищением мусора, даже сделавшись царем, не найдет спокойствия, так этот, даже сделавшись узником, никогда не будет испытывать скорби. Следовательно, не от богатства зависит удовольствие и не от бедности скорбь, а от наших помыслов, от того, что душевные очи наши нечисты и на чем ни останавливаются, не успокаиваются, а стремятся в бесконечность. Как здоровое тело, хотя бы питалось одним хлебом, не подвергается болезням и полнеет, а больное, хотя бы наслаждалось роскошной и разнообразной пищей, тем более слабеет, так обыкновенно бывает и с душой. Малодушные и в диадеме, и в неизреченных почестях не могут благодушествовать, а любомудрые и в узах, и в оковах, и в бедности наслаждаются чистым удовольствием. Поэтому, представляя себе это, будем постоянно взирать на тех, которые ниже нас. Есть и другое утешение, но только

свойственное любомудрым и превышающее понятие многих: и богатство ничто, и бедность ничто, и бесчестие ничто, и честь ничто, что все это кратковременно и различается одно от другого одним только названием. Кроме того, есть еще иное, большее, состоящее в том, чтобы представлять себе будущие страдания и блага, страдания истинные и блага истинные и отсюда получать утешение... Итак, представляя все это, будем всячески благоустроять себя и никогда не станем скорбеть о вещах случайных. Если бы мы увидели богатых на картине, то, конечно, не стали бы называть их блаженными, равно и бедных, изображенных там же, не стали бы называть несчастными и жалкими. Между тем они гораздо долговечнее наших богачей, ибо на картине богатый остается гораздо долее, нежели в действительности: первый часто остается в таком виде до ста лет, а последний, иногда не насладившись даже один год своим богатством, вдруг лишается всего. Поэтому будем отовсюду ограждать душевное спокойствие от безрассудной скорби, чтобы нам и настоящую жизнь провести с удовольствием и сподобиться будущих благ (1).

* * *

Будем презирать деньги и славу. Освободившийся от этих страстей свободнее всех людей и богаче самого облеченного в багряницу. Не видишь ли, сколько бывает зла из-за денег? Не говорю, сколько от любостяжания, а сколько от пристрастия к деньгам? Так, например, кто-нибудь потерял деньги, — и вот он живет жизнью, которая несноснее самой смерти. О чем, человек, скорбишь ты? О чем плачешь? О том ли, что Бог освободил тебя от лишней заботы? О том ли, что ты не сидишь больше в страхе и трепете? Если кто-нибудь привяжет тебя к сокровищу и прикажет сидеть там постоянно и бодрствовать над чужим имуществом, то ты сетуешь и негодуешь, но когда ты сам привязал себя к нему несноснейшими узами, то почему скорбишь, быв освобожден от такого рабства? Подлинно, эти горести и эти радости — следствие предрассудка. Мы должны хранить имущество так, как будто оно у нас чужое... Научимся же нахо-

дить свою пользу, научимся терпеть потери: это достойно христианина... От нас требуется только одно — за все благодарить Бога, и мы будем иметь все в изобилии. Например, ты потерял тысячу литр золота? Тотчас благодари Бога, и в этом обращении к Нему и благодарности ты уже приобретаешь сто тысяч. За что, скажи мне, ты ублажаешь Иова: за то ли, что он имел столько верблюдов, стад и рабочего скота, или за изреченные им слова: *Господь дал, Господь и взял* (Иов 1, 21)? И диавол вредит нам не для того, чтобы только отнять у нас имущество, — он знает, что оно ничто, — но чтобы через это заставить нас сказать что-нибудь богохульное. Так и блаженного Иова он хотел сделать не только бедным, но и богохульником. Когда он лишил его всего, то, смотри, что говорит ему через жену: *похули Бога и умри* (Иов 2, 9). Но, лукавый, ты уже лишил его всего! Не того, говорит, я домогался. Того, для чего я все делал, я еще не достиг, я старался лишить его помощи Божией, для того и имущества лишил его. Вот чего я хочу, а то ничего не значит, если этого не будет, то он не только не потерпит никакого вреда, но еще получит пользу (1).

ПОХВАЛА

Эти упреки происходят от доброго, а не от злого расположения, а я могу сказать о себе, что люблю любящего меня не тогда только, как он хвалит, но и когда упрекает меня и исправляет. Хвалить без разбора все, доброе и худое, свойственно не другу, но льстецу и насмешнику. Напротив, хвалить за доброе дело и упрекать за проступок — вот долг друга и доброжелателя. Без разбора хвалить все и прославлять за все свойственно не другу, но обманщику... Не люблю врага и тогда, как он хвалит [меня], люблю друга и когда он упрекает. Тот, хоть и целует меня, противен, этот, хоть уязвляет меня, любезен: поцелуй того подозрителен, рана от этого есть признак заботливости [его обо мне]. Поэтому некто говорит: *искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего* (Притч. 27, 6). Что говоришь? Укоризны лучше поцелуев? Да, говорит, потому что смотрю не на качество того, что делается, но

на расположение делающих... Облобызал Господа Иуда (см Мф. 26, 49), но его лобзание проникнуто было предательством, в его устах скрывался яд, его язык полон был лукавства. Уязвил Павел коринфского развратника, но за то и спас. А как, скажешь, уязвил? Предав его сатане: *предать, говорит, сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа* (1 Кор. 5, 5) (6).

ПОХОТЬ

Похоть естества есть огонь, огонь неугасимый и постоянный, есть пес бешеный и неистовый, хотя бы тысячи раз ты отгонял его, он тысячи раз нападает и не отстает. Жесток пламень угольев, но этот — пламень похоти — еще хуже. Мы никогда не имеем перемирия в этой войне, никогда не имеем отдыха в настоящей жизни, но борьба постоянная, чтобы и венец был светел. Поэтому Павел всегда и вооружает нас, так как всегда время войны, так как враг всегда бодрствует. Хочешь знать, что похоть жжет не меньше огня? Послушай Соломона, который говорит: *может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего, кто прикоснется к ней, не останется без вины* (Притч. 6, 28–29). Видишь, что похоть по естеству своему соперничает с естеством огня? Как невозможно прикасающемуся к огню не получить ожога, так взгляд на красивые лица быстрее огня охватывает невоздержную на взгляды душу, и чем служит для огня горючее какое-нибудь вещество, тем красота телесная для глаз людей похотливых. Поэтому не должно давать огню похоти пищи — внешнего созерцания, но всячески прикрывать его и погашать благочестивыми мыслями, обуздывая дальнейшее распространение пламени и не позволяя ему сокрушать твердость нашего духа (5).

ПРАВЕДНИКИ

Великая слава ожидает праведников, такая, какой невозможно изобразить словом. Ибо они, восприняв нетленные тела по воскресении, прославятся и будут царствовать вместе со Христом (1).

* * *

Из всех людей, сколько ни есть их, одни — грешники, иные — праведники. Примечай притом разность и между праведниками. Один праведен, а другой еще праведнее. Выше стоит этот, а иной и его превосходит. И как есть многие звезды, и солнце, и луна, так есть разность и в праведниках. Иная слава солнца, иная — луны, иная слава звезд (см.: 1 Кор. 15, 41), потому что некоторые превосходят в славе, а другие уступают... Пусть и праведен кто-либо, но хотя бы он был тысячу раз праведен и взошел до самого верха, так что отрешился от грехов, не может быть чист от греха; хотя бы он был тысячу раз праведен — но он человек... Невозможно, значит, человеку быть безгрешным. Что ты говоришь: такой-то праведен, милосерд, нищелюбив? Но и он имеет какой-нибудь недостаток: либо обижает, либо тщеславится, либо другое что-нибудь такое делает, нет нужды все исчислять. Иной милосерд, но часто не целомудрен, а иной целомудрен, но не милосерд. Этот славится одной добродетелью, а тот — другой. Пусть кто-то праведен, так, он праведен и имеет все добродетели, но из-за этой праведности он возгордился, а гордость и повредила его праведности... Итак, не может человек быть праведным во всех отношениях до такой степени, чтобы чист был от греха (1).

ПРАЗДНИКИ

Вчера день мучеников и сегодня день мучеников. О, если бы и всегда нам совершать день мучеников! Если помешавшиеся на зрелищах и глазеющие на конские ристалища никогда не насыщаются этими непристойными зрелищами, то гораздо более нам до́лжно иметь ненасытимое расположение к праздникам святых. Там — диавольское торжество, а здесь — христианский праздник. Там скачут бесы, а здесь ликуют Ангелы. Там — погибель душ, а здесь — спасение всех собирающихся. Однако и там есть некоторое удовольствие? Но не такое, какое здесь. Что за удовольствие смотреть на коней, бегающих тщетно и напрасно? А здесь ты видишь не запряжки бессловесных, но бесчисленные колесницы мучеников и Бога, стоящего на этих

колесницах и устремляющего путь к небу (5).

ПРАЗДНОСТЬ

Не стыдись никто из занимающихся ремеслами, но да постыдятся те, которые напрасно едят хлеб и живут в праздности, которые имеют множество служителей и требуют беспрестанных услуг. Принимать пищу всегда после труда — род любомудрия: души таких людей бывают чище, мысли — основательнее. Человек праздный и говорит много пустого, и делает много пустого, и целый день не занимается ничем, предаваясь неге. А тот, кто занят работой, не скоро допустит что-нибудь излишнее ни в делах, ни в словах, ни в помышлениях, ибо душа его совершенно предана трудолюбивой жизни. Не будем же презирать тех, которые питаются от трудов рук своих, но будем еще более ублажать их за это. Какой, скажи мне, достоин ты благодати, если, получив наследство от отца, живешь, ничего не делая, и расточаешь его попустому? Разве ты не знаешь, что мы не все отдадим одинаковый отчет, но получившие здесь больше благ отдадут отчет труднейший, а удрученные трудами, бедностью или чем-нибудь подобным — легчайший? Это видно из притчи о Лазаре и богаче. Ты, не употребивший свободного времени ни на что дельное, справедливо будешь осужден, а бедный, при трудах своих употребивший остающееся время на дела достодолжные, получит великие венцы (1).

* * *

Не станем без разбора считать богатых счастливыми, а бедных унижать, не станем стыдиться ремесел и будем считать бесчестьем не работу, но праздность и безделье. Если бы работа была бесчестьем, то не занимался бы ею Павел и не хвалился бы особенно ею, говоря так: *ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться... За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно* (1 Кор. 9, 16, 18). Если бы ремесло было бесчестием, то он не повелел бы, чтобы неработающие и не ели (см.: 1 Фес. 3, 10). Только грех служит к бесчестью, а его обыкновенно порождает праздность и не один только и два или три, но всякий вообще порок. Поэтому и некто

премудрый, показывая, что праздность научает всякому злу, и беседуя о слугах, говорит: *употребляй его на работу, чтоб он не оставался в праздности* (Сир. 33, 28). Что узда для коня, то работа для нашей природы. Если бы праздность была добром, то все произращала бы земля незасеянная и невозделанная, но она не производит ничего такого. Некогда Бог повелел ей произвести все без возделания. Но теперь не делает так, а заповедал людям и запрягать волов, и влачить плуг, и проводить борозду, и бросать семена, и многими другими способами ухаживать и за виноградной лозой, и за деревьями, и за семенами, чтобы занятие работой отклоняло душу работающих от всякого зла. Вначале, чтобы показать Свою силу, Он устроил так, что все произошло без наших трудов: *да произрастит земля зелень, траву сеющую семя* (Быт. 1, 11), — сказал Он, и тотчас все зацвело, но после не так, но повелел, чтобы земля произращала при помощи и наших трудов, дабы ты знал, что Он ввел труд для нашей пользы и нашего блага. Хотя наказанием и мучением кажутся слова: *в поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3, 19), но на самом деле они — некоторое внушение и вразумление и врачество против ран, происшедших от греха. Поэтому и Павел непрестанно работал, не только днем, но даже и ночью. Это возвещает он, когда говорит: *ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас* (1 Фес. 2, 9). И не для удовольствия только и душевного отдыха он занимался работой, как делают многие из братий, но прилагал такое усердие к труду, что мог помогать и другим. *Нуждам моим,* — говорит он, — *и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии* (Деян. 20, 34). Человек, повелевавший бесами, бывший учителем вселенной, которому вверено было попечение о всех живущих на земле, который с великим усердием заботился о всех Церквах, находящихся под солнцем, о племенах, народах и городах, работал день и ночь и нимало не отдыхал от этих трудов, а мы, не имеющие и малейшей части забот его или даже не могущие и представить их в уме своем, проводим жизнь постоянно в праздности. Какое же будем мы иметь оправдание, скажи мне, или какой прощение? Оттого всякого рода зло вошло в жизнь, что многие

считают величайшим достоинством не заниматься своими ремеслами и крайним позором показаться сведущими в чем-нибудь подобном. А Павел не стыдился в одно и то же время держать нож в руках и сшивать кожи и беседовать с людьми, находящимися в почестях, но даже хвалился этим, когда приходили к нему тысячи славных и знаменитых людей (6).

* * *

Нет, подлинно нет ничего в мире, что не портилось бы от бездействия. Так, вода стоячая загнивает, а текучая и всюду разливающаяся сохраняет свою доброту; и железо, лежащее без движения, становится слабее и хуже и точится большой ржавчиной, а находящееся в деле становится гораздо полезнее и красивее, блистая нисколько не хуже всякого серебра; и земля, остающаяся в покое, как всякий может видеть, не произращает ничего хорошего, но дурные травы и терния, и волчцы, и бесплодные деревья, а получающая возделывание обильно производит питательные плоды. Вообще сказать, всякое существо от бездействия портится, а от свойственной ему деятельности становится полезнейшим. Итак, зная все это, сколько вреда от праздности и сколько пользы от деятельности, будем первой избегать, а последней держаться (6).

ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ

Послушай, что говорит Павел о прелюбодеянии: *непокорный непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святого* (1 Фес. 4, 8). Видишь ли, как слово Божие внушает, что прелюбодеяние состоит не только в том, когда имеющий жену совершает блуд с женщиной замужней, но и с какой бы ни было блудницей? Как о женщине, имеющей мужа, мы говорим, что она прелюбодействует, со слугой ли грешит она, или с кем бы ни было; так и о муже мы должны сказать, что он прелюбодействует, когда, имея сам жену, распутствует с рабыней ли, или с какой бы то ни было общественной блудницей. Не будем же пренебрегать своим спасением и отдавать душу свою диаволу через этот грех. Отсюда происходит множество бедствий, разрушающих дома, и множество раздоров; от этого иссякает любовь и уничтожается благо-

расположение. Как невозможно, чтобы человек целомудренный презирал свою жену и когда-нибудь пренебрег ею, так невозможно, чтобы человек развратный и беспутный любил свою жену, хотя бы она была прекраснее всех. От целомудрия рождается любовь, а от любви — бесчисленное множество благ. Итак, считай прочих женщин как бы каменными, зная, что, если ты после брака посмотришь похотливыми глазами на другую женщину, хотя бы общественную, хотя бы замужнюю, ты делаешься виновным в грехе прелюбодеяния. Каждый день повторяй себе эти слова, и если увидишь, что в тебе возбуждается похоть к другой женщине и затем твоя жена от этого кажется тебе неприятной, то войди во внутреннюю комнату и, раскрыв эту книгу, взяв в посредники Павла и непрестанно повторяя эти слова, погаси пламень. Таким образом, и жена опять будет для тебя вожделенной, потому что такое пожелание не станет истреблять твоего благорасположения к ней, и не только жена будет более вожделенной, но и ты сам окажешься гораздо почтенней и благородней. Нет, подлинно нет ничего постыднее человека, который блудодействует после брака. Он чувствует стыд не только перед тестем и друзьями и встречными, но даже перед рабами. И не только это зло постигает его, но и сам дом кажется ему несноснее всякой темницы, тогда как он имеет перед глазами возлюбленную и постоянно мечтает о блуднице (1).

* * *

Представь, какую жизнь ведут те, которые подозревают своих жен, как неприятна им пища, неприятно питье. Им кажется, что стол их наполнен отравами, и как от заразы, бегут они от своего дома, исполненного бесчисленных зол. Нет у них сна, не приносит им спокойствия ни ночь, ни общество друзей, ни лучи солнца, но сам свет считают они несносным для себя не только тогда, когда видят, что жена предается прелюбодеянию, но даже если подозревают ее в этом. Подумай же, что и жена терпит то же самое, когда слышит от кого-нибудь или только подозревает, что ты предал себя блудной женщине. Представляя это, не только избегай прелюбодеяния, но не подавай повода и к подозрениям, а

если жена будет подозревать несправедливо, то успокой ее и разуверь. Не по вражде или гордости она делает это, но от заботливости и от того, что очень боится за свою собственность. Твое тело... ее собственность, и собственность, драгоценнейшая всякого имущества. Не обижай же ее в важнейшем предмете и не наноси ей смертельной раны. Если презираешь ее, то побойся Бога, Мстителя за такие дела, Который угрожает невыносимыми наказаниями за такие грехи. Ибо о тех, которые осмеливаются делать это, Он говорит: *червь их не умирает и огонь не угасает* (Мк. 9, 48). Если же не очень устрашает тебя будущее, то побойся по крайнем мере настоящего: многие из тех, которые прилепляются к блудницам, и здесь погибают, пострадав от козней распутных женщин. Ибо они, стараясь друг перед другом отклонить человека от сожительницы, соединенной с ним браком, и вполне подчинить его своей любви, прибегали к волшебствам, составляли чары и употребляли много обаяний; потом, подвергнув его таким образом тяжкой болезни, предав тлению и продолжительному гниению и навлекши на него тысячи зол, лишали настоящей жизни. Если ты, человек, не страшишься геенны, то побойся их обаяний... Не говорю уже о потере имущества, о ежедневных подозрениях, надменности, наглости, оскорблении, которое блудницы делают глупцам: это горше тысячи смертей. От жены часто ты не переносишь и одного тяжелого слова, а перед блудницей, когда она даже бьет тебя, благоговеешь. И ты не стыдишься, не краснеешь, не желаешь, чтобы перед тобой разверзлась земля? Как можешь ты войти в церковь и воздеть руки к небу? Как призовешь Бога устами, которыми ты целовал блудницу?.. Хотя бы ты и укрылся от своей обиженной жены, но никогда не укроешься от недремлющего Ока. Так и тому прелюбодею, который говорил: *вокруг меня тьма, и стены закрывают меня... чего мне бояться,* — Премудрый отвечал: *очи Господни в десять тысяч крат светлее солнца и взирают на все пути человеческие* (Сир. 23, 25–28). Поэтому и сказал Павел: *во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение, подобно и жена*

мужу (1 Кор. 7, 2–3). *Мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее; но последствия от нее горькие, как полынь, остры, как меч обоюдоострый* (Притч. 5, 3–4). Поцелуй блудницы заключает в себе яд, яд тайный и скрытный. Зачем же ты гоняешься за удовольствием, которое ведет к осуждению, производит гибель, наносит неизлечимую рану, тогда как можно получать удовольствие, не подвергаясь никакому злу? Со свободной женой и удовольствие, и безопасность, и покой, и честь, и красота, и добрая совесть, а там — великая горечь, великий вред, постоянное осуждение. Хотя бы никто из людей не видел, совесть никогда не перестанет осуждать тебя, но куда бы ты ни пошел, этот обвинитель будет следовать за тобой, осуждая и громко взывая против тебя. Таким образом, кто ищет удовольствия, тот особенно пусть избегает общения с блудницами, потому что нет ничего горше этой привычки, ничего неприятнее этого общения, ничего порочнее этих нравов. *Источник твой да будет благословен, — и утешайся женою юности твоей... любовью ее услаждайся постоянно* (Притч. 5, 18–19). Имея чистый источник воды, для чего ты прибегаешь к болоту, наполненному грязью, пахнущему геенной и невыразимым наказанием? Какое ты будешь иметь оправдание, какое прощение? Если предающиеся блуду прежде брака осуждаются и наказываются подобно тому человеку, который был одет в грязные одежды, то тем более — после брака. Ибо здесь бывает двойное и тройное преступление, как потому, что они, наслаждаясь удовольствием, устремились к такому распутству, так и потому, что это дело не только блуд, но признается и прелюбодеянием, это тяжелее всякого греха (1).

* * *

Как свинья, извалявшаяся в грязи, куда бы ни вошла, все исполняет зловония и чувство обоняния поражает отвратительным запахом, так и блуд — ибо зло это омывается с трудом. Когда же творят это некоторые, имеющие жен, то как велико бывает распутство? Апостол Павел говорит: *воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда; чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и*

чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога; чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво (1 Фес. 4, 3–6). Хорошо сказал апостол: *не преступати**, ибо каждому Бог дал жену и положил пределы природы, именно: совокупление с одной. Поэтому совокупление с другой есть уже преступление и разбой и лихоимство, даже ужаснее всякого разбоя. Мы не столько скорбим тогда, когда похищают у нас деньги, сколько тогда, когда окрадывают брак. Называешь братом и причиняешь обиду в том, в чем не должно? Здесь апостол говорит о прелюбодеянии, а выше говорил о всяком блуде. Не подумай, говорит, что я говорю это только о братьях, нет, любодействовать не до́лжно ни с чужими женами, ни с незамужними. И вообще не должно иметь жен общими: *потому что Господь — мститель за все это, как и прежде мы говорили вам и свидетельствовали* (1 Фес. 4, 6). Делая это, мы не останемся без наказания и не испытаем такого удовольствия, которое бы равнялось ожидающему нас мучению. *Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости. Итак непокорный непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святого* (1 Фес. 4, 7–8). Таким образом, говорит, одинаковое совершаешь преступление, когда растлишь царицу или же рабу твою замужнюю. Почему? Потому что Бог мстит не за лица, тобою оскорбленные, но за Себя, а ты одинаково оскорбил Бога. Ибо то и другое есть прелюбодеяние, так как то и другое есть брак. Хотя ты и не прелюбодействуешь, а блудодействуешь, хотя блудница и не имеет мужа, однако же Бог отмстит, поскольку Он мстит за Себя. Делая это, ты оказываешь презрение не столько к мужу, сколько к Богу. Это видно из того, что от мужа, по крайней мере, скрываешь это, а о Боге, который видит, и не думаешь. Скажи мне, если бы царь удостоил кого-либо багряницы и многих иных почестей, а тот, получив приказание жить сообразно с саном, пошел и осквернился с какой-либо женщиной, кого бы он оскорбил: женщину или царя, удостоившего его награды? Оскорбил бы, конечно,

* В церковнославянском переводе: и еже не преступати и лихоимствовати в вещи брата своего.

и ее, но не настолько. Поэтому умоляю, будем хранит себя от этого греха. Ибо подобно тому, как мы наказываем жен, когда они, живя с нами, отдают себя другим, так и мы сами будем наказаны, если не по законам римским, то от Бога, потому что и это есть прелюбодеяние. Ибо прелюбодеяние бывает не только тогда, когда прелюбодействует связанная браком с другим, но и тогда, когда прелюбодействует женившийся... Не то только прелюбодеяние, когда растлеваем замужнюю женщину, но и то также есть прелюбодеяние, когда сами, будучи женаты, совершаем блуд с отпущенной* и свободной. Ибо что следует из того, что прелюбодействующая не сопряжена с мужем? Ты сопряжен, ты закон преступил, ты обидел свою плоть. Ибо за что, скажи мне, наказываешь ты жену свою, когда она сотворит блуд со свободным и не имеющим жены мужчиной? За прелюбодеяние, ибо хотя соблудивший с нею не имел жены, но она замужняя. Но так как и ты женат, то и твой поступок есть прелюбодеяние. *Кто разводится с женою своею*, — говорит Господь, — *кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует* (Мф. 5, 32). Если женящийся на отпущенной прелюбодействует, то не тем ли паче виновен в прелюбодеянии тот, кто согрешает с нею, имея свою жену (1)?

* * *

Павел в своем Послании к евреям так говорит и убеждает: *старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14). Святостью он называет целомудрие, по которому каждый должен довольствоваться своей женой и не падать с другой. Ибо кто не довольствуется, тот не может спастись, но неизбежно погибнет, хотя бы имел тысячи добродетелей. В самом деле, блуднику невозможно войти в Царство Небесное, а тут уже не блуд, но гораздо более — прелюбодеяние. Как жена, которая связана с мужем, если будет еще в связи с другим, уже прелюбодействует, так точно и муж, связанный с женой, если будет иметь еще другую, прелюбодействует. А такой человек не наследует

* Отпущенная — разведенная. *(Примеч. ред.)*

Царства Небесного, но будет вовержен в геенну... Для того нет никакого извинения, кто при своей жене бесчинствует еще с другой, ибо это уже невоздержание. Если многие и от своей жены воздерживаются, когда наступает время поста или время молитвы, то какой огонь собирает себе тот, кто не довольствуется даже своей женой, но имеет еще связь и с другою? Если отпустившему и отвергшему от себя свою жену не позволяется сопрягаться с другой, ибо это — прелюбодеяние, то какой грех делает тот, кто, имея в своем доме жену, приводит еще другую? Пусть же никто не позволяет оставаться такому недугу в своей душе, но пусть всякий с корнем исторгает его. Прелюбодей не столько вредит жене своей, сколько самому себе. Ибо этот грех столь тяжек и непростителен, что если жена оставит мужа, даже идолопоклонника, против его воли, то Бог ее наказывает. Видишь, какое это зло? Если какая-нибудь верная *жена,* — говорит Павел, — *имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его* (1 Кор. 7, 13). Но о блуднице не то сказано: *кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать* (Мф. 5, 32). Если через сожитие муж и жена составляют одно тело, то и живущий с блудницей необходимо становится одним с нею телом. Как же после этого честная жена, будучи членом Христовым, примет такого мужа? Или каким образом она соединит с собой член блудницы? И смотри, какая особенность! Сожительствующая неверному не становится оттого нечистой: *неверующий муж освящается женою верующею* (1 Кор. 7, 14). Но о блуднице не то сказано: *отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы* (1 Кор. 6, 15)? Там освящение пребывает и не отнимается, несмотря на сожительство с неверным, а здесь оно удаляется. Подлинно, тяжкий грех — прелюбодеяние. Тяжкий грех и готовит нескончаемое наказание! Да и здесь оно навлекает бесчисленные бедствия. В самом деле, такой человек принужден бывает вести жизнь тяжкую и горестную, и его состояние ничем не лучше состояния осужденных на казнь, когда он тайком входит в чужой дом со страхом и вели-

ким трепетом и всех ра́вно опасается: и рабов, и свободных. Поэтому умоляю вас, потщитесь освободиться от этой болезни. Если же не послушаетесь, то не входите в эти священные преддверья. Овцам, покрытым язвами и зараженным болезнью, не следует пастись вместе с овцами здоровыми, но их нужно отгонять от стада, пока не освободятся от своей болезни. Мы сделались членами Христовыми, не будем же членами блудницы! Здесь не блудилище, но церковь; и если ты имеешь члены блудодеицы, то не стой в церкви, чтобы не бесчестить этого места. Если бы даже не было геенны, если бы даже не было наказания, — и в этом случае, как ты после тех договоров и брачных светильников, после этого законного ложа, после чадородия, после такого общения — как ты можешь дозволить себе прилепляться к другой? Как не стыдишься и не краснеешь? Разве не знаешь, что многие осуждают даже и тех, которые вводят к себе другую жену по смерти своей жены, хотя это дело и не заслуживает наказания? А ты еще при жизни своей жены берешь себе другую (1)!

* * *

Если же ты намереваешься и после брака предаваться блудодеянию, то излишне было тебе и вступать в брак, бесполезно и напрасно, и не только напрасно и бесполезно, но и вредно, потому что не одинаковое дело предаваться блуду, не имея жены, или после брака опять делать то же самое. Последнее уже не блуд, а прелюбодеяние.

Знаем, что многие называют прелюбодеянием только то, когда кто развращает замужнюю женщину, но что касается до меня, то с общественной ли блудницей, или с рабой, или с какой-нибудь другой женщиной, не имеющей мужа, соединяется беззаконно и распутно человек, имеющий жену, это я называю прелюбодеянием. Вина прелюбодеяния зависит не только от тех, которым наносится позор, но и от тех, которые наносят его. Не говори мне теперь о внешних законах, которые жен прелюбодействующих влекут в судилище и подвергают наказаниям, а мужей, которые имеют жен и развратничают со служанками, оставляют без наказания. Я прочитаю тебе закон

Божий, который равно укоряет и жену и мужа и называет это дело прелюбодеянием. Сказав: *каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа*, — апостол присовокупил: *муж оказывай жене должное благорасположение* (1 Кор. 7, 2-3)*... Поэтому так как тело мужа есть собственность жены, то пусть муж будет верен в отношении к этому залогу. А что он действительно разумел это, когда сказал: *любовь да воздает*, для того он присовокупил: *жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена* (1 Кор. 7, 4) **(6)**.

* * *

Какое могут иметь оправдание как те, которые берут жен при жизни мужей их, так и те, которые ходят к общественным блудницам? Ведь и это другой вид прелюбодеяния: имея дома жену, входить в общение с блудницами. Как жена, имеющая мужа, отдавая себя рабу или кому-нибудь свободному, не имеющему жены, делается виновной перед законами в прелюбодеянии, так если и муж, имеющий жену, грешит хотя бы с общественной блудницей, хотя бы с другой женщиной, не имеющей мужа, то это дело признается прелюбодеянием. Итак, будем убегать и этого вида прелюбодеяния. Ведь что мы можем сказать, на что сошлемся, решаясь на такие дела?.. Естественное пожелание? Но перед нами стоит данная нам жена и лишает нас этого оправдания. Для того и установлен брак, чтобы ты не блудодействовал. Или, лучше, не только жена, но и многие другие, имеющие одно и то же с нами естество, лишают нас этого оправдания. Когда подобный тебе раб, одаренный таким же телом, имеющий такое же пожелание, побуждаемый такой же потребностью, не смотрит ни на какую другую женщину, но остается довольным одной своей женой, то каким оправданием может быть для тебя ссылка на пожелание? Но что я говорю об имеющих жен? Представь себе людей, постоянно живущих в девстве, совершенно не причастных браку и оказывающих великое целомудрие. Если же другие без брака остаются целомудренными, то какое можешь получить прощение ты, блудодействуя в браке **(6)**?

* *Жене муж должную любовь да воздает* (церковнослав.).

* * *

Прелюбодей, хотя и находит, по-видимому, удовольствие, еще прежде наказания (за свой поступок) терпит казнь в самом прелюбодеянии, делая душу худшей и более дурной (7).

ПРЕСЫЩЕНИЕ

Для чего же, скажи мне, утучняешь тело? Неужели мы принесем тебя в жертву или предложим на трапезу? Хорошо откармливать птиц или, лучше сказать, и их нехорошо: когда утучнеют, употребление их в пищу уже не бывает для нас здоровым. Так велико зло — пресыщение, что оно вредно и бессловесным. Ничто настолько не противно и не вредно телу, как пресыщение, ничто настолько не разрушает, не обременяет и не повреждает его, как неумеренное употребление пищи... Для того ли дана тебе гортань, чтобы ты до самых уст наполнял ее вином и другими вредными веществами? Не для того, человек, но чтобы, во-первых, славословить Бога, воссылать к Нему молитвы, читать Божественные законы; во-вторых, подавать советы, полезные ближним. А ты, как будто только для обжорства получив гортань, не даешь ей ни малейшего времени для священного занятия, а во всю жизнь употребляешь ее на постыдную работу. Такие люди поступают подобно тому, кто, взяв арфу, имеющую золотые струны и хорошо настроенную, вместо того чтобы ударять в нее и извлекать гармоничные звуки, завалит ее навозом и всякой дрянью. Навозом я называю не пищу, но пресыщение и великую неумеренность: то, что сверх меры, не питает уже, но вредит. Одно чрево дано только для принятия пищи, а уста, гортань и язык даны и для других, более необходимых занятий, да и чрево дано не просто для принятия пищи, но для принятия пищи умеренной (1).

ПРИВЫЧКА

Привычка сильна, способна одолевать и увлекать душу, особенно когда ей содействует удовольствие, а та, к которой мы стремимся и стараемся достигнуть, требует от нас много трудов. Поэтому и Бог, когда надлежало потомкам евреев оставить старую привычку ко злу, т.е. египетскую, взяв их одних в пустыню и удалив от развратителей как

можно дальше, исправлял души их в пустыне, как бы в каком монастыре, употребляя все способы врачевания, и более тяжелые — и более приятные, и не опуская совершенно ничего, что только могло послужить к их исцелению. Однако и при этом они не избегали порочности, но, получая манну, требовали луку и чесноку и всякой мерзости египетской. Такое дело — привычка (2).

ПРИМИРЕНИЕ

Сколько зла происходит от раздражения и гнева! И что особенно тяжело, когда мы находимся во вражде, то не хотим сами положить начало примирению, но ожидаем других, каждый стыдится придти к другому и примириться, разойтись и разделиться не стыдится, напротив, сам полагает начало этому злу, а придти и соединить разделившееся стыдится подобно тому, как если бы кто отрезать член не усомнился, а срастить его стыдился... Не сам ли ты нанес великую обиду и был причиной вражды? Справедливость требует, чтобы сам же ты первый пришел и примирился, будучи причиной вражды. Или ты обижен, и тот был причиной вражды? И в этом случае следует начать примирение тебе, чтобы тебе больше удивлялись, чтобы тебе иметь первенство как в одном, так и в другом: как не ты был причиной вражды, так и не тебе быть и причиной ее продолжения. Может быть, и тот, осознав вину свою, устыдится и вразумится. Он высокомерен? Тем более не медли придти к нему. Он страдает двумя болезнями: гордостью и гневом. Сам ты высказал причину, почему ты первый должен придти к нему: ты здоров, ты можешь видеть, а он во тьме, ибо таковы гнев и гордость. Ты свободен от них и здоров, приди же к нему, как врач к больному. Говорит ли кто-нибудь из врачей: такой-то болен, поэтому я не пойду к нему? Напротив, тогда врачи и идут к больному, когда видят, что он сам не может к ним придти, о тех, которые могут придти сами, они менее заботятся, как о больных неопасно, о лежащих же — напротив. А не тяжелее ли всякой болезни гордость и гнев? Не подобны ли этот — сильной горячке, а та — развившейся опухоли? Представь, каково страдать горячкой и опухолью. Иди же, угаси его огонь,

ты можешь сделать это при помощи Божьей, останови его опухоль как бы примочкой. Но что, скажешь, если от того самого он еще более возгордится? Тебе нет до этого нужды, ты сделаешь свое дело, а он пусть отвечает сам за себя, только бы нас не упрекала совесть, что это произошло от опущения с нашей стороны чего-нибудь должного. Накорми врага твоего, говорит апостол: *ибо делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья* (Рим. 12, 20). Впрочем, и при этом он повелевает идти, примириться и благотворить врагу не с тем, чтобы собрать на него горящие уголья, но чтобы он, зная это, исправился, чтобы трепетал этих знаков любви больше, чем обид. Ибо для враждующего не столько опасен враг, причиняющий ему зло, сколько благодетель, делающий ему добро, потому что первый вредит хоть немного и себе, и ему, а последний собирает уголья горящие на главу его. Поэтому, скажешь, и не должно делать ему добра, чтобы не собрать на него угольев? Но разве ты хочешь собрать их на собственную голову? Это и происходит от памятозлобия. А что если я еще более усилю вражду? Нет, в этом виновен будешь не ты, а он, если он подобен зверю, если и тогда как бы благодетельствуешь, оказываешь ему честь и желаешь примириться, он упорно будет продолжать вражду, то он сам на себя собирает огонь, сам сжигает свою голову, а ты нисколько не виновен. Не представляй себя человеколюбивее Бога, иначе испытаешь множество зол, или, вернее, хотя бы ты и захотел, ты не можешь достигнуть этого... Павел говорит все это для того, чтобы побудить тебя прекратить вражду хотя бы надеждой на наказание врага. Мы столь жестоки, что не иначе хотели бы примириться с врагом, как в надежде навлечь на него какое-нибудь наказание, поэтому он и дает нам, как какому-то зверю, эту приманку. Но апостолам Господь не сказал этого, а сказал: *да будете подобны Отцу вашему, иже есть на небесах* (ср. Мф. 5, 45). С другой стороны, и невозможно, чтобы благодетельствующий и получающий благодеяния остались врагами, потому апостол и дал такую заповедь... Положим, что ты не насыщаешь врага для того, чтобы не собрать на него горящих угольев, следовательно, ты щадишь его? любишь его? благодетельствуешь с

этой целью? Бог знает, точно ли с этой целью, как говоришь, может быть, ты хитришь перед нами и играешь словами. Ты заботишься о враге? Боишься, чтобы он не подвергся наказанию? Следовательно, ты погасил свой гнев, ибо кто питает такую любовь, что презирает собственную пользу для блага другого, тот не имеет вражды. Так мог бы ты сказать. Но до каких пор мы будем шутить в предметах нешуточных и непростительных? Потому увещеваю вас, братья... прошу и умоляю, оставив эти предлоги, не будем невнимательными к законам Божиим и непослушными Его заповедям (1).

* * *

Не будем никогда злопамятствовать и питать вражду к тем, кто сделал нам неприятность или другую какую-нибудь обиду, но, представляя себе, какое благодеяние и дерзновение перед Господом они доставляют нам, а больше всего то, что примирение с оскорбившими нас заглаждает наши грехи, поспешим и не замедлим [примириться с врагами] и, размышляя о происходящей от этого пользе, покажем такое благо расположение к врагам, как если бы они были истинными нашими благодетелями... Каждый из нас, у кого только есть враг, постарайся ласковым своим обращением примирить его с собой. И никто не говори мне: «Я раз и два просил его, но он не согласился примириться». Нет, если мы искренно хотим примириться, то не отступим от врага, пока не победим его своими усильными просьбами, пока не привлечем к себе и не заставим прекратить вражду против нас. Ибо разве ему через это мы оказываем какую-либо милость? Нет, на нас самих переходят плоды доброго дела: мы этим привлекаем на себя благоволение Божие, приобретаем себе прощение грехов, получаем великое дерзновение перед Господом... Знаю, что нелегко и неприятно пойти к тому, кто враждует и злобствует против нас, стать и начать разговаривать с ним. Но если ты размыслишь о высоком достоинстве этой заповеди, о великости награды и о том, что польза от этого доброго дела обращается не на него, а на тебя, то все покажется тебе легким и удобным (1).

* * *

Бог сказал: *если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой* (Мф. 5, 23–24). А мы приступаем к алтарям, враждуя друг против друга и явно, и тайно. Бог столько печется о нашем примирении, что допускает и жертвоприношению своему оставаться несовершенным, и службе прерваться, только бы мы прекратили вражду друг к другу и гнев. А мы так мало обращаем на это внимания, что на гибель себе питаем вражду в продолжение многих дней. Христос наказывает не только злопамятных, но и тех, которые, освободившись от этой страсти, небрегут об оскорбленных [ими] братьях. Так как помнить зло свойственно обиженным, а тот, кто обижает, может и не предаваться этой страсти, поэтому [Христос] и повелевает последнему идти к первому, показывая, что большему против первого наказанию подлежит тот, кто дал корень греху. А мы и этим не вразумляемся, но оскорбляем братьев и за малости, потом, как будто бы не было ничего худого, оставляем без внимания и забываем обиженных нами и даем вражде продолжаться долгое время, не сознавая, что понесем тем большее наказание, чем больше дней попустим продолжаться неприязни — как за это самое, так и потому, что и примирение потом становится для нас более затруднительным. Как тогда, когда дружба связывает нас, ничто не может легко произвести разрыва [между нами] и даже быть принято с доверием, так тогда, когда вражда овладевает нашими душами, желающие поссорить нас большей частью легко и удобно успевают в этом, потому что мы тогда доброму не верим, а верим только худому. Поэтому [Господь] повелевает нам, оставив дар перед алтарем, наперед примириться с братом, дабы мы знали, что, если в это время не следует отлагать примирения, тем более в другие времена. А мы внешние признаки удерживаем, от самой же истины удалились: перед принесением дара приветствуем друг друга, но делаем это большей частью только языком и

устами. Но Господь хочет не этого, а того, чтобы мы давали ближнему лобзание от души и приветствие от сердца. Это и есть истинное приветствие, а то — ложь и притворство, и кто так целует [ближнего], тот скорее прогневает, чем умилостивит Бога. Он требует от нас искренней и крепкой дружбы, а не такой, которая имеет у нас часто вид и призрак [дружбы], а силу вовсе утратила, что само и служит доказательством господствующих у нас беззаконий (2).

* * *

Прекратим вражду между собой, и пусть никто не остается врагом ближнего долее одного дня, но до наступления ночи пусть укрощает гнев, чтобы, оставшись наедине и тщательно припоминая сделанное и сказанное по вражде, не сделать прекращение ее более трудным и примирение более неудобным. Вывихнутые кости нашего тела, если тотчас вправлены, без большого затруднения занимают свое место, если же они долгое время останутся вне своего места, то с трудом вправляются и принимают прежнее положение, и вправленные требуют продолжительного времени для того, чтобы твердо установиться, укрепиться и не сдвигаться. Так точно и мы, если тотчас станем мириться с врагами, то можем сделать это удобно и без большого труда войти в прежнюю дружбу, а если пройдет много времени, то, как бы ослепленные враждой, мы будем стыдиться, смущаться и иметь нужду в других, которые бы не только примирили нас, но и по примирении тщательно наблюдали за нами, пока мы достигнем прежней откровенности. Я не говорю уже о насмешках и стыде, ибо какого порицания не заслуживает то, чтобы нуждаться в других, которые помирили бы нас с нашими ближними? От медленности и отлагательства происходит не только это зло, но и то, что несуществующие грехи после кажутся нам грехами, о чем бы ни стал говорить враг, все мы принимаем с подозрением: и движения его, и взгляды, и голос, и походку; и показываясь нам, он воспламеняет нашу раздраженную душу, и не показываясь, также огорчает нас. Обыкновенно не только вид оскорбивших, но и воспоминание о них постоянно раздражает нас; и если услышим, что другой го-

ворит что-нибудь о них, мы со своей стороны возвышаем голос и вообще всю жизнь проводим в унынии и огорчении, причиняя больше зла самим себе, нежели врагам, и имея в душе постоянную борьбу. Итак, возлюбленные, зная все это, будем всячески стараться не иметь ни с кем вражды, а если случится какая-нибудь неприязнь, то будем примиряться в тот же день, потому что если она продолжится на второй и третий день, то скоро третий сделается четвертым, четвертый — пятым, а этот опять породит нам еще больше дней неприязни, и чем дольше мы будем откладывать примирение, тем больше будем стыдиться. Но тебе стыдно придти и поцеловаться с оскорбителем? Нет, это — хвала, это — венец, это — слава, это — польза и сокровище, исполненное бесчисленных благ, и сам враг одобрит тебя, и все присутствующие похвалят, а если и осудят люди, то Бог непременно увенчает тебя. Если же ты будешь ждать, чтобы враг наперед пришел и попросил прощения, то ты не получишь такой пользы: он предвосхитит награду и приобретет себе все благословение, а когда ты сам придешь, то не останешься ниже его, но победишь гнев, преодолеешь страсть, обнаружишь великое любомудрие, послушавшись Бога, и сделаешь более приятной последующую жизнь, избавившись от хлопот и тревоги (2).

ПРИЧАСТИЕ

Сколь многие говорят: желал бы я видеть лицо Христа, образ, одежду... Вот ты видишь Его, прикасаешься к Нему, вкушаешь Его. Ты желаешь видеть одежду Его, а Он дает тебе не только видеть Себя, но и касаться, и вкушать, и принимать внутрь. Итак, никто не должен приступать к Святым Тайнам с небрежением, никто с малодушием, но все с пламенной любовью, все с горячим усердием и бодростью. Ибо если иудеи ели агнца с готовностью, стоя и имея сапоги на ногах и жезлы в руках, то гораздо более тебе должно бодрствовать. Ибо они готовились идти в Палестину, потому и имели вид путешественников, а ты готовишься идти на небо.

Потому должно всегда бодрствовать. Ибо немалое предлежит наказание тем, которые недостойно приобщаются. Подумай, сколь много ты негодуешь на

предателя и на тех, кто распял Христа. Итак, берегись, чтоб и тебе не сделаться виновным против Тела и Крови Христовой. Они умертвили всесвятое Тело, а ты принимаешь Его нечистой душой после стольких благодеяний. Ибо не довольно было для Него того, что Он сделался человеком, был заушен* и умерщвлен, но Он еще сообщает Себя нам, и не только верой, но и самим делом соделывает нас Своим телом. Сколь же чист должен быть тот, кто наслаждается этой жертвой? Сколь чище всех лучей солнечных должны быть рука, раздробляющая эту плоть, уста, наполняемые духовным огнем, язык, обагряемый страшной Кровью? Помысли, какой чести ты удостоен? Какой наслаждаешься трапезой? На что с трепетом взирают Ангелы и не смеют воззреть без страха по причине сияния, отсюда исходящего, тем мы питаемся, с тем сообщаемся и делаемся одним телом и одной плотью со Христом. *Кто поведает могущество Господне, во всеуслышание возвестит все хвалы Его* (Пс. 105, 2)? Какой пастырь питает овец собственными членами? Но что я говорю — пастырь? Часто бывают такие матери, которые новорожденных младенцев отдают другим кормилицам. Но Христос не потерпел этого. Он питает нас собственной Кровью и через это соединяет нас с Собой. Размысли потом, что Он родился от нашего естества. Но ты скажешь: это не ко всем относится. Напротив, ко всем. Ибо если Он пришел к нашему естеству, то очевидно, что пришел ко всем, а если ко всем, то и к каждому порознь. Почему же, ты скажешь, не все получили от него пользу? Это зависит не от Того, Который благоволил совершить это дело для всех, но от тех, которые не восхотели. Ибо с каждым верующим Он соединяется посредством Таин, и Сам питает тех, которых родил, а не поручает кому-либо другому, и этим опять уверяет тебя в том, что Он принял твою плоть. Итак, удостоившись такой любви и чести, не будем предаваться беспечности. Не видите ли, с какой готовностью младенцы берут сосцы? С каким стремлением прижимают к ним уста свои? С таким же расположением и мы должны при-

* Заушать — бить рукой по щеке. *(Примеч. ред.)*

ступать к этой Трапезе и к сосцу духовной чаши, или, лучше сказать, мы с бо́льшим еще желанием должны привлекать к себе, подобно грудным младенцам, благодать Духа. Одна только у нас должна быть скорбь — та, что мы не приобщились этой пищи. Действие этого Таинства совершается не человеческой силой. Тот, Кто совершил эти действия на известной Вечери, и ныне совершает их. Мы [священники] занимаем место служителей, а освящает и претворяет дары Сам Христос. Да не будет здесь ни одного Иуды, ни одного сребролюбца. Если кто не ученик Христов, то пусть такой удалится: Трапеза не допускает тех, кто не из числа учеников. Ибо *совершу пасху*, — говорит Христос, — *с учениками Моими* (Мф. 26, 18). Эта Трапеза есть та же самая, которую предложил Христос, и ничем не менее той. Нельзя сказать, что ту устрояет Христос, а эту — человек, но ту и другую Сам Христос. Это место есть та самая горница, где Он был с учениками. Отсюда они вышли на гору Елеонскую. Выйдем и мы на то место, где простерты руки нищих, ибо это место есть гора Елеонская (1).

* * *

Нам предложено ныне Тело Христово, дабы мы ели и насытились. Итак, приступим с верой, приступим все немощные. Приступить же с верой значит не только принять предложенное, но прикоснуться к нему с чистым сердцем, с таким расположением, как бы приступали к самому Христу. Итак, веруйте, что ныне совершается та же Вечеря, на которой Сам Он возлежал. Ибо ничем не отлична одна от другой. Нельзя сказать, что эту совершает человек, а ту совершал Христос; напротив, ту и другую совершает Сам Он. Поэтому, когда видишь, что священник преподает тебе Дары, представляй, что не священник делает это, но Христос простирает к тебе руку. Как при крещении не священник крестит тебя, но Бог невидимой силой держит главу твою, и ни Ангел, ни Архангел, ни другой кто не смеет приступить и коснуться, так и в Причащении. Если Один Бог возрождает, то Ему Одному принадлежит дар. Не видишь ли, что у нас желающие кого-либо усыновить не рабам вверяют это дело, а сами

являются в суд? Так и Бог не Ангелам вверил дар, но Сам присутствует, повелевает и говорит: *отцом себе не называйте никого на земле* (Мф. 23, 9). Этим не запрещается тебе почитать родителей, не повелевается им предпочитать Создавшего тебя и принявшего в число детей Своих. А кто дал тебе большее, т.е. предложил Самого Себя, Тот тем паче не почтет недостойным Своего величия и преподать тебе Свое тело... Христос дал нам в пищу святую плоть Свою, Самого Себя предложил в жертву, какое же будем иметь оправдание, когда, принимая такую пищу, так грешим? Вкушая Агнца, делаемся волками! Снедая Овча, бываем хищны, как львы! Таинство это требует, чтобы мы совершенно были чисты не только от хищения, но и от малой вражды. Оно есть Таинство мира и не позволяет гоняться за богатством. Если Господь не пощадил для нас Самого Себя, то чего будем достойны мы, когда, сберегая богатство, не побережем души своей, за которую Он не пощадил Себя? Для иудеев учредил Бог праздники, дабы они ежегодно вспоминали о Его благодеяниях, а тебе, так сказать, каждый день напоминает о них через эти Таинства. Итак, не стыдись креста. В нем заключены наша слава, наши Таинства, этим даром мы украшаемся, им хвалимся. Сказав, что Бог простер небо и землю, расширил море, послал пророков и Ангелов, я не выражу всей Его благости. Верх благодеяний Его состоит в том, что не пощадил Сына Своего для спасения отложившихся от Него рабов. Итак, ни Иуда, ни Симон не должны приступать к этой трапезе, ибо оба они погибли от сребролюбия. Будем и мы избегать этой пропасти, не почтем достаточным для спасения, если, ограбив вдов и сирот, принесем золотой и украшенный драгоценными камнями сосуд для святой трапезы. Если ты хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за которую принесена жертва, душу свою сделай золотой. Если же она хуже свинца и глины, а сосуд золотой, какая тебе из этого польза?.. Не серебряная была тогда трапеза, и не из золотого сосуда Христос давал пить Кровь Свою ученикам. Однако же там все было драгоценно, все возбуждало благоговение, потому что все исполнено было Духа. Хочешь ли почтить Тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа на-

гим. И что пользы, если здесь почтишь Его шелковыми покровами, а вне храма оставишь терпеть и холод, и наготу? Изрекший: *сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26), и утвердивший это словом, сказал также: вы видели Меня алчущего и не напитали; и далее: *так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне* (Мф. 25, 45). Для этого таинственного Тела нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть нищие, имеют великую нужду в нашем попечении. Научимся быть любомудрыми и почитать Христа, как Сам Он того хочет (1).

* * *

Апостол Павел, обличая коринфян, что они оставляют бедных голодными, когда сами приобщаются Святых Таин, стараясь пристыдить их и сделать кроткими, обращает речь к важнейшему предмету: *ибо я*, говорит, *от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание* (1 Кор. 11, 23–24)... Господь твой, говорит, удостоил всех одной и той же Трапезы, и притом самой страшной и много превосходящей достоинство всех, а ты считаешь других недостойными твоей трапезы, маловажной и незначительной, и тогда как они не получают от тебя ничего из благ духовных, отнимаешь у них и телесные, хотя и они не твои... Для чего он напоминает нам об этом времени, об этой Вечери и предательстве? Не просто и не без причины, но дабы сильнее тронуть и самым временем. Ибо всякий, хотя бы кто был даже камнем, представив, как в эту ночь Господь скорбел с учениками, как был предан, связан, веден и осужден, как терпел все прочее, сделается мягче воска, отрешится от земли и всей здешней суеты. Для того апостол и напоминает нам обо всем этом, пристыжает нас... и говорит: Господь твой предал Себя Самого за тебя, а ты не хочешь уделить и хлеба брату для самого же себя?

Но почему Павел говорит, что он принял это от Господа, между тем как сам не был вместе с Ним, а находился тогда в числе Его гонителей? Дабы ты уразумел,

что та Вечеря не заключала в себе ничего большего в сравнении с последующими, ибо и ныне тот же Господь все совершает и преподает, как и тогда... Если ты приступаешь [к Причащению] для благодарения, не посрамляй брата своего, не презирай алчущего, не упивайся, не оскорбляй Церкви. Ты приступаешь, чтобы благодарить за те блага, которые получил: воздавай же и со своей стороны и не отделяйся от ближнего... Как Христос, сказав о хлебе и о чаше: *сие творите в Мое воспоминание*, открыл нам причину установления Таинства, а между прочим внушил, что эта причина достаточна для возбуждения в нас благоговения, — ибо когда ты представишь, что потерпел для тебя Господь твой, то сделаешься любомудреннее, — так и Павел говорит здесь: *всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете*. Такова эта Вечеря! Далее внушает, что она пребудет до скончания века словами: *доколе Он придет. Кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней* (1 Кор. 11, 26–27). Почему? Потому что проливает Кровь и производит заклание, а не жертву приносит. Как тогда пронзившие Господа пронзали не для того, чтобы пить, но чтобы пролить Кровь Его, так поступает и тот, кто приобщается недостойно и не получает никакой пользы... И подлинно, не недостойно ли приступает тот, кто презирает алчущего и кроме того, что презирает, еще посрамляет его?..

Приобщившись такой Трапезы, тебе следовало бы сделаться смиреннее всех и уподобиться Ангелам, а ты сделался жестокосерднее всех: ты вкусил Крови Господней и не признаешь своего брата. Достоин ли ты прощения?

Все мы, которые здесь приступаем к священной Трапезе вместе с бедными, а, выйдя отсюда, не хотим и смотреть на них, но, предаваясь сами пьянству, алчущих оставляем без внимания... Когда же, скажешь, это делается? Всегда, особенно же в праздники, когда особенно следовало бы не делать этого. Тогда-то, после Причащения, тотчас и начинается пьянство и пренебрежение бедных, тогда-то, после принятия Крови Господней, когда тебе следовало бы соблюдать пост и воздержание, ты и предаешься пьянству и бесчинию. Скушав

за обедом что-нибудь приятное, ты остерегаешься, чтобы другим дурным кушаньем не испортить прежнего, а приняв Духа, предаешься сатанинским удовольствиям. Вспомни, что делали апостолы, причастившись священной Вечери. Не к молитвам ли и песнопениям обратились они, не к священному ли бдению, не к учению ли продолжительному и исполненному великого любомудрия? Ибо великие и дивные тайны Господь преподал и объяснил им тогда, когда Иуда пошел призвать будущих Его распинателей. Также и три тысячи верующих, сподобившись Причащения, не пребывали ли постоянно в молитвах и учении, а не в пьянстве и бесчинии? А ты, если прежде Причащения постишься, чтобы сколько-нибудь оказаться достойным Причащения, то после Причащения, когда надлежало бы усилить воздержание, погубляешь все. Но не одно и то же поститься прежде или после; до́лжно быть воздержным и в то и в другое время, но особенно после принятия Жениха: прежде — для того, чтобы сделаться достойным принятия, а после — для того, чтобы не оказаться недостойным полученных даров. Неужели же, скажешь, должно поститься после Причащения? Я не говорю этого и не принуждаю. Хорошо делать и так, но я не требую этого, а увещеваю не предаваться безмерному пресыщению. Ибо если вообще никогда не должно пресыщаться, как внушает Павел в словах: *сластолюбивая заживо умерла* (1 Тим. 5, 6), то тем более угрожает смерть пресыщающимся после Причащения. Если для жены пресыщение есть смерть, то тем более для мужа, если оно пагубно во всякое время, то тем более после Причащения Таин. А ты, приняв Хлеб жизни, совершаешь дела смерти и не трепещешь? Или не знаешь, сколько зол происходит от пресыщения? Неуместный смех, непристойные речи, пагубные шутки, бесполезное пустословие и многое другое, о чем и говорить неприлично. Все это делаешь ты после того, как причастился Трапезы Христовой, в тот самый день, в который удостоился прикоснуться языком своим к плоти Его. Поэтому, дабы этого не было, пусть каждый соблюдает в чистоте руку свою, язык и уста, которые послужили преддверием при вшествии Христа, и, предложив свою чувственную трапезу, обращает

мысли свои к той духовной трапезе, к Вечери Господней, к бдению учеников в ту священную ночь... Непрестанно следует молиться, а не пьянствовать, особенно же в праздник. Праздник не для того, чтобы нам бесчинствовать и умножать грехи свои, но чтобы очистить и те, какие есть у нас. Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить (1).

* * *

Ныне многие из верующих дошли до такого безумия и пренебрежения, что, преисполняясь множеством грехов и нисколько не заботясь о себе, нерадиво и как случится приступают в праздники к этой Трапезе, а того не знают, что время приобщения определяется не праздником и торжеством, но чистой совестью и безукоризненной жизнью. Как человеку, не сознающему за собой ничего худого, можно приобщаться каждый день, так, напротив, погрязшему во грехах и нераскаявшемуся не безопасно приступать к этой трапезе и в праздник. То, что мы приступаем лишь однажды в год, не освобождает нас от вины, если приступаем недостойно, напротив, то самое и служит к большему осуждению, что мы, и приступая однажды в год, не приступаем чистыми. Поэтому увещеваю всех вас приступать к Божественным Таинствам не по поводу праздника только, но если вы пожелаете приобщиться этого святого приношения, то за несколько дней должны очищать себя покаянием, молитвой, милостыней и занятием духовными предметами и не возвращаться назад, как *пес на свою блевотину* (2 Пет. 2, 22). Не странно ли, что о телесных вещах прилагают такое попечение: за несколько дней до наступления праздника вынимают из сундуков самое лучшее платье и приводят его в порядок, покупают обувь, делают обильнейшие запасы для стола, придумывают множество всяких приготовлений и всячески убирают и украшают самих себя, а о душе, оставленной в пренебрежении, неочищенной, оскверненной, томящейся голодом и остающейся нечистой, нисколько не заботятся, тело приводят сюда украшенным, а душу оставляют обнаженной и безобразной? Между тем тело твое видит подобный тебе раб, и тебе не будет никакого вреда, как бы оно ни

было одето, а душу видит Господь и за нерадение о ней подвергает величайшему наказанию. Разве вы не знаете, что эта Трапеза исполнена духовного огня, и как источники изобилуют естественной водой, так и она содержит в себе невыразимый пламень? Приступай же к ней не с соломой, деревом и сеном, чтобы тебе не усилить этого пламени и не сжечь приобщающейся души, но приступай с драгоценными камнями, золотом и серебром (1 Кор. 2, 22), чтобы и это вещество сделать более чистым, и выйти отсюда с великой прибылью. Если есть что-нибудь худое в душе твоей, извергни, изгони это вон из нее. Врага ли кто имеет и потерпел великие обиды? Пусть он прекратит вражду, пусть усмирит воспламененную и раздраженную душу, чтобы внутри не оставалось никакого волнения и смятения. Через приобщение ты примешь в себя Царя, а когда Царь входит в душу, тогда в ней должна быть великая тишина, великое спокойствие, глубокий мир помыслов (2).

* * *

Послушайте, что говорит Павел, обличая тех, которые недостойно приобщаются к Таинствам. Сказав, что ядущий и пиющий недостойно Тело и Кровь Господа, *виновен будет против Тела и Крови Господней*, он тотчас присовокупил: *оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром* (1 Кор. 11, 27, 30–32). Видишь, как здешнее наказание избавляет нас от тамошнего мучения (3)?

* * *

Укоряя тех, которые недостойно приобщались Таин, он [Павел] так говорил: *кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней* (1 Кор. 11, 27). А этим говорит он следующее: как распявшие Иисуса, так и недостойно приобщающиеся Таин понесут наказание. Пусть никто не осудит это слово за преувеличение. Тело Господне есть царская одежда, а разорвавший царскую багряницу и замаравший ее нечистыми руками одинаково оскорбляют — поэтому одинаково и

наказываются. Так бывает и в отношении к Телу Христову. Иудеи растерзали Его гвоздями на кресте, а ты, живя во грехах, — нечистым языком и мыслью. Поэтому и одинаковым наказанием пригрозил тебе Павел и дальше говорит: *оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает* (1 Кор. 11, 30) (5).

ПРИШЕСТВИЕ ВТОРОЕ

Христос опять придет и потребует отчета от рода человеческого, между прочим, и от иудеев. Об этом, посмотри, как предсказывают Давид и Малахия, последний говорит: *вот Он идет, говорит Господь Саваоф, и кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит сынов Левия и переплавит их, как золото и как серебро* (Мал. 3, 1–3), согласно со словами Павла, который пишет так: *день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает* (1 Кор. 3, 13). И Давид словами: *Бог явно придет* (Пс. 49, 3), указывает также на второе пришествие Его. Первое пришествие Христа было весьма смиренное, но не таково будет второе. Страх и ужас будут сопутствовать ему, Ангелы — предшествовать, и само явление будет озарять все подобно молнии: *как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого* (Мф. 24, 27), — говорит Господь, выражая этим блеск, возвещающий сам о себе, так как он не нуждается в провозвестнике, но являет сам себя. Тоже и Давид выражает словами: *Бог явно придет*. Потом, изображая будущий суд, пророк присовокупляет: *огонь пред Ним возгорится и вокруг его сильная буря*. Сказав о наказаниях, он изображает и торжественность суда: *Он призовет небо свыше и землю рассудить народ Свой* (Пс. 49, 4), разумея под землей род человеческий (2).

ПРОМЫСЕЛ БОЖИЙ

Язва, занесенная нечестивцами, угрожает истребить во многих даже само понятие о Промысле Божием, так она распространяется, возрастает, стремится овладеть всем, перевернула все вверх

дном и наконец восстает против самого Неба, вооружая языки людей уже не против подобных им рабов, но и против Самого Господа Вседержителя. Откуда, скажи мне, так много речей о судьбе? Отчего многие приписывают все происходящее неразумному течению звезд? Почему некоторые предпочитают счастье и случай? Отчего думают, что все делается без причины и без цели?.. Никто не соблазняется тем, что такой-то любомудрствует и презирает настоящее, но тем, что такой-то богатеет, роскошествует, предан корыстолюбию и хищничеству, что он при своей злобе и бесчисленных пороках блистает и благоденствует. На это ропщут и жалуются неверующие в Бога, этим многие соблазняются, тогда как по поводу живущих скромно не только не скажут ни одного такого слова, но и стали бы осуждать самих себя, если бы склонялись роптать на Промысел Божий. Если бы все или хотя бы большая часть людей захотели так жить, то никто и не подумал бы о подобных речах, и не возникло бы главнейшего из этих зол — исследования о том, откуда зло. Если бы зло не существовало и не обнаруживалось, то кто стал бы отыскивать причину зла и этим изысканием производить бесчисленные ереси? Так и Маркион, и Манес, и Валентин, и большая часть язычников отсюда получили начало. Но если бы все любомудрствовали, то не было бы такого изыскания, напротив, если не из чего другого, то из этого наилучшего образа жизни все узнали бы, что мы живем под властью Царя — Бога — и что Он распоряжается и управляет нашими делами по Своей премудрости и разуму. Это, конечно, совершается и теперь, но не легко усматривается вследствие великой мглы, которая распространилась по всей вселенной, а если бы этого не было, то Промысел Божий открылся бы перед всеми, как в светлый полдень и в ясную погоду (2).

ПРОСТОТА

Кто не изумится, кто не подивится человеку, простому нравом? Или кто не привяжется к тому, в ком нет ничего коварного? Кому другому, как не им, принадлежит спасение? Кому, как не им, — великие блага? Не пастухи ли первые услышали Евангелие? Не Иосиф ли, этот простой человек, — подозрение

в прелюбодеянии не устрашило его и не побудило сделать какое-либо зло? Не простых ли поселян избрал Господь в апостолы?.. Так, скажешь, но надобно и благоразумие. Да что же такое и простота как не благоразумие? Когда не подозреваешь ничего злого, тогда не можешь и замышлять зла. Когда ничем не огорчаешься, тогда не можешь быть и злопамятным. Обидел ли кто тебя? Ты не опечалился. Оклеветал ли? Ты ничего не потерпел. Позавидовал ли тебе? И от этого ты нисколько не пострадал. Простота есть некоторый путь к любомудрию. Никто так не прекрасен душой, как человек простой. Как по отношению к телу человек печальный, унылый и угрюмый, хотя бы он был и красив собой, теряет много красоты, а беззаботный и кротко улыбающийся увеличивает красоту, так точно и по отношению к душе. Угрюмый, хотя бы имел тысячи добрых дел, отнимает у них всю красоту, а открытый и простой — напротив. С таким человеком и сдружиться безопасно и, если он сделается врагом, неопасно примириться. Не нужны для такого человека ни стражи и караулы, ни узы и оковы. Он и сам будет пользоваться великим спокойствием, и все, живущие с ним. Что же, скажешь, если такой человек попадет в общество злых людей? Бог, повелевший нам быть простыми, прострет ему руку. Кто проще Давида? Кто лукавее Саула? А между тем, кто остался победителем?.. Таким образом, если простой человек и получит рану, то получит не от себя, а от другого, лукавый же наносит удар прежде всего себе и больше никому, так что он враг самому себе (1).

ПРОЩЕНИЕ ОБИД

Мы должны прощать другим не словами только, но от чистого сердца, чтобы не обратить против самих себя меча своим памятозлобием. Ибо оскорбивший тебя не причинит тебе зла столько, сколько ты сам себе причинишь, питая в себе гнев и подвергаясь за то осуждению от Бога. Но если ты не будешь унывать, а поступишь благоразумно, то зло обратится на главу его самого и он жестоко пострадает. Если же ты будешь оскорбляться и негодовать, то сам пострадаешь, и притом не от

него, но от самого себя. Итак, не говори, что другой оскорбил тебя, и оклеветал, и причинил большое зло, ибо чем больше будешь говорить, тем больше обнаружишь его благодеяний, потому что он доставляет тебе случай освободиться от грехов, так что по мере нанесения тебе обиды становится причиной очищения грехов твоих... Итак, обрати внимание на пользу, какую ты можешь получить, перенося безропотно обиды от врагов: первая и важнейшая — отпущение грехов, вторая — терпение и великодушие, третья — кротость и человеколюбие: ибо тот, кто не гневается на оскорбляющих его, бывает очень приятен любящим его; четвертая — совершенное истребление гнева... Не испытавший в себе вражды, не испытывает и печали, но наслаждается радостью и другими бесчисленными благами... Ты обижен ближним — будь снисходителен к нему, не питай ненависти. Плачь и рыдай, а не презирай его, ибо не ты прогневал Бога, но он, а ты, перенеся обиду, поступишь добродетельно... Чем более нас обижают, тем более мы должны оплакивать обидевших нас, ибо для нас от этого происходит великое благо, для них же, напротив, великое зло (1).

* * *

Господь сказал: *если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 14). Не будем же думать, будто мы, прощая ближнему, ему оказываем благодеяние или великую милость, нет, мы сами тогда получаем благодеяние, сами для себя извлекаем отсюда великую пользу. Равным образом, если мы не простим ближним, то через это им нисколько не сделаем вреда, а себе приготовим невыносимую геенскую муку. Поэтому прошу, зная это, не будем никогда злопамятствовать и питать вражду к тем, кто сделал нам неприятность или другую какую-нибудь обиду, но, представляя себе, какое благодеяние и дерзновение перед Господом они доставляют нам, а больше всего то, что примирение с оскорбившими нас заглаждает наши грехи, поспешим и не замедлим [примириться с врагами] и, размышляя о происходящей от этого пользе, покажем такое

благорасположении к врагам, как если бы они были истинными нашими благодетелями (1).

* * *

[Петр] говорит: *сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?*.. Послушай, что говорит Христос, когда Петр сказал: *до семи ли раз*, и подумал о себе, будто показал великое усердие и щедрость: *не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз* (Мф. 18, 21–22)... И не подумай, возлюбленный, что эта заповедь тяжела. Если ты простишь согрешившему в день раз, и другой, и третий, то оскорбитель твой, хотя бы был совсем каменный, хотя бы был свирепее самих демонов, не будет столько бесчувствен, чтобы опять впасть в тот же грех, но, образумленный многократным прощением, сделается лучше и скромнее. Да и ты, если будешь в состоянии столько раз оставить без внимания сделанные против тебя грехи, приобретя навык от одного, другого и третьего прощения, не почувствуешь уже труда от такого любомудрия: часто прощая, приучишься не поражаться грехами ближнего [против тебя] (6).

ПУТИ К БОГУ

Бог устроил много путей для того, чтобы обилием их сделать для нас восхождение к Нему легким. Одни из людей сияют девством, другие прославляются брачной жизнью, иные украшаются вдовством; одни отвергли все, другие — половину; те восходят праведной жизнью, эти — покаянием. Для того Бог и устроил так много путей, чтобы тебе удобно было идти. Ты не мог после бани крещения сохранить себя чистым? Можешь очистить себя покаянием, можешь богатством, милостыней. У тебя нет богатства? Можешь призреть больного, посетить заключенного, подать чашу холодной воды, принять странника под кров свой, пожертвовать две лепты, как вдовица, и плакать с плачущими, и это — милостыня. Но ты не имеешь ничего, совершенно беден, слаб телом и даже ходить не можешь? Переноси все это с благодарностью — и получишь великую награду (1).

* * *

Так как Господь наш знал, что если бы Он указал один путь, то многие были бы нерадивыми, то Он и указал разные пути. Ты не можешь идти путем девства? Иди путем единобрачия. Не можешь через единобрачие? Иди по крайней мере через второй брак. Не можешь идти путем целомудрия? Иди путем милосердия. Не можешь идти путем милосердия? Иди путем поста. Не можешь тем? Иди этим. Не можешь этим? Иди тем (7).

ПЬЯНСТВО

Что неприятнее, что гнуснее тех людей, которые, пив вино до полуночи, под утро, при восхождении солнца, испускают такой запах, как будто бы они теперь только нагрузились вином? Они кажутся и неприятными встречающимся, и презренными в глазах рабов, и смешными для всех сколько-нибудь знающих приличие, а что всего важнее, таким невоздержанием и безвременной и гибельной неумеренностью навлекают на себя гнев Божий. Ибо *пьяницы*, сказано, *Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 10). Что же может быть жальче этих людей, которые за краткое и гибельное удовольствие извергаются из преддверий Царствия (1)?

* * *

Ничто так не любезно демону, как роскошь и пьянство — источники и мать всех зол. Этим-то диавол ввергнул некогда израильтян в идолопоклонство, этим-то возжег содомлян на беззаконные похоти!.. Это же самое и многих других погубило и предало геенне... Что отвратительнее женщины пьяной, качающейся туда и сюда? Чем немощнее сосуд, тем жесточе сокрушение. Свободная ли то будет жена или раба, свободная бесчестит себя среди рабов, но и раба то же делает среди рабов, а таким образом делают то, что дары Божии хулятся несмысленными. И слышу, что, когда встречаются такие случаи, говорят: когда бы не было вина! О глупость, о безумие! Другие грешат, а мы презираем дар Божий. Что за сумасбродство? Ужели вино, о человек, причиной такого зла? Нет, не вино, а невоздержание

тех, которые злоупотребляют вином. Итак, лучше скажи: о, если бы не было пьянства!.. А если скажем: лучше бы не было вина, то можно и далее сказать: о, если бы не было железа, потому что есть человекоубийцы! Хорошо, если бы не было ночи, потому что есть воры; лучше, если бы не было света, потому что есть клеветники; лучше бы не было жен, потому что есть блудницы! Таким образом ты все наконец захочешь истребить.

Но ты не поступай так, ибо это сатанинский дух. Не презирай вина, но презирай пьянство. Когда пьяный придет в чувство, опиши ему все его безобразие. Скажи ему: вино дано для увеселения, а не для того, чтобы безобразить себя; дано для того, чтобы быть веселым, а не для того, чтобы быть посмешищем; дано для подкрепления здоровья, а не для расстройства, для уврачевания немощей телесных, а не для ослабления духа. Бог тебя почтил этим даром, для чего же ты неумеренным употреблением этого дара бесчестишь себя? Послушай, что говорит апостол Павел: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). Если и святой, одержимый болезнью и частыми недугами, не употреблял вина, пока не повелел ему Учитель, какого же мы достойны будем осуждения, когда мы, здоровые, упиваемся? Ему сказано: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов*. А из вас каждому упивающемуся скажет апостол: употребляй меньше вина, потому что от пьянства рождается блудодеяние. Если же потому не хотите воздерживаться от пьянства, то по крайней мере воздерживайтесь потому, что оно возбуждает гнусные похоти. Вино дано для веселья, ибо сказано: вино веселит сердце человека; а вы и это доброе его свойство порочите. Ибо что за радость быть не в себе, мучиться множеством болезней, видеть все кружащимся и все во мраке, подобно находящимся в горячке, иметь нужду в том, чтобы кто-нибудь намазал голову елеем? Я говорю не о всех, но для всех. Я не потому говорю, что все пьют, но потому, что непьющие не заботятся о пьющих. Потому я к вам особенно обращаюсь — к вам, находящиеся в здоровом состоянии! Ибо и врач,

оставляя больных, беседует с теми, которые сидят около них. Итак, к вам я простираю слово, умоляю вас, не заражайтесь этой болезнью, а тех, кто уже заразились, исхищайте из беды, дабы не было между вами людей, которые хуже бессловесных. Ибо скоты не требуют ничего более того, что нужно, а эти [пьяницы] становятся бессмысленнее тех [скотов], преступая границы умеренности. И подлинно, не гораздо ли лучше таких людей осел? Не гораздо ли лучше пес? Каждое из этих животных и все прочие вообще, едят ли, пьют ли, знают пределы довольства и не простираются далее нужды. И хотя бы тысячи человек принуждали их, никогда не дадут себе дойти до неумеренности. Итак, вы хуже бессловесных и в этом отношении. И что вы сами о себе думаете хуже, нежели о свиньях и ослах, это видно из того, что этих животных не заставляете есть сверх меры. Почему это так? Ты скажешь, чтобы не нанести им вреда. А о себе ты и этой предусмотрительности не употребляешь. Итак, ты думаешь о себе хуже, нежели о скотах, и, всегда обуреваемый, не радишь о себе. И не только в тот день, когда ты пьян, страдаешь от пьянства, но и после того дня. Как и по прошествии горячки остаются еще следы пагубного влияния ее, так и у тебя и по прошествии хмеля и в душе, и в теле свирепствует буря. Бедное тело лежит расслабленно, как корабль, разбитый бурей, а того беднее душа, ибо и в расслабленном теле воздымает бурю и возжигает похоть. Когда же, по-видимому, [пьяница] приходит в здравый смысл, тогда-то особенно безумствует, воображая вино, бутылки, стаканы, чаши. Как по укрощении волнения во время бури остаются следы разрушительного действия ее, так и здесь. Как там товары, так здесь почти все доброе выбрасывается. Целомудрие ли стяжал кто-либо, стыдливость ли, кротость ли, смирение ли, — все это пьянство повергает в море нечестия. А что еще после этого делает пьянство, того нельзя ни с чем сравнить. Ибо там, по выгружении, корабль делается легче, а здесь — новое отягощение. Ибо вместо того богатства нагружается песком, соленой водой и всякой дрянью, отчего корабль и с пловцами, и с кормчим тотчас погибает. Итак, дабы не

потерпеть нам того же, устранимся от этой бури. Нельзя пьянице видеть Царствия Небесного. *Не обманывайтесь...* — говорит апостол, — *ни пьяницы... ни хищники — Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 10). И что я говорю — Царствия Небесного? Пьяный не видит и настоящих предметов, ибо пьянство дни превращает для нас в ночи, свет — в тьму; пьяный, смотря во все глаза, не видит и того, что у него под ногами. И не это только зло рождается от пьянства, но и после пьянства подвергаются другой жесточайшей казни: безумному унынию, неистовству, расслаблению, насмешкам, поношениям. Какого же помилования ждать тем, кто убивает себя такими бедствиями? Совершенно никакого. Итак, потщимся избегнуть этого недуга, чтобы получить нам настоящие и будущие блага (1).

* * *

Все мы, которые здесь приступаем к Священной Трапезе вместе с бедными, а, выйдя отсюда, не хотим и смотреть на них, но, предаваясь сами пьянству, алчущих оставляем без внимания... Когда же, скажешь, это делается? Всегда, особенно же в праздники, когда особенно следовало бы не делать этого. Тогда-то, после Причащения, тотчас и начинается пьянство и пренебрежение бедных, тогда-то, после принятия Крови Господней, когда тебе следовало бы соблюдать пост и воздержание, ты и предаешься пьянству и бесчинию. Скушав за обедом что-нибудь приятное, ты остерегаешься, чтобы другим дурным кушаньем не испортить прежнего, а приняв Духа, предаешься сатанинским удовольствиям. Вспомни, что делали апостолы, причастившись священной Вечери. Не к молитвам ли и песнопениям обратились они, не к священному ли бдению, не к учению ли продолжительному и исполненному великого любомудрия? Ибо великие и дивные тайны Господь преподал и объяснил им тогда, когда Иуда пошел призвать будущих Его распинателей. Также и три тысячи верующих, сподобившись Причащения, не пребывали ли постоянно в молитвах и учении, а не в пьянстве и бесчинии? А ты, если прежде Причащения постишься, чтобы сколько-нибудь оказаться

достойным Причащения, то после Причащения, когда надлежало бы усилить воздержание, погубляешь все. Но не одно и то же поститься прежде или после; до́лжно быть воздержным и в то и в другое время, но особенно после принятия Жениха: прежде — для того, чтобы сделаться достойным принятия, а после — для того, чтобы не оказаться недостойным полученных даров (1).

* * *

Непрестанно следует молиться, а не пьянствовать, особенно же в праздник. Праздник не для того, чтобы нам бесчинствовать и умножать грехи свои, но чтобы очистить и те, какие есть у нас. Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить (1).

* * *

Хочешь стать далеко от пьянства? Избегай увеселений и роскошных столов и с корнем вырви этот порок (1).

* * *

Не вино худо, но его злоупотребление. А что не от вина происходят гибельные пороки, но от развращенной воли, и что происходящую от вина пользу уничтожает неумеренность, это показывает тебе Писание, когда говорит о начале употребления вина уже после потопа, чтобы ты знал, что природа человеческая еще прежде употребления вина дошла до крайнего развращения и совершила великое множество грехов, когда еще и вино не было известно. Итак, видя употребление вина, не вину приписывай все зло, но воле, развращенной и уклонившейся к нечестию. С другой стороны, помысли и о том, какое употребление сделало полезным вино и вострепещи. При его помощи совершается благодатное Таинство нашего спасения.

Не вино, а пьянство дурное дело. Оно может притупить чувства и помрачить разум. Человека разумного и получившего владычество над всем оно делает как бы мертвым и бездейственным и заставляет лежать, как бы связанного какими-то неразрешимыми узами, или, лучше сказать, делает его хуже мертвого. Ибо этот бывает равно бездействен и по отношению к добру, и по отношению ко злу, а тот

по отношению к добру бездействен, но по отношению ко злу более прежнего деятелен и становится предметом посмеяния для всех: для жены, для детей и для рабов. Друзья, видя унижение его, закрываются и стыдятся, а враги радуются, смеются и ругаются над ним, как бы так говоря: неужели такой человек достоин жизни? Неужели он может дышать воздухом? Называют его скотиной, нечистым животным и другими еще презреннейшими именами... Предающиеся пьянству никогда не чувствуют сытости, но чем более вливают в себя вина, тем более разжигаются жаждой, так что употребление вина служит для них к увеличению жажды, но жажда, сделавшись неутолимой, повергает в самую бездну опьянения этих пленников пьянства. Пьянство есть произвольный демон, который хуже настоящего демона помрачает ум и отнимает у одержимого им всякую скромность. Видя бесноватого, мы часто жалеем о нем, соболезнуем и обнаруживаем к нему глубокое сострадание, но при виде пьяного поступаем напротив: негодуем, сердимся, произносим тысячу укоризн. Почему и для чего? Потому что одержимый злым демоном, что ни делает, делает невольно: бьется ли он, разрывает ли одежду, или произносит какие-либо срамные слова, — все это ему прощается, но пьяный, что ни сделает, ни в чем не будет прощен. Напротив, и домашние, и друзья, и соседи, и все строго осудят его, потому что он сам по своей воле дошел до этого несчастного положения, сам предал себя во власть пьянству (1).

* * *

Радость бывает не от пьянства, но от духовной молитвы, не от вина, но от назидательного слова. Вино производит бурю, а слово — тишину, вино причиняет шум, а слово прекращает смятение, вино помрачает ум, а слово просвещает и помраченного, вино вселяет скорби, которых не было, а слово отгоняет и те, которые были... Христианину свойственно праздновать не в известные месяцы, не в первый день месяца, не в воскресные дни, но всю жизнь проводить в приличном ему праздновании. Какое же прилично ему празднование? Об этом послушаем Павла,

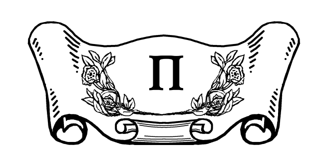
который говорит: *посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины* (1 Кор. 5, 8) (2).

* * *

Вы обратили ночь в день посредством священных всенощных бдений, не обращайте же опять дня в ночь посредством пьянства и невоздержания и блудных песен. Ты почтил мучеников своим прибытием, слушанием, усердием, почти же их и пристойным возвращением домой, чтобы кто-нибудь, увидев тебя бесчинствующим в месте пьянства, не сказал, что ты приходил не ради мучеников, а чтобы усилить свою страсть, чтобы удовлетворить порочной похоти. Говорю это, не препятствуя веселиться, но препятствуя грешить, не препятствуя пить, а препятствуя пьянствовать. Не вино худо, но неумеренность порочна; вино есть дар Божий, а неумеренность — изобретение диавола. Итак, *служите Господу со страхом и радуйтесь пред Ним с трепетом* (Пс. 2, 11).

Ты хочешь насладиться весельем? Наслаждайся дома, где, если и произойдет опьянение, много прикрывающих, а не в месте пьянства, чтобы тебе не быть общим зрелищем для присутствующих и соблазном для других. Говорю это, не приказывая дома пьянствовать, но не проводить время в местах пьянства. Представь, как смешно, после такого собрания, после всенощных бдений, после слушания Священного Писания, после приобщения Божественных Таин и после духовного ликования мужу или жене являться в месте пьянства и проводить там целые дни. Разве вы не знаете, какое положено наказание пьянствующим? Они извергнутся из Царства Божии, лишатся неизреченных благ и будут посланы в вечный огонь. Кто говорит это? Блаженный Павел: *ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 10). Что может быть несчастнее пьяницы, когда он за малое удовольствие лишится наслаждения таким Царством? Лучше сказать: даже и удовольствием не может воспользоваться пьяница, потому что удовольствие —

в умеренности, а в неумеренности — бесчувственность. Кто не чувствует, где он сидит или лежит, тот как может чувствовать удовольствие от питья? Кто самого солнца не может видеть от густого облака опьянения, тот как может наслаждаться радостью? Мрак его таков, что и лучи солнечные не в состоянии разогнать у него эту тьму. Всегда, возлюбленные, пьянство — зло, но особенно в день мучеников. Здесь вместе с грехом есть и величайшее оскорбление, и глупость, и унижение божественных вещаний, поэтому может быть и двойное наказание (5).

РАДОСТЬ

Что радость не менее пагубна, чем печаль, это очевидно из ее действия на душу. Радость делает душу легкомысленной, надменной и непостоянной. Это можно видеть на древних мужах. Когда, например, Давид был добр: тогда ли, когда радовался, или когда был в тесных обстоятельствах? Иудейский народ когда был добродетелен: тогда ли, когда стенал и призывал Бога, или когда в пустыне радовался и поклонялся тельцу? Потому-то Соломон, знавший лучше всех, что такое радость, говорит: *лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира* (Еккл. 7, 2). И Христос скорбящих ублажает, говоря: *блаженны плачущие* (Мф. 5, 4), а радующихся называет бедными: *горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете* (Лк. 6, 25). И весьма справедливо. Ибо душа во время забав бывает слабее и изнеженнее, а во время плача укрепляется, делается целомудренной, освобождается от всех страстей, становится возвышеннее и мужественнее (1).

* * *

Причины радости лежат не в неизменных законах природы, которых уничтожить и переменить для нас невозможно, а в свободных размышлениях нашей воли, управлять которыми для нас легко... В самом деле, причина радости обыкновенно лежит не столько в природе обстоятельств, сколько в разуме людей. Если же это так, если многие, изобилуя богатством, считают жизнь невыносимой, а другие, живя в крайней бедности, всегда остаются радостнее всех, если люди, пользующиеся охранной стражей и славой и честью, часто призывают проклятие на свою жизнь, а незнатные и рожденные от незнатных и никому не известные считают себя счастливее многих, — потому что не столько в природе обстоятельств, сколько в разуме

людей лежит причина радости, — не падай духом... (7)

РАЗВОД

А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, — если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, — и мужу не оставлять жены своей (1 Кор. 7, 10–11). А что, если муж будет кроток, жена же своенравна, злоречива, болтлива, расточительна, — это общий всех их недуг, — и преисполнена многих других дурных качеств? Как он, несчастный, будет переносить такую каждодневную неприятность, гордость, бесстыдство? Что, если наоборот, она будет скромна и тиха, а он дерзок, подозрителен, гневлив, весьма надменен богатством или властью, будет обращаться с ней, свободной, как с рабой и будет расположен к ней нисколько не лучше, чем к служанкам? Как она перенесет такое унижение и притеснение? Что, если он постоянно отворачивается от нее и делает это непрестанно? Терпи, говорит [апостол] все это рабство; ибо только тогда ты будешь свободна, когда он умрет, а при жизни его необходимо одно из двух, — или весьма тщательно вразумлять его и исправлять или, если это невозможно, мужественно переносить непрестанную и непримиримую вражду. Выше он говорил: *не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию*; а здесь разведенной повелевает воздерживаться, хотя уже по неволе: *должна,* говорит, *оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим.* Видишь, как она находится между двух бед? Она должна или терпеть насилие от похоти, или, если этого не хочет, угождать своему обидчику и быть готовой на все, чего бы он ни захотел, наносить ли побои, или осыпать злословиями, или подвергать презрению и прочее тому подобное, так как мужьями придумано много средств, когда они захотят наказать своих жен. Если же она не потерпит этого, то должна пребывать в бесплодном воздержании; бесплодном, говорю, потому что к нему не относится данное обетование, так как оно происходит не от стремления к святости, а от гнева на мужа. *Должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим.* А что, скажешь, если он не захочет

помириться? У тебя есть другая возможность избавиться и освободиться. Какая же? Ожидай его смерти. Как девственнице никогда не позволительно вступать в брак, потому что Жених ее всегда жив и бессмертен, так и вступившей в брак тогда только можно [получить свободу], когда умрет ее муж. Если бы и при жизни его можно было ей переходить от него к другому, и от этого опять к иному, то для чего и браки, когда мужья стали бы безразлично пользоваться женами друг друга и все просто смешивались бы со всеми? Не исчезло ли бы и взаимное расположение, если бы сегодня один, завтра другой, а потом третий стал жить с женой кого-либо из сожителей? Справедливо Господь назвал это прелюбодеянием.

Для чего же Он позволил это иудеям? Для того, чтобы они не враждовали друг с другом, чтобы родственной кровью не наполняли своих жилищ. Что лучше было, скажи мне, для сделавшейся ненавистной — быть ли изгнанной вон, или быть убитой внутри дома? А последнее они сделали бы, если бы им не дозволено было изгонять. Поэтому [Господь] и говорит: если возненавидишь — отпусти (Втор. 24, 1–3). Когда же Он беседует с кроткими и такими, которым не позволяет даже гневаться, то говорит: *если же разведется, то должна оставаться безбрачною* (1 Кор. 7, 11) (2).

* * *

Жена, говорит он [апостол Павел], *связана законом.* Итак, она не должна отделяться от живого мужа, принимать другого супруга или вступать в другой брак. И заметь, с какой точностью он употребляет сами выражения. Не сказал: пусть живет вместе с мужем, пока он жив, но что? *Жена связана законом, доколе жив муж ее* (1 Кор. 7, 39), так что хотя бы он дал ей запись отпущения, хотя бы она оставила дом и ушла к другому, она связана законом, она и в таком случае — прелюбодейка. Поэтому если муж захочет отвергнуть жену или жена оставить мужа, то пусть вспомнит это изречение и представит Павла, который, осуждая ее, вещает: *жена связана законом.* Как беглые рабы, хотя оставляют господский дом, влекут за собой и свои цепи, так и жены, хотя бы оставили мужей, имеют вместо цепей закон,

который осуждает их, обвиняет в прелюбодеянии, осуждает и тех, которые берут их, и говорит: муж еще жив, и дело это есть прелюбодеяние. *Жена связана законом, доколе жив муж ее.* И *кто женится на разведенной, тот прелюбодействует* (Мф. 5, 32). Когда же, скажешь, можно будет ей вступить во второй брак? Когда она освободится от цепей, когда умрет муж. Объясняя это, апостол не прибавил так: когда *скончается* муж ее, она свободна выйти за кого захочет, но: *если же муж ее умрет* (χοιμηθῄ, упокоится), — как бы утешая ее во вдовстве и внушая оставаться при прежнем и не соединяться со вторым супругом. Не умер муж твой, а спит. Кто не ожидает спящего? Поэтому он и говорит: *если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет* (1 Кор. 7, 39), не сказал: пусть вступает в брак, чтобы не показалось, будто он заставляет и принуждает; он и не препятствует желающей вступить во второй брак, и не заставляет нежелающую, но сказал закон такой: *свободна выйти, за кого хочет*. Называя ее свободной после смерти мужа, он выразил, что прежде этого, при его жизни, она была рабой, а будучи рабой и подчиненной закону, хотя бы она получила тысячу раз запись отпущения, она по закону виновна в прелюбодеянии. Рабам позволительно переменять живых господ, а жене непозволительно переменять мужей при жизни мужа, потому что это — прелюбодеяние. Не указывай мне на законы, постановленные внешними, дозволяющие давать запись отпущения и разводиться. Не по этим законам будет судить тебя Бог в тот день, а по тем, которые Он сам постановил. И мирские законы дозволяют это не просто и не без ограничения, но и они наказывают за это дело, так что отсюда видно, что они неблагосклонно смотрят на этот грех, потому что виновницу развода они лишают имущества и отпускают без всего, и того, кто подает повод к разводу, наказывают денежным убытком; а они, конечно, не поступали бы так, если бы одобряли это дело (6).

* * *

Послушай следующие Его слова: *кто разводится с женой своей, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на раз-*

веденной, тот прелюбодействует (Мф. 5. 32). Для того и пришел Единородный Сын Божий, для того принял вид раба, для того пролил драгоценную кровь Свою, разрушил смерть, попрал грех, даровал обильнейшую благодать Духа, чтобы возвести тебя к высшему любомудрию. Впрочем, и Моисей постановил так закон [разрешающий развод] не без причины, но будучи вынужден снизойти к немощи тех, которым он давал закон... Поэтому и иудеям, которые спрашивали и говорили: как *Моисей заповедал давать разводное письмо*, Христос, желая показать, что Моисей не в противоречие Ему написал этот закон, говорит так: *Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так*, но *Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их* (Мф. 19, 4–9). Если бы это было хорошо, говорит, то Бог не сотворил бы одного мужа и одну жену, но, сотворив одного Адама, сотворил бы двух жен, если бы хотел, чтобы можно было одну отвергнуть, а другую принять. А здесь самим способом сотворения Он постановил закон, который теперь Я предписываю. Какой же именно? Тот, чтобы ту жену, которая сначала досталась, иметь при себе постоянно: этот закон древнее того настолько, насколько Адам древнее Моисея. Таким образом, Я теперь не ввожу нового закона и не предлагаю странного учения, но такое, которое старее и древнее Моисея...

Будем же повиноваться такому прекрасному закону и хранить себя от всякого стыда, не будем ни отвергать своих жен, ни принимать отвергнутых другими. С каким лицом ты будешь смотреть на мужа этой жены, какими глазами — на его друзей и слуг? Если по смерти супруга взявший его жену, увидев потом перед собой одно только изображение его, испытывает тяжелое и неприятное чувство, то видящий живого мужа своей сожительницы какую будет вести жизнь? Как будет входить в дом? С какими мыслями, какими глазами будет видеть в жене его свою?

Или, лучше, отпущенную никто не мог бы справедливо назвать женой ни его, ни своей, потому что прелюбодейка — ничья жена. Она и в отношении к тому нарушила условия, и к тебе пришла не согласно с законами. Каким же было бы безумием —

вводить в дом то, что исполнено таких зол? Разве есть недостаток в женщинах? Для чего же, тогда как есть много таких, которых можно брать согласно с законами и с чистой совестью, мы обращаемся к запрещенным, расстраивая дома, производя междоусобные брани, навлекая на себя везде вражду, отверзая уста бесчисленному множеству осуждающих, посрамляя собственную жизнь и, что всего тяжелее, приготовляя себе неизбежное наказание в день суда?.. Там уже нельзя сослаться на светские законы, но необходимо в молчании связанными идти в гееннский огонь вместе с прелюбодеями и осквернившими чужие браки (6).

РАЗУМ

Как птичке, попавшей в сеть, нет пользы от крыльев, и напрасно и тщетно бьет она ими, так и тебе нет пользы от разума, если ты попал под власть злой похоти. Сколько бы ни бился, ты — в плену. Для того крылья у птиц, чтобы избегали сетей. Для того у людей разум, чтобы избегали грехов... Птичка, раз пойманная в сеть и из нее улетевшая, и лань, попавшая в тенета* и потом убежавшая, нелегко попадутся в них опять, потому что опыт для той и другой бывает учителем осторожности. А мы, часто быв уловлены одним и тем же [грехом], впадаем в него же и, награжденные разумом, не подражаем предусмотрительности и осторожности бессловесных. Сколько раз, например, увидев женщину, терпели мы тысячу бед, возвращались домой с возбужденной похотью и мучились в течение многих дней. Однако не вразумляемся, но, едва уврачевали прежнюю рану, и опять впадаем в тот же [грех], уловляемся той же [похотью], и за краткое удовольствие для глаз терпим постоянную и продолжительную скорбь (7).

РАЙ

Не в настоящем только веке нам обещал Господь продолжение жизни и наслаждение видимыми благами, но и после отшествия отсюда и разрушения тел, когда наши тела обратятся в прах и пепел, обещает воскресить их и водворить в большей славе.

* Тенета — сети, ловушка. *(Примеч. ред.)*

Тленному сему, говорит блаженный Павел, *надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие* (1 Кор. 15, 53). А после воскресения тел Господь обещает даровать нам наслаждения Царствия, общение со святыми, бесконечный покой и те неизреченные блага, *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9) (1).

* * *

Представь состояние той жизни, насколько возможно представить его себе, ибо вполне изобразить ее по достоинству не в состоянии никакое слово. Но из того, что мы слышим, как бы из каких-нибудь загадок, мы можем получить некоторое неясное о ней представление. *А печаль и воздыхание,* говорит [Писание], *удалятся* (Ис. 35, 10). Что же может быть блаженнее такой жизни? Не нужно там бояться ни бедности, ни болезни, не видно ни обижающего, ни обижаемого, ни раздражающего, ни раздражаемого, ни гневающегося, ни завидующего, ни распаляемого непристойной похотью, ни заботящегося о приобретении необходимого для жизни, ни мучимого желанием власти и господства, ибо вся буря наших страстей, затихнув, прекратится, и все будет в мире, веселье и радости, все тихо и спокойно, все день, и ясность, и свет, — свет не этот нынешний, но другой, который настолько светлее этого, насколько этот блистательнее светильничного. Свет там не помрачается ни ночью, ни от сгущения облаков, не жжет и не палит тел, потому что нет там ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жара, ни другой какой перемены времен, но иное какое-то состояние, которое познают одни достойные. Нет там ни старости, ни бедствий старости, но все тленное отброшено, так как повсюду господствует слава нетленная. А что всего важнее, это — непрерывное наслаждение общением со Христом, вместе с Ангелами, с Архангелами, с горними силами. Посмотри теперь на небо и перейди мыслью к тому, что выше неба, представь преображение всей твари: она уже не останется такой, но будет гораздо прекраснее и светлее, и насколько золото блестящее олова, настолько тогдашнее устройство будет лучше настоящего, как и блаженный Павел говорит, *что*

и сама тварь освобождена будет от рабства тлению (Рим. 8, 21). Ныне она, как причастная тлению, терпит многое, что свойственно терпеть таким телам, но тогда, совлекшись всего этого, она представит нам нетленное благолепие. Так как она должна принять нетленные тела, то и сама преобразится в лучшее состояние. Нигде не будет тогда раздора и борьбы, потому что велико согласие в лике святых, при всегдашнем единомыслии всех друг с другом. Не нужно там бояться ни диавола и демонских козней, ни грозы гееннской, ни смерти — ни этой нынешней, ни той, которая гораздо тяжелее этой, но всякий такой страх уничтожен. Подобно тому как царский сын, первоначально воспитываемый в уничиженном виде, под страхом и угрозами, дабы от послабления он не испортился и не сделался недостойным отцовского наследия, по достижении царского достоинства вдруг переменяет все прежнее, и в порфире и диадеме, среди множества копьеносцев председательствует с великим дерзновением, отринув от души всякое уничижение и смирение и вместо того восприняв другое: так будет тогда и со всеми святыми. А чтобы эти слова не показались простым красноречием, взойдем мыслью на гору, где преобразился Христос, взглянем на Него блистающего, как Он воссиял, хотя и тогда Он показал нам не все еще сияние будущего века. Из самих слов евангелиста видно, что явленное тогда было только снисхождением, а не точным представлением предмета. Ибо что говорит он? *Просияло лице Его, как солнце* (Мф. 17, 2). Слава нетленных тел являет не такой свет, какой это тленное тело, и не такой, какой доступен и смертным очам, но такой, для созерцания которого нужны нетленные и бессмертные очи. А тогда на горе Он открыл лишь столько, сколько возможно было видеть без вреда очам видевших, и при всем этом они не вынесли, но пали на лица свои. Скажи мне, если бы кто, приведя тебя на какое-либо светлое место, где все сидели бы, облеченные в золотые одежды, и посреди этого собрания показал бы еще одного человека, имеющего одежды и венец на голове из одних драгоценных камней, потом обещал бы и тебя ввести в это общество, то не употреблял ли бы ты всех усилий, чтобы полу-

чить обещанное? Открой же теперь умственные очи и посмотри на то зрелище, состоящее не из простых мужей, но из тех, которые драгоценнее и золота, и дорогих камней, и лучей солнечных, и всякого видимого блеска, и не только из людей, но и из гораздо достойнейших, нежели они, — из Ангелов, Архангелов, Престолов, Господств, Начал, Властей? А о Царе и сказать нельзя, каков Он: так не доступна никакому слову и уму эта красота, доброта, светлость, слава, величие, великолепие. Таких ли благ лишить нам себя, скажи мне, для избежания маловременных тягостей (2)?

* * *

Не только в геенне, но и в самом Царстве находится множество различий: *в доме Отца Моего, говорит Господь, обителей много* (Ин. 14, 2); и: *иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд* (1 Кор. 15, 41). И удивительно ли, что (апостол), сделав различие между этими (светилами), говорит, что и там будет такое же различие, как между одной звездой и другой? Зная все это, не перестанем совершать добрые дела, не откажемся от трудов, и если не будем в состоянии стать наряду с солнцем или луной, то не будем пренебрегать местом со звездами. Если мы по крайней мере такую покажем добродетель, то и тогда можем быть на небе (2).

* * *

Если здесь, где болезни, огорчения, преждевременные смерти, клевета, зависть, уныние, гнев, порочные похоти, бесчисленные козни, повседневные заботы, частые и непрерывные бедствия приносят со всех сторон множество скорбей, если здесь, по словам Павла, можно всегда радоваться тому, кто хотя немного освобождается от треволнений житейских дел и хорошо устрояет жизнь свою, то тем более можно достигнуть этого блага по отшествии туда, где нет ничего такого: ни болезней, ни страстей, ни повода к грехам, где нет слов *мое и твое* — этих холодных слов, которые вносят в нашу жизнь все бедствия и производят бесчисленные войны... А что там есть и город, и Церковь, и торжество, об этом послушай Павла, который говорит: *вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к*

небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев (Евр. 12, 22–23). Торжеством он называет все тамошнее не только по множеству вышних сил, но и по обилию благ и непрестанной радости и веселью. Торжество обыкновенно составляет не иное что, как многочисленность собравшихся и обилие предлагаемых вещей, когда привозят и пшеницу, и ячмень, и всякого рода плоды, и стада овец, и табуны волов, и одежды, и другое подобное, и одни продают, а другие покупают. Что же из этих вещей, спросят, есть на небесах? Из этих вещей — ничего, но есть нечто гораздо более досточтимое. Не пшеница, ячмень и другие произведения, но повсюду там в великом изобилии всякие плоды Духа — любовь, радость, веселье, мир, благость и кротость, на небесах можно видеть не стада овец и табуны волов, но души совершенных праведников, душевные добродетели и нравственные совершенства, не одежды и платья, но венцы драгоценнейшие всякого золота, награды, воздаяния и бесчисленные блага, уготованные добродетельным. И сонм собравшихся там гораздо почтеннее и многочисленнее. Он состоит не из городских и сельских жителей, но в одном месте мириады Ангелов, в другом — тысячи Архангелов, здесь сонмы пророков, там лики мучеников, чины апостолов, собрания праведников и различные общества всяких угодников. Поистине это дивное торжество, а что важнее всего, среди этого торжества собравшихся пребывает сам Царь всех их, о чем апостол после слов: *к тьмам Ангелов и торжествующему собору,* сказал так: *и к Судии всех Богу* (Евр. 12, 23). Кто видал когда-нибудь, чтобы царь присутствовал на торжище? Здесь этого никто никогда не видал, а пребывающие там непрестанно, сколько им возможно, видят Его самого присутствующим и украшающим светлостью Своей славы всех собравшихся. Здешние торжества часто прекращаются среди дня, а тамошнее не таково: оно не знает ни месячных оборотов, ни годовых круговращений, ни числа дней, но продолжается постоянно, и все блага его не имеют предела, не знают конца, не могут ни состариться, ни увянуть, но суть нестареющие и бессмертные. Нет нам никакого шума, как здесь, никакого смя-

тения, но совершенный порядок оттого, что все с надлежащим благочинием и стройно, как бы на какой кифаре, воспевают Владыке тех и других тварей согласную и приятнейшую всякой музыки песнь, а душа их там, как бы в каких таинственных святилищах и при божественных таинствах, совершает божественное священнодействие (2).

РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ

Расточительный не есть человек великодушный. Почему? Потому что кто предан тысяче страстей, тот может ли быть велик душою? Он таков не оттого, что презирает деньги, но оттого, что покоряется другим страстям, подобно как человек, принужденный разбойниками повиноваться им, не может быть свободным. Не от презрения к деньгам происходит расточительность, но от неуменья распоряжаться ими. Ибо если бы можно было и удержать их, и предаваться удовольствиям, то он, конечно, сделал бы это (1).

РЕВНОСТЬ

Если кто-то по природе ревнив или предался этой страсти по какому-нибудь несправедливому предлогу, то, скажи мне, что может быть злосчастнее такой души? Сравнивая войну и бурю с такой семьей, ты можешь найти здесь верное пособие: все полно печали, подозрения, несогласия и смятения. Одержимый этим неистовством нисколько не лучше бесноватых или больных сумасшествием: так часто он бросается, отступает и раздражается на всех, и беспрерывно вымещает свой гнев на людях, просто присутствующих и ни в чем неповинных, будет ли то раб, или сын, или кто другой. Всякое удовольствие исчезает и все наполняется унынием, скорбью и неудовольствием; остается ли он дома, идет ли на площадь, отправляется ли путешествовать, повсюду это горе сопровождает его, возбуждая и раздражая его душу хуже всякого рожна* и не давая покой; ибо эта болезнь обыкновенно производит не только уныние, но и невыносимое раздражение. Каждое из них уже само по себе достаточно для погубления одержимого им, если же они вместе нападут на него, удручая его

* Рожон — кол, острый шест. *(Примеч. ред.)*

постоянно и не давая отдыха даже на короткое время, то скольких смертей это тяжелее? Назовет ли кто крайнюю бедность, неизлечимую болезнь, огонь, железо, он не укажет ничего равного этому. Только те, которые сами испытали, хорошо знают это, а никакими словами невозможно выразить чрезмерность этого горя. Когда кто-то вынуждается постоянно подозревать ту, которую любит больше всего и за которую с удовольствием готов отдать душу свою, то какое утешение может облегчить его? Нужно ли ему идти ко сну, или взяться за пищу и питье, — стол покажется ему наполненным больше ядовитыми веществами, нежели яствами; на постели же он не будет иметь покоя ни на малое время, но будет беспокоиться и вертеться, как бы на горячих угольях. Ни общество друзей, ни забота о делах, ни страх опасностей, ни избыток удовольствий, ни что-либо другое не может отвлечь его от этой бури; но сильнее всех радостей и печалей эта буря овладевает его душой. Имея в виду это, Соломон говорит: *люта, как преисподняя ревность* (Песн. 8, 6); и еще: *ревность — ярость мужа, и не пощадит он в день мщения, и не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров* (Притч. 6, 34–35). Неистовство этой болезни таково, что скорбь от нее не проходит даже после отмщения причинившему ее. Часто многие, уничтожив прелюбодея, не в силах были уничтожить своего гнева и уныния, а есть и такие, которые, убив своих жен, продолжали гореть в этом огне так же или даже более. В таких бедствиях проводит жизнь муж, когда даже нет верного повода, а жалкая и несчастная жена мучится больше мужа. Когда она видит, что тот, кто должен быть утешением среди всех скорбей и от кого надлежало ожидать покровительства, относится к ней зверски и враждебнее всех, то куда она может обратиться, к кому прибегнуть, где найти избавление от зол, когда гавань для нее закрыта и полна тысячью утесов?.. Душа, раз уже зараженная этой злой болезнью, легко верит всему и, равно открывая свой слух для всех, не может отличить клеветников от неклеветников, и даже ей кажутся более достоверными слова тех, которые увеличивают подозрение, нежели тех, которые стараются уничтожить его...

Пусть будет, если угодно, среди этих зол несчетное богатство, роскошный стол, толпы рабов, знатность происхождения, величие власти, большая слава, знаменитость предков, — вообще не опусти ничего из того, что по видимости делает настоящую жизнь завидной. Но тщательно собрав все, противопоставь этой печали, — и ты даже не увидишь проявления какого-либо удовольствия от всего этого, но оно исчезнет. Как обыкновенно угасает малая искра, попав в огромное море. Так бывает когда ревнует муж. Если же эта страсть овладеет женой (что бывает нередко), то ему будет легче, нежели жене, а на эту несчастную падет еще больше горя, потому что она не может пользоваться тем же оружием против подозреваемого (2).

* * *

Если муж имеет в душе только подозрительную мысль касательно ее [жены], и тогда для него вся жизнь становится не в жизнь. Страсть ревности составляет для него огонь и пламень неукротимый, выражая мучительную и непреодолимую силу которого, некто сказал: *потому что ревность — ярость мужа, и не пощадит он в день мщения, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров* (Притч. 6, 34–35). И еще в другом месте: *люта, как преисподняя, ревность* (Песн. 8, 6). Как невозможно, говорит он, склонить ад деньгами, так и ревнивого успокоить и примирить. Многие часто отдали бы душу свою, чтобы найти прелюбодея, и охотно стали бы пить кровь человека, оскорбившего жену, и решились бы сделать и потерпеть все для этого (5).

РОДИТЕЛИ

Власть родителей над детьми имеет свое начало от самой природы. Такая честь им есть награда за болезни рождения. Поэтому и премудрый говорит: *как владыкам, послужи родившим* тебя (Сир. 3, 7); затем приводит и причину: *что можешь ты воздать им, как они тебе* (Сир. 7, 30)? Между тем что же есть такое, чего бы сын не мог воздать отцу? Значит, смысл слов такой: ты не можешь родить их, как они родили тебя. Итак, если мы в этом уступаем родителям, то возвысимся другим — уважением к

ним, не только по закону природы, но преимущественно перед природой, по страху Божию. Бог сильно желает, чтобы родители были почитаемы детьми и делающих это награждает великими благами и дарами, а преступающих этот закон наказывает великими и тяжкими несчастьями. *Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти* (Исх. 21, 17). А почитающим их вот что Бог говорит: *почитай отца твоего и мать твою, (чтобы тебе было хорошо и) чтобы продлились дни твои на земле* (Исх. 20, 12). Что считается величайшим благом, — счастливая старость и долгая жизнь, — то Бог назначил в награду почитающим родителей, а то, что кажется крайним несчастьем, — ранняя смерть, — то Он назначил в наказание оскорбляющим их. Таким образом, одних привлекает Он к уважению (родителей) обещанием чести, а других и против воли отводит от оскорбления страхом наказания. Ибо повелевается не просто, чтобы оскорбивший отца умирал или чтобы палачи, взяв его из судилища... отсекали ему голову, нет, сам отец вел его на середину города и признавал достойным кары, без всякого доказательства, что весьма справедливо. Кто готов был употребить для сына и деньги, и жизнь, и все, что ни есть, тот никогда не сделался бы обвинителем его, если бы оскорбление не было крайне велико. Итак, отец ведет его на середину города, потом созывает весь народ и произносит обвинение. Все слышащие, взяв каждый по камню, бросают в того, кто оскорбил отца. Законодатель хочет, чтобы они были не только зрителями, но и участниками, чтобы каждый, посмотрев на правую руку свою, которой и он бросил камень в голову непочтительного сына, получил от этого достаточное вразумление к исправлению. Законодатель внушает нам здесь еще и другое: оскорбляющий родителей оскорбляет не только их, но и всех людей. Поэтому Он и приглашает всех к участию в наказании, как будто все были оскорблены... чтобы и те, у кого нет ничего общего с оскорбленными, негодовали на оскорбляющего родителей, так как оскорбление наносится общей (человеческой) природе, и такого человека, как язву какую и общую болезнь, выгоняли бы не только из города, но и

со света. В самом деле, такой человек — общий неприятель и враг всех: и Бога, и природы, и законов, и всеобщей нашей жизни (1).

* * *

Немалая награда ожидает нас за почтение к родителям, нам заповедано чтить их, как владык (Сир. 3, 7), угождать им и словом, и делом, если это не будет во вред благочестию. *Что можешь ты*, говорится в Писании, *воздать им, как они тебе* (Сир. 7, 30) (2)?

РОСКОШЬ

Не будем, возлюбленные, предаваться сну: невозможно, совершенно невозможно беспечным сподобиться Царствия Небесного, равно и преданным роскоши и невоздержанию. Скорее, изнуряя и изможденная свое тело и перенося бесчисленные труды, мы можем получить небесные блага (1).

* * *

Ничто так не любезно демону, как роскошь и пьянство — источники и мать всех зол. Этим-то дьявол ввергнул некогда израильтян в идолопоклонство, этим-то возжег содомлян на беззаконные похоти! Ибо говорит Писание: *вот в чем было беззаконие Содома... в гордости, пресыщении и праздности* (Иез. 16, 49). Это же самое и многих других погубило и предало геенне, ибо какого зла не производит роскошь? Она делает людей свиньями и хуже свиней. Свинья валяется в грязи и питается калом, а сластолюбивый человек приготовляет себе стол отвратительнейший, придумывая непозволенные связи и беззаконную любовь. Такой нимало не отличается от бесноватого, он так же бесстыдствует и неистовствует. О бесноватом мы по крайней мере жалеем, а этого отвращаемся и ненавидим. Почему? Потому что он произвольно неистовствует и обращает и рот свой, и глаза, и ноздри, и все вообще в проводники смрада и нечистоты. Если же заглянуть внутрь такого человека, то увидим, что душа в нем застыла и оцепенела как бы среди зимы и мороза, и уже не может подать никакой помощи ладье по причине чрезмерной непогоды. Стыдно мне говорить, как много страждут от сластолюбия и

мужчины и женщины. Это я оставляю на их совесть, которая точнее знает все (1).

* * *

Христос назвал роскошь тернием. Она уязвляет более, нежели терние, и изнуряет душу сильнее, нежели забота, и причиняет самые мучительные болезни как телу, так и душе. Не столько мучит забота, сколько пресыщение. Если бессонница, боль в висках, тягость в голове и болезни в желудке мучат пресыщенного, то представь, скольких терний это страшнее! Как терние, с какой бы стороны ни брали его, кровавит руки, так и роскошь вносит язву и в ноги, и в руки, и в голову, и в глаза, и вообще во все члены, она безжизненна и бесплодна, как терние... Она преждевременно приближает к старости, притупляет чувства, омрачает мысль, ослепляет проницательный ум... причиняет множество болезней и возлагает большую тяжесть и несносное бремя. Для чего же, скажи мне, утучняешь тело? Неужели мы принесем тебя в жертву или предложим на трапезу? Хорошо откармливать птиц, или лучше сказать, и их нехорошо: когда утучнеют, употребление их в пищу уже не бывает для нас здоровым. Так велико зло — пресыщение, что оно вредно и бессловесным (1).

* * *

Можно было бы еще показать на неприятность, и вред, и срам в тех болезнях, которые происходят [от роскоши] в душе гораздо более и хуже, чем в теле. Она делает людей изнеженными, женоподобными, дерзкими, тщеславными, невоздержными, надменными, бесстыдными, раздражительными, жестокими, подлыми, корыстолюбивыми, низкими, и вообще не способными ни к чему полезному и необходимому; умеренность же производит все противоположное этому... Кто живет умеренно, тот не боится никакой перемены, а кто роскошествует в этой невоздержной и рассеянной жизни, тот, если ему придется по какому-нибудь несчастью или принуждению подвергнуться бедности, скорее умрет, нежели вынесет такую перемену, как не приготовленный и не привыкший к этому (2).

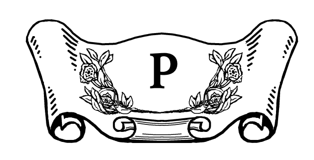
* * *

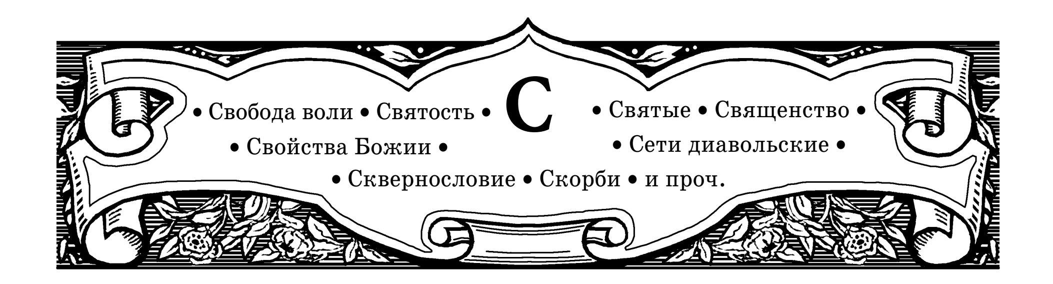
Неужели, скажут, нет ни одного такого, который бы и здесь и там наслаждался спокойствием? Трудно это, человек, и даже невозможно. Невозможно, поистине невозможно тому, кто живет здесь в нерадении и беспечности, постоянно наслаждается всем и проводит жизнь тщетно и напрасно, удостоиться чести там. Если его не мучит бедность, то мучит похоть, и он предается ей, а в этом — немалый труд. Если не беспокоит болезнь, то разжигает гнев, а победа над гневом сопряжена с немалым огорчением. Если не нападают искушения, то непрестанно восстают лукавые помыслы. Нелегко обуздать порочную похоть, укротить тщеславие, смирить гордость, отстать от веселья, вести строгую жизнь, а кто этого и тому подобного не делает, тому невозможно спастись. А что живущие в веселье не спасутся, послушай, что говорит Павел о вдовице: *сластолюбивая заживо умерла* (1 Тим. 5, 6). Если же это сказано о жене, то тем более о муже. И что ведущему роскошную жизнь невозможно достигнуть небес, это объяснил и Христос, сказав так: *тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. 7, 14) (3).

РОСТОВЩИЧЕСТВО

Что может быть жесточе того, когда кто-нибудь извлекает для себя выгоду из бедности ближнего и пользуется несчастьями братий, когда кто-нибудь, показывая вид человеколюбия, оказывает всякое бесчеловечье и, с виду простирая руку, ввергает в пропасть нуждающегося в помощи? Что делаешь ты, человек? Не для того пришел к твоим дверям бедный, чтобы ты увеличил его бедность, но чтобы ты избавил его от бедности, а ты делаешь то же, что делают примешивающие яд в лекарство. Как те, примешивая яд к обыкновенной пище, делают незаметным свой умысел, так и эти, под видом человеколюбия скрывая гибельное лихоимство, не дают заметить вред имеющим пить это смертоносное лекарство. Поэтому благовременно приложить сказанное о некотором грехе и к тем, которые отдают в рост и берут взаймы. Что же сказано об этом грехе? *Последствия*

от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый (Притч. 5, 3–4). То же бывает и с теми, которые берут взаймы. Когда нуждающийся принимает деньги, то получает некоторое малое и временное утешение, но после, когда приращение увеличится и бремя сделается выше сил, то эта приятность, услаждавшая гортань, сделается горче желчи и острее меча обоюдоострого, когда он вынужден будет вдруг лишиться всего отцовского достояния (6).

СВОБОДА ВОЛИ

Как же он [Иуда] сделался предателем, спросишь ты, когда призван Христом? Бог, призывая к Себе людей, не налагает необходимости и не делает насилия воле тех, которые не желают избрать добродетели, но увещевает, подает советы, все делает, всячески старается, чтобы побудить их сделаться добрыми, если же некоторые не желают быть добрыми, Он не принуждает (1).

* * *

Пусть никто не обвиняет Бога за то, что не все обращаются к Нему. Ибо не от Призывающего происходит неверие, а от неповинующихся. Но, скажешь, можно было бы привести и не желающих. Нет, Бог не делает насилия или принуждения. И кто, призывая к почестям, венцам, пиршествам и торжествам, станет влечь кого-нибудь против воли и связанного? Никто, потому что это свойственно принуждающему. В геенну Он посылает против воли, а в Царствие призывает добровольно; в огонь ведет связанных и плачущих, а к бесчисленным благам не так. Ибо сами блага не были бы вожделенны, если бы они по свойству своему не были таковы, чтобы к ним стремились добровольно и по сознанию великого их достоинства. Почему же скажешь, не все стремятся к ним? По своей немощи (1).

* * *

Как неизлечимые раны не поддаются ни острым, ни смягчающим лекарствам, так и душа, раз сделавшись пленницей и предавшись какому-нибудь греху, если не хочет сама подумать о собственной пользе, не исправляется, сколько бы кто ни внушал ей. Она, как будто бы совсем не имея слуха, не получает от увещания никакой пользы не потому, что не может, но потому, что не хочет. Впрочем, с волей (человека)

не то, что бывает с телесными ранами. В телесной природе недуги часто бывают неизлечимы, но с волей не так: напротив, нередко и злой человек, если захочет, может перемениться и сделаться добрым, и добрый, если не будет бдителен, может развратиться. Господь всяческих, создав нашу природу свободной, хоть со Своей стороны делает все и, следуя Своему человеколюбию и зная тайны, сокрытые в глубине души, увещевает, советует и предостерегает от злого дела, но не принуждает, а предложив соответствующие врачевства, предоставляет все на волю больного (8).

* * *

Как, предавшись беспечности, мы терпим вред и от самых маловажных вещей, так если захотим быть бдительными, то хоть тысячи людей влекли бы нас к нечестию, ничто не может ослабить нашей ревности. Итак, никто не обвиняй другого и не складывай вины на других, но все приписывай своему нерадению. И что говорю на других? Никто не думай и о диаволе, будто он так силен, что может заградить путь, ведущий к добродетели. Он прельщает и соблазняет нерадивых, но не препятствует и не принуждает. Это показывает опыт: когда мы решаемся быть бдительными, то выказываем такую твердость, что хотя бы многие склоняли нас на путь нечестия, мы не следуем их внушению, но бываем крепче адаманта и затыкаем уши от советующих злое. А когда мы нерадивы, то хотя бы и никто не советовал и не соблазнял, мы сами собой стремимся к нечестию. Если бы это было не в нашей воле и не во власти нашей души, если бы Господь создал нашу природу не свободной, то всем людям, как имеющим одинаковую природу и одинаковые страсти, надлежало бы быть или злыми, или добродетельными. А когда мы видим, что имеющие одну с нами природу и обуреваемые такими же страстями испытывают, однако, не одно и то же, но твердым умом направляют свою природу, преодолевают беспорядочные движения, обуздывают вожделения, побеждают гнев, избегают зависти, истребляют ненависть, презирают страсть к богатству, меньше заботятся о (земной) славе, не дорожат благополучием настоящей жизни, но твердо стремятся к истинной

славе и похвалу от Бога предпочитают всему видимому, то не ясно ли, что они своими усилиями могут совершать это при помощи высшей благодати, что мы по своей беспечности губим свое спасение, сами себя лишая небесного благоволения (8)?

СВОЙСТВА БОЖИИ

Я знаю, что Бог существует везде, и то знаю, что Он везде существует всецело, но каким образом, этого не знаю. Знаю, что Он безначален, нерожден, вечен, но как, этого не знаю, потому что ум не может постигнуть, как может быть существо, не имеющее начала бытия своего ни от себя самого, ни от другого. Я знаю, что Он родил Сына, но как, этого не разумею, знаю, что Дух из Него, но как из Него, этого не постигаю, я вкушаю яства, но как они обращаются в мокроту, в кровь, в соки, в желчь, не знаю. Того, что мы каждый день видим и вкушаем, мы не разумеем, как же мы хотим исследовать существо Божие (2)?

СВЯТОСТЬ

Помысли только о Павле, и одежда которого имела чудное действие. Вспомни о Петре, тень которого обнаруживала чудодейственную силу. Если бы они не носили в себе образа Небесного Царя, то и не издавали бы из себя некоего неестественного света, и одежды их не обнаруживали бы такой силы. Ибо и одежда царя страшна для злодеев. Хочешь ли видеть, как тот же образ отражался и на теле их? Воззревшие на Стефана, говорит книга Деяний, *видели лице его, как лице Ангела* (Деян. 6, 15). Но это еще ничего не значило в сравнении со славой, внутри его сияющей. Что Моисей имел на лице своем, то же самое и еще большее они носили в душе своей. Ибо слава Моисеева была чувственная, а эта невещественная. И как тела, имеющие способность принимать и отражать свет, освещаясь телами самосветящимися, и сами отражающийся в них свет разливают на другие ближайшие к ним тела, то же бывает и с верными. И когда они достигают этого, оставляют уже все земное и живут одним небесным (1).

* * *

Сказано блаженным Павлом: *старайтесь иметь мир со всеми*

и святость, без которой никто не увидит Господа (Евр. 12, 14). Видишь, как апостол соединяет мир со святостью? Чтобы разумели мы, что он требует не только чистоты тела, но и мира, он благовременно упомянул о том и другом, желая утвердить в нас то и другое, чтобы мы и помыслы свои удерживали, не допуская в себе никакого возмущения или смятения, а проводили жизнь спокойную и безмятежную, и чтобы со всеми другими обращались мирно, были тихи, кротки и снисходительны, так, чтобы все черты добродетели отражались на нашем лице (1).

СВЯТЫЕ

Участвуйте со мною в любви, и будем любить святого (Павла) с великой силой. Если эта любовь войдет в вашу душу и возожжет блестящий пламень, то, хотя бы она нашла в наших мыслях что-нибудь тернистое, или каменистое, сухое и бесчувственное, она одно уничтожит, а другое размягчит и сделает нашу душу некоторой широкой и тучной пашней, способной к принятию божественных семян. Не говорите мне, что Павла теперь нет, что он невидим для наших глаз. И как можно любить того, кто невидим? Для этой любви нет никаких препятствий. Можно любить и отошедшего и незримого приветствовать, особенно когда каждый день мы видим столько и таких памятников его добродетели, — устроенные по всей земле церкви, ниспровержение нечестия, перемену порочной жизни на лучшую, уничтожение заблуждения, разрушенные жертвенники, замкнутые капища, безмолвие демонов (6).

* * *

Таков обычай святых: если они сделают что-нибудь худое, то торжественно это показывают, каждый день стонут и делают открытым для всех; если же что-нибудь благородное и великое, — то скрывают это и предают забвению (6).

СВЯЩЕНСТВО

Будем со всей почтительностью обращаться с теми, кому вверена власть действовать благодатными дарами. Подлинно велико достоинство священников! *Кому*, сказано, *простите грехи, тому простятся* (Ин. 20, 23). По-

тому-то и Павел говорит: *повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны* (Евр. 13, 17), и: *почитайте их преимущественно с любовью* (1 Фес. 5, 13). В самом деле, ты заботишься только о своих делах, и, если их устроишь хорошо, — не будешь отвечать за других людей. А священник хотя бы и хорошо устроил свою собственную жизнь, но если не будет с должным усердием заботиться о жизни твоей и всех других, вверенных его попечению, то вместе с порочными пойдет в геенну, и часто, невинный по своим делам, он погибает за ваши беззакония, если не исполняет надлежащим образом всего, что до него касается. Итак, зная, какая великая угрожает священникам опасность, оказывайте им великую любовь. На это указал и Павел, когда сказал: *ибо они неусыпно пекутся о душах ваших*, и не просто, но *как обязанные дать отчет* (Евр. 13, 17). Поэтому им надо оказывать великое уважение. Если же и вы вместе с другими станете оскорблять их, то и ваши дела не будут благоуспешны. Пока кормчий благодушествует, до тех пор и плывущие на корабле безопасны, а коль скоро он от оскорблений и враждебных действий со стороны спутников находится в го́ре, то уже не может ни быть бдительным по-прежнему, ни действовать с обыкновенным своим искусством и нехотя подвергает их бесчисленным бедствиям. Так и священники, если будут пользоваться у вас надлежащей честью, в состоянии будут устроить и ваши дела как следует, а если вы будете опечаливать их, то ослабите их руки и сделаете то, что они вместе с вами легко будут увлечены волнами, хотя бы они были и весьма мужественны... Не видите ли, как все подчиняются властям мирским? Хотя подчиненные часто превосходят начальствующих и знатностью рода, и жизнью, и мудростью, однако же, из уважения к тому, кто их поставил, они не думают ни о чем этом, но чтут определение царя, каков бы ни был тот, кто получил над ними начальство. Таков-то у нас страх, когда поставляет начальника человек! Но когда рукополагает Бог — мы и презираем рукоположенного, и оскорбляем его, и преследуем бесчисленными поношениями, и, тогда как нам запрещено судить и своих братьев, изощряем язык на священников! И какое найдем

мы себе оправдание, когда в своем глазе не видим бревна, а у другого со злобным старанием замечаем и сучок? Неужели не знаешь, что, когда судишь таким образом других, приготовляешь и себе самому тягчайшее осуждение? Говорю это не потому, чтобы я одобрял недостойно проходящих служение священства, нет, — я крайне жалею о них и плачу, — тем не менее, утверждаю, что и в этом случае подчиненные, и особенно люди самые простые, не имеют права судить их. Пусть жизнь священника будет самая порочная, но если ты внимателен к самому себе, то не потерпишь никакого вреда в том, что ему вверено от Бога. Если Господь заставил говорить ослицу и через волхва даровал духовные благословения, если, таким образом, и через бессловесные уста ослицы, и через нечистый язык Валаама Он действовал для неблагодарных иудеев, то тем более для вас, если вы будете признательны, Он сделает со своей стороны все, что нужно, и ниспошлет Духа Святого, — хотя бы и крайне порочны были священники. Ведь и чистый священник не своей собственной чистотой привлекает Духа Святого, но все совершает благодать... Все, что вверено священнику, есть единственно Божий дар, и сколько бы ни преуспевало человеческое любомудрие, оно всегда будет ниже той благодати. Говорю это не для того, чтобы мы беспечно располагали своей жизнью, но для того, чтобы вы, подчиненные, видя нерадение кого-либо из предстоятелей, не преумножали по этому поводу для самих себя зла. Но что я говорю о священниках? Ни Ангел, ни Архангел не может оказать никакого действия на то, что даруется от Бога, здесь все устрояет Отец и Сын и Святой Дух, а священник только ссужает свой язык и простирает свою руку. Да и несправедливо было бы, если бы по причине порочности другого лица терпели вред те, которые с верой приступают к символам нашего спасения (1).

* * *

Подвизающийся сам по себе приносит пользу одному себе, а польза от пастырской деятельности простирается на весь народ. Раздающий деньги нуждающимся или каким-либо образом помогающий притесняемым приносит некоторую пользу ближним,

но настолько меньше священника, насколько тело ниже души. Поэтому справедливо Господь сказал, что попечение о Его стаде есть знак любви к Нему самому (2).

* * *

Священнослужение совершается на земле, но по чиноположению небесному — и весьма справедливо, потому что ни человек, ни Ангел, ни Архангел, и ни другая какая-либо сотворенная сила, но сам Утешитель учредил это чинопоследование и людей, еще облеченных плотью, сделал представителями ангельского служения. Поэтому священнодействующему нужно быть столь чистым, как бы он стоял на самых Небесах посреди тамошних Сил. Страшны и величественны были принадлежности [богослужения] и прежде благодати, как-то: звонки, яблоки, драгоценные камни на наперснике и нарамнике, митра, кидар, подир, золотая дщица*, Святое Святых, глубокая тишина внутри (Исх. 38). Но если кто рассмотрит свойства служения благодатного, то найдет, что те страшные и величественные принадлежности незначительны [в сравнении с последними], и здесь признает истинным сказанное о законе: *то прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы последующего* (2 Кор. 3, 10).

Кто размыслит, как важно то, что человек, еще облеченный плотью и кровью, может присутствовать близ блаженного и бессмертного Естества, тот ясно увидит, какой чести удостоила священников благодать Духа. Ими совершаются эти священнодействия и другие, не менее важные для совершенства и спасения нашего. Люди, живущие на земле и еще обращающиеся на ней, поставлены распоряжаться небесным и получили власть, которой не дал Бог ни Ангелам, ни Архангелам, ибо не им сказано: *что вы свяжете на земле, то*

* Перечислены принадлежности одежды ветхозаветных первосвященников: звонки (или звонцы) — колокольчики, которые прикреплялись к одежде; наперсник — нагрудник, часть одежды или украшения на груди; нарамник — наплечник, омофор, верхнее одеяние; митра — широкая лента, облегавшая вокруг головы; кидар — наглавие, чалма или тюрбан; подир — верхняя длинная одежда, которую надевали поверх хитона. *(Примеч. ред.)*

будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе (Мф. 18, 18). Земные властители имеют власть связывать, но только тело, а эти узы связывают саму душу и проникают в небеса. Что священники совершают на земле, то Бог довершает на небе, и мнение рабов утверждает Владыка. Не значит ли это, что Он дал им всю небесную власть? *Кому,* говорит [Господь], *простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20, 23). Какая власть может быть больше этой? *Отец весь суд отдал Сыну* (Ин. 5, 22); а я вижу, что Сын весь этот суд вручил священникам. Они возведены на такую степень власти, как бы уже переселились на небеса, превзошли человеческую природу и освободились от наших страстей. Если бы царь предоставил кому-нибудь из своих подданных власть заключать в темницу и опять освобождать, кого он захочет, такой подданный у всех был бы славен и знаменит, а о том, кто получает от Бога власть настолько превосходнейшую этой, насколько небо превосходнее земли и души тел, некоторые думают, что он получает маловажную честь, и будто бы возможно представить, что кто-нибудь из получивших этот дар будет не уважать его. Отвергнем такое безумие! Действительно, безумно не уважать такую власть, без которой нам невозможно получить спасения и обетованных благ. Если никто не может войти в Царствие Небесное, *если кто не родится от воды и Духа* (Ин. 3, 5), и *ядущий плоти* Господа и *не пиющий крови Его* лишается вечной жизни (см.: Ин. 6, 53), а все это совершается не кем иным, как только этими священными руками, т.е. руками священника, то как без посредства их можно будет кому-нибудь избежать геннского огня или получить уготованные венцы.

Священники для нас суть те мужи, которым вручено рождение духовное и возрождение крещением, через них мы облекаемся во Христа и погребаемся вместе с Сыном Божиим и делаемся членами этой блаженной Главы. Поэтому справедливо мы должны не только страшиться их более властителей и царей, но и почитать более отцов своих: эти родили нас *от крови* и от *хотения плоти* (Ин. 1, 13), а те суть виновники нашего рождения от Бога, блаженного паки-

бытия*, истинной свободы и благодатного усыновления. Священники иудейские имели власть очищать тело от проказы, или лучше, не очищать, а только свидетельствовать очищенных (см.: Лев. 14); и ты знаешь, как завидно было тогда достоинство священническое. А наши [священники] получили власть не свидетельствовать только очищение, но совершенно очищать, — не проказу телесную, но нечистоту душевную. Поэтому не уважающие их гораздо преступнее Дафана и его сообщников и достойны большего наказания, потому что эти домогались непринадлежащей им власти (см.: Чис. 16), однако имели высокое мнение о ней и доказали это тем самым, что домогались ее с великим усилим; а теперь, когда священство украсилось гораздо более и возвысилось до такой степени, не уважать его — значит отваживаться на гораздо большую дерзость, ибо не одно и то же: домогаться не принадлежащей себе чести и презирать такие блага. Последнее настолько тяжелее первого, насколько различны между собой презрение и уважение. Есть ли такая несчастная душа, которая презирала бы столь великие блага? Я не могу представить ни одного такого человека, разве кто пришел в демонское неистовство. Впрочем, возвращусь опять к тому, о чем шла речь. Бог дал священникам больше силы, нежели плотским родителям, не только для наказания, но и для благодеяний; те и другие настолько различаются между собой, насколько жизнь настоящая от будущей. Одни рождают для настоящей жизни, другие для будущей, те не могут избавить детей своих от телесной смерти и даже защитить от вторгшейся болезни, а эти часто спасали страждущую и готовую погибнуть душу, то употребляя кроткое наказание, то удерживая от падения при самом начале не только учением и внушением, но и помощью молитв. Они не только возрождают нас [крещением], но имеют власть разрешать и от последующих грехов: *Болен ли кто из вас,* говорится [в Писании], *пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если*

* Пакибытие — воскресение, загробная жизнь. *(Примеч. ред.)*

он соделал грехи, простятся ему (Иак. 5, 14–15). Кроме того, плотские родители не могут оказать никакой помощи детям, когда они оскорбят кого-нибудь из знатных и сильных людей, а священники часто примиряли верующих не с вельможами и царями, но с самим Богом, разгневанным ими (2).

* * *

Священником поставлен не Ангел, но человек, рожденный от человека, дабы от безгрешного не были истребляемы грешники. Если бы священником был безгрешный Ангел, то он немедленно наказывал бы согрешающих, потому и поставлен человек, дабы он был снисходителен к подобострастному, от собственных страстей получая напоминание о соучастниках своей природы... Бог попускал и великим мужам, которым вверял множество народа, впадать в грех и даровал им прощение, чтобы они, после того вразумившись этим, сами были более человеколюбивыми (5).

* * *

Священникам, о которых говорим худо, мы нисколько не повредим не только тогда, когда говорим ложь, но когда и правду, — так и фарисей нисколько не повредил мытарю, но еще принес ему пользу, хотя говорил об нем правду, а самих себя мы подвергнем крайним бедам, — так и фарисей вонзил меч в себя самого и отошел, получив смертельную рану (6).

* * *

Некогда, при возвращении кивота, когда некоторые из подчиненных, увидев его наклонившимся и готовым упасть, поправили его, то подверглись наказанию на том же самом месте, будучи поражены Господом, и упали мертвыми. Между тем они не сделали ничего худого, они не наклонили кивота, а поправили, когда он наклонился и готов был упасть. Но чтобы ты вполне убедился в достоинстве священников и в том, как непозволительно человеку подвластному и принадлежащему к числу мирян исправлять такие дела, Бог умертвил их среди множества народа, с великой силой устрашая всех прочих и внушая никогда не приближаться к недоступным предметам священства. В самом деле, если

бы каждый под предлогом исправления худо сделанного стал присвоять себе достоинство священства, то никогда не было бы недостатка в предлогах к исправлению и все перемешались бы между собой так, что мы не различили бы ни начальника, ни подчиненного. Никто пусть не думает, будто я говорю это в осуждение священников (по благодати Божией, как и вы знаете, они показывают великую честность во всем и никогда никому не подавали никакого повода к их осуждению), но говорю для того, чтобы вы знали, что если бы даже вы имели дурных отцов и тягостных учителей, и тогда не безопасно и не безвредно было бы для вас хулить их и злословить. Если о родителях телесных один мудрый говорит: *хотя бы он и оскудел разумом, имей снисхождение* (Сир. 3, 13), — так как что ты воздашь им за то, что они дали тебе? — то тем более должно соблюдать этот закон в отношении к отцам духовным, и каждому должно осматривать и разбирать свою собственную жизнь, чтобы нам не услышать в тот день: лицемер, *что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь* (Мф. 7, 3)? Так, лицемерам свойственно перед народом и в глазах всех целовать руки священников, касаться колен их, просить помолиться за них и, имея нужду в крещении, прибегать к дверям их, а до́ма и на площадях этих виновников и служителей таких благ для нас осыпать бесчисленными злословиями или сочувствовать другим злословящим. Если отец действительно не хорош, то почему ты считаешь его достойным веры служителем страшных Таинств? Если же он кажется тебе достойным веры служителем Таинств, то для чего ты допускаешь, чтобы другие злословили его, не заграждаешь их уста, не выражаешь своего неудовольствия, не приходишь в негодование, чтобы получить великую награду от Бога и похвалу от самих хулителей? Ведь они, хотя бы были тысячекратно дерзкими, конечно будут хвалить и одобрять тебя за твою заботливость об отцах, напротив, если мы не будем делать этого, все станут осуждать нас, даже и сами хулители (6).

СЕТИ ДИАВОЛЬСКИЕ

Премудрый, увещевая, сказал: *знай, что ты посреди сетей*

идешь и по зубцам городских стен проходишь (Сир. 9, 18)...

Сеть прикрыта: это ведь сеть, когда смерть не является открыто и гибель не явна, но сокрыта со всех сторон... Нужна тебе великая осмотрительность и тщательная осторожность, ибо как дети прикрывают сеть землей, так и диавол — грехи житейскими удовольствиями. Но познавай и тщательно исследуй: если представится прибыль, не смотри только на прибыль, но исследуй тщательно, не скрывается ли грех и смерть в этой прибыли, и если увидишь это, беги прочь. Когда представится наслаждение и удовольствие, не смотри только на удовольствие, но тщательно разведай, не скрылось ли в глубине удовольствия какое беззаконие, и если найдешь, удались. Советует ли кто, льстит ли, услуживает ли, обещает ли почести или что-нибудь другое, все будем исследовать тщательно и осматривать со всех сторон, нет ли нам какого вреда, нет ли какой опасности от совета или почести или услуги, не будем увлекаться скоро и необдуманно. Если бы была только одна или две сети, легко было бы остеречься, но... говорит премудрый: *посреди сетей идешь*. Не сказал: подле сетей ходишь, но — *посреди сетей*. С обеих сторон у нас пропасти, с обеих сторон козни. Пришел иной на площадь, увидел врага и — воспламенился от одного этого взгляда, увидел друга, пользующегося уважением, и — позавидовал, увидел бедного и — презрел, возгнушался, увидел богатого и — позавидовал... увидел красивую женщину и — пленился. Видишь, сколько сетей: дома — сети, за столом — сети, в собраниях — сети. Нередко иной по доверчивости скажет необдуманно между друзьями какое-нибудь слово, которое произносить не следовало бы, и причинит такую беду, что разрушит целый дом.

Итак, будем рассматривать вещи внимательно со всех сторон. Часто и жена бывает сетью для невнимательных, часто — дети, часто — друзья, часто — соседи. Для чего же, скажете, столько сетей? Для того, чтобы мы не стремились долу, но искали горнего*. И птиц уловить нелегко, пока они летают высоко в воздухе (1).

---

* Стремиться долу — стремиться к благам земным, низшим; искать горнего — искать благ небесных, высших. *(Примеч. ред.)*

СКВЕРНОСЛОВИЕ

Смех и шуточные слова не кажутся явным грехом, а ведут к явному греху. Часто от смеха рождаются скверные слова, от скверных слов еще более скверные дела. Часто от слов и смеха ругательства и оскорбления, удары и раны, от ран и ударов смертельные поражения и убийства. Итак, если желаешь себе добра, убегай не только скверных слов и скверных дел, не только ударов, ран и убийств, но даже и безвременного смеха, даже и шуточных слов, потому что они бывают корнем последующих зол. Поэтому Павел говорит: *сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам; никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших* (Еф. 5, 4; 4, 29). Потому что оно хоть само по себе и кажется незначительным, но бывает для нас причиной великих зол... Хочешь быть далеким от скверных слов? Избегай не только скверных слов, но и беспорядочного смеха и всякой похоти (1).

* * *

Уста тех людей, которые говорят срамное, пустословят, изрыгают из своей гортани слова зловонные и непотребные, есть гроб, вместилище мертвых костей и тел.

Наполняй гортань свою, человек, благовонием, а не зловонием, сделай ее царской сокровищницей, а не гробом сатанинским. Если же она уже гроб, то, по крайней мере, закрой ее, чтобы не выходило из нее зловоние. Ты имеешь дурные помыслы? Не выноси их посредством слов, пусть они лежат внизу и скоро заглохнут. Мы, люди, часто питающие в себе много порочных, непристойных и постыдных помыслов, но не будем позволять этим помыслам переходить в слова, чтобы, сдавленные внизу, они ослабели и погибли (1).

СКОРБИ

Из всех недугов, обременяющих человеческую природу, нет ни одной болезни: ни душевной, ни телесной, которая не могла бы получить врачевства из Писания. Так, например, приходит ли кто сюда [в храм] удручаемый печальными обстоятельствами житейскими, от которых он предается унынию. Придя и тотчас услышав слова пророка: *Почему прискорбна ты, душа моя? И почему смущаешь меня?*

Уповай на Бога! Ибо я исповедаюсь Ему (говоря): (Ты) спасение лица моего и Бог мой (Пс. 41, 6), — он получает достаточное утешение и уходит отсюда, совершенно свободный от уныния. Другой скорбит и печалится, будучи обременяем крайней бедностью и видя, как другие окружены богатством, пышностью и великолепием, но и он слышит опять слова того же пророка: *Возложи на Господа печаль твою, и Он тебя пропитает* (Пс. 54, 23), — и в другом месте: *не бойся, когда разбогатеет человек, или когда увеличится слава дома его, — ибо при смерти, он ничего не возьмет* (Пс. 48, 17–18). Иной унывает, претерпевая от других оскорбления и клеветы, и считает жизнь свою невыносимой, потому что не может ниоткуда получить человеческой помощи. Но и этот научается тем же блаженным пророком не прибегать в подобных обстоятельствах к человеческой помощи, ибо слышит слова этого пророка: *они лгали на меня, — а я молился* (Пс. 108, 4). Видишь, где он ищет помощи? Другие, говорит, строят козни, клеветы и наветы, а я прибегаю к несокрушимой стене, к благонадежному якорю, к безмятежной пристани, — к молитве, посредством которой все трудное для меня делается легким и удобным. Иной опять терпит пренебрежение и презрение от тех, которые прежде угождали ему, оставляется друзьями, и это крайне огорчает и возмущает душу его. Но и он, если захочет прийти сюда, услышит слова того же блаженного: *Друзья мои и ближние мои напротив меня приблизились и встали, а ближайшие мои вдали от меня встали; ищущие души моей теснились, и ищущие мне зла говорили суетное и весь день помышляли о коварстве* (Пс. 37, 12–13). Видишь ли, враги Давида простирали козни свои до самой смерти и объявили ему непрерывную войну; ибо слова *весь день* означают то же, что во всю жизнь. Что же делал Давид, когда они строили такие козни против него? *Я же,* — говорит он, — *как глухой, не слышал, и, как немой, не открывал уст своих. — И был, как человек, не слышащий и не имеющий во устах своих ответа* (Пс. 37, 14–15). Видишь великую силу любомудрия, как он побеждал врагов противными*

* Противный — здесь: противоположный. *(Примеч. ред.)*

средствами? Враги строили козни, а он заграждал и слух свой, чтобы вовсе и не слышать; те ни на минуту не переставали изощрять язык и говорить напраслину и лесть, а он молчанием укрощал их неистовство. Почему же он так вел себя? Почему в то время, когда враги столько ухитрялись против него, он поступал так, как будто бы был глух и безгласен, не имел ни слуха, ни языка? Послушай, какую он сам представляет причину такого любомудрия своего: *Ибо на Тебя, Господи, я уповал* (Пс. 37, 16). Так как я, говорит, на Тебя возложил всю свою надежду, то нисколько не забочусь о том, что делают эти [враги]. Ибо Твоя сила может рассеять все, уничтожить все их козни и хитрости, и не попустить замыслам их прийти в исполнение (1).

* * *

Радоваться в скорбях заповедует апостол: *всегда радуйтесь* (1 Фес. 5, 16). Это сказано об искушениях, которые причиняют скорбь. Послушайте все, кого постигла бедность, все, кого несчастье: такие случаи приносят радость! Именно когда мы имеем такую душу, что никому не мстим, но всем благодетельствуем, тогда каким образом, скажи мне, может проникнуть в нее жало скорби? Каким образом вообще может быть опечален тот, кто столько радуется в злострадании, что причинившему зло платит благодеяниями? Но как это возможно, говорят? — Возможно, если захотим. Апостол показал далее и путь к этому: *непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия* (1 Фес. 5, 17). Всегда благодарить есть свойство души любомудрствующей. Ты потерпел какое-нибудь зло? Но если хочешь, оно вовсе не будет злом. Возблагодари Бога, и зло обратится в добро. Скажи и ты подобно Иову: *да будет имя Господне благословенно* (Иов. 1, 21). Ибо скажи мне, что такое потерпел ты? Тебя постигла болезнь? Но в этом нет ничего необыкновенного; ибо тело наше смертно и подвержено болезням. У тебя случился недостаток в деньгах? Но их можно и приобрести и потерять. И они остаются здесь. Против тебя злоумышляют и клевещут враги? Но виновники этого не нам причиняют обиду, а самим себе. *Душа согрешающая,* сказано, *она умрет* (Иез. 18,20). А согрешил

не тот, кто потерпел зло, но тот, кто причинил зло (1).

* * *

Господь познается тогда, когда творит суд. Великое дело — скорбь. Путь к Небу тесен, скорбь поставляет нас на этом тесном пути, а не терпящий скорби не может идти по нему. Кто предается скорби на этом тесном пути, тот получает и утешение, а кто любит широту, тот и не входит в него, или мучится, как бы вбиваемый насильно... Лишился ли ты имущества, — это много убавило широты пути твоего. Лишился ли славы, — она была также широтой. Подвергся ли клевете, верят ли тому, что наговорили на тебя, но чего сам ты не сознавал за собой, — радуйся и веселись. *Блаженны вы,* сказал Господь, *когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5. 11–12). Чему ты удивляешься, когда постигает тебя скорбь, и для чего желаешь освободиться от искушений?.. Итак, будем благодарить за все: и за утешение, и за скорбь, не станем роптать, не будем неблагодарными (1).

* * *

Где скорбь, там и утешение, а где утешение, там и благодать Божия... Тогда душа и очищается, когда терпит скорби ради Бога. Тогда она получает большую помощь, потому что имеет нужду в большем содействии от Бога и достойнее большей благодати... Скорбь искореняет высокомерие, отсекает всякое нерадение, уготовляет к терпению, обнаруживает ничтожность дел человеческих и в жизнь вводит много любомудного. Ей уступают все страсти: зависть, ревность, похоть, пристрастие к богатству, плотская любовь, гордость, высокомерие, гнев и весь рой душевных недугов... Если кто рассмотрит настоящие наши дела, увидит, какую пользу приносят скорби. Ныне, наслаждаясь миром, мы ослабели, обленились и наполнили Церковь тысячами зол. Когда же терпели гонения, тогда были целомудреннее, благонравнее, ревностнее и усерднее как к этим собраниям, так и к слушанию [Слова Божия]. Что огонь для золота, то скорбь для души: она стирает с нее скверну, делает ее чистой, светлой и ясной. Скорбь вводит в Царство, а беспечная

жизнь в геенну, потому в Царство тесный, а в геенну пространный путь. Потому и Христос, как бы предлагая нам некое великое благо, сказал: *в мире будете иметь скорбь* (Ин. 16, 33). Итак, если ты ученик Христов, иди путем тесным и скорбным, не ропщи и не унывай (1).

* * *

Скорбь — великое дело, великое для того, чтобы человек стал доблестным и научился добродетели терпения. А что, скажет кто-нибудь, если она своей чрезмерностью поколеблет и одолеет [человека]? *Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10, 13). Если наказание бывает от любви, а оставление без наказания от ненависти (см.: Евр. 12, 7-8), то невозможно, чтобы один и тот же вместе и любил и ненавидел одного и того же, наказывал и вместе оставлял его без внимания. Почему же, скажет кто-нибудь, многие пали? Потому что сами отпали от Бога, а не Им были оставлены. *Ибо вот,* говорит Писание, *удаляющие себя от Тебя погибнут* (Пс. 72, 27). А отдаляются они тем, что не переносят вразумлений Божиих, но гневаются и негодуют на них... Поэтому нам и заповедано терпеть и *крепить сердце* свое (Пс. 26, 14). Но ты подвергся страданиям гораздо тягчайшим? — Так и воспитатели детей не всем назначают равные и одинаковые упражнения, но слабым слабые, а сильным дают таких же сильных противников, потому что у кого противник окажется слабее его самого, тот не будет иметь надлежащего упражнения, хотя бы стал бороться с ним целый день. Почему же, скажет кто-нибудь, не всем, посвятившим себя одинаковой жизни, Бог определил одинаковый вид упражнений? И люди не все имеют нужду в одном и том же, хотя бы они были в одинаковых обстоятельствах, подобно тому, как многие больные, страдающие одинаковыми болезнями, имеют нужду не в одних и тех же лекарствах, но одни — в одних, другие — в других. Поэтому и способы страданий различны и разнообразны: один искушается продолжительной болезнью, другой — крайней бедностью, иной — обидами и оскорблениями, а иной — тем, что постоянно и непрерывно

видит смерть своих детей и родственников, тот всеобщим презрением и отвращением, а этот — обвинением в том, чего он и не знает за собой, и навлеченным на него бременем бесславия, иной иным способом, так что всего в точности и перечислить невозможно. Каждое из этих страданий в сравнении с твоим несчастьем тебе кажется легким и ничтожным, но если бы ты сам испытывал их, то узнал бы, что твое несчастье, на которое теперь посетуешь, гораздо сноснее их. Впрочем, если некоторые и меньше нас наказываются, мы не должны соблазняться этим, потому что увеличение трудов служит к увеличению наград и бывает твердым оплотом против вольных или невольных нападений: оно обуздывает гордость, прогоняет беспечность, делает нас более благоразумными и благочестивыми. Вообще, если кто захочет перечислить все, то найдет много пользы от искушений, и никто из тех, о ком много печется Бог, не бывает без печали, хотя нам это и не так представляется...

Если же некоторые не вразумились такими скорбями, то уже не по вине Пославшего наказание, но по собственному нерадению. Если бы не было приложено к ним врачевство, то можно было бы подумать, что они погибли от невнимательности к ним, а теперь сделано немало для того, чтобы ни в чем не винить врача, а только самих больных и их невнимательность. Хотя некоторые, жившие честно до искушений, пали после того, как подверглись им, другие, предавшиеся всяким порокам, не испытали никакой скорби, а иные с первого возраста до последнего вздоха терпели бесчисленные несчастья — но ничем таким мы не должны смущаться и впадать [в отчаянье]. Если бы мы могли и обязаны были знать действия Промысла Божия и не познали их, тогда следовало бы нам унывать и смущаться, но если и тот, кто был участником неизреченных тайн и восходил на третье небо, смутился перед этой бездной и, приникнув в глубину богатства и премудрости и ведения Божия, только изумился и тотчас отступил, то для чего мы напрасно усиливаемся узнать непостижимое и исследовать неисследимое (см.: Рим. 11, 33)? Мы не станем противоречить врачу, когда он предписывает противное тому, что нам кажется полезным,

приказывает, например, охладевший член опускать в холодную воду и делает много другого, с виду странного, но заранее убедив себя, что он делает это по правилам своего искусства, охотно повинуемся ему, хотя он часто и ошибается. Почему же мы будем исследовать [действия] Бога, Который так превосходит нас во всем, Который есть сама Премудрость и никогда не ошибается? Тому, у кого следовало бы требовать отчета, будем верить беспрекословно, а от Того, Кому одному должны верить, будем требовать оправдания и отчета в Его действиях и негодовать, что этого не знаем? Свойственно ли это душе благочестивой? Нет, не будем доходить до такого безумия, но о всем, в чем недоумеваем, будем говорить: *судьбы Твои — бездна великая* (Пс. 35, 7). Даже и то, что мы не все знаем ясно, есть дело премудрости Божией. Если бы мы повиновались Богу потому, что знали бы причины событий, то не велика была бы нам награда и наше повиновение не было бы выражением веры. Когда же мы, не зная их, с любовью покоряемся всем Его повелениям, по истинному послушанию и искренней вере, тогда доставляем величайшую пользу душам нашим. Мы должны быть убеждены в одном только, что Богом все посылается для нашей пользы, а самого способа не исследовать, и не роптать, и не унывать, когда не знаем его (2).

* * *

Кто время трудов делает временем покоя, тот будет стонать, скрежетать зубами и терпеть крайние муки тогда, когда нужно будет успокоиться вечным покоем, а кто здесь переносит скорби благодушно, тот и здесь и там будет блистать и наслаждаться славой бессмертной и истинной. Если в житейских делах человек, делающий что-либо неблаговременно, не достигает того, что имел в виду, и подвергает себя бесчисленным бедствиям, то тем более испытает это на себе тот, кто не знает установленных времен в делах духовных. Христос сказал: *в мире будете иметь скорбь* (Ин. 16, 33). Блаженный Павел сказал: *все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим. 3, 12)... Что же ты сетуешь, претерпевая скорби во время скорбей? Сетовать нужно было бы в том случае, если бы

мы время, которое Христос назвал бы временем скорби, делали временем наслаждения и покоя; если бы в то время, когда нам заповедано подвизаться и трудиться, мы предавались праздности; если бы мы шли по пространному пути, тогда как Он повелел идти по тесному (2).

* * *

Ты согрешил и поплакал? Этим ты загладил грех, потому что [написано]: *говори ты, чтобы оправдаться* (Ис. 43, 260). Лишь бы ты печалился и скорбел, эта скорбь ведет ко спасению не по своему свойству, но по человеколюбию Владыки. Для имеющего грехи немалым служит облегчением скорбь о самом себе, ибо *он отвратившись пошел по пути своего сердца. Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его и утешать его и сетующих его** (Ис. 57, 17–18). О неизреченное человеколюбие! Неизъяснимая благость! Он опечалился, и Я исцелил его! Что же особенного в том, что он опечалился? Ничего особенного, но Я нашел в том повод исцелить печали его. Видите, как Он в краткую минуту времени все совместил (3)?

* В церковнославянском варианте: видех, яко опечалися и пойде дряхл, и исцелих его.

СЛАВА ИСТИННАЯ

Я не запрещаю искать славы, но славы истинной, той, которая происходит от Бога: *ему*, говорит апостол, *и похвала не от людей, но от Бога* (Рим. 2, 29). Будем благочестивыми втайне, не облекая себя гордостью, притворством и лицемерием, снимем с себя овчую кожу, или лучше, будем овцами. Нет ничего ничтожнее славы человеческой. Скажи мне, если бы ты увидел множество малолетних детей, т.е. грудных младенцев, то захотел ли бы себе славы от них? Так смотри и на всех людей в отношении к славе. Потому это и называется тщеславием... Слава человеческая пуста, она только подражает славе, а на самом деле не есть слава. Постоянна только одна слава — естественная, внутренняя, а эта, внешняя, часто прикрывает безобразие... Что хорошего в том, чтобы быть предметом зрелища для многих? Это — тщеславие, и больше ничего. Войди в дом, останься один, — и тотчас исчезнет все.

Ты пришел на площадь и обратил на себя внимание присутствующих? Что же еще? Ничего. Все исчезло и прошло, как рассеявшийся дым. Отчего же мы так пристрастны к вещам ничтожным? Какое безрассудство! Какое безумие! Нет, будем взирать только на то, как бы похвалил нас Бог. Если это мы будем иметь в виду, то никогда не станем искать похвалы от людей, но если даже они будут хвалить нас, станет презирать, посмеваться, гнушаться, смотреть на это так, будто мы, желая золота, получали грязь. Пусть не хвалит тебя такой-то: этим он не принесет тебе никакой пользы. А если он будет порицать, то не причинит никакого вреда. От Бога то и другое доставляет нам пользу или вред, а от людей — все это тщетно. Таким образом мы можем уподобиться Богу, Который не нуждается в славе человеческой: *не приемлю*, говорит Он, *славы от человеков* (Ин. 5, 41)... Когда ты не расположен презирать славу, то скажи самому себе: презрев ее, я сделаюсь подобным Богу, — и тотчас станешь презирать ее. Раб славы не может не быть рабом всем, и даже презреннее самих рабов. Мы не приказываем того своим рабам, что она [слава] — преданным ей. Она заставляет нас и говорить и переносить постыдное и бесчестное и чем более видит нас послушными, тем более увеличивает свои требования. Итак, будем убегать этого рабства. А как, скажешь, мы можем сделать это? Если мы будем любомудро рассуждать о здешних благах, если будем сознавать, что все настоящее есть сон и тень и больше ничего, то легко преодолеем эту страсть и не будем предаваться ей ни в малых, ни в больших делах. А если будем допускать ее в малых делах, то легко подпадем под ее власть и в больших. Удалим от себя источники ее, т.е. безумие и низость души. Если таким образом мы будем иметь помыслы возвышенные, то будем в состоянии презирать честь от людей, устремлять ум свой к небу и получить тамошние блага (1).

* * *

Послушай блаженного Павла, что он говорит после столь многих и тяжких скорбей, нападений, уз и ежедневных смертей: *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая*

откроется в нас (Рим. 8, 18). Хотя бы мы, говорит, каждый день предавали себя на смерть, — чего, впрочем, природа не приемлет, хотя воля, побеждающая природу, по благости Господа, чтится, — все же и тогда наши страдания не равнялись бы тем благам, которые нас ожидают, и той славе, которая в нас откроется. Смотри, как велика слава, которую получают творящие добродетель: она превыше всех подвигов, какие бы кто ни совершал; пусть он достигнет самой высоты, но и тогда будет еще ниже ее. В самом деле, что может человек совершить такое, чем бы он вполне заслуживал щедродательность Господа? И если Павел, столь великий и высокий муж, говорил: *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас*, если так говорил тот, который сказал о себе: *каждый день умираю* (1 Кор. 15, 31), и: *более всех потрудился* (1 Кор. 15, 10), то что скажем мы, которые не хотим подъять и малого труда ради добродетели, но всегда ищем покоя, только и смотрим, как бы избегнуть всякой неприятности, а между тем знаем, что невозможно достигнуть тамошнего (вечного) покоя, если здесь не возлюбим жизнь подвижническую? В самом деле, здешние скорби располагают нас благоугождать Богу, и малые подвиги, здесь совершаемые, даруют нам великое дерзновение там, лишь бы только мы решились поступать по совету этого учителя вселенной (апостола Павла). То, что случается с нами здесь, хотя и прискорбно, однако же кратковременно, а блага, ожидающие нас там, бесконечны и вечны (8).

СЛАВОЛЮБИЕ

Потому и слабее наша любовь ко Христу, что вся наша сила истощается на любовь порочную, и мы хищники, сребролюбцы, рабы суетной славы. А что может быть маловажнее этой славы? Если сделаешься и в тысячу раз знатнее, ничем не лучше будешь людей неизвестных. Напротив, через это самое сделаешься бесчестнее. Когда те, которые охотно тебя прославляют и выставляют знаменитым, смеются над тобой за то самое, что ты желаешь от них славы, то это усердие не произведет ли противного твоему желанию? Ибо люди эти поступают как об-

личители. Кто хвалит преданного прелюбодеянию или блуду и ласкательствует ему, тот этим самым более обличает, нежели хвалит похотника. Так, если все мы хвалим пристрастного к славе, то более обличаем, нежели хвалим славолюбивого. Итак, для чего же ты много заботишься о таком деле, следствия которого всегда противны твоей цели? Если хочешь прославиться, презирай славу, и будешь славнее всех (1).

* * *

Подлинно, мирской блеск нисколько не отличается от представлений на зрелище и от красоты весенних цветов: во-первых, он исчезает прежде самого появления, потом, если когда и остается на малое время, тотчас оказывается тленным. Что ничтожнее чести и славы народной? Какой она приносит плод, какую пользу? К какому приводит она благому концу? О, если бы при ней было только это горе! А теперь преданный этой жесточайшей госпоже [страсти к славе], не только не приобретает ничего хорошего, но еще принужден бывает постоянно терпеть много неприятного и вредного. Она господствует над теми, которые предаются ей, и чем больше получает угождений от этих рабов, тем больше надмевается над ними, тем тягчайшими изнуряет их повелениями; а тем, которые отвергают и презирают ее, она не может мстить. Таким образом, она свирепее и тирана и всякого зверя, потому что от ласкового обращения часто делаются кроткими и тиран, и зверь, а эта страсть тогда особенно и свирепствует, когда ей больше повинуются и, если найдет кого послушным себе и готовым на все, то не откажется ни от каких приказаний ему. Она имеет своей сотрудницей еще и другую страсть, которую безошибочно можно назвать ее дочерью. Когда сама она, будучи воспитана и взращена, уже крепко укоренится в нас, тогда порождает гордость, которая не меньше ее самой может низвергнуть в пропасть души предавшихся ей... Тот только может сделаться знаменитым и славным, кто не домогается этого, а кто народную славу считает за нечто великое и для приобретения ее переносит и делает все, тот особенно и не достигает и не получает ее, но удостаивается всего противоположного:

осмеяния, осуждения, злословий, вражды и ненависти... Не гоняясь за людской славой, мы не только избегаем этих зол, но сверх выше сказанного приобретем то, что важнее всего, приучаясь мало-помалу облегчать себя, возноситься к Небу и презирать все земное. Не ищущий почестей от людей что ни делает хорошего, делает все это спокойно, и будут ли прискорбны или благоприятны обстоятельства его жизни, не потерпит никакого вреда: первые не в состоянии поразить его и повергнуть [в уныние], а последние сделать его гордым и надменным, но среди всех перемен и замешательств сам он остается вне всякой перемены (2).

* * *

Ничего не станем делать из-за людской славы, потому что нет нам никакой пользы ни от поста, ни от молитвы, ни от милостыни, ни от других дел, если делаем это не ради Того Единого, Который знает и тайное и скрытое в глубине души нашей. Если от Него ожидаешь ты, человек, воздаяния, то для чего ищешь похвалы от ближнего? И что говорю — похвалы? Часто он не (только не) хвалит, но еще порицает тебя. Многие так злонравны, что и добрые дела наши толкуют превратно. Итак, для чего, скажи мне, высоко ценишь превратный суд этих людей? От неусыпающего же того ока никакое действие наше не сокрыто, и, помышляя об этом, мы должны устроять свою жизнь с такой тщательностью, как те, кому скоро предстоит дать отчет и в словах, и в делах, и в самих помышлениях своих (8).

СЛАСТОЛЮБИЕ

Свинья валяется в грязи и питается калом, а сластолюбивый человек приготовляет себе стол отвратительнейший, придумывая непозволенные связи и беззаконную любовь. Такой нимало не отличается от бесноватого, он так же бесстыдствует и неистовствует. О бесноватом мы, по крайней мере, жалеем, а этого отвращаемся и ненавидим. А почему? Потому что он произвольно неистовствует и обращает и рот свой, и глаза, и ноздри, и все вообще в проводники смрада и нечистоты. Если же заглянуть внутрь такого человека, то увидим, что душа в нем застыла и оцепенела как бы среди зимы

и мороза и уже не может подать никакой помощи ладье по причине чрезмерной непогоды. Стыдно мне говорить, как много страждут от сластолюбия и мужчины и женщины. Это я оставляю на их совесть, которая точнее знает все (1).

СЛОВА

Как тот, кто ввергнул в яму различных свирепых зверей, если сверху закроет эту яму, то легко задушит их, а если оставит хоть малый выход и возможность дышать, то даст им большое послабление и не только не задушит их, но сделает еще более свирепыми, так бывает и с порочными помыслами, когда они зарождаются внутри. Если мы преграждаем им выход наружу, то скоро уничтожаем их, а если выпускаем их посредством слов, давая им перевести дыхание посредством языка, то делаем их более сильными и от занятия постыдными словами скоро впадаем в бездну непристойных дел. Поэтому пророк и назвал гортань не просто гробом, но *гробом отверстым* (Пс. 5, 10), осуждая то самое, о чем я сказал. Ибо кто произносит постыдные слова, то не себя только срамит, но распространяет великую заразу и между ближними и обращающимися с ним. Как, открыв гробы, мы наполнили бы города заразой: так и сквернословы, открывая с бесстыдством свои уста, заражают всех общающихся с ними тягчайшей болезнью. Поэтому на уста нужно налагать дверь, и запор, и узду. Научим свой язык носить узду и не произносить просто все, что есть в душе, не порицать братьев, не угрызать и не пожирать друг друга. Гораздо хуже кусающих тело те, которые делают это словами. Первые кусают зубами тело, а последний угрызает словами душу, наносит рану неисцельную. Поэтому он подвергнется тем большему наказанию и мучению, чем тягчайшее причиняет угрызение. И не поэтому только порицатель будет лишен прощения, но и потому, что он не может представить ни справедливого, ни несправедливого предлога к своему пороку. Другие грехи хотя и неосновательные имеют причины, однако же имеют: например, блудник увлекается похотью, вор хочет избавиться от бедности, человекоубийца удовлетворяет гневу, а порицатель не может представить никакого

предлога. Приобретает ли он, скажи мне, обилие в деньгах? Какому удовлетворяет он пожеланию? У него нет никакого другого повода, кроме зависти, не имеющей ни справедливой, ни несправедливой причины. Поэтому и лишится он всякого прощения... Язык есть меч изощренный, но им мы не должны ранить других, а должны вырезывать собственные гнилые язвы (1).

* * *

Но не в одних делах, а и в словах тогда [на суде] дадим отчет. И мы, вверив слугам своим деньги, требуем у них отчета во всем, так и Бог, вверив нам [дар] слова, взыщет за его употребление. Так мы истязуемы будем и дадим строгий отчет в том, не бессмысленно ли и не попусту ли тратили слова, потому что не столько вредна пустая трата денег, сколько бессмысленное, суетное и напрасное употребление слов. Напрасная трата денег делает иногда ущерб имению, а слово, произнесенное без рассуждения, разоряет целые дома, губит и разрушает души. Ущерб имения можно опять поправить, а слово, раз вылетевшее, возвратить назад нельзя.

А что мы дадим отчет в словах, послушай, что говорит Христос: *говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 36–37). И не только в своих словах мы дадим отчет, но и в слушании [чужих] слов, например, не внял ли ты ложному обвинению ближнего, потому что сказано: *не внимай пустому слуху* (Исх. 23, 1). Если же приемлющие пустой слух не получат извинения, то какое оправдание будут иметь те, кто клевещет и оговаривает (6)?

* * *

Павел увещевает так: *никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе* (Еф. 4. 29). А какое, скажешь, слово *гнилое*? Если узнаешь *доброе*, то узнаешь и *гнилое*, потому что первое он выразил для различения второго. А какое слово *доброе*, об этом ты не имеешь нужды спрашивать у меня, потому что сам Павел объяснил нам его свойство. Сказав: *только благое*, он прибавил: *для назидания в вере*, выражая, что *доброе* то слово, которое назидает

ближнего. Поэтому как назидающее слово — *доброе*, так разрушающее — гнило и негодно.

Так и ты, если имеешь сказать что-нибудь такое, от чего слушающий может сделаться лучшим, то не удерживай слова во время спасения. А если не имеешь ничего такого, но только речи порочные и развратные, то молчи, чтобы не повредить ближнему. То слово гнилое, которое не назидает слушателя, но еще развращает его. Если он заботится о добродетели, то часто побуждается к гордости, если же был беззаботен, то делается еще нерадивее. Если ты имеешь сказать слово постыдное и смешное, то молчи, потому что и то слово — гнило, которое делает более рассеянным и говорящего и слушающего и в каждом воспламеняет порочные пожелания. Как для огня составляют пищу дрова и хворост, так для порочных пожеланий — слова. Поэтому не до́лжно непременно высказывать все, что мы имеем в уме, но до́лжно стараться удалять и из самого ума порочные пожелания и всякую постыдную мысль. Если же когда незаметным образом мы допустим у себя нечистые помыслы, то не будем никогда выводить их наружу языком, но будем подавлять их молчанием. Как дикие звери и пресмыкающиеся животные, попав в яму, если найдут какой-нибудь выход наверх, то, выйдя, делаются еще более свирепыми, а если останутся навсегда заключенными внизу, то непременно погибают и легко пропадают, так точно и порочные пожелания: если найдут какой-нибудь выход через наши уста и посредством слов, то усиливают внутренний пламень, а если ты заключишь их посредством молчания, то они делаются слабее и, истощаясь безмолвием, как бы голодом, скоро умирают в душе. Таким образом, если ты чувствуешь какое-нибудь постыдное пожелание, то не произноси постыдного слова: этим ты погасишь и пожелание. У тебя нечисты мысли? Пусть же, по крайней мере, будут чисты твои уста, не выноси вон этой грязи, чтобы не сделать вреда и другому и самому себе, потому что не только говорящим, но и слушающим других, когда говорят постыдное, придается много нечистоты. Поэтому прошу и советую не только не говорить таких слов, но, когда и другие говорят, воздерживаться от слушания и

постоянно прилепляться к закону Божию (6).

* * *

Будем ежедневно исследовать силу ее (души), и не перестанем испытывать самих себя, будем требовать у себя отчета и в том, что в нас входит, и в том, что выходит, — что мы сказали полезного и какое произнесли слово праздное, а также что полезного ввели в душу через слух и что внесли в нее, могущее повредить ей. Языку назначим некоторые правила и пределы, так чтобы наперед взвешивать выражения и потом уже произносить слова, а мысль приучим не вымышлять ничего вредного, а если что-нибудь подобное привзойдет извне, отвергать это, как излишнее и могущее повредить, если зародится внутри (худая мысль), тотчас прогонять ее благочестивым размышлением (8).

СЛОВО БОЖИЕ

Подумай, как земля все произвела только по слову Господа. Еще не было ни человека-делателя, ни плуга, ни рабочих волов, ни другого попечения о ней, но лишь услышала (земля) повеление — и тотчас исполнила свою обязанность. Из этого познаем, что и теперь приносит нам плоды не рачительность земледельцев, не труд и вообще не изнурительная работа по возделыванию земли, но прежде всего этого Слово Божие, сказанное ей в начале. С другой стороны, исправляя и впоследствии неразумие людей, божественное Писание обстоятельно излагает нам все по порядку, как что было, чтобы устранить пустые толки тех, кто по своим соображениям утверждают, будто для спелости плодов требуется только действие солнца. Есть и такие, которые осмеливаются приписывать это даже некоторым звездам. Поэтому Святой Дух научает нас, что до сотворения этих стихий земля, повинуясь слову и повелению Его, произращает всякие семена, не нуждаясь ни в каком другом содействии. Для нее вместо всего довольно было одного этого слова Божия: *да произрастит земля зелень, траву сеющую семя* (Быт. 1, 11) (8).

СМЕРТЬ

Вы слышали, как внушает нам апостол Павел не скорбеть

об умерших. Если мы станем разбирать апостольское изречение, то найдем великое сокровище. *Не хочу*, говорит, *оставить вас, братия, в неведении об умерших**, *дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним* (1Фес. 4, 13–14). Здесь наперед надобно взять во внимание и рассмотреть, почему апостол, когда говорит о Христе, называет смерть Его смертью, когда же говорит о нашей кончине, то называет ее не смертью, а успением... Также: *мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших* (1 Фес. 4, 15). И здесь не сказал *умерших*, но во всех трех местах смерть человеков назвал *успением*. О Христе же не так: *если мы веруем, что Иисус умер*... Не просто и не без цели он употребляет эти различные выражения, но имея в виду нечто мудрое и великое. Говоря о Христе, он употребил слово *смерть*, чтобы показать действительность Его страданий, а о нас — *успение*, — чтобы умерить нашу скорбь. Там, где уже совершилось воскресение, он смело употребил слово *смерть*, а там, где воскресение есть предмет надежды, употребляет слово *успение*, этим словом и утешая нас и укрепляя благие надежды. Ибо спящий, конечно, встанет, а смерть есть не что иное, как долгий сон. Не говори мне, что умерший и не слышит, и не говорит, и не видит, и не чувствует, ибо таково же состояние и спящего. Скажу и нечто странное. У спящего и душа как бы спит, но у умершего, напротив, бодрствует. Но умерший, говорят, гниет, и тлеет, и превращается в персть и прах. Что же из этого?.. По этому самому надобно более всего радоваться. Ибо и тот, кто хочет перестроить развалившийся и ветхий дом, наперед выводит из него живущих, потом разрушает его и снова воздвигает в лучшем виде. Выведенные не скорбят об этом, а еще радуются, ибо обращают внимание не на видимое разрушение, но воображают будущее, хотя еще и невидимое, здание. То же творит и Бог: Он разрушает наше тело и сперва изводит живущую в нем душу, как бы из некоего дома, дабы потом воздвигнуть его в лучшем

* В славянском переводе — об умерших, а в греческом подлиннике — об усопших.

виде, снова ввести в него душу с большей славой. Итак, будем обращать внимание не на разрушение, но на будущую славу.

...Если у кого-то статуя испортилась от ржавчины и от времени и многие части у нее отвалились, то владелец, разбив ее, бросает в горн и, тщательно переплавив, делает ее лучше. И как разрушение статуи в горне не есть уничтожение ее, но возобновление, так и смерть наших тел не есть уничтожение, но обновление их. Итак, когда увидишь, что тело наше как бы в горне разлагается и тлеет, то не останавливайся на этом видении, но жди обновления... Но ваятель, бросая в горн медное тело, делает статую не золотой и бессмертной, но такой же медной, а Бог, ввергая [в землю] тело перстное и смертное, делает тебе статую золотую и бессмертную, ибо земля, приняв тело тленное и смертное, возвращает его нетленным и бессмертным. Итак, видя умершего, не на то смотри, что он сомкнул глаза и лежит безгласный, но на то, как он воскреснет и получит неизъяснимую, изумительную и дивную славу, и от настоящего видения возводи помыслы к надежде будущего. Но ты следуешь обычаям и потому скорбишь и плачешь? — Но ведь когда ты отдаешь дочь замуж, не почитаешь несчастьем, если муж отходит с ней в дальнюю сторону и там живет счастливо, потому что скорбь разлуки облегчается слухом об их благополучии, а здесь, когда не человек, но сам Господь берет к себе твоего родственника, ты печалишься и сетуешь! — Как же, скажешь, возможно человеку не скорбеть? Я и не говорю этого, и запрещаю не скорбь, а чрезмерность скорби, ибо скорбеть свойственно природе, но скорбеть через меру свойственно душе безрассудной, умоисступленной и изнеженной. Поскорби, поплачь, но не ропщи, не малодушествуй, не досадуй. Возблагодари Взявшего, — и украсишь отшедшего и облечешь его в светлую погребальную одежду. Если станешь роптать, то оскорбишь и отшедшего, и прогневаешь Взявшего, и повредишь самому себе, но если будешь благодарить, то и его украсишь, и прославишь Взявшего, и сделаешь пользу самому себе. Плачь, как Господь твой плакал о Лазаре, полагая нам меру, правила и пределы скорби, которых преступить не должно.

Скорби, говорит Павел, но не как язычник, не ожидающий воскресения, не надеющийся жизни будущей... Скажи мне, почему ты плачешь так об отшедшем? Потому ли, что он был порочен? В таком случае до́лжно благодарить, потому что положен предел его порокам. Но он был честный и добрый человек? И об этом надо радоваться, потому что он скоро восхищен, прежде нежели злоба изменила разум его, и отошел в страну, где пребывает уже в безопасности и не страшится никакой перемены. Но он был молод? И за то прославь Взявшего, что скоро призвал его к лучшей жизни. Но он был стар? И за это опять возблагодари и прославь Взявшего... Смерть есть упокоение, освобождение от житейских трудов и забот. Итак, когда увидишь, что кто-либо из родственников твоих отошел отсюда, не ропщи, но умились сердцем, войди в себя, испытай совесть, помысли, что и тебя немного спустя ожидает такой же конец. Вразумись и убойся, видя смерть ближнего, отринь всякую беспечность, рассмотри свои дела, исправь прегрешения, измени свою жизнь на лучшее. Мы тем и отличаемся от неверующих, что иначе судим о вещах... Видит мертвого он, и считает мертвым, смотрю я на умершего, и вместо смерти вижу сон...

Помысли, к кому отошел умерший, и утешься: он отошел туда, где Павел, где Петр, где весь сонм святых. Помысли, в какой славе и светлости он восстанет, помысли, что слезами и воплями ты не можешь исправить случившегося, а только крайне повредишь себе... Не имеющий надежды на тамошний суд не имеет никакого упования и не знает ни того, что есть Бог, ни того, что Он промышляет о настоящих делах, ни того, что за всем надзирает Божественное правосудие. А кто не знает и не помышляет об этом, тот бессмысленнее всякого зверя и изгнал из души своей закон, суд и правду, словом — все доброе. Ибо кто не готовится дать отчет в делах своих, тот будет уклоняться от всякой добродетели и предаваться всякому пороку. Размыслив об этом и рассудив о невежестве и безумии неверующих, с которыми мы сходствуем в сетовании об умерших, будем избегать такого согласия с ними...

Итак, мы должны благодарить Бога не только за воскресение,

но и за надежду воскресения, которая может утешить и сетующую душу и убедить нас быть благодушными при разлуке с отшедшими, так как они воскреснут и соединятся с нами. Если надобно скорбеть и плакать, то, конечно, о тех, которые живут во грехах, а не о тех, которые отошли с добродетелью (1).

* * *

Будем оплакивать не умирающих, а тех, которые оканчивают жизнь во зле. Если же ты, жена, нуждаешься в защите и потому плачешь о муже, то прибегни к общему для всех Защитнику, Спасителю и Благодетелю — Богу, к этой непреоборимой защите, готовой помощи, благонадежному покрову, вездесущему и отовсюду нас окружающему. Но привычное обращение с ним [мужем], скажешь, вожделенно и приятно. И я знаю это, но если ты умеришь скорбь свою рассудком и размыслишь о том, Кто взял его, и что ты, перенеся великодушно, принесешь свою волю в жертву Богу, то будешь в состоянии избежать и этой волны, и то, что совершает время, совершит твое любомудрие. Если же ты будешь чрезмерно скорбеть, то хотя время прекратит твою скорбь, но ты не получишь никакой награды... Но, скажешь, я оплакиваю не его, а себя. И это несвойственно любящему — желать, чтобы он еще сетовал о тебе и подвергался неизвестности будущего, тогда как ему следует быть увенчанным и идти к пристанищу, или чтобы он обуревался волнами, тогда как ему можно быть в пристани. Но я не знаю, скажешь, куда отошел он. Как не знаешь, скажи мне? Он жил праведно или нет? По этому известно, куда отойдет он. По тому самому, скажешь, я и сокрушаюсь, что он умер грешником. Это одна отговорка и предлог. Если бы ты поэтому оплакивала умершего, то тебе надлежало бы исправлять и усовершать его при жизни, но ты заботишься только о себе, а не о нем. Впрочем, если он умер грешником, то и в таком случае надобно радоваться, что прекратились грехи его и что он не приложил еще зла ко злу, и помогать ему сколько возможно не слезами, а молитвами, молениями, милостынями и приношениями. Ибо все это установлено не напрасно, не напрасно мы совершаем при божествен-

ных Таинствах поминовение умерших и ходатайствуем за них, умоляя предлежащего Агнца, вземшего грехи мира, но для того, чтобы им было от него некоторое утешение. Не напрасно предстоящий перед жертвенником при совершении страшных Таинств, взывает о всех во Христе усопших и память о них творящих. Если бы о них не совершалось поминовение, то и не произносились бы эти слова. Наши действия — не зрелищные представления, — да не будет, — они совершаются по устроению Духа.

Будем же помогать умершим и совершать о них поминовение. Ибо если детей Иова очищала жертва отца, то почему ты сомневаешься, что когда и мы приносим жертву за умерших, то им бывает некоторое утешение? Бог часто подает благодать одним за других. Это объяснил Павел, когда сказал: *при содействии и вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас* (2 Кор. 1, 11). Не обленимся же помогать умершим и приносить за них молитвы, ибо предлежит общее очищение вселенной. Потому мы и молимся тогда с дерзновением о всей вселенной и именуем их вместе с мучениками, исповедниками и священниками. Ибо мы все одно тело, хотя члены — одни других превосходнее. Так, отовсюду возможно снискивать им прощение: и от молитв, и от приносимых за них даров, и от призываемых вместе с ними. Почему же скорбишь, почему плачешь, когда можешь снискать прощение умершему?.. Или ты потерял сына? Не потерял, не говори так. Это сон, а не смерть, переселение, а не потеря, переход от худшего к лучшему. Не раздражай Бога, но умилостивляй Его. Если перенесешь великодушно, то отсюда будет некоторое утешение и умершему и тебе... Помышляй в себе самом, что не человек взял, но Бог, который сотворил его, который более тебя печется о нем и знает, что ему полезно, а не враг какой-нибудь или человек недоброжелательный. Вспомни, сколь многие дети, оставшись в живых, делали родителям жизнь не в жизнь. Но, скажешь, добродетельных разве ты не видишь? Вижу и их, но состояние твоего сына безопаснее, нежели их, они теперь заслуживают похвалу, но конец их неизвестен, а за него тебе уже не

надобно бояться и трепетать, чтобы чего-нибудь с ним не случилось, чтобы какая-нибудь не произошла с ним перемена. Также рассуждай и о жене доброй и домовитой и за все благодари Бога (3).

* * *

Благословен Бог: вот и жены уже забавляются смертью, и отроковицы посмеваются кончине, и девы весьма юные и не знавшие брака прыгают на самое жало ада и не терпят никакого вреда. Все эти блага получили мы ради Христа, родившегося от Девы. После того блаженного зачатия и поразительнейшего рождения расслабла смерть, сокрушилась сила диавола и сделалась наконец презренной не только для мужей, но и для жен, и не для жен только, но и для отроковиц. Как ловкий пастух, поймав льва, который пугал его скот и вредил всему стаду, выбив у него зубы, обрезав когти и обстригши гриву, делает его презренным и смешным и наконец отдает его для забавы пастушеским детям и отроковицам, — так точно и Христос, уловив смерть, которая была страшна для нашего естества и пугала весь род наш, и рассеяв весь этот страх, отдал ее в забаву даже девам (5).

* * *

Послушай же, как относится к этому делу Павел, считает ли он смерть страшной, как они [ветхозаветные пророки], печалится ли при ее наступлении и боится ли. Напротив, он считает ее даже вожделенной и потому говорит: *имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше* (1 Флп. 1, 23). Для них страшно, а для него лучше, для тех неприятно, а для него приятно и весьма естественно, потому что прежде смерть низводила в ад, а теперь смерть препровождает ко Христу. Поэтому Иаков говорит: *сведете вы седину мою с печалью во гроб* (Быт. 42, 38), а Павел говорил: *имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше*. Впрочем, он говорил это, не осуждая настоящей жизни (да не будет, остережемся, чтобы не дать места нападению еретиков) и не избегая ее, как зла, но стремясь к будущей, как к лучшей. Он не сказал: разрешиться и со Христом быть

хорошо, но — *лучше*, а лучшее бывает лучше чего-либо хорошего... И в другом месте, рассуждая об этом же самом, он говорил: *если я и соделываюсь жертвою за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне* (Флп. 2, 17–18). Что говоришь ты? Ты умираешь, Павел, и призываешь людей к участию в радости? Что, скажи мне, случилось с тобой? Я не умираю, говорит он, но восхожу к лучшей жизни. Как люди, получающие власть, приглашают многих участвовать в их радости, так и Павел, идя на смерть, призвал других сочувствовать ему, потому что смерть есть отдых и избавление от трудов, воздаяние за подвиги, награда за борьбу и венец. Поэтому вначале по умершим бывали рыдания и плач, а теперь — псалмы и песнопения. Так, Иакова оплакивали сорок дней, столько же дней и Моисея оплакивали, и иудеи сетовали, потому что смерть тогда была смертью, а теперь не так, но бывают песнопения, молитвы и псалмы. Все это показывает, что смерть заключает в себе удовольствие ведь псалмы — символ радости... Так как мы исполнены радости, то и поем по умершим псалмы, которые убеждают нас не бояться смерти. *Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя* (Пс. 114, 6). Видишь, что смерть есть благодеяние и отдых? Вошедший в этот покой почил от дел своих, как Бог — от Своих (5).

* * *

Подлинно, весьма страшна природа смерти. Вот почему, несмотря на то, что она ежедневно нападает на наш род, она при каждом мертвеце так устрашает, смущает и поражает нас, как будто бы она является тогда неожиданно. И ни врачевство со стороны времени, ни ежедневное упражнение в этом созерцании не в силах успокоить нас. Уныние и ужас этот не стареет и от времени, но постоянно остается молодым и полным сил, и (смерть) ежедневно приходит, неся страх свежий и цветущий. И это очень естественно. В самом деле, кто может не устрашиться и не впасть в робость, когда увидит, как тот, кто вчера или за несколько дней перед тем ходил, действовал, занимался множеством дел относительно

дома, жены, детей, слуг, а часто стоял и во главе целых городов, грозил, устрашал, отменял наказания, налагал их, совершал бесчисленные дела по городам и странам, — вдруг лежит безгласнее камней и ничего не чувствует в то время, как рыдает несметное число людей... Кто может не устрашиться, когда увидит, что все внезапно ушло прочь: и рассудок, и ум, и душа, и цвет лица, и движение членов, — что на смену всему тому пришло нерадостное: немота и бесчувственность, тление, сукровица, черви, пепел, прах, зловоние, совершенное уничтожение, и что все тело спешит открыть отвратительные и безобразные кости (7)?

СМИРЕНИЕ

Ничто не может так обуздывать и воздерживать нас, как смиренномудрие, когда т.е. мы бываем скромны, смиренны и никогда нисколько не мечтаем о себе. Ведая это, и Христос, когда приступал к преподаванию духовного учения, начал с увещания к смиренномудрию: *блаженны нищие духом* (Мф. 5, 3). Кто намеревается строить большой и великолепный дом, тот полагает и основание соответственное, чтобы оно могло выдержать тяжесть, которая впоследствии будет лежать на нем. Так и Христос, начиная возводить в душах учеников великое здание любомудрия, наперед полагает увещание к смиренномудрию как твердое и непоколебимое основание, — первую и нижнюю часть здания, зная, что, когда эта добродетель вкоренится в сердцах слушателей, то и все прочие добродетели могут уже безопасно назидаться. Следовательно, когда нет в человеке этой добродетели, тогда он напрасно, попусту и без пользы будет трудиться, хотя и совершит все прочие добродетели. Как человек, построивший дом на песке, хоть и предпринял труд, но не получил пользы, потому что не положил надежного основания, так, сколько бы кто ни сделал добра, без смиренномудрия погубит и испортит все. А смиренномудрие, разумею не то, что на словах и на языке, а то, что в сердце, от души, в совести, что видеть может один Бог, эта добродетель одна и сама по себе достаточна к умилостивлению Бога, что и доказал мытарь. Не имея ничего доброго и не могши похвалиться хороши-

ми делами, он сказал только: *будь милостив ко мне грешнику* (Лк. 18, 13), и вышел праведнее фарисея, между тем это были слова еще не смиренномудрия, но искреннего сознания. Смиренномудрие состоит в том, что человек, признавая в себе великие совершенства, нисколько не мечтает о себе, а сознание — в том, что человек, будучи грешником, сам исповедует это. Если же не сознавший в себе ничего доброго, исповедав то, чем он был, так преклонил Бога на милость, то каким дерзновением будут пользоваться те, которые могли бы указать на множество своих добродетелей, скрывают, однако же, все их и ставят себя в числе последних. Так сделал и Павел: будучи первым из всех праведников, он называл себя первым из грешников (см.: 1 Тим. 1, 15); и не только называл себя так, но и был убежден в этом, узнав от Учителя, что, и сделав все, мы должны называть себя рабами, ничего не стоящими (см. Лк. 17, 10).

Вот в чем состоит смиренномудрие! Подражайте Павлу вы, у которых есть добрые дела; а мытарю вы, которые обременены грехами. Будем признавать себя такими, каковы мы на деле, будем ударять в грудь и заставлять душу свою нисколько не мечтать о себе. Если мы будем в таком расположении, то оно послужит у нас достаточным приношением и жертвой. Как и Давид сказал: *жертва Богу — дух сокрушенный, сердца сокрушенного и смиренного Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Не сказал только *смиренного*, но еще и *сокрушенного*; а сокрушенное переломлено и уже не может, хоть и захочет, подняться вверх. Так и мы, не только смирим нашу душу, но и сокрушим; а она сокрушается, когда постоянно помнить о своих грехах. Когда так смирим ее, она, если и захочет, не будет в состоянии подняться до гордости, потому что совесть, подобно узде, будет удерживать ее от надмения, будет укрощать и умерять во всем (1).

* * *

Христос такую дал заповедь ученикам своим: *когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие* (Лк. 17, 10), дабы через это предохранить их и удалить от этой пагубной страсти [высокомерия]... Верующему, сказано, *похвала не от людей, но от*

Бога (Рим. 2, 29). И чем больше станем мы преуспевать в добродетели, тем более постараемся смирить себя и быть скромными. Ибо, хотя бы мы взошли на самый верх добродетелей, но если добросовестно сравним свои добрые дела с благодеяниями Божьими, то ясно увидим, что наши добродетели не равняются и малейшей части того, что сделано для нас Богом. Этим-то и прославился каждый из святых... Послушай учителя вселенной, эту небошествующую душу, как он по совершении таких добродетелей, после такого о нем свидетельства свыше: *он есть*, сказано, *Мой избранный сосуд* (Деян. 9, 15), — не забывает о своих согрешениях, но постоянно носит их в уме, как он не позволяет себе забывать даже и о том, в чем, как он совершенно был уверен, получил уже прощение в крещении, но вопиет и говорит: *я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом* (1 Кор. 15, 9). Потом, чтобы мы познали всю глубину его смиренномудрия, присовокупил: *потому что гнал церковь Божию*. Что делаешь, Павел? Господь по своему милосердию простил и загладил все грехи твои, а ты еще помнишь о них? Так, говорит, я знаю и уверен, что Господь разрешил меня (от грехов), но когда подумаю о делах своих и посмотрю на бездну человеколюбия Божия, тогда вполне удостоверяюсь, что благодатью и человеколюбием Его я то, что есмь. Ибо, сказав: *недостоин называться Апостолом, потому что гнал Церковь Божию*, он присовокупил: *благодатию Божиею есмь то, что есмь* (1 Кор. 15, 10). То есть, хотя я со своей стороны выказал так много злости, но его неизреченная благость и милосердие даровали мне прощение. Видел ты душу, сокрушенную и постоянно памятующую о своих грехах, содеянных еще до крещения? Этому-то станем и мы подражать и, ежедневно припоминая о грехах, сделанных нами после крещения, будем постоянно содержать их в уме и никогда не попустим себе забыть о них. Это будет довольно сильной уздой, чтобы смирить и укротить нас. И что говорю я о Павле, столь великом и высоком муже? Хочешь ли видеть, как и ветхозаветные более всего прославились этим же самым, тем т.е., что по совершении бесчисленных подвигов и имея уже неизреченное дерзновение

(перед Богом) они смирялись? Послушай, как патриарх уже после собеседования с Богом, после данного ему обетования говорил о себе: *я прах и пепел* (Быт. 18, 27) (1).

* * *

Никогда не превозносись своим смирением. Может быть, вам кажутся смешными слова мои, что смирение превозносится, но не удивляйтесь, оно превозносится, когда бывает неискренним. Когда оно бывает для того, чтобы показаться перед людьми, а не перед Богом, когда оно имеет в виду свое прославление и тщеславие, ибо тогда оно — дело диавола. Как многие тщеславятся тем, что они нетщеславны, так превозносятся и смирением по высокомерию. Например, пришел к тебе брат или слуга, ты принял его, омыл ему ноги и тотчас же гордишься этим. Я, говоришь ты, сделал то, чего не сделал никто другой, я совершил подвиг смирения. Каким же образом можно остаться смиренномудрым? Если будем помнить заповедь Христа, который говорит: *когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие* (Лк. 17, 10), также слова учителя вселенной, который говорит: *я не почитаю себя достигшим* (Флп. 3, 13). Кто убежден, что он не сделал ничего великого, чтобы он ни сделал, кто не считает себя достигшим конца, тот только может быть смиренным. Многие от смирения впали в гордость, да не будет этого с нами! Совершил ли ты какое-нибудь дело смирения? Не превозносись этим, иначе погубишь все. Таков был фарисей. Он стал превозноситься тем, что отдавал бедным десятину, и погубил все. Но не таков был мытарь. Послушай, что еще говорит Павел: *хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь* (1 Кор. 4, 4). Видишь, как он не превозносился, но всячески уничижал и смирял себя, и притом тогда, как достиг самой высоты добродетелей? И три отрока, бывших в огне, среди пламени, что говорили? *Согрешили мы и поступили беззаконно* с отцами нашими (Дан. 3, 29). Это и значит иметь сердце сокрушенное! Поэтому они и могли сказать: *с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты* (Дан. 3, 39). Так они были смиренны после ввержения в печь, даже больше,

нежели до ввержения! Когда они увидели совершившееся над ними чудо, то, считая себя недостойными спасения, пришли в глубокое смирение. Ибо мы тогда особенно сокрушаемся духом, когда убеждаемся, что мы получили великие благодеяния не по заслугам. Между тем какие же они получили благодеяния не по заслугам? Они допустили ввергнуть себя в печь, были отведены в плен еще в своей молодости, тогда как согрешили другие, и не роптали, не досадовали и не говорили: какая нам польза от того, что мы служим Богу? Что приобрели мы, поклоняясь Ему? Человек нечестивый сделался нашим владыкой, мы терпим мучение от идолослужителя, отведены в плен, лишены отечества, свободы и всего родного, стали пленниками и рабами и служим царю-варвару! Ничего такого они не говорили, но что? *Согрешили мы и поступили беззаконно*, говорили они и возносили молитву не за себя, а за других: *предал нас, говорили они, царю неправосудному и злейшему* (Дан. 3, 32). Также Даниил, брошенный в другой раз в ров, говорил: *вспомнил Ты обо мне, Боже* (Дан. 14, 38). Почему же Бог не помянул тебя, Даниил, когда ты прославил Его перед царем и говорил: *мне тайна сия открыта не потому, чтоб я был мудрее всех живущих* (Дан. 2, 30)? Почему Он не помянул тебя тогда, когда ты ввержен был в львиный ров за неповиновение нечестивейшему повелению? По той же самой причине. Не за Него ли ты был ввержен и теперь? Так говорит он, это потому, что великий я должник перед Ним. Если же так говорил он при столь великих добродетелях своих, то что скажем мы?

Будем же смиренномудрствовать как должно, будем уничижать себя как должно, чтобы смирение не послужило нам поводом к гордости. Ты смирен и даже смиреннее всех людей? Не превозносись же этим и не порицай других, чтобы не погубить тебе хвалы своей. Ты для того и смиренномудрствуешь, чтобы избежать высокомерия, а если через это ты впадешь в высокомерие, то лучше тебе и не быть смиренным. Ибо послушай, что говорит Павел: *грех посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди* (Рим. 7, 13). Когда придет тебе на мысль удивлять-

ся своему смирению, то представь себе Господа своего, как Он уничижил Себя, и ты не станешь больше удивляться себе самому, не станешь хвалить себя самого, но посмеешься над собой, как не сделавшим ничего. Признавай себя всегдашним должником и, чтобы ты ни сделал, приводи себе на память сказанную притчу: *кто из вас, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: пойди скорее, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне* (Лук. 17, 7–8)? Благодарим ли мы рабов своих за то, что они служат нам? Никогда. Бог же воздаст благодарностью нам, которые служим не Ему, но делаем полезное для нас. Впрочем, не будем поступать и так, чтобы Он воздал нам благодарностью, чтобы Он узнал об этом, но как исполняющие долг свой. Подлинно, всякое [доброе] дело есть долг наш, и все, что мы ни делаем, есть исполнение долга (1).

* * *

Будем оказывать уважение не одним только высшим нас или равным с нами: это не было бы смиренномудрие, ибо когда кто-то делает необходимо должное, то это уже не смиренномудрие, но долг. Истинное смиренномудрие в том, что мы уступаем тем, кто ниже нас, и оказываем предпочтение тем, кто считается хуже нас. Впрочем, если мы будем рассудительны, то не будем никого и считать ниже нас, но всем людям станем отдавать преимущество перед собой. И это говорю я не о себе самом, который погружен в бесчисленные грехи, нет; пусть кто-то сознает в себе и бесчисленные совершенства, но если только он не думает о себе, как о последнем между всеми, его совершенства не принесут ему никакой пользы. Ибо в том-то и состоит смиренномудрие, что тот, кто имеет чем превозноситься, уничижает, смиряет и ведет себя скромно. Тогда-то он восходит на истинную высоту и по обетованию Господа, который говорит: смиряющий себя вознесется (ср.: Иак. 4, 10).

Не станем никогда превозноситься над ближними, ни много думать о себе, но с великим смиренномудрием будем уступать им [людям] и поспешим уничижать себя и в поступках, и в словах; не будем враждовать

даже против тех, которые оскорбляют нас, хотя бы это были и облагодетельствованные нами, в этом-то и состоит самое высокое любомудрие, не будем также раздражаться обидами, хотя бы досаждающие нам были и хуже нас, но станем укрощать гнев их своей кротостью и тихостью. Ибо нет ничего сильнее ее, нет ничего могущественнее... Христос, предлагая божественное свое учение, сказал: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Действительно, ничто так не доставляет душе спокойствия и тишины, как кротость и смиренномудрие, а это благо для стяжавшего его дороже всякой диадемы, полезнее всякого блеска и славы. Ибо что может быть блаженнее человека, свободного от внутренней брани? Хотя бы мы вполне пользовались внешним миром и услужливостью, но если внутри нас от возмущения помыслов возникает шум и буря, то нет никакой пользы от внешнего спокойствия, подобно тому, как нет ничего жальче того города, который хотя и огражден бесчисленными стенами, но терпит измену от обитающих внутри него. Итак, об этом-то прошу, позаботимся прежде всего как бы нам сделать душу свою безмятежной, привести ее в мирное состояние и быть свободными от всякого неприятного чувства, чтобы и самим нам наслаждаться совершенным спокойствием, и с ближними нашими быть в согласии (1).

* * *

Сокрушим дух наш, смирим сердце. Ибо если мы приведем себя в такое расположение, то в состоянии будем и молитвы совершать с великой бодростью, и привлечь к себе свыше великую благодать исповеданием согрешений. А чтобы увериться, что такие души угодны Владыке, послушай, как сам Он говорит: *на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим* (Ис. 66, 2). Поэтому и Христос, беседуя с учениками, сказал: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Ибо кто действительно смиряет себя, тот никогда не допустит себя до раздражения, не разгневается на ближнего, потому что душа его смирилась и

размышляет только о себе самой. А что может быть блаженнее души, настроенной таким образом. Такой (человек) всегда сидит в пристани, безопасный от всякой бури и наслаждаясь тишиной мыслей. Поэтому и Христос сказал: *и найдете покой душам вашим* (1).

* * *

Почему те, которые прежде искушения жили праведно, после искушений пали? Но кто верно знает живущих праведно, кроме того, *Кто создал особо сердца их и вникает во все дела их* (Пс. 32, 15)? Многие из тех, которые кажутся добродетельными, часто оказываются порочнее всех. Это обнаруживалось и в настоящей жизни, но только относительно некоторых, по какому-нибудь случаю и по какой-нибудь необходимости. Когда же сядет судить [Господь]... тогда всех увидишь открыто такими, каковы они действительно, и ни волка не скроет овечья кожа, ни окраска гроба внутренней его нечистоты, потому что *нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его* (Евр. 4, 13). Это и Павел, объясняя коринфянам, говорил: *не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения* (1 Кор. 4, 5). Впрочем, оставив лицемеров, скажем о живущих праведно. Откуда известно, что они, имея многие добродетели, не пренебрегли главной из них — смирением? Поэтому Бог и отступил от них, чтобы они знали, что добрые дела совершали они не собственной силой, но благодатью Божией. Если же кто-то скажет, что лучше гордиться, делая добро, нежели смиряться, согрешая, тот совсем не понимает ни вреда от гордости, ни пользы от смирения... Делающий добро с гордостью, если только можно так делать добро, скоро дойдет до крайней погибели. Кто допустил себя до падения и падением научился смирению, тот скоро, если захочет, восстанет и исправится, но кто делает кажущееся добро с гордостью и не терпит ничего неприятного, тот никогда не почувствует своей греховности, но еще увеличит зло и незаметно для себя самого отойдет отсюда без добрых дел, как тот фарисей, который вошел в храм, думая о себе, что он богат всякой добродетелью, а вышел,

узнав, что он беднее даже мытаря (Лк. 18, 10) (2).

* * *

Так увещевает и Павел следующими словами: *если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12, 18). Ты — раб Бога мира. Он, изгонявший бесов и совершавший множество добрых дел, когда называли его беснующимся, не ниспослал молнии, не поразил поносителей, не сжег языка столь бесстыдного и неблагодарного, хотя мог сделать все это, а только отклонил укоризну, сказав: *во мне беса нет; но Я чту Отца Моего, а вы бесчестите Меня* (Ин. 8, 49). А когда раб первосвященника ударил Его, что сказал Он? *Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня* (Ин. 18, 23)? Если же владыка Ангелов отвечает и оправдывается перед рабом, то нет нужды говорить более. Храни только эти слова в уме, часто повторяй их и говори: *если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?* Представляй себе, Кто говорит это, кому говорит и почему, и будут для тебя эти слова некоторым божественным и непрестанным припевом, который в состоянии будет утишить всякое раздражение; представляй достоинство Оскорбленного, ничтожество оскорбившего, чрезмерность оскорбления. Раб не только поносил, но и ударил, и не просто ударил, но в ланиту*; нет ничего поноснее такого удара; однако Господь все перенес, чтобы ты наилучшим образом научился смиренномудрию (2).

* * *

Если же ты носишь в совести великое бремя грехов и при этом признаешь себя последним из всех, то ты будешь иметь великое дерзновение перед Богом, хотя еще нет смиренномудрия в том, чтобы грешник считал себя грешником. Смиренномудрие состоит в том, чтобы, сознавая за собой много великого, ничего великого о себе не думать (2).

* * *

Хотя бы кто бесчисленное сверху построил — милостыню ли, молитвы ли, пост ли, всякую ли добродетель, но если в

* Ланита — щека. *(Примеч. ред.)*

основание предварительно не положил этого [смирения], то все будет строиться тщетно и напрасно и легко разрушится, подобно зданию, построенному на песке. Ничего нет, ничего из наших правых дел, что не нуждалось бы в нем, нет ни одного, которое могло бы устоять без него. Укажешь ли на целомудрие, девство, презрение денег, или на что другое, — все нечисто, обременено проклятием и отвратительно, если нет смирения. Итак, будем всюду им начинать, в словах, в делах, в мыслях, и созидать все с ним (6).

СОВЕСТЬ

Душа, оледеневшая от хлада греховного, не может отправлять дел своих, будучи скована, как морозом, совестью. Ибо что для тела мороз, то для души худая совесть (1).

* * *

Он вложил в нас совесть, которая действует с любовью более, нежели отеческой. Ибо когда отец, однажды, дважды, трижды, десять раз наказав сына, увидит его неисправимым, то в отчаянии отрекается от него, изгоняет его из дома и исключает из родства. Но не так совесть: напротив, если она скажет один, два, три и тысячу раз и ты не послушаешь, то снова будет говорить и не отстанет до последнего издыхания: и в доме, и на распутьях, и за столом, и на торжищах, а часто и в сновидениях представляет нам образы и виды сделанных нами грехов.

И посмотри на премудрость Божию. Бог не сделал обличение совести ни непрерывным (ибо мы, непрестанно быв обличаемы, не снесли бы этой тяжести), ни столь слабым, чтобы она после первого или второго увещания пришла в отчаяние. Если бы она стала угрызать нас каждый день и час, мы были бы подавлены унынием, а если бы, напомнив раз-другой, перестала обличать, мы не много получили бы пользы. Поэтому Он сделал это обличение хотя и всегдашним, но не непрерывным: всегдашним, дабы мы не впали в беспечность, но, слыша всегда ее напоминания, пребыли до самой кончины бдительными; не непрерывным и не непрекращающимся, дабы мы не упали духом, но ободрялись, получая некоторое облегчение и отраду. Как совершенная беспечность о

грехах пагубна и порождает в нас крайнее бесчувствие, так непрерывная и чрезмерная скорбь вредна. Чрезмерная скорбь, нередко отнимая естественную рассудительность, может потопить душу и сделать не способной ни к чему доброму. Поэтому Бог и устроил, чтобы обличение совести восставало на нас по временам, так как оно весьма жестоко и уязвляет грешника сильнее всякого острия. Ибо совесть сильно восстает и громко вопиет на нас не только тогда, когда мы сами грешим, но и когда другие грешат, подобно нам. Блудник, прелюбодей, тать как бы чувствует на себе удары не только когда обвиняют его самого, но и когда слышит, что других обвиняют в подобных же преступлениях, ибо укоризны, делаемые другим, служат ему напоминанием его собственных грехов. Другой обвиняется, а он, и не будучи обвиняем, терпит поражение, потому что виновен в таких же, как и тот, преступлениях...

Обличение совести есть как бы некоторый священный якорь, не дающий нам совершенно погружаться в бездну греха. Часто совесть не только в то время, когда мы грешим, но и по прошествии многих лет напоминает нам о прежних грехах... Ибо мы, быв искушаемы несчастьями и горестными обстоятельствами, вспоминаем о прежних грехах наших. Зная все это, мы, если сделаем что худое, не будем ожидать несчастий и злоключений, опасностей и уз, но каждый день и час будем воздвигать у себя это судилище и произносить на себя приговоры, постараемся всячески оправдаться перед Богом и не будем сомневаться в воскресении и суде... Если бы не предлежало нам дать отчет в грехах там, то и здесь Бог не поставил бы в нас этого судилища [совести]. Но и это самое есть доказательство Его человеколюбия. Так как Он тогда потребует от нас отчета в грехах, то поставил того неподкупного судью, чтобы он, здесь судя нас за грехи и исправляя, избавил от будущего там суда. Об этом говорит и Павел: *если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1 Кор. 11, 31) от Господа. Итак, чтобы нам тогда не быть наказанными и не подпасть суду, пусть каждый войдет в свою совесть, и, исследовав жизнь и тщательно рассмотрев все грехи, пусть осудит душу, сделавшую их, пусть обуздает

помыслы, укротит, стеснит ум свой и накажет себя за грехи самоосуждением, строгим покаянием, слезами, исповедью, постом и милостыней, воздержанием и любовью, дабы, всячески отложив здесь свои грехи, мы могли отойти туда с полным дерзновением (1).

* * *

Нет между людьми ни одного судьи, столь неусыпного, как наша совесть. Внешние судьи и деньгами подкупаются, и лестью смягчаются, и от страха потворствуют, и много есть других вещей, которые извращают правоту их суда. Но судилище совести ничему такому не подчиняется: станешь ли давать деньги, будешь ли льстить, или угрожать, или другое что делать, — она произносит справедливый приговор за греховные помыслы, и сделавший грех сам осуждает себя, хотя бы никто другой не обвинял его. И это делает совесть не однажды, не дважды, но многократно и во всю жизнь, и хотя бы прошло много времени, она никогда не забывает сделанного, но сильно обличает нас и при совершении греха, и до совершения, и по совершении. При самом совершении греха мы, упоенные удовольствием, бываем не так чувствительны, но когда преступление сделано и окончено, тогда то особенно за исчезнувшим удовольствием наступает чувство раскаяния, — противоположно тому, как бывает с рождающими женами. Они до рождения младенца терпят невыносимое страдание и жестокие муки, разрывающие их болями, но после рождения чувствуют облегчение, как будто вместе с плодом вышла и болезнь. Но здесь наоборот: пока мы зачинаем и рождаем беззаконные намерения, радуемся и веселимся, когда же родим злое исчадие — грех, — тогда, увидев гнусность рожденного, скорбим и мучимся сильнее, нежели рождающие (3).

* * *

Сделай так со своей совестью: посади судящий ум на престол неподкупного суждения, выведи на середину все грехи твои, приставь к проступкам грозные мысли, укроти непристойные желания, от которых произошли грехи, пусть будут они раздираемы великой силой. Если мы таким образом позаботимся

судить сами себя, то избежим и того страшного судилища. А что судящий ныне сам себя и требующий от себя строго отчета в грехах не подвергнется осуждению в будущем, об этом послушай Павла, который говорит: *если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1 Кор. 11, 31) (5).

* * *

Нелицеприятный судья, то есть совесть, восстав, взывала громким голосом, упрекала их (Адама и Еву), показывала и как бы выставляла перед глазами тяжесть преступления. Для того человеколюбивый Владыка, созидая вначале человека, и вложил в него совесть, как неумолкающего обличителя, который не может быть обманут или обольщен. Хотя бы учинивший грех и совершивший беззаконное дело успел укрыться от всех людей, — от этого судии он скрыться не может, напротив, всегда носит внутри себя этого обличителя, который беспокоит его, мучит, карает, никогда не утихает, но нападает на него и дома, и на площади, и в собраниях, и за столом, и во время сна, и при пробуждении, требует отчета в проступках и поставляет на вид и тяжесть грехов, и угрожающее ему наказание, и, как усердный врач, не перестает прилагать свои врачевства, хотя и видит, что ее не послушают, не отступает, но продолжает постоянно заботиться.

Именно в том ее и дело, чтобы непрерывно напоминать (о грехе) и не давать ему (грешнику) дойти когда-либо до забвения о проступках его, но выставлять их на вид ему, чтобы хоть через это сделать нас не столь склонными к повторению прежних грехов. Если многие из нас не преодолевают беспечности и при таком содействии и помощи совести, имея в себе такого сильного обличителя и карателя — совесть, которая терзает сердце и поражает сильнее всякого палача, то без этой помощи мы не тотчас ли бы погибли (8)?

СОДОМСКИЙ ГРЕХ

Какая-то новая и беззаконная страсть вторглась в нашу жизнь, постигла болезнь тяжкая и неисцельная, поразила язва, жесточайшая из всех язв, измышлено какое-то новое и нетерпимое беззаконие, потому что на-

рушаются не только писаные, но даже и естественные законы. Для распутства уже мало любодеяния, и как в болезнях последующее сильнейшее страдание заглушает ощущение предшествовавшей боли, так и чрезмерность этой язвы делает то, что уже не кажется нетерпимым и нетерпимое — разврат с женщиной. Хотят, кажется, иметь возможность избегать этих сетей, и женскому полу предстоит уже опасность сделаться излишним, так как его во всем заменяют отроки. И не только это ужасно, но и то, что такая мерзость совершается с полной безопасностью, и беззаконие стало законом. Никто уже не опасается и не страшится, никто не стыдится и не краснеет, но еще хвалятся этим позором, и целомудренные кажутся безумными, а обличающие — не здравомыслящими... так среди городов, как бы в великой пустыне, *мужчины на мужчинах делают срам* (Рим. 1, 27). Если же некоторые избежали этих сетей, то нелегко им избегнуть худой славы от таких развратников: во-первых, потому, что их весьма немного, отчего они легко затмеваются множеством порочных, во-вторых, потому, что сами окаянные и злые демоны, не имея возможности иначе мстить презирающим их, стараются вредить им этим способом, не имея сил нанести смертельную рану и поразить саму душу, они стараются, по крайней мере, повредить их внешнему украшению и лишить всякой доброй славы. Поэтому многие, слышал я, удивляются, как и теперь не ниспал еще другой огненный дождь, как еще не подвергся участи Содома наш город, достойный наказания тем более тяжкого, что не вразумился и бедствиями Содома. Несмотря на то что та страна уже две тысячи лет видом своим сильнее, чем голосом, взывает к [людям] всей вселенной, чтобы не дерзали на такую гнусность, они не только не воздерживаются от этого греха, но стали еще бесстыднее, как будто состязаясь с Богом и стараясь показать своими делами, что они тем более будут предаваться этим порокам, чем более Он будет угрожать им. Почему же не произошло ничего такого: грехи содомские совершаются, а содомских наказаний нет? Потому что их ожидает другой огонь, более жестокий, и наказание бесконечное... Если мы так гневаемся и негодуем, то как допустит

безнаказанно совершать такие дела Бог, Который более всего печется о человеческом роде и крайне отвращается и ненавидит порочность? Этого быть не может, нет! Он непременно наложит на них крепкую руку, нанесет нестерпимый удар и подвергнет мучениям столь жестоким, что бедствия, постигшие Содом, в сравнении с ними покажутся игрушкой. Подлинно, каких варваров, какую породу зверей не превзошли эти люди своей бесстыдной похотью? Бывает у некоторых бессловесных вожделение сильное и похоть неудержимая, не отличающаяся от бешенства, но и они не знают этой страсти, а удерживаются в пределах природы и, сколько бы ни раздражались, не нарушают законов природы. А эти, одаренные разумом, сподобившиеся Божественного учения, преподающие другим, что должно делать и чего не должно, и слышавшие Писания, нисшедшие с неба, не с такой наглостью совокупляются с блудницами, как с отроками. Они с таким неистовством покушаются на все, что будто они не люди, и как будто нет промысла Божия, бодрствующего и судящего дела, но как будто бы все покрыла тьма и никто не видит и не слышит этого. А отцы растлеваемых отроков переносят это молча, не зарываются в землю вместе с детьми и не придумывают какого-либо средства против зла. Между тем, если бы надобно было от этого недуга отправить детей на чужбину, на море, на острова, на необитаемую землю, на самый отдаленный от нас край вселенной, не надлежало ли бы сделать и потерпеть все, чтобы не было таких мерзостей (2)?

СОН

Не для того дана ночь, чтобы мы во всю нее спали и бездействовали. Свидетели тому ремесленники, погонщики мулов, торговцы, Церковь Божия, восстающая среди ночи. Восстань и ты. Посмотри на хор звезд, на глубокую тишину, на великое безмолвие и удивляйся делам Господа твоего. Тогда душа бывает чище, легче и бодрее, бывает особенно способна воспарять и возвышаться. Сам мрак и совершенное безмолвие располагают к умилению. Если взглянешь на небо, испещренное звездами, как бы бесчисленным множеством глаз, то получишь совершенное удовольствие, помыслив

тотчас о Создателе. Если представишь, что те, которые в течение дня шумят, смеются, играют, скачут, обижают, лихоимствуют, досаждают, делают бесчисленное множество зол, теперь нисколько не отличаются от мертвых, то познаешь все ничтожество человеческого самолюбия. Сон пришел и показал природу, как она есть. Он есть образ смерти, он есть образ кончины. Если взглянешь на улицу, не услышишь ни одного голоса. Если посмотришь в доме, увидишь всех лежащими как бы во гробе. Все это может возбудить душу и привести на мысль кончину мира (1).

СОСТРАДАНИЕ

Подавать деньги могут многие, а чтобы самому служить нуждающимся и делать это с готовностью, любовью и братской расположенностью, — для этого нужна душа высокая, великая и любомудрая. Этого больше всего и требует Павел, повелевая сострадать находящимся в скорби, бедности и несчастных обстоятельствах — так, как бы мы сами находились в тех же несчастьях. *Помните узников*, говорит он, *как бы и вы с ними были в узах* (Евр. 13, 3) (6).

СПАСЕНИЕ ДУШИ

Многие полагают, что для спасения им довольно той добродетели, которой они обладают, и что если они хорошо будут располагать своей жизнью, то для спасения им уже больше ничего не будет недоставать. Но они думают неправильно, как доказал это тот, который закопал один талант. Ибо он принес его не уменьшенным, но возвратил целым и таким, каким получил (1).

* * *

Где же, скажешь, человеколюбие Божие, если Он не хочет спасать злых? Часто и от многих я слышу, что Бог человеколюбив и непременно спасет всех. Не станем обольщать себя напрасно... То, что будет геенна, кажется, мы достаточно доказали, представив потоп и другие прежние бедствия и сказав, что совершивший все это не может оставить ненаказанными и нынешних грешников. Ибо если Он так наказал тех, которые грешили прежде закона, то, конечно, не оставит без наказания тех, которые при благодати совершали гораздо большие преступления (1).

* * *

К нашему спасению послужит и то, когда мы не о себе только будем заботиться, но и станем приносить пользу ближнему и руководить его на путь истины. А чтобы видел ты, какое великое благо, содевая свое спасение, доставлять пользу и другому, послушай, что пророк говорит от лица Божия: *если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь, как Мои уста* (Иер. 15, 19). Что значит это? Кто руководит ближнего от заблуждения к истине или от зла приводит к добру, тот, говорит (Господь), уподобляется Мне, сколько это возможно человеку. И сам Он, будучи Богом, облекся в нашу плоть и сделался человеком не для чего иного, как для спасения рода человеческого... Итак, если Он — Бог и существо непостижимое — по неизреченному человеколюбию принял на Себя все это ради нас и нашего спасения, то чего не должны мы сделать для наших братьев и сочленов, чтобы исхитить их из челюстей диавола и привести на путь добродетели? Насколько душа лучше тела, настолько высших — перед подающими бедным деньги — наград удостоятся те, кто увещаниями и частыми внушениями ведет нерадивых и заблуждающихся на прямой путь, показывая им безобразие порока и великую красоту божественной добродетели (8).

СРЕБРОЛЮБИЕ

Великое зло — сребролюбие! Оно сделало Иуду и святотатцем, и предателем. Услышьте все сребролюбцы, страждущие Иудиной болезнью, услышьте и берегитесь страсти сребролюбия! Ибо если тот, кто находился со Христом, творил чудеса, пользовался таким учением, низвергся в такую бездну оттого, что не был свободен от этой болезни, то тем более вы, не слышавшие даже Писания и всегда прилепляющиеся к настоящему, удобно можете быть уловлены этой страстью, если не будете прилагать непрестанного попечения. Иуда ежедневно находился с Тем, Кто не имел где главы приклонить, ежедневно был научаем делами и словами тому, что не до́лжно иметь ни золота, ни серебра, ни двух одежд, — при этом не вразумился, как же ты надеешься избежать этой болезни, когда не употребляешь силь-

ного врачевания и не прилагаешь сильного старания? Ибо ужасен, ужасен этот зверь. Впрочем, если захочешь, легко победишь его. Это не есть похоть естественная: это доказывают освободившиеся от нее. Естественные пожелания для всех общи, а эта похоть происходит от одного нерадения, от него рождается, от него возрастает и, когда уловит пристрастных к ней, тогда заставляет их жить противоестественно. В самом деле, когда они не признают единоплеменников, друзей, братьев, сродников — словом, всех, а с ними вместе не знают и самих себя, то не значит ли это жить противоестественно? Отсюда видно, что противоестественна и злоба, и болезнь сребролюбия, которой подвергшись, Иуда сделался предателем... Отчего же, спросишь, он уловлен этой страстью? Оттого, что был беспечен. От беспечности происходят такие перемены, так как от ревности происходят перемены противоположные... Сколько таких, которые прежде были сребролюбцами, а теперь отвергли и свое собственное имущество? Совершенно противное случалось от беспечности. Так, Гиезий жил со святым мужем и сделался нечестивым от болезни сребролюбия (см.: 4 Цар. 5). Ибо эта страсть есть ужаснейшая из всех страстей. От нее гробокопатели, убийцы, войны и битвы, всякое зло, как бы ты его ни назвал. Сребролюбивый везде бывает худым человеком, случится ли ему начальствовать над войском или над народом. И он бывает таким не только в делах общественных, но и в семейственных. Вознамерится ли жениться, не возьмет добродетельной жены, а возьмет ту, которая всех хуже. Вздумает ли купить дом, — покупает не такой, какой приличен благородному, но такой, который может принести ему большой доход. Захочет ли купить рабов или что другое, — купит самое худое... Если даже он будет царем, то будет несчастнейшим из всех во вселенной, беднейшим из всех. Его состояние будет подобно состоянию какого-нибудь простолюдина. Он не будет блага всех почитать своими, но будет считать себя отдельным от всех и, похищая блага у всех, станет думать, что имеет меньше всех. Ибо измеряя настоящие блага желанием будущих, еще не приобретенных благ, он будет почитать первые ничтожными в сравнении с последними.

Потому-то некто сказал: нет ничего беззаконнее сребролюбивого. Ибо он и сам себя продает и делается общим врагом вселенной, когда скорбит, что земля не приносит золота вместо колосьев и что вместо рудников существуют источники, вместо драгоценных камней — горы. С негодованием взирает он на плодородие, печалится при виде общего блага, отвращается от всякого дела, через которое нельзя приобрести денег, все терпит, когда можно ему получить хоть две малые монеты, ненавидит всех, бедных и богатых: бедных за то, что они придут к нему когда-нибудь просить милостыню, богатых за то, что не имеет их богатства. Он думает, что все завладели его имуществом и что он всеми обижен, поэтому негодует на всех, не знает довольства и насыщения, есть самый несчастнейший из всех, так как свободный от сребролюбия и любящий истинную мудрость блаженнее всех (1).

* * *

Страшно, истинно страшно сребролюбие. Оно закрывает и глаза и уши, делает свирепее зверей, не позволяет думать ни о совести, ни о дружбе, ни об общении, ни о спасении собственной души, но зараз отвратив от всего, делает пленников своими рабами, как некий жестокий тиран. И что всего хуже в этом горьком рабстве, — оно заставляет даже услаждаться собой, так что чем больше предаются ему, тем больше увеличивается удовольствие. Оттого-то преимущественно эта болезнь и бывает неизлечима, оттого-то и неукротим этот зверь. Сребролюбие сделало Гиезия из ученика и пророка прокаженным, оно погубило Ананию, оно сделало Иуду предателем, оно растлило иудейских начальников, которые принимали дары и сделались сообщниками татей. Оно породило бесчисленные войны, наполнило кровью пути, плачем и слезами — города. Оно и вечери сделало нечистыми, и трапезы — оскверненными, и сами яства исполнило беззаконий. Потому-то Павел назвал его идолослужением (см.: Еф. 5, 5), но и этим не устрашил. А почему он называет его идолослужением? Многие, имея богатство, не смеют им пользоваться, но считают его святыней и передают в целости внукам и их потомкам, не смея коснуться его,

как бы чего-нибудь посвященного Богу. А если когда и принуждены бывают коснуться его, то бывают в таком состоянии, как будто сделали что-нибудь непозволительное. С другой стороны, как язычник оберегает идола, так ты ограждаешь золото дверями и запорами. Вместо храма устраиваешь для него ковчег и слагаешь его в серебряные сосуды. Но ты не поклоняешься золоту, как тот — своему идолу? Тем не менее, ты показываешь в отношении к нему великое уважение. Далее, язычник скорее отдаст свои глаза и душу, чем идола, так точно и любящий золото. Но я, скажешь, не поклоняюсь золоту? И тот говорит, что он поклоняется не идолу, но живущему в нем демону. Так и ты, если не поклоняешься золоту, то поклоняешься демону, который вторгается в твою душу от взгляда на золото и от страсти к нему. Страсть сребролюбия хуже демона, и ей многие покоряются больше, чем иные идолам. Идолов во многом не слушают, а сребролюбию во всем повинуются и исполняют все, чтобы оно ни приказало сделать. Что же оно говорит? Будь, говорит, для всех врагом и неприятелем, забудь природу, презирай Бога, пожертвуй собой мне, — и во всем ему повинуются. Истуканам приносят в жертву волов и овец, а сребролюбие говорит: принеси мне в жертву твою душу, и — это исполняют. Видишь, какие оно имеет алтари, какие принимает жертвы? *Лихоимцы*, говорит апостол, *Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 10), — но они и этого не боятся. Впрочем, эта страсть сама по себе слабее других, потому что не врожденна нам и не происходит от нашей природы. Иначе она была бы в нас с самого начала, но вначале не было золота и никто не любил золота. Если хотите, я скажу, откуда возникло это зло. Каждый, соревнуя жившим прежде него, увеличивал эту болезнь, и предшественник возбуждал [страсть к приобретению в своем преемнике] даже против его воли. Люди, как скоро видят светлые дома, множество полей, толпы слуг, серебряные сосуды, большое собрание одежд, — всячески стараются иметь еще больше, так что первые бывают причиной для вторых, а эти для последующих. Между тем если бы первые хотели жить скромно, то не были бы учителями

[сребролюбия] для других. Впрочем, и для этих последних нет оправдания, потому что есть и такие, которые презирают богатство. Да кто же, скажешь, презирает? В том-то и беда, что зло увеличилось до такой степени, что добродетель нестяжания стала, по-видимому, невозможной и что даже не верится, чтобы кто-нибудь ей следовал. Я мог бы, конечно, назвать многих [нестяжательных] и в городах и в селах, но что пользы? Ведь и от этого вы не сделаетесь лучшими. А сверх того, у нас и речь теперь не о том, чтобы вы растратили имущество. Я желал бы этого, но так как это бремя выше сил ваших, то я не принуждаю. Я только убеждаю, чтобы вы не желали чужого, чтобы уделяли и от своего. Ведь есть много таких, которые довольствуются своим, заботятся о своем и живут праведными трудами. Почему мы не ревнуем и не подражаем им (1)?

* * *

Скажи мне, кого все мы ублажаем и называем достоподражаемым: того ли, кто постоянно томится жаждой и прежде, чем выпьет первую чашу, чувствует уже нужду в другой и в таком состоянии находится всегда, или того, кто стоит выше этой потребности, всегда свободен от жажды и никогда не чувствует нужды в таком питии? Первый не похож ли на больного горячкой, который томится самой жестокой жаждой, хотя и может черпать воду из источников, а последний не свободен ли истинной свободой, не здоров ли истинным здоровьем и не выше ли человеческой природы? Если бы кто-то, любя женщину, постоянно жил с ней, но от сожительства только бы сильнее воспламенялся к ней, а другой был бы свободен от этой безумной страсти и даже во сне не уловлялся бы похотью: кто из них для нас достоподражаем и блажен? Не этот ли? А кто несчастен и жалок? Не тот ли, который страдает этой тщетной любовью, ничем не угасимой и от придумываемых лекарств еще более возбуждаемой? Если же, сверх сказанного, он считает себя счастливым в болезни и сам не хочет освободиться от этой потребности, и даже оплакивает... свободных от этой страсти, в таком случае не более ли еще он несчастен и жалок, потому

что не только болен, но даже и не знает, что он болен, а поэтому и сам не хочет освободиться, и свободных от нее оплакивает? Поведем же речь о страсти к деньгам, и посмотрим, кто несчастен и жалок? Эта страсть сильнее и неистовее тех и может причинить больше скорби не потому только, что жжет сильнейшим огнем, но и потому, что не поддается никакому придумываемому облегчению и гораздо упорнее тех. Любящие вино и плотские удовольствия после наслаждения скорее почувствуют пресыщение, нежели одержимые безумным пристрастием к богатству... Богатство добродетели так велико, настолько приятнее, настолько вожделеннее, что обладающие им никогда не захотят взять вместо него и всю землю, хотя бы она была вся золотой — с горами, с морем и с реками... Они даже не захотят взять этого вместе с ним [богатством добродетели]. Вам, если бы кто давал богатство добродетели вместе с деньгами, вы взяли бы распростертыми руками: так и вы признаете его чем-то великим и дивным. Но те не возьмут вашего при своем: так они уверены в его ничтожестве. И это опять я объясню вашими примерами. Сколько, думаешь, денег дал бы Александр Диогену, если бы тот захотел взять? Но тот не захотел, а этот усиливался и предпринимал все, чтобы быть в состоянии когда-нибудь достигнуть богатства Диогенова (2).

* * *

Адам, в надежде на большую честь, лишился и той, какая была. Так бывает и с сребролюбцами: многие, желая большего, часто теряют и настоящее (2).

* * *

Для того мы всякий день и беседуем с вами и проповедуем вам о совершеннейшей жизни (христианской), чтобы искоренять гибельные страсти: гнев, зависть, недоброжелательство. Когда эти страсти будут истреблены, тогда легче будет обуздать и страсть к деньгам. А когда ослабеет эта страсть, то с большей легкостью будут устранены суетные помыслы и постыдные пожелания: *корень всех зол есть сребролюбие* (1 Тим. 6, 10). Когда посечем корень и исторгнем его из самой глубины, то нам легче будет совладать с

ветвями. Жадность к деньгам есть, так сказать, твердыня зла и верх пороков, поэтому если мы решимся овладеть ею, то ничто уже не помешает нам освободиться от этой безумной страсти, а вместе с ней исторгнуть и истребить все гибельные страсти. И не думайте, будто презирать деньги тяжкое и трудное дело. Когда я подумаю, что многие по пустому и суетному честолюбию без нужды тратят множество золота для того только, чтобы заслужить от низших и ничтожных людей одобрение, которое продолжается не далее вечера, а часто не доживает и до вечера, но еще прежде, чем окончится день, сменяется для них множеством неприятностей, а другие, обольщенные эллинским заблуждением также по страсти к людской славе и высокому мнению об ней, бросают все, что имеют, и, оставив себе только плащ и палку, так и проводят всю жизнь, решаясь переносить все трудности и бедствия такой жизни из-за одной похвалы людской, — так, когда подумаю об этом, то не знаю, какое будем иметь оправдание или извинение мы, которые не хотим ради данной от Бога заповеди, ради вечной и нескончаемой славы пожертвовать малейшую часть (своего имения), но становимся хуже и тех людей, не думая, как велико здесь различие. Они тратят столько (имущества) для получения пустой похвалы от подобных им людей, а мы ради своего Господа, давшего нам и то, что имеем, и обещающего те неизреченные блага, часто не хотим поделиться малостью с нуждающимися. Какими же глазами мы будем смотреть на Судию, пренебрегши столь легкую заповедь? Разве я советую бросить все имение? Наслаждайся полным довольством, но когда удовлетворишь собственным потребностям, прочее, что останется в избытке и будет лежать без употребления, обрати на удовлетворение чужих нужд, раздели это томимым голодом и изнемогающим от холода и препроводи через их руки в свое отечество, в которое и сам ты через непродолжительное время переселишься. Эти (бедные) люди более всех помогут тебе перенести туда (твои сокровища), так что ты, когда переселишься туда, все найдешь готовым и будешь там наслаждаться еще большим изобилием, видя, что эти (твои сокровища) увеличены перенесшими

их туда, или, лучше сказать, благостью Божией... Разве человеколюбивый Господь для того дал тебе много, чтобы ты данное тебе употребил только в свою пользу, остальное же запер в сундуках и кладовых? Нет, не для этого, но для того, чтобы по апостольскому увещанию твой избыток восполнял недостатки других (2 Кор. 8, 14). Ты, может быть, пользуешься сверх надобности, тратишь много денег на увеселения, на одежду и на другие предметы роскоши, частью же и на рабов, и на животных, а бедный просит у тебя не на что-либо излишнее, но на то только, чтобы утолить свой голод и удовлетворить необходимой потребности, — иметь насущный хлеб, чтобы поддержать свою жизнь и не умереть. А ты не хочешь сделать и этого, и не думаешь, что тебя может внезапно похитить смерть, и тогда все, тобой собранное, останется здесь и, может быть, перейдет в руки твоих врагов и неприятелей, а сам ты отойдешь, взяв с собой только все грехи, с которыми собирал ты это (8).

* * *

Те, которыми овладела безумная страсть и любовь к собиранию богатства, истощают на это все свои силы и никогда не насыщаются, потому что сребролюбие есть ненасытное пьянство. И как пьяные чем больше вливают в себя вина, тем большей распаляются жаждой, так и эти (сребролюбцы) никогда не могут остановить этой неукротимой страсти, но чем более видят возрастание своего имущества, тем сильнее разжигаются они корыстолюбием и не отстают от этой злой страсти, пока не низринутся в самую бездну зла... Если в самом деле ты ожидаешь воскресения и воздания, то для чего так заботишься о житейской славе, для чего мучишь себя каждый день, собирая денег больше, чем песку, покупая села, и дома, и бани, часто приобретая это даже грабежом и лихоимством и исполняя на себе пророческое слово: *горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места* (Ис. 4, 8)? Не это ли видим мы каждый день? Один говорит: «Дом такого-то отнимает у меня свет», — и выдумывает тысячу предлогов, чтобы отнять его, а другой, взяв поле у бедного, присоединяет к своему. А что особенно замечательно,

необыкновенно, странно и непростительно — иной сам живет в одном месте, часто даже не имеет возможности, если бы и хотел, перейти в другое место, или по слабости телесной, или по другим обстоятельствам, а между тем хочет всюду и во всех городах иметь памятники своего лихоимства, везде поставить вечные столпы своего нечестия, и грехи, которыми все это собрано, возлагает на свою голову, и, неся это тяжкое и неудобоносимое бремя, не чувствует его, а наслаждение собранными им сокровищами предоставляет другим, не только уже после переселения из этой жизни, но еще и прежде исхода отсюда. Если он и не лишится их против воли, то все они расточаются и разрываются по частям его домашними, а сам он не наслаждается и незначительной их частью. И что говорю: не наслаждается? Если бы он и хотел, то как достанет его, когда у него одно чрево при таком большом богатстве (8)?

СТРАДАНИЯ

Вознаграждения назначены не только за добродетели, но и за страдания, и вознаграждения очень великие, и за страдания не меньше, чем за добродетели, а скорее, иногда даже бо́льшие — за страдания (7).

СТРАСТИ

Каким образом избавимся от этой язвы? Если будем употреблять Питие, которое может умертвить внутренних червей и змей. Но какое питие, спросишь, имеет такую силу? Честная Кровь Христова, если с упованием приемлется. Она может уврачевать всякую болезнь. А вместе с этим внимательное слушание Божественных Писаний и присоединяемая к этому милостыня. Всеми этими средствами могут быть умерщвлены страсти, расслабляющие нашу душу. И тогда только будем жить, а теперь мы ничем не лучше мертвых. Когда живы страсти, нам невозможно жить, но необходимо до́лжно погибнуть. Если не успеем умертвить их здесь, то они умертвят нас там. Вернее, еще здесь, прежде смерти подвергнут нас жесточайшему наказанию. Каждая из этих страстей жестока, мучительна, ненасытна и, поедая нас каждый день, ничем не удовлетворяется. Зубы их суть зубы львиные и даже

страшнее львиных. Когда лев сыт, тотчас оставляет попавшееся ему тело. А страсти никогда не насыщаются и не отстают, пока уловленного ими человека не увлекут к диаволу. Такова сила страстей, что они требуют от пленников своих такого же рабства, в какое Павел предался Христу, презиравший для Него и геенну и Царство. Ибо как скоро впадет кто в плотскую любовь, сребролюбие или честолюбие, начинает уже смеяться над геенной и презирать Царство, только бы исполнять ему волю этих страстей. Итак, поверим Павлу в том, что он столько любил Христа. Когда есть люди, в такой же степени раболепствующие страстям, что же невероятного в любви Павловой? Потому и слабее наша любовь ко Христу, что вся наша сила истощается на любовь порочную, и мы хищники, сребролюбцы, рабы суетной славы (1).

* * *

Нет ничего, чему бы не вредили страсти. Как бурные ветры, нападая на тихое море, возмущают его с самого дна, так что песок смешивается с волнами, так и страсти, вторгаясь в душу, возмущают в ней все и ослепляют мыслительную ее способность, — особенно же страсть к славе [земной, суетной] (1).

* * *

Худое, очень худое дело уступать место худым страстям. Надлежит всячески отражать их и возбранять им вход. Ибо как скоро они займут душу и ею возобладают, то, как огонь, падающий на сухие дрова, возжигают в ней страшный пламень. Поэтому молю вас, употребляйте все, чтобы заградить им вход и не давайте места какому бы то ни было злу. Не обольщайте себя тем душепагубным помыслом: что за важность в том или в этом? Отсюда-то рождаются бесчисленные роды зол. Коварный диавол употребляет большие хитрости... Он начинает действия свои с малого. Смотри: хотел он довести Саула до того, чтобы тот пошел слушать глупости чревоволшебницы. Если бы он вначале стал внушать это Саулу, то Саул, конечно, не послушал бы его, ибо как послушал бы тот, кто сам преследовал волхвования? Поэтому он неприметно и мало-помалу приводит его

к этому. Во-первых, когда преслушал Саул Самуила и в его отсутствии дерзнул принести всесожжение... Потом Бог повелел истребить амаликитян, он и этого не исполнил. Далее следовали злые умышления его против Давида. Таким образом, неприметно и мало-помалу поскальзываясь, не мог уже остановиться, пока наконец вверг себя в самую бездну погибели. Так случилось и с Каином. Диавол не тотчас увлек его на убийство брата, да иначе и не успел бы убедить его, но, во-первых, склоняет его принести худейшее в жертву, внушая ему, что в этом нет греха; во-вторых, возжег в нем зависть, уверяя, что ничего и в этом нет; в-третьих, убедил умертвить брата и запираться перед Богом в гнусном смертоубийстве. И не прежде [диавол] отступил от него, чем довел до крайнего зла. Итак, надобно отражать зло вначале, даже если первые преступления на себе только и останавливались, и тогда нельзя пренебрегать ими, но в самом деле они доходят до большего, когда душа вознерадит. Потому все надлежит употреблять для того, чтобы истреблять страсти в самом начале. Не смотри на то, что грех в самом себе мал, но помни, что он бывает корнем великого зла, когда вознерадят о нем (1).

* * *

Все его (страстного человека) желания устремлены к предметам скорогибнущим и скоропреходящим... Если нападает на него страсть сребролюбия, он не отражает ее нападения, как поступает человек, свободный от этой страсти, но делает все, как купленный раб, в угождение жестокой своей госпоже — сребролюбию. Видит ли благообразную девицу, он тотчас пленяется ею, трепещет и бежит за нею, подобно взбесившемуся псу, между тем как надлежало бы поступать наоборот. Когда увидишь благовидную женщину, не о том помышляй, как бы удовлетворить своему похотению, но как освободиться от этого похотения. Да как же это, скажешь ты, ибо любить не от меня зависит. А от кого же? От наветов диавола? Пусть так, обвиняй в этом одного диавола. Борись же с диаволом и противься страсти. Но я не могу, скажешь ты. Ну, теперь и мы скажем тебе, что твоя страсть произошла от твоего нерадения и что ты

сам еще прежде, нежели получил страсть, дал доступ к себе диаволу. Но и теперь, если бы ты хотел, очень легко мог бы прогнать его от себя. Скажи мне, что заставляет прелюбодеев прелюбодействовать — желание ли себе бед и опасностей или любовь? Очевидно, что любовь. Что же, можно ли их за это извинить? Никак нет. Почему же? Потому что этот грех зависит от них. Но для чего мне такие умствования, скажешь ты. Я сознаю в себе желание освободиться от этой страсти, но не могу, потому что она сильно нападает на меня, терзает и жестоко меня мучит. Согласен, что ты желаешь освободиться от страсти, но не то делаешь, чем бы можно было отогнать ее. Ты делаешь то же, что делает одержимый горячкой, когда пьет холодную воду, и так же говорит: сколько я не придумываю средств избавиться от горячки, однако не только ничего не успеваю, напротив, еще более усиливаю в себе жар. Итак, рассмотри внимательнее. Желая погасить свою страсть, не делаешь ли ты чего, что более разжигает ее? Нет, скажешь ты. Скажи же, какие ты употребляешь средства для того, чтобы погасить эту страсть? (Хотя и не все подвержены этой страсти, потому что более можно найти зараженных любовью к деньгам, нежели плотской, впрочем, и тем и другим предлагается общее врачевство. Ибо и та и другая любовь равно гнусны, последняя только сильнее и пагубнее. Но когда мы преодолеваем сильнейшую, то, очевидно, и слабейшую легко можно истребить. Но если любовь плотская сильнее, то отчего же, ты скажешь, не все бывают заражены ею, напротив, многие с большим рвение стремятся к деньгам? Это, во-первых, оттого, что последняя многим кажется безопасной, а еще оттого, что любовь плотская хотя и сильнее, но она скорее проходит. Иначе если бы она была столько же продолжительна, как и страсть к деньгам, то каждого зараженного ею приводила бы к погибели.) Итак, рассмотрим внимательно плотскую любовь и узнаем, что усиливает страсть эту. Тогда увидим, от нас ли она зависит или не от нас. Если от нас, то мы должны употребить все усилия, чтобы освободиться от нее, если же не от нас, то для чего напрасно и мучить себя? Для чего будем обвинять, а не

извинять тех, которые бывают пленены этой страстью? Итак, от чего же рождается эта любовь? От красоты лица, скажешь ты, то есть когда красива и благовидна будет та, которая уязвляет тебя. Но если бы красота лица привлекала к любви, то такую-то девицу любили бы все. Если же не все любят ее, то и любовь эта зависит не от естества и не от красоты лица, а от бесстыдных глаз. Ибо когда ты, пристально смотря на нее, чрезмерно удивляешься ей и разжигаешься в сердце своем, то ты уже уязвлен. Да кто может, ты скажешь, при взгляде на красивую женщину не похвалить ее? Ибо не в нашей воле состоит удивляться чему-либо, а потому любовь не от нас зависит. Не спеши, человек. Для чего ты все смешиваешь и, обходя по распутьям, не хочешь узнать настоящего корня этого зла? Я много знаю таких, которые удивляются и хвалят, а между тем не любят. Как же возможно удивляться красоте и не любить? Не возмущайся, я об этом и хочу теперь говорить; потерпи и послушай, как Моисей удивляется сыну Иаковлеву, говоря: *Иосиф же был красив станом и красив лицем* (Быт. 39, 6). Но неужели говоривший так вместе с тем и любил? Совсем нет. Ты скажешь, что Моисей не видал того, кого хвалил. Но мы впадаем в эту страсть не только тогда, когда смотрим на красоту, но, случается, и тогда, когда слышим о ней. Но чтобы ты более не спорил с нами, я спрошу тебя: Давид не был ли благообразен и весьма доброзрачен, особенно по красоте своих глаз? Ибо красота глаз занимает первое место в благообразии лица. Неужели поэтому кто-нибудь увлечен страстной любовью к нему? Никто. Следовательно, любовь не связана неразрывно с удивлением... Страсть эта происходит не просто от красоты телесной и благовидности, а от расслабления и заблуждения души. Много было и таких, которые, обойдя мимо славящихся красотой женщин, предавались безобразным. Отсюда ясно, что любовь зависит не от красоты лица. В противном случае они избрали бы красивых, а не безобразных. Итак, где же причина этой страсти? Если не от красоты лица эта любовь, то откуда же она происходит и где искать ее источник? От злого духа? Точно, она и от него зависит. Но мы не того доискиваемся. Посмотри лучше,

не виновны ли и мы? Действительно, она не есть только навет диавола, но вместе с ним мы и сами еще первые виновники ее. Ибо эта страсть ни от чего так легко не рождается, как от привычки, от услужливых слов, от праздности, лености, и оттого, что у нас нет никакого дела. А привычка великую, очень великую имеет силу. Даже обращается в необходимость природы. Но если привычка рождает ее, то очевидно, что она же и погасить ее может. Многие увлеченные такой любовью освобождались от нее тем, что не видели более любимых ими лиц. Сначала это покажется жестоко и очень неприятно, но со временем сделается приятным, и наконец, если только захочешь, и без труда освободишься от этой болезни. А отчего, ты скажешь, я и без привычки пленяюсь при первом взгляде? И это также происходит или от праздности телесной, или от пищи, или от беспечности о своих обязанностях, или оттого, что человек вовсе не занимается даже необходимыми для него делами. Такой человек, повсюду блуждая, как бы заблудившийся в пути, легко увлекается всяким злом, и его душу, как душу рассеянного юноши, всякий, кто хочет, увлекает в рабство. Поскольку существенное свойство души — непрестанно быть в действии, то если ты прекратишь ее деятельность в добром, она, как не могущая оставаться в бездействии, по необходимости устремляется к другому роду действий. Как незасеянная и ненасажденная земля и сама собой производит траву, так и душа, не упражняемая в добрых делах, а по природе своей непрестанно стремящаяся к деятельности, по необходимости предается злым делам. И как глаза, не могущие не смотреть, необходимо смотрят на худое, когда не имеют перед собой хорошего, так и помысел, не занимаемый предметами полезными и необходимыми, по нужде останавливается на бесполезных и вредных. А что непрестанное упражнение и бодрствование могут отогнать первое нападение страсти, это известно из многих примеров. Итак, если ты при взгляде на благовидную женщину, почувствуешь страсть к ней, то больше не смотри на нее, — и освободишься от страсти. Да я не могу, ты скажешь, не смотреть на нее, будучи влеком страстью. Займись другими

полезными предметами, занимающими душу: читай книги, заботься о своих нуждах, ходатайствуй, защищай обижаемых, молись, размышляй о будущем веке, — к этим предметам устремляй душу твою. Поступая таким образом, ты освободишься не только от новой еще раны, но легко можешь излечить отвердевшую и застаревшую. Если худая молва заставляет иногда плененного этой страстью отказаться от любви, то тем более эти духовные занятия могут подавить зло, лишь бы только мы сами захотели оставить его. Но если мы всегда обращаемся и беседуем с теми, кто поражает нас стрелами этой страсти, и даже в отсутствии говорим о них сами и слушаем рассказы других, то не сами ли мы питаем болезнь свою? Как же ты хочешь погасить огонь, каждый день раздувая пламень? Все, что мы сказали о привычке, этим пусть воспользуются юноши. Что же касается до мужей и тех, которые умеют размышлять, то для них более всего в этом случае нужен страх Божий, память о геенне и желание Небесного Царствия. Ибо все это имеет особенную силу для них, чтобы погасить пламень преступной любви. Кроме этого представляй себе и то, что видимое тобой есть не более как влага, кровь и гной согнившей пищи. А светлый цвет лица, скажешь ты? Правда. Но нет ничего светлее цветов земных, а и они увядают и согнивают. Потому и здесь смотри не на цвет, но далее проникай мыслью, и, оставив без внимания красоту кожи, размышляй о том, что под кожей кроется. И у страждущих водяной болезнью тело светло и снаружи не имеет ничего безобразного, но отвращаясь внутри его скрывающейся гнилости, мы не можем обольщаться красотой лица таких людей. А нежный и резвый глаз, красиво расположенная бровь, черные ресницы, кроткая зеница ока, веселый взгляд? Но знай опять, что и это все не что иное, как нервы, жилы, перепонки и артерии. И на этот красивый глаз смотри как на больной, состарившийся, иссохший от печали или пылающий гневом, тогда он представится тебе безобразным. Вся прелесть его пропадет для тебя и тотчас исчезнет. Вместо этого устремляй лучше мысль твою к истинной красоте. Но я не вижу, скажешь ты, красоты душевной? Напрасно. Если захочешь, увидишь...

Можно тебе видеть красоту душевную без помощи глаз. Не воображал ли ты себе какого-нибудь красивого лица и не ощущал ли от этого в душе движение? Таким же образом воображай себе и красоту души и наслаждайся ее благообразием. Ты скажешь, я не могу видеть бесплотного. Но умом мы еще лучше созерцаем бесплотное, нежели тела. Таким образом мы удивляемся и Ангелам, и Архангелам, хотя их и не видим, также и добрым нравам и душевным добродетелям. Итак, когда увидишь кроткого и благоустроенного человека, то подивись лучше ему, нежели красивому лицом, и если заметишь, что кто-нибудь без огорчения переносит напрасные обиды, то с удивлением вместе и возлюби его, хотя бы он был и старец. Ибо красота души такого свойства, что и в старости имеет многих любителей, потому что никогда не увядает и всегда цветет. Итак, чтобы и нам стяжать такую красоту, станем ловить и любить тех, которые имеют ее (1).

* * *

Ныне нет гонений на христиан, зато теперь время для другого рода смерти. *Умертвите,* сказано, *земные члены ваши* (Кол. 3, 5). Итак, погасим вожделение, умертвим гнев, истребим зависть. Это — жертва живая. Жертва эта не оканчивается пеплом, не рассеивается в дыме, не требует ни дров, ни огня, ни ножа. Для нее огонь и нож — Дух Святой. Воспользовавшись этим ножом, отсеки от сердца все излишнее и чуждое, открой заключенный слух. Страсти и злые пожелания обыкновенно заграждают вход слову Божию. Так, усилившаяся привязанность к богатству не позволяет слушать слово о милостыне, появившаяся зависть преграждает путь учению о любви, да и всякая другая страсть, вторгаясь в душу, делает ее крайне нерадивой ко всему. Итак, истребим злые пожелания. Ведь нужно только захотеть, и все исчезнет. Не будем думать, будто сама по себе сильна любовь к богатству: вся сила заключается в нашей беспечности. Есть много людей, которые даже не знают, что такое серебро, потому-то любовь к богатству — страсть неестественная. Естественные пожелания вложены в нас с самого начала, а о золоте и серебре долгое время даже не

было известно, существуют ли они. Отчего же усилилась эта страсть? От тщеславия и крайней беспечности. Из пожеланий одни необходимы, другие естественны, а иные ни то, ни другое. Так, все те желания, от неудовлетворения которых гибнет животное, естественны и необходимы, как, например, желание пищи, питья и сна. Вожделение плотское естественно, но не необходимо, так как многие преодолели его и, однако же, не погибли. А желание богатства ни естественно, ни необходимо, а излишне: если мы захотим, то и не подчинимся ему. Ведь Христос, беседуя о девстве, сказал: *кто может вместить, да вместит* (Мф. 19, 12), а о богатстве говорит не так: *кто не отречется от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 33). Что легко, к тому увещевает, а что превосходит силы многих, то оставляет на произвол... Кто пленен страстью особенно сильной, тот понесет не столь большое наказание, а кто уловлен страстью слабой, тот лишится всякого оправдания. И в самом деле, что мы будем отвечать, когда Господь скажет: вы видели Меня алчущим и не напитали (см.: Мф. 25, 42)? Какое будем иметь оправдание? Сошлемся, конечно, на бедность? Но мы не беднее той вдовицы, которая, положив две лепты, превзошла всех (1).

* * *

Если он (апостол Павел), славный такими подвигами и являвшийся на земле подобным Ангелу, каждый день старался приобретать что-нибудь, ополчаться против опасностей за истину, собирать себе духовное богатство и никогда не останавливаться, то какое оправдание будем иметь мы, которые не только не совершили никаких подвигов, но обременены такими недостатками, из которых и каждый в отдельности может низринуть нас в бездну погибели, и не прилагаем никакого старания даже и о том, чтобы исправить эти недостатки? А если часто оказывается, что один и тот же имеет не один только недостаток, но весьма многие, когда он и гневлив, и необуздан и сребролюбив, и завистлив, и жесток, и однако же не старается ни исправить эти недостатки, ни обратиться к делам добродетели, то какая остается надежда на спасение? Это гово-

рю, чтобы каждый из слушающих, взяв из слов наших приличное ему врачевство, постарался, освободившись от обременяющих его страстей, возвратить себе здоровье и сделать себя способным к добродетели...

Итак, каждый из вас... старайся удалить из души своей ту страсть, о которой знает, что она тяготит его более других страстей и, действуя благочестивым размышлением, как духовным мечом, освобождай себя от этой страсти. Бог дал нам столько разума, что при нем можем, если захотим быть сколько-нибудь внимательными, одолеть каждую из возникающих в нас страстей. Для того благодать Духа и описала для нас жизнь и деятельность всех святых в божественном Писании, чтобы, узнав, как они, будучи одного с нами естества, совершили всякую добродетель, мы не ленились подвизаться в ней (8).

СТРАХ

Никто столько не страшится, как прилепившийся к житейскому. Он живет подобно Каину, трепеща каждый день от страха. Нужно ли говорить еще о его опасениях смерти в разных ее видах, потерь, коварства и ласкательства. Он и без того боится тысячи превратностей, хотя сокровищница его полна золота, а душа не свободна от страха бедности. И это очень естественно. Ибо все его желания устремлены к предметам скорогибнущим и скоропреходящим. А потому хотя сам он и не испытал еще превратности, но видя ее на других, почитает себя уже погибшим. Оттого он весьма боязлив и малодушен. И не в одних только опасностях так он боязлив, он таков и во всех других случаях (1).

* * *

Каин в наказание должен был стенать и трястись (см.: Быт. 4, 12). Таковы все люди порочные, сознающие за собой множество зол: они часто пробуждаются от сна, с беспокойными мыслями, со смущенными глазами; все возбуждает в них подозрение, все приводит их в ужас. Душа их исполнена тяжкого предчувствия и боязни, смущается и изнывает от страха и ужаса. Ничего не может быть бессильнее, ничего безумнее такой души. Как беснующиеся неспособны владеть собой, так и она [душа]

собой не владеет. Как она может прийти в сознание, подвергшись такому омрачению, между тем как если бы она любила тишину и спокойствие, то могла бы познать свое благородство? Но когда ее возмущает и устрашает все: и сновидения, и слова, и действительные явления, и подозрения, — то как она может прийти в самосознание, находясь в таком неспокойном и расстроенном состоянии? Отвергнем же этот страх, расторгнем эти узы. Ибо если бы и не было в будущем никакого наказания, то не хуже ли это всякого наказания — постоянно находиться в страхе, никогда не иметь дерзновения, никогда не чувствовать отрады? Помня все это, верно будем сохранять спокойствие и печься о добродетели (1).

СТРАХ БОЖИЙ

Если ты будешь иметь огонь порочного пожелания, представь огонь тамошнего мучения, и твой огонь погаснет. Если ты захочешь сказать что-нибудь непристойное, представь скрежет зубов, и страх послужит для тебя уздою. Если ты пожелаешь похитить что-нибудь чужое, припомни слова Судии: *связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю* (Мф. 22, 13), и ты оставишь свое намерение. Если ты жесток и немилостив, вспомни тех дев, у которых погасли светильники от недостатка елея, от чего они и лишились брачного чертога, и ты скоро будешь человеколюбивым. Если у тебя будет желание упиваться и роскошествовать, послушай богача, который говорил: *пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой,* и не получил желаемого (Лк. 16, 24), и тотчас ты оставишь свою страсть. И все другие страсти ты можешь укротить таким образом (1).

* * *

Если бы страх не был благом, то ни отцы не приставляли бы надзирателей к детям, ни законодатели начальников к городам. Что ужаснее геенны? Но нет ничего полезнее страха ее, потому что страх геенны приносит нам венец царствия. Где страх, там нет зависти, где страх, там не мучит сребролюбие, где страх, там погашен гнев, усмирена злая похоть, искоренена всякая бе-

зумная страсть. И как в доме воина, постоянно вооруженного, не посмеет появиться ни разбойник, ни вор, ни другой подобный злодей, так, когда страх объемлет души наши, ни одна из низких страстей не может легко войти в нас, но все удаляются и бегут, гонимые отовсюду силой страха. И не только эту пользу получаем мы от страха, но и другую, гораздо большую этой. Он не только отгоняет от нас злые страсти, но и вводит с великой удобностью всякую добродетель. Где страх, там и заботливость о милостыне, и усердие к молитве, и слезы теплые и непрерывные, и стенания, выражающие великое сокрушение. Ничто так не истребляет греха, а добродетели не способствует расти и процветать, как непрестанный страх. Поэтому кто не живет в страхе, тому невозможно быть добродетельным, так как и живущему в страхе невозможно грешить...

Если бы страх не был благом, Христос не изрек бы много продолжительных наставлений о тамошнем наказании и мучении. Страх есть не что иное, как стена, и ограда, и столб необоримый, а нам и нужно великое ограждение, потому что отовсюду множество засад, как премудрый, увещевая, сказал: *знай, что ты посреди сетей идешь и по зубцам городских стен проходишь* (Сир. 9, 18) (1).

* * *

Видели вы Божию силу, видели Божие человеколюбие? Силу в том, что Бог потряс вселенную, человеколюбие в том, что падающую ее остановил... Но хотя землетрясение миновало, страх пусть остается, колебание прошло, а благоговение пусть не проходит. Три дня мы молились, но не прекратим нашего усердия... Говорю это и не перестану говорить и бедным и богатым: подумайте, как велик гнев Божий, как все Ему легко и удобно, отстанем же от пороков, в краткую минуту времени Он так сокрушил душу и ум каждого и потряс основания сердца. Подумаем же, что в тот страшный день, когда будет не одна минута времени, но бесконечные веки, и потоки огня, и грозный гнев, и силы, влекущие на суд, и страшный престол, и нелицеприятное судилище, и дела каждого предстанут пред очи, и никто не будет заступником: ни сосед, ни ритор, ни сродник, ни

брат, ни отец, ни мать, ни иноплеменник, ни кто-либо другой, — что тогда, скажи мне, мы будем делать? Навожу на вас страх, чтобы устроить ваше спасение. Я сделал учение более резким, чем железо, чтобы каждый из вас, имеющий язву, освободился от нее (3).

СТЫД

Не стыдись служить бедному собственными своими руками. Христос не стыдится протягивать руку и брать через бедного, а ты станешь стыдиться протягивать руку и подавать серебро? Не крайне ли это безумно? Одно только постыдно — порок, жестокость, бесчеловечие, а благорасположение, и милостыня, и человеколюбие, и служение нуждающимся делает нас весьма славными (6).

СУД СТРАШНЫЙ

Будем... избегать порока и избирать добродетель, дабы нам не посрамиться в день откровения дел. *Всем нам должно явиться пред судилище Христово,* — говорит Павел, — *чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое* (2 Кор. 5, 10). Будем же иметь в уме это судилище и представим, что оно теперь существует, что судия сидит и все открывается и выставляется на вид. Ибо нам нужно будет не только предстать, но и открыться. Неужели вы не смущаетесь? Неужели не трепещете? Не решаемся ли мы часто лучше умереть, нежели открыть перед почтенными друзьями наше тайное преступление? Как же будем чувствовать себя тогда, когда грехи наши откроются перед всеми Ангелами и всеми людьми и предстанут перед нашими глазами? *Я обличу тебя,* — говорит Господь, — *и представлю пред лицем твоим грехи твои* (Пс. 49, 21). Если же тогда, когда еще нет самого события, а только оно предполагается и изображается словами, мы терзаемся совестью, то что мы будем делать, когда оно наступит, когда будет присутствовать вся вселенная, и Ангелы, и Архангелы, и Начала, и Власти, когда будут непрерывно звучать трубы, когда праведники будут подняты на облаках и будет великий плач грешников? Какой тогда страх обнимет оставшихся на земле? Ибо сказано: *один*

берется, а другой оставляется... одна берется, а другая оставляется (Мф. 24, 40-41). В каком состоянии будет душа их, когда они увидят, как другие отводятся с великой честью, а они оставляются с великим стыдом? Невозможно, поверьте, невозможно выразить словом этого страдания... Если бы даже не было геенны, то каким будет наказанием быть отвергнутым от такой светлости и отойти с бесчестием?.. Или вы думаете, малым будет наказанием — не быть поставленным наряду с другими в том сонме, не удостоиться неизреченной славы, быть удаленным и остаться далеко от того торжества и неизглаголанных благ? Но если, кроме того, будут и мрак, и скрежет зубов, и узы неразрешимые, и червь неумирающий, и огонь неугасающий, и плач, и стенание, и языки, мучимые жаром, как у богача, когда будем вопить и никто не услышит, будем стенать и плакать от страданий и никто не станет внимать, будем смотреть во все стороны и никто нисколько не утешит, то как судить о находящихся в таком состоянии? Что может быть несчастнее этих душ? Что горестнее (1)?

* * *

Тогда отверзется все небо и сойдет Единородный Сын Божий в сопровождении не двадцати и не ста, но тысячи и десятков тысяч Ангелов и Архангелов, и все будет исполнено страха и ужаса; земля разверзется, и все люди, когда-либо существовавшие, от Адама до настоящего времени, восстанут из земли и будут восхищены, а Он сам будет блистать такой славой, что солнце и луна скроют весь свет свой, который помрачится Его сиянием. Но, — как прискорбна великая наша бесчувственность! — когда ожидаются такие блага, мы еще пристращаемся к благам настоящим и не разумеем злобы диавола, который через маловажное лишает нас великого, дает грязь, чтобы отнять небо, показывает тень, чтобы удалить от истины, представляет великолепие в сновидениях, — ибо таково настоящее богатство, — чтобы, когда придет тот день, явить нас беднейшими всех. Зная это, будем избегать коварства его, будем опасаться осуждения вместе с ним, чтобы не сказал и нам Судия: *идите от Меня, проклятые, в огонь вечный,*

уготованный диаволу и ангелам его (Мф. 25, 41) (1).

* * *

Частое собеседование и непрестанное памятование о воскресении и суде приносят нам великую пользу. Захотим ли мы неправедно обогатиться или похитить что-нибудь или сделать другой какой бесчестный поступок, тотчас приведем себе на мысль тот день, вообразим то судилище, и эта мысль сильнее всякой узды сдержит дурное наше стремление. Будем постоянно говорить и себе и другим: есть воскресение, и страшное судилище ожидает нас. Если кого-либо увидим тщеславящимся и надмевающимся настоящими благами, скажем ему то же самое и объявим, что все это останется здесь. Если опять увидим другого удрученным скорбями и унывающим, выскажем и ему то же самое, указывая на то, что скорбям будет конец. Если также увидим кого-либо преданным беспечности и разленению, представим ему опять то же, выставляя на вид, что нужно будет отдать отчет в беспечности. Эта речь лучше всякого лекарства может уврачевать душу. И подлинно, есть воскресение, и воскресение у дверей, не далеко, но близко. *Еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит* (Евр. 10, 37), и в другом месте: *всем нам должно явиться пред судилище Христово* (2 Кор. 5, 10), т.е. и злым, и добрым: тем, чтобы перед всеми потерпеть бесславие, этим, чтобы перед всеми оказаться еще более славными. Как здесь судьи и злых наказывают, и добрым воздают честь, открыто перед всем, так точно будет и там, чтобы для одних было больше стыда, а для других больше славы. Будем же представлять себе это каждый день. Если будем постоянно иметь это в мыслях, то ничто из вещей настоящих и преходящих не удержит нас, потому что видимое временно, а невидимое вечно... Пусть говорят это и все те, которые допускают судьбу, — и они немедленно освободятся от этой гнилой болезни. Ибо если есть воскресение и суд, то нет судьбы, сколько бы они ни спорили и ни препирались. Но я стыжусь, что учу христиан о воскресении. Кого нужно учить, что есть воскресение, и кто не вполне убежден, что все совершается не по необходимости, и не просто, и

не как-нибудь, тот очевидно не христианин... Но, быть может, кто-нибудь скажет: да когда будет кончина, когда воскресение? Вот сколько уже прошло времени, и ничего не случилось? Но будет, — поверьте. Ведь и перед потопом тоже говорили и смеялись над Ноем, но пришел потоп и всех этих не веровавших поглотил, и только его одного веровавшего оставил в живых. И при Лоте не ожидали той, свыше ниспосланной казни, пока молнии и громы не уничтожили всех. И ни тогда, ни при Ное не было никакого предварительного указания на то, что имело случиться; но беды произошли неожиданно и в то время, как все пировали, пили и упивались. Так настанет и воскресение, не с предварительными какими-либо признаками, но среди нашего благополучия. Потому Павел и говорит: *когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут* (1 Фес. 5, 3). Так устроил это Бог для того, чтобы мы всегда были бдительны и не предавались беспечности среди самой безопасности (1).

* * *

Послушай пророков, взывающих и говорящих об этом [о Страшном суде], как людям возможно сказать. Один говорит: *Бог явно придет, Бог наш, и не будет безмолвен: огонь пред Ним возгорится и вокруг Его сильная буря. Он призовет небо свыше и землю рассудить народ* (Пс. 49, 3, 4). И Исаия присовокупляет и само наказание нам в следующих словах: *вот, приходит день Господа лютый, с гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее. Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим. Я накажу мир за зло, и нечестивых — за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых и уничижу надменность притеснителей, сделаю то, что люди будут дороже чистого золота, и мужи — дороже золота Офирского. Для сего потрясу небо, — и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа в день пылающего гнева Его* (Ис. 13, 9–13). И еще: *окна с небесной высоты растворятся, и основания*

земли потрясутся. Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена; шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет — и уже не встанет. И будет в тот день: посетит Господь воинство выспреннее на высоте и царей земных на земле. И будут собраны вместе, как узники, в ров и будут заключены в темницу (Ис. 24, 18–22). И Малахия согласно с этим говорит: *и кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро, и очистит... как золото и как серебро* (Мал. 3, 2–3). И еще: *вот, придет день, пылающий, как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей* (Мал. 4, 1)... Тогда разверзнутся все врата сводов небесных, а лучше сказать, и само небо истребится. *И небеса свернутся,* говорит [пророк], *как свиток книжный* (Ис. 34, 4), свертываясь, как кожа или покров какой-либо палатки, чтобы измениться в лучшее. Тогда все исполнится изумления, ужаса и трепета; тогда и самих Ангелов обымет страх, и не только Ангелов, но и Архангелов, и Престолы, и Господства, и Начала, и Власти, *и силы небесные*, говорит [Господь], *поколеблются* (Мф. 24, 29), потому что от сослужителей их потребуется отчет в здешней жизни. Если тогда, когда один какой-нибудь город бывает судим земными правителями, трепещут все, даже и находящиеся вне опасности, то когда вся вселенная будет судима таким Судией, который не нуждается ни в свидетелях, ни в обличителях, но и без них обнаружит и дела, и слова, и мысли и все как на картине покажет и самим грешникам, и не знающим, — возможно ли, чтобы тогда не потряслась и не поколебалась всякая сила? Поистине, если бы и река огненная не текла, и страшные Ангелы не предстояли, а только бы из собранных людей одни получали похвалу и прославление, а другие были отгоняемы с бесчестием, чтобы не зреть славы Божией... и это было бы единственным наказанием, то лишение таких благ не мучительнее

ли всякой геенны терзало бы души отверженные (2)?

* * *

Почему же, скажут, не здесь все наказываются? Потому что Бог назначил день, в который будет Он судить вселенную, но этот день еще не пришел (2).

* * *

Какая же надпись [шестого псалма]? *Об осьмом (дне)*, говорит [Давид]. Какой же это восьмой [день], если не тот день Господень, великий и славный, подобный пещи горящей, который заставит трепетать и горние силы (*и силы небесные*, сказано, *поколеблются,* Мф. 24, 29), и изведет огонь, предтекущий Царю [Христу]? Он назвал этот день восьмым, указывая на перемену [настоящего] состояния и на обновление жизни будущей. Настоящая жизнь не что иное, как одна седмица: начинается она первым днем, а оканчивается седьмым, и потом опять круговращается в тех же пределах, восходя к тому же началу и нисходя к концу. Поэтому никто не назвал бы дня Господня [воскресного] восьмым, но — первым, потому что круг седмицы не простирается до восьмеричного числа. Когда же все настоящее прекратится и разрушится, тогда наступит течение восьмого дня, оно не будет возвращаться к началу, но устремится в дальнейшие пространства. Итак, пророк от сильного сокрушения имел всегда в памяти у себя [последний] суд, среди такого почета и удовольствий непрестанно видел перед собой тот день, о котором мы едва вспоминаем в скорбях и, постоянно размышляя о судьбах Божиих, написал этот псалом. Что же говорит он? *Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня* (Пс. 6, 2), — называя яростью и гневом великую силу наказания (он знал, что Бог свободен от всякой страсти), хотя и сознавал себя достойным не мучения и наказания, но почести и венцов (2).

СУДЫ

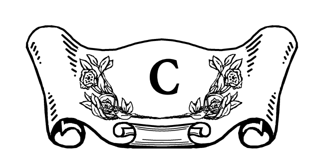
Будем убегать внешних судилищ. *И кто захочет судиться с тобою*, говорит Господь, *и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду*; и: *мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним*

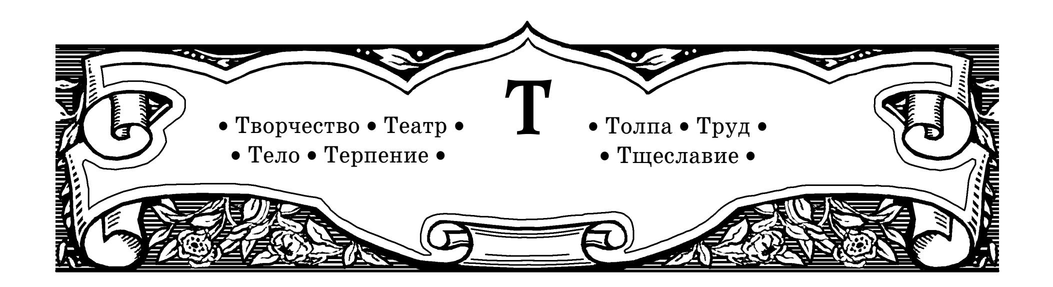
(Мф. 5, 40, 25). Впрочем, нужно ли предлагать наши убеждения? Сами, имевшие дело со внешними судилищами, постоянно говорят, что лучше обходиться без них. Но деньги, или лучше, безумная страсть к деньгам! Она низвращает и ниспровергает все... Если хочешь видеть, как Писание повелевает тебе удаляться от этой нужды, т.е. от судилищ, и для кого существуют законы, то послушай, что говорит Павел: *закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых* (1 Тим. 1, 9). Если же он говорит так о законе Моисеевом, то тем более — о законах внешних. И подлинно, когда ты сам оскорбляешь, то явно, что ты не праведник, а когда тебя оскорбляют и ты терпишь, — что особенно и свойственно праведнику, — то не имеешь нужды в законах внешних... Победа принадлежит скорее терпящему обиды, нежели не терпящему. Постараюсь объяснить вам это. Положим, что не терпящий обиды ведет противника своего в судилище и одерживает верх, но тогда-то он сам и остается побежденным. Он подвергся тому, чего не хотел: противник принудил его огорчаться и судиться. Что в том, что ты одержал верх? Что в том, что обратно получил все деньги? Ты потерпел то, чего не хотел, быв принужден судиться. Если же ты перенесешь обиду, то побеждаешь: теряешь деньги, но приобретаешь победу при таком любомудрии, ибо, значит, противник не мог принудить тебя к тому, чего ты не хотел (1).

СУЕВЕРИЕ

Более всего прискорбны состязания, которые происходят в гостиницах и преисполнены распутства и великого нечестия: нечестия потому, что занимающиеся ими замечают дни, гадают и думают, что если первый день этого месяца они проведут в удовольствии и веселье, то и во весь год будет то же, а распутства потому, что на самом рассвете и женщины и мужчины, наполнив стаканы и чаши вином, напиваются с великой неумеренностью... Неужели вы не слыхали слов Павла: *наблюдаете дни, месяцы, времена и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас* (Гал. 4, 10–11). Крайне безумно по одному счастливому дню ожидать того же на весь год; и не

только от безумия, но и от дьявольского влияния происходит та мысль, будто в делах нашей жизни надобно полагаться не на собственную ревность и деятельность, а на дневные обращения времени. Счастлив для тебя будет год во всем не тогда, как ты будешь пьянствовать в первый день, но если и в первый и в каждый день будешь делать угодное Богу. Диавол, стараясь отклонить нас от подвигов добродетели и подавить душевную ревность, научил людей счастье и несчастье приписывать дням. Кто убежден, что есть дни счастливые и несчастливые, тот в несчастливый день не будет заниматься добрыми делами, думая, что весь его труд останется тщетным и бесполезным по роковому свойству дня; равно и в счастливый день не займется теми делами, думая, что его нерадение нисколько не повредит ему по хорошему свойству самого дня, и таким образом он в том и другой случае будет терять свое спасение и, считая труды свои то бесполезными, то излишними, будет проводить жизнь недеятельную и порочную. Зная это, мы должны избегать козней диавола, исторгать из души такое убеждение, не наблюдать дней, не пренебрегать одним днем и не привязываться к другому. Лукавый демон ухищряется против нас таким образом не только для того, чтобы ввергнуть нас в нерадение, но чтобы и оклеветать создания Божии, и вовлечь души в нерадение и вместе в нечестие. Мы должны удаляться от этого и ясно знать, что нет зла, кроме одного греха, и нет добра, кроме одной добродетели и угождения Богу во всем (3).

ТВОРЧЕСТВО

Я сотворил, говорит Он, землю и небо. Даю и тебе творческую власть, — сотвори землю Небом, ибо ты можешь сделать это. О Боге сказано: *сотворил... и претворяет* (Ам. 5, 8), но такую же власть Он дал и людям подобно тому, как чадолюбивый отец, занимаясь живописью, не только сам упражняется в этом, но и сына хочет довести до одинакового с ним совершенства. Я сотворил, говорит Он, прекрасное тело, даю тебе власть создать нечто лучшее: сделай прекрасной душу. Я сказал: *да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя и дерево плодовитое* (Быт. 1, 11). Скажи и ты: да произрастит та же земля собственный плод и произойдет то, что по твоему желанию должно произойти. Я творю лето и мглу, утверждаю гром и созидаю дух; Я создал змия, чтобы ругаться над ним, то есть диавола... Ругайся над ним и ты, если хочешь, ибо можешь связать его, как птичку. Воссияю солнце на злых и благих, подражай и ты: раздавай свои стяжания и добрым и злым. Будучи оскорбляем, терплю и благотворю оскорбляющим Меня, подражай и ты: ибо можешь сделать это. Я благодетельствую не ради воздаяния, подражай и ты: делай добро не ради воздаяния и не ради награды. Я возжег светила на небе, возожги и ты светила блистательнее этих, ибо можешь сделать это: просвети заблудших. Дать познать Меня есть большее благодеяние, нежели доставить возможность видеть солнце. Ты не можешь сотворить человека, но можешь сделать его праведным и благоугодным Богу. Я сотворил существо, ты укрась намерение. Посмотри, как Я люблю тебя: Я дал тебе силу даже в более важных делах (1).

ТЕАТР

Если случайно встретившаяся на площади и одетая как по-

пало женщина своим видом может иногда уловить человека, который из любопытства посмотрит на нее, то как могут сказать о себе, что смотрели не с вожделением те, которые входят в театры не просто и не случайно, но для этого именно и с таким рвением, что небрегут и о церкви, проводят целые дни, пригвоздившись глазами к бесчестным тем женщинам, где развратные речи, блудные песни, любострастный голос, подкрашенные брови, нарумяненные щеки, наряды, подобранные с особенным искусством, поступь, исполненная очарования, и множество приготовлено других приманок для обольщения и увлечения зрителей; где и душа зрителя в беспечности и великой рассеянности, где и само место возбуждает к любострастию, где мелодия предшествовавших и последующих песен, выигрываемых на трубах, свирелях и других подобных инструментах, очаровывает и расслабляет силу ума, подготовляет души находящихся там к обольщениям блудниц и делает их легко уловимыми. Если похоть часто, как какой-нибудь хитрый разбойник, тайно входит [в человека] и здесь, где псалмы, и молитвы, и слушание Божественных слов, и страх Божий, и великое благоговение, то как могут быть выше этой злой похоти те, которые сидят в театре и ничего здравого не видят и не слышат, напротив, исполнены гнусности и разврата, и терпят поражение через все чувства: и через слух, и через зрение?..

Неужели не боишься ты, человек, одними и теми же глазами смотреть и на сцену в театре, где представляются гнусные драмы прелюбодеяния, и на эту священную Трапезу, где совершаются страшные Таинства? одними и теми же ушами слушать и сквернословящую блудницу, и поучающего тебя словами пророка и апостола? одним и тем же сердцем принимать и смертоносный яд, и страшную и святую жертву? Не отсюда ли развращение жизни, расстройство брачных союзов, распри и ссоры в семействах? В самом деле, когда ты, расстроившись тамошним зрелищем и сделавшись более сладострастным и похотливым и совершенным врагом целомудрия, возвратишься домой и увидишь жену, тебе уже не так приятно будет смотреть на нее, какова бы она ни была. Распалившись на зрелищах

похотью и пленяясь чужим обольстительным лицом, ты отвращаешься от целомудренной и скромной жены, подруги всей твоей жизни, оскорбляешь ее, осыпаешь тысячью упреков не потому, что бы было тебе за что винить ее, но потому, что стыдно высказать страсть и показать рану, с которой ты возвратился оттуда домой... Да и на саму церковь будешь смотреть не так приятно, и слова о целомудрии и чистоте будешь слушать с неудовольствием (1).

* * *

Когда ты войдешь в театр и сядешь там, услаждая взор свой обнаженными членами женщин, то, конечно, сначала будешь чувствовать удовольствие, но потом сильный воспламенишь в себе жар. Когда видишь женщин, являющихся как бы в образе обнаженного тела, когда зрелище и песни не что иное выражают, как только одну гнусную любовь: такая-то, говорят, полюбила такого-то и не имела успеха и удавилась, — когда предаются даже преступной любви к матерям... то как, скажи мне, можешь ты после этого быть целомудренным, когда такие рассказы, такие зрелища, такие слухи обдержат твою душу (1).

* * *

На здешнем театре в самый полдень употребляются завесы, и многие лицедеи являются в чужом виде и с ласками на лице, пересказывают старую басню, повествуют о былом. Иной представляется философом, не будучи философом, иной царем, не будучи царем, но только имея вид царя, по назначению, иной — врачом, не умея управиться и с деревом, но только надев платье врача, иной рабом, будучи свободным, иной учителем, не зная и азбуки. Они кажутся тем, чем никогда не бывали, а что они суть на самом деле, тем не показываются, ибо показывается врачом тот, кто вовсе не врач, показывается философом тот, кто только на личине имеет изысканную прическу, наконец, показывается воином тот, у кого только платье воина. Но, как ни обманчив вид личины, он не обманет природу, которую извращает. Личины держатся, пока увеселяющиеся сидят в театре, но когда наступит вечер, театр закроется, и все выйдут,

тогда личины бросаются, и кто в театре представлялся царем, вне его оказывается медником. Личины сброшены, обман прошел, открылась истина, и оказывается вне театра рабом, кто внутри его представлялся свободным. Внутри театра обман, а вне истина. Настал вечер, кончилось зрелище, и — открылась истина. Так и в жизни и при кончине. Настоящее — театр, здешние вещи: богатство и бедность, власть и подчиненность и т. п., — представляется в ложном виде. Но когда окончится тот день и наступит та страшная ночь, или, лучше, день, — ночь для грешников, а день для праведников, когда закроется театр, когда личины будут сброшены, когда позван будет на суд каждый со своими делами, — не с богатством своим, не с властью, не с почестями и могуществом, но каждый с делами своими: и начальник и царь, и женщина и мужчина, когда Судия спросит нас о жизни и добрых делах, а не о пышных титулах, не об унизительной бедности, не о жестоком пренебрежении, и скажет: подай Мне дела, пусть ты и раб, только бы лучше был свободного, пусть ты и жена, только бы мужественнее мужа, когда, говорю, сброшены будут личины, тогда-то обнаружится и богатый и бедный. И как здесь, по окончании театра, иной из сидевших вверху, увидев в театральном философе медника, скажет: э! не был ли этот в театре философом? А теперь вижу его медником! Этот не был ли там царем? А тут вижу в нем какого-то ничтожного человека! Этот не был ли внутри [театра] богачом, а вне вижу его нищим! Так будет и там (1).

ТЕЛО

Бог дал нам тело из земли для того, чтобы мы и его возвели на небо, а не для того, чтобы через него душу низвели в землю. Оно [тело] есть земное, но если я захочу, будет небесным (1).

* * *

Не в настоящем только веке нам обещал Господь продолжение жизни и наслаждение видимыми благами, но и после отшествия отсюда и разрушения тел, когда наши тела обратятся в прах и пепел, обещает воскресить их и водворить в большей славе. *Тленному сему,* говорит

блаженный Павел, *надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие* (1 Кор. 15, 53). А после воскресения тел Господь обещает даровать нам наслаждения Царствия, общение со святыми, бесконечный покой и такие неизреченные блага, *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9) (1).

* * *

Что возница для колесницы, или кормчий для корабля, или музыкант для музыкального орудия — тем же Создатель поставил душу для этого земного сосуда [тела]. Она держит бразды, движет рулем, ударяет в струны, и когда делает это хорошо, что производит согласнейшие звуки добродетели, а когда или слишком ослабляет звуки, или напрягает их больше надлежащего, то нарушает и искусство и благозвучие. Такой-то душой пренебрегают многие из людей, не удостаивая ее даже и малейшего попечения, а все время своей жизни тратят на заботы о теле. Одни избирают жизнь мореплавателей — и борются с волнами и ветрами, нося с собой жизнь и смерть и полагая надежду спасения в немногих досках; другие предпринимают труды земледелия, запрягая рабочих волов и возделывая землю, то сея семена и пожиная жатву, то насаждая растения и собирая с них плоды, и все время у них проходит в этих трудах; иные занимаются торговлей и для нее совершают путешествия по земле и морю, предпочитают чужую страну своей и, оставляя отечество, родных, друзей, жен и детей, для малых выгод ведут жизнь странническую. И нужно ли исчислять все занятия, которые люди изобрели для потребностей телесных, проводя в которых дни и ночи, они стараются сохранить здоровье своего тела, а между тем душу, алчущую и жаждущую, иссохшую и загрязненную и подвергшуюся бесчисленному множеству зол, оставляют без внимания? Но после многих трудов и усилий они и смертное тело не защищают от смерти, и бессмертную душу вместе со смертным телом подвергают вечным мучениям (6).

ТЕРПЕНИЕ

Будем иметь великое терпение и никогда не ослабевать и

не унывать в подвигах добродетели, будем знать, что Владыка наш, щедрый и многомилостивый, воздает нам за малые труды великими наградами и что Он не только в будущем веке уготовляет для нас бессмертные блага, но и в настоящей жизни, утешая нас в немощах естества нашего, подает нам многие дары. Ибо Господь всяческих, имея попечение о наших немощах, не всегда нас и скорби терпеть попускает, чтобы не слишком отягчали они немощь нашу, напротив, сам скоро подает нам свою помощь, укрепляя наше сердце и ободряя дух. Равно и в благополучии не всегда оставляет нас, чтобы мы, сделавшись беспечными, не склонились сами ко злу. Ибо многосчастием забываем благородство и не удерживаемся в своих пределах. Потому-то Он как любвеобильный Отец иногда снисходит к нам, иногда наказывает нас, чтобы таким образом управить нас ко спасению души. Как врач, когда лечит больного, не всегда томит его скудной пищей, не всегда позволяет и наслаждаться обильно яствами, чтобы многоядение не произвело воспаления и этим не усилило болезни, а с другой стороны, чтобы постоянно скудная пища не ослабила его еще более, но располагает свое врачевание, соображая состояние и силы болящего... Так точно и Человеколюбец Бог, ведая, что каждому из нас полезно, иногда дозволяет нам наслаждаться благополучием, иногда же подвергает нас искушениям. Потому что если искушаются люди добродетельные, то через искушение они являются еще более светлыми и приобретают свыше большую благодать; если подобные нам грешники с благодарностью принимают наведенные на них искушения, они слагают с себя тяжкое бремя грехов и получают во многом прощение. Поэтому, умоляю вас, зная благопромыслительную премудрость Врача душ наших, не будем испытывать судеб Его. Поскольку разум наш не может постигнуть их, то тем более будем благоговеть перед Его судьбами и за все прославлять Его именно потому, что имеем такого Владыку, промысел которого не может быть объят никакой мыслью, ни вообще разумом человеческим. Притом мы и сами не так знаем, что для нас полезно, как Он знает, и не столько сами мы заботимся о себе, сколько Он печется о нашем спасении, и

все творит и совершает так, чтобы только вести нас к добродетели и исхитить из рук диавола. И когда Он видит, что счастье не может принести нам пользы, тогда, как наилучший врач, который, заметив, что кто-либо от пресыщения тучнеет, возвращает тому здоровье через воздержание, подобно тому и дивный Врач наших душ наведением хоть немногих искушений дает нам чувствовать вред, какой мы потерпели бы от благополучия, а когда видит, что здоровье довольно уже восстановлено, тогда собственной помощью избавляет нас от искушений и преизобильно являет Свое о нас промышление. Итак, если некоторые, живя добродетельно, впадают в искушения, то да не смущаются духом, а тем более да питают себя утешительными надеждами, что через искушения уготовляются для них венцы и награды. Если же и во грехах живущие подвергаются скорбям, пусть и они не отчаиваются, зная, что искушения во всякое время могут послужить к очищению грехов, если только все, случающееся с нами, мы принимаем с благодарностью. Ибо свойство признательного раба не тогда только благодарить своего Господа, когда сам наслаждается беспечальной жизнью, но и в неприятных обстоятельствах показывать то же благодушие (1).

* * *

Если [Христос] прославляет тех, которые напоили Его, одели и напитали, тем более тех, которые ради Него решили потерпеть мучения. Не все равно, дать ли хлеб и одежду или вытерпеть продолжительную болезнь? Нет, последнее гораздо труднее первого, а чем больше труд, тем блистательнее будет и венец. Об этом-то будем и сами размышлять, и здоровые и больные, и с другими говорить, и как увидим себя когда-либо в тяжкой горячке, скажем себе вот что: «А что, если бы кто взвел на нас обвинение, затем повлекли бы нас в суд, а там схватили бы и начали бить по бокам, не пришлось ли бы нам и поневоле вытерпеть все, и притом без всякой пользы и награды?» Так будем рассуждать и теперь, будем притом представлять себе и награду за терпение, которая может ободрить и впавшую [в уныние] душу. Но если горячка жестока? Так сопоставь с этой горячкой огонь гееннский, кото-

рого ты, наверно, избегнешь, если решишь терпеливо вынести эту болезнь. Вспомни об апостолах, сколько они страдали, вспомни о праведниках, как они постоянно были в скорбях. Вспомни о блаженном Тимофее, — он никогда не имел покоя от болезни, но жил в постоянном недуге. На это-то указывая, Павел говорил: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). Если же такой праведник и святой, которому вверено было управление вселенной, который воскрешал мертвых, изгонял демонов и исцелял других от бесчисленных болезней, если он страдал так тяжко, то какое извинение будешь иметь ты, который и в кратковременных болезнях смущаешься и ропщешь? Не слышал ли ты, как Писание говорит, что *Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6)? Как многие и сколько раз хотели получить мученический венец? Вот это [терпение в болезни] настоящий мученический венец! Мучеником бывает не тот только, кто, получив повеление [от мучителя] принести жертву [языческим богам], порешил лучше умереть, чем принести эту жертву, нет, мученичество очевидно есть и то, когда человек вообще соблюдает [ради Христа] что-либо такое, чем может навлечь на себя смерть (2).

* * *

Нет ничего равного терпению. Оно — царица добродетелей, основание совершенств, безмятежная пристань, мир во время войн, тишина во время бури, безопасность среди злоумышлений, оно делает обладающего им крепче адаманта. Ему не в силах повредить ни выдвигаемые оружия, ни построенные в боевом порядке войска, ни подводимые машины, ни стрелы, ни пускаемые копья, ни само полчище демонов, ни страшные полки супротивных сил, ни сам диавол, выступающий в бой со всем своим войском и хитростью (7).

* * *

Перечисляя ряд наград за скорби, он [апостол Павел] говорит, что скорбь рождает терпение — эту матерь всех благ, эту необуреваемую пристань, эту основу мирной жизни, более

крепкую, чем скала, более твердую, чем алмаз, более могущественную, чем всякое оружие, более надежную, чем все крепостные стены. В свою очередь терпение при надлежащей степени развития делает своих питомцев испытанными, мужественными и решительно непобедимыми. Оно уже никогда не допустит их ни смутиться, ни поскользнуться при каком бы то ни было бедствии, но как скала, чем более бьет в нее волн, тем она делается только чище, нисколько не сдвигаясь с места, и легко разбивает напор рвущихся на нее валов, уничтожая их не нанесением, а принятием ударов, — так и муж, вышедший испытанным из школы терпения, становится выше всех козней. И, что особенно удивительно, он делается сильнее и победоноснее над злом также не деланием, а перенесением зла (7).

ТОЛПА

Если ты захочешь спросить кого-нибудь из граждан, делающих большие издержки, для чего они тратят столько золота и что значат эти расходы, то ни о чем другом от них не услышишь, как только об угождении толпе. Если же ты опять спросишь их, что такое толпа, они ответят: это нечто шумное, многомятежное, большей частью глупое, без цели носящееся туда и сюда, подобно волнам моря, составляемое часто из разнообразных и противоположных мнений... Заметь же, если бы кто-то спросил его: как ты сам думаешь о толпе? Без сомнения он сказал бы, что считает толпу невежественной и бездельной. Что же? Захотел ли бы ты сделаться подобным этой толпе? — Если бы об этом опять кто-нибудь спросил его, то я не думаю, чтобы он пожелал сделаться таким же. Итак, не крайне ли смешно искать славы у тех, кому сам никогда не захотел бы сделаться подобным?

Если же ты скажешь, что в толпе много людей и что они составляют одно, то поэтому-то особенно и надобно ее презирать. Ибо если каждый из толпы сам по себе достоин презрения, то когда таких много, они заслуживают еще большее презрение. Глупость каждого из них, когда они собраны вместе, становится еще большей, увеличиваясь от многочисленности. Поэтому каждого из них порознь можно бы исправить, ес-

ли бы кто взял на себя это дело, но нелегко было бы исправить всех их вместе, — оттого что безумие их в таком случае увеличивается; они водятся обычаями животных, во всяком случае следуя один за другим во мнениях (1).

ТРУД

Какое из добрых дел, скажи мне, не трудно? Да в том-то и затруднение, что с пороком сопряжено удовольствие, а с добродетелью труд. Я думаю, многие на это ищут объяснения. Какая же тому причина? Вначале Бог даровал нам жизнь, свободную от забот и чуждую трудов, но мы не воспользовались, как дóлжно было, этим даром, а развратились по нерадению и лишились рая. Тогда-то Бог сделал уже жизнь нашу претрудной и в оправдание свое перед родом человеческим говорит: «Я даровал вам сначала наслаждения, но вы от своеволия сделались худшими, поэтому Я определил наложить на вас труды и пот». Когда же и труды не обуздали нас, Он дал закон, содержащий в себе многие заповеди, наложив на нас, как на коней неукротимых, узды и путы, чтобы удержать порывы, как делают укротители коней. Вот почему жизнь наша сопряжена с трудами, так как без трудов мы обыкновенно развращаемся. Природа наша не может бездействовать, а иначе легко преклоняется ко злу. Положим, например, что человеку целомудренному или отличающемуся какой-либо другой добродетелью не нужны были бы никакие подвиги, а он бы и спал и, однако же, во всем успевал. К чему бы привело такое ослабление? Не к гордости ли и высокомерию? Да для чего же, говоришь ты, со злом сопряжено великое удовольствие, а с добродетелью великий труд и тягость? Но какая же была бы тебе и благодать, или за что же бы ты получил награду, если бы это было дело нетрудное? Я и теперь могу указать многих таких, которые по природе отвращаются от смешения с женщинами и убегают, как чего-нибудь скверного, самой беседы с ними, но скажи пожалуй, называть ли их за это целомудренными и будем ли мы их увенчивать и прославлять? Нет. Ибо целомудрие есть воздержание и побеждение похотей борьбой... Почему, скажешь, не признано за лучшее, чтобы добро делалось без труда?

Такие слова свойственны животным и чревоугодникам, которые почитают богом свое чрево. Что это слова лености, вот, суди: если бы где-нибудь были властитель и военачальник, и властитель бы спал или пиршествовал, а военачальник с великими трудами одерживал бы победы, кому из них ты вменил бы славу? Кому принадлежал бы плод радостных событий? Видишь, что душа бывает более расположена к тому, в чем более труждается. Потому Бог и соединил с добродетелью труды, желая прилепить к ней душу. Потому-то мы удивляемся добродетели, хотя сами ее и не исполняем, а порок порицаем, хотя он кажется весьма приятным... Почему мы не удивляемся людям добрым по природе, а более тем, которые таковы по свободному произволению? — Это потому, что справедливость требует предпочитать трудящегося нетрудящемуся. А почему, скажешь, мы ныне трудимся? Потому, что жизни без трудов ты не хотел вести благоразумно. Если исследовать внимательно, то ведь бездействие и без того обыкновенно развращает нас и причиняет много трудов. Например, оставим в заключении какого-нибудь человека и станем только кормить его и наполнять его чрево, не позволяя ему ни ходить, ни заниматься каким-либо делом: пусть он наслаждается трапезой и ложем и постоянно пресыщается. Может ли что-либо быть несчастнее такой жизни? Но иное дело, скажешь, заниматься чем-нибудь, а иное — трудиться. Ведь можно же было тогда (в первобытном состоянии) делать без трудов? Конечно так, этого и Бог хотел, да ты сам не стерпел. Бог повелел тебе возделывать рай, назначив в этом тебе занятие, но не присоединив к этому никакого труда, а если бы и вначале у человека был труд, то после Бог не возложил бы на него труда в виде наказания. Ибо можно делать и не труждаться, как это свойственно Ангелам (1).

* * *

Не стыдись никто из занимающихся ремеслами, но да постыдятся те, которые напрасно едят хлеб и живут в праздности, которые имеют множество служителей и требуют беспрестанных услуг. Принимать пищу

всегда после труда — род любомудрия: души таких людей бывают чище, мысли — основательнее. Человек праздный и говорит много пустого и делает много пустого, и целый день не занимается ничем, предаваясь неге. А тот, кто занят работой, не скоро допустит что-нибудь излишнее ни в делах, ни в словах, ни в помышлениях, ибо душа его совершенно предана трудолюбивой жизни. Не будем же презирать тех, которые питаются от трудов рук своих, но будем еще более ублажать их за это. Какой, скажи мне, достоин ты благодати, если, получив наследство от отца, живешь, ничего не делая, и расточаешь его по-пустому? Разве ты не знаешь, что мы не все отдадим одинаковый отчет, но получившие здесь больше благ отдадут отчет труднейший, а удрученные трудами, бедностью или чем-нибудь подобным, — легчайший? Это видно из притчи о Лазаре и богаче. Ты, не употребивший свободного времени ни на что дельное, справедливо будешь осужден, а бедный, при трудах своих употребивший остающееся время на дела достодолжные, получит великие венцы (1).

* * *

Хотя наказанием и мучением кажутся слова: *в поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3, 19), но на самом деле они — некоторое внушение и вразумление и врачевство против ран, происшедших от греха. Потому и Павел непрестанно работал, не только днем, но даже и ночью. Это возвещает он, когда говорит: *ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас* (1 Фес. 2, 9). И не для удовольствия только и душевного отдыха он занимался работой, как делают многие, но прилагал такое усердие к труду, что мог помогать и другим. *Нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии* (Деян. 20, 34). Человек, повелевавший бесами, бывший учителем вселенной, которому вверено было попечение о всех живущих на земле, который с великим усердием заботился о всех церквах, находящихся под солнцем, о племенах, народах и городах, работал день и ночь и нимало не отдыхал от этих трудов. А мы, не имеющие и малейшей части забот его, или даже не могущие и представить их в уме своем,

проводим жизнь постоянно в праздности... Оттого всякого рода зло вошло в жизнь, что многие считают величайшим достоинством — не заниматься своими ремеслами и крайним позором — показаться сведущим в чем-нибудь подобном. А Павел не стыдился в одно и то же время держать нож в руках и сшивать кожи и беседовать с людьми, находящимися в почестях, но даже хвалился этим, когда приходили к нему тысячи славных и знаменитых людей; и не только не стыдился делать это, но и в своих посланиях, как бы на медном столбе, объявлял о своем ремесле... Через занятие работой мы и дурные помыслы легко исторгнем из души, и будем помогать нуждающимся, и не станем беспокоить двери других, исполним закон Христов, который говорит: *блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20, 35). Для того нам и даны руки, чтобы мы и себе помогали, и увечным по телу доставляли по возможности все необходимое из нашего имущества, так что если кто-то живет в праздности, то хотя бы он и был здоров, он несчастнее одержимых горячкой... Ибо не в том только зло, что тогда как надлежало бы питаться собственными средствами и собственными трудами, они беспокоят дома других, но что они и сами становятся хуже всех (1).

* * *

Кто время трудов делает временем покоя, тот будет стонать, скрежетать зубами и терпеть крайние муки тогда, когда нужно будет успокоиться вечным покоем; а кто здесь переносит скорби благодушно, тот и здесь и там будет блистать и наслаждаться славой бессмертной и истинной. Если в житейских делах человек, делающий что-либо неблаговременно, не достигает того, что имел в виду, и подвергает себя бесчисленным бедствиям, то тем более испытает это на себе тот, кто не знает установленных времен в делах духовных (2).

* * *

Смотри не на труд только, но и на награду. Многие добрые дела кажутся нам такими трудными потому, что, обращая постоянно внимание на трудность и тяжесть их, мы не представляем в уме уготованных за них

наград. Не так должно поступать, но принимать во внимание все вместе, с трудами и награды, и тогда труды покажутся нам легкими, как и действительно они легки (2).

* * *

И ныне и в древности от начала рода человеческого все друзья Божии наследовали жизнь печальную, трудную и исполненную бесчисленных бедствий. Не будем и мы стремиться к жизни изнеженной, рассеянной и исполненной наслаждений, но к жизни прискорбной, трудной и исполненной скорбей и несчастий. Как борец не может посредством сна, лености и наслаждений достигнуть венцов, ни воин — трофеев, ни кормчий — пристани, ни земледелец — полного гумна, так и верующий не может получить обетованных благ, проводя свою жизнь в беспечности. И не безрассудно ли было бы — во всех житейских делах полагать труды прежде удовольствия и опасности прежде безопасности, и притом когда от этих трудов ожидается небольшое и маловажное, а когда предстоит Небо, почести ангельские, жизнь бесконечная, пребывание с Ангелами и блага, которых невозможно ни представить умом, ни выразить словами, надеяться на получение их посредством беспечности, праздности и рассеянности душевной, не удостаивая их даже одинаковой с благами житейскими заботливости? Нет, увещеваю, не будем так худо заботиться о себе и о своем спасении, но, взирая на этих святых, доблестных и терпеливых подвижников, которые даны нам вместо светил, станем сообразовать свою жизнь с их мужеством и терпением, чтобы по переселении отсюда молитвами их могли мы увидеть их и приветствовать, и быть помещенными в небесные их обители (5).

* * *

Так как жизнь райская доставляла человеку полное наслаждение, сообщая и удовольствие от созерцания, и приятность от вкушения, то, чтобы человек от чрезмерного покоя не развратился (*Праздность научила многому худому* (Сир. 33, 28).), Господь Бог повелел ему *возделывать его и хранить его* (Быт. 2, 15). Что же, скажут, рай нуждался в возделывании со стороны человека?

Не говорю этого, но Бог хотел, чтобы человек имел хоть малое и умеренное попечение о хранении возделывании его. Если бы он был совершенно свободен от труда, то, пользуясь совершенным покоем, тотчас бы предался беспечности, но теперь, занимаясь трудом безболезненным, чуждым страданий, мог быть целомудреннее (8).

ТЩЕСЛАВИЕ

Невозможно тому, кто раболепствует временной славе, получить славу от Бога. Потому-то Христос и укорял иудеев, говоря: *как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете* (Ин. 5, 44)? Это какое-то сильное упоение, объятый страстью тщеславия человек делается неисправим. Она, отторгая от небес души своих пленников, пригвождает ее к земле, не позволяет ей воззреть к свету истинному, побеждает постоянно вращаться в тине, приставляя к ним владык, столь сильных, что они владеют ими, даже ничего не приказывая. Ибо тот, кто болеет этой болезнью добровольно, хотя и никто ему не приказывает, делает все, чем только думает угодить своим владыкам. Для них он одевается в одежды нарядные и украшает лицо, заботясь в этом случае не о себе, но об угождении другим, и выводит с собой на площадь провожатых, чтобы заслужить от других удивление, и все, что ни делает, предпринимает единственно для угождения другим. Итак, есть ли болезнь душевная тягостнее этой? Человек нередко бросается в бездну, чтобы только другие удивлялись ему. Приведенные слова Христовы достаточно показывают всю мучительную силу этой страсти, но можно еще познать ее и из следующего. Если ты захочешь спросить кого-нибудь из граждан, делающих большие издержки, для чего они тратят столько золота и что значат эти расходы, то ни о чем другом от них не услышишь, как только об угождении толпе. Если же ты опять спросишь их, что такое толпа, они ответят: это нечто шумное, многомятежное, большей частью глупое, без цели носящееся туда и сюда, подобно волнам моря, составляемое часто из разнообразных и противоположных мнений. Кто имеет у себя такого владыку, не будет ли тот жалок более всяко-

го другого?.. Другие страсти хотя заключают в себе большой вред, но, по крайней мере, приносят и некоторое удовольствие, хотя и временное и короткое. Так, корыстолюбец, винолюбец, женолюбец имеют некоторое свое удовольствие, хотя и со вредом, хотя и не продолжительное, но обладаемые страстью тщеславия всегда живут жизнью горькой, лишенной всякого удовольствия. Ибо они не достигают того, что так любят, — я разумею славы народной, а хотя по видимости и пользуются ею, на самом же деле не наслаждаются, потому что это вовсе и не слава. Потому и сама страсть эта называется не славой, а тщеславием... Она тщетна и не имеет в себе ничего блистательного и славного. Как личины кажутся светлыми и приятными, а внутри пусты, поэтому хотя и представляются благообразнее телесных [естественных] лиц, однако никогда еще и ни в ком не возбуждали любви к себе. Точно так или еще более жалко слава в толпе прикрывает собой эту неудобоизлечимую и мучительную страсть. Она имеет только снаружи вид светлый, а внутри не только пуста, но и полна бесчестия и жестокого мучения. Откуда же, скажешь, откуда рождается эта безумная и не приносящая никакого удовольствия страсть?.. От души низкой и ничтожной. Ибо человек, увлекаемый славой, не способен мыслить что-либо великое и благородное; он необходимо становится постыдным, низким, бесчестным, ничтожным. Кто ничего не делает для добродетели, а только одно имеет в виду, — чтобы понравиться людям, не сто́ящим никакого внимания, во всяком случае следует погрешительному, блуждающему их мнению, тот может ли стоить чего-нибудь? Заметь же, если бы кто-нибудь спросил его: как ты сам думаешь о толпе? Без сомнения он сказал бы, что считает толпу невежественной и бездельной... Итак, не крайне ли смешно искать славы у тех, кому сам никогда не захотел бы сделаться подобным?..

Эта страсть все извратила, она породила любостяжание, зависть, клеветы, наветы. Она вооружает и ожесточает людей, не потерпевших никакой обиды, против тех, которые никакой обиды им не сделали. Подверженный этой болезни не знает дружбы, не помнит сожительства, нисколько не хочет никого

уважать, напротив, все доброе изверг из души, становится непостоянный, неспособный к любви, против всех вооружается. Сила гнева, хотя она и мучительна и несносна, не постоянно, однако, возмущает дух [человека], а только в то время, когда его другие раздражают. Напротив, страсть тщеславия всегда [мучит], и нет времени, в которое она могла бы оставить, потому что разум не препятствует ей и не укрощает ее. Она всегда остается [в человеке] и не только побуждает ко грехам, но, если бы мы успели сделать что-нибудь и доброе, она похищает добро из рук. А бывает и так, что она не допускает и начать доброго дела... Итак, вострезвимся, возлюбленные. Отложим эту порочную одежду, разорвем, рассечем ее, сделаемся когда-нибудь свободны истинной свободой и усвоим себе чувство достоинства, данного нам от Бога. Будем презирать славу в толпе... Всякий может видеть, что желание славы во многих отношениях есть бесславие и что истинная слава состоит в том, чтобы презирать славу [человеческую], считать ее за ничто, а все делать и говорить только в угождение Богу. Таким образом возможем мы и награду получить от Того, Кто видит все наши дела в истинном их виде, если только будем довольствоваться этим одним зрителем их. Да и какая нужда нам в других глазах, когда видит наши дела именно Тот, Кто будет и судить их?.. А если бы мы захотели достигнуть славы и между людьми, то получим ее тогда, когда будем искать единой славы от Бога. Ибо сказано: *прославлю прославляющих Меня* (1 Цар. 2, 30). И как богатством мы тогда особенно обилуем, когда презираем его и ищем богатства только от Бога, так и в отношении к славе. Когда уже безопасны будут для нас и богатство и слава, тогда Бог и подаст нам их в изобилии. Но этот дар бывает безопасен тогда, когда не овладевает нами, не покоряет нас себе, не обладает нами, как рабами, но остается в нашей власти, как у господ и свободных. Для того-то Бог и не позволяет нам любить богатство и славу, чтобы они не овладевали нами. А когда мы достигнем такого совершенства, то Он и подаст нам их с великой щедростью... Итак, если мы желаем получить славу, будем бегать славы (1).

* * *

Тщеславие есть страсть лютая и многоглавая! Иные, увлекаясь ею, ищут богатства, другие власти — и это бывает еще на низшей степени ее владычества. Распространяя власть свою дальше, оно обращает себе в пищу и сами добродетели: милостыню, пост, молитвы и дар учения. И сколько еще других глав у этого зверя! Впрочем, не удивительно, когда люди гордятся богатством и властью, но то странно и достойно оплакивания, когда они сами пост и молитву обращают в предмет своего тщеславия. Мы не будем останавливаться здесь на одних упреках, но покажем и способ, как избегать этой страсти. С кого же начать нам? С надмевающихся ли богатством, или одеждой, или властью над другими, или даром учения, или крепостью телесной, или каким-нибудь искусством, или красотой, или нарядами, или жестокостью, или человеколюбием и милостыней, или пороками, или смертью, или распоряжениями, долженствующими совершиться после их смерти? Ибо страсть эта, как я уже сказал, различным образом опутывает нас и простирается даже за пределы нашей жизни. Потому и говорят: такой-то умер и завещал сделать то и то, чтобы и по смерти удивлялись ему. Для этой же цели один хочет быть бедным, а другой богатым. Ибо тщеславие имеет столь странное свойство, что и в предметах противоположных находит себе пищу.

...Я весьма люблю милостыню, и болезную, видя, как тщеславие портит ее и развращает, подобно какой-нибудь кормилице, которая, служа царской дочери, завлекает ее в постыдные связи и которая хоть и ходит за ней, но в то же время, к ее стыду и вреду, приучает ее к непотребным делам... Итак, обратимся к тщеславным людям этого рода и представим себе, что кто-нибудь из них подает милостыню щедрой рукой для того только, чтобы выказать себя перед людьми. Таким образом подающий милостыню выводит ее из чертога отеческого. Ибо Отец небесный повелевает, чтобы даже левая рука не знала о ней, а тщеславие выставляет ее на показ рабам и всем встречающимся на пути, хотя бы они совсем не знали ее. Не видишь

ли ты здесь и блудницу и соблазнительницу ее, которая возбуждает в ней любовь к людям непотребным и учит ее показываться в таком виде, какой им нравится? Хочешь ли видеть, как тщеславие преданную ему душу делает не только блудницей, но и доводит до безумия? Посмотри ближе на ее чувствования. Вот она, оставив небо, бегает по распутиям и переулкам, гоняясь за рабами беглыми, гнусными и безобразными, которые ненавидят ее и не хотят даже взглянуть на нее, а она горит к ним любовью! Что же может быть безумнее этого? Люди никого так не ненавидят, как домогающихся себе от них чести. Они сплетают на них множество клевет. Здесь бывает то же, как если бы кто дочь царскую, девицу, низведя с царского престола, отдали на поругание прелюбодеям, презирающим ее. Так поступают и люди: чем более ты гоняешься за ними, тем более они от тебя отвращаются. Напротив, когда ты будешь искать чести у Бога, то Он по мере твоего усердия будет и привлекать тебя, и утешать тебя похвалами, и воздаст тебе великую награду. Но если ты хочешь и с другой стороны видеть, сколь бесполезна милостыня, когда подаешь ее напоказ и из тщеславия, то размысли, какая постигнет тебя печаль и какая нескончаемая скорбь будет обдержать тебя, когда возгремит перед тобой глас Христов: ты погубил всю мзду свою. Тщеславие и везде пагубно, но особенно в делах человеколюбия: здесь оно есть крайняя жестокость, потому что извлекает себе хвалу из чужих бедствий и почти ругается над живущими в нищете. Если исчисляешь свои благодеяния, значит, укоряешь облагодетельствованного; не гораздо ли хуже выставлять их напоказ перед многими? Как же нам избежать этого зла? Мы избежим его, когда научимся быть истинно милосердыми и рассмотрим, у кого мы ищем славы. Скажи мне, кто первый учитель милостыни? Конечно, Тот, Кто примером Своим научил нас этому искусству, т.е. Бог, Который лучше всех его знает и милостям Которого нет конца. Что же? Если бы ты учился искусству борьбы, на кого бы стал ты смотреть или кому стал бы показывать свои успехи: тем ли, которые продают овощи и рыбу, или учителю этого искусства, хотя бы тех и было много, а этот

один? И если бы все прочие стали смеяться над тобой, а он хвалил, то не стал ли бы и ты сам вместе с ним смеяться над ними?.. Итак, не безрассудно ли в других искусствах смотреть только на одобрение учителя, а в делах милосердия поступать иначе, между тем как вред, отсюда происходящий, не одинаков? Если ты борешься только для того, чтобы нравиться народу, а не учителю, то вся беда только в том, что ты не по правилам борешься; а подавая милостыню, ты можешь через это и в вечной жизни сделаться подобным Богу. Будь же подобен Ему и в том, чтобы не выказывать себя. Ибо когда Он исцелял кого-либо, то говорил, чтобы никому о том не сказывали. Но ты хочешь слыть между людьми милостивым? Что за прибыль? Прибыли никакой нет, а вред бесконечный. Поскольку те самые, кого ты призываешь в свидетели, отнимают у тебя, как разбойники, сокровища небесные, или лучше сказать, не они, а мы сами разграбляем свое стяжание и расточаем свое богатство, в горних обителях хранящееся... Чего не истребляет моль, чего не похищает тать, то разграбляет тщеславие. Вот моль, истребляющая вечные сокровища! Вот тать, разграбляющий небесные блага! Вот похититель некрадомого богатства! Вот что губит и растлевает все доброе! Диавол, видя, что эта страна неприступна ни для разбойников, ни для других злоумышленников и что ее сокровищ не истребляет моль, — расхищает их тщеславием.

Но ты желаешь славы? Неужели тебе не довольно славы от человеколюбца Бога, Который Сам принимает от тебя милостыню? Но ты ищешь славы от людей? Берегись, чтобы не испытать противного, чтобы люди не стали смотреть с презрением на тебя, как на человека, не милость являющего, но хвастливого и честолюбивого, который бедствия других выставляет на позорище, чтобы выказать себя. Милостыня есть тайна. Итак, запри двери, чтобы кто-нибудь не увидел того, чего показывать не до́лжно. Главные тайны наши суть милосердие и человеколюбие Божие. Ибо Он по многой милости Своей помиловал нас непокорных... Когда по возможности своей оказываешь человеку милость, запри дверь: пусть это видит только тот, кто получает милость, —

а если можно, то лучше, чтобы и он не видал. Если же ты отворишь дверь, то обнаружишь свою тайну. Подумай, что и тот, у кого ты ищешь славы, осудит тебя. Если это друг твой, то он сам в себе подумает о тебе худо, а если враг, то он осмеет тебя, и ты испытаешь противное тому, чего желал. Тебе хочется, чтобы он сказал о тебе: вот человек милостивый. Но он этого не скажет, а назовет тебя тщеславным, и человекоугодником, и еще как-нибудь гораздо хуже. А если ты скроешь от него свое доброе дело, то он будет говорить о тебе противное этому, будет называть тебя человеколюбивым и милостивым, ибо Бог не попускает оставаться в неизвестности доброму делу. Но если ты сам скроешь его, Он обнаружит, и тогда будет больше удивления и больше пользы. Таким образом, выказывая себя, мы сами полагаем себе препятствие к приобретению славы, ибо к чему мы сильно стремимся и чего нетерпеливо желаем, к тому не допускает нас сама наша нетерпеливость, так что мы не только не получаем славы людей милостивых, но еще возбуждаем противное о себе мнение и, сверх того, терпим великий вред. Представляя все это, будем убегать тщеславия и возлюбим одну славу Божию (1).

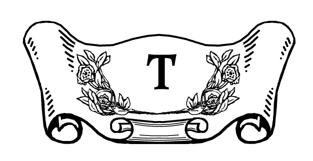
* * *

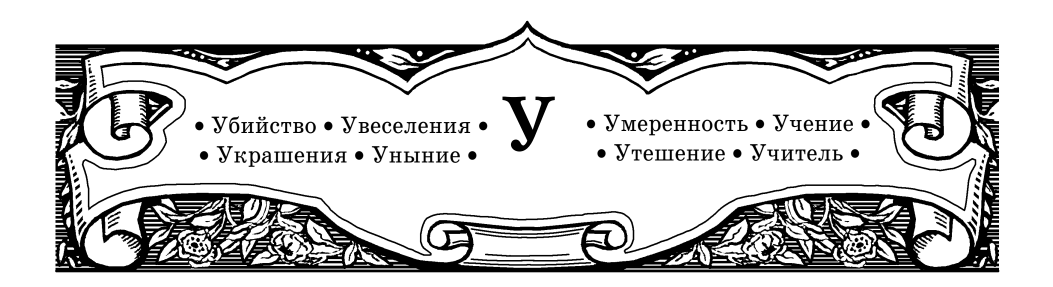
Есть и другой вид зла, имеющий великую силу упразднять добро, собранное с великими усилиями и трудами, — это ветер тщеславия. Оно действительно, как ворвавшийся ветер, развевает все сокровища добродетели. Вот открылась нам и вторая причина падения живущих праведно. Многие, кажущиеся нам перенесшими и переносящими великие труды для добродетели, за то, что делали все ради чести у людей, а не у Бога, и попущены впасть в искушение, чтобы они, лишившись людской славы, для которой терпели все лишения, и узнав, что она, в сущности, нисколько не лучше цвета травного, прилепились наконец к одному Богу и делали все для Него (2).

* * *

Причина всех зол — тщеславие... Если мы сколько-нибудь заботимся о своем спасении, то, пока есть еще время, отступим от греха, обратимся к доброде-

тели, отринем тщеславие. Оттого оно и называется тщетным, что пусто и не имеет в себе ничего твердого и постоянного, это только обман очей, исчезающий прежде, чем явится. Не видим ли, как часто тот, кому сегодня предшествуют ликторы и кого окружают копьеносцы, завтра оказывается в темнице вместе с преступниками? Что обманчивее этой пустой и суетной славы? Если же в настоящей жизни и не случится с ним такой перемены, так смерть непременно постигнет его и прервет его благополучие, и тот, кто сегодня важно выступал на площади, сажал (других) в тюрьму, сидел на возвышенном месте, вел себя весьма гордо и на всех людей смотрел как на тени, завтра вдруг лежит мертвый, бездыханный, полный зловония, осыпаемый тысячью укоризн и от обиженных им, и от необиженных, но соболезнующих обиженным. Что может быть несчастнее такого человека? И все, что им собрано, часто делят между собой его враги и неприятели, а грехи, от этого накопившиеся у него, он уносит с собой и подвергается за них весьма строгому отчету. Поэтому умоляю: убегая этой суетной славы, возлюбим славу истинную и пребывающую вовеки, и пусть ни страсть к богатству не обольщает нас, ни пламя похоти не сжигает, ни зависть и ненависть не сушат, ни гнев не воспламеняет, но, все эти злые и пагубные страсти угасив росою духа, презрим настоящее, возжелаем будущего, подумаем о будущем дне (суда) и покажем великую тщательность в жизни (8).

УБИЙСТВО

Убийство бывает оправдываемо и человеколюбие осуждаемо хуже убийства, когда первое совершалось по воле Божией, а второе вопреки ей. Именно, Финеесу вменилось в правду то, что он пронзил жену блудницу вместе с блудником; а Саула святой Божий Самуил, несмотря на то что целые ночи плакал, сетовал и молился, не мог избавить от осуждения, которое Бог произнес на него за то, что он против воли Божией пощадил иноплеменного царя, которого надлежало умертвить (2).

* * *

Человекоубийца, прежде чем увидеть судилище и заостренные мечи и дать отчет в том, на что он дерзнул, погиб уже во время самого совершения убийства, так как он делает свою душу более дурной (7).

УВЕСЕЛЕНИЯ

Пьянство и объедение, обременяя ум и утучняя тело, делает душу пленницей и стесняет ее со всех сторон и, не позволяя ей пользоваться здравым суждением ума, заставляет ее носиться по утесам и делать все ко вреду собственного своего спасения. Не будем же беспечны в устроении нашего спасения, но, зная, сколько зол проистекает от невоздержанности, постараемся избегать вредных от нее последствий. Увеселения не только воспрещены в Новом Завете, где больше уже требуется любомудрия, бо́льшие предлагаются подвиги, великие труды, многочисленные награды и неизреченные венцы, но не позволялись и в Ветхом, когда люди еще сидели в тени и при свече и были вразумляемы понемногу, как дети, питаемые молоком. И чтобы не подумалось вам, будто мы так осуждаем увеселения без причины, послушайте про-

рока, который говорит: *Вы, которые день бедствия считаете далеким и приближаете торжество насилия, — вы, которые лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища, поете под звуки гуслей, думая, что владеете музыкальным орудием, как Давид, пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастями* (Ам. 6, 3–6). Видите, как осудил пророк увеселения и притом, говоря к иудеям, бесчувственным, не признательным, ежедневно предававшимся чревоугодию?.. Удовольствие кратковременно и непродолжительно, а скорбь от него постоянна и бесконечна... Таково ведь все человеческое и плотское: не успеет появиться и улетит. Таково веселье, такова слава и власть человеческая, таково богатство, таково вообще благополучие настоящей жизни; оно не имеет в себе ничего прочного, ничего постоянного, ничего твердого, но убегает скорее речных потоков и оставляет с пустыми руками и ни с чем тех, которые прилепляются к этим вещам. Но духовное не таково, напротив, прочно и непоколебимо, не подлежит переменам и пребывает вечно. Как же было бы безрассудно менять непоколебимое на колеблющееся, вечное на временное, постоянно пребывающее на скоро преходящее, доставляющее великую радость в будущем веке на то, что уготовляет нам там великое мучение? Размышляя обо всем этом... и дорожа своим спасением, презрим бесплодные и гибельные увеселения, возлюбим пост и всякий другой подвиг, покажем великую перемену в жизни и каждый день будем спешить на совершение добрых дел (1).

УКРАШЕНИЯ

Предположим на словах, что роскошь дозволяется и что ни пророк, ни Павел не осуждают украшающихся женщин. Какая польза от множества золотых вещей? Ничего иного, кроме зависти, заботы и немалого страха, ибо владеющие ими тревожатся заботами не только тогда, когда эти вещи положены в ящичек или когда наступает ночь, но и когда надевают их в дневное время, они также испытывают беспокойство... Но пусть не будет и этого опасения, пусть устранена будет и эта

забота. Какая от этого польза? Другой, скажут, увидит и будет восхищаться. Но не той, которая украшена, а самими украшениями, ее же часто и осудит за это, как украшающуюся ими не по достоинству. Если она красива, то вредит природной красоте, ибо множество украшений не дает ей выказаться вполне, закрывая большую часть ее самой. Если же она некрасива и безобразна, то покажет себя еще более отвратительной. Безобразие, всегда являющееся в своем виде, оказывается только таким, каково оно есть, а когда его окружает блеск камней или красота какого-нибудь другого вещества, то безобразие достигает большей степени (2).

УМЕРЕННОСТЬ

Умеренность... способствует здоровью и благополучию. Если даже кто-то ищет удовольствия, то при ней он получит его больше, чем при роскоши, во-первых, оттого, что она доставляет здоровье и избавляет от всех тех болезней, из которых каждая сама по себе способна затмить и даже совершенно уничтожить всякое удовольствие, а во-вторых — от самой пищи. Каким образом? Причиной удовольствия бывает аппетит, а аппетит возбуждается не пресыщением и избытком, но нуждой и недостатком [пищи]. Он всегда бывает не на пирах богачей, но у бедных, лучше всякого трапезника и повара прибавляя к приготовленной пище много меда. Богатые едят, не чувствуя голода, и пью, не имея жажды, и ложатся спать прежде, нежели придет к ним сильная нужда во сне. Бедные же не прежде приступают ко всему этому, как настанет потребность, чем более всего возвышается удовольствие. Почему, скажи мне, Соломон называет сон раба сладким, говоря так: *сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест* (Еккл. 5, 11)? Потому ли, что ложе его мягко? Но рабы большей частью спят на земле или на соломе. Или от свободы? Но они не владеют ни малейшей частью времени. Или от досуга? Но они находятся постоянно в трудах и заботах. Что же делает для них сон приятным, как не то, что они прежде почувствуют нужду в нем и потом предаются ему? А богатые, если ночь не застанет их погрузившимися в сон от опьянения, по необходимости постоянно страдают бес-

сонницей, вертятся и томятся, лежа на мягких постелях (2).

УНЫНИЕ

Как воры при наступлении ночи, погасив огонь, очень легко могут похитить имущество и умертвить владельцев его, так теперь и демон, вместо ночи и мрака наведя уныние, старается похитить все охраняющие помыслы, чтобы, напав на душу, лишенную их и беспомощную, нанести ей бесчисленные раны. Когда же некто, рассеяв этот мрак надеждой на Бога и обратившись к солнцу правды, поспешит принять лучи его в свою душу, тогда смятение от этих помыслов перейдет на самого разбойника, потому что и эти преступники, когда кто-то поймает их и внесет огонь, дрожат, робеют, смущаются. Как же, скажешь ты, освободиться от этой печали, не освободившись наперед от причиняющего ее демона? Не демон причиняет уныние, но оно делает демона сильным и внушает худые помыслы. Это может засвидетельствовать нам блаженный Павел. И он боялся не какого-нибудь демона, но чрезмерной скорби, когда писал к коринфянам, чтобы они простили наконец грешнику грех его: *дабы он не был поглощен,* говорит он, *чрезмерною печалью* (2 Кор. 2, 7). Но предположим, что демон нападет на тебя, а уныние изгнано из твоей души: какой от этого будет вред? Какое зло, большое или малое, может причинить нам демон сам по себе? Уныние же и без него может сделать много зла, и большинство из тех, которые наложили на себя петлю, или закололись мечом, или утопились в реках, или погубили себя как-нибудь иначе, увлечены были к такой насильственной смерти унынием. Если же в числе этих людей окажутся некоторые и из одержимых демоном, то и их погибель до́лжно приписать не демону, но влиянию и силе уныния. Как же можно, скажешь ты, не унывать? Можно, если, отвергнув мнения толпы об этом предмете, будешь помышлять о горнем. Теперь твое положение кажется тебе ужасным, потому что толпа считает его таким, но если ты захочешь с точностью рассмотреть его само по себе, отрешившись от пустого и ошибочного предубеждения, то найдешь, что оно не представляет никакого повода к унынию (2).

* * *

Бог вложил уныние в нашу природу не для того, чтобы мы предавались ему неразумно, неблаговременно и при всяких обстоятельствах, и не для того, чтобы губили самих себя, но чтобы получали от него величайшую пользу. Как же мы можем получить от него пользу? Если будем предаваться ему в надлежащее время, а время уныния не то, когда мы терпим зло, но когда делаем зло. Мы же извратили порядок и перемешали времена. Делая множество зла, мы не сокрушаемся и на короткое время, а если от кого-либо потерпим хоть малое зло, падаем духом, безумствуем, спешим отказаться и избавиться от жизни. Поэтому такое состояние [уныния] и кажется нам несносным и тяжким, равно как и гнев и похоть, на которые также жаловались те, кто пользовался ими нехорошо и не надлежащим образом. Здесь бывает то же, что и с лекарствами, которые даются врачами: и они не только не избавляют больного от мучений, но еще более усиливают болезнь, когда употребляются при болезнях, не соответствующих им и не тех, для которых они приготовлены, но при совершенно других. Точно так же действует и уныние, и это естественно. Как врачевство сильное, разъедающее и, так сказать, очищающее нашу порочность, оно, когда прилагается к душе праздной, изнеженной и имеющей в себе великую тяжесть грехов, весьма много помогает принявшему его, а когда прилагается к душе деятельной, подвизающейся, трудящейся, заботливой и подвергающейся бедствиям, то не только не приносит никакой пользы, но и причиняет великий вред, ослабляя ее и делая легко поражаемой. Поэтому и Павел, обращаясь к стоявшим и подвизавшимся, говорил: *радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь* (Фил. 4, 4), а к расслабленным душой и одержимым сильной страстью писал: *вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать* (1 Кор. 5, 2). Кто тучнеет туком грехов, тот пусть утончает и иссушает себя этим врачевством, а здоровому и соблюдающему себя в надлежащем благосостоянии для чего губить свое благополучие унынием? Оно — такое сильное врачевство, что

когда и к нуждающимся в нем было прилагаемо дольше надлежащего времени, причиняло много зла. Опасаясь этого, и блаженный Павел повелевал устранять его тотчас после того, как оно сделает свое дело, и на это представил тоже причину, которую я высказываю теперь: *дабы он не был поглощен,* говорит он, *чрезмерною печалью* (2 Кор. 2, 7). Если же оно, приражаясь сверх меры, губит и тех, кто имеет в нем нужду, то чего не сделает оно с теми, которые совсем не имеют в нем нужды, если они предадутся ему в великой степени? Так, скажешь ты, знаю это и я, но как мне устранить и удалить уныние из души своей, — не знаю... Для освобождения от скорби немало способствует нам то, что мы не находим в ней удовольствия: кто тяготится чем-нибудь, тот скоро постарается и освободиться от этого. Но что, если он хоть и постарается, но не успеет? Пусть не перестает стараться и скоро будет иметь успех. Имей в виду, что для христианина, если он когда-нибудь скорбит, должны быть только два повода к унынию, — когда или сам он, или ближний его оскорбит Бога (2).

* * *

Подлинно, уныние есть тяжкое мучение душ, некоторая неизреченная мука и наказание, горшее всякого наказания и мучения. И в самом деле, оно подобно смертоносному червю. Касаясь не только плоти, но и самой души, оно — моль, поедающая не только кости, но и разум, постоянный палач, не ребра рассекающий, но разрушающий даже и силу души, непрерывная ночь, беспросветный мрак, буря, ураган, тайный жар, сжигающий сильнее всякого пламени, война без перемирия, болезнь, затемняющая многое из воспринимаемого зрением. И солнце, и этот светлый воздух, кажется, тяготят находящихся в таком состоянии, и сам полдень для них представляется подобным глубокой ночи. Вот почему и дивный пророк, указывая на это, говорил: *зайдет солнце* для них *в полудне* (Ам. 8, 9), не потому, что светило скрывается, и не потому, что прерывается обычный его бег, а потому, что душа, находящаяся в состоянии уныния, в самую светлую часть дня воображает себе ночь. Подлинно, не так велик мрак ночи, как велика ночь уныния, являющаяся не по закону природы, а

наступающая с помрачением мыслей, — ночь какая-то странная и невыносимая, с суровым видом, жесточайшая всякого тирана, не уступающая скоро никому, кто пытается бороться с ней, но часто удерживающая плененную душу крепче адаманта, когда последняя не обладает большой мудрость (7).

УТЕШЕНИЕ

Если несчастные получают некоторую отраду, высказывая людям свои несчастья и с прискорбием описывая постигшие их бедствия, как будто в словах своих находят некоторое облегчение, то тем более ты получишь облегчение и великое утешение, если откроешь твоему Владыке страдания души своей. Человек часто тяготится тем, кто сетует и плачет перед ним, отстраняется и отвращается от несчастного, а Бог поступает не так, но принимает и привлекает к Себе, и хотя бы ты продолжительно высказывал Ему свои несчастья, Он тогда еще более любит тебя и внимает твоим молениям. Это самое выражая, Христос говорил: *придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. 11, 28)... Он называется *Отцом милосердия и Богом всякого утешения* (2 Кор. 1, 3), потому что его непрестанная деятельность та, чтобы утешать и призывать скорбящих и сетующих, хотя бы у них было множество грехов. Только предадим Ему себя, только прибегнем к Нему и не будем отступать, и тогда мы на опыте познаем истину сказанного, и ничто случающееся с нами не в состоянии будет опечалить нас, если будем возносить молитву напряженную и усердную, посредством ее мы избавимся от всего, чтобы нас ни постигло. И удивительно ли, что сила молитвы может прекращать человеческие горести, если она легко погашает и истребляет сами грехи (2).

УЧЕНИЕ

Участь детей наших хуже скотов: об ослах и лошадях мы более заботимся, нежели о детях. Если кто имеет лошака, тот всячески старается найти лучшего конюха, который был бы честен, не вор, не пьяница и знал свое дело. Если же нам нужно дать наставника сыну, то мы просто без всякого выбора принимаем кого случится, хотя нет

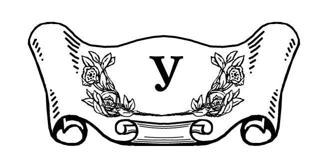
ничего важнее этой должности. Ибо какое искусство сравнится с искусством образования души и просвещения ума юноши? Человек, знающий это искусство должен быть внимательнее всякого живописца и ваятеля. Но мы об этом нимало не стараемся, а обращаем внимание только на то, чтобы он выучился говорить. И об этом заботимся только для богатства. Ибо он учится не для того, чтобы уметь хорошо говорить, но чтобы обогащаться, так что, если бы и не умея говорить, можно было приобретать богатство, то мы не стали бы заботиться и об этом (1).

УЧИТЕЛЬ

Много и других учителей, кроме совести, приставил к нам Бог, как-то: родителей к детям, господ к рабам, мужей к женам, наставников к ученикам, законодателей и судей к подначальным и друзей к друзьям. Часто даже и от врагов мы получаем пользы не меньше, чем от друзей, когда они укоряют нас в проступках, то побуждают нас и против воли к исправлению. А столько учителей приставил к нам Бог для того, чтобы нам было легко найти и сделать полезное, так как множество побуждающих нас к этому не дает нам уклониться от полезного. Если мы пренебрежем родителей, то, убоясь начальников, верно, будем скромнее; если и их презрим и будем грешить, то никак не можем избегнуть упрека совести; если и ее не уважим и не послушаем, то, опасаясь общего мнения, будем лучшими; если и этого не устыдимся, то врожденный страх перед законами может образумить нас и против воли. Так молодых людей берут на свое попечение и направляют учителя и отцы, а возрастных — законодатели и начальники... Но сверх всего этого учат нас и болезни и несчастные обстоятельства: и бедность удерживает, и потеря вразумляет, и опасность смиряет. Не страшит тебя ни отец, ни учитель, ни начальник, ни законодатель, ни судья? Не пристыжает тебя друг? Не уязвляет тебя враг? Не вразумляет господин, не научает муж, не исправляет тебя совесть? Так приходит телесная болезнь и нередко исправляет все, нередко и потеря делает дерзкого скромным. А еще важнее то, что великую приносят нам пользу не только наши собственные, но и чужие несчастья (1).

* * *

Для чего он [апостол Павел] упоминает о самом себе в словах: *желаю, чтобы все люди были, как и я* (1 Кор. 7, 7)?.. Не для того, чтобы превозносить самого себя; он, хотя превзошел [других] апостолов в трудах проповеди, но считал себя недостойным даже апостольского наименования... Он знал, что ученики тогда особенно одушевляются ревностью к добру, когда имеют примеры учителей. Как тот, кто любомудрствует только на словах, без дела, не приносит великой пользы слушателю, так, напротив, тот, кто может предложить совет, наперед исполненный им самим, этим больше всего увлекает слушателя (2).

ХВАСТЛИВОСТЬ

Благородно мыслящему человеку не должно хвалиться не только тем, чего не имеет, но и тем, что имеет (1).

ХИТРОСТЬ

Что позволительно употреблять силу хитрости на добро и что даже нельзя и называть ее хитростью, а некоторой похвальной предусмотрительностью, можно было бы говорить много (2).

ХИЩЕНИЕ

Если человек, довольствующийся своим состоянием и не дающий ничего другому, не милосерд, то может ли называться милосердым тот, кто похищает чужое, хотя бы он делал бесчисленные подаяния? Если наслаждаться одному своими благами бесчеловечно, то кольми паче отнимать их у других. Если люди, не причинившие никакой обиды другим, подвергаются наказанию только за то, что не разделяли с ними своего имущества, то кольми паче подвергнуться ему те, кто похищали чужое. Не оправдывай себя тем, что, причиняя вред одному, ты оказываешь милость другому. Тебе должно оказывать милость тому, кого ты обидел, а ты, нанося раны одним, врачуешь тех, которым не причинял никаких ран, тогда как до́лжно бы врачевать их, или лучше, не до́лжно бы вовсе наносить ран. Человеколюбив не тот, кто сам поражает и исцеляет пораженных им, но тот, кто врачует раны, нанесенные другими. Итак, врачуй те раны, которые ты сам нанес, а не те, которые другими причинены, или лучше, не поражай и не низлагай другого, ибо это значило бы издеваться над другими, но восставляй пораженных. Для милостыни не достаточно того, чтобы уврачевать зло, нанесенное любостяжанием. Если ты отнял у кого-то обол, то тебе мало уже обола, чтобы посредством

милостыни залечить рану, нанесенную любостяжанием, но потребен талант. Потому-то пойманный вор возвращает вчетверо больше похищенного им. Но хищник хуже вора. Если же вор должен возвращать вчетверо более украденного им, то хищник вдесятеро или еще более. Впрочем, и тогда он разве только получит отпущение в своей неправде, но не насладится плодами милосердия. Потому-то Закхей сказал: *если кого чем обидел, воздам вчетверо;* и: *половину имения моего я отдам нищим* (Лк. 19, 8). Если во времена закона до́лжно было вознаграждать вчетверо, то тем более в царстве благодати. Если вор обязан был это сделать, то тем более хищник, ибо этот последний кроме убытка причиняет еще обиду. Так что, хотя бы ты дал во сто крат больше, и тогда не вознаградишь всего. Видишь, что я не напрасно сказал, что если ты похитишь обол, а отдашь талант, то и тогда едва вознаградишь. Если же и поступая таким образом, ты едва можешь вознаградить вред другого, то когда ты превратишь этот порядок и, похитив все имущество у ближнего, раздашь только малую часть его, и притом не тем, у кого похитил, но другим, какое ты будешь иметь тогда оправдание?.. Послушай, что говорит Писание: что́ убивающий чадо *пред отцом его, то́ приносящий жертву из имения бедных* (Сир. 34, 20)... Хищение жесточе убийства, поскольку оно медленно убивает бедного (1).

ХРАМ (ЦЕРКОВЬ)

Любящий желает видеть не только самого любимого и не только дом его, но и преддверие, и не только преддверие дома, но и саму улицу и переулок... Таковы были пророки: так как они не видели бестелесного Бога, то взирали на храм и в нем представляли себе присущим самого Бога. *Предпочел я лучше повергаться у дома Бога моего, нежели жить в домах грешников* (Пс. 83, 11). Всякое место, всякий дом, — будет ли то судилище, или сенат, или частный дом, — в сравнении с домом Божиим есть селение грешников. Ибо хоть и там бывают молитвы и моления, но неизбежно бывают также раздоры, и ссоры, и брани, и совещания о житейских делах: а этот дом чист от всего этого. Вот почему те места — селения грешников,

а это — дом Божий. И как пристань, защищенная от ветров и волн, дает полную безопасность входящим в нее судам, так и дом Божий, как бы исторгая входящих в него из бури мирских дел, дает им стоять спокойно и безопасно и слушать слово Божие. Это место есть школа добродетели, училище любомудрия. Приди, — не только во время собрания, когда бывает чтение Писания, духовное поучение и собор честных отцов, — нет, во всякое другое время приди только в преддверие, и тотчас отложишь житейские заботы. Войди в преддверие, и как бы ветерок какой-нибудь духовный повеет на твою душу. Эта тишина внушает страх и учит любомудрию, возбуждает ум и не дает помнить о настоящем, переносит тебя с земли на небо. Если же так полезно быть здесь и без собрания, то какую пользу получают здесь присутствующие и какую потерю несут отсутствующие тогда, когда пророки вопиют со всех сторон, когда апостолы благовествуют, когда Христос стоит посреди, когда Отец одобряет происходящее здесь, когда Дух Святой сообщает свою радость? Хотел бы я знать, где теперь уклонившиеся от собрания, что удержало их и отвлекло от этой священной Трапезы, о чем у них разговор? Впрочем, я хорошо знаю это: они или разговаривают о вещах непристойных и смешных, или предались житейским заботам, а занятие тем и другим непростительно и заслуживает самого строгого наказания. О первых не нужно и говорить и доказывать. Но что и те, которые ссылаются перед нами на домашние дела и говорят, будто неизбежная надобность по этим делам удерживает их, что и эти люди не могут получить прощения, так как призываются сюда только однажды в неделю, но и в это время не хотят предпочесть духовное земному, — это ясно из Евангелия. Званые на духовное брачное пиршество извинялись вот как: один купил рабочих волов, другой купил землю, третий женился, — однако они наказаны (см. Лк. 14, 18–24). Дела необходимы, но и они не извинительны, когда призывает Бог, потому что все, необходимое для нас, ниже Бога. Сперва честь Богу, а потом уже забота и о прочем. Какой слуга, скажи мне, станет заботиться о своем доме прежде, нежели исполнит господскую

службу? Так не странно ли... оказывать господам такое почтение и повиновение, а к истинному Владыке, не только нашему, но и горних сил, не иметь и такого уважения, какое оказываем подобным нам рабам? О, если бы вы могли войти в их [не присутствующих в храме] совесть... Душа, не пользующаяся духовным наставлением, произращает терния и волчцы. Ибо если и мы, каждодневно слушающие пророков и апостолов, едва удерживаем свой гнев, едва обуздываем ярость, едва укрощаем похоть, едва извергаем из себя гной зависти и, постоянно напевая своим страстям стихи из Божественного Писания, едва усмиряем этих наглых зверей, то они, никогда не пользующиеся этим врачевством и не слушающие Божественного любомудрия, — они какую... могут иметь надежду на спасение?.. Как тела не пользующихся баней покрываются множеством пыли и грязи, так и душа, не пользующаяся духовным учением, покрывается великой нечистотой грехов. Здешнее [церковное] есть духовная баня, теплотой Духа очищающая всякую нечистоту: еще более огонь Духа очищает не только нечистоту, но и сам цвет. *Если,* — говорит Бог, — *будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю* (Ис. 1, 18), пусть то есть греховная скверна так крепко вопьется в существо души, что получит уже неизменный цвет краски, и тогда Я могу перевести ее в противоположное состояние, потому что довольно Моего мановения, и все грехи истребятся (1).

* * *

Мы собрались сюда [в храм] не просто для того только, чтобы один поговорил, а другой только порукоплескал словам его и с тем все ушли бы отсюда, но чтобы и мы сказали что-нибудь полезное и потребное к вашему спасению, и вы получили плод и великую пользу от слов наших и с тем вышли отсюда. Церковь есть духовная врачебница, и все приходящие сюда должны брать здесь приличные врачевства, прилагать их к своим ранам и потом уже выходить отсюда. А что одно слушание поучений без исполнения на деле не принесет никакой пользы, об этом послушай блаженного

Павла, который говорит: *не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут* (Рим. 2, 13) (1).

* * *

Мы составляем одну Церковь, стройно составленные члены одной Главы; все мы — одно тело. Если один какой-нибудь член будет оставлен в пренебрежении, то все тело пренебрегается и растлевается. Так как бесчинством одного нарушается благочиние всех, то поистине страшно, что ты приходишь сюда (в храм) не на место игр или плясаний для забавы, а стоишь не благочинно. Разве ты не знаешь, что стоишь вместе с Ангелами? С ними поешь, с ними возглашаешь хвалы и одновременно смеешься, одновременно хохочешь, одновременно разговариваешь? Удивительно, как удар молнии не ниспадет не только на тебя, но и на всех нас! Ибо это достойно удара молнии... Но доколе мы будем обличать, доколе укорять? Не следует ли таких, как заразу, как развратителей, как злодеев, развращенных и исполненных бесчисленного множества зол, изгнать из Церкви (1)?

* * *

Подлинно, кто мог бы в молчании перенести такую беспечность их [тех, кто не пришел на службу в храм], или извинить и оправдать тех, которые, видев столько времени мать свою [Церковь] и насладившись в ней благами, удалились и не смогли вторично опять возвратиться, уподобились не голубице Ноевой, но ворону, и притом тогда, как зима и волнение еще продолжаются, и все более жестокая каждый день поднимается буря, а этот святой ковчег стоит посредине, и всех зовет, и привлекает к себе, и прибегающим к нему доставляет великую безопасность? Он отражает не удары воды и волн, но непрестанные восстания неразумнейших страстей, истребляет зависть, низлагает безумие. Здесь и богатый не сможет презирать бедного, слыша из Божественных Писаний, что *всякая плоть — трава, и вся красота ее, как цвет полевой* (Ис. 15, 6), и бедный, увидев другого богатым, не предастся зависти, слыша и сам слова другого пророка: *не бойся, когда разбогатеет человек или когда увеличится слава дома его, ибо при смерти*

он ничего не возьмет и не сойдет с ним слава его (Пс. 48, 17–18)... Итак, возлюбленный, не ленись проводить здесь время, потому что если какая-нибудь скорбь возмущает тебя, здесь она прогоняется, если житейские заботы — они убегают, если безумные страсти — они погасают. А с торжища, от зрелищ и из других внешних собраний мы возвращаемся домой, обремененные множеством забот, скорбями и болезнями душевными. Если ты постоянно будешь проводить время здесь, то непременно сложишь с себя и то зло, какое ты получил извне, а если станешь уклоняться и убегать, то и те блага, какие ты приобрел от Божественных Писаний, непременно потеряешь, мало-помалу расточая свое богатство во внешних собраниях и беседах... Не так прекрасна и приятна невеста, сидящая в брачном чертоге, как дивна и славна душа, являющаяся в церкви, благоухающей духовными ароматами. Кто приходит сюда с верой и усердием, тот выходит с бесчисленными сокровищами. Как только он откроет уста, тотчас исполняет присутствующих всяким благоуханием и духовным богатством. И хотя бы постигли его бесчисленные бедствия, он все перенесет легко, получив здесь от Божественных Писаний достаточное побуждение к терпению и любомудрию. И как стоящий постоянно на скале смеется над волнами, так и участвующий постоянно в [церковных] собраниях и орошаемый божественными изречениями, утвердив себя как бы на скале правильного суждения о вещах, не увлечется ничем человеческим, став выше напора житейских дел. Получив великую пользу и душевное утешение не только от поучения, но и от молитвы, и от отеческого благословения, и от общего собрания, и от любви братий, и от многого другого, он таким образом возвращается, принося домой бесчисленные блага (4).

* * *

Вне церкви стоит диавол, он не смеет войти в эту священную ограду, потому что где стадо Христово, там волк не показывается, но, боясь Пастыря, стоит вне. Когда мы выйдем отсюда, не станем тотчас отдаваться непристойным собраниям или праздным речам и бесполезным занятиям, но, пока еще держим

в памяти сказанное, поспешим домой, и каждый, сев с женой и детьми, пусть внимательно размыслит о сказанном (5).

* * *

Если при чтении царской грамоты бывает великая тишина и прекращается всякий шум и беспорядок, потому что все стоят с напряженным вниманием и желают услышать то, о чем возвещает царская грамота, а тот, кто хоть немного зашумит и прервет последовательность чтения, подвергается великой опасности, то тем более здесь (в храме) нужно стоять со страхом и трепетом, соблюдать глубокое молчание и избегать волнения мыслей, чтобы и понимать предлагаемое, и удостоиться за послушание еще больших даров от Царя небесного (8).

ХРИСТИАНИН

Верующий должен быть виден не только по дару, но и по новой жизни. Верующий должен быть светильником для мира и солью. А если ты самому себе не светишь, не предотвращаешь собственной гнилости, то по чему нам узнать тебя? По тому ли, что ты погружался в священные воды? Но это может довести тебя до наказания. Величие почести для нежелающих жить сообразно ей увеличивает казнь. Верующий должен блистать не тем одним, что получил от Бога, но и тем, что ему собственно принадлежит. Надо, чтобы он по всему был виден: и по поступи, и по взору, и по виду, и по голосу. Сказал же я об этом для того, чтобы нам соблюдать благоприличие не напоказ, а для пользы тех, кто смотрит на нас. А теперь с которой стороны ни стараюсь распознать тебя, везде нахожу тебя в противоположном состоянии. Хочу ли заключить о тебе по месту, вижу тебя на конских ристалищах, на зрелищах, вижу, что ты проводишь дни в беззакониях, в худых сходбищах, на рынке, в сообществе с людьми развратными. Хочу заключать о тебе по виду твоего лица, вижу, что ты непрестанно смеешься и рассеян, подобно развратной блуднице, у которой никогда не закрывается рот. Стану ли судить о тебе по одежде, вижу, что ты наряжен ничем не лучше комедианта. Стану ли судить о тебе по спутникам твоим, вижу, что ты водишь за собой тунеядцев и

льстецов. Стану ли судить о тебе по словам, слышу, что ты не произносишь ничего здравого, дельного, полезного для нашей жизни. Буду ли судить о тебе по твоему столу, здесь открывается еще более причин к осуждению.

Итак, скажи мне, по чему могу узнать, что ты верный, когда все исчисленное мною уверяет в противном? И что говорю, верный? Даже человек ли ты, и того не могу узнать подлинно. Когда лягаешься, как осел, скачешь, как вол, ржешь на женщин, как конь, объедаешься, как медведь, утучняешь плоть, как лошак, злопамятен, как верблюд, хищен, как волк, сердит, как змея, язвителен, как скорпион, коварен, как лисица, хранишь в себе яд злобы, как аспид и ехидна, враждуешь на братьев, как лукавый демон. Как могу счесть тебя человеком, не видя в тебе признаков естества человеческого?.. А что всего хуже, находясь в столь худом состоянии, мы и не воображаем о безобразии души своей, не имеем понятия об ее гнусности. Когда сидишь у волосочесателя и стрижешь волосы, то взяв зеркало, со всем вниманием рассматриваешь прическу, спрашиваешь предстоящих и того, кто стриг, хорошо ли они лежат у тебя на лбу... А того, что душа наша не только безобразно, но даже зверообразна, и стала сциллой и химерой, упоминаемыми в языческом баснословии, нимало не чувствуем, хотя есть здесь духовное зеркало, которое гораздо лучше и полезнее вещественного, ибо не только показывает безобразие, но даже, если захотим, превращает его в несравненную красоту. Зеркало же это память о добрых мужах и повествование об их блаженной жизни, чтение Писания, законы, от Бога данные. Если захочешь однажды посмотреть на изображения тех святых, увидишь гнусность своего сердца, а увидев, ни в чем другом не имеешь уже нужды, дабы избавиться от этого безобразия... Итак, никто не оставайся в образе бессловесных. Если раб не входит в дом отца, то как можешь вступить в те преддверья, будучи зверем (1)?

* * *

Что в мире представляется тебе всего блаженнее и вожделеннее? Конечно, скажешь ты, власть, богатство, слава у лю-

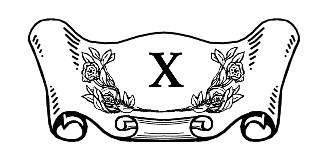
дей. Но что жальче этого, если сравнить со свободой христиан? Властитель находится в зависимости от ярости народной и бессмысленных прихотей толпы, также страха со стороны сильнейших властителей и забот о подчиненных. Притом, вчера он властитель, а сегодня простолюдин, так как настоящая жизнь нисколько не отличается от сцены. Как здесь один исполняет роль царя, другой — полководца, иной — воина, а по наступлении вечера и царь не царь, и властитель не властитель, и полководец не полководец, так и в тот день не по лицу, а по делам каждый получит достойное воздаяние. Но разве драгоценна слава, которая пропадает, как цвет травный? Также и богатство, которого владельцы называются жалкими... Христианин никогда не делается ни из начальника простолюдином, ни из богатого бедным, ни из славного бесславным. Напротив, он богат, когда беден, и высок, когда старается быть смиренным; и власти, которую имеет он — не над людьми, но над князьями, подвластными *мироправителю тьмы* (Еф. 6, 12), никто отнять у него не может (2).

* * *

Одно у христианина несчастье — оскорбить Бога, а прочее, как-то: потерю имущества, лишение отечества, самую крайнюю опасность, он и не считает за бедствие, даже то самое, чего все страшатся — переход отсюда туда, — для него приятнее жизни. Как если бы некто, взойдя на высокую скалу, смотрел на море и на плывущих по нему, из которых одни обливаются волнами, другие ударяются о подводные камни, иные, стремясь в одну сторону, напором ветра, как узники, увлекаются в другую, многие уже погрузились в воду и вместо корабля и руля владеют только своими руками, многие несутся на одной доске или на каком-нибудь обломке корабля, а иные плывут уже мертвые, представляя многообразное многоразличное бедствие. Так и воинствующий для Христа, удалившись от бури и волн житейских, восседает на безопасном и высоком месте. Что может быть безопаснее и выше, чем иметь одну лишь заботу, *как угождать Богу* (1 Фес. 4, 1) (2)?

* * *

Христианин не имеет города на земле, но вышний Иерусалим: *вышний Иерусалим свободен,* говорит [апостол], *он — матерь всем нам* (Гал. 4, 26). Христианин не имеет занятия на земле, но посвящает себя вышнему образу жизни: *наше же жительство,* говорит [апостол], *на небесах* (Флп. 3, 20). Христианин имеет своими сродниками и согражданами всех святых: мы *сограждане святым,* говорит [апостол], *и свои Богу* (Еф. 2, 19) (4).

ЦЕЛИТЕЛИ

Заболело дитя? Она [мать] не сделала волшебных повязок, и это признано ее мученичеством, потому что мыслью она принесла сына в жертву. Ибо что за дело до того, что эти повязки не приносят никакой пользы, что это дело обмана и насмешки? Есть и такие, которые верят, что они полезны. Но она [мать] лучше согласилась видеть свое дитя мертвым, чем предаться идолослужению. И так как эта мать есть мученица, с собой ли она, с дитятей ли поступила так, с мужем или с кем бы то ни было из наиболее любимых, так другая есть идолослужительница, потому что она, очевидно, и жертву принесла бы идолам, если бы только могла принести, а лучше сказать, она уже сделала то, что составляет жертву. Ибо эти повязки, сколько бы ни мудрствовали употребляющие их, утверждая, что мы призываем Бога, больше ничего не делаем, и тому подобное, что старуха — христианка и верная, все в этом — идолослужение. Ты верная? Перекрестись, скажи: вот единственное мое оружие, вот мое лекарство, другого не знаю. Скажи мне: если бы врач, придя к больному, вместо того, чтобы употребить медицинские средства, начал петь, назвали ли бы мы его врачом? Нет, потому что мы не видели бы врачебных пособий. Так и здесь ничего нет христианского. Другие еще вешают на шею названия рек и множество подобного позволяют себе. Вот я объявляю и предупреждаю всех вас: не буду больше щадить, если о ком-нибудь узнаю, что он делает повязку, или заклинание, или другое что, относящееся к этому искусству. Что же, говорит, умереть дитяти? Когда оно станет жить от этих средств, тогда оно умерло, а когда умрет без них, тогда ожило. Если бы ты увидела, что сын твой пошел к блудницам, ты скорее пожелала бы, чтобы он был погребен. Ты сказала бы: какая польза, что он живет.

Но видя, что он находится в опасности лишиться спасения, ты хочешь, чтобы он жил? Разве ты не слышала, что сказал Христос: *сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее* (Мф. 10, 39). Веришь ты сказанному или оно тебе кажется басней? Скажи мне: если бы кто-нибудь сказал тебе: сведи меня в капище, и я буду жив, согласилась ли бы ты? Нет, говоришь. Почему же? Потому что он заставляет служить идолам. Но здесь, говорит, нет идолослужения, а просто — заклинание. Это сатанинская мысль, это дьявольская хитрость — скрывать заблуждение и в меде подавать яд. Когда диавол увидел, что тем способом не уверил, пошел этим путем — повязками и бабьими баснями. И вот крест пренебрегают, суеверные надписи предпочитают ему, Христа изгоняют и вводят пьяную сумасбродную старуху. Таинство наше попрано, а дьявольское заблуждение торжествует. Так почему же, говорит, Бог не обличит? Он часто обличал мнимую помощь от этих средств, но ты не поверил... Отчего же, говорят, нет ныне таких, которые бы воскрешали мертвых и совершали исцеления? Отчего? — Не скажу пока. А отчего ныне нет таких, которые бы презирали настоящую жизнь? Отчего мы служим Богу из-за награды? Когда природа человеческая была немощнее, когда вера только насаждалась, тогда много было и таких людей. Ныне же Бог не хочет, чтобы мы зависели от этих знамений, но чтобы готовы были к смерти. Почему же ты дорожишь настоящей жизнью? Почему не смотришь на будущее? Для настоящей жизни ты решаешься на идолослужение, а для будущей и поскорбеть не хочешь. Потому-то и нет ныне таких людей, что мы презираем будущую жизнь и ничего для нее не делаем, а для настоящей на все решаемся. А что сказать о другом смешном — о золе, саже, соли? И опять эта старуха тут. Подлинно, смех и стыд! От глазу, говорит, погибло дитя.

Доколе же будут продолжаться эти сатанинские дела! Как не смеяться эллинам? Как не издеваться, когда мы говорим им: велика сила крестная! Поверят ли они нам, когда видят, что мы ожидаем помощи от того, над чем они смеются? Для [лечения] Бог дал врачей и лекарства. Но что

же, если они не помогают, а дитя отходит? Куда отходит, скажи мне, бедный и несчастный ты? К демонам, что ли, отходит? К тирану какому-нибудь отходит? Не на Небо ли отходит? Не к Господу ли своему? О чем же ты скорбишь? О чем плачешь? О чем сокрушаешься? Зачем ты любишь дитя больше Господа своего? Не Он ли даровал тебе дитя? Зачем же ты столь неблагодарен, что дар любишь более, чем даровавшего?.. Плачь — я не запрещаю, но не богохульствуй — ни словом, ни делом (1).

* * *

Если же он [друг] укажет на какие-нибудь врачевания и скажет тебе, что его обещают вылечить, и поэтому-то он и ходит к ним [иудеям]: раскрой их хитрости, чары, привески, снадобья. Они не иначе и вылечивают, как этим способом, впрочем, только кажется, что вылечивают, а на самом деле и не вылечивают, — совсем нет. Я пойду еще дальше и скажу вот что: если они и точно вылечивают, то лучше умереть, нежели прибегнуть к врагам Божиим и через них получить исцеление. Какая, в самом деле, польза вылечивать тело, когда гибнет душа? Какая выгода здесь [на земле] получить некоторое облегчение, а там быть отосланным в огонь неугасающий? А чтобы не указывали на эти исцеления, послушай, что говорит Бог: *если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: «пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им», — то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего, ибо чрез сие искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей* (Втор. 13, 1–3). Это значит, если какой пророк скажет: могу воскресить мертвеца или исцелить слепого, только послушайте меня, и поклонимся демонам, или послужим идолам, затем, если бы даже говорящий это исцелил слепого или воскресил мертвого, не слушай его и после этого. Почему? Потому что Бог, искушая тебя, попустил ему сделать это, не от того, чтобы сам Он не знал расположения души твоей, но для того, чтобы дать

тебе случай доказать, точно ли ты любишь Бога. А любящему свойственно не оставлять любимого, хотя бы старающиеся отвлечь нас от него воскрешали и мертвых. Если же Бог так говорил иудеям, тем более нам, которых Он привел к высшему любомудрию, которым отворил дверь воскресения, которым повелевает не привязываться к настоящему, но все надежды устремлять к жизни будущей.

Но что говоришь ты? Что тебя мучит и терзает болезнь телесная? Но ты еще не потерпел столько, сколько блаженный Иов, [не потерпел] даже и малейшей части [страданий] его. У него после того, как вдруг погибли стада овец и волов и все прочее [имущество], похищены были все дети, и все это случилось в один день, чтобы не только свойством искушений, но и непрерывным следованием их подавить подвижника. А после всех этих потерь он, получив неисцелимые язвы на теле, видел, как из тела его выползали черви, нагой сидел на куче навозной и представлял для всех зрелище бедственности — он был *человек непорочный, справедливый и богобоязненный и удалялся от зла* (Иов 1, 1). Но бедствия не остановились и на этом, нет, присовокупились болезни дневные и ночные, и мучил его какой-то странный и необыкновенный голод. *До чего не хотела коснуться душа моя,* говорил он, *составляет отвратительную пищу мою* (Иов 6, 7). Далее ежедневные поношения, ругательства, брань, смех... И от всех этих бедствий жена обещала ему избавление, говоря так: *похули Бога и умри* (Иов 2, 9), произнеси то есть хулу на Бога и освободишься от тяготеющих над тобой бедствий. Что же? Этот совет поколебал ли святого мужа? Напротив, только более укрепил его, так что он еще укорил жену свою. Он хотел лучше скорбеть, бедствовать и терпеть бесчисленные несчастья, нежели богохульством приобрести избавление от столь многих бедствий. Так и находившийся в болезни тридцать восемь лет [расслабленный] ежегодно приходил к купели и всякий раз уходил, не получив исцеления, видел ежегодно, что другие, имея много прислужников, исцелялись, а он постоянно оставался в расслаблении за неимением, кто бы помог ему. И несмотря на это, он не прибег к волшебникам, не пошел к чаро-

деям, не навязал на себя перевязок, но ожидал помощи от Бога, поэтому и получил наконец чудесное и необычайное исцеление (см.: Ин. 5, 5–9)... Чем же извинимся мы, если в то время, как эти люди терпеливо перенесли столько несчастий, мы либо из-за лихорадки, либо из-за ран бежим в синагоги и приглашаем в свои дома чародеев и волшебников? Не слышал ли ты, что говорит Писание? *Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд,* в болезни и бедности на Него уповая, *ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, в горниле уничижения* (Сир. 2, 1–5). Если ты побьешь своего слугу, а он, получив тридцать или пятьдесят ударов, тотчас с воплем потребует освобождения или оставит тебя, своего господина, и уйдет к другому кому-либо из числа твоих недругов и этим раздражит [тебя], может ли он, скажи мне, получить прощение? Может ли кто заступиться за него? Никак. Почему же? Потому что господин имеет право наказывать слугу, да и не поэтому только, но и потому, что если уж надобно было [слуге] прибегнуть [к кому-нибудь], так не к врагам, не к ненавистникам, но к искренним друзьям [господина]. И ты, как увидишь, что Бог наказывает тебя, прибегай не к врагам Его, чтобы не раздражить Его еще более, но к друзьям Его — мученикам, святым угодникам Его, которые имеют к Нему великое дерзновение. Но что говорить о слугах и господах? Сын не может сделать этого из-за побоев от отца и отказаться от родства с ним. И естественные и самими людьми установленные законы повелевают [сыну] благодушно переносить все: бьет ли его [отец], лишает ли стола, выгоняет ли из дому, наказывает ли каким бы то ни было образом. И если [сын] не покоряется и не сносит [наказания], его не прощает никто. Нет, сколько бы побитый сын ни жаловался, все говорят ему такие слова: «Тебя побил отец и господин, который властен сделать все, что ему угодно, и до́лжно все переносить с кротостью». Так слуги переносят от господ и сыновья от отцов часто даже и тогда, когда они наказывают их несправедливо, а ты не потерпишь наказания от Бога, Который и выше [всех] господ, и любит

тебя больше [всех] отцов, Который все предпринимает и делает не по гневу, но для [твоей] пользы? Напротив, лишь случится какая-нибудь легкая болезнь, тотчас уклоняешься от его владычества, бежишь к демонам и спешишь в синагоги?! Можешь ли получить ты прощение? Как будешь в состоянии опять призвать Его?.. Притом иудеи хотя бы, по-видимому, и прекращали горячку [в теле] своими чарами на самом-то деле они не прекращают за-то вводят в совесть другую жесточайшую горячку, так как мысль каждый день будет уязвлять тебя, совесть — мучить и говорить: «Ты поступил нечестиво, совершил беззаконие, нарушил завет со Христом, из-за легкого недуга изменил благочестию...» Какое же это здоровье, когда внутри у нас столько обвинителей? Но если потерпишь немного, если отвергнешь и с великим бесчестием выведешь из своего дома тех, кто захотел бы или наговорить тебе какое-либо чарование или обвязать тело какой-либо перевязкой, сейчас получишь росу [успокоения] от совести. Пусть горячка жжет сколько угодно: твоя душа доставит тебе прохладу лучше и спасительнее всякой росы, всякой влаги. Как по принятии волшебного снадобья ты, если и выздоровеешь, будешь чувствовать себя хуже больных горячкой от мысли о грехе, так и теперь, отвергнув тех нечестивцев, хоть и будешь страдать горячкой и терпеть множество бедствий, почувствуешь себя лучше всякого здорового... Если не унесет тебя эта горячка, то унесет, конечно, другая, если не умрем теперь, умрем после. Тленное получили мы тело не для того, чтобы из-за его болезней увлекаться к нечестию, а для того, чтобы его болезнями утверждаться в благочестии. Сама тленность и смертность тела послужат нам основанием славы, если только будем благоразумны, и доставят в день [судный] великое дерзновение, и не только в тот день, но и в настоящей жизни (2).

* * *

Не слышал ли ты, как Писание говорит, что *Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12, 6)? Как многие и сколько раз хотели получить мученический венец? Вот это

[терпение в болезни] настоящий мученический венец! Мучеником бывает не тот только, кто, получив повеление [от мучителя] принести жертву [языческим богам], порешил лучше умереть, чем принести эту жертву, нет, мученичество очевидно есть и то, когда человек вообще соблюдает [ради Христа] что-либо такое, чем может навлечь на себя смерть... Если отвергнешь волхвования, чары и ворожбы и умрешь от болезни, будешь совершенный мученик, потому что, когда обещали тебе выздоровление посредством нечестия, ты решил лучше умереть с благочестием. Это сказано нами к тем, которые хвалятся и говорят, что демоны исцеляют. А чтобы тебе увериться, что и это неправда, послушай, что Христос говорит о диаволе: *он был человекоубийца от начала* (Ин. 8, 44). Бог говорит: *человекоубийца*, а ты бежишь, как к врачу? Какой же, скажи мне, дашь ответ на обвинение в том, что обманам этих людей веришь более, нежели изречению Христа? Если Бог говорит, что [диавол] человекоубийца, а эти люди, вопреки Божию решению, говорят, что он может врачевать болезни, и ты принимаешь их чары и волшебные лекарства, то таким поступком своим ты показываешь, что им веришь более, нежели Христу, хотя и не высказываешь этого словами. А если диавол — человекоубийца, то, очевидно, таковы же и служители его — демоны (2).

ЦЕЛОМУДРИЕ

Исаак на сороковом году от рождения вступил в супружество и до того времени хранил девство (см.: Быт. 25, 20), тем паче в благодатном состоянии юноши должны иметь любомудрие. Но... вы не только не хотите печись об их целомудрии, но смóтрите равнодушно, когда они бесчестят, оскверняют себя и предаются различным порокам, не зная того, что польза брака зависит от сохранения чистоты тела, без которой нет никакой пользы от брака. А у вас бывает противное. Когда дети ваши уже осквернят себя бесчисленными пороками, тогда соединяете их узами брака, но уже тщетно и напрасно. Но вы говорите: надо ожидать того времени, когда сын сделается знаменит и прославит себя делами политическими, а о душе нимало не печетесь, но равнодушно

смотрите на ее падение. Оттого-то у нас во всем такое смешение, расстройство и беспорядок, что мы не заботимся о душе, пренебрегаем необходимым и все попечение обращаем на дела маловажные. Неужели ты не знаешь, что ты ничем лучше не можешь облагодетельствовать сына своего, как сохранив его от нечистоты блуда (1)?

* * *

Чтобы отсечь самые корни зла, пусть те, которые имеют детей, находящихся в юношеском возрасте, и намереваются ввести их в мирскую жизнь, скорее соединяют их узами брака, потому что еще в юности возмущают их страстные пожелания. До времени брака воздерживайте их увещаниями, угрозами, страхом, обещаниями и другими бесчисленными средствами, а когда наступит пора брака, пусть никто не медлит связывать детей своих узами брака... Итак, когда сын возрастет, то, прежде чем вступить в воинское звание или другой род жизни, позаботься об его супружестве. И если он будет знать, что ты скоро приведешь ему невесту и что уже немного остается времени до брака, то в состоянии будет терпеливо переносить пламя страсти... И так как никто не заботится о том, каким бы образом сына сделать целомудренным и скромным, а все с неистовством прилепляются к золоту, ради которого никто и не имеет попечения о целомудрии, то умоляю вас прежде всего заботиться об их душах. Если вступит в брак с невестой непорочной, если будет знать только ее тело, то и любовь будет пламеннее, и больше будет страха Божия, и брак будет подлинно честный, связывая тела чистые и нескверные, и рождаемые будут исполнены всякого благословения. И будут угождать друг другу жених и невеста, ибо будут незнакомы с привычками посторонних людей, будут взаимно подчиняться друг другу. А кто с юных лет начал вести жизнь распутную и ознакомился с обычаями блудниц, тот в первый и второй вечер будет любоваться своею женой, а после скоро обратится к прежнему распутству (1).

* * *

Если язычники, ненавидящие Бога, часто бывают цело-

мудренными, то какой стыд и страх должен овладеть нами. Мы хуже их и потому должны стыдиться! Проводить жизнь в целомудрии легко, если захотим, если будем удаляться от того, что вредит. Если же не захотим, то и блуда нелегко избегнуть (1).

* * *

Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких условиях возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, то же самое есть и юность. Поэтому если вначале и с первого возраста поставим для нее надлежащие пределы, то впоследствии не будем иметь нужды в великих усилиях. Напротив, потом привычка обратится для них в закон. Не позволим им делать того, что приятно и вместе вредно, не будем угождать им, потому что они дети, но преимущественно будем их сохранять в целомудрии. Ибо это угождение более всего приносит вреда юности. О целомудрии мы особенно должны заботиться, к этому мы особенно должны быть внимательны. Скоро будем брать для них жен, чтобы они, имея чистое и нерастленное тело, соединялись с невестами. Такая любовь особенно бывает пламенна. Кто был целомудренным до брака, тот тем более останется таким после брака. Напротив, кто до брака научился любодействовать, тот и после брака станет делать то же самое. Ибо сказано в Писании: *блуднику сладок всякий хлеб* (Сир. 23, 23). Для того и возлагаются на головы венцы, — в знак победы, что они, не будучи побеждены, вступают в брачный чертог, — что они не были одолены похотью. Если же кто, увлеченный сладострастием, предался блудницам, то для чего после этого он имеет и венец на голове, когда он побежден? Это им [детям] будем внушать, этим будем их вразумлять, устрашать, угрожать, делая то то́, то другое (1).

* * *

Чтобы знать, что целомудрие — добро, для этого мы не нуждаемся в чужих словах, ни в наставлении, потому что сами по природе имеем это знание, и не требуется ни трудов, ни забот,

чтобы разыскать и найти, хорошо ли и полезно ли целомудрие. Напротив, все мы общим голосом признаем это, и никто не сомневается насчет этой добродетели. Так и блуд почитаем злом, и здесь также не нужны нам ни труды, ни ученье, чтобы узнать виновность этого греха... Так, что целомудрие есть добро, мы знаем без всякого труда, это знание от природы, но соблюсти целомудрие мы не могли бы, если бы не употребляли усилий, не обуздывали похоти и не выносили великого труда, это уже не дано нам от природы, как знание, но требует с нашей стороны усердия и старания (1).

ЦЕРКОВЬ

Мы составляем одну Церковь, стройно составленные члены одной Главы; все мы — одно тело. Если один какой-нибудь член будет оставлен в пренебрежении, то все тело пренебрегается и растлевается (1).

* * *

Он [Христос] изрек: созижду Церковь Мою, — и это совершилось с великой легкостью. И тогда как против нее вооружались властители, потрясали оружием воины, свирепствовали сильнее огня целые народы, противостояла привычка, восставали риторы, софисты, богатые, простые люди и начальники, слово Его, действуя сильнее огня, истребило терния, очистило нивы, посеяло евангельское учение. И между тем как из уверовавших одни были заключаемы в темницы, другие отправляемы в ссылку, иные лишаемы имущества, иные умерщвляемы и рассекаемы, сжигаемы, потопляемы и подвергаемы всякому роду мучений, поругаемы и изгоняемы отовсюду, как общие враги, являлись новые исповедники в большем числе, которые, смотря на страдания других, не только не охладели к вере, но еще охотнее и лучше стремились к этой прекрасной ловитве, и были уловляемы не принуждением, не насилием, но прибегая сами и изъявляя благодарность приведшим их ко Христу, взирая на потоки крови верующих, они становились более пламенными к вере и более смелыми, и тогда как не ученики только, но и учителя, иные были заключаемы в узы, другие изгоняемы, иные бичуе-

мы, и претерпевали другие бесчисленные мучения, число верующих умножалось и ревность их увеличивалась...

Таким образом, они повсюду устроили Церковь. Никто не мог бы построить даже одну стену из камня и извести, подвергаясь гонению и встречая препятствия, а они устроили столько церквей по всей вселенной, подвергаясь ранам, узам, гонениям, ссылкам, отнятию имений, бичеваниям, задушению, сожжению, потоплению вместе с учениками, и устроили не из камней, но из душ и воль человеческих, что гораздо труднее построения из камней (2).

* * *

Церковь есть мать своих детей, которая и их принимает, и чужим открывает недра. Общим местом зрелища был ковчег Ноев, но Церковь лучше и его. Тот принял неразумных животных и сохранил их неразумными, а эта принимает неразумных и изменяет их. Например, войдет ли сюда лисица — еретик, я делаю ее овцой, войдет ли волк, я делаю его агнцем, сколько зависит от меня. Если же он не захочет, то это нисколько не от меня, а от собственного неразумия (5).

* * *

На сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (Мф. 16, 18). Вот стена, вот ограда, вот укрепление, вот пристань и прибежище! Несокрушимость этой стены ты можешь видеть из следующего. Христос не сказал, что только нападения людей не одолеют ее, но и самые злоухищрения ада: *врата ада*, говорит, *не одолеют ее*, — будут нападать, но не победят ее. А что значит: врата ада?.. Врата ада есть опасность, ведущая в ад. Таким образом, смысл слов Его следующий: хотя бы устремились и напали такие опасности, которые в состоянии увлечь нас в самый ад, Церковь останется непоколебимой. Он мог не допустить, чтобы Церковь испытывала бедствия: почему же допустил? Потому что гораздо важнее допустить искушения и сделать, чтобы от них не происходило никакого зла, нежели не допускать их. Поэтому Он допустил все искушения, чтобы сделать ее опытнейшей, так как *от скорби происходит терпение, от*

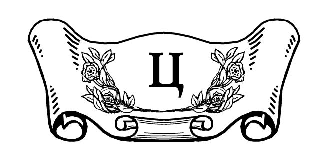
терпения опытность (Рим. 5, 3–4) (6).

* * *

Не удаляйся от Церкви, потому что нет ничего сильнее Церкви. Твоя надежда — Церковь, твое спасение — Церковь, твое убежище — Церковь. Она выше неба, обширнее земли. Она никогда не стареет, но всегда цветет. Поэтому Писание, выражая твердость ее и непоколебимость, называет ее горой, за ее непорочность называет ее девой, за великолепие называет ее царицей, за родство с Богом называет ее дщерью, за многочадие называет ее, бывшую бесплодной, рождающей семерых; множество названий, чтобы представить ее благородство! (7)

* * *

Церковь есть духовная лечебница, и приходящие сюда должны получать соответствующие врачевства, прилагать их к своим ранам и с этим уходить отсюда (8).

ЧЕЛОВЕК

Он [апостол Павел] смотрел не на то, что один был грешник и нуждался в покровительстве, но на то, что это был человек, человек — драгоценнейшее для Бога существо, за которого Отец не пощадил даже своего Единородного Сына.

Не говори мне, что такой-то беглец, разбойник, вор и исполнен бесчисленных зол, или что он нищ, и отвержен, и малоценен, и недостоин никакого слова, но ты подумай, что и за него умер Христос, и это для тебя будет достаточным основанием всячески позаботиться о нем. Подумай, каким должен быть тот, которого Христос столько почтил, что не пощадил даже своей крови. Если бы царь взялся за кого-нибудь пожертвовать собой, то мы не искали бы другого доказательства на то, что он велик и желанен царю: я не думаю, смерть достаточно показала бы любовь к нему умершего. А теперь не человек, не Ангел, не Архангел, сам Владыка небес, Сам Единородный Сын Божий, облекшись плотью, предал Себя за нас. Не будем ли все делать и хлопотать, чтобы почтенные так люди вкусили у нас всякого промышления? (6)

ЧЕСТОЛЮБИЕ

Нет ничего, чему бы не вредили страсти. Как бурные ветры, нападая на тихое море, возмущают его с самого дна, так что песок смешивается с волнами, так и страсти, вторгаясь в душу, возмущают в ней все и ослепляют мыслительную ее способность, — особенно же страсть к славе (земной, суетной). Презирать богатство нетрудно для того, кто захочет, но чтобы презирать честь от людей, для этого нужно много усилия, великое любомудрие, нужна душа как бы ангельская, достигающая самой высоты небесной. Ибо нет, истинно нет другой страсти, столь же сильной и везде господствующей,

хотя в большей или в меньшей мере, но — везде. Каким же образом мы можем преодолеть ее, если не вполне, то хоть в малейшей степени? Если мы будем взирать на небо, если будем иметь Бога перед очами своими, если устремим помыслы наши выше всего земного. Когда ты желаешь славы, то представь, что ты уже получил ее, подумай о последствиях, и ты не найдешь там ничего; подумай, какой она причиняет вред, скольких и каких лишает благ, ибо для нее ты подвергаешься трудам и опасностям, а плодов и наград от нее не получишь. Вспомни, что между людьми есть весьма много злых и презирай их славу, помысли о каждом из них, кто он, и увидишь, что эта слава достойна посмеяния, узнаешь, что она есть больше стыд, нежели слава, и после того возведи ум свой к горнему зрелищу. Когда ты, делая какое-нибудь доброе дело, думаешь, что нужно показать его людям, ищешь, кого бы сделать зрителем этого дела и стараешься быть видимым, то вспомни, что тебя видит Бог, и истребишь в себе всякое подобное пожелание. Отрешись от земли и устреми взор к зрелищу небесному. Люди если и похвалят, после будут хулить, будут завидовать, будут вредить, если даже и не сделают этого, то не принесут совершенно никакой пользы тому, кого хвалят. Но Бог не таков. Напротив, Он радуется, восхваляя наши подвиги. Ты хорошо сказал и удостоился рукоплесканий? Но что пользы отсюда? Если рукоплескавшие получили пользу, исправились, сделались лучше, отстали от прежних пророков, то поистине до́лжно радоваться — не бывшим похвалам, но благой и чудной перемене слушателей. Если же они, постоянно воздавая похвалы, продолжая шуметь и рукоплескать, сами не получают никакой пользы от этих рукоплесканий, то следует больше скорбеть, потому что это послужит к их осуждению. Тебя прославляют за благочестие? Если ты истинно благочестив и не знаешь за собой ничего худого, то должно радоваться не тому, что тебя почитают таким, но что ты действительно таков, если же ты, не будучи таким, желаешь славы от людей, то вспомни, что не они будут судить нас в последний день, а Тот, Кто верно знает наше сокровенное. Если ты, сознавая за собой гре-

хи, всеми почитаешься чистым от грехов, то не только не должно радоваться этому, но скорбеть и горько плакать, представляя непрестанно тот день, в который откроется все, в который Бог *осветит скрытое во мраке* (1 Кор. 4, 5). Тебе воздают честь? Отвергни ее, зная, что она делает тебя должником. Никто не воздает тебе чести? Должно радоваться этому, ибо между прочим Бог поставит тебе на вид и то, что ты пользовался честью. Или ты не знаешь, что между прочими благодеяниями Бог поставляет в укоризну и это, когда говорит через пророка: *из сыновей ваших Я избирал в пророки, из юношей ваших — в назореи* (Ам. 2, 11)? Таким образом, ты получишь ту пользу, что не будешь предан бо́льшему наказанию. Кто не получает чести в настоящей жизни, но терпит презрение, не пользуется никаким уважением, но подвергается оскорблению и унижению, тот если не приобретает ничего другого, то по крайней мере не подлежит ответственности за получение чести от подобных себе рабов. Между тем он получает отсюда и другую пользу. Он делается кротким и смиренным и, хотя бы захотел, никогда не станет превозноситься, если будет более внимателен к самому себе. Напротив, человек, пользующийся великой честью, кроме того, что делается тяжким должником, предается надменности и тщеславию и делается рабом людей, а затем, по мере умножения его власти, бывает принужден делать много, чего не хочет.

Итак, зная, что для нас лучше, не будем искать почестей и, даже когда нам предлагают их, будем отвергать, отклонять от себя и истреблять в себе такое пожелание. Говорю это и начальствующим, и подчиненным. Душа, жаждущая чести и славы, не увидит Царства Небесного. Это — не мои слова, не от себя я говорю их, а от Божественного Духа. Такие люди не увидят Царства Небесного, хотя бы они упражнялись в добродетели: *они уже получают*, говорит Господь, *награду свою* (Мф. 6, 5) (1).

ЧРЕВОУГОДИЕ

Как невоздержанность в пище бывает причиной и источником бесчисленных зол для рода человеческого, так и пост и

презрение чрева всегда были для нас причиной несказанных благ. Бог, сотворив вначале человека и зная, что это врачевство весьма нужно ему для душевного спасения, тотчас же и в самом начале дал первозданному [человеку] следующую заповедь: *от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла, не ешь от него* (Быт. 2, 16–17). А слова: это ешь, а этого не ешь, — были уже образом поста. Но человек, вместо того чтобы соблюсти заповедь, преступил ее. Он поддался чревоугодию, сделал преслушание, и за то осужден был на смерть... Божественное Писание постоянно осуждает увеселения и говорит в одном месте: *и сел народ есть и пить, а после встал играть* (Исх. 32, 6), — а в другом: *утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога* (Втор. 32, 15). И жители Содома навлекли на себя неумолимый гнев Божий, сверх прочих преступлений, и этим. Ибо вот что говорит пророк: *Вот в чем было беззаконие Содома... в гордости, пресыщении и праздности* (Иез. 16, 49). Этот порок, в самом деле, есть как бы источник и корень всего худого (1).

ЧУДЕСА

Если услышим, что кто-либо указывает на апостолов и говорит об их подвигах, мы вместо того, чтобы тотчас заплакать о себе, что мы так отстали от них, не считаем и за грех эту [отсталость], но ведем себя так, как будто и невозможно взойти на такую высоту. А если кто-нибудь спросит о причине, мы тотчас представляем такое неразумное оправдание: то был Павел, то был Петр, то Иоанн. Что значит: то был Павел, то был Петр? Не ту же ли природу, скажи мне, имели и они? Не тем же ли, как и мы, путем пришли они в жизнь? Не тою же ли питались пищей? Не тем же ли дышали воздухом? Не теми же ли пользовались вещами? Не имели ли одни из них жен и детей, другие — и житейские ремесла, а иные даже не низвергались ли в самую бездну зла? Но они, скажет кто-нибудь, пользовались великой благодатью Божией! Так, если бы нам повелевалось воскрешать мертвых, или отверзать очи слепых, или очищать прокаженных, или исправлять хромых, или изгонять демонов и врачевать другие подобные болезни, тогда уместно

было бы такое наше оправдание. Но если теперь требуется строгость жизни и изъявление послушания [закону Христову], то как идет к этому такое оправдание? И ты при крещении получил благодать Божию и стал причастником Духа, если и не настолько, чтобы творить чудеса, то настолько, насколько нужно иметь для правильной и благоустроенной жизни. Таким образом, наше развращение происходит единственно от нашей беспечности. И Христос в тот день [суда] будет давать награды не тем, которые только творили чудеса, но тем, которые исполняли Его заповеди... И в учении о блаженствах Он нигде не упоминает о делающих чудеса, а только — о ведущих жизнь праведную.

Итак, хотя благодать ныне сократилась, однако это нисколько не может повредить нам, но не послужит и к нашему оправданию, когда мы будем давать отчет в делах. И тем блаженным [апостолам] мы удивляемся не за чудеса, потому что чудеса вполне зависели от силы Божией, но за то, что они явили жизнь ангельскую, а эта жизнь, при высшей помощи, есть дело и их собственного усердия. Это не я теперь говорю, но сам подражатель Христов [Павел]. Когда он в послании к ученикам опровергал лжеапостолов и хотел показать различие между чистым и нечистым служением, то указал не на чудеса, но на подвиги свои... За это я удивляюсь апостолам, а без этого получившие по домостроительству [Божию] власть чудотворения не только не заслужили бы удивления, но даже сделались бы отверженными. Как показывает и Христос, когда говорит: *многие скажут мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие* (Мф. 7, 22–23)... Жизнь праведная и без чудес получит венцы и ничего тогда не потеряет, а жизнь беззаконная и с чудесами не может избегнуть наказания (2).

* * *

Не одно и то же — деяния и знамения, не одно и то же — деяния и чудеса, не одно и то же — деяния, чудотворения и силы,

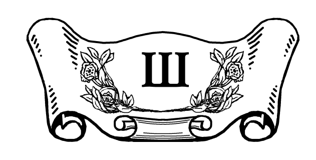
но великая разница между теми и другими. Деяние есть дело собственного усердия, а чудо есть дар божественной благодати. Видишь ли, какое различие между деянием и чудом? Деяние есть плод человеческих трудов, а чудо есть знак божественного дарования, деяние берет свое начало от нашего произволения, а чудо имеет своим источником благодать Божию, последнее от горней помощи, а первое — от дольнего расположения. Деяние слагается из того и другого, и из нашего усердия и из божественной благодати, а чудо проявляет одну только вышнюю благодать, нисколько не имея нужды в наших трудах. Деяние состоит в том, чтобы быть кротким, целомудренным, умеренным, обуздывать гнев, побеждать похоть, подавать милостыню, являть человеколюбие, упражняться во всякой добродетели, — это деяние, труд, усилие наше. А чудо состоит в том, чтобы прогонять бесов, отверзать очи слепым, очищать тела прокаженных, укреплять расслабленные члены, воскрешать мертвых и совершать другие подобные чудотворения...

Вначале и недостойным были подаваемы дарования, потому что в древности для веры нужна была эта помощь, теперь же и достойным они не даются, потому что сила веры уже не имеет нужды в такой помощи. А дабы тебе убедиться, что и те не ложно, но действительно совершали знамения, и что дарования были подаваемы и недостойным людям для того, чтобы кроме вышесказанного достигалась и другая цель: чтобы они, устыдившись дара Божия, оставили свое нечестие, — вспомни об Иуде, одном из двенадцати апостолов. Все признают, что он совершал знамения, изгонял бесов, воскрешал мертвых, очищал прокаженных, и однако он лишился Царства Небесного. Знамения не могли спасти его, потому что он был разбойник, вор и предатель Господа. Это доказывает, что знамения без доброго поведения, без жизни чистой и строгой, не могут спасти, а что добрая жизнь, не получающая утешения от знамений, и без их помощи, сама по себе, может с дерзновением вводить людей в Царство Небесное (6).

ШУТКИ

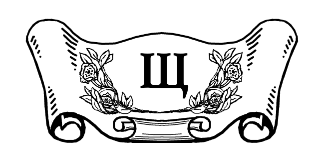
Шутливость делает душу слабой, ленивой, вялой, она возбуждает часто ссоры и порождает войны... Охотнику до шуток необходимо терпеть сильную вражду со стороны осмеиваемых им, присутствуют ли они при этом или услышат в отсутствии... Много зол гнездится в пристрастной до шуток душе, большая рассеянность и пустота: расстраивается порядок, ослабляется благоустройство, исчезает страх, отсутствует благочестие... А многим это дело кажется добродетелью, и это достойно слез (1).

ЩЕГОЛЬСТВО

Щегольство и само по себе есть великое зло, хотя бы из-за него не происходило ничего другого и хотя бы можно было позволять его себе безопасно. Но оно располагает к тщеславию и надмению, а потом из-за прикрас рождается и многое другое, — явные подозрения, неблаговременные издержки, порицания, поводы к лихоимству (1).

ЮНОСТЬ

Есть люди хуже онокентавров. Они необузданны, как звери, живущие в пустыне. Таковы бывают по большей части юноши, поскольку они, предавшись свирепым страстям, скачут и прыгают, необузданно носясь всюду и нимало не заботясь о должном. Но всему причиной их отцы, которые... на детей своих долгое время смотрят равнодушно (1).

* * *

Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких условиях возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, то же самое есть и юность. Поэтому если вначале и с первого возраста поставим для нее надлежащие пределы, то впоследствии не будем иметь нужды в великих усилиях. Напротив, потом привычка обратится для них в закон (1).

* * *

Когда отцы убеждают детей заниматься науками, то в их разговоре с детьми не слышно ничего другого, кроме таких слов: «Такой-то человек низкий и из низкого состояния, усовершившись в красноречии, получил весьма высокую должность, приобрел большое богатство, взял богатую жену, построил великолепный дом, стал для всех страшен и знаменит». Другой говорит: «Такой-то, изучив итальянский язык, блистает при дворе и всем там распоряжается». Иной опять указывает на другого, и все — на прославившихся на земле, а о небесном никто ни разу не вспоминает, если же иной попытается напомнить, то он прогоняется, как человек, который все расстраивает.

Итак, вы, когда напеваете это детям с самого начала, у́чите их не другому чему, как основанию всех пороков, вселяя в них две самые сильные страсти, то есть корыстолюбие и еще более порочную страсть — суетное тщеславие. Каждая из них и порознь может извратить все, а когда они обе вместе вторгнутся в нежную душу юноши, то, подобно соединившимся бурным потокам, извращают все доброе и наносят столько терния, столько песку, столько сору, что делают душу бесплодной и не способной ни к чему доброму. Это могут засвидетельствовать нам изречения и внешних писателей: так, из этих страстей одну, не соединенную с другой, но саму по себе, один назвал верхом, а другой главой зол. Если же одно [корыстолюбие] в отдельности есть верх и глава [зол], то когда оно соединится с другим гораздо жесточайшим и сильнейшим, т.е. с безумным тщеславием, и вместе с ним вторгнется в душу юноши, укоренится в ней и овладеет ею, то кто после в состоянии будет истребить эту болезнь, особенно когда и отцы делают и говорят все, чтобы не ослабить эти злые растения, но еще укрепить их? Кто так неразумен, что не потеряет надежды на спасение воспитываемого таким образом сына? Желательно, чтобы душа, воспитанная в противоположном направлении, избегла порочности, когда же наградой за все считаются деньги и для соревнования предлагаются люди порочные, тогда какая надежда на спасение? Пристрастившиеся к деньгам неизбежно бывают завистливы, и склонны к клятвам, и вероломны, и дерзки, и злоречивы, и хищны, и бесстыдны, и наглы, и неблагодарны, и исполнены всех зол. Достоверный свидетель этого блаженный Павел сказал, что сребролюбие есть корень всякого зла в жизни (см.: 1 Тим. 6, 10), и прежде него то же изъяснил Христос, возвещая, что порабощенный этой страсти не может служить Богу (см.: Мф. 6, 24). Итак, если юноша будет увлечен в это рабство с самого начала, то когда он будет в состоянии сделаться свободным, как может избавиться от потопления, если все толкают его, все погружают и усиленно подвергают необходимости потонуть? Если бы без всякого препятствия, если бы при помощи многих, подающих ему руку, он мог подняться, осмотреться и смыть с

себя пену порочности, не было ли бы это вожделенно? (2)

* * *

Юноша сам по себе недостаточно силен к подвигам добродетели, а если бы и произвел что-либо доблестное, то оно скоро, прежде нежели возрастет, заглохнет от наводнения слов (2).

* * *

Лучше вооружать [сына] с юного возраста, когда он властен над собой и ничем не связан... Приступивший к любомудрию в конце своей жизни употребляет все время на то, чтобы посильно омыть грехи, сделанные в прежнем возрасте, и на это истощается все его усердие, но часто он не успевает и в этом, а отходит отсюда с остатками ран, а кто с юных лет вступил в подвижничество, тот не тратит времени на это и не сидит, врачуя свои раны, но с самого начала уже получает награды. Для первого желательно избавиться от всех ран, а последний с самого вступления на поприще воздвигает трофеи и присоединяет победы к победам (2).

* * *

Юность легко разжигается удовольствиями, будучи больше масла способной к воспламенению, а для подвигов целомудрия бывает весьма нежной (5).

* * *

Поразмысли, что такое молодость и цветущая пора юности. Он [Иосиф Прекрасный] был тогда в самом цветущем возрасте, когда пробуждается очень сильное пламя природы, когда поднимается большая буря страсти, когда рассудок делается более слабым. Ведь души юношей ограждают себя не очень большим благоразумием и не проявляют большого рвения к добродетели; между тем буря страстей бывает очень тяжкой, а управляющий страстями рассудок слабым (7).

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(1) Святитель Иоанн Златоуст. Избранные беседы о повседневных вопросах христианской жизни. М.: Отчий дом, 1999 г.

(2) Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе. С.-Пб. Издание Спб. Духовной Академии, 1898 г. Т. 1, кн. 1.

(3) То же. Т. 1, кн. 2.

(4) То же. Т. 2, кн. 1.

(5) То же. Т. 2, кн. 2.

(6) То же. Т. 3, кн. 1.

(7) То же. Т. 3, кн. 2.

(8) То же. Т. 4, кн. 1.

СОДЕРЖАНИЕ

СИМФОНИЯ
ПО ТВОРЕНИЯМ
СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА
ЗЛАТОУСТА

Издание 2-е

●

Редактор-составитель *Т.Н. Терещенко*
Технический редактор *А.Н. Ковалёва*
Корректоры *Н.Н. Сергеева, А.А. Савенко*
Компьютерная верстка *С.В. Митриковой*
Оформление *С.В. Митриковой*

Издательство «Даръ»
105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская, д. 49а
Тел.: (495) 780-39-11 (многоканальный)

Подписано в печать 20.02.2008. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBookC». Печать офсетная.
Усл.печ. л. 23,3. Уч.-изд. л. 27,6. Тираж 3000 экз.
Заказ №